

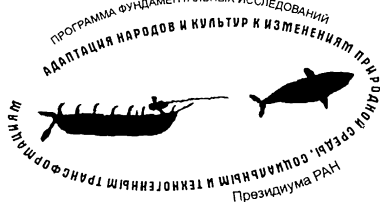
**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ**

**ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ,
ЭТНОГРАФИИ, АНТРОПОЛОГИИ СИБИРИ
И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ**

ТОМ XIII

**Материалы Годовой сессии
Института археологии и этнографии СО РАН 2007 года**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СО РАН
НОВОСИБИРСК–2007**

Утверждено к печати
Ученым советом Института археологии и этнографии СО РАН

Ответственные редакторы:
академик *А.П. Деревянко*, академик *В.И. Молодин*

Редакционная коллегия:
А.В. Бауло, Е.И. Деревянко, В.Е. Медведев, О.И. Новикова,
С.П. Нестеров, И.В. Октябрьская, М.В. Шуньков

Исследования выполнены в рамках Программ фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям», «Происхождение и эволюция биосферы», Программы Президента РФ по поддержке ведущих научных школ, грантов РГНФ и РФФИ, интеграционных и молодежных проектов СО РАН и проекта Рособразования РНП 2.2.1.1.2183

Статьи публикуются в авторской редакции

Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2007 г. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2007. – Т. XIII. – 524 с.

**АРХЕОЛОГИЯ КАМЕННОГО ВЕКА
ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ**

ПОЗВОНОЧНЫЕ ПОЗДНЕГО ПЛЕЙСТОЦЕНА ИЗ ПЕЩЕРЫ СУРКА В ДОЛИНЕ АНУЯ (ГОРНЫЙ АЛТАЙ)*

В течение многих лет Институт археологии и этнографии СО РАН проводит комплексное изучение палеолита в бассейне р. Ануй на северо-западе Алтая [Природная среда..., 2003]. Реконструкция среды обитания древнего человека основана на изучении не только древних сообществ растений и животных, но и данных по составу и структуре современных, субрецентных и голоценовых сообществ. Важным источником информации являются скальные ниши, гроты и пещеры, содержащие фоссильные материалы недавнего прошлого. Одна из них, пещера Сурка, была изучена в 2007 г. Она находится по правому борту долины Ануй в районе Денисовой пещеры, между устьями ручьев Чиналык и Шинок. Пещера представляет карстовую полость, которая образовалась по тектонической трещине в силурийских известняках, слагающих борта долины. Ее устье открывается на юго-восток по правому борту лога, поднимающемуся к водораздельному гребню вершины горы Сосновая, и расположено на абс. высоте 916 м и на высоте около 250 м над урезом реки. Его ширина у капельной линии 4 м, высота – 5 м. В предвходовой части пещеры находится небольшая площадка. Полость пещеры в виде высокого и узкого свода уходит в глубь известнякового массива в северо-западном направлении и прослеживается на расстоянии более 100 м. Дно полости покрыто светло-коричневым суглинком, насыщенным мелким гравием и крупными обломками скальной породы. Местами его мощность достигает 0,5 м. При первом обследовании пещеры в 2006 г. А.А. Макивским был найден череп сибирского козла, кости других млекопитающих и птиц. Летом 2007 г. проведен более детальный сбор костей позвоночных из верхних слоев заполнителя пещеры. Порода промывалась на сите с диаметром ячеей 1 мм. Цвет костей крупных и мелких позвоночных варьирует от светло-желтоватого и светло-коричневого до коричневого. На поверхности некоторых костей присутствует пленка соединений марганца или кристаллы кальцита. Встречаются кости старых и молодых животных. Некоторые из них имеют следы погрызов, порезов и/или обработки же-

* Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 05-04-48493, программы “История биоресурсных видов и сообществ млекопитающих, как основа оценки их современного состояния и перспектив сохранения в будущем”.

Таблица. Позвоночные позднего плейстоцена из пещеры Сурка

№№	Название таксона	экз.	%
1	PISCES	5	0,33
	REPTILIA		
2	Lacertilia	14	0,92
3	AVES	391	25,62
	INSECTIVORA		
4	<i>Crocidura</i> sp.	3	0,20
5	<i>Sorex araneus</i>	28	1,83
6	<i>Sorex minutus</i>	3	0,20
7	<i>Sorex minutissimus</i>	2	0,13
8	Soricidae	19	1,25
9	Asioscalops	13	0,85
10	CHIROPTERA	68	4,46
	CARNIVORA		
11	<i>Vulpes vulpes</i>	1	0,07
12	<i>Ursus arctos</i>	2	0,13
	LAGOMORPHA		0,00
13	<i>Lepus</i> sp.	7	0,46
14	<i>Ochotona alpina</i>	11	0,72
	RODENTIA		0,00
15	<i>Spermophilus undulatus</i>	25	1,64
16	<i>Marmota baibacina</i>	85	5,57
17	<i>Cricetus cricetus</i>	3	0,20
18	<i>Allocricetus eversmanni</i>	5	0,33
19	<i>Cricetulus barabensis</i>	1	0,07
20	<i>Ellobius</i> sp.	3	0,20
21	<i>Myospalax</i> sp.	31	2,03
22	<i>Lemmus</i> sp.	3	0,20
23	<i>Clethrionomys rutilus</i>	73	4,78
24	<i>Alticola (Platicranius) strelzovi</i>	330	21,63
25	<i>Lagurus lagurus</i>	15	0,98
26	<i>Microtus oeconomus</i>	6	0,39
27	<i>Microtus arvalis</i>	8	0,52
28	<i>Microtus agrestis</i>	7	0,46
29	<i>Microtus (Stenocranius) gregalis</i>	35	2,29
30	Microtini	280	18,35
31	<i>Sicista</i> sp.	7	0,46
32	<i>Apodemus (Sylvaemus)</i>	18	1,18
	PERISSODACTYLA		
33	<i>Equus</i> sp.	1	0,07
	ARTIODACTYLA		
34	<i>Capra sibirica</i>	23	1,51
	BCEFO	1526	100,00

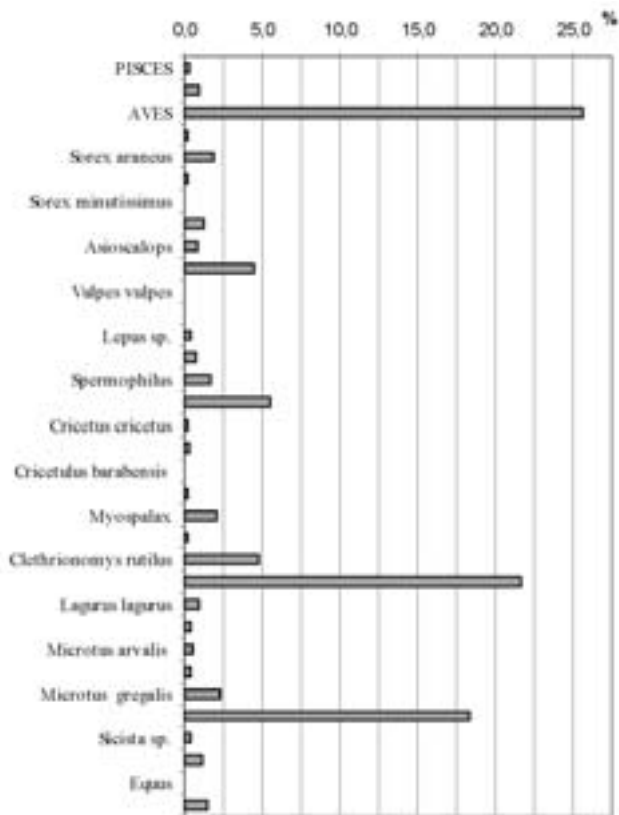

Рис. Количественное соотношение останков позднеплейстоценовых позвоночных из пещеры Сурка (%).

лудочным соком. Предварительное определение показало довольно большое разнообразие позвоночных (см. табл.).

В составе тафоценоза пещеры преобладают кости птиц (25,62%) и млекопитающих (73,13%). Присутствуют кости ящериц Lacertilia (0,92%) и редкие позвонки рыб Pisces (0,33%).

Среди костей млекопитающих большая часть принадлежит полевым – 51,8% (см. рис.). Среди последних ведущее место занимает плоскочерепная полевка *Alticola (Platycranius) strelzovi* (21,6%), второе место по численности принадлежит серым полевым (22%). Заметную роль в тафоценозе играют рыжие полёвки *Clethrionomys*. Среди полевок присутствуют в небольшом количестве степные пеструшки (0,98%) и лемминг (0,2%).

Неожиданно высока численность сурка *Marmota baibacina* – 5,57%. На палеолитических памятниках бассейна Ануя сурок присутствует повсеместно. Однако, как правило, он представлен только отдельными зубами и составляет

не более 1% численности тафоценозов. Найдены кости посткраниального скелета, зубы, фрагменты черепов и целые челюсти животных.

В небольшом количестве найдены костные останки суслика *Spermophilus undulatus* (1,64%), хомяка обыкновенного *Cricetus cricetus* (0,2%), хомяка Эверсмманна (0,33%), барабинского хомячка (0,07%), слепушонки *Ellobius* (0,2%), мышовки *Sicista* (0,46%) и цокора *Myospalax* (2,03%). Эти виды являются обычным компонентом плейстоценовых и, отчасти, голоценовых тафоценозов бассейна Ануя.

Необычным оказалось относительно высокое количество лесных мышей – 1,18%. Как правило, их остатки в тафоценозах Горного Алтая очень редки и не превышают тысячных долей от общего состава костного материала.

Насекомоядные представлены землеройками (3,6%) и кротом (0,85%). Эти млекопитающие регулярно встречаются в составе ископаемых и современных сообществ долины Ануя. Однако белозубка *Crociodura* (0,2%) найдена впервые.

Остатки зайцеобразных принадлежат пищухе *Ochotona alpina* (0,72%) и зайцу *Lepus* sp. (0,46%).

В составе крупных млекопитающих установлены: лисица, медведь, лошадь, сибирский козел. Последний найден в наибольшем количестве (1,51%). Его кости разной сохранности и принадлежат животным разного возраста от молодых до старых. Медведь представлен коронками молочных зубов.

Судя по сохранности костного материала, большинство останков мелких млекопитающих попало в отложения пещеры с погадками хищных птиц. Хищники, как например медведь, использовали ее полость в качестве временного и/или сезонного убежища. Только пищухи, скальные полевки и, возможно, сурки были постоянными обитателями пещеры.

Видовой состав позвоночных и сохранность костей указывают на некоторую смесь плейстоценового и голоценового материала. Однако, специфических осадков голоцена, аналогичных осадкам в Денисовой пещере, в этой пещере нет. Кроме того, видовой состав фауны существенно отличается от голоценового и современного. Такие виды как сурок, хомяк Эверсмманна, слепушонка, степная пеструшка, лемминг полностью отсутствуют в современной фауне бассейна Ануя и всего Северо-Западного Алтая. Кроме того, очень высока численность скальной полевки, редкого вида в окрестностях Денисовой пещеры в настоящее время. Все это указывает на древний, вероятно, позднплейстоценовый возраст сообщества млекопитающих из пещеры Сурка.

Примечания

Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая / Деревянко А.П., Шуньков М.В., Агаджанян А.К., Барышников Г.Ф., Малаева Е.М., Ульянов В.А., Кулик Н.А., Постнов А.В., Аношкин А.А. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 448 с.

ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ ПАЛЕОЛИТА ДЕРБИНСКОГО ЗАЛИВА В 1998–2007 ГОДАХ

Первые местонахождения палеолита в Дербинском заливе Красноярского водохранилища были открыты одновременно отрядом ИАЭТ СО РАН в составе Е.В. Акимовой, В.П. Чеха и Н.Г. Усаниной и дивногорским краеведом М.Ю. Тихомировым в 1993 г. [Акимова, Чеха, 1995]. Стационарные работы были начаты в 1998 г. [Акимова, Стасюк, Томилова и др., 1998, 1999, 2000 и др.; Стасюк, Акимова и др., 2002]. Естественнонаучное изучение палеолита Дербины велось д.г.-м.н. С.А. Лаухиным, д.б.н. С.В. Губиным (г. Москва), д.г.-м.н. А.Ф. Санько, к.б.н. А.Н. Мотузко (г. Минск).

В Дербинском археологическом районе прослеживаются два пока генетически неясно связанных периода: позднесартанский (Ближний Лог, Конжул, Малтат, Дербина IVA, VI и IX, вероятно, Дербина I, III, VIII и другие) и позднекаргинский-раннесартанский (?) (Дербина IV, V, Усть-Малтат I, II, III, Покровка I, II, Труфаново, вероятно, Дербина II, VII, Кижарт и Татарка). Позднесартанский период представлен памятниками, позволяющими говорить о сосуществовании в его рамках носителей разных культурных традиций. Очевидно, что типологическая карта позднего палеолита Енисея была значительно более пестрой, чем принято было считать совсем недавно. По материалам Дербинского залива можно выделить две группы финальносартанских местонаждений: малтатскую (Малтат, Ближний Лог и Конжул) и копыловскую (Дербина IVA, Дербина IX). Совершенно иной характер демонстрируют индустрии одиночных местонаждений правого (Дербина VI, Лысый Лог I, II, Зеленый Лог) и левого (Дербина I, III, VIII, Подснежная и др.) берегов залива Дербина.

Менее разнородно на фоне финальнопалеолитических индустрий выглядят ранние комплексы. Можно утверждать, что в Дербинском заливе на сегодняшний день известна самая яркая и представительная серия памятников, относимых к раннему этапу формирования позднепалеолитических индустрий на Енисее.

Наиболее архаичный облик археологического материала в совокупности с залеганием культурного горизонта памятника в толще слабо переотложенного, по мнению А.Н. Мотузко, педоседимента (гидроморфной почвы?) демонстрирует Усть-Малтат II. Именно на данном памятнике наиболее ярко проявляются черты «архаичности» дербинских индустрий – леваллуазские традиции в технике первичного расщепления, массивность

бифасов и практически полное отсутствие микрорасщепления. Вероятно, синхронной Усть-Малтату II является индустрия Кижарта, однако эти представления, по большей части, сформулированы на основании анализа техники первичного расщепления, т.к. орудийного же материала на Кижарте явно недостаточно. Локализация памятника на мысовидном выступе древней террасы с обилием валунов андезита и трахита в русловом аллювии – основного сырья дербинской индустрии, может свидетельствовать о существовании здесь стоянки-мастерской, что могло оказать влияние на архаичность облика предметов расщепления. Более молодыми, по сравнению с данными комплексами выглядят Дербина IV, V, Усть-Малтат III с листовидными бифасами и Покровка I и II, где не зафиксированы бифасы клинковых форм. Особое положение занимает Усть-Малтат I, как в силу стратиграфического положения, так и особенностями морфологии инвентаря. В технике первичного расщепления эти особенности проявляются в более низкой степени пластинчатости, невысокой удлинённости пластинчатых заготовок, большей стандартизацией микрорасщепления. В орудийном наборе – значительной ролью отщеповых заготовок, выразительными сериями характерных именно для данного памятника острийных орудий, «неправильными» формами бифасов. Характер отличий индустрии Усть-Малтата I от других «ранних» дербинских памятников на сегодняшний день не устанавливается. В качестве возможных вариантов, он предполагается либо как хронологический, связанный с деградацией пластинчатости, либо как локально-культурный, синхронный Дербине IV-V или Покровке I-II. Несомненно, однако, что данный комплекс архаичнее как «мелкопластинчатых» индустрий, так и «классических» афонтовской и коревской енисейских верхнепалеолитических культур.

Изучение дербинского палеолита выявило круг проблем, связанных с определением его абсолютной и относительной хронологии. В первые годы работ на Дербине считалось, что все памятники ранневерхнепалеолитического облика связаны со временем формирования дербинского педоседимента конощельского времени, однако, микротериологические и малакологические данные позволили выявить более сложную картину: морфологический тип отложений, ранее обозначенный как дербинский педоседимент, вовсе не является однородным и гомогенным. Процесс переотложения каргинских почв в пределах Дербинского района отмечается и в течение сартанского времени. Это заставляет обратить внимание на тафономию ископаемых остатков фауны и археологического материала, на особенности различных вариантов (склон, лога) переотложения различных комплексов фауны и артефактов.

В целом, говоря об итогах археологического изучения Дербинского залива, необходимо выделить следующее:

1. Оптимальной стратегией изучения археологического района в береговой зоне Красноярского водохранилища следует считать регулярное, планомерное, ежегодное обследование всей площади береговой отмели

и прилегающих к ней береговых уступов. Непредсказуемое соотношение «случайности» и «прогнозируемости» в появлении локальных скоплений археологического материала, связанное с неостановимым процессом разрушения отложений, вмещающих археологические комплексы, заставляет считать это единственно возможным вариантом. Спорадическое обследование приводит к утрате информации о локализации «пятен» экспонированных комплексов, о взаимоотношении их появления с процессами абразии, эрозии, погребения в толще современных пляжевых отложений.

2. На сегодняшний день очевидно, что поиски археологических памятников по принципу «подходящего места» не соответствуют реальной картине. «Неудобных» для заселения в позднем палеолите участков практически не существует, что, соответственно, не позволяет выявлять палеолитические местонахождения только на основании анализа современного рельефа и ландшафтных особенностей.

3. Строение толщи четвертичных отложений в Дербинском заливе представляется нам сегодня более сложным, нежели в первые годы исследований. Стало очевидно, что в условиях отрогов Восточного Саяна, большая расчлененность микрорельефа приводит к тому, что при внешнем однообразии в соотношении литологических горизонтов, их мощностей и последовательности, геологическое строение на отдельных участках обусловлено различными факторами, в том числе такими, как деятельность коренных и частных склонов, логов, аласных озер и т.д.

4. Работы в Дербинском заливе позволили сформулировать вывод, что общая картина развития позднепалеолитических индустрий на Енисее также оказалась более сложной, чем это представлялось ранее. Изучение ранних комплексов Дербины показало, что Средний Енисей наряду с Горным Алтаем, Забайкальем и Прибайкальем был территорией, где происходило становление верхнепалеолитических индустрий «ориньякского» облика. Поздние же комплексы Дербины свидетельствуют о том, что развитие верхнепалеолитических индустрий в финале плейстоцена не имело столь выраженного стадийного содержания, но может рассматриваться в достаточно ярко выраженном локально-культурном аспекте. Анализ всей совокупности материалов по так называемой «средней стадии», позволил авторам выделить тарарихскую археологическую культуру, к позднему этапу которой относятся дербинские стоянки Малтат, Конжул, Ближний Лог и два пункта в логу Волчиха (Волчиха I, II), расположенном в 5 км выше устья залива Дербина [Акимов, 2006].

Перспективы дальнейших исследований Дербинского района зависят от целого ряда факторов и обстоятельств. Безусловно, что работы в районе далеки от завершения. Циклические колебания уровня водохранилища неизбежно приведут к пополнению коллекций экспонированного материала на уже известных памятниках, что, кроме самого факта получения новых коллекций, позволит уточнить границы памятников, выявить археологические и палеофаунистические материалы *in situ*, открыть новые местона-

хождения (в идеале – не затронутые разрушительным воздействием водохранилища). Не может считаться законченной и работа по геологическому, палеоэкологическому и палеогеографическому изучению района и его локальных участков, основным желаемым итогом которой следует считать создание полной и подробной местной хроностратиграфии, коррелируемой с геохронологией Средней Сибири и сопредельных территорий.

Примечания

Акимова Е.В. «Средний этап» позднего палеолита в Приенисейской Сибири // Современные проблемы археологии России. Материалы всероссийского археологического съезда. – Новосибирск, 2006. – С. 94-96.

Акимова Е.В., Стасюк И.В., Мотузко А.Н., Лаухин С.А., Махлаева Ю.М., Санько А.Ф., Кравченко Е.Н. Финальнопалеолитические местонахождения залива Малтат (Дербинский археологический район) // Древности Приенисейской Сибири. – Вып. 4 – Красноярск, 2005. – С. 3-22.

Акимова Е.В., Стасюк И.В., Горельченкова О.А., Мотузко А.Н., Лаухин С.А. Изучение палеолита Дербинского залива (Красноярское водохранилище) в 2003 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. – Т. IX., часть I. – С. 14-18.

Акимова Е.В., Стасюк И.В., Лаухин С.А., Махлаева Ю.М., Орешников И.А., Назаров Д.В., Гуляев А.А. Изучение палеолита Дербинского залива в 2002 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2002. – Т. VIII. – С. 17-21.

Акимова Е.В., Стасюк И.В., Махлаева Ю.М., Харевич В.М., Кукса Е.Н., Лаухин С.А., Мотузко А.Н. Итоги археологических исследований в Дербинском заливе в 2005 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. – Т. XI., часть I. – С. 6-11.

Акимова Е.В., Стасюк И.В., Томилова Е.А. Археологическое изучение Дербинского залива (Красноярское водохранилище) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий - Новосибирск, Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. – Том. IV. – С. 6-11.

Акимова Е.В., Стасюк И.В., Томилова Е.А., Тихомиров М.Ю. Изучение палеолита Дербинского залива // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – С. 11-16.

Акимова Е.В., Чеха В.П. Залив Дербина - новый археологический район на Красноярском водохранилище // Обзорение. 1993 год – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1995. – С. 129-133.

Стасюк И.В., Акимова Е.В., Томилова Е.А., Лаухин С.А., Санько А.Ф., Тихомиров М.Ю., Махлаева Ю.М. Палеолитические местонахождения Дербинского археологического района (Красноярское водохранилище) // Вестник археологии, антропологии и этнографии – Вып.4 – Тюмень, 2002. – №4 – С. 3-16.

РАБОТЫ ДЕРБИНСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОТРЯДА

В 2007 г. отрядом ИАЭТ СО РАН и КГПУ им. В.П. Астафьева было проведено стационарное изучение памятников позднего палеолита в Дербинском заливе Красноярского водохранилища как завершающее десятилетний цикл комплексных исследований в этом районе. Специфика водохранилищ диктует объем и направление работ каждого полевого сезона. Высокий уровень воды предполагает перенесение акцента с работ на нижних ярусах (размываемых береговых отменях с выходами культурных отложений) на раскопки памятников, культурные горизонты которых располагаются в 3–4 м выше максимального уровня воды в Красноярском водохранилище. Последние два года (2006–2007 гг.) ознаменовались устойчиво высоким уровнем воды, что вынужденно сокращало возможность маневра, выбора наиболее перспективных объектов.

Основное внимание в 2007 г. было уделено раскопкам стоянки Дербина IV, расположенной по правому берегу Дербинского залива, в 500 м выше устья залива Малтат (55°19'11,0" СШ, 92°29'40,5" ВД) [Стасюк, Лаухин и др., 2001, 2002; Лаухин, Стасюк и др. 2004]. Первые раскопки на стоянке были начаты в 1999 г. За пять полевых сезонов было вскрыто более 100 кв. м на глубину до 4 м. В 2006 г. работы были прерваны по погодным условиям и завершены в 2007 г.

Всего в двух прирезках к раскопам 2 и 3, заложенным на склоне древнего лога и на частном водоразделе двух логов, вскрыта площадь 30 кв.м. Глубина залегания кровли культуросодержащего горизонта варьируется в пределах 3,2–3,7 м, мощность – в пределах 0,45–0,6 м. Культуросодержащий горизонт приурочен к последнему эпизоду переотложения ископаемого педокомплекса, в большинстве разрезов района переотложенного в единый педоседимент, и датируется концом каргинского – началом сартанского времени.

Общая численность полученной в 2006–2007 гг. коллекции каменного инвентаря составляет 1240 предметов, подавляющее большинство из которых составляют чешуйки, отщепы и сколы – 1094 экз. Пластины, пластинчатые сколы и фрагменты удлиненных заготовок составляют 123 экз.

В составе коллекции присутствуют также нуклеидно оббитые и расколотые гальки, обломок монофронтального нуклеуса с галечной площадкой (рис. 1 – 7), одноплощадочный монофронтальный нуклеус на гальке, скол поджигления площадки, концевые скребки на сколе (рис. 1 – 3) и обломке кварца, массивная пластина с двусторонней ретушью (заготовка бифаса?)

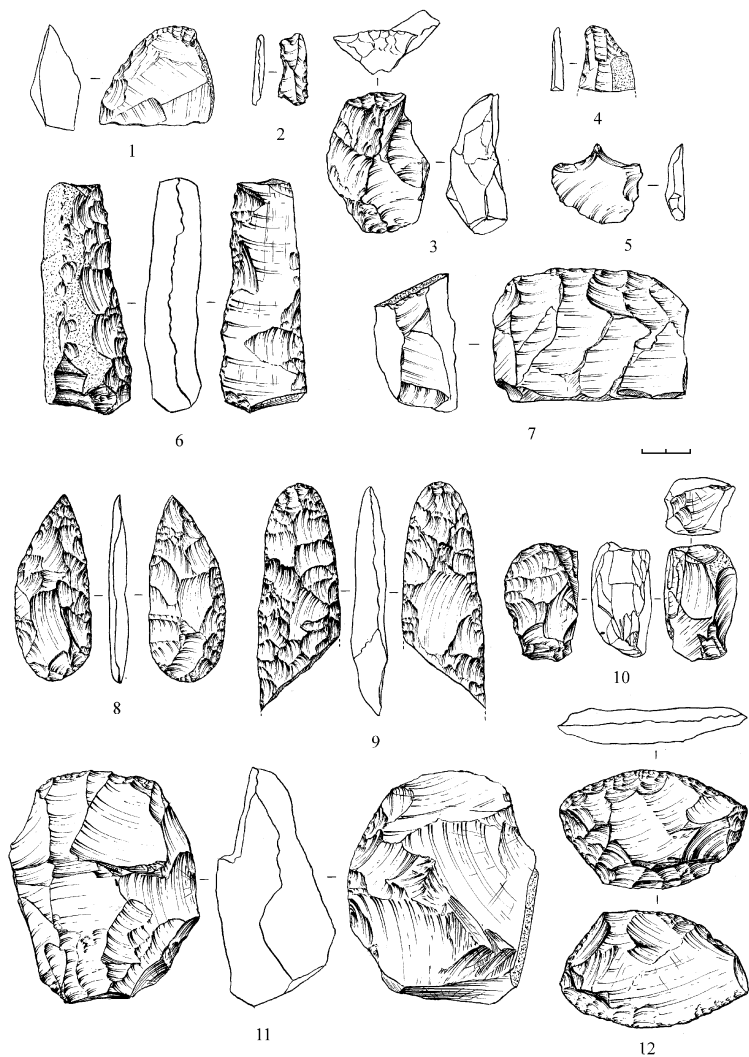

Рис. 1. Дербинский археологический район. Каменный инвентарь:
1-7 - Дербина IV (культурный слой)
8-12 - Дербина V (подъемные сборы).

(рис. 1-6), шиповидное орудие (рис. 1-5), обломок скребловидного орудия (рис. 1-1), фрагменты пластин с ретушью по одному или обоим краям (6 экз.) (рис. 1-2, 4), выемчатое изделие на сегменте пластины, отщепы и сколы с ретушью (4 экз.).

Отмечено резкое снижение концентрации археологического материала по простиранию от бровки берегового уступа к напольной части, что свидетельствует о том, что раскопами исследовалась периферийная часть па-

мятника. Дальнейшие раскопки местонахождения как средство получения коллекций археологического материала вряд ли целесообразны, однако разрез Дербины IV вполне может быть объектом исследования естественными методами. Остаются дискуссионными проблемы абсолютного возраста местонахождения, этапов и механизмов формирования культуросодержащего горизонта, места разреза Дербины IV в общей хроностратиграфической схеме Дербинского археологического района.

Некоторое падение уровня воды (240 м на июль 2007 г. по сравнению с 243 м на июль 2006 г.) позволило вести параллельно и работы по сбору подъемного материала на береговой отмели. Было обследовано большинство известных местонахождений по обоим берегам Дербинского залива (Дербина I-IV, IVA, V, VII-IX, Усть-Малтат I-III, Покровка I, II, Конжул, Малтат, Лысый Лог I, II, Зеленый Лог, Татарка, Кижарт) и местонахождение Волчиха II, расположенное в 5 км выше устья залива по правому берегу Красноярского водохранилища. В среднем течении Дербины, по ее правому берегу, были открыты два новых объекта Денисовка и Труфаново, расположенные у одноименных логов. Наибольший интерес вызывает местонахождение Труфаново. Здесь в полосе прибоя вместе с отщепами, сколами, фрагментами костей бизона и лошади были найдены одноплощадочные и двухплощадочные монофронтальные нуклеусы (рис. 2 – 16), концевые скребки на отщепах (рис. 2 – 14-15). На мысу был зафиксирован выход дербинского (?) педоседимента, в верхней части которого была найдена пластина с ретушью по вогнутому краю (рис. 2 – 13).

Большая часть обследованных местонахождений Дербинского залива относится к ранней группе стоянок и датируется концом каргинского времени (Дербина IV, V, VII, Покровка I, II, Усть-Малтат I-III, Труфаново, Лысый Лог II). В подъемных сборах 2007 г. получено около 2 тыс. каменных артефактов: нуклеусы с элементами леваллуазской системы расщепления (рис. 1 – 11), нуклеусы призматические, в том числе с переводом фронта на торец (рис. 2 – 12), микронуклеусы (рис. 1 – 10), бифасы листовидной и овальной форм (рис. 1 – 8,9; 2 – 9), разнообразные орудия на крупных и средних по размеру пластинах, скребки (рис. 2 – 6, 10, 11), долотовидные орудия, остроконечники (рис. 2 – 8) и орудия с шипом (рис. 2 – 7). Наибольшая коллекция артефактов получена на известном местонахождении Дербина IV и местонахождении Усть-Малтат III, ранее в качестве самостоятельного памятника не выделявшегося. Впервые немногочисленные артефакты, бесспорно относящиеся к позднекаргинскому–раннесартанскому времени, были обнаружены на финальнопалеолитической стоянке Малтат (рис. 2 – 6,7). Материал был вымыт из разрушенного дербинского педоседимента и спроецирован на береговую отмель.

Фаунистические остатки на памятниках ранней группы традиционны, представлены костями бизона, лошади, носорога, реже мамонта.

К концу сартанского времени отнесены стоянки Малтат, Конжул и Ближний Лог по правому берегу залива Малтат, правого притока Дерби-

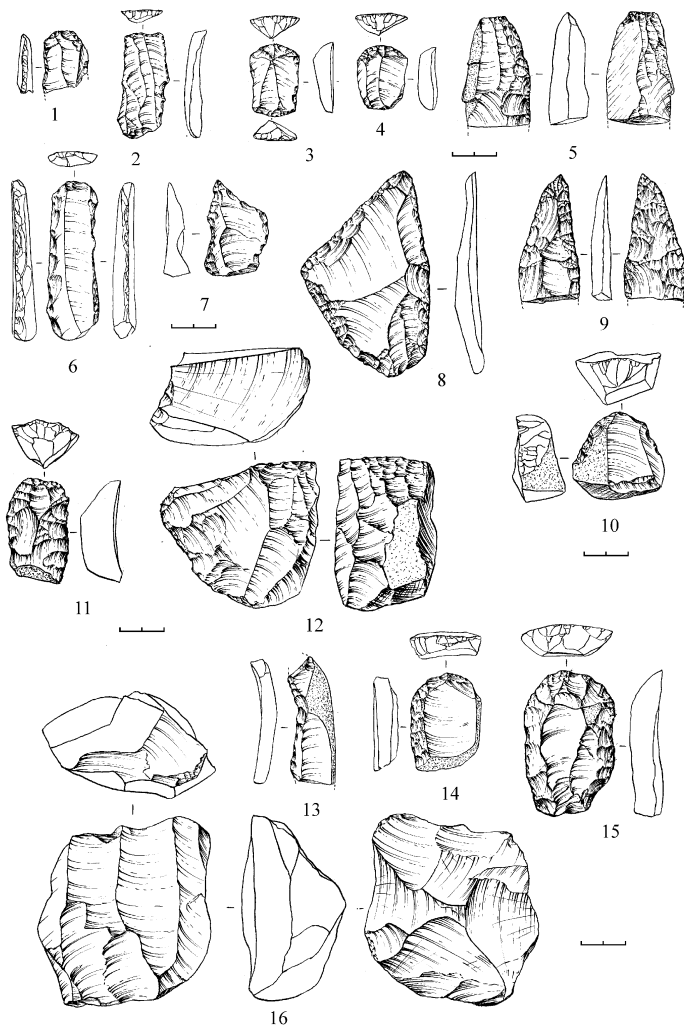

Рис. 2. Дербинский археологический район. Каменный инвентарь:
1-5 - Волчиха II (п.с.), 6-7 - Малтат (п.с.), 8-10 - Усть-Малтат III (п.с.),
11-12 - Покровка II (п.с.), 13-16 - Труфаново (к.г., п.с.)

ны [Акимова и др., 2005]. На участке стоянки Малтат отступление воды высвободило мысовой участок площадью не более 200 кв.м. При обилии мелких отщепов информативный материал здесь крайне малочислен. Найдены единичные нуклеусы, пластинки с ретушью по усеченному концу и скребки. Материалы подъемных сборов соответствуют материалам раскопок Малтата 2003, 2004, 2006 гг. и датируются в пределах 12-10 т.л.н.

Обследование участка ранее изучавшихся стоянок Ближний Лог и Конжул показало, что оба памятника практически уничтожены водохранилищем.

Второй половиной-концом сартанского времени предварительно датированы местонахождения Дербина IVA и Дербина IX в среднем течении Дербины выше устья Малтата, характеризующиеся мелким инвентарем на пластинах и отщепах. Возможно, к этой группе относится и местонахождение Денисовка, расположенное в 100 м восточнее Дербины IX.

По левому берегу Дербины единичные подъемные сборы были получены только на местонахождениях Дербина II и III. На остальных памятниках левого берега (Дербина I, VIII, Поснежный, Сухая Ссора, Сырая Ссора и Кижарт) линия прибоя, вероятно, не опустилась до уровня выходящего на береговую отмель культуросодержащего горизонта: здесь не найдены не только каменные артефакты, но и кости животных.

На местонахождении Волчиха II был зафиксирован новый участок концентрации археологического материала, где обнаружены нуклеусы, скребки (рис. 2 – 3, 4), пластинки с ретушью по краю и усеченному концу (рис. 2 – 1, 2), нуклеидно оббитые гальки. В составе фаунистической коллекции кости бизона, лошади, мамонта, северного оленя.

Многолетний опыт работы на Красноярском водохранилище показывает, что при стабилизации уровня воды на отметке ниже 235-236 формируются новые полигоны. Этому способствуют размыв культуросодержащего слоя на уровне береговой отмели, разрушение и перемыв обрушивающихся толщ рыхлых отложений и вторичный (неоднократный) перемыв пляжевых наносов, содержащих артефакты и фаунистические остатки. Сегодня можно предполагать, что из 30 известных археологических объектов Дербинского залива наиболее перспективными пока остаются Дербина IV, V, Усть-Малтаг I-III, Покровка II. В то же время, очевидно, что неостановимый процесс переработки берегов водохранилищем в конечном итоге приведет к полному уничтожению палеолитических местонахождений Дербины.

Примечания

Лаухин С.А., Стасюк И.В., Акимова Е.В., Махлаева Ю.М., Харевич В.М. Новое по геологии и археологии местонахождения Дербина IV (Дербинский археологический район) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – Том. X., часть I. – С. 138–142.

Стасюк И.В., Акимова Е.В., Томилова Е.А., Лаухин С.А., Санько А.Ф., Тихомиров М.Ю., Махлаева Ю.М. Палеолитические местонахождения Дербинского археологического района (Красноярское водохранилище) // Вестник археологии, антропологии и этнографии – вып.4 – Тюмень, 2002 – №4 – С. 3–16.

Стасюк И.В., Лаухин С.А., Томилова Е.А., Акимова Е.В. Археология и геология позднепалеолитического местонахождения Дербина IV // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – Том.VII. – С. 210–214.

ИССЛЕДОВАНИЯ НА ПОСЕЛЕНИИ АВТОДРОМ-2 В ЦЕНТРАЛЬНОЙ БАРАБЕ

В ходе полевого сезона 2007 г. Кузбасская археологическая экспедиция ИЭЧ СО РАН (руководитель д.и.н., профессор В.В. Бобров) проводила полевые исследования на поселении Автодром-2 в Венгеровском районе Новосибирской области. Основные работы были связаны с юго-западной группой жилищ, которая выделяется планиграфически, и с центральным участком памятника. Небольшой раскоп был заложен на площади северо-восточной группы объектов, где исследованы остатки одного жилища.

В юго-западной части памятника для исследований была выбрана западина № 44. Здесь был заложен раскоп общей площадью 150 кв. м. Являясь одной из самых крупных в этой части памятника, западина отчетливо была видна на поверхности. Какие либо повреждения антропогенного характера не фиксировались. В процессе раскопок были зафиксированы следующие слои: дерн мощностью до 0,04 м; гумусированная супесь темно-серого цвета – 0,20 м; белый песок мощностью до 0,32 м; песок красноватого оттенка с многочисленными железистыми прожилками - 0,48 м. Жилище представляет собой землянку округлой формы, общей площадью около 90 кв.м, глубиной до 1 м. В северо-восточной части котлована заполнение неоднородно, что подтверждается находками. Слой белого (с оранжевым оттенком) песка содержал множество фрагментов керамики новочекинской культуры раннего железного времени. В располагавшемся ниже слое белого песка были найдены немногочисленные фрагменты керамического сосуда, орнаментированного в отступающе-накольчатой технике. В этом же слое залегала заготовка каменного топора подтреугольной в плане формы. Этот комплекс предварительно можно соотнести с эпохой неолита, но более подробная атрибуция затруднена крайне плохой сохранностью керамики. Вероятно, наблюдаемая стратиграфическая ситуация свидетельствует о факте переиспользования новочекинским населением более ранней западины.

В центральной части памятника было вскрыто 140 кв. м., исследованы остатки двух жилых сооружений, расположенных в непосредственной близости к западу от жилища №50. Повторилась ситуация, когда в ходе изучения слоя обнаруживаются остатки сооружений, не фиксируемые на поверхности [Бобров, Марочкин, Соколов, 2006]. Согласно принятой для памятника единой нумерации объектов обнаруженные жилища были обозначены номерами №51 и №52. При определении уровня дна в обоих котло-

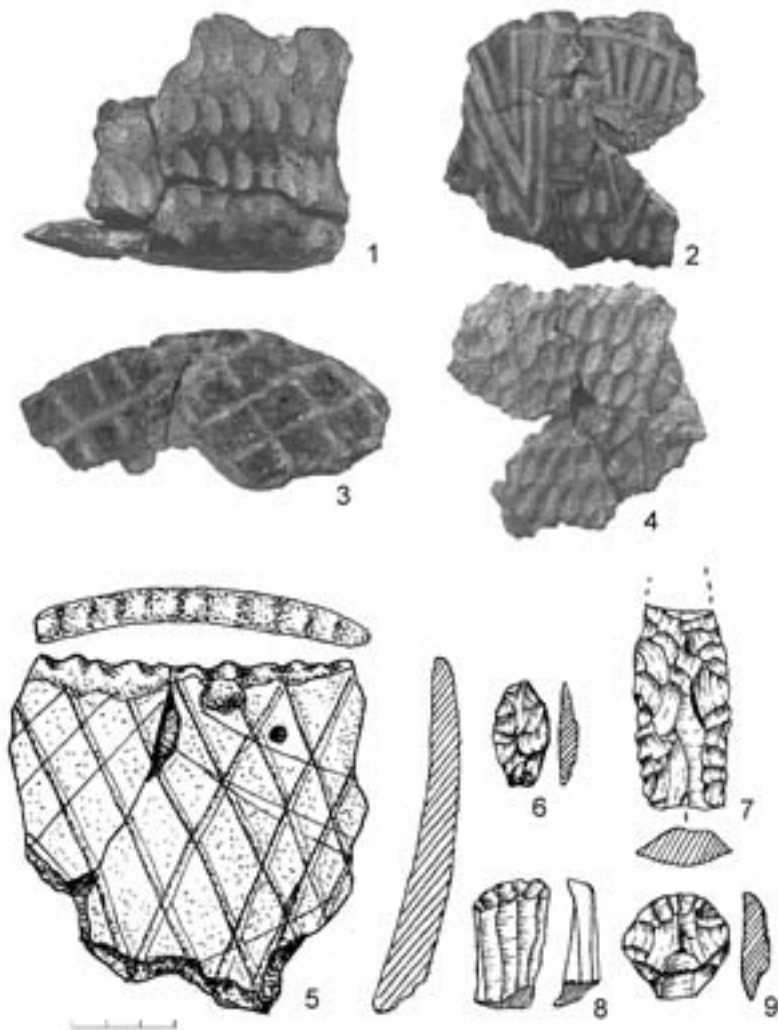

Рис. 1. Находки из объектов в центральной части памятника (жилища №51 и №52). 1-5 — керамика, 6-9- камень.

ванах возникли ставшие уже традиционными трудности, когда визуально нижние горизонты заполнения и не содержащие находок подстилающие слои практически не различимы. Стратиграфия в целом схожа с той, что выявлена на 44 жилище и типична для этой части памятника.

Остатки жилища №51 представляют собой котлован округлой формы, общей площадью около 30 кв. м, глубиной относительно уровня темно-красного суглинка до 0,4 м. На восточной стенке котлована фиксируется уступ,

возможно, являющийся остатками входа. Основной комплекс керамики из заполнения и со дна жилища №51 представлен фрагментами толстостенных плоскодонных банок открытого типа. Как вся внешняя, так и внутренняя поверхность сосудов орнаментирована горизонтальными рядами глубоких овальных вдавлений (рис.1, 1-4). Внешние вдавления более узки, на различных участках меняется угол их наклона. Особенностью орнаментации этих сосудов является выделенная зона венчика, которая декорирована горизонтальными рядами оттисков приостренной палочки, поставленной под углом к поверхности сосуда. На внешней поверхности одного из фрагментов в прочерченной технике нанесен узор в виде обращенных вершиной вниз треугольников, внутреннее пространство которых заполнено треугольниками меньшего размера (рис.1, 2). На дне нанесен орнамент в виде ромбической сетки, выполненный в прочерченной технике (рис.1, 3). Такой орнамент известен на боборыкинской керамике [Викторова, Зырянова, 2002].

Каменный инвентарь представлен отщепами, пластинами, орудиями на пластинах, многочисленными скребками разных типов. В единственном экземпляре найден небольшой наконечник стрелы миндалевидной формы (рис.1, 6). В придонной части котлована был обнаружен крупный наконечник-бифас листовидной формы (рис.1, 7).

Остатки жилища №52 представляют собой котлован округлой формы, общей площадью около 15 кв.м, глубиной до 0,4 м. На восточной стенке котлована фиксируется уступ, возможно, являющийся остатками входа. В центральной части котлована зафиксированы остатки открытого очага. В заполнении котлована и в придонной его части были встречены многочисленные фрагменты плоскодонной керамики и каменные орудия. Судя по венчику, сосуды представляли собой банки открытого типа. Верхний срез венчика слегка утончен. На нескольких фрагментах тулова представлен орнамент в виде треугольника, внутреннее пространство которого заштриховано часто расположенными косыми линиями. Многие фрагменты верхней части тулова орнаментированы тонкими горизонтальными прочерченными линиями. Примечательны несколько фрагментов верхней части сосуда, по внешней стороне которых в проташенной технике нанесен орнамент в виде косой сетки (рис.1, 5). Аналогии подобному орнаменту также имеются в керамическом комплексе боборыкинских поселений Заураля [Шилов, Зырянова, Шаманаев, 2002].

Предметы каменной индустрии по характеру обработки сырья и орудийному набору также имеют неолитический облик. Самой многочисленной категорией инвентаря являются скребки разных типов (рис. 1, 8,9). Встречаются концевые скребки на пластинах. Примечательна находка двустороннего скребка на вертикальном сколе нуклеуса (рис. 1, 8).

Основная задача работ в северо-восточной части поселения заключалась в том, чтобы выявить участок с однокультурной керамикой. В 1998 г. здесь был получен разнотипный комплекс керамики, в котором преобладали поздненеолитические материалы (Молодин и др., 1998). Раскоп об-

щей площадью 42 кв. м включал в себя западину жилища №16. В процессе раскопок визуально были выделены следующие слои: переотложенная почва – до 0,36 м; погребенный дерн, фиксировался на участках, покрытых переотложенной почвой – до 0,02 м; дерн – до 0,04 м; гумусированная супесь темно-серого цвета – до 0,20 м; белый песок – мощностью до 0,25 м; прослойка плотного ожелезненного песка, смешанного с суглинком красного или оранжевого цвета – мощностью до 0,12 м; белый песок с красноватым оттенком, отличающийся от вышеописанного белого песка большей плотностью – до 0,36 м; нижний уровень, до которого велась выборка, представлен плотным суглинком темно-красного цвета. Первые находки фиксируются в слое гумусированной супеси, но они немногочисленны. Слой белого песка содержит уже гораздо большее их количество. Прослойка ожелезненного песка, там, где она фиксируется на профилях, отделяет слой белого и красно-белого песка. Заполнение котлована однородно и состоит из белого песка с красноватым оттенком, но гораздо менее плотного, чем за его пределами. Возможно, перед нами два разных слоя, не отличимых визуально, но различных по природе образования. Данное предположение подтверждается планиграфией распределения находок.

Остатки жилища представлены котлованом округлой формы, общей площадью около 12 кв. м, глубиной относительно уровня темно-красного суглинка до 0,30 м. Какие-либо признаки входа, столбовых ям, внутреннего очага не фиксировались. В северо-западном углу раскопа, на расстоянии 0,50 м от края котлована располагалась область прокаленной (?) почвы ярко оранжевого цвета, размерами 0,30×0,60 м, линзовидная в сечении, уходящая в слой красно-белого песка на глубину до 0,12 м. Может быть, в таком виде до нас дошли остатки внешнего отопительного очага. Комплекс артефактов, полученных при изучении слоя и заполнения жилищного котлована, включает в себя множество фрагментов керамики и относительно небольшое число предметов каменной индустрии. Однородная в типологическом плане керамика представлена фрагментами тонкостенных сосудов с прямыми или слегка отогнутыми наружу венчиками. Можно предположить, что посуда остродонная или круглодонная, но точная реконструкция их формы затруднена почти полным отсутствием фрагментов придонной части. Формовочная масса плотная, без крупных примесей. Большая часть керамики орнаментирована. В плане композиционного построения орнамент идентичен на всех фрагментах – оттиски орнамента образуют почти прямые или волнистые горизонтальные линии, с расстоянием между ними от 10 до 30 мм (рис. 2, 8,9). В количественном отношении преобладает орнамент, выполненный в отступающее-проташенной или прочерченной технике, реже в отступающе-накользящей. По свободному полю, иногда с напуском на орнаментальный пояс располагаются круглые или полулунные ямки различной глубины. В целом данная керамика идентична поздненеолитическому керамическому комплексу, полученному при изучении объекта северо-восточной группы в 1998 г.

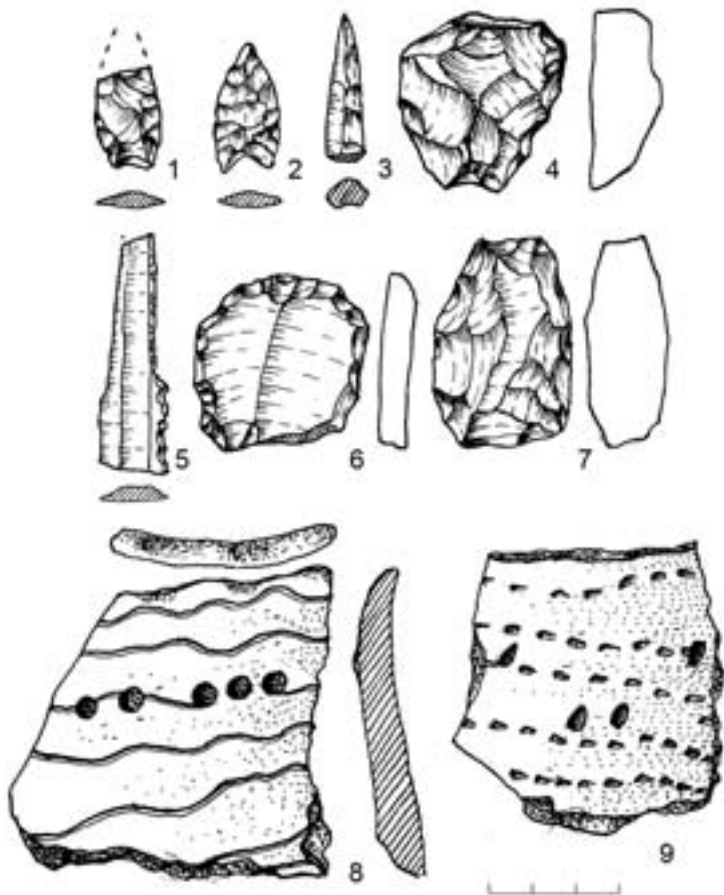

Рис.2. Керамика и каменный инвентарь жилища №16.
1-7 – камень, 8-9 – керамика.

Для каменного инвентаря характерно преобладание предметов пластинчатой индустрии. Оригинальным представляется оформление двух пластин, когда один из концов намеренно заужен, а мелкой дорсальной ретушью подработаны оба края (рис. 2, 5). Самой распространенной категорией в орудийном наборе являются скребки различных типов (рис. 2, 4, 6). В заполнении котлована были найдены два небольших наконечника стрел листовидной формы с вогнутым основанием, один шлифованный остроконечник и одна заготовка каменного топора со следами шлифовки (рис. 2, 1-3, 7).

Полевые исследования в юго-западной части поселения Автодром-2 ведутся на протяжении нескольких последних лет. Работы этого года в целом дополняют полученные ранее данные. Стратиграфическая ситуация,

наблюдаемая в жилище №44, проясняет картину обитания на территории памятника новочекинского населения. К сожалению, в этом году не были получены материалы усть-тартасской культуры эпохи ранней бронзы, и вопрос о наличии на поселении усть-тартасских закрытых комплексов остается открытым. Работы в центральной части памятника существенно дополняют знание его планиграфии. Исследованные в этой части комплексы следует датировать развитым неолитом. Иначе дело обстоит с жилищем №16. Керамика из него демонстрирует близкое сходство с артыньскими материалами [Косинская, 1982]. Одним из авторов статьи ранее предлагалось поставить вопрос о возвращении артыньскому типу поздненеолитического возраста [Бобров, 2007]. Материалы, полученные на поселении Автодром-2 в ходе работ 2007 г. пополняют корпус источников по данной проблеме. Более того, впервые получен однородный керамический комплекс, который позволяет решить проблему культурной принадлежности северо-восточной группы объектов поселения.

Примечания

Бобров В.В. Неолит Барабинской лесостепи (состояние изученности, проблемы и перспективы исследования) // Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология: Материалы всероссийской конференции с международным участием, посвященной 100-летию со дня рождения М. М. Герасимова. – Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2007. – Т. 1. – С. 65-70.

Бобров В.В., Жаронкин В.Н. Результаты исследования жилища 45 поселения Автодром-2 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. XI. Ч. I. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – С.219-222.

Бобров В.В., Марочкин А.Г., Соколов П.Г. Результаты работ на поселении Автодром-2 в 2006 году. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. XII. Ч. I. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – С.269-273.

Викторова В.Д., Зырянова С.Ю. Поселение боборыкинского типа на Андреевском озере – ЮАО-V // Вопросы археологии Урала. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2002. – С. 67-89

Косинская Л.Л. Поздненеолитическая стоянка Артын на Среднем Иртыше // Археологические исследования севера Азии. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1982. – С. 18-27.

Молодин В.И., Бобров В.В., Чемякина Н.С., Гаркуша Ю.Н. Исследование неолитического памятника Автодром-2 в центральной Барабе – первые результаты // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. IV. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – С. 423-427.

Шилов С.Н., Зырянова С.Ю., Шаманаев А.В. Комплекс боборыкинской культуры поселения Пикушка-I // Вопросы археологии Урала. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2002. – Вып. 24. – С. 90-118.

**ПАЛЕОТЕРИОЛОГИЧЕСКИЕ СБОРЫ В ТАРАДАНОВО
В 2007 ГОДУ И НОВЫЕ НАХОДКИ ОСТАТКОВ ЗОРГЕЛИИ
SOERGELIA SP.***

В октябре 2003 г. на р. Оби, ниже с. Тараданово (Сузунский р-н Новосибирской области) было открыто одно из крупнейших среди известных на юге Западной Сибири местонахождений плейстоценовой фауны. Исследование этого вторичного, переотложенного скопления фаунистических остатков было продолжено в последующие – 2004-05 годы [Васильев, 2004; Васильев, Орлова, 2005, 2006]. В середине октября 2007 г. сборы на этом местонахождении возобновились. Они принесли обильный и интересный палеофаунистический материал.

Основной костеносный горизонт Тарадановского яра, откуда происходит почти 99% всех костных остатков, находится на несколько метров ниже меженного уреза воды, и размывается рекой непосредственно. В весенне-летний паводок отмытый материал выносится на песчано-галечный пляж, расположенный непосредственно в нижней по течению части яра. Гидродинамические условия на данном участке реки таковы, что до пляжа доносятся и отлагаются костные остатки почти исключительно среднего и мелкого размерного класса – многочисленные фаланги, кости запястья и заплюсны, метаподии крупных копытных, составляющие 78,3%. Крупные трубчатые кости бизонов, лошадей и оленей (17,6%; из них целых – менее 2%) оседают, как правило, в верхней по течению части костеносной отмели. Практически полностью отсутствуют роговые стержни бизонов и фрагменты рогов оленей и лосей, а зубы лошадей, бизонов и шерстистых носорогов представлены единичными находками.

Как показали многолетние сборы, местонахождение постепенно истощается. Так, если в 2003 г. было собрано свыше 2,6 тыс. костных остатков, то в 2004 г. – уже только 370, а в 2005 – 320. Необычайно мощные весенне-летние паводки сезонов 2006-07 гг. способствовали выносу на отмель более 1,2 тыс. костей крупных млекопитающих. Очевидно, костные остатки на подобных пляжах накапливаются постепенно, «подтягиваясь» в течение целого ряда лет от места своего первоначального подводного размыва.

Тщательные поиски в 2007 г. позволили не только собрать превосходную коллекцию остатков представителей мамонтовой фауны, но и попол-

*Работа выполнена при поддержке грантов РФФИ № 06-04-49232 и НШ-6568.2006.6.

**Таблица 1. Видовой состав и количество костных остатков
млекопитающих Тарадановского местонахождения (W – 1-2).**

Таксоны	2003-05 гг.		2007 г.		Итого 2003-07 гг.	
	кости	в %	кости	в %	кости	в %
<i>Lepus sp.</i>	-	-	1	0,09	1	0,02
<i>Castor fiber</i>	3	0,10	1	0,09	4	0,09
<i>V. vulpes</i>	-	-	2	0,17	2	0,04
<i>Canis lupus</i>	4	0,13	3	0,26	7	0,16
<i>Ursus arctos</i>	6	0,19	8	0,69	14	0,33
<i>Ursus rossicus</i>	12	0,39	10	0,86	22	0,52
<i>G. gulo</i>	-	-	1	0,09	1	0,02
<i>Crocota spelaea</i>	3	0,10	3	0,26	6	0,14
<i>Panthera spelaea</i>	22	0,71	7	0,60	29	0,68
<i>Mammuthus primigenius</i>	22	0,71	8	0,69	30	0,71
<i>Equus ex. gr. gallicus</i>	1210	39,23	475	40,74	1685	39,65
<i>E. (Equus) sp.</i>	1	0,03	-	-	1	0,02
<i>Equus ex. gr. hydruntinus</i>	46	1,49	14	1,20	60	1,41
<i>Coelodonta antiquitatis</i>	231	7,49	84	7,20	315	7,41
<i>Megaloceros giganteus</i>	92	2,98	27	2,32	119	2,80
<i>Cervus elaphus</i>	138	4,47	49	4,20	187	4,40
<i>Alces cf. alces</i>	57	1,85	27	2,32	84	1,98
<i>Rangifer tarandus</i>	2	0,06	-	-	2	0,04
<i>Bison priscus</i>	1201	38,94	422	36,19	1623	38,19
<i>Saiga borealis</i>	11	0,36	11	0,94	22	0,52
<i>Ovis ammon</i>	1	0,03	-	-	1	0,02
<i>Soergelia sp.</i>	20	0,65	10	0,86	30	0,71
<i>Bovini gen. indet., форма I</i>	1	0,03	1	0,09	2	0,04
<i>Bovini gen. indet., форма II</i>	1	0,03	2	0,17	3	0,07
Число костных остатков	3084	100	1166	100	4250	100

нить её несколькими новыми видами. Найдено было также 2 кости птиц плейстоценовой сохранности, принадлежащих орлану-белохвосту и тетереву. Относительное обилие остатков тех или иных видов по сборам разных лет, остаётся практически неизменным (табл. 1).

Исходя из анализа 18 ¹⁴C дат по костям, собранным на пляже, составу териофауны и морфологическим особенностям её отдельных представите-

лей, возраст основного костеносного слоя Тарадановского Яра может быть оценен первой половиной каргинского, либо ермаковским временем - более 40-45, но не древнее 80-100 тыс. л.н., т.е. конца казанцевского времени [Васильев, Орлова, 2005, 2006].

В 2005 г. на Тарадановской отмели были найдены 2 целые пястные кости зоргелии (*Soergelia* sp.). При пересмотре коллекции, к этому же виду было условно отнесено ещё 17 костей, которые определялись ранее как принадлежащие к очень крупной форме *Ovis ammon*. Не хватало лишь наиболее диагностичных – краниальных остатков. В сезон 2007 г. удалось обнаружить ещё 10 остатков *Soergelia* sp., в том числе – роговой стержень с прилегающей частью черепа, что окончательно подтвердило правильность первоначального определения.

До недавнего времени остатки зоргелии – своеобразного представителя подсемейства *Caprinae* - считались надёжным индикатором для отложений раннего плейстоцена. Они найдены на огромной территории Голарктики - от Западной Европы до Северной Америки. Совершенно неожиданно остатки *Soergelia* sp. были обнаружены на Тарадановском местонахождении в составе позднплейстоценовой фауны. По своей сохранности – степени минерализации и окатанности, цвету с поверхности и в разломе и т.д. – указанные остатки *Soergelia* sp. ничем не отличаются от основной массы позднплейстоценовых костей, собранных на отмели. Кроме фрагмента черепа, присутствует большинство элементов посткраниального скелета, что совершенно не характерно для переотложенных остатков.

Фрагмент черепа (рис. 1) принадлежал взрослому животному, судя по его размерам, вероятнее всего, самке. Вся поверхность рогового стержня покрыта многочисленными продольными мелкими бороздками, без признаков скручивания, из числа которых на вентральной стороне прослеживаются 1-2 более глубоких. Роговой стержень массивный, наиболее короткий из числа известных (табл. 2). С передней поверхности рог слегка вогнут, причём от середины и почти до краёв прослеживается практически прямой участок. С задней поверхности рога, приблизительно в середине его длины по большой кривизне, он резко, под углом в 40°, изломан. Лобная кость плавно, почти без перехвата, переходит в собственно роговой стержень. Основание рогового стержня имеет в сечении форму эллипса. На середине длины, его сечение приближается к округло-эллипсоидному. Горизонтальный диаметр на этом участке составляет 42 мм, вертикальный – 38 мм. На протяжении более 50 мм сохранился участок лобного шва, что позволяет, установив фрагмент черепа в вертикальной плоскости, приблизительно определить расстояние между концами роговых стержней (около 240 мм). Ширина лба в середине основания роговых стержней составляет около 90 мм. Угол между стержнём и лобной поверхностью - 150°. Из всех данных, которыми мы располагаем, фрагмент черепа из Тараданово морфологически наиболее близок к аналогичному раннплейстоценовому остатку *Soergelia* sp. из Красного Яра [Васильев, 2005], но существенно мельче последнего.

Рис. 1. Фрагмент черепа и пястные кости *Soergelia* sp.

В Тараданово обнаружено 29 костей посткрального скелета, из числа которых пястные кости с несомненностью, а остальные элементы – с большой долей вероятности могут быть отнесены к *Soergelia* sp. Ширина atlas – 128,5 мм, то же передней суставной поверхности – 93 и 88 мм, то же задней – 89 и 83 мм, высота позвонка – 66,5 и 63,5 мм. Ширина нижнего конца humerus – 63; 70; 65,3 мм, то же суставного блока – 59,5; 67,5; 63 мм, медиальный поперечник – 56,4 мм, поперечник в жёлобе, min – 29; 31,8; 30 мм, высота медиального мыщелка – 36; 40; 37,4 мм, то же на гребне – 33; 35,2; 33,5 мм. Radius: ширина / поперечник верхнего конца – 62 / 35,3 мм, ширина суставной поверхности – 59 мм, ширина / поперечник диафиза посередине – 35,8 / 24,8 мм. Metacarpale (n = 5): длина кости 180; 172 и 166 мм, ширина / поперечник верхнего конца – 50,3; 51; 43,2 / 30,3;

Таблица 2. Размеры роговых стержней представителей рода *Soergelia*

Промеры, мм	Тараданово, Q ₃ .	Красный Яр, Q ₁ [Васильев, 2005].	Аляска, р. Юкон, Q ₁ [Harington, 1987].			Зюссенборн, Германия, Q ₁ . [Kahlke, 1969].
			n	lim	M	
Длина рогового стержня вдоль большой кривизны	96	147	6	135-215	168,7	-
Длина рогового стержня по внутренней кривизне	80	124	6	113-160	133,0	-
Длина рогового стержня по прямой	80	120	-	-	-	-
Горизонтальный диаметр основания стержня	54	66	17	52,3-94,3	67,5	73,2; 77,2
Вертикальный диаметр основания стержня	41	53	16	47,4-74,2	59,9	-
Обхват основания стержня	153	190	13	155-255	195,3	241; 250
Расстояние между вершинами роговых стержней	ca 240	ca 320	-	-	-	ca 415; 419

30,3; 25,3 мм, то же диафиза посередине – 31; 28,8; 28,5 / 20,3; 19,3; 19,4 мм; то же нижнего конца – 56; 57; 49,4 и 58 мм (у 4 экз.) / 31,3; 30,9; - ; 30,4 и 34,6 мм (у 4 и 5 экз.). Продольный диаметр *caput femoris* – 44 мм, передне-задний – 40 мм. Ширина / поперечник нижнего конца *tibia* – 51; 47,6 / 43,8; ca 36 мм. Латеральная длина *astragalus* (n = 8) – 50,9-М54,3-56 мм, медиальная длина (n = 9) – 47,1-М51,0-53,7 мм, ширина дистального отдела (n = 9) – 33,3-М35,0-37 мм, медиальный поперечник кости (n = 9) – 30,2-М31,8-34,5 мм. Длина *calcaneus* – 109,5 и 112 мм, ширина / поперечник дистального отдела – 38; 37 / 43,3; 44 мм, то же диафиза – 16,8; 16,3 / 33,3; 33,8 мм, то же *tuber calcanei* – 30; 27,6 / 33; 32,8 мм. Ширина / поперечник дистального конца *metatarsale* – 49,2 / 29,4 мм. Найдены также две 1-е фаланги (целая и проксимальная половина) и 2-я фаланга.

Таким образом, позднеплейстоценовая зоргелия отличалась значительной укороченностью роговых стержней по сравнению со своими раннеплейстоценовыми предшественниками. В то же время по размерам и

пропорциям пястных костей они практически не различаются [Васильев, Орлова, 2006]. Очевидно, на юге Западной Сибири, вплоть до второй половины позднего плейстоцена сохранялся рефугиум, где продолжал обитать особый вид или подвид рода *Soergelia*, отличный в строении черепа от представителей, населявших Голарктику в раннем плейстоцене. В уточнении систематического статуса позднеплейстоценовой *Soergelia* sp. помогут, возможно, новые находки на Тарадановском местонахождении.

Примечания

Васильев С.К. Тафономические особенности Тарадановского вторичного аллювиального местонахождения. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. – Т. X., часть II, с. 164-168.

Васильев С.К. Зоргелия (*Soergelia* sp.) в Новосибирском Приобье. // Фауны Урала и Сибири в плейстоцене и голоцене. Челябинск: Изд-во «Рифей», 2005, с.81-88.

Васильев С.К. Зоргелия (*Soergelia* sp.?) в позднем плейстоцене юга Западной Сибири. // Териофауна России и сопредельных территорий. Москва: Т-во научных изданий КМК, 2007, с. 72.

Васильев С.К., Орлова Л.А. Новые данные о Тарадановском местонахождении фауны крупных млекопитающих. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. – Т. XI., часть I, с. 22-26.

Васильев С.К., Орлова Л.А. К вопросу о возрасте Тарадановского местонахождения фауны крупных млекопитающих. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. – Т. XII., часть I, с. 36-42.

Kahlke H.-D. Die *Soergelia* – Reste aus den Kiesen von Sussenborn bei Weimar // Palaont. Abhandl. A. 1969. Bd. 3, ht. 3/4.

Harington C.R. *Soergelia*: an indicator of holarctic middle Pleistocene deposits? // National Research Council. Ottawa, 1987. pp. A1-A9.

**МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ ФАУНЫ КРУПНЫХ
МЛЕКОПИТАЮЩИХ САРТАНСКОГО ВРЕМЕНИ НА РЕКЕ ОРДА
(ОРДЫНСКИЙ РАЙОН НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ)***

Териофауна заключительного этапа существования мамонтовой фауны на территории юга Западной Сибири до сегодняшнего дня остаётся ещё сравнительно слабо изученной. Известны в основном более ранние этапы её существования, относящиеся к казанцевскому и каргинскому времени [Васильев, 2006]. Указанный пробел восполняет крупное местонахождение остатков мамонтовой фауны на р. Орда. Оно расположено в её среднем течении, в 15 км к западу от г. Ордынска Новосибирской области, между сёлами Рогалёво и Усть-Луковка (54,4° с.ш., 81,8° в.д.). Здесь в русле реки, на протяжении около 2 км прослеживается скопление костей, вымытых во время весеннего паводка. Обилие остатков млекопитающих уже давно привлекало внимание местных краеведов-любителей. К сожалению, большая часть собранных ими коллекций к сегодняшнему времени оказалась утраченной. В основу настоящей статьи легли в основном материалы, собранные одним из авторов в мае 1994 и 2006 гг. Кроме того, в Ордынском краеведческом музее было изучено 7 фрагментов черепов бизона, происходящих с этого местонахождения.

Наибольшая высота береговых обрывов р. Орды на исследованном участке составляет 7-8 м. В сводном разрезе сверху вниз прослеживаются следующие слои [Васильев и др., 1995]:

1. Современная луговая почва. Мощность 0,15 м.
2. Пойменные супесчано-суглинистые илы, коричневато-серые. Мощность 0,75 м.
3. Суглинки чёрные болотные, с прослоями торфяников и большим количеством малакофауны. Мощность 0,75 м.
4. Супесь тёмно-серая однородная. Мощность 0,5 м.
5. Песок аллювиальный, с обилием целых и фрагментов раковин малакофауны, и остатками водных растений. Мощность 0,4 м.
6. Суглинок чёрный, сильно гумусированный – болотно-луговая почва. Мощность 0,55 м.
7. Суглинок иловатый, зеленовато-серый. Мощность 2 м.
8. Суглинки плотные, песчаные. Мощность 1,5 м.

*Работа выполнена при поддержке грантов РФФИ №06-06-80108, 06-04-49232 и НШ-6568.2006.6.

Находки остатков млекопитающих приурочены главным образом к слоям 7 и 8 – иловатым и песчанистым зеленовато-серым плотным суглинкам, отложение которых происходило в сартанское время [Васильев и др., 1995]. К костям, собранным *in situ* относятся всего две находки – зуб мамонта, и крупный фрагмент его бивня, обнаруженные соответственно в 1,5 и 0,4 м выше уреза реки. Все остальные костные остатки были обнаружены в русле Орды в переотложенном состоянии. При этом наибольшая концентрация материала наблюдается на сравнительно небольшом участке протяжённостью 50-70 м, там, где продольный профиль реки выполаживается, а само русло расширяется. Из-за ослабления течения здесь происходило оседание транспортируемых потоком костных остатков. Подавляющая часть перемытых костей находится при этом в вязких илистых отложениях современного русла и не доступна для сборов.

По костям млекопитающих, собранным в русле р. Орды, было получено семь радиоуглеродных дат, подтвердивших сартанский возраст местонахождения. Из них три даты имеют возраст приблизительно в пределах 13-14 тыс. л.н., ещё три – от 19 до 21 тыс. л.н., что позволяет предполагать наличие в разрезе двух разновременных костеносных горизонтов. Одна из дат указывает на заключительную часть каргинского времени, а две даты (по костям бизона и лошади) относятся к голоцену (табл. 1).

В общей сложности в местонахождении было собрано и учтено 249 костных остатков 10 видов крупных млекопитающих. В коллекции с Орды преобладают остатки лошади (42,2%), бизона (28,9%) и весьма многочис-

Таблица 1. Радиоуглеродный возраст костных и древесных остатков с р. Орда

Проба	Материал для датирования	Возраст, лет
СОАН-4566	Торф старичный с раковинами моллюсков. Глубина отбора образца – 2,0 м от поверхности.	1445 ± 30
СОАН-4567	Древесина. Глубина отбора образца – 4,0 м от поверхности.	10140 ± 105
СОАН-4568	Кость бизона.	9320 ± 95
СОАН-4569	Кости лошади.	4315 ± 45
СОАН-6383	Мамонт, фрагмент нижней челюсти.	19470 ± 550
СОАН-6384	Мамонт, грудной позвонок.	28720 ± 560
СОАН-6385	Шерстистый носорог, пяточная кость.	13165 ± 180
СОАН-6386	Шерстистый носорог, диафиз бедренной кости.	14770 ± 210
СОАН-6387	Бизон, 1-й шейный позвонок.	21460 ± 295
СОАН-6388	Лошадь, бедренная кость.	21660 ± 475
СОАН-6389	Бизон, диафиз бедренной кости.	13260 ± 165

ленны находки костей мамонта (12,9%) и шерстистого носорога (12,1%). К оленям – благородному, северному и лосю, в сумме относится лишь 2,4%, что свидетельствует о широком развитии открытых ландшафтов, что подтверждается также находками костей сайгака (0,8%). Единичные находки принадлежат бобру (ветвь нижней челюсти) и бурому медведю (изолированный клык). Метаподии бизона и лошади, относительно их длины, более укороченные и массивные, чем у лошадей и бизонов предшествующих этапов позднего плейстоцена, что может указывать на существенное уменьшение глубины снежного покрова в сартанское время, когда на юге Западной Сибири получили развитие ландшафты холодных и малоснежных перегибациальных степей [Архипов, Волкова, 1994].

Единичные остатки *Coelodonta antiquitatis*, собранные на р. Орда, не позволяют сделать однозначного вывода относительно размеров тела шерстистых носорогов сартанского времени. Не исключено, что в конце сартанского времени на юге Западной Сибири произошло некоторое (возможно существенное) измельчание шерстистого носорога, накануне его окончательного вымирания. Одновременно с этим, в популяции, наряду с относительно мелкими животными, ещё продолжали встречаться крупные особи, по размерам тела мало уступающие *C. antiquitatis* предшествующих этапов позднего плейстоцена. Радиоуглеродные датировки по остаткам шерстистого носорога с р. Орда являются одними из наиболее поздних среди известных на территории Евразии.

Материалы с р. Орда показывают, что сартанское похолодание вновь дало некоторый толчок к увеличению размеров тела бизона, что отразилось прежде всего в размерах черепа и роговых стержней. Насколько можно судить по семи имеющимся краниальным остаткам, бизоны сартанского времени с р. Орда по размерам черепа, и особенно роговых стержней заметно превосходили бизона финала казанцевского межледниковья (около 80-100 тыс. л.н.), сохраняя при этом все особенности строения черепа своего предшественника. Если принять средние значения сопоставимых промеров черепа бизона из слоя 6 Красного Яра за 100%, то размеры черепа сартанского бизона с р. Орда возросли на 3,7%. При аналогичном сравнении костей посткраниального скелета бизона из слоя 6 Красного Яра, и сартанского бизона с р. Орда оказывается, что по совокупности всех сопоставимых промеров, размеры посткраниума бизона с Орды также увеличились на 1,1%. Это особенно заметно на фоне размерной депрессии бизонов каргинского времени (около 30 тыс. л.н.), когда размеры посткраниального скелета *Bison priscus* сократились на 4,6% по сравнению со своим росс-вюрмским предшественником. Полученная по ¹⁴C датировка – около 9300 л.н. показывает, что на юго-востоке Западной Сибири отдельные популяции *Bison priscus* могли сохраняться вплоть до начала голоцена. Наиболее молодая дата (8900 л.н.) по остаткам бизона известна с северо-востока Сибири, из бассейна р. Попигаи [Орлова и др., 2005].

Один из образцов костей лошади из русла р. Орда датирован серединой голоцена (около 4300 л.н.). Дикая лошадь – тарпан – продолжала обитать на юге Западной Сибири, вероятно, вплоть до начала XIX в., но была истреблена человеком. В Барабинской лесостепи тарпана застал ещё П.С. Паллас в конце XVIII в. [Кириков, 1959].

Массовое местонахождение остатков мамонтовой фауны на р. Орда овещает наиболее интересные, заключительные этапы её существования на юге Западной Сибири. Несомненно, оно заслуживает дальнейшего изучения, тем более, что здесь были обнаружены артефакты, связанные с палеолитическим человеком [Васильев и др., 1995]. Особая роль в исследовании отводится радиоуглеродному датированию, которое, возможно, позволит дополнительно получить наиболее молодые даты по таким представителям плейстоценовой мегафауны, как мамонт, шерстистый носорог и первобытный бизон.

Примечания

Архипов С.А., Волкова В.С. Геологическая история, ландшафты и климаты плейстоцена Западной Сибири. – Новосибирск: НИЦ ОИГГМ СО РАН, 1994, 105 с.

Васильев С.К. Териофауна и природная среда в позднем плейстоцене Верхнего Приобья. // Современные проблемы археологии России. Изд-во ИАЭТ СО РАН, Новосибирск, 2006, т. I. С. 170-172.

Васильев С.К., Николаев С.В., Петрин В.Т. К проблеме тафономии палеонтологических остатков в «займищах» юга Западной Сибири. // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Изд-во АГУ, Барнаул, 1995. – С. 40-42.

Кириков С.В. Изменения животного мира в природных зонах СССР (XIII – XIX вв.). Степная зона и лесостепь. М., Изд. АН СССР, 1959, 174 с.

Орлова Л.А., Кузьмин Я.В., Дементьев В.Н. Пространственно-временная модель вымирания плейстоценовой мегафауны Сибири: новые данные // Эволюция жизни на Земле. Материалы III Международного симпозиума. Изд-во Томского гос. ун-та, Томск, 2005. – С. 368-369.

СПЕЦИФИКА ИЗНОСА КАМЕННОГО ИНСТРУМЕНТАРИЯ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ СЛОЕВ ПЕЩЕРЫ КАМИННАЯ

Материалы археологических коллекций позднепалеолитических слоев пещеры Каминная [Маркин, 2006] имеют важное значение для изучения палеохозяйства населения Алтая и процесса его адаптации к изменениям природной среды в период позднего плейстоцена [Маркин, 2007]. Особо значимую информацию для исследований такого рода может предоставить анализ использованного человеком каменного инструментария.

При исследовании зон износа древних инструментов из археологической коллекции Каминной пещеры, помимо макропризнаков утилизации [Семенов, 1957; Korobkova, 1999; и др.] изучались характерные следы микроизноса в виде микрозаполировок [Keeley, 1980; etc.]. В работе использовался и опыт синтезированной трасологической методики, адаптированной для работы с материалами археологических коллекций палеолитических и неолитических памятников Северной Азии [Волков, 1999]. Для сравнительного анализа следов изношенности на древних орудиях из камня использовались материалы Сибирской эталонной коллекции трасологических стандартов.

Как было установлено в ходе исследований находок Каминной пещеры, к перечню наиболее типичных обрабатываемых здесь людьми материалов следует отнести: рог, мясо, дерево.

Характер сырья, из которого изготавливался инструментарий Каминной пещеры, несомненно, оказал влияние на специфику формирования микрозаполировок износа инструментария.

Установлено, что заполировка износа от рабочего контакта орудия с таким материалом, как свежий, вероятно олений, рог формируется на инструментах преимущественно на выступающих поверхностях микроструктуры камня и сравнительно далеко проникает от кромки лезвия орудия. Участок износа представляет собой относительно широкую полосу. Заполировка проникает в относительно пологие волны микрорельефа камня почти не деформируя их. Границы заполировки и нетронутой поверхности камня выделяются отчетливо, но не контрастны и переход в микрорельеф зоны износа сравнительно плавный. «Линейные следы» на микроповерхности самой заполировки сравнительно короткие, прямые, умеренно глубокие, локализованные. На поверхности участков интенсивного контакта с обрабатываемым материалом на поверхности структуры микрозаполировки

прослежены узкие (точечные) углубления. Заполировка сравнительно яркая, но относительно более тусклая, чем образующаяся от контакта каменного орудия и древесины. Общий микрорельеф зоны заполировки слегка ячеистый. На участках интенсивного износа можно проследить линейность общей структуры поверхности заполировки.

Заполировка от контакта со свежим мясом формируется на относительно широких площадях и обнаруживается на наибольшем удалении от кромки лезвия инструмента и вдоль всего рабочего края. Заполировка в незначительной степени заглаживает рельеф на рабочем участке, плавно повторяя складки поверхности и проникает почти во все углубления микрорельефа. Граница зон заполировки и непотревоженных участков поверхности кремня размыта, неясна, выделяется нечетко. Переход от матового фона неизношенной зоны к участкам неразвитой заполировки почти незаметен. Блеск поверхности заполировки тусклый, но все же заметно ярче матовой поверхности неизношенных участков естественной структуры камня.

Наблюдаемая микрозаполировка износа сформированная от контакта каменного инструмента с древесиной распространяется в виде яркой относительно узкой полоски вдоль кромки рабочего края, почти непрерывно на всем рабочем участке орудия. Наиболее интенсивное формирование заполировки фиксируется на выступающих участках микрорельефа камня, иногда окаймляет края фасеток. Переход от не потревоженной поверхности к зоне заполировки просматриваются отчетливо и, как правило, на небольшом промежутке и, вместе с тем, границы перехода достаточно мягки и сглажены. При относительно слабой интенсификации заполировка деформирует только выступающие части микрорельефа. На стадии близкой к относительно средней — происходит сглаживание вершин, превращение их в своеобразные «оплывшие купола». Для развитых зон интенсивного износа характерно слияние оплывших куполообразных вершин и формированию сплошной желеобразной «ячеистой» зоны, в структуре которой иногда отмечается некоторая «волнистость» общей микроповерхности.

Микроскопический анализ поверхностей артефактов из коллекций различных слоев пещеры позволил отметить ряд инструментов, содержащих следы износа редко отмечающиеся на материалах других памятников.

Так, например, исследование материалов коллекции слоя 14 б из Каминной пещеры дало основания для функционального определения орудий, предназначавшихся для работы с таким материалом как «свежий рог»

Для работы с органическим материалом средней плотности (предположительно со свежим рогом) использовался и артефакт № К-1031. Износ относительно слабый. Судя по дислокации следов утилизации в виде заглаженности и микрозаполировки в начальной стадии образования, орудие можно определить как резчик.

В числе достаточно редко встречаемых орудий — находка под коллекционным номером К-02/935. На артефакте зафиксировано два рабочих участка. Острые изделия обозначенное литерой *a* содержит следы харак-

терные для резчика. Участок *b* представляет собой рабочий край скобеля [Волков, 1999, с. 25.]. Оба рабочих края этого универсального инструмента содержат следы контакта с таким обрабатываемым материалом как, мягкий по своей структуре, свежий рог. Относительная степень изношенности на обоих участка — средняя.

Артефакт под номером К-02\739 в результате трасологического анализа определен как двулезвийный нож для разделки мяса. Следы на его основном рабочем крае (а) свидетельствуют об интенсивности его использования. Вероятно вспомогательный рабочий участок (б) изношен в относительно меньшей степени. Следует отметить и эпизодическое использование инструмента в качестве скобеля (орудие сохранило на своей поверхности следы контакта с костью (зона с)).

В ставе инструментария 13-го слоя выделена значительная доля скобелей. Характер интенсивного износа рабочего края артефакта под номером К-3736\95 свидетельствует об использовании скобеля для работы с относительно мягким, вероятно, свежим рогом. На артефактах с коллекционными номерами К-3725\95, К-3910\95, К-4040\95, К-4038\95, К—95\4039 формирование следов износа свидетельствует об относительно меньшем времени их использования. Однако следы разрушения рабочих краев при утилизации данных орудий позволяют не только уверенно определить их функцию как «скобеля для обработки относительно мягких материалов», но и по значительному количеству аналогий с более ярко выраженными следами износа на артефакте № 3736, достаточно уверенно предположить, что обрабатываемый данными инструментами материал также являлся свежим, т.е. сравнительно мягким рогом.

Сравнительно редким орудием в инструментарии оказался артефакт под номером К-3717\95. Изделие определено как резчик для работы со свежим рогом. Износ инструмента относительно средний. Следов использования рукоятки на инструменте не выявлено.

Инструмент, определенный в результате трасологического анализа как скобель по относительно твердому материалу (коллекционный номер К-96\95), мог использоваться как для обработки дерева, так и для работы с относительно твердым рогом (относительно средняя интенсивность износа не привела к формированию необходимых дифференцируемых признаков).

В целом состав утилизированных орудий исследованного инструментария памятника характерен для охотничьего лагеря эпохи позднего палеолита. Однако, обнаружение в результате экспериментано-трасологического анализа инструментария большой серии изделий со следами износа от работы со свежим рогом — уникально. Состав коллекции орудий памятника в связи с этим приобретает характерное своеобразие. Не менее интересным является и тот факт, что отмечаемая специфика в ориентации хозяйственной деятельности обитателей на изучаемой территории прослеживается во все трех изученных нами слоях пещеры.

Судя по составу и особенностям инструментария следует отметить, что основным «материалом», на который воздействовали орудия коллекции, являлась дичь относительно крупных размеров.

Отличительной особенностью инструментария всех трех палеолитических слоев памятника является относительно большая доля орудий для работы со свежим рогом. Трасологический анализ инструментов данного типа свидетельствует о работе людей со свежим, относительно мягким материалом. Причем, набор инструментов свидетельствует не только о «разделочных работах», но и о проведении достаточно детальных производственных операций. Среди орудий отмечены скобели, резчики. Интенсивность износа этих орудий различна, но преимущественно значительна, что косвенно свидетельствует о сравнительно активной работе людей на изучаемой территории.

Палеолитический инструментарий Каминной пещеры свидетельствует об уникальности в ориентации палеохозяйства обитателей изучаемой территории. Основой жизнедеятельности людей в изучаемое время — охота на крупную дичь. Вероятно, что преимущественной добычей являлись, и поныне обитающие в округе, крупные сибирские олени — маралы (*Cervus elaphus sibiricus*).

Исследованный материал представляет т.о. своеобразную опорную базу данных для сравнительного анализа хозяйственной деятельности человека в эпоху позднего палеолита в центре Азии.

Примечания

Волков П.В. Трасологические исследования в археологии Северной Азии. — Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1999. — 192 с.

Семенов С.А. Первобытная техника // МИА — М.; Л.: Наука, 1957. — N 54. — 241 с.

Маркин С.В. Освоение человеком Северо-Западного Алтая в период заключительной стадии верхнего палеолита // Современные проблемы археологии России. — Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. — Т. 1. С. 131-133.

Маркин С.В. Финальная стадия верхнего палеолита Алтая // Северная Азия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология: Материалы всероссийской конференции с международным участием, посвященной 100-летию со дня рождения Михаила Михайловича Герасимова. — Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2007. — Т. 1. С. 391-398.

Keeley L.H. Experimental determination of stone tool uses. A microwear analysis. - Chicago, London: Univ. of Chicago Press, 1980. - 212 p.

Korobkova G.F. Narzedzia w pradziejach.— Torin, wydawnictwo Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 1999. — 168 p.

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ПАЛЕОХОЗЯЙСТВЕ ОБИТАТЕЛЕЙ ПОСЕЛЕНИЯ ГРОМАТУХА

На памятнике Громатуха в 2004 г. было раскопано 80 кв. м площади периферийной части древнего многослойного поселения. Анализ стратиграфических разрезов позволил уточнить информацию о литологических слоях террасы, их сохранности и культурной принадлежности.

Слой 1 представляет собой буро-желтый легкий суглинок. Слой датируется временем существования осиноозёрской поздненеолитической культуры. Для слоя 1 получена дата, календарное значение которой соответствует 3730 – 4080 л.н. Она хорошо согласуется с тремя определениями непосредственно из осиноозёрского жилища, которое могло существовать 3470 - 3630 л.н.

Слой 2 по цвету делится на два горизонта: верхний прослой 2.1 имеет темный, а прослой 2.2 черный цвета. На отдельных разрезах между прослоями имеется тонкая (5–7 мм) песчаная прослойка. В некоторых случаях слой 2 становится пестрым по цвету и теряет деление на два горизонта. Кроме керамики громатухинской культуры, здесь обнаружена керамика малышевской и бойсманской [Морева, 2005, с. 22] культур. Калиброванные даты образцов угля указывают на период от 6750 до 12940 л.н. Нижняя граница практически смыкается с датами по слою 3, верхняя указывает на более поздний период развитого неолита.

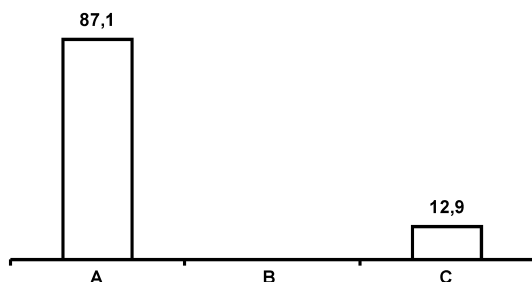
Слой 3 серой супеси зафиксирован в виде линз большей или меньшей протяженности.. Наиболее типичными находками каменных изделий громатухинских слоев являются хорошо известные тесловидно-скребловидные изделия (интерпретируемые как макросребки и тесла), концевые скребки, проколки, свёрла, бифасиально обработанные листовидные ножи и керамика громатухинской культуры, в тесте которой в качестве отошителя использовалась трава. Слой 3 имеет позднеледниковый возраст: календарная калиброванная ¹⁴C дата около 13030–15430 л.н. [Нестеров, 2006, с. 296].

На памятнике Черниговка-на-Зее у оз. Западный Байкал (примерно в 80 км южнее Громатухи) было вскрыто 100 кв. м поверхности рёлки и исследовано три археологических слоя: слой пашни, являющейся разрушенной частью слоя 1 и слой 2. В результате были получены материалы, сочетание которых характеризует ранненеолитическую громатухинскую культуру Западного Приамурья. Этот комплекс включает тесловидно-скребловидные орудия, конические и клиновидные микронуклеусы и микропласти-

ны; бифас; острия с черешком и треугольным в сечении пером; керамику с травой в тесте в качестве отошающей примеси, с отпечатками сплошных прочесов на внутренней и внешней поверхности сосудов. Встреченный на памятнике наконечник стрелы на пластине, аналогичный наконечникам с памятника Новопетровка-III, позволяет предварительно датировать Черниговку-на-Зее временем IX–X тыс. л.н.

Итоги экспериментально-трасологического, функционального и статистического анализа состава инструментария из коллекций археологических находок памятников, из слоев именно громатухинской культуры, можно отобразить в ряде нижеследующих графиков.

График 1. Доля орудий различных категорий в составе инструментария 2-го слоя памятника Громатуха

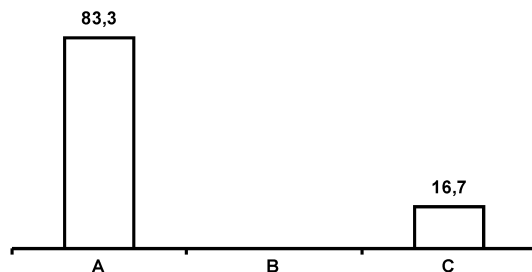
Примечание: Здесь и далее:

А — орудия охоты и переработки ее продуктов.

В — орудия рыболовства и переработки его продуктов

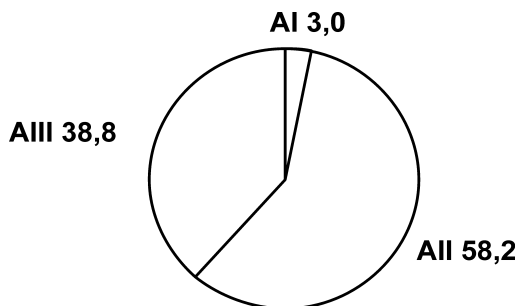
С — орудия по обработке дерева, кости, камня

График 2. Доля орудий различных категорий в составе инструментария 3-го слоя памятника Громатуха

Доминирующее значение в инструментарии памятника занимают, как видим, орудия связанные с охотой и переработкой ее продуктов (категория А). Представляется уместным рассмотреть состав этой категории инструментария более детально.

График 3. Доля орудий различных групп в категории А в инструментарии 2-го слоя памятника Громатуха

Примечание: Здесь и далее:

AI — орудия охоты.

AII — орудия обработки продуктов охоты

AIII — мясные ножи

График 4. Доля орудий различных групп в категории А в инструментарии 3-го слоя памятника Громатуха

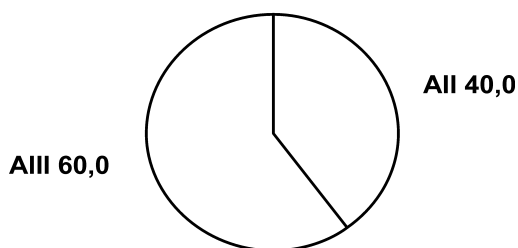
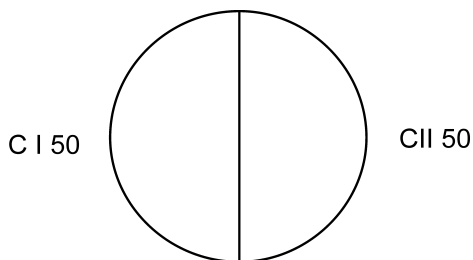

График 5. Доля орудий различных групп в категории С в инструментарии 2-го слоя памятника Громатуха

Примечание: Здесь и далее:

CI — орудия для работы с прочими органическими материалами.

CII — орудия для работы с неорганическими материалами

График 6. Доля орудий различных групп в категории С в инструментарии 3-го слоя памятника Громатуха

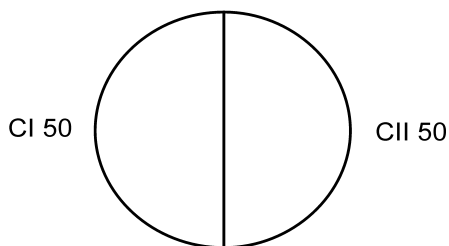
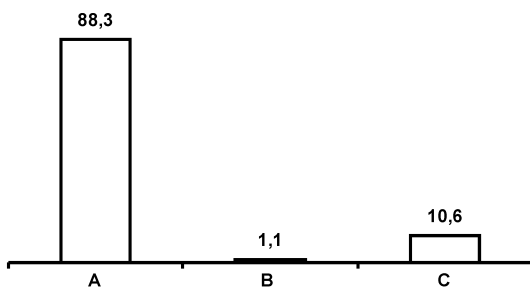

График 7. Доля орудий различных категорий в составе инструментария 1-го слоя памятника Черниговка

Примечание: Здесь и далее:

VI — орудия рыболовства.

VII — орудия обработки продуктов рыболовства

График 8. Доля орудий различных категорий в составе инструментария 2-го слоя памятника Черниговка

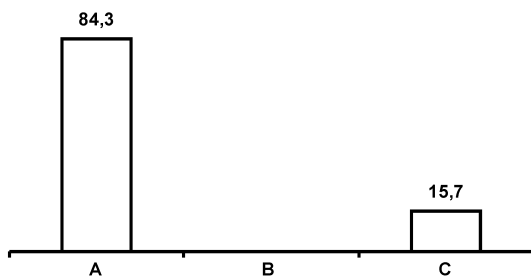

График 9. Доля орудий различных групп в категории А в инструментарии 1-го слоя памятника Черниговка

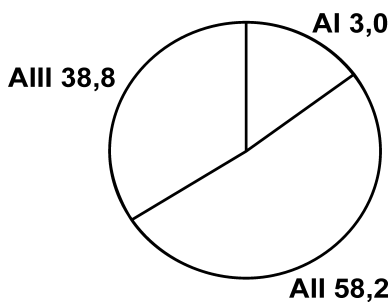

График 10. Доля орудий различных групп в категории А в инструментарии 2-го слоя памятника Черниговка

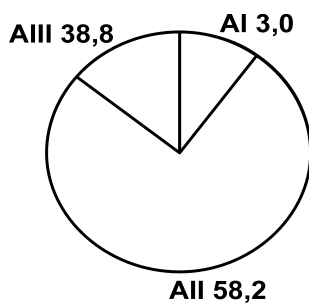

График 11. Доля орудий различных групп в категории С в инструментарии 1-го слоя памятника Черниговка

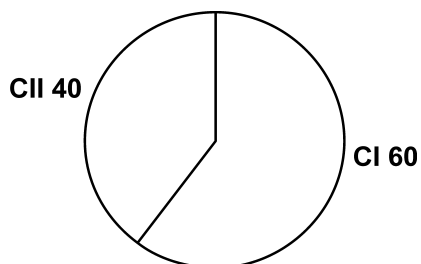
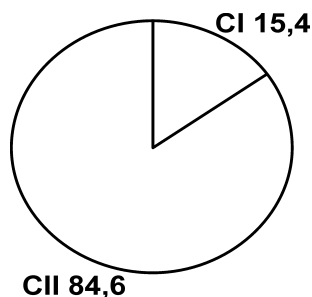

**График 12. Доля орудий различных групп в категории С
в инструментарии 2-го слоя памятника Черниговка**

В качестве предварительных итогов исследования палеоэкономики гromатухинской культуры следует отметить незначительное различие в характере хозяйственной деятельности населения, оставившего утилизированный инструментарий в накоплениях двух различных, археологически дифференцируемых, слоев памятников. Сопоставление же полученных данных с ранее опубликованными итогами функциональных исследований коллекции [Derevianko, Volkov, 1997] полученных археологами в прежние годы раскопок памятника Громатуха [Окладников, Деревянко, 1977] – дело ближайшего будущего.

Примечания

Морева О.Л. Керамика бойсманской культуры (по материалам памятника Бойсмана-2: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. – Владивосток, 2005. – 26 с.

Нестеров С.П. Стратиграфия и хронология неолитических культур Западного Приамурья // Современные проблемы археологии России. - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ, 2006. - С. 295 - 298.

Окладников А.П., Деревянко А.П. Громатухинская культура. - Новосибирск: Наука, 1977. – 288 с.

Derevianko A.P., Volkov P.V. The evolution of the palaeoeconomy of the ancient population of the Amur region (from upper palaeolithic to neolithic) // Suyanggae and Her Neighbors. - Chungju, 1997. - P. 35 - 44.

**ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МНОГОСЛОЙНЫХ
ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ В БАССЕЙНЕ
РЕКИ ИХ-ТУЛБЭРИЙН-ГОЛ (МОНГОЛИЯ)**

Летом 2007 г. Монгольский палеолитический отряд продолжил изучение многослойных палеолитических стоянок в бассейне р. Их-Тулбэрийн-Гол, правого притока р. Селенги. Работы проводились в рамках многолетнего проекта совместной российско-монгольско-американской археологической экспедиции по изучению каменного века Монголии. Перед отрядом стояли две задачи. Первая – продолжить стратиграфическое изучение опорного многослойного памятника Толбор-4. Вторая – приступить к исследованию открытого в 2006 г. местонахождения Толбор-15.

Реализуя первую задачу, на стоянке Толбор-4 был вскрыт разрез западной стенки раскопа 2006 г. по всей толще рыхлых отложений до скального основания. На базе полученного разреза проводилась литологическая и гранулометрическая характеристика осадков. Из культуросодержащих слоев были взяты образцы на TL-датирование.

По геоморфологическому районированию территории Монголии район исследований относится к Орхон-Селенгинской среднегорной области, входящей в состав Хангай-Хэнтэйской горной страны и занимающей ее центральную, депрессионную часть между крупными сводово-глыбовыми поднятиями Хангая и Хэнтэя. Основными орографическими элементами данного региона являются положительные (средневысотные хребты – от 1400 до 2000 м) и отрицательные (межгорные впадины и долины крупных рек – от 900 до 1100 м) морфоструктуры. Разрез Толбор-4 находится на подгорном шлейфе, примыкающем к крутому коренному склону вдоль левого борта долины р. Их-Тулбэрийн-Гол. Мощность пройденной выработки составляет 4,3 м. По фракционному составу, сочетанию статистических и динамических показателей процесса осадконакопления толща подразделяется на 14 слоев (рис. 1). Археологический материал зафиксирован в слоях 1 – 6.

1. 0,0–0,2 м. Почвенно-растительный слой.

2. 0,2–0,5 м. Супесчано-суглинистый лессовидный горизонт, белесоватый, плотный, массивный, бестектурный с включениями неокатанного псефитового материала и карбонатацией по плоскостям напластования. Разбит субвертикальными трещинами шириной от 1 до 10 см (корни растений). Нижняя граница неровная, в целом субгоризонтальная. Проба на гранулометрический анализ Т-4-1.

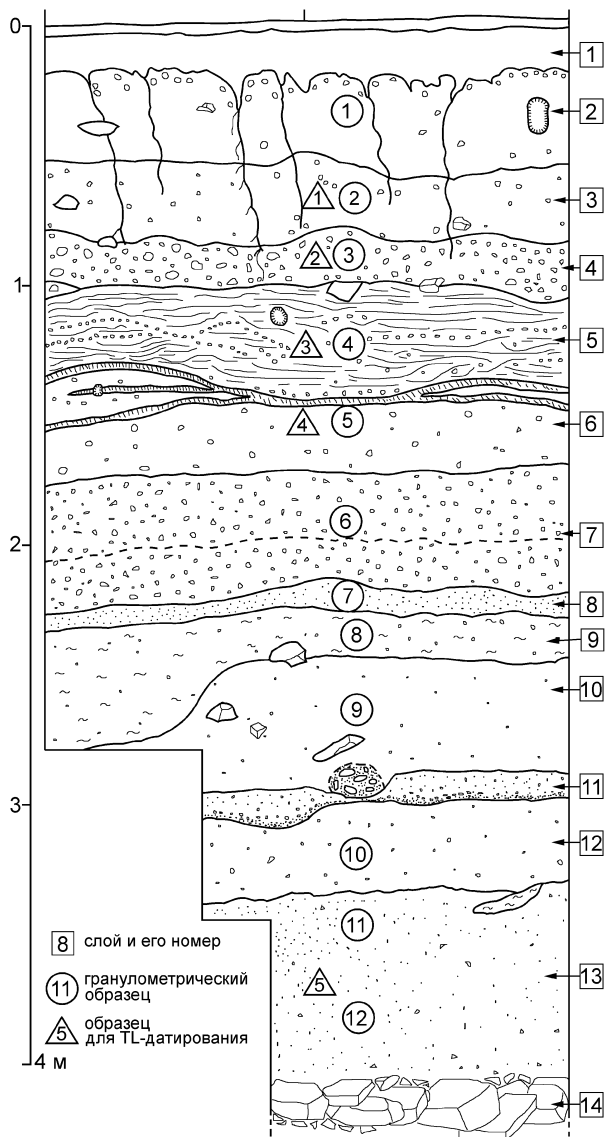

Рис. 1. Толбор-4. Стратиграфический разрез западной стенки раскопа 2006 года

3. 0,5–0,8 м. Лессовидная, серовато-коричневая супесь, плотная, массивная, бестекстурная, с хаотичными включениями неокатанного псефитового материала древесно-щебнистой размерности с карбонатной коркой по плоскости напластования. Имеют место субвертикальные трещины,

переходящие из верхнего горизонта, в левой части описываемой стенки – современный корень. Нижняя граница расплывчатая, в целом субгоризонтальная. Проба Т-4-2.

4. 0,8–1,1 м. Отложения, аналогичные по составу с предыдущим горизонтом с некоторым увеличением псефитового материала обломочного вещества. Нижняя граница четкая, субгоризонтальная. Проба Т-4-3.

5. 1,1–1,45 м. Супесь белесоватая, серовато-белесоватая с ноздреватой поверхностью стенки за счет осыпания обломков при проходке выработки. Нижняя граница расплывчатая. Проба Т-4-4.

6. 1,45–1,8 м. Сероватая супесь, с дресвяно-щебнистыми включениями с неясновыраженным послойным распределением, плотная с тремя выраженными прослойками мощностью 2-3 см более темного и зернистого материала на интервале 1,45-1,48.

1,67-1,70 м. Прослойки выклиниваются в средней части стенки, изгибаясь при этом вверх.

1,78-1,8 м. Верхняя и нижняя прослойки прослеживаются довольно отчетливо по простиранию с некоторым изменением мощности. Проба Т-4-5.

7. 1,8–2,25 м. Супесь серая, плотная, с признаками цементации глинистыми частицами с неясно выраженной субгоризонтальной слоистостью неокатанного щебнисто-дресвянистого материала. В этом горизонте присутствуют бурые пятна гумусированного материала субгоризонтального залегания. Нижняя граница субгоризонтальная, отчетливая. Проба Т-4-6.

8. 2,25–2,35 м. Супесь серая, аналогичная вышеописанной. Нижняя граница четкая, субгоризонтальная. Проба Т-4-7.

9. 2,35-2,6 (2,75) м. Алеврито-глинистый горизонт темно-коричневый, плотный, массивный, безтекстурный с обильным включением неокатанного материала от дресвы до мелких глыб. Слой имеет неодинаковую мощность залегания, в левой части стенки наблюдается расширение (до 15 см). В остальном горизонт отчетливо выражен, и имеет субгоризонтальную нижнюю границу. Проба Т-4-8.

10. 2,6 (2,75)-2,9 (2,95) м. Алевритово-глинистые осадки коричневого цвета с неясно выраженным слоистым распределением неокатанного мелкоглыбового, щебнистого и дресвяного материала. В средней части стенки имеет место пятно (примерно 15 x 15 см) серовато-коричневого цвета с русловым обломочным материалом и повышенным содержанием псаммитовых частиц (интервал 2,7-2,85 м). Нижняя граница субгоризонтальная отчетливая. Проба Т-4-9.

11. 2,9 (2,95)–3,35 м. Серовато-коричневая супесь, плотная с включениями обломочного материала. Нижняя граница слоя маркируется структурными отличиями – резким возрастанием количества песчаных частиц. Проба Т-4-10.

12. 3,35-3,65 м. Серовато-коричневая супесчано-песчаная толща с обильным содержанием неокатанного обломочного материала с неясно-

выраженным субгоризонтально-слоистым распределением мощностью от 2 до 5 см. На границе присутствует линза мощностью 20х7 см суглинистого плотного темно-коричневого материала с включением древесных частиц. Нижняя граница условная. Проба Т-4-11.

13. 3,65–4,0 м. Толща, аналогичная вышеописанному слою, нижняя граница субгоризонтальная.

14. 4,0–4,3 м. Кора выветривания темно-серая, рухляковая, с отдельными обломками.

Детально изученная толща памятника Толбор-4 имеет в целом склоновый генезис осадков. Верхние горизонты лессовидного облика (слои 2–5) могли накапливаться в условиях холодного аридного климата сартанской эпохи, в период которого они претерпели воздействие лессового типа выветривания, перенос материала осуществлялся коллювиальным, делювиальным и, возможно, ветровым путями. Тектоно-климатическая составляющая процесса аккумуляции испытывала при этом усиление вектора дестабильности с периодичным послаблением, что нашло отражение в постепенном росте эрозионно-денудационных явлений и укрупнении средневзвешенного размера частиц осадка.

Относительный максимум был достигнут при образовании слоя 6, который, на наш взгляд, является репером, от которого можно наблюдать некую цикличность вариабельности процессов эндо- и экзогенеза при образовании слоев 6–8 и 10–12. Сначала минимум, затем рост и снова небольшой спад. Наиболее яркое их проявление было достигнуто при формировании слоя 9, для которого характерна самая большая размерность частиц в разрезе и, как следствие, участие в кумуляции свободно текущей воды, что можно связать с оптимумом каргинской фазы позднего неоплейстоцена, характеризующейся в целом климатическим потеплением и увеличением обводненности территории. Горизонт 13, залегающий в основании толщи, по всей общности показателей, кроме облессованности, можно соотнести с верхами разреза, образовавшегося, по всей видимости, либо в финале ермаковского, либо в начале каргинского времени.

Реализуя вторую задачу полевого сезона, на новом пункте Толбор-15 была зачищена стенка карьера. Этот памятник находится в 2-х км к югу от стоянки Толбор-4 (N-49° 16' 22,8", E-102° 58' 18,4"). Разрез памятника Толбор-15 вскрыт на выступе подгорного шлейфа у левого, западного склона долины р. Их-Тулбэрийн-Гол. Глубина выработки северо-восточной ориентировки составила 2,4 м, при этом было зафиксировано 6 литологических горизонтов (рис. 2).

1. 0,0–0,25 м. Почвенно-растительный слой с затечной нижней границей

2. 0,25–0,45 м. Белесоватый, плотный, сцементированный, облессованный мелкозернистый песчаный алеврит массивной текстуры с нечетким разделом. Проба на гранулометрический анализ – ТР-1.

3. 0,45–1,20 м. Слой представлен песчаным алевритом белесовато-сероватого цвета, безтекстурным, с включениями неокатанного обломочно-

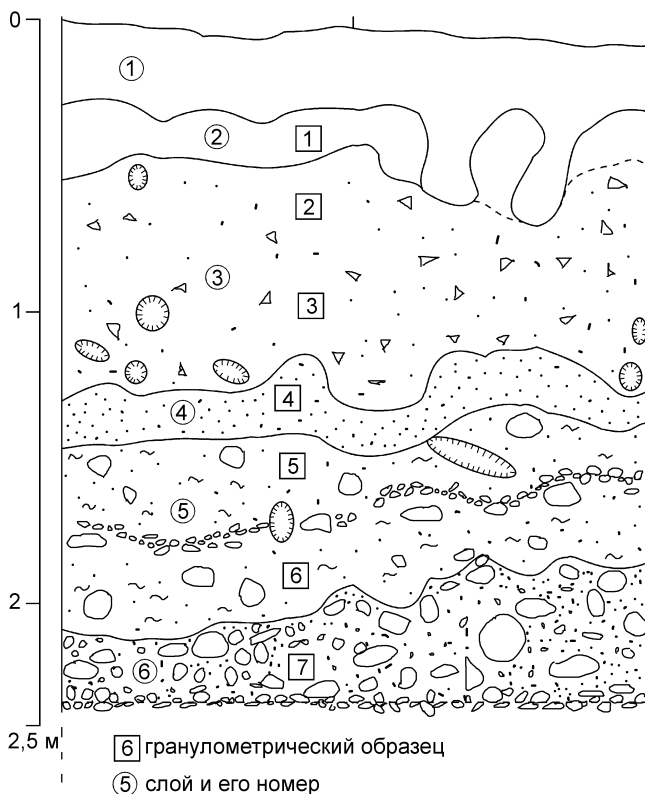

Рис. 2. Толбор-15. Стратиграфический разрез северо-восточной стенки карьера

го материала вплоть до редких малых глыб, проработан многочисленными норами мелких животных, заполненных более темным рыхло-сыпучим алевритово-глинистым материалом. Нижняя граница имеет отдельные затечные карманы размером 35x20 см. Пробы ТР-2 (0,45-0,85 м), ТР-3 (0,85-1,20 м).

4. 1,20–1,35 м. Белесоватая супесь с аналогичными физическими свойствами, что и в предыдущем горизонте, с повышенным содержанием псефитового материала. Граница неровная, наблюдаются изгибы и выросты. Проба ТР-4.

5. 1,35–2,0 м. Сероватая (до светлосерой) супесчано-суглинистая толща. Имеет плотный, массивный, безтекстурный состав с ноздреватой стенкой с включениями окатанного материала, от малых валунов до гальки и гравия. Нижняя граница резкая, слабонаклонная (справа налево). Пробы ТР-5 (1,35–1,6 м); ТР-6 (1,6–2,0 м).

6. 2,0–2,4 м. Валунно-галечно-гравийная смесь с супесчаным заполнителем без валунной текстуры. Проба ТР-7.

Накопление низов толщи происходило в условиях, близких к современным климатическим характеристикам. Параметры аккумуляции перекрывающего слоя склонового генезиса еще сохраняли черты динамичности, характеризовавшейся сохранением «живости» тектоно-климатической обстановки, ее температурной и влагообеспечивающей составляющей, что свойственно периодам относительных потеплений, к примеру, каргинскому межстадиалу. Формирование облессованных верхов разреза смешанного эолово-делювиального генезиса с наименьшей крупностью зерна осадка можно соотнести с маловлажной климатической эпохой Сартана.

На памятнике выявлено 4 культуросодержащих горизонта. Археологический материал зафиксирован в литологических слоях 2 (1-й горизонт), 4 (2-й горизонт) и 5 (3-й и 4-й горизонты). Всего из зачистки стенки получена коллекция, насчитывающая 498 артефактов. Основную массу находок составляют отщепы и сколы. На основании имеющегося материала трудно судить об особенностях морфологии и технологии комплексов того или иного горизонта. Предварительно можно констатировать, что материалы верхнего горизонта относятся к самому финалу верхнего палеолита, а артефакты нижнего слоя, скорее всего, могут быть датированы началом позднего палеолита. Какую позицию занимают находки 2 горизонта, говорить пока преждевременно.

В нижней части разреза, практически на галечно-гравийном слое были обнаружены остатки кострища. Сохранность его плохая, зольно-пепельный слой фрагментарен, а границы кострища нечеткие. Рядом с ним располагались крупные отщепы и пластины.

Несомненно, дальнейшее комплексное изучение пункта Толбор-15 наряду с тщательным археологическим обследованием долин крупных притоков р. Селенги, позволит значительно прояснить картину заселения этих территорий палеолитическим человеком.

РАЗВЕДОЧНЫЕ РАБОТЫ В БАССЕЙНЕ РЕКИ ХАНУЙ-ГОЛ (МОНГОЛИЯ, БУЛГАНСКИЙ АЙМАК)

На протяжении последних лет перед совместной российско-монгольско-американской археологической экспедицией стояли две основные задачи. Первая - детальное обследование перспективных участков в среднем течении р. Селенги с выделением опорных геоархеологических объектов (например, Толбор-4). Вторая - проведение рекогносцировочных работ с целью обнаружения новых стратифицированных палеолитических памятников.

Река Хануй-Гол является крупным правым притоком р. Селенги. Русло реки сопряжено с тектонической трещиной субмеридионального направления и представляет собой довольно узкий каньон с отвесными базальтовыми бортами. В отдельных случаях наблюдаются расширения долины с формированием эрозионных уступов (до 4-х уровней). Основные притоки р. Хануй-Гол: Унэгэдийн-Цаган-Гол, Джаргалантийн-Гол – справа и Балигийн-Гол - слева. В качестве перспективных участков были выбраны предгорные шлейфы, террасовидные уступы, устьевые участки притоков второго и третьего порядка. Всего обнаружено 12 пунктов, содержащих материалы, свидетельствующие о заселении исследуемой территории в эпоху палеолита (Рис. 1).

Долина р. Унэгэдийн-Цаган-Гол. Территория представляет собой впадину (очевидно, тектонического происхождения) субмеридианального простирания. Наблюдается асимметричное оформление бортов. Ширина долины на отдельных участках составляет около 1 км. Левый борт представляет собой средневысотные образования хребта Олийн, сочленяющиеся предгорными шлейфами различной степени выположенности, правый борт представлен террасовидными образованиями с относительными высотами до 15-20м. Последние сформированы, как представляется, за счет вреза в эпоху голоцена ложа р. Унэдэгийн-Цаган-Гол в отложения выположенных шлейфов средневысотных горных образований хребта Сонгино. В нижней части долины река меняет направление на субширотное, при этом верхняя часть перекрестной долины в настоящее время представляет собой сухую падь. Палеолитические комплексы, практически на всем протяжении пади, как правило, располагаются в пределах предгорных шлейфов юго-восточной и юго-западной экспозиции левого борта, а в нижнем течении такие участки приурочены к противоположной инсолируемой стороне, с широкими выположенными склонами.

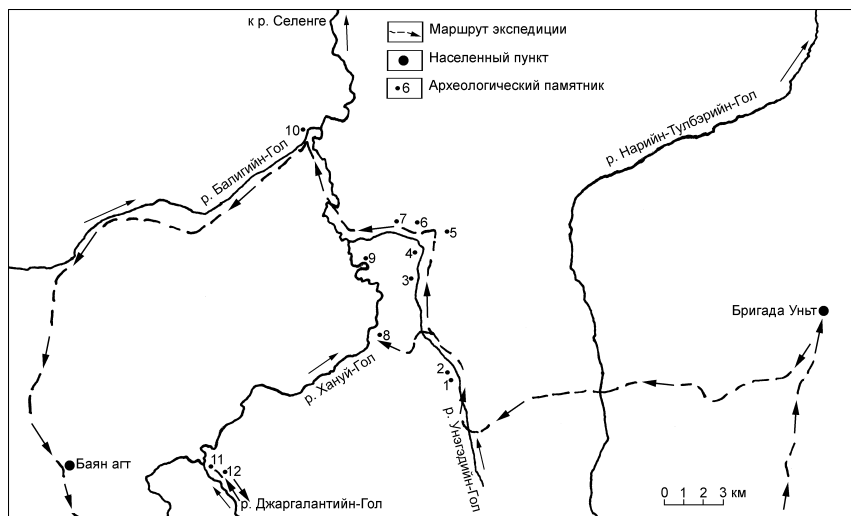

Рис. 1. Карта-схема расположения палеолитических памятников в долине р. Хануй-Гол

Пункт 1 ($N-49^{\circ} 06' 00''$, $E-102^{\circ} 26' 44''$, $H-1278$ м) находится в местности Уньохт, на левом берегу реки Унэгэдэийн-Цаган-Гол. Артефакты были собраны с участка, на котором расположен керексур. Общее количество артефактов – 9 экз., среди них преобладают отщепы, в том числе со следами эпизодической ретуши. Возможна удовлетворительная сохранность палеолитического слоя.

Пункт 2 ($N-49^{\circ} 06' 26,5''$, $E-102^{\circ} 26' 08''$, $H-1268$ м) расположен в 0,5 – 0,7 км севернее предыдущего, на небольшой террасовидной возвышенности, высотой 8-10 м. Артефакты сосредоточены на бровке уступа и склоне возвышенности. Всего найдено 24 предмета, из них 14 экз. – отщепы. Орудия представлены 7 экз.: ретушированные пластины – 3 экз.; шиповидное орудие – 1 экз., изготовлено на слабодетфлированной пластине, шип выделен более поздней ретушью, чем сама пластина; зубчато-выемчатое орудие – 1 экз., выполнено на пластине. Особняком стоит зубчато-выемчатое орудие, изготовленное на сильнодетфлированном, удлинённом листовидном отщепе с конвергентной огранкой. Возможно, оно относится к среднему палеолиту. Вероятная культурно-хронологическая позиция основного массива комплекса – ранняя пора верхнего палеолита.

Пункт 3 ($N-49^{\circ} 09' 36,8''$, $E-102^{\circ} 24' 44,1''$, $H-1175$ м) расположен 2 км севернее Пункта 2. На склоне эрозионной террасовидной возвышенности на высоте 5-7 м от уреза воды отмечены одиночные артефакты (технический скол и крупный отщеп с ретушью).

Пункт 4 (N-49° 10' 16,9", E-102° 24' 51", Н-1168 м) находится в 2,5 км к северу, по левому берегу реки, в районе приустьевого мыса в зоне изменения направления основного русла. Местонахождение приурочено к небольшой седловине, на высоте 20-25 м от уреза воды. Мощность рыхлых отложений не превышает 0,5-0,7 м. Артефакты сконцентрированы на небольшой площадке (40 x 50 м). На противоположном берегу, напротив этого участка на поверхности террасовидных уступов встречаются одиночные предметы, не образующие скоплений. Всего найдено 16 артефактов, из них нуклеусов – 2 экз., медиальный фрагмент средней пластины, отщепы – 9 экз. и 4 орудия. Среди них выемчатые изделия – 2 экз., отщеп с ретушью и бифас. Последний изготовлен из отщепа, выпуклый край обработан двусторонними мелкими сколами и ретушью.

Пункт 5 (N-49° 11' 12,7", E-102° 24' 55,8", Н-1155 м) находится на правом приустьевом мысу сухого русла на бровке террасовидного уступа высотой 10-12 м. Разновременный археологический материал занимал площадь около 1000 м². Всего собрано 18 артефактов: отщепы (2 экз.), среди них следует отметить слабодетализированный крупный радиально-ограниченный скол с черепаховидного нуклеуса, пластины (3 экз.) и краевые сколы (5 экз.), которые имеют удлиненные пропорции, а обухи несут следы поперечной и продольной огранки. Орудийный набор насчитывает 8 предметов. Среди них: ретушированные пластины (2 экз.), шиповидное орудие, изготовленное из слабодетализированной массивной пластины, отщепы с ретушью (2 экз.), выемчатые орудия (2 экз.) и двойное поперечное противоположащее скребло.

Этот пункт представляется перспективным для дальнейшего стационарного исследования. Исходя из морфологии артефактов и сохранности их поверхности, комплекс имеет смешанный характер и может быть отнесен к финалу среднего палеолита и ранней поре верхнего палеолита.

Пункт 6 (N-49° 11' 25,1", E-102° 22' 57,2", Н-1118 м) расположен в 4 км к западу от пункта 5. На бровке и склонах террасовидного уступа высотой 10-12 м, расчлененного оврагом собрано 5 артефактов палеолитического облика.

Пункт 7 (N-49° 11' 24,3", E-102° 22' 46,2" - правый борт; N-49° 11' 26,2", E-102° 22' 53,7" - левый борт). Памятник расположен в 1,2 км к западу, на правом берегу р. Унэгэдийн-Цаган-Гол. Коллекция состоит из 10 артефактов, среди которых выделены нуклеусы (2 экз.), в том числе один торцовый, отщепы (3 экз.) и пластины (5 экз.), три из них ретушированные. Комплекс является, вероятно, гомогенным, некоторые предметы имеют карбонатную корку, и, возможно, происходят из стратифицированных условий.

Долина р. Хануй-гол имеет, в целом, субмеридиональное, северо-восточное простираие. В основном, объекты обнаружены на правобережье, что объясняется условиями формирования рыхлых осадков и близостью основного водотока и заложением боковых притоков преимущественно

по правому борту. Левобережье представлено выложенными широкими участками, с шириной до 2-3-км до предгорьев хребта Бор.

Пункт 8 (N-49° 8' 35,6'', E-102° 23' 04,7'', H-1118м) обнаружен на правом берегу, в обнажениях лессовидных супесей, перекрывающих базальтовое плато и формирующих слабонаклонные предгорные шлейфы юго-западной экспозиции. Относительная высота над урезом воды р. Хануй-Гол 35-40м. Коллекция состоит из 7 предметов. Среди них плоскостной одноплощадочный нуклеус для снятия отщепов, отщепы – 2 экз., краевой скол, пластины – 2 экз. и комбинированное орудие – сочетание углового скребка и шиповидного инструмента, оформленное на дистальном конце пластины.

Пункт 9 (N-49° 10' 09,2'', E-102° 21' 43,4'', H-1059 м) расположен в местечке Данджин, в 1 км к востоку от курорта Цаган-Гол, на правом берегу р. Хануй-Гол, на предгорном шлейфе, рассеченном оврагами. Всего найдено 10 артефактов. Среди них подпризматический нуклеус, отщепы – 3 экз., пластина и орудия – 5 экз. К ним относится галечное изделие, у которого на одном из длинных краев ступенчатой ретушью оформлено скребловидное лезвие, шиповидное орудие, выемчатые предметы – 2 экз. и поперечное прямое дорсальное скребло. Комплекс демонстрирует сочетание признаков, характерных для памятников второй половины верхнего палеолита. Местонахождение оценивается как перспективное для дальнейшего стационарного исследования.

Пункт 10 (N-49° 14' 45,1'', E-102° 18' 13,4'', H-1065 м) находится в устьевой зоне левого притока р. Хануй-Гол – р. Балигийн-гол, в 1 км к западу от точки слияния на террасовидной возвышенности, высотой 20-25 м. рассеченной серией мелких оврагов. Находки не образуют скоплений и довольно редки – 5 артефактов. Это клиновидный нуклеус, отщеп, галечное орудие, отщеп с ретушью и зубчатое орудие.

Пункт 11, (N-49° 2' 26,1'', E-102° 13' 05'', H-1172 м) обнаружен в устьевой зоне правого притока - р. Джаргалантийн-гол. Разновременный материал образует довольно крупные скопления на различных гипсометрических уровнях, начиная с вершины базальтового плато (высота 1180 м) вниз по предгорным шлейфам. Предполагаемая мощность рыхлых отложений – 1-1,5м. Материал обладает различной степенью патинизации и имеет разнообразными технологическими характеристики.

Далее вверх по притоку на удалении 3 км обнаружены единичные находки артефактов в экспонированном состоянии – Пункт 12.

Коллекция пункта 11 насчитывает 62 артефакта. В целом ее можно разделить на две группы, отличающиеся технико-типологическими признаками и характером сохранности поверхности. Первая группа (47 экз.) характеризуется преобладанием крупно-пластинчатой технологии, с сильно и среднепатинизированной поверхностью. Вторая группа (15 экз.) представляет собой более поздний комплекс с признаками микропластинчатой технологии и отсутствием патины на предметах.

К архаичной группе относятся 5 нуклеусов, 2 нуклевидных обломка, 17 отщепов, 18 пластин и их фрагментов. Группу орудий характеризуют ножевидные изделия с выпуклыми рабочими лезвиями (4 экз.); скребковые формы с выпуклым, выпукло-вогнутым, вогнутым и прямым рабочим лезвием (4 экз.), клювовидное изделие и зубчатые изделия (5 экз.). В целом, эта часть коллекции может быть датирована концом среднего – начальной стадией верхнего палеолита.

Ко второй группе относятся нуклеусы (2 экз.), пластины и их фрагменты (8 экз.), отщепы (5 экз.), технические сколы (2 экз.). Нуклеусы представлены клиновидным торцевым вариантом и двухфронтальным, одноплощадочным, с негативами микроснятий на торцевой части и негативами продольно-поперечных сколов на перпендикулярно расположенном фронте. Очевидно вторичное использование более древнего артефакта. Орудия представлены двумя ретушированными пластинками и ретушированным отщепом. Этот комплекс можно отнести к мезолит-неолитическому времени.

**НОВЫЕ ДАННЫЕ О РАННЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОМ
КОМПЛЕКСЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ РУБАС-1
(ПО МАТЕРИАЛАМ РАБОТ В 2007 ГОДУ)***

В 2007 г. совместной экспедицией ИАЭТ СО РАН и ИЭиА РАН под руководством А.П. Деревянко были продолжены археологические работы на стоянке Рубас-1 (Республика Дагестан) [Деревянко и др., 2006а].

В ходе работ предыдущих лет для террасовидного уступа, на котором расположена стоянка, было установлено следующее геологическое строение (рис. 1). В основании разреза залегает толща морских отложений, вероятно, акчагыльского возраста (N_2^{3ak}), составленная горизонтально-слоистыми темно-серыми глинами. На глинах лежит тонкая (до 0,15 м) гравийно-галечная прослойка, с зеленовато-серым алеврито-песчаным заполнителем. Ее перекрывают отложения морского генезиса, представленные мелкозернистым карбонатным песком светло-коричневого цвета, с тонкими прослоями светлых желтовато-коричневых глин, в которых встречаются отпечатки листьев и стеблей травянистых растений. Мощность слоя ~ 8 м. Выше расположены гравийно-галечно-валунные отложения речного генезиса, местами слабо сцементированные до конгломерата. Встречаются невыдержанные по простирацию прослои желтовато-рыжего песка (до 0,4 м). Мощность слоя ~ 3,5-3,8 м. Перекрывает галечники аллювиальный песок с прослоями светло-серого алеврита. Мощность слоя ~ 0,3-0,6 м. Венчает разрез мощная пачка светло-коричневых супесчано-суглинистых отложений сложного генезиса (совокупность коллювиальных, делювиальных и эоловых процессов). Мощность слоя - до 4 м [Деревянко и др., 2006а].

В 2006 г в тонкой гравийно-галечной прослойке, расположенной между пачками отложений морского генезиса был обнаружен комплекс древних каменных артефактов. Среди угловатых обломков кремня, составляющих незначительную часть гравийно-галечной составляющей, в основном, представленной известняками и песчаниками, 17 предметов были определены как артефакты. Сохранность и облик изделий определили разделение коллекции на две группы: типологически выраженные изделия (10 экз.) и плохо идентифицируемые предметы (7 экз.). Изделия первой группы, в

*Работа выполнена при поддержке РГНФ, гранты № 05-01-01373, № 05-01-01356 и № 06-01-00527; РФФИ, грант № 07-06-00096; Фонда Президента РФ, грант НШ-7646.2006.6.

основном, представлены сколами и имели хорошо прослеживаемые следы антропогенного воздействия. Предметы второй группы не имели четкой системы вторичной отделки, выраженных рабочих элементов и их «обработка» могла носить естественный характер [Там же..., С. 67-69]. Диагностика коллекции была затруднена сильной «сглаженностью» поверхности артефактов и ее слабой представительностью, что определялось малой площадью вскрытых отложений (~ 1 кв. м.) и низкой концентрацией материала.

В 2007 г. площадь раскопок было увеличена до 50 кв.м. Раскоп 10X5 м включил в себя и разведочную траншею 2006 г. (рис. 1).

Общее количество обнаруженных кремневых отдельностей превышает 400 экз. Предметы, в основном, имеют небольшие размеры (до 5 см), хотя встречаются единичные экземпляры окатанных желваков до 15 см по длинной оси. 41 экз. кремня имеет признаки искусственного расщепления разной степени выраженности. Типологически выраженные изделия - 29 экз. Это нуклевидные обломки - 4, сколы - 12 (рис. 2,3), обломки - 12, чешуйки - 1. Почти все сколы фрагментированы, три - средних (4-5 см), остальные - мелкие (1-2 см); остаточные ударные площадки гладкие (6)

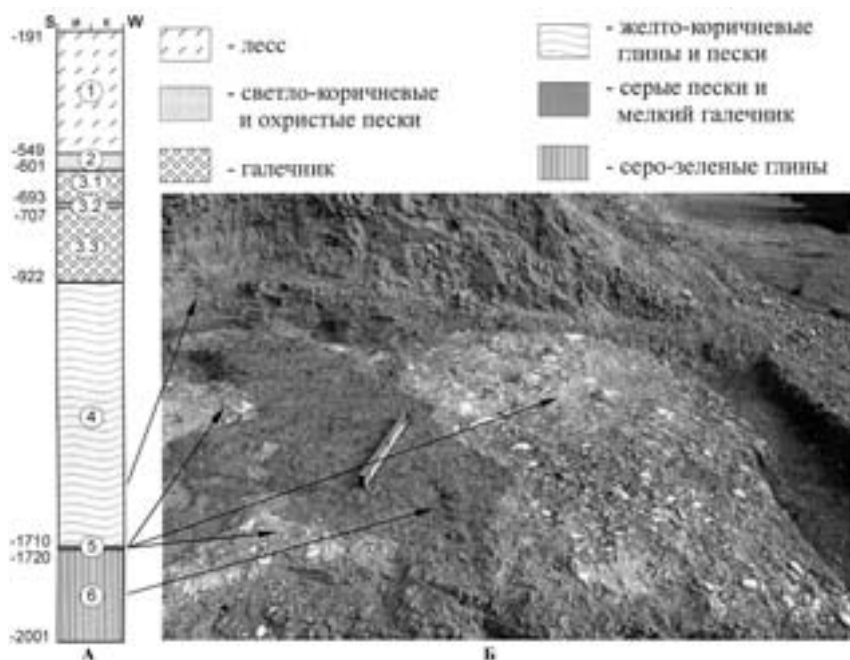

Рис. 1. Местонахождение Рубас-1. Раскоп 1. Стратиграфическая колонка (А) и поверхность галечно-гравийной прослойки, содержащей артефакты, в северо-западном секторе раскопа (Б).

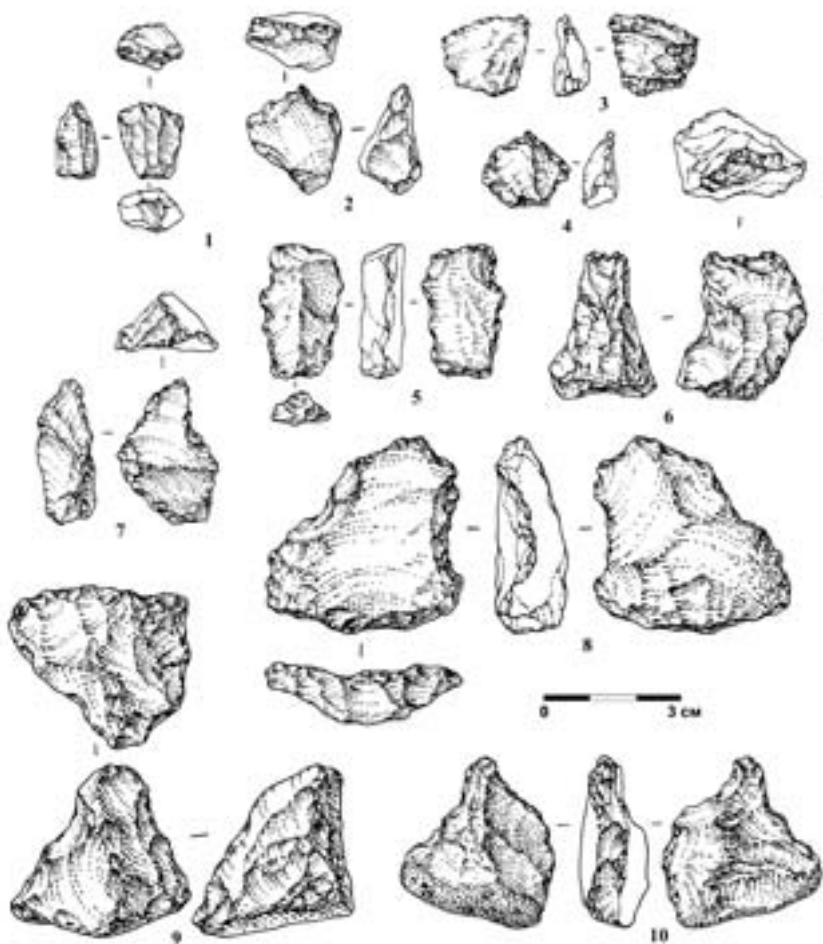

Рис. 2. Местонахождение Рубас-1. Раскоп 1. Каменные артефакты
(рис. Абдульмановой А.В.).

1 - нуклеидный обломок; 2 - орудие с микрошипом; 3 - скол; 4 - отщеп с ретушью; 5 - изделие с микровыемками; 6, 7 - орудия с угловым шипом; 8 - выемчатое орудие; 9 - скребок высокой (?) формы; 10 - орудие с удлиненным шипом.

и неопределимые (6), дорсалы - гладкие и с бессистемной огранкой. 19 предметов несут следы вторичной обработки и переоформлены в орудия. Это скребловидное изделие - 1; скребок высокой (?) формы - 1; скребок (?) - 1; орудие с удлиненным шипом - 1; орудия с угловым шипом - 3; орудия с микрошипом - 2; клювовидные - 2; выемчатое - 1; изделия с мик-

ровыемки - 2; отщепы с ретушью - 3 (рис. 2,4); обломок с ретушью - 1. Большинство предметов относится к разряду микроизделий.

Нуклевидные обломки - 4. Все изделия имеют небольшие размеры и представляют собой подпрямоугольной формы обломки сырья с признаками подготовки и осуществления регулярного расщепления. Три более крупных предмета имеют прямые, слабо скошенные к «контрфронту» ударные площадки, с которых возможно осуществлялось снятие небольших заготовок, не имеющих строгой геометрической формы. Четвертое изделие имеет вид высокой удлинненной трапеции, сужающейся к основанию (рис. 2,1). «Ударной площадкой» является скошенная ровная грань «контрфронта». Выпуклый «фронт скалывания» несет негативы нескольких мелких удлинненных снятий правильной прямоугольной формы. Все нуклевидные изделия имеют участки сохранившейся желвачной корки.

Скребловидное изделие - 1. Выполнено на среднем уплощенном трапециевидном обломке, дистальный, менее массивный, край которого подправлен мелкой многорядной крутой ретушью. Рабочее лезвие в медиальной части фрагментировано по естественным трещинам в каменном материале. Левый угол заготовки, вследствие вылома, а также дополнительной подправки сколами, имеет вид удлиненного массивного шиповидного выступа, приостренного продольным вентральным снятием.

Скребок высокой (?) формы - 1. Выполнен на среднем массивном обломке, подтреугольном во всех проекциях (рис. 2,9). Рабочий элемент в виде массивного удлиненного округлого выступа выделен в медиальной части одного из краев заготовки глубокими вертикальными сколами. Сам скребковый элемент несет следы оформления в виде «негативов» нескольких продольных подпрямоугольных снятий (?). Более точная диагностика затруднена сильной «сглаженностью» поверхности предмета.

Скребок - 1. Выполнен на мелком обломке, подпрямоугольном в плане и подтреугольном в боковой проекции. Более тонкий дистал (?) заготовки и примыкающий к нему участок правого края подработаны мелкими широкими вертикальными глубокими сколами и несут следы забитости в виде мелких выщерблин по краю изделия.

Орудие с удлиненным шипом - 1. Выполнено на среднем плоском обломке подтрапециевидной формы (рис. 2,10). Удлиненный четырехгранный массивный шиповидный элемент выделен на углу заготовки мелкими альтернативными глубокими сколами. Противолежащий протяженный край покрыт желвачной коркой. Изделие сильно «замыто».

Орудия с угловым шипом - 3. Выполнены на средних удлиненных массивных обломках подпрямоугольной формы. Небольшой короткий массивный шип выделен на углу заготовок мелкими глубокими сколами по двум прилегающим краям или серией мелких вертикальных глубоких широких снятий по более тонкому краю обломка, формирующих протяженную выемку, подчеркивающую рабочий участок (рис. 2,6). У одного из изделий

оформляющая выемка несет следы дополнительной обработки в виде негативов мелкой чешуйчатой ретуши и может рассматриваться как самостоятельный рабочий элемент (рис. 2,7).

Орудия с микрошипом - 2. Изделия выполнены на мелких массивных обломках подтрапецевидной формы и протреугольных в боковом сечении. Мелкие трехгранные треугольные шипы выделены по более тонким слабовыпуклым краям заготовок, в их медиальной части, мелкими неглубокими вертикальными сколами, у одного из изделий обработка прилегающих к шипу участков края более интенсивная (рис. 2,2).

Клювовидные - 2. Выполнены на мелких плоских обломках. Рабочий элемент в виде небольшого слабоизогнутого уплощенного клювовидного выступа выделен на одном из углов заготовок мелкими сколами. У более мелкого изделия, прилегающие к острию участки, несут следы дополнительной подправки мелкой однорядной прерывистой ретушью.

Выемчатое - 1. Выполнено на крупном подтреугольном сколе. На прямом краю заготовки, в медиальной части, сколами выполнена неглубокая протяженная выемка (рис. 2,8). По всему периметру изделия прослеживаются следы забитости в виде мелких выщерблин и каверн.

Изделия с микровыемками - 2. Выполнены на средних подпрямоугольных заготовках треугольных в поперечном сечении. Небольшие выемки оформлены в конечных частях продольных краев заготовок небольшими вертикальными сколами (рис. 2,5). Отдельные участки продольных краев также несут следы подправки в виде плохо читающихся негативов мелкой краевой ретуши. Обработка часто чередующаяся или альтернативна выемкам. На краях изделий прослеживаются следы забитости в виде мелких выщерблин

Вторая группа кремней (13 экз.) менее выразительна. Условно в ней можно выделить следующие типы изделий: макроскребок; выемчатое орудие; орудие с удлиненным шипом; шиповидные орудия (?) - 3; сколы (?) и фрагменты сколов - 7.

Анализ коллекции показывает преимущественное использование при оформлении орудий не сколовых основ (обломки, осколки), слабое разнообразие орудийных форм (скребловидные изделия, различные варианты остроконечных (шиповидные, клювовидные) и выемчатых форм), а также полное отсутствие крупных изделий. Первичное расщепление представлено простейшими техниками, снятие сколов производилось с одноплоскостных монофронтальных ядрищ с минимальным предварительным оформлением. Во вторичной отделке, в основном, используется сколовая техника и грубая, крутая и вертикальная, мелкая краевая ретушь. Согласно предварительным стратиграфическим оценкам возраста культуросодержащих отложений, индустрия Рубаса-1 является одной из древнейших на Кавказе. На сегодняшний день наиболее близкие аналогии данным артефактам прослеживаются в материалах стоянки Дарвагчай-1, предварительно датированных Бакинским временем (Q_{1b}) [Деревянко и др., 2006б],

однако, исходя из имеющихся данных, для индустрии Рубаса-1 можно предполагать более древний возраст. Таким образом, материалы раннепалеолитических местонахождений Рубас-1 и Дарвагчай-1 свидетельствуют о длительном существовании и развитии раннепалеолитических микроиндустрий на территории Северо-Восточного Кавказа, а их открытие в этом регионе позволяет более четко реконструировать пути миграций древних человеческих популяций на самых ранних этапах истории.

Примечания

Дервянко А.П., Анойкин А.А., Лещинский С.В., Славинский В.С., Борисов М.А. Нижнепалеолитический комплекс местонахождения Рубас-1: предварительные результаты // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006а. - С. 65-70.

Дервянко А.П., Зенин В.Н., Анойкин А.А. Раннепалеолитическая микроиндустрия стоянки Дарвагчай-1: морфология и предварительная классификация // Человек и пространство в культурах каменного века Евразии - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006б. - С. 43-64.

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ
СРЕДНЕГО – ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА СТОЯНКИ РУБАС-1
(ПО РЕЗУЛЬТАТАМ РАСКОПОК В 2007 ГОДУ)***

Местонахождение Рубас-1 расположено по правому берегу р. Рубас на протяженном террасовидном уступе, на высоте ~ 30 м над урезом воды. В 2006 г. на памятнике был заложен разведочный шурф площадью 7 кв. м, из которого получен археологический материал, относящийся к поздним этапам палеолита. В ходе работ была вскрыта толща рыхлых отложений мощностью до 5 м. Всего в разрезе выделено 10 основных литологических подразделений, содержащих 7 уровней залегания артефактов. Археологический материал связан с пачкой слоев 2-9 и, в основном, залегал в гравийно-щебнисто-галечных горизонтах [Деревянко и др., 2006].

В 2007 г. работы на объекте были продолжены. К юго-западной и северо-западной стенкам шурфа 2006 г. была осуществлена прирезка общей площадью 5 м². Стратиграфическая ситуация выявленная в ходе работ, в целом, повторяет ситуацию прошлого года (рис. 1). Основным отличием является отсутствие на площади прирезки археогоризонтов 1 и 7.

При анализе археологических материалов авторы придерживались следующих метрических показателей:

а) отщепы и пластинчатые отщепы: крупные - > 5 см, средние - 3-5 см, мелкие - < 3 см.

б) пластины: крупные - > 3 см (замеры производились по ширине заготовки), средние - 1,5-3 см, мелкие - < 1,5 см.

в) осколки и обломки - крупные > 5 см (замеры производились по длинной оси предмета), средние 3-5 см, мелкие - < 3 см.

Общее количество артефактов в коллекции 2007 г. - 315 экз.

Археогоризонт 2 (26 экз.)

Отщепы - 9 экз., из них: целые - 6, в том числе крупные - 1, средние - 2 и мелкие - 4. Фрагменты - 2: проксимальные - 1, дистальные - 1. Определимые остаточные ударные площадки: гладкие - 4, точечные - 3, двухгранные - 1. Огранка дорсала: субпараллельная однонаправленная - 2, гладкая - 4, продольно-поперечная - 1, конвергентная - 1 (рис. 2,1) и бессистемная - 1. Обломки и осколки - 16 экз., из них: мелкие - 6, средние - 10.

*Работа выполнена при поддержке РГНФ, гранты № 05-01-01373, № 05-01-01356 и № 06-01-00527; РФФИ, гранты № 07-06-00096 и 07-06-10034; Фонда Президента РФ, грант НШ-7646.2006.6.

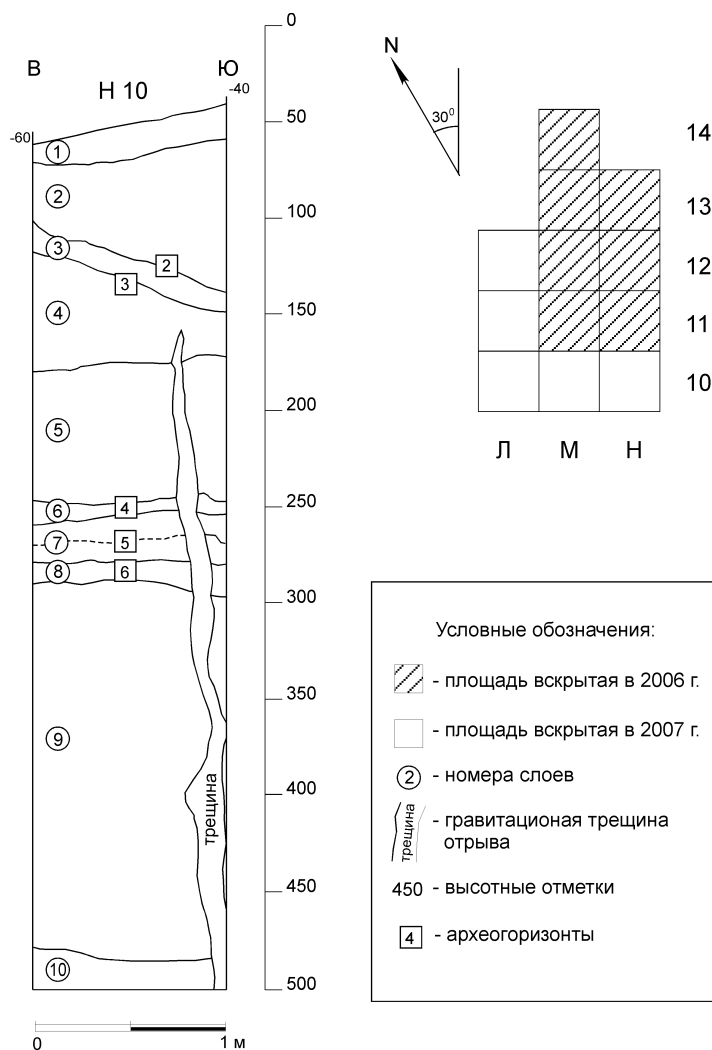

Рис. 1. Рубас - 1. Шурф 1. Юго-Восточная стенка.
Стратиграфический разрез.

Орудийный набор представлен шиповидным орудием и дистальным фрагментом отщепы с ретушью. Шиповидное орудие выполнено на массивном отщепе средних размеров (рис. 2,9). Продольные края предмета подработаны полукрутой разнофасеточной дорсальной ретушью. На дистальной части заготовки крутой и полукрутой, дорсальной модифицирующей ретушью образован рабочий элемент в виде укороченного прямоугольного шипа.

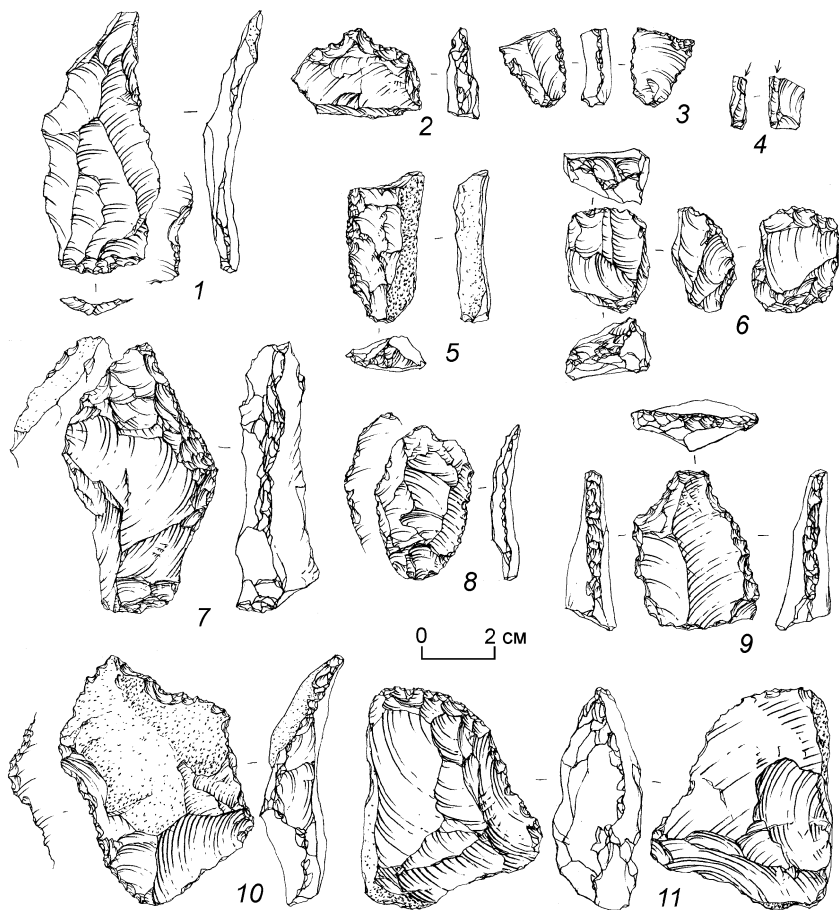

Рис. 2. Рубас - 1. Шурф 1. Каменные артефакты (художник Абдульманова А. В.).
(1,9 - археогоризонт 2; 3,6 - археогоризонт 3; 2,4,8,10 - археогоризонт 4;
5,7,11 - археогоризонт 6)

1 - отщеп; 9,2 - шиповидное орудие; 6 - нуклеус; 3 - проколка; 8 - пластинчатый отщеп; 7,10,11 - скребло; 4 - резец; 5 - технический скол с ретушью.

Археогоризонт 3 (97 экз.)

Нуклевидные формы представлены монофронтальным одноплощадочным нуклеусом параллельного принципа скалывания и нуклевидным обломком среднего размера. Нуклеус (3,2x3,4x1,5 см) подпрямоугольный в плане, подтреугольной в разрезе, истощенный (рис. 2,6). Ударная площадка прямая, оформлена несколькими разноразмерными поперечными снятиями, скошена к плоскому контрфронту, подправленному двумя сколами. Фронт скалывания выпуклый, несет негативы трех пластинчатых снятий.

Отщепы - 15 экз., из них: целые - 13, в том числе: средние - 3, мелкие - 10. Фрагменты - 2, оба: медиальные. Определимые остаточные ударные площадки: гладкие - 2, точечные - 4, корочные - 1, двухгранные - 1. Огранка дорсала: субпараллельная однонаправленная - 6, гладкая - 3, продольно-поперечная - 2, поперечная - 1, бессистемная - 3.

Пластинчатые формы - 2 экз., представлены проксимально-медиальным и дистальным фрагментами мелких пластин. Определимая остаточная ударная площадка - гладкая. Огранка дорсала: параллельная однонаправленная - 2.

Обломки и осколки - 78 экз., из них: крупные - 7, средние - 32, мелкие - 39.

Орудийный набор представлен проколкой, шиповидным орудием, комбинированным орудием (скребок-шиповидное) и двумя обломками с ретушью.

Проковка выполнена на проксимально-медиальном фрагменте мелкой пластины (рис. 2,3). Рабочий элемент в виде короткого острия расположен на правом углу дистального края заготовки и подработан мелкой плоской вентральной ретушью.

Шиповидное орудие изготовлено на мелком массивном обломке. На одном из краев изделия двумя мелкими сколами выделен рабочий элемент в виде небольшого закругленного шипа, не имеющий дополнительной подработки.

Комбинированное изделие сочетает двойной скребок и шиповидное орудие. В качестве заготовки был использован мелкий удлиненный осколок, подовальной формы. Противолежащие короткие края изделия обработаны мелкой однорядной крутой и вертикальной ретушью, формирующей два округлых скребковых лезвия. На одном из длинных краев заготовки сколом выделен рабочий элемент в виде острого подтреугольного шипа, подработанного по одной стороне мелкой крутой краевой ретушью.

Археогоризонт 4 (140 экз.)

Нуклевидные формы представлены средним нуклевидным обломком.

Технический скол - 1 экз., представляет собой крупный первичный отщеп с корочной ударной площадкой. Отщепы - 17 экз., из них: целые - 13, в том числе: средние - 1, мелкие - 12. Фрагменты - 4: медиальные - 2, проксимальные - 1, проксимально-медиальные - 1. Определимые остаточные ударные площадки: гладкие - 4, точечные - 3, корочные - 2, двухгранные - 1. Огранка дорсала: субпараллельная однонаправленная - 7, субпараллельная бинаправленная - 2, гладкая - 3, бессистемная - 5.

Пластинчатые формы - 7 экз., представлены средними пластинчатыми отщепами - 2 (рис. 2,8), средними пластинами - 2, проксимальными (1) и медиальными (2) фрагментами мелких пластин. Определимые остаточные ударные площадки: гладкие - 2. Огранка дорсала: параллельная однонаправленная - 7.

Обломки и осколки - 114 экз., из них: крупные - 4, средние - 28, мелкие - 82.

Орудийный набор представлен шиповидным орудием, скреблом и резцом.

Шиповидное орудие выполнено на удлинённом обломке среднего размера (рис. 2,2). На одном из продольных краёв заготовки при помощи крутой и полукрутой, разнофасеточной модифицирующей ретуши образован рабочий элемент в небольшого ногтевидного шипа.

Скребло продольное прямое выполнено на крупном первичном отщепе (рис. 2,10). Лезвие оформлено на правом прямом продольном крае заготовки крутой и полукрутой, разнофасеточной, дорсальной ретушью.

Угловой резец оформлен на медиальном фрагменте мелкой пластины (рис. 2,4). Резцовый скол нанесен с плоскости слома по ребру одного из продольных краёв заготовки.

Археогоризонт 5 (25 экз.)

Отщепы - 4 экз., из них: целые - 2, оба мелкие. Фрагменты - 2: медиальные - 1, дистальные - 1. Определимые остаточные ударные площадки: точечные - 1. Огранка дорсала: субпараллельная однонаправленная - 1, гладкая - 1, бессистемная - 2.

Пластинчатые формы представлены медиально-дистальным фрагментом средней пластины. Огранка дорсала параллельно-однонаправленная.

Обломки и осколки - 20 экз., из них: крупные - 2, средние - 7, мелкие - 11.

К орудийному набору отнесен отщеп с ретушью.

Археогоризонт 6 (27 экз.)

Нуклевидные формы представлены крупным нуклевидным обломком.

Технический скол - 1 экз., представляет собой проксимальный фрагмент краевого скола с точечной ударной площадкой (рис. 2,5).

Отщепы - 6 экз., из них: целые - 4, в их числе: - крупные - 1, средние - 2, мелкие - 1. Фрагменты - 2: медиальные - 1, продольные - 1. Определимые остаточные ударные площадки: гладкие - 1, фасетированные - 1. Огранка дорсала: субпараллельная однонаправленная - 1, продольно поперечная - 1, радиальная - 1, бессистемная - 3.

Пластинчатые формы представлены проксимально-медиальными фрагментами мелких пластин - 2 экз. Определимые остаточные ударные площадки: точечные - 1, фасетированные - 1. Огранка дорсала: параллельная однонаправленная - 2.

Обломки и осколки - 21 экз., из них: средние - 7, мелкие - 14.

Орудийный набор представлен двумя скреблами и краевым сколом с ретушью (рис. 2,5).

Скребло диагональное выпуклое с обушком, выполнено на массивном отщепе подтреугольной формы (рис. 2,11). Лезвие оформлено на сильно скошенном левом крае заготовки. В дистальной части край утончен широким снятием, а затем подработан однорядной полукрутой разнофасеточной дорсальной ретушью. Обушок (проксимал заготовки) слабовыпуклый, полностью покрыт галечной коркой.

Скребло продольное прямое, изготовлено на крупном уплощенном нуклевидном обломке неправильной формы (рис. 2, 7). На одном из протяженных краев заготовки широкой разнофасеточной ступенчатой ретушью образовано скребущее лезвие.

Анализ археологических материалов полученных с исследуемого участка в ходе работ 2006-2007 гг. позволяет сделать следующие выводы. Хотя общий анализ стратиграфической ситуации и расположение артефактов позволяют предполагать незначительное горизонтальное перемещение археологических материала, связанное со склоновыми и, вероятно, тектоническими процессами, наличие стерильных прослоек между археогоризонтами и отсутствие в коллекции изделий с признаками постседиментационных повреждений, позволяют считать полученный материал в определенной степени инситу.

В коллекциях всех археогоризонтов фиксируется наличие большого количества осколков и обломков (более 50 %), что объясняется, видимо, особенностями сырья (внутренняя трещиноватость кремня). Качеством сырья, вероятно, объясняется и малое количество пластинчатых форм в коллекции. Вместе с тем, материалы археогоризонтов 1-4 имеют выраженный верхнепалеолитический облик, что проявляется как в приемах первичного расщепления (присутствие подпризматических нуклеусов, специфические приемы подправки ядрищ перед расщеплением), так и в орудийных наборах (проколки, скребки, резцы). В материалах нижней части разреза (археогоризонты 5-7) среди орудийного набора преобладают скребла, среди остаточных ударных площадок значительный процент составляют двугранные и фасетированные. Активно используется леваллуазская техника расщепления, продукты которой в виде нуклеусов, сколов оформления ядрищ и целевых заготовок фиксируются в нижних культурных горизонтах по всей площади памятника [см. статью Деревянко и др. «Новые данные о позднелептине в комплексе...», в этом сборнике], а также в поверхностных сборах.

Работы 2007 г. подтверждают присутствие в долине р. Рубас стратифицированных археологических материалов, относящихся к различным этапам верхнего-среднего палеолита и перспективности дальнейших изысканий в этом районе.

Примечания

Деревянко А.П., Аношкин А.А., Славинский В.С., Борисов М.А., Лещинский С.В. Новая многослойная палеолитическая стоянка в долине р. Рубас (Республика Дагестан): предварительные результаты исследования // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. - С. 71-76.

**НОВЫЕ ДАННЫЕ О ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ
КОМПЛЕКСАХ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ РУБАС-1
(ПО МАТЕРИАЛАМ РАЗВЕДОЧНЫХ ШУРФОВ)***

Целью исследования местонахождения Рубас-1 [Деревянко и др., 2006] в полевом сезоне 2007 г. было расширение шурфа 2006 г., а также поиск «инситу» участков залегания археологического материала и определения общих границ его распространения. В ходе разведочных работ в границах предполагаемой территории местонахождения было заложено 4 разведочных шурфа, каждый площадью 2х1 м., отнесенных вглубь поверхности террасы (рис. 1). Полученная в результате раскопок стратиграфическая последовательность, оказалось близка стратиграфии разреза 2006 г. В качестве отличия можно отметить постепенное увеличение мощности геологических тел вглубь террасы, а также неравномерное количественное и пространственное распределение в них археологического материала, иногда приближающегося по представительности к материалам шурфа 1. Следует отметить, что археологических материалов залегающих *in situ*, т.е. в виде выраженных уровней обитания, при работе на шурфах обнаружено не было. Полученные артефакты, также как и в шурфе 1, связаны с толщами разноразмерного обломочного материала пролювиально-делювиального генезиса, который, судя по всему, встречается на исследуемом участке террасы по всей площади и на разных уровнях. К сожалению, окрестности стоянки ограничены естественными обнажениями останца террасы. Основная ее площадь, с возможными не потревоженными постседиментационными изменениями участками палеолитической стоянки, к данному времени разрушена эрозионной деятельностью реки Рубас и его правых притоков. Тем не менее, исследования 2007 г. показали техническое и типологическое разнообразие разновременных археологических комплексов зафиксированных в разведочных шурфах, что в свою очередь дает общее представление о ряде стратегий расщепления, используемых древними популяциями на данной территории.

Общая коллекция полученного в ходе раскопок археологического материала насчитывает 503 экз. каменных артефактов.

Шурф 2 (31 экз.).

*Работа выполнена при поддержке РГНФ, гранты № 05-01-01373, № 05-01-01356 и № 06-01-00527; РФФИ, гранты № 07-06-00096 и 07-06-10034-к; Фонда Президента РФ, грант НШ-7646.2006.6.

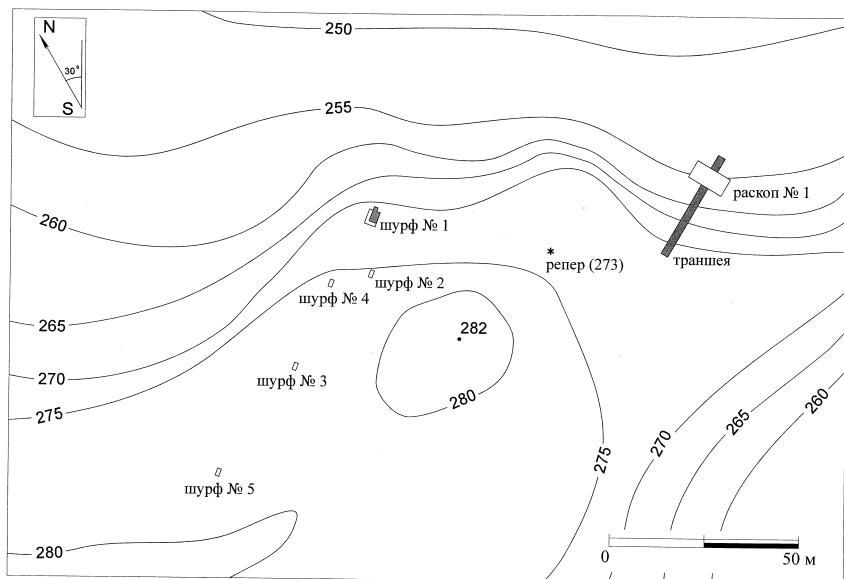

Рис. 1. Рубас 1. Общая схема расположения раскопов и шурфов.

Нуклевидные обломки - 2 экз.

Отщепы - 2 экз., представлены целым сколом и дистальным фрагментом. Остаточная ударная площадка целого отщепа гладкая.

Пластинчатые отщепы - 2 экз., представлены медиальным и дистальным фрагментами. Огранки дорсалов продольно-поперечные.

Технические сколы - 5 экз., представлены целыми сколами (3 экз.) и проксимально-медиальными фрагментами (2 экз.). Все снятия являются краевыми продольными сколами, один из которых относится, возможно, к леваллуазской стратегии расщепления нуклеусов, остальные к разновидностям параллельных техник расщепления (рис. 2,8). Остаточные ударные площадки сколов гладкие ((2 экз.), одна из них обратно редуцированная), точечная, фасетированная выпуклая (обратно редуцированная пришлифовкой) и неопределимая.

Чешуйки, обломки - 20 экз.

Орудийный набор шурфа включает 3 экз. - шиповидное изделие на обломке, обломок с ретушью и нуклевидный обломок с ретушью.

Шурф 3 (106 экз.).

Нуклеусы - 3 экз., представлены одноплощадочными монофронтальными, возможно, леваллуазскими, для отщепов средней и истощенной стадии расщепления формами и леваллуазским истощенным нуклеусом для получения однонаправленных соразмерных острий с негативами на фронтальной плоскости острия и скола оформления рельефа острия

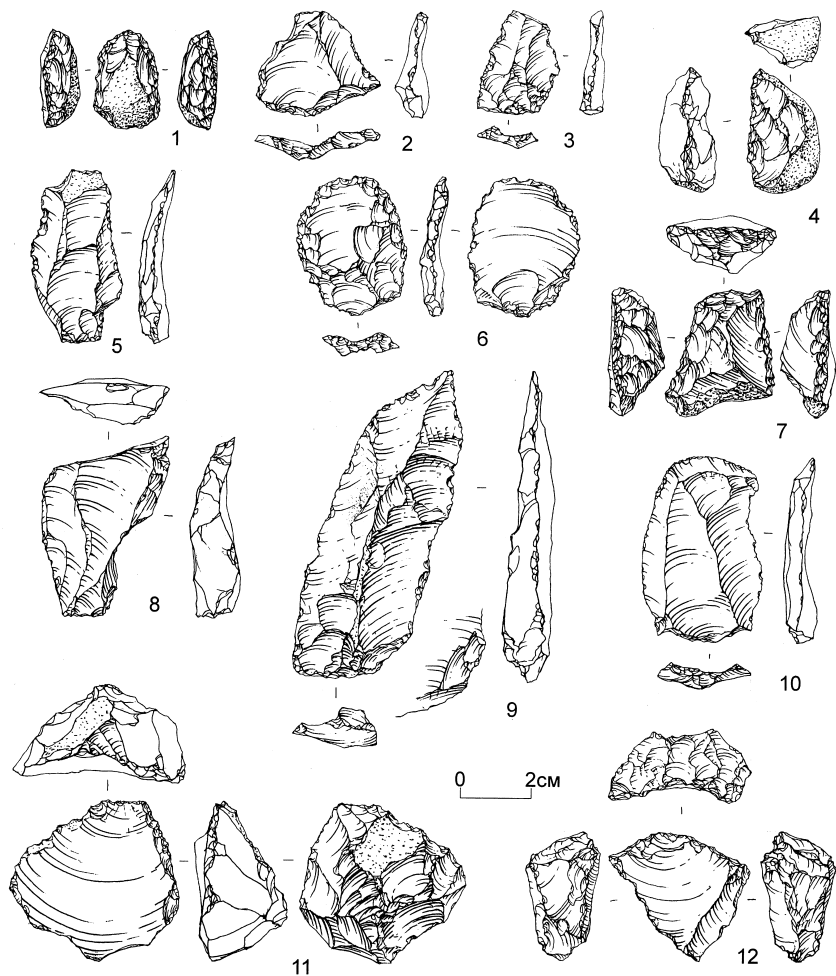

Рис. 2. Рубас 1. Археологические материалы из шурфов 2-5.
 (8 - шурф 2; 6, 10, 12 - шурф 3; 4 - шурф 4; 1-3, 5, 7-9, 11 - шурф 5)
 1, 7 - скребки; 2 - отщеп; 3 - выемчатое изделие; 4 - нож; 5, 9 - пластины;
 6 - скребло; 8 - краевой скол; 10 - атипичное острие леваллуа;
 11, 12 - нуклеусы леваллуа.

(рис. 2, 12). Выпуклая ударная площадка данного ядрища оформлена в виде шапо де жандарм.

Нуклевидные обломки - 5 экз.

Отщепы - 9 экз., представлены целыми сколами (6 экз.), проксимальными (2 экз.) и проксимально-медиальным фрагментами. Остаточные ударные площадки корочная, гладкие ((4 экз.) одна из них редуцирована

пришлифовкой), линейные (2 экз.), точечная и неопределимая (разрушена в момент удара).

Пластины - 3 экз., все среднего размера (от 7 мм до 15 мм ширины), представлены проксимально-медиальным и дистальными фрагментами. Остаточная ударная площадка проксимально-медиального фрагмента двугранная обратно редуцированная. Огранки дорсалов пластин субпараллельная и продольно-поперечные.

Сколы леваллуа - 2 экз., целые, представлены отщепом (рис. 2,6) и атипичным острием (брак) (рис. 2,10). Остаточные ударные площадки фасетированные выпуклые типа шапо де жандарм, дополнительно обратно редуцированы пришлифовкой. Огранка дорсала отщепе - продольно-поперечная, острая - конвергентная однонаправленная.

Технические сколы - 6 экз., представлены целыми сколами (5 экз.) и медиально-дистальным фрагментом. Три скола являются продольными краевыми, один из которых относится к леваллуазской технике, остальные сколы трудно диагностируемы. Остаточные ударные площадки гладкая, точечные (2 экз.), двугранная и фасетированная выпуклая (обратно редуцированная пришлифовкой).

Чешуйки, обломки, осколки - 78 экз.

Орудийный набор включает 4 экз. - скребло на леваллуазском сколе (рис. 2, 6), выемчатое изделие на обломке, пластина с ретушью и обломок с ретушью.

Шурф 4 (66 экз.).

Нуклевидные обломки - 7 экз.

Отщепы - 8 экз., представлены целыми сколами (4 экз.), проксимальным, медиально-дистальным и дистальными (2 экз.) фрагментами. Пять имеющихся остаточных ударных площадок гладкие, точечная и неопределимая (разрушена в момент удара).

Пластинчатый отщеп - 1 экз., представлен проксимально-медиальным фрагментом. Остаточная ударная площадка гладкая, огранка дорсала параллельная однонаправленная.

Пластины - 2 экз., крупного и среднего размера, в виде проксимально-медиального и дистального фрагментов. Остаточная ударная площадка проксимально-медиального фрагмента фасетированная. Огранки дорсалов субпараллельная-однонаправленная и конвергентная.

Технические сколы - 2 экз., целые, краевые продольные. Остаточные ударные площадки корочные.

Чешуйки, обломки, осколки - 46 экз.

Орудийный набор представлен 7 экз. - ножом на техническом сколе (Рис. 2,4), шиповидным изделием на обломке, выемчатым на обломке, пластиной с ретушью, отщепами с ретушью (2 экз.) и обломком с ретушью.

Шурф 5 (200 экз.).

Нуклеус - 1 экз., леваллуазский черепаховидный плоско-выпуклый истощенный (рис. 2,11). Ударная площадка выпуклая фасетированная. Ра-

бочая поверхность почти полностью покрыта негативом целевого скола в виде овального отщепа, остальная площадь фронта несет негативы мелких сколов бокового оформления.

Нуклевидные обломки - 17 экз.

Отщепы - 32 экз., представлены целыми сколами (18 экз.), проксимально-медиальными (6 экз.), медиально-дистальными (6 экз.), дистальным и проксимально-медиально-продольным фрагментами. Имеющиеся остаточные ударные площадки распределяются на гладкие ((14 экз.) из которых одна площадка с удаленным карнизом и две со следами обратного редуцирования), линейную, точечные (2 экз.), двугранную, фасетированные (рис. 2,2) ((2 экз.) одна площадка обратно редуцирована пришлифовкой) и неопределимые (5 экз.).

Пластинчатые отщепы - 5 экз., представлены целыми сколами (2 экз.) и проксимально-медиальными фрагментами (3 экз.). Остаточные ударные площадки гладкие ((3 экз.) одна обратно редуцирована), двугранная и неопределимая. Огранки дорсалов субпараллельные однонаправленные (3 экз.), продольно-поперечная и конвергентная.

Пластины - 13 экз. (рис. 2,5,9), крупного (1 экз.), среднего (6 экз.) и мелкого (6 экз.) размера. Сколы представлены целыми пластинами (5 экз.), проксимальными (2 экз.), проксимально-медиальным, медиальным, медиально-дистальным и дистальными (3 экз.) фрагментами. Имеющиеся остаточные ударные площадки представлены гладкими ((6 экз.) одна площадка редуцирована пришлифовкой) и двугранными (2 экз.). Огранки дорсалов параллельными однонаправленными (5 экз.), субпараллельными однонаправленными (6 экз.) и продольно-поперечными (2 экз.).

Технические сколы - 9 экз., представлены целыми сколами (5 экз.) и проксимально-медиальными фрагментами (4 экз.). Распределяются на первичный скол, краевые продольные (6 экз.) и трудно диагностируемые (2 экз.). Остаточные ударные площадки корочная, гладкие (4 экз.) две площадки дополнительно редуцирована пришлифовкой и обратно редуцирована), линейная, фасетированная и неопределимые (2 экз.).

Чешуйки, обломки, осколки - 123 экз.

Орудийный набор включает 18 экз. - скребки (3 экз.) концевой, тройной (рис. 2, 7) и с лезвием по всему периметру заготовки (рис. 2,1) на отщепах; нож на обломке; шиповидные изделия (3 экз.) на техническом сколе и обломках; комбинированное - скребок-шиповидное; зубчато-выемчатое на обломке; выемчатые (2 экз. (рис. 2,3)) на пластине и отщепе; отщеп с ретушью; технические сколы с ретушью (2 экз.) и обломки с ретушью (4 экз.).

Подать материал по литологическим слоям не позволяет ограничение объема статьи, однако, как было показано предыдущими исследованиями [Деревянко и др., 2006; Анойкин и др., 2007], распределение по разрезу археологического материала несет, в определенной степени, условный характер и связано с неоднократным вертикальным и горизонтальным его перемещением. Исследуя коллекции шурфов и раскопа 2006-2007 гг., мож-

но лишь отметить уменьшение вниз по разрезу верхнепалеолитических типов орудий и изменение характеристик первичного расщепления в сторону увеличения проявления элементов среднепалеолитических техник.

В материалах шурфов наблюдается, по меньшей мере, четыре стратегии расщепления камня: верхнепалеолитическая призматическая для пластинчатых заготовок с применением редуцирования кромки ударной площадки; простая параллельная для отщепов; среднепалеолитическая леваллуазская черепаховидная; среднепалеолитическая леваллуазская конвергентная односторонне направленная для укороченных и соразмерных острий.

Выявить культурно-хронологическое различие этих индустрий и их периодизацию, позволит дальнейшее изучение данной территории, в первую очередь, целенаправленный поиск стратифицированных палеолитических стоянок, с не потревоженными постседиментационными процессами археологическими горизонтами. Первые шаги в данном направлении уже предпринимаются (см статью Деревянко и др. «Тинит-1 - новая многослойная палеолитическая стоянка...» в этом сборнике).

Примечания

Анойкин А.А., Славинский В.С., Борисов М.А. Палеолитический многослойный комплекс стоянки Рубас-1 (Республика Дагестан): предварительные результаты // Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология. Иркутск, 2007. - Т. I. - С. 14-25.

Деревянко А.П., Анойкин А.А., Славинский В.С., Борисов М.А., Лещинский С.В. Новая многослойная палеолитическая стоянка в долине р. Рубас (Республика Дагестан): предварительные результаты исследования // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий - Новосибирск, 2006. - С. 71-76.

*А.П. Деревянко, А.А. Анойкин, В.С. Славинский,
М.А. Борисов, Н.А. Кулик*

ТИНИТ-1 – НОВАЯ МНОГОСЛОЙНАЯ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА В ДОЛИНЕ РЕКИ РУБАС*

Стоянка Тинит-1 (41°55'01" с.ш., 48°02'01" в.д.; а.в. - 724 м) обнаружена в 0,5 км. к северо-востоку от с. Тинит (Табасаранский р-н Респ. Дагестан).

Участок местности, где расположен памятник, представляет глубоко врезанную узкую долину небольшого ручья (правый приток р. Рубас) по бортам которой фиксируется серия разновысотных нечетко выраженных террасовидных поверхностей, местами сливающихся друг с другом. Осмотр обнажений и описание геологического строения района [Геологическая карта..., 1961] позволяет предполагать следующее их строение. Цоколь террасовидных поверхностей сложен прибрежно-морскими отложениями (глины и песчаники) акчагыльского возраста (N_{2ak}^3). Морские осадки перекрыты мощным (до 20 м) чехлом склоновых отложений, насыщенных крупнообломочным (глыбово-щебнистым) материалом. Выше лежит пачка лессовидных суглинков с единичными включениями щебня. Венчает разрез современная почва.

Первые артефакты в границах памятника были обнаружены в поверхностном залегании на обширной осыпи на склоне одной из таких высоких террасовидных поверхностей, по левому борту ручья. Здесь долина ручья выработана в толще отложений пролювиально-склонового шлейфа, вытянутого вдоль северо-западных отрогов хребта Карасырт и полого понижающегося к долине р. Рубас. Участок представляет эрозионный останец, отделенный от основного тела предгорного пролювиально-склонового шлейфа врезом временного водотока. Это прервало поступление грубообломочных отложений со склонов хребта и способствовало непрерывному накоплению лессовидных суглинков на этом участке. В результате венчающая останец пачка лессовидных отложений имеет большую мощность (до 12 - 15 м) и в ней отсутствуют следы денудационных перерывов. Изоляция суглинков от пролювиально-склоновых процессов способствовала надежной консервации попадающего в них археологического материала.

В ходе работ 2007 г., на объекте был заложен шурф площадью 2 кв. м, и осуществлены сборы подъемного материала с прилегающей склоновой территории ($\approx 200 \times 300$ м).

*Работа выполнена при поддержке РГНФ, гранты № 05-01-01373, № 05-01-01356 и № 06-01-00527; РФФИ, гранты № 07-06-00096 и 07-06-10034-к; Фонда Президента РФ, грант НШ-7646.2006.6.

Шурфом была вскрыта толща рыхлых отложений мощностью до 3,6 м, после чего работы остановлены в силу временных причин. В разрезе выделено 6 основных литологических подразделений, содержащих 4 уровня залегания каменных артефактов – уровня обитания (у.о.), а также отдельные находки. В разрезе представлены следующие литологические подразделения (сверху - вниз):

- 1) Дёрн. Мощность - 0,25 м.
- 2) Почва. Мощность - 0,65 м.
- 3) Суглинок светло-серый (палевый), однородный. Мощность - 0,2 м.
- 4) Суглинок темно-коричневый, плотный. По всей мощности прорезан вертикальными клиньями, заполненными породой слоя 3. Мощность - 0,9 м.
- 5) Суглинок темно-коричневый, менее плотный и более светлый, чем слой 4 и 6. Мощность - 0,5 м.
- 6) Суглинок темно-коричневый, плотный. По всей мощности прорезан вертикальными клиньями. Вскрытая мощность - до 0,7 м.

Все изделия из шурфа (103 экз.) и материалы поверхностных сборов изготовлены из кремня высокого качества, залегающего в коренных условиях на расстоянии не более 1 км и прослеженного в нескольких обнажениях.

У.о. 1 (12 экз.): пластины - 5 (рис. 1,6,9), пластинчатый отщеп - 1, технические сколы - 3, отщепы - 3, (рис. 1,2). Орудийный набор (2 экз.): пластина с ретушью (рис. 1,6) и пластинчатый отщеп с ретушью.

У.о. 2 (4 экз.): технический скол - 1, отщепы - 2, осколок - 1. Орудийный набор представлен техническим сколом с ретушью.

У.о. 3 (21 экз.): нуклеусы - 2 (одноплощадочный монофронтальный для пластинчатых отщепов и двуплощадочный монофронтальный для отщепов (рис. 1,11)), нуклевидные обломки - 3, пластина - 1 (рис. 1,1), пластинчатые отщепы - 3, технические сколы - 2, отщепы - 6, обломки - 4. Орудийный набор (3 экз.): пластина с ретушью, пластинчатый отщеп с ретушью и нуклеус с ретушью.

У.о. 4 (60 экз.): нуклевидные обломки - 2, пластины - 5, пластинчатые отщепы - 5 (рис. 1,5), технические сколы - 8 (рис. 1,7), отщепы - 14 (рис. 1,4), обломки - 8, осколки - 7, чешуйки - 11. Орудийный набор (4 экз.): концевой скребок, выемчатое, технический скол с ретушью и обломок орудия.

Единичные находки из нижних горизонтов (6 экз.): слой 5 - фрагмент краевого технического скола (рис. 1,10); слой 6 - пластинчатый отщеп - 1, отщепы - 2 (рис. 2,8), обломок - 1, осколок - 1.

Сбор каменных артефактов, находящихся в поверхностном залегании, производился в окрестностях шурфа и представлен наиболее яркими находками, составляющими не более процента от всех экспонированных на поверхность изделий. Коллекция условно разделена на две части - более молодой комплекс (находки, в основном, с верхней части склона, происходящие, видимо, из лессовидных отложений) и более древний (находки со средней и подошвенной части склона, связанные, видимо, с пролювиальными отложениями, слагающими тело конуса выноса).

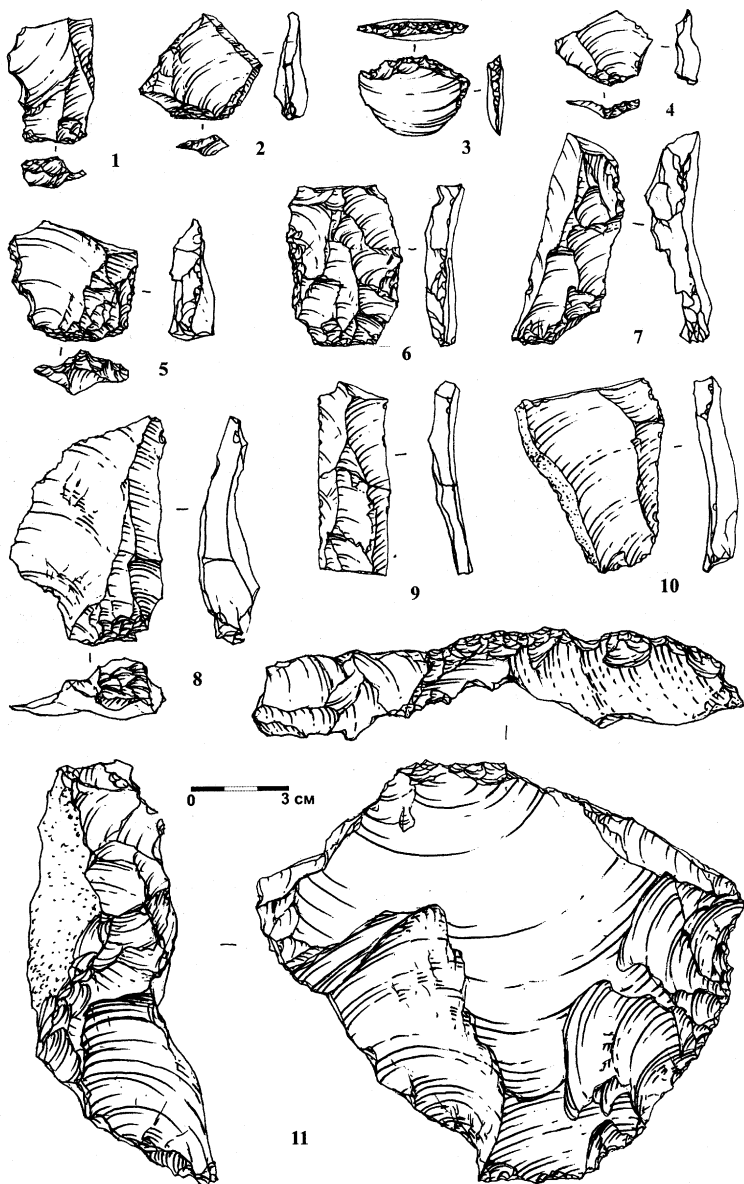

Рис. 1. Тинит-1. Шурф. Каменные артефакты (художник А.В. Абдулманова).
 (2,6,9 - уровень обитания 1; 1,11 - уровень обитания 3; 3-5,7 - уровень обитания 4;
 8,10 - единичные находки из нижних горизонтов).
 1,9 - фрагменты пластин; 2,4,8 - отщепы; 3 - скребок; 5 - пластинчатый отщеп;
 6 - фрагмент пластины с ретушью; 7,10 - краевые сколы; 11 - нуклеус.

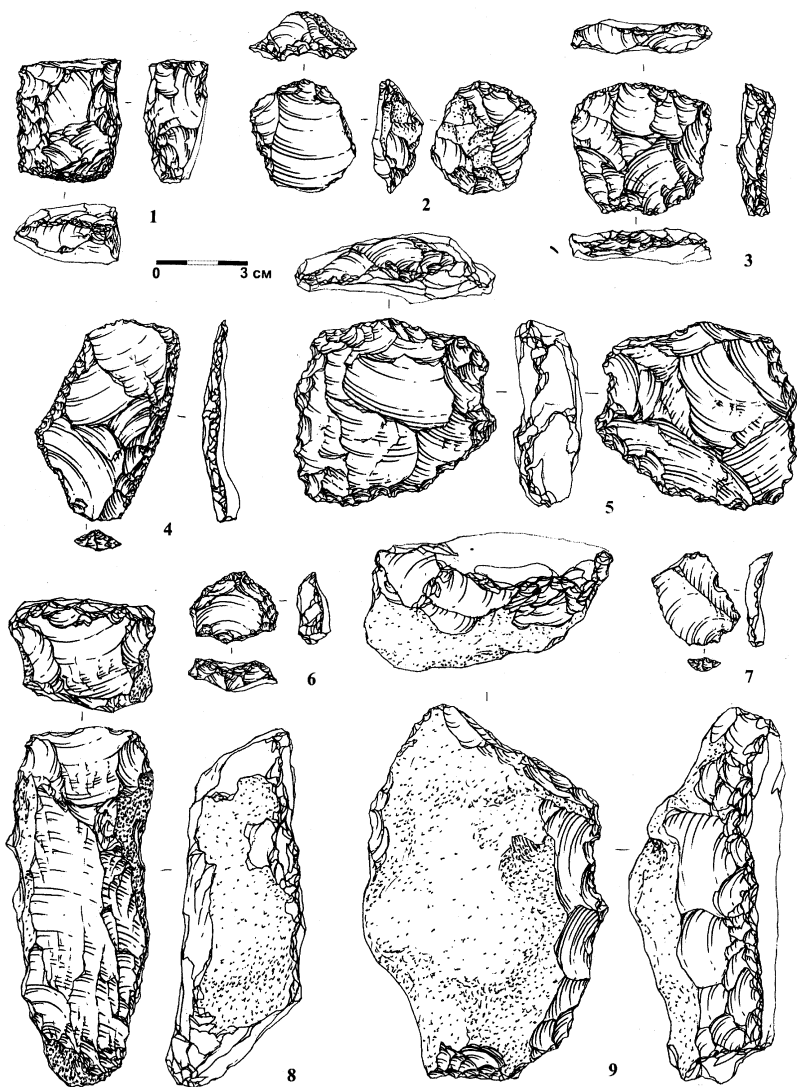

Рис. 2. Тинит-1. Сборы с поверхности. Каменные артефакты
(художник А.В. Абдулманова).

1, 4, 9 - скребла; 2, 3, 5 - нуклеусы; 6, 8 - скребки; 7 - леваллуазский
технический скол.

Находки с верхней части склона (8 экз.): нуклеус леваллуазский овальный для отщепов (черепаховидный) (рис. 2, 2); нуклеус двуплощадочный однофронтальный для отщепов (рис. 2, 3); скребло продольное прямое дорсальное с обушком (рис. 2, 1); скребло двойное прямое выпуклое против-

лежащее, оформлено на леваллуазском сколе (рис. 2,4); скребок двойной высокой формы; скребок концевой на сильно модифицированной ретушью леваллуазской заготовке (рис. 2,6); два леваллуазских скола (рис. 2,7).

Находки со средней и нижней частей склона (8 экз.): два нуклеуса одно-площадочных монофронтальных для отщепов (рис. 2,5); скребло массивное выпуклое зубчатое с обушком (рис. 2,9); скребок высокий массивный (рис. 2,8); шиповидное изделие; два зубчато-выемчатые орудия и краевой технический скол с ретушью.

Полученная коллекция артефактов позволяет сделать ряд следующих заключений. Изделия первых трех уровней обитания в шурфе по технико-типологическим характеристикам соответствуют периоду верхнего палеолита. В пользу этого свидетельствует применение верхнепалеолитической техники скола - редуцирование края ударных площадок подтеской и пришлифовкой. Следы использования при расщеплении именно этой техники присутствуют как на сколах-заготовках, так и на нуклеусах. При этом прямых свидетельств применения среднепалеолитической техники скола, заключающейся в предварительном формировании точки удара для последующего скалывания целевой заготовки (тщательное фасетирование ударной площадки скола и др.), напротив, не обнаружено. Сложнее определить технику расщепления для артефактов у.о. 4. Единичные свидетельства среднепалеолитической техники скола (фасетированная выпуклая площадка одного из отщепов, двугранные площадки нескольких сколов) нельзя считать доказательствами принадлежности этого ассамбляжа к более древнему периоду палеолита. Вместе с тем, в коллекции у.о. 4 отсутствуют и явные свидетельства применения верхнепалеолитических техник. Остальные характеристики данных индустрий: типология нуклеусов, особенности вторичной обработки, характер орудийного набора и т.д., позволяют поместить рассматриваемые технокомплексы в широкие культурно-хронологические рамки в пределах верхнего (у.о. 1-3) и, возможно, финала среднего (у.о. 4) палеолита.

Сборы подъемного материала имели целью на примере отдельных ярких вещей проследить возможное индустриальное разнообразие и определить хронологические рамки периода активного функционирования стоянок. Бесспорно разновременность и индустриальное различие подъемного материала. К наиболее молодым, по времени, артефактам, возможно, сопоставимым с материалами шурфа, относятся двуплощадочный нуклеус (рис. 2,3), двойной скребок высокой формы и скребло на краевом сколе с тщательно редуцированной площадкой (рис. 2,1). К материалам среднего палеолита, в самых широких рамках, видимо, принадлежат черепаховидный нуклеус (рис. 2,2), леваллуазские сколы и орудия на них (рис. 2,4,6,7). Наиболее древние артефакты, собраны на обнажениях обломочника пролювийно-делювиальной толщи и имеют характерные повреждения граней и ребер (легкая окатанность, забитость). Материал может относиться к началу среднего или финалу раннего палеолита, по крайней мере, не-

которые из артефактов (массивные скребло и скребок (рис. 2,8,9) близки по типологии характерным изделиям этого культурно-хронологического интервала.

Материалы местонахождения Тинит-1, при всей своей разновременности, в целом, сопоставимы с индустриями стоянки Рубас-1 [Анойкин и др., 2007]. Верхне- и среднепалеолитические технокомплексы стоянок имеют схожие стратегии расщепления камня. Для верхнепалеолитических индустрий памятников характерна призматическая (или близкая таковой), а также простая параллельная техника получения пластинчатых заготовок, с применением перед реализацией серии целевых сколов редуцирования подтеской и шлифовкой кромки ударной площадки. Сходство наблюдается и среди верхнепалеолитических форм орудий. Среднепалеолитические комплексы характеризуются применением двух разновидностей леваллуазской техники - черепаховидной и конвергентной остройной. Орудийные наборы слабо сопоставимы в виду малочисленности коллекции Тинита-1. Тем не менее, материалы Тинита, залегающие *in situ*, в отличие от переотложенных материалов стоянки Рубас-1, позволяют, при дальнейшем расширении площади работ, изучать появление и развитие верхне- и среднепалеолитических индустрий в бассейне р. Рубас на более качественном уровне. Что касается более древних материалов обоих стоянок, то их переотложенный характер (древний комплекс Тинита-1 связан с пролювиально-делювиальными отложениями, а Рубаса-1 - с аллювием) демонстрирует наличие в этом районе разрушенных стоянок финального раннего - начала среднего палеолита и ставит проблему поиска стратифицированных памятников этого времени с инситу залеганием археологического материала.

Примечания

Анойкин А. А., Славинский В.С., Борисов М. А. Палеолитический многослойный комплекс стоянки Рубас-1. (Республика Дагестан): предварительные результаты // Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология. Т. I, Иркутск, 2007. - С. 14-25.

Геологическая карта СССР масштаба 1:200000. Лист К-39-ХІХ, ХХ. Объяснительная записка. - М. Госгеолтехиздат, 1961. - 76 с., карта.

*А.П. Деревянко, В.Н. Зенин, С.В. Лещинский,
Н.А. Кулик, И.В. Зенин*

ИССЛЕДОВАНИЯ РАННЕГО ПАЛЕОЛИТА В ЮЖНОМ ДАГЕСТАНЕ*

Исследования Кавказского палеолитического отряда в 2007 г. проводились по нескольким направлениям: стационарные раскопки многослойной стоянки Дарвагчай-1, поиск и разведка раннепалеолитических местонахождений в бассейнах рек Дарвагчай и Рубас, комплексные геологические исследования отложений плейстоцена в указанных районах.

Стационарные исследования стоянки Дарвагчай-1 осуществлялись на площади 30 м². В результате установлено более четкое стратиграфическое положение прослоя 7/6, условно выделенного в 2006 г. В разрезе он представляет локальную линзу, вклинившуюся в слой 8 и образованную материалом разрушенных подстилающих отложений в прибойной зоне пляжа. Тем самым, прослой 7/6 и слой 8 сформированы одновременно, что предполагалось ранее.

Всего на вскрытой площади обнаружено 2652 каменных изделия и редкие фрагменты костей крупных млекопитающих плохой сохранности. В слое 4 обнаружен один артефакт из кремня, в слое 5 – 14 артефактов, в слое 6 – 18, в слое 7 – 784 и в слое 8 – 1835. Состав и технико-морфологические характеристики выявленной индустрии демонстрируют развитие единой культурной традиции, отличительной чертой которой является микролитический характер изделий. В составе коллекции высока доля орудийного набора – до 20 %. В их числе разнообразные острейные формы (острия, клювовидные и шиповидные орудия), скребуще-режущие орудия (скребла, скребки, сколы с ретушью), единичные чопперы и орудия с долотовидным рабочим краем. Первичное расщепление характеризуется простейшими приемами раскалывания исходных материалов (гальки, желваки, плитки). Сколы занимают подчиненное положение среди продуктов расщепления и уступают угловатым обломкам. Их отличает массивность и укороченные пропорции. Фасетирование ударных площадок не отмечено. Определимые площадки представлены корочными или гладкими поверхностями. Петрографическое изучение артефактов и терригенных материалов показало относительно близкий перенос кремневых материалов (желваков, галек) от коренных источников к месту стоянки (до 7 км) и их повышенную трещино-

*Исследования выполнены при поддержке РГНФ, проекты № 05-01-01373, № 07-01-18082

ватость. Как это влияло на размерность артефактов, еще предстоит выяснить.

Стратиграфические исследования стоянки дополнялись изучением разрезов, расположенных по берегам Геджухского водохранилища и в карьерах. В итоге, в прибрежно-морских осадках бакинского времени были обнаружены единичные артефакты и отобраны многочисленные раковины моллюсков. На правом берегу водохранилища (в районе залива) обнаружены два новых местонахождения раннего палеолита – Дарвагчай-залив 1 и 2. В галечной осыпи последнего (среди прочих артефактов) обнаружено небольшое проторубило, изготовленное из кремневой гальки. Выявленные местонахождения весьма перспективны для проведения стационарных раскопок и корреляций со стоянкой Дарвагчай-1. Особую важность для биостратиграфического и археологического изучения отложений в районе Геджухского водохранилища приобретают вопросы соотношения ашельских и микролитических индустрий, а также условия совместного залегания моллюсков - *Didacna parvula*, *D. rudis*, *D. eulachia* и других видов отмечаемых для различных фациальных обстановок бакинского времени.

Несмотря на довольно хорошую расчлененность плейстоценовых отложений Каспия, в изучении отдельных территорий (в частности, Южного Дагестана) остается много вопросов. Так, В.Д. Голубятниковым в 1930-х гг. впервые описан типовой разрез бакинских отложений в балке Шор-дере (бассейн р. Рубас). В ходе наших работ в Шор-дере обнаружено шесть палеолитических местонахождений, приуроченных к плотным известковистым конгломератам, включающим раковины моллюсков бакинского возраста. Выборочные сборы артефактов (в осыпи и *in situ*) составили 83 экз. В их числе чопперы, скребла, скребки, выемчатые, зубчатые и шиповидные орудия, острия и отщепы с ретушью.

Палеонтолого-стратиграфическое изучение естественных разрезов к югу от реки Рубас (впадина в районе Аджиноурского газового месторождения) проводилось с целью определения основных характеристик акчагыльских, апшеронских и бакинских отложений. На южном склоне горы Донгузнухур (абс. высота – 204,8 м) прослежено их последовательное залегание (более 40 м) и наличие перекрывающей субазральной толщи (общей мощностью до 10 м) с многочисленными красно-бурыми, серыми, коричневыми и другими погребенными гумусовыми горизонтами. Аналогичные субазральные отложения мощностью более 30 м прослежены в обнажениях района горы Гюинкиль (абс. высота – 506,8 м), однако здесь они залегают на апшеронском конгломерате (кусарская свита?). В толще последнего обнаружен фрагмент бивня слона (диаметр ~ 10 см), а также раковины моллюсков хорошей сохранности.

Таким образом, полученные палеонтолого-стратиграфические материалы и хорошая обнаженность разрезов дают редкую возможность детальной корреляции и определения четкого положения культурных слоев раннепалеолитических комплексов в сводном разрезе верхнеплиоценовых - нижнеоплейстоценовых отложений Южного Дагестана.

*А.П. Деревянко, К.А. Колобова, У.И. Исламов,
Д. Фляс, К.К. Павленок*

НОВЫЙ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК В ДОЛИНЕ РЕКИ АХАНГАРОН (УЗБЕКИСТАН)*

В августе 2007 года участниками Центральноазиатского палеолитического отряда, было проведено разведочное обследование в окрестностях стоянки Кульбулак, находящейся на правом берегу устья р. Джарсай, впадающего в реку Кызылалма, в долине правого притока р. Ахангарон (Ташкентская область, Республика Узбекистан).

В результате исследований была открыта серия палеолитических объектов – открытого типа и залегающих в литологических слоях. Профессором М. Дапером и к.и.н. С.В. Лещинским был обнаружен наиболее интересный и перспективный в плане дальнейших исследований памятник Кызыл-Алма-2. Данный памятник открытого типа находится на расстоянии 1200 м. на север-северо-запад от стоянки Кульбулак. Несколько хорошо известных объектов палеолитического времени расположены в непосредственной близости от обнаруженного памятника [Анисюткин, Исламов, Крахмаль и др., 1995].

Превышение уровня стоянки Кызыл-Алма-2 над уровнем Кульбулака составляет 66 м, угол падения – 3-5°. Памятник находится в лессовых отложениях, приуроченных к разлому органогенных известняков. Стоянка находится непосредственно на выходах сырья (жильного кремня), поэтому можно предположить, что мы имеем дело либо со стоянкой-мастерской, либо с многофункциональным комплексом, включающем все циклы утилизации каменного сырья. Памятник был обнаружен благодаря выработке глиняного карьера, которая обнажила включенные в несколько горизонтов каменные артефакты. Для выяснения стратиграфической ситуации на стенах карьера были заложены 2 зачистки. Зачистка №1, мощностью 4,5 метра обнаружила нахождение артефактов в четырех слоях. Первый слой, в 50 см. от поверхности мощностью 30-40 см. располагается дисперсно. Материал слоя по своей типологии явно верхнепалеолитический. Среди нуклеусов представлен призматический моноплощадочный для пластин и пластинок (рис.1, 5), плоскостной монофронтальный одноплощадочный нуклеус для пластин, и обломок подпризматического нуклеуса для пластинок. Наиболее представительным техническим сколом является таблетка с нуклеуса для пластинок

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проекты № 06-01-00527, 05-01-01356); МК-3183.2007.6; Молодежного проекта президиума СО РАН № 146.

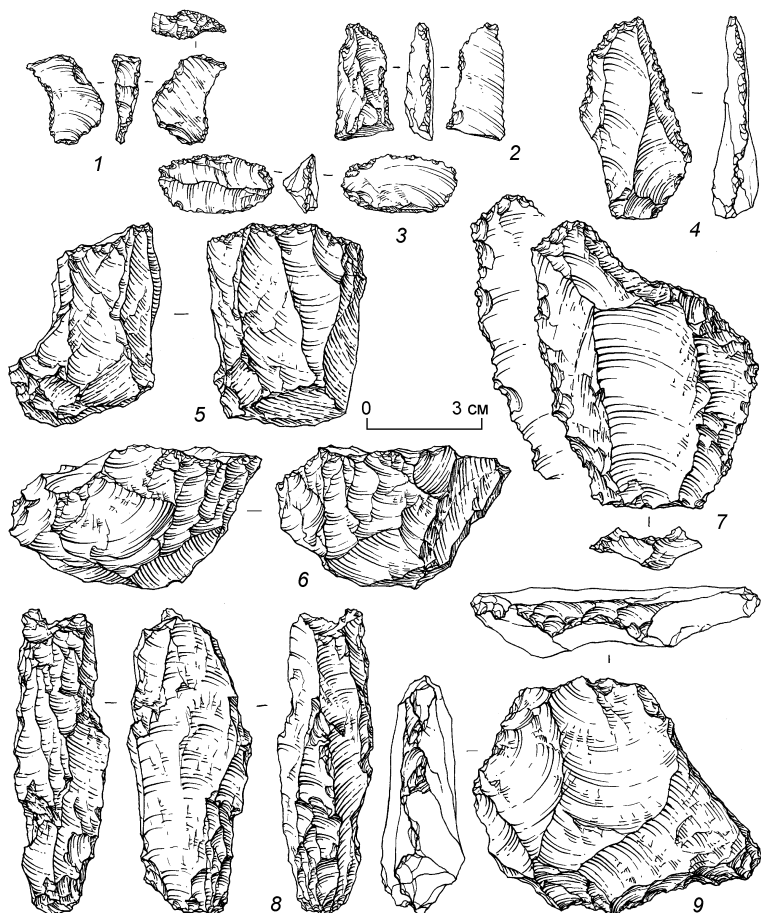

Рис. 1. Каменные артефакты из комплекса стоянки Кызыл-Алма-2.

(рис. 1, 1). Среди сколов представлены пластины и отщепы, примерно в равных долях. Среди орудий можно выделить боковой скребок (рис. 1, 3), концевой скребок, острие с ретушью утилизации (рис. 1, 2), поперечное одинарное прямое скребло с зубчатой ретушью, шиповидное орудие и несколько сколов с ретуши, в том числе и функционального происхождения.

Второй слой каменных артефактов отделен от первого стерильной прослойкой мощностью 2,5 метра. Он находится в слое с мелким грубообломочным материалом, возможно следствием коллювиальных процессов. В стенке слой читается субгоризонтальным с минимальным наклоном. Среди находок присутствуют призматический моноплощадочный нуклеус (рис. 1, 6), истощенное радиальное Ядрище (рис. 1, 9), преформа нуклеуса с подготовленной, но не реализованной реберчатой пластиной и двуплощадочный двуфронталь-

ный торцовый нуклеус для пластинок (рис (1, 8). Среди сколов следует отметить наличие массивных отщепов, свидетельствующих о размере каменного сырья. Орудийную коллекцию составляют нож с естественным обушком, шиповидное орудие и ретушированный скол треугольной формы.

Третий культурный отделен от второго стерильной прослойкой мощностью 1 м. В его коллекции присутствуют двуплощадочный монофронтальный плоскостной нуклеус для мелких пластин, монофронтальные одноплощадочные плоскостные нуклеусы для отщепов (2 экз.). Среди технических сколов представлен только краевой скол с укороченными пропорциями. Орудийный набор представлен мелкой ретушированной остроконечной пластиной (рис. 1, 4), одинарное продольно-выпуклое скребло (рис. 1, 7). Четвертый слой отделен от третьего стерильной прослойкой, мощность которой не превышает 20 см. На настоящем этапе исследований сложно судить о времени формирования культурной традиции, поскольку материала из зачистки достаточно мало в количественном отношении.

Для определения границ памятника была заложена также вторая зачистка, приуроченная к стенке карьера, на расстоянии 30 м. от первой. Ее мощность составила 7,5 м. Превышение кровли зачистки 2 над кровлей зачистки 1 составляет около 2,3 метра. На уровне третьего и четвертого культурных слоев зачистки 1 в зачистке 2 материал располагается дисперсно. Однако, в основании зачистки 2 обнаружен горизонт находок, располагающийся ниже подошвы зачистки 1 не менее, чем на 60-70 см. Благодаря второй зачистке была определена наиболее перспективная площадь для будущих раскопок, прилегающая к зачистке № 1.

Таким образом, в результате разведочных работ был открыт перспективный многослойный памятник, материалы которого относятся к развитому верхнему палеолиту и более ранним этапам истории человечества. Учитывая достаточно большое количество орудий, можно предполагать, что Кызыл-Алма-2 представляет собой стоянку на выходах сырья с полным циклом утилизации первичных заготовок. В результате зачисток была определена перспективная площадь будущих раскопок, приуроченная к зачистке 1, в стенке которой фиксируются 4 культурных слоя, и, благодаря зачистке 2, прогнозируется по меньшей мере еще один слой на более низком уровне.

Необходимо отметить, что новая стоянка, вероятнее всего составит ансамбль индустрий вместе с верхнепалеолитическими уровнями стоянки Кулбулак, поскольку два памятника находятся на одной территории, приурочены к одному источнику сырья и возможно функционировали синхронно.

Примечания

Анисюткин Н.К., Исламов У.И., Крахмаль К.А., Сайфулаев Б., Хушваков Н.О. Новые исследования палеолита в Ахангароне (Узбекистан) – СПб., 1995. – 40 с.

*А.П. Деревянко, К.А. Колобова, Д. Фляс, У.И. Исламов,
Н. Ков, Д. Коуп, Н. Звини, К.К. Павленок, Т.Б. Мамиров,
К.А. Крахмаль, Г.А. Мухтаров*

ВОЗОБНОВЛЕНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТ НА МНОГОСЛОЙНОЙ СТОЯНКЕ КУЛЬБУЛАК

Многослойная стоянка открытого типа Кульбулак находится на длинном мысу на правом берегу устья р. Джарсай, впадающего в реку Кызылалма, в долине правого притока р. Ахангарон. В более широком географическом контексте, памятник находится на юго-восточных склонах Чаткальского хребта в Ташкентской области, республики Узбекистан. Стоянка была открыта в 1962 г. Стационарные раскопки, проводившиеся на ней с перерывами вплоть до 1993 г. [Анисюткин, Исламов, Крахмаль и др., 1995; Касымов, 1990], вскрыли толщу четвертичных отложений мощностью 19 м. Были вскрыты отложения, относящиеся к нижнему палеолиту (22 слоя), среднему палеолиту (24 слоя) и верхнему палеолиту (3 слоя) [там же].

Возобновление работ на памятнике было проведено с целью получения новых четко стратифицированных коллекций каменных артефактов, уточнения стратиграфии памятника, отбора образцов на датирование, изучения стоянки с привлечением методов естественнонаучных дисциплин. В течение полевого сезона 2007 г. на Кульбулаке были возобновлены раскопки силами Центральноазиатского палеолитического отряда, составе которого работали археологи Республики Узбекистан, сотрудники Королевского музея (г. Брюссель) и института Макса Планка (г. Лейпциг), студенты и аспиранты из Кыргызстана и Казахстана. В результате работ предыдущих исследователей практически все перспективные участки памятника были уже в той или иной мере затронуты раскопками. Поэтому, раскопы были заложены на различных, уже частично вскрытых, участках памятника. Раскоп № 1 площадью 6 м², расположенный в северной части памятника, на участке со вскрытым первым литологическим слоем, вскрыл отложения литологического слоя 2. Раскоп № 2 вскрыл 6 м² третьего литологического слоя. Используя стенку сохранившегося шурфа №3 раскопок М.Р. Касимова, была сделана зачистка, для уточнения стратиграфии, благодаря которой появилась возможность проанализировать отложения десяти литологических слоев, начиная с дневной поверхности. Дерновый слой был уничтожен в процессе предыдущих работ. Стратиграфическое описание составлено по личному сообщению С.В. Лещинского.

Слой 1. Светло-серый (белесый) суглинок золотого происхождения. Видимая мощность 0,9- 1,1 м. На всю мощность пронизан ходами землеройных животных. Верхние $\frac{3}{4}$ мощности слоя также пронизаны ходами

муравьев и ос. Из-за упомянутых биогенных нарушений структура слоя пятнистая.

Слой 2. Светлый зеленовато-серый суглинок, насыщенный мелким гравием, щебнем, дресвой, мелкими глыбами коричневого песчаника. Сортировка щебнистого материала отсутствует, но иногда мелкий щебень располагается на одном уровне, образуя псевдопрослое. Отложения, вероятно, имеют пролювиальное происхождение с редким участием селевых накоплений, приносивших крупный щебень и мелкие глыбы. Вероятно, верхняя половина слоя 2 частично инститна. Мощность слоя – до 1,3 м.

Слой 3. Светло-коричневый суглинок местами с зеленоватым оттенком. Отложения селевого генезиса. Возрастает количество дресвы и щебня, мелких глыб магматических пород (до 0,4 м). Сортировка зерен полностью отсутствуют, что указывает на отложения водно-грязевого потока. Видимая мощность – 0,5-0,6 м.

Слой 4. Светло-серый зеленоватый суглинок селевого генезиса. По цвету основной массы напоминает слой 2. Отличие в большем содержании (более 30-40%) щебня и мелких глыб. Обломки часто залегают вертикально или под углом. Сортировка отсутствует. Видимая мощность – 0,5 м.

Слой 5. Серый суглинок селевого генезиса. В отложениях представлены щебень и дресва магматических пород. Количество обломков не более 40-50%. Размер средней щебенки в слое 5 – 5-7 см. Также отсутствует сортировка. Отложения возможно накапливались с некоторым перерывом. Видимая мощность – 0,3 м.

Слой 6. Светло-серый суглинок, по цвету и текстуре очень близок к отложениям слоя 4. Генезис слоя – пролювиально-селевой. Отличается меньшей долей обломков и их меньшим размером (максимальный размер 0,1 м.), сортировка обломков также отсутствует. Видимая мощность – 0,4-0,5 м.

Слой 7. Содержит два прослоя: прослой 1- отложения серого суглинка, аналогичные слою 5, с содержанием обломков щебня не более 30-40%. Мощность – 0,25 м; прослой 2 – светло-серые отложения русловой фации временного маленького водотока (ручья). Глинистая составляющая практически отсутствует. Прослой 2 представлен линзой, залегающей в направлении восток-запад и увеличивающейся мощностью к югу. Мощность прослоя – от 0 до 0,4 м.

Слой 8. Пролувиально-селевые отложения, аналогичные отложениям слоев 6 и 4. Состав: светло-серый суглинок с дресвой и мелким щебнем (объем обломков до 10%, встречаются единичные глыбы крупнозернистого песчаника размером до 0,2-0,1 м.). Мощность от 0,2 до 0,45 м (увеличивается к северу из-за выклинивания прослоя 2 слоя 7).

Слой 9. Отложения русловой фации аллювия небольшой речки или временного водотока, представленные плохо сортированным щебнем, дресвой и мелкими глыбами. Цвет отложений коричневый с серо-черными пятнами из-за оксида железа и марганца. Мощность от 0,4 до 0,5 м.

Слой 10. Отложения сложного субаэрального генезиса. Преобладает пролювий (более 80%) Светло-коричневые суглинки в смеси крупнозернистым песком и редкой дресвой, единичным щебнем и линзочкой русловой фации временных водотоков. Мощность от 0,1-до 0,5 м.

На площади раскопа 1 были вскрыты 3 м² с исключительной насыщенностью каменным инвентарем. Все артефакты позиционировались внутри второго литологического слоя, генезис которого связан с сильной обводненностью. Судя по положению находок в слое, имело место некоторое перемещение материала, однако незначительное.

Материал большей части артефактов представляет собой кремнь, преимущественно светло-серый до белого и желтоватого, реже коричневый и темно-серый. Кремни имеют скрытокристаллическое, реже – тонкозернистое сложение, во многих из них присутствуют зерна обломочного неокатанного кварца размером до 0,5 мм. Кремни неоднородны, и нередко наблюдается переход к хорошо просвечивающим светлым халцедонам с концентрической зональной структурой, в отдельных артефактах в кремнях наблюдаются тонкие жилки и изометричные гнезда мелкокристаллического кварца (по личному сообщению Н.А. Кулик).

Индустрия, представленная в слое имеет явно выраженный микропластинчатый характер. Заготовки получали с нуклеусов-карене (рис. 2, 1, 2), торцовых нуклеусов на сколах для микропластин (рис. 2, 8, 9), с плоскостных дву- и одноплощадочных ядрищ (рис. 2, 7), а также с подпризматических нуклеусов (рис. 1, 7). Среди технических сколов широко представлены сколы подправки фронта скалывания, краевые сколы, а также таблетки, снятые с нуклеусов, предназначенных для получения пластинок. В результате раскопок получено большое количество отходов производства (осколков и чешуек). Целевыми сколами, несомненно, являются микропластинки и пластинки. Однако заготовки подобного рода в большинстве случаев не обработаны. Возможно, они использовались без подработки. Орудийный набор достаточно представлен. Наиболее распространенным типом орудий являются одно- и двулезвийные долотовидные изделия (рис. 1, 1, 2). Нередко встречаются экземпляры с аккомодационными сколами. Скребки боковых и концевых вариантов также представлены достаточно широко (рис. 1, 3, 5). Очень интересны ретушированные острия (рис. 1, 6), ретушированный остроконечник (рис. 2, 6). Резцы невыразительны и малочисленны (рис. 1, 4), также малочисленны ретушированные платины (рис. 1, 8). Из орудийного микроинвентаря в коллекции имеется один экземпляр пластинки дюфур (с альтернативной ретушью) (рис. 2, 3), ретушированное микроострие (рис. 2, 5). Также очень интересна находка геометрического микролита – треугольника на дистальном фрагменте микропластинки, аналогичного изделиям со стоянки Додекатым-2 (рис. 2, 4).

В целом индустрия гомогенная, в ней содержатся все элементы микрорасщепления, начиная от заготовок нуклеусов, заканчивая изделиями на микропластинках.

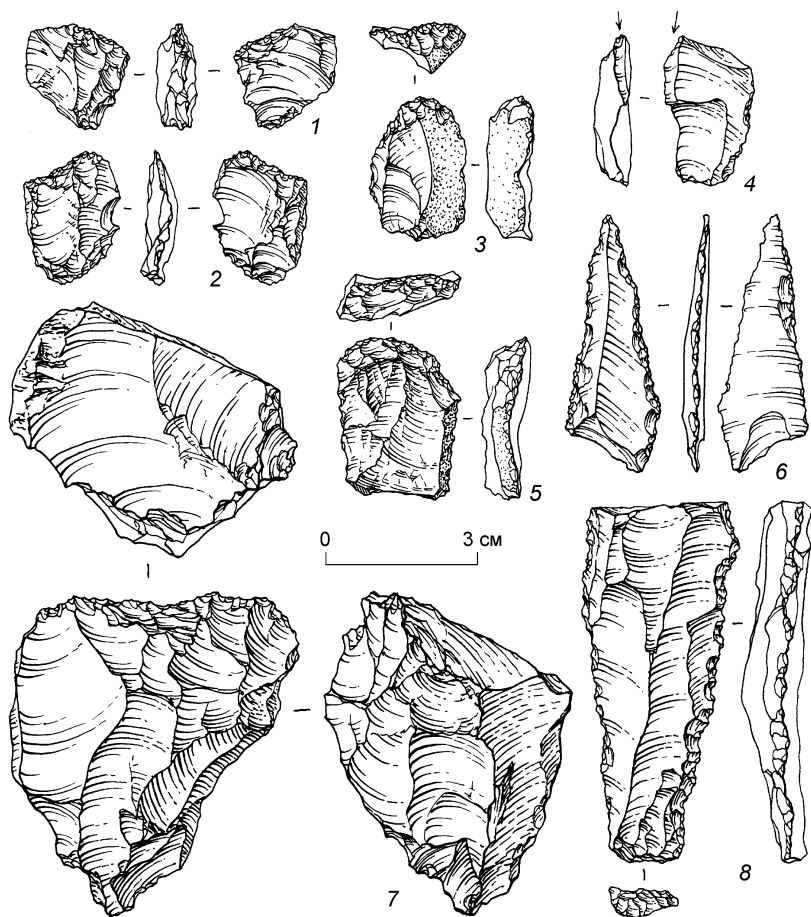

Рис. 1 Каменные артефакты из верхнепалеолитического комплекса стоянки Кульбулак.

Второй раскоп, расположенный в западной части стоянки и прилегающий к площади шурфа № 3 М.Р. Касимова вскрыл на площади 6 м² отложения литологического слоя 3. Судя по всему, данный литологический слой по своему генезису связан с достаточно активными, но не катастрофическими селевыми потоками, и вероятно, включает в себя несколько эпизодов накопления. Материал, содержащийся в слое явно переотложен (значительная часть артефактов в вертикальном положении, очень малое количество мелких отходов производства). Обращает на себя внимание различный сырьевой состав инвентаря – в коллекции раскопа 2 значительное количество изделий выполнено на эффузивах, в то время как в коллекции раскопа 1 подавляющее большинство артефактов изготовлены из различных кремней.

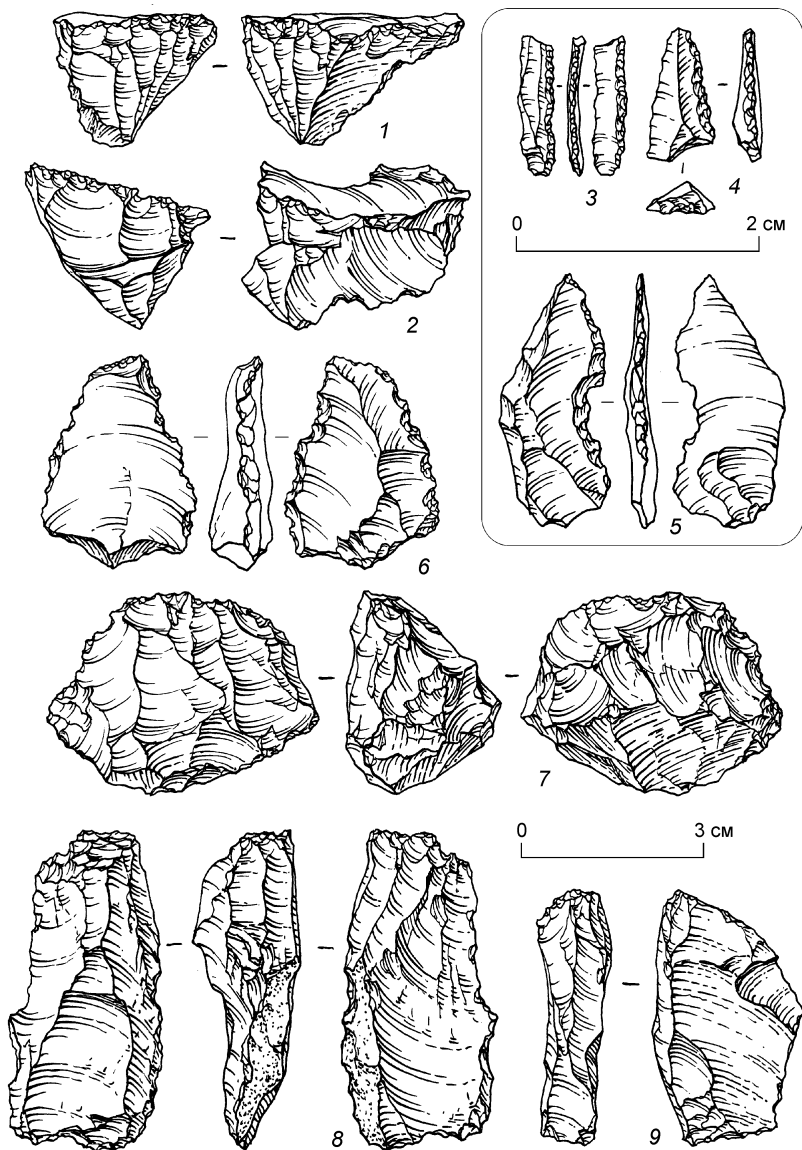

Рис. 2 Каменные артефакты из верхнепалеолитического комплекса стоянки Кульбулак.

По составу коллекция раскопа обращает на себя внимание большим количеством орудийных форм. Типологически, это преимущественно зубчатые формы, скребла различных модификаций, ретушированные сколы, немногочисленные скребки, в том числе и ногтевидные. Нуклеусы и технические

сколы малочисленны. Коллекция в данный момент находится в обработке, но и при настоящем положении вещей можно отметить некоторые делажи: материал, представленный в раскопе 2 явно более древний, чем материал из раскопа 1; вероятно, он перенесен селевыми потоками, однако это не исключает возможности обитания человека на высохшей поверхности селя.

В целом, можно заключить, что стоянка открытого типа Кульбулак представляет из себя многослойный объект, в формировании которого большую роль имели селевые и пролювиальные процессы. В связи с этим верхнепалеолитический материал частично перемещен, материал из литологического слоя 3, видимо, перемещен на значительное расстояние.

В исследуемом регионе верхнепалеолитическая эпоха до недавнего времени была представлена только комплексом Самаркандской стоянки. Однако в результате работ последних лет была обнаружена целая серия верхнепалеолитических стоянок: стоянка Додекатым-2 в долине реки Пальтау, стоянка Каттасай в пригороде Янгиабада [Исламов, Кривошапкин, Колобова и др., 2006]. Индустрии стоянки Додекатым-2 и верхнепалеолитического слоя Кульбулака демонстрируют множество общих черт. Наконец в течение этого полевого сезона была обнаружена многослойная стоянка Кызыл-Алма-2, материал которой по своим технико-типологическим характеристикам может быть отнесен к верхнему палеолиту. На настоящий момент сложилась благоприятная ситуация, когда стало возможным приступить к составлению культурно-хронологической схемы развития верхнего палеолита в данном регионе на основании новых данных.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проекты проект № 06-01-00527а, 05-01-01356 «а»); МК-3183.2007.6; Молодежного проекта президиума СО РАН № 146.

Примечания

Анисюткин Н.К., Исламов У.И., Крахмаль К.А., Сайфулаев Б., Хушваков Н.О. Новые исследования палеолита в Ахангароне (Узбекистан) – СПб., 1995. – 40 с.

Касымов М.Р. Проблемы палеолита Средней Азии и Южного Казахстана (по материалам многослойной палеолитической стоянки Кульбулак): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1990. – 42 с.

Исламов У.И., Кривошапкин А.И., Колобова К.А., Милютин К.И., Мухаммадиев А.Г., Белоусова Н.Е. Предварительные итоги работы международной археологической экспедиции по изучению каменного века Узбекистана в полевом сезоне 2006 года // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. - Том XII, часть I. - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. - С. 162-166.

*А.П. Деревянко, Д. Цэвээндорж, С.А. Гладышев, В.Л. Коломиец,
Л.В. Лбова, Е.П. Рыбин, Я. Цэрэндагва, Н. Эрдэнэ-Очир*

ГЕОМОРФОЛОГИЧЕСКИЕ И СТРАТИГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПАДИ САЛХИТ (МОНГОЛИЯ)

В рамках выполнения программы российско-монгольско-американской археологической экспедиции группа российских и монгольских археологов обследовала местонахождение Салхит (Норовлин сомон, Хентейский аймак) в Монголии. В 2006 г. в этом пункте была найдена черепная крышка древнего человека. В публикации, вышедшей в Улан-Баторе в 2006 г., была высказана точка зрения, что эта черепная крышка может принадлежать виду *Homo erectus* [Цэвээндорж, Батболд, Амгалантогс, 2006]. Естественно, мы не могли обойти вниманием такую сенсационную находку и в мае 2006 г. начали геоморфологическое и стратиграфическое изучение местности в пади Салхит в непосредственной близости от точки обнаружения черепной крышки. В настоящее время в этой местности ведет добычу золота компания «Баян-Эрдэс». Она работает в пади Салхит уже 5 лет, и полностью уничтожила весь чехол рыхлых отложений вплоть до коры выветривания гранитного основания. К тому же, после наводнения 2006 г., место, где была обнаружена черепная крышка, было вновь погребено под двухметровым слоем перемытых отвалов.

По геоморфологическому районированию участок исследований находится на стыке двух геоморфологических регионов – Северо-Востока Монголии и Восточно-Монгольской равнины, и входит в Керулен-Ульдзинский район. Это восточные отроги Хэнтэйского нагорья, которые являют собой совокупность всхолмленных поверхностей, мелкосопочников, массивов низких гор, разделенным между собой областями денудации и плоскими впадинами с озерными котловинами. В общих чертах рельеф данной территории характеризуется мягкими сглаженными очертаниями. Эрозионные формы и разделяющие их водораздельные гряды, небольшие хребты с незначительными колебаниями относительных высот имеют линейно-вытянутую субмеридиональную ориентировку, обусловленную отражением тектонической структуры и петрографического состава пород сложноустроенного фундамента. Отдельные горы, сопки представляют собой конические, куполовидные постройки с примыкающими к ним грядами, имеющими несколько отдельных вершин при постепенном уменьшении высоты водораздельной линии по направлению к подножью склона. Самим вершинам свойственен округлый в плане и выпуклый в разрезе профиль, они покрыты сплошным, панцирным слоем элювия и выходами более твердых

коренных пород в виде гривок и щеток. Преобладают обломки мало-средне-глыбовой, а также щебеночно-дресвяной размерности. Для крупных глыб характерна эоловая обработка (ветрогранники). Мелкозема мало или он практически отсутствует, что можно объяснить выборочной дефляцией. Склоны не обнаруживают зависимости протекания внешних формирующих процессов от их экспозиции, моделированы осыпными явлениями в самой крутой, приводораздельной, денудационной части, на средних, транзитных участках превалируют дефлюкционный снос, делювиальный смыв и эрозионный размыв. Ветвящиеся вверх склонов эрозионные борозды, сливаясь, образуют эрозионные рытвины, оформленные ярко-зеленой растительностью. Некоторые рытвины в приподошвенном секторе формируют мелкие овраги с глубиной вреза 2-3 м, выположенными бортами и V-образным растянутым поперечным профилем. Неширокие днища и устья их техногенно изменены проходкой горных выработок и отработанной россыпью. В нижней, аккумулятивной части склонов присутствуют широкие, выровненные делювиальные и делювиально-пролювиальные шлейфы, покрытые преимущественно тонким матриксом и хорошо задернованные. Более крупные эрозионные формы – неширокие сухие лога и долинообразные суходольные западины с озерами имеют выположенные лоткообразный или трапецевидный поперечные профили, склоны малой крутизны, выровненное днище с малыми углами наклона продольной оси. Для лога Салхит практически на всем протяжении характерна техногенная проработка, приведшая к образованию ямно-бугристой донной поверхности (планировка склонов, выбор рыхлого материала (воронки и карьеры глубиной 2-2,5 м), складирование отработанного вещества).

В течение месяца было вскрыто несколько разрезов в непосредственной близости от места обнаружения фрагмента черепа. Выбирались только склоны, не потревоженные деятельностью золотодобытчиков. Наиболее информативным оказался разрез западного борта пади Салхит. Длина разреза составила 10 м. Ниже приводится описание участка наиболее глубокой проходки. Разрез Салхит-1 расположен на правом склоне долины неширокого выположенного лога лоткообразной формы по поперечному профилю с мягкими очертаниями. Вскрытую толщу до глубины 4,25 м по структурно-текстурным особенностям отложений можно подразделить на пять слоев (рис. 1). Из всех литологических слоев, а также из середины вскрытой толщи коры выветривания взяты образцы для TL-датирования.

1. 0,0 – 0,25 м. Почвенный слой темного цвета с карманообразными расширениями и включениями дресвяно-щебнистого материала с отчетливо выраженным простираем по периметру юго-западной стенки. Нижняя граница четкая.

2. 0,25 – 0,65 м. Супесчано-суглинистый горизонт плотный, сцементированный, коричневато-сероватый, белесоватый, интенсивно карбонатизированный с включениями дресвяно-щебнистого материала, безтекстурный, с белесоватыми субвертикальными трещинами шириной до

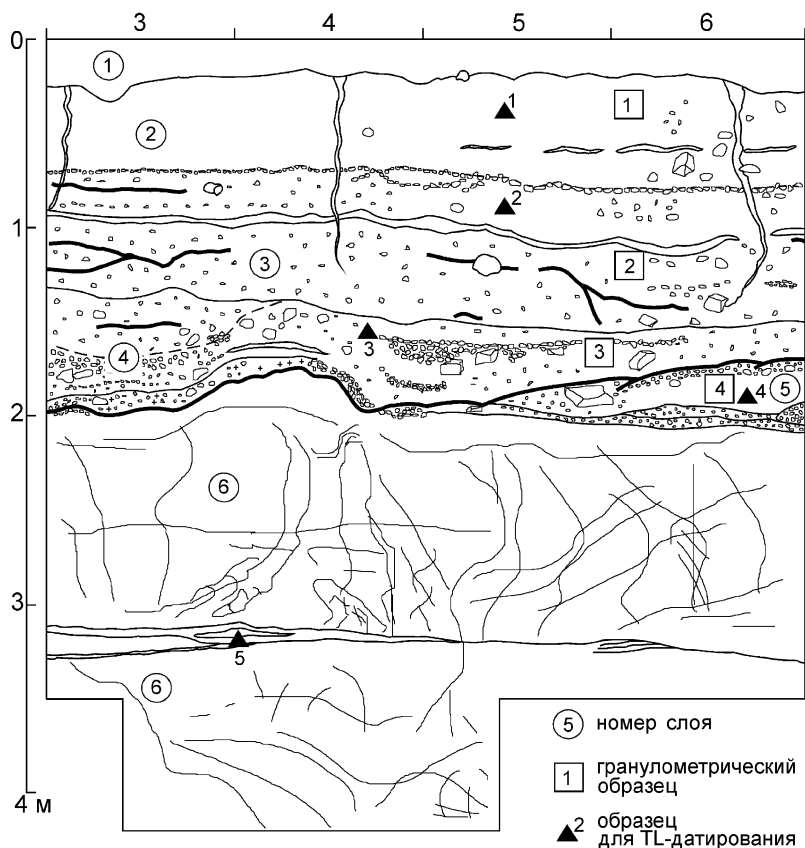

Рис. 1. Падь Салхит. Стратиграфический разрез западного борта.

10-15 см. Прослой отчетливо прослеживается по простиранию. Нижняя граница четкая, субгоризонтальная. Проба на гранулометрический анализ Салхит-1-1.

3. 0,65 – 1,35 м. Щебнисто-дресвяно-супесчаные осадки светло-серые, белесоватые, плотные, сцементированные с включением мелких и средних глыб и преимущественно хаотичным залеганием обломков, а также отдельным линзовидным распределением, оформленным более темной окраской. В целом стенка имеет ноздреватый характер, обусловленный высыпанием псефитового материала при проходке выработки. Горизонт рассечен субвертикальными трещинами с интенсивной карбонатной проработкой. Практически по всей толще отмечаются темно-серые, темно-коричневые и зеленоватые прослои мощностью от 0,5 – 3 см, невыдержанные по простиранию (прерывистые ленты), горизонтального и наклонного залегания (гл. 70, 85, 90, 110), напоминающие дериваты почв. Нижняя грани-

ца слоя в целом отчетливая, слабоволнистая, горизонт хорошо отбивается по простиранию. Проба Салхит-1-2.

4. 1,35 – 1,80 м. Глыбово-щебнисто-дресвяные отложения с супесчано-глинистым заполнителем коричневато-сероватые. Нижняя граница резкая, переменной мощности. По нижней границе наблюдается прослой мощностью до 10 см схожего литологического состава интенсивно карбонатизированного с отдельными обломками 1-го класса окатанности (оттерты углы и ребра). На интервале 1,75 - 1,8 м отмечен прослой темного цвета мощностью 2-3 см, прерывистого залегания. Возможно, это горизонт погребенной почвы, указывающий на некоторый перерыв в седиментации. Проба Салхит-1-3.

5. В правой части стенки имеет место линзовидное вложение мощностью 17-25 см и длиной до 150 см, состоящее из разнозернистого песка серого, серовато-коричневого со слабовыраженной наклонной слоистостью. Материал рыхлый, сыпучий. Нижняя граница совпадает с поверхностью коры выветривания, верхней границей является гумусированная лента. Проба Салхит-1-4.

6. 1,8 (2,0) – 2,6 (2,7) м. Кора выветривания темно-серого цвета, плотная, массивная, разбитая системой субвертикальных, наклонных и субгоризонтальных трещин, оформленных различной степенью и интенсивностью ожелезнения. Кора разбита по интрузивным породам. На нижней границе прослеживается резко выраженный по всему периметру стенки прослой мощностью 5-10 см, интенсивно ожелезненный. В левом углу стенки он линзовидно расширяется (мощностью до 30 см) и состоит из супесчано-суглинистого материала, имеющего в свою очередь линзы коры выветривания. Угол наклона 60-65 гр. В целом прослой имеет характер слабоволнистого простиранья.

2,6 (2,7) - 4,25 м. Кора выветривания по интрузивным породам темно-серого цвета, массивная, более плотная, чем в вышележащем горизонте, разбита многочисленными трещинами различного угла наклона и азимута простиранья.

В основании толщи находится кора выветривания. Выше ее залегает горизонт, выполненный из песчано-дресвяно-щебнистой смеси с примерно равными характеристиками процесса осадконакопления, определяющим моментом которого является его нестабильность, вызванная усилением как эндогенной, так и экзогенной составляющих морфогенеза. Причиной изменения последней могли быть вариации климата в сторону потепления (каргинская эпоха позднего неоплейстоцена), что привело к росту увлажненности и обводненности данной территории, способствовавших более интенсивному протеканию эрозионно-денудационных явлений, лежащих в основе накопления обломочных, абсолютно несортированных осадков делювиально-пролювиального генезиса. Достаточное количество свободной воды привело к формированию на этом уровне аллювиально-пролювиального вложения, представляющего собой бывшее русло небольшого

водотока, заполненное наклонно-слоистым песчаным материалом. Следующим горизонтом, перекрывающим каргинскую толщу, является слой 3, характеризующийся склоновым генезисом. Он формировался, по всей видимости, в сартанское время, для которого было свойственно понижение общего температурного фона, недостаток количества свободно-движущейся воды (неаквальное происхождение данных слоев) и прогрессирующая аридность. Генезис отложений слоя 2 делювиально-пролювиальный, период накопления – голоценовый. С голоценом связано и формирование венчающих разрезы почвенно-растительных горизонтов.

Суммируя данные, полученные при анализе стратиграфического разреза пади Салхит, можно сделать вывод, что нижний (5) горизонт рыхлых отложений не древнее начала каргинской эпохи, т.е. 55 – 50 тыс. лет назад. Следовательно, или черепная крышка принадлежит человеку вида *Homo sapiens sapiens*, или это действительно архантроп, который попал сюда каким-то совсем фантастическим путем. Геоморфологическая ситуация в окрестностях пади Салхит исключает наличия каких-либо древних отложений при разрушении которых череп мог путем переноса попасть на дно пади. Тем не менее, дальнейшее изучение этой уникальной находки необходимо продолжать.

Примечания

Цэвээндорж Д., Батболд Н., Амгалантогс Ц. Нэн эртний монгол хун буюу «Mongolanthropus» // *Studia Archaeologica Instituti Archaeologici Academiae Scientiarum Mongolicae.* – Улаан-Баатар, 2006. – Tomus (III) XXIII. – 16 с. (препринт)

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЕРХНЕЙ ТОЛЩИ НИЖНЕПЛЕЙСТОЦЕНОВЫХ ОТЛОЖЕНИЙ СТОЯНКИ КАРАМА*

Многослойная стоянка раннего палеолита Карамы находится на северо-западе Алтая, в средней части пологого левобережного склона долины верхнего течения р. Ануй. Раскопочные работы последних лет сосредоточены на участке склона, расположенном на отметках 50–60 м над урезом реки. В процессе раскопок последовательно вскрывается верхняя толща красноцветных нижнеплейстоценовых отложений от кровли слоя 7 до подошвы слоя 9 на общую глубину 3 м. Согласно материалам палинологического изучения разреза и другим аналитическими данным [Болиховская, Шуньков, 2005], аккумуляция этих отложений соответствует, скорее всего, стадиям 16–18 изотопно-кислородной шкалы океанических илов. Над красноцветными осадками залегает с отчетливым седиментационным перерывом толща лессовидных суглинков с горизонтами погребенных почв (слои 6–2), формирование которой отвечает изотопным стадиям 2–9 [Зыкин и др., 2005]. Снизу их подстилают слоистые валунно-глыбовые, галечно-гравийные и супесчано-глинистые отложения субаквального генезиса (слои 10–14) с хорошо выраженным педокомплексом из двух монтмориллонитовых почв, соответствующие по совокупности признаков [Дервянко, Шуньков, 2005], возможно, стадии 19 изотопно-кислородной шкалы.

Верхняя часть нижнеплейстоценовых отложений, вмещающая два уровня раннепалеолитических находок, сформирована плохо сортированным материалом монтмориллонитовых глин с включением разнозернистого песка, гравия и большого количества сильновыветрелых валунов и глыб гранита. В период накопления этой толщи преобладали, видимо, процессы физического выветривания, когда грубообломочный материал достаточно длительное время экспонировался на поверхности склона. Близкое расположение отдельных частей треснувших валунов свидетельствует о незначительном постседиментационном склоновом смещении этих отложений.

В строении верхней части нижнеплейстоценовых отложений выделены литологические подразделения 7–9, выполненные пролювиально-аллювиальными осадками.

Слой 7. Валунно-глыбовая толща с легкосуглинистым, сильно одресвяненным заполнителем. Проективная площадь обломков глыбовой фракции

*Исследование выполнено в рамках проекта РГНФ № 07-01-00441.

составляет ок. 50 %. Валуны и глыбы в среднем 0,2–0,3 м в поперечнике (единичные – до 1 м) пестрого петрографического состава, преимущественно крупнозернистые граниты и кислые сферолитовые эффузивы. Гранитные валуны 1–2-го класса окатанности (сглажены вершины и иногда ребра), единичные мелкие валуны – до 3-го класса (оглажена одна или несколько граней). Значительная часть гранитоидов подверглась интенсивному выветриванию. Степень выветривания различная – небольшие плоские глыбы и валуны до 0,1–0,2 м в поперечнике выветрены до кашеобразной массы, в которой сохранились зерна и мелкие агрегаты кварца и полевого шпата, другие мелкие глыбы гранита разложились до дресвы. Некоторые из валунов алевролита растрескавшиеся, их обломки и дресва гранита расположены на месте их дезинтеграции. Эффузивы оглажены существенно хуже – до 1-го, редко до 2-го класса – при преобладании острогранных, сильно растрескавшихся обломков. Ориентировка крупных валунов и глыб в прикровельной части слоя соответствует его залеганию, в средней – хаотическая. Материал щебнистой фракции преимущественно острогранный, ориентирован хаотически. В его составе увеличивается доля обломков эффузивов.

Заполнитель порового типа представлен суглинками легкими, красновато-коричневатых (сургучных) тонов, сильно одресвяненными, видимо, за счет минеральных агрегатов из разрушившихся гранитов, с обильным включением глиняного песка плотного, разномасштабного, плохо сортированного, полимиктового, с большим количеством различно окатанного гравия глины, кварца, известняка, щебня и дресвы песчаника, алевролита, кварца, гранита.

В нижней части слоя встречается колотая галька до 2-го класса окатанности в основном сланцевого и алевролитового состава. Проективная площадь обломочного материала щебнистой фракции достигает 60–70 %. Почти весь обломочный материал, особенно окатанный, покрыт железомарганцевыми пленками в виде аморфных пятен и дендритов. Отсутствие механических повреждений на железомарганцевой пленке свидетельствует о ее образовании уже после формирования осадка слоя. Нижняя граница ровная, субгоризонтальная, выделяется по цветовому переходу к нижележащим отложениям. На отдельных участках маркируется рассеянными в заполнителе железомарганцевыми новообразованиями в виде непрочных агрегатов размером 1–2 мм. Падение нижней границы слоя незначительное – до 3°. Это свидетельствует о том, что пролювиальный конус выноса, сформировавший осадок слоя, опирался на местный базис эрозии – вероятно, днище долины Ануя. Таким образом, урез реки к началу формирования слоя находился приблизительно на 45 м выше современного. Мощность хорошо выдержана и составляет до 2,5 м.

Слой 8. Песчано-гравийно-дресвянистый материал желтовато-коричневых тонов, плотный, плохо сортированный, сильно оглиненный, с единичными включениями мелкой гальки. Гравий состоит из зерен кварца,

полевого шпата, глины, реже других пород, с большим количеством глиняного песка. Зерна гравия угловатые, редко слабо округлые; встречается неравномерно расположенный щебень, среди которого преобладают обломки алевролита, песчаника, кварцита, гранита. На некоторых обломках наблюдается тонкая корочка выветривания. Отмечены признаки слабой гравитационной сортировки материала в водной среде. Слоистость линзовидная, местами неотчетливая, неравномерная с толщиной линз до 0,03 м. Местами слой в кровле маркируется тонким (до 3–5 см), невыдержанным по простиранию линзоватым прослоем суглинков алевритистых, серо-зеленых, с плохо выраженной тонкой седиментационной слоистостью, обогащенных мелкими (до 1 мм) непрочными марганцевыми стяжениями. В нижней части слоя присутствуют черные горизонтальные слойки грубозернистого песка до 0,01 м толщины, пропитанного гидроокислами марганца. Вероятно, их накопление происходило в слабопроточной или даже водозастойной обстановке. В подошве слоя песчаные отложения постепенно, без четкой границы замещаются массивным песчано-крупнодресвянистым осадком с включениями мелкого гравия и отдельными линзочками оглиненного песка. Нижняя граница четкая, пологоволнистая, залегает практически субгоризонтально с незначительным падением в сторону реки, выделяется по цвету и изменению гранулометрического состава осадка. Мощность слоя 0,3–0,4 м.

Слой 9. Суглинок средний, опесчаненный, сильноглинистый, одресвяненный, серых тонов с зеленоватым оттенком и наложенными охристыми прослоями вторичного ожелезнения, плотный, с массивной структурой, с зернами глины и отдельными редкими включениями крупной дресвы из обломков выветрелых алевролитов и кислых сферолитовых эффузивов. Текстура горизонтально-слоистая, в верхней части – нечетко выраженная пологая косослоистая (по типу «грунтовых кос»). Слоистость линзовидная, толщина линз до 0,05 м. Спорадически встречаются мелкие (до 1–2 мм в поперечнике) непрочные железомарганцевые новообразования – песчаные агрегаты, связанные марганцевым цементом, и черные, рыхлые, мелкие округлые стяжения гидроокислов железа, иногда образующие скопления. В подошве слоя отмечены темно-бурые с вишневым оттенком прослои марганцевой цементации, довольно плотные, мощностью до 1–2 см, частично разложившиеся (обохренные). Прослежены единичные включения неокатанных и слабооглаженных, хаотически ориентированных обломков выветрелых сферолитовых эффузивов фракции мелкого щебня. Нижняя граница четкая, пологоволнистая, осложненная незначительными постседиментационными инволюциями, имеет слабый (3–5°) уклон вниз по склону; вдоль нее встречаются мелкий щебень и галька, а также единичные слабоокатанные валуны. Мощность слоя до 0,35 м.

В границах литологических подразделений 7 и 8 обнаружены следы обитания раннепалеолитического человека с доашельской галечной индустрией. Типологическую основу индустрии из песчано-гравийных суглин-

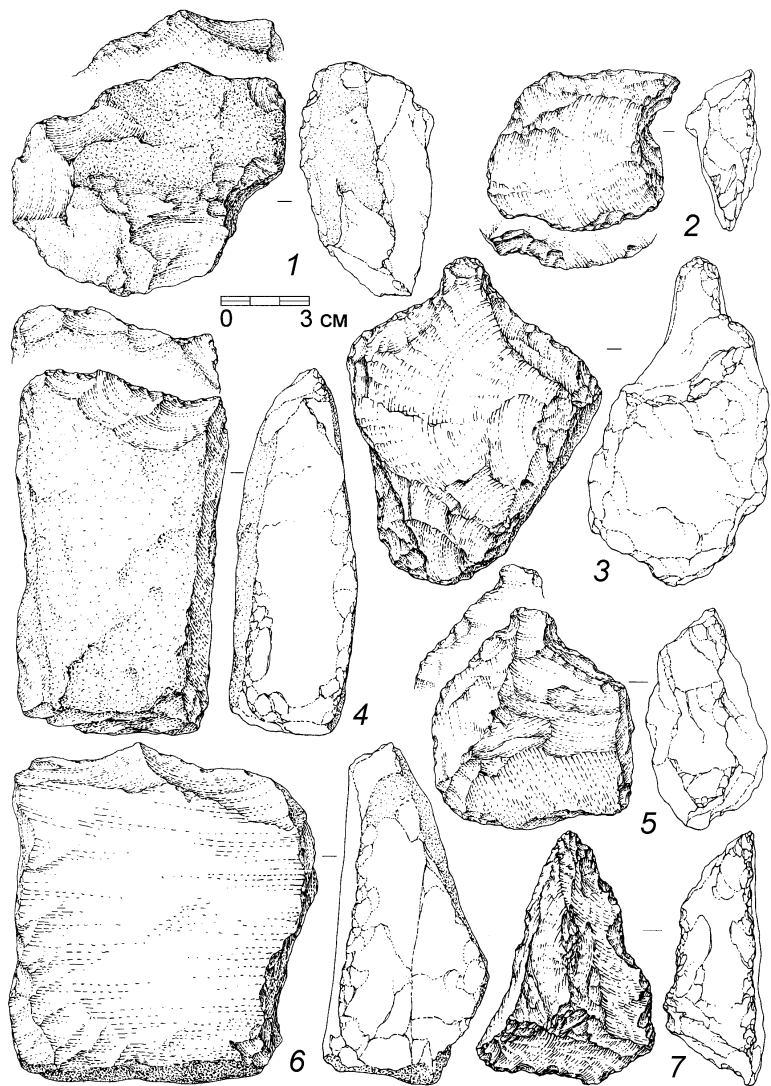

Рис. 1. Каменный инвентарь из слоя 8 Карамы.

1, 4, 6 – чопперы; 2 – клювовидное орудие; 3, 5 – орудия с шиповидным выступом в виде носика; 7 – острие.

ков слоя 8 составляют крупные орудия из галек типа чопперов (рис. 1, 4), в т.ч. с извилистым лезвием, образующим в середине рабочего края треугольный выступ (рис. 1, 1, 6), галечные изделия с массивным шиповидным выступом (рис. 1, 3, 5), обушковые разновидности скребел, орудия с зубчатой кромкой лезвия, выемчатые и клювовидные (рис. 1, 2) формы, обра-

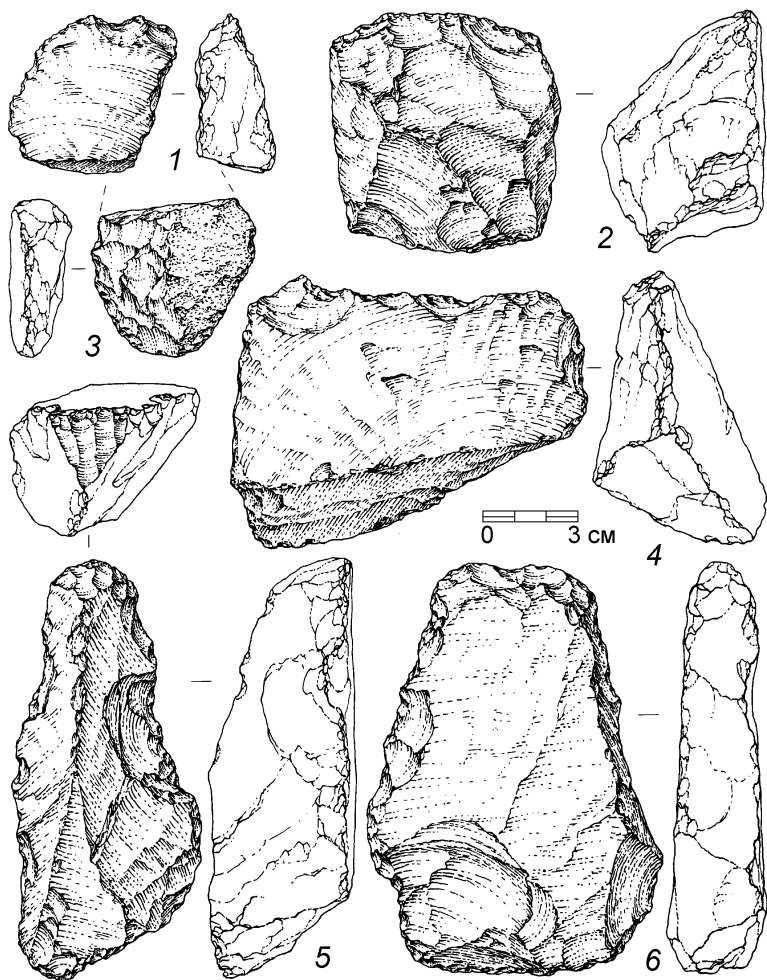

Рис. 2. Каменный инвентарь из слоя 7 Карамы.

1 – выемчатое орудие; 2 – нуклеидный скребок; 3, 4, 6 – скребла; 5 – скребок.

зованные крупными сколами или глубокими крутыми клектонскими анкошами, а также сколы с локально ретушированными участками. В составе инвентаря достаточно выразительными морфологическими чертами обладают острие с глубокой выемкой в основании, оформленное на крупном треугольном сколе, изогнутом в профиле и слегка асимметричным в плане, острие высокой формы с массивным широкоугольным рабочим элементом (рис. 1, 7), боковой скребок с реберчатым обушком и нож на пластинчатом долечном сколе с прямым естественным обушком и отчетливыми следами утилизации на выпуклом лезвии.

Находки верхнего уровня зафиксированы в красноцветных отложениях слоя 7. Из этих отложений получен достаточно представительный набор галечных изделий отчетливого раннепалеолитического облика. Среди продуктов первичного расщепления в этой индустрии присутствуют нуклеовиднообколотые гальки с гладкими или грубо подправленными ударными площадками, монофронтальный треугольный нуклеус с конвергентными обработанными латералими, гладкой ударной площадкой и негативами параллельных снятий, а также сколы с субпараллельно ограниченным дорсалом и гладкой или подправленной площадкой. Основными компонентами типологически выраженного инвентаря являются скребла, выполненные в продольной (рис. 2, 3, 6) и поперечной (рис. 2, 4) модификациях, как правило, с реберчатым или естественным обушком и чопперы с прямым, выпуклым или треугольным лезвием и гладким или затесанным основанием. Другие категории инвентаря представляют галечные изделия высокой формы с очень крутым рабочим краем, близкие по морфологии к нуклеовидным скребкам (рис. 2, 2), массивные острия с широкоугольным рабочим элементом на дистальном конце крупных треугольных сколов, нож с прямым реберчатым обушком и следами сработанности на диагональном лезвии, выемчатые (рис. 2, 1) и клювовидные орудия, оформленные крутыми клетонскими анкошами, орудия с шиповидным выступом в форме носика и сколы со следами краевой ретуши. В составе орудий отмечены специализированные формы – тронкированные пластинчатые сколы с усеченным крутой ретушью дистальным торцом, трехгранное острие с утонченным прокалывающим элементом, выделенным на дистальном конце треугольного скола, концевой скребок высокой формы, оформленный серией микропластинчатых снятий на узком поперечном крае удлиненной массивной заготовки (рис. 2, 5). В целом для этой индустрии характерны галечные изделия, сочетающие особенности достаточно архаичной морфологии и признаки применения относительно развитых технических приемов вторичной обработки.

Примечания

Болиховская Н.С., Шуньков М.В. Климатостратиграфическое расчленение древнейших отложений раннепалеолитической стоянки Карама // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2005. – № 3. – С. 34–51.

Деревянко А.П., Шуньков М.В. Раннепалеолитическая стоянка Карама на Алтае: первые результаты исследований // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2005. – № 3. – С. 52–69.

Зыкин В.С., Зыкина В.С., Чиркин К.А., Смолянинова Л.Г. Геологическое строение и стратиграфия верхнекайнозойских отложений в районе раннепалеолитической стоянки Карама в верхнем течении долины реки Ануй (Северо-Западный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2005. – № 3. – С. 2–20.

ФАУНА МЕЛКИХ МЛЕКОПИТАЮЩИХ ИЗ ВЕРХНЕЙ ПАЧКИ ОТЛОЖЕНИЙ В ПЕЩЕРЕ СТРАШНАЯ*

Пещера Страшная расположена на крутом склоне юго-восточной экспозиции левого борта долины р. Иня по крутопадающей трещине в массивном блоке раннесилурийских биогермных известняков, на высоте 40 м над урезом реки. Поверхность известнякового массива, в нижней части которого располагается пещера, (абсолютные отметки в пределах 700-800 м) покрыта травянистой и кустарниковой растительностью, а на склонах произрастают широколиственные деревья и сосна. С юго-запада к пещере примыкает терраса высотой в пределах 18-25 метров от уреза воды с обрывистым краем у реки, отделенная от пещеры скальным уступом. Терраса в основном покрыта травянистой растительностью с незначительным присутствием кустарников и деревьев. Долины рек Иня и Тигирек образуют обширную котловину, с севера, востока и запада обрамленную крутыми скалистыми горами, а с юга – лесистыми северными склонами Тигирецкого хребта. Днище этой котловины плоско, занято пойменной поверхностью, прорезанную многочисленными староруслицами и поросшую древесной широколиственной растительностью.

Исследования 2006 года в пещере Страшная проводились во внутренней части пещеры и затрагивали верхнюю пачку рыхлых отложений (слои 1 – 5) на глубину 2,65 м [Зенин, Кандыба, 2006]. Разборка рыхлых отложений осуществлялась послойно, с учетом всех особенностей залегания слоя, при этом особое внимание уделялось выявлению всех проявлений нарушения слоя: поноры, пристенные участки, трещины, зоны с нарушенными отложениями, крупные обломки известняка и т.д. Весь полученный при раскопках грунт промывался. Отложения из всякого рода нарушений слоя промывались и обрабатывались отдельно; материалы из этих отложений в данной работе не обсуждаются. Часть остатков средне размерных грызунов и зайцеобразных, не попавших в мелкие сита, рассматривается в составе фауны крупных млекопитающих.

Всего было обнаружено и определено 17424 костных элемента, относящихся к различным группам мелких позвоночных: Pisces, Amphibia (Anura), Reptilia, Mammalia (Insectivora, Chiroptera, Lagomorpha, Rodentia). Мелкие мле-

*Работа выполнена при поддержке проекта РГНФ № 07-01-18086е и Интеграционного проекта СО РАН №7.3.

копитающие широко и успешно используются для палеореконструкций окружающей среды [Агаджанян, 2006; Дупал, 1998; Khenzyhenova, 2006]. Общий список мелких млекопитающих насчитывает 43 вида. Численность каждого вида определялась подсчетом всех разрозненных зубов. Результаты определений заносились в подготовленные таблицы, высчитывался процент каждого отдельно взятого вида послойно. На основании этой таблицы был построен график, отражающий поэтапную динамику состава мелких позвоночных (рис. 1). Как видно из рисунка, на протяжении осадконакопления слоев 5-1 пещеры Страшная сильных изменений в составе позвоночных не происходило.

Рассмотрим колебания численности остатков мелких млекопитающих.

Доминирующими группами на протяжении всего времени осадконакопления Страшной пещеры являются: скальные полевки *Alticola*, узкочерепные полевки *Stenocranius gregalis*, серые полевки *Microtus*, алтайский цокор *Myospalax myospalax*. Их доля 7-10 % от общей численности. В каждом слое присутствуют, но в меньшем количестве (1-3 %): алтайский крот *Asioscalops altaica*, сурок *Marmota* sp., длиннохвостый суслик *Spermophilus undulatus*, лесные полевки рода *Clethrionomys*, степная пеструшка *Lagurus lagurus*, пищухи *Ochotona*. Невелика доля (1 % и менее) у бурозобок *Sorex*, обыкновенного хомяка *Cricetus cricetus*, барабинского хомячка *Cricetulus barabensis*, хомячка Эверсмanna *Allocricetus evermanni*, слепушонки *Ellobius* sp., желтой пеструшки *Eolagurus luteus*, водяной полевки *Arvicola terrestris*, мышовки *Sicista* sp. и земляных зайцев *Allactaga*. Единичны находки обыкновенной белки *Sciurus vulgaris*, белки-летяги *Pteromys volans*, бурундука *Eutamias sibiricus*, лесных мышей *Apodemus* и тарбаганчика *Alactagulus*. Летучие мыши, обычные для фауны пещерных местонахождений, также немногочисленны.

В динамике состава мелких млекопитающих Страшной пещеры можно выделить четыре этапа. Первый относится ко времени накопления слоев 5(III) и 5(II). На этом этапе высока доля летучих мышей (около 12 %), лесных полевок (5 %) и максимально количество скальных полевок (8-9 %). Второй этап – время накопления слоев с 5(I) по 4(I). На этом этапе заметно падение доли летучих мышей до 2-3 %. Также редки остатки обыкновенного хомяка, пик его находок (1,5 %) отмечен в слое 4(II), здесь же максимальной отметки достигает доля цокора (7,5 %). Стабильно количество пищух (2 %). Третий этап – время отложения слоев с 3₃ по 3₁(I). Доля летучих мышей падает до эпизодических находок, пропадает обыкновенный хомяк, уменьшается число остатков цокора и скальных полевок. Минимально количество находок крота. Стабильной остается доля сурка, полевки-экономки, суслика. Незначительно нарастает число остатков узкочерепной полевки. Заключительный этап относится ко времени формирования слоев 2 и 1. Возобновляются находки летучих мышей, по сравнению с предыдущим этапом увеличивается количество остатков бурозубок, водяной полевки, цокора и обыкновенного хомяка. Падает доля скальных полевок, степных пеструшек, узкочерепной и лесных полевок. К слою 1 полностью пропадают желтая пеструшка, сурок, тушканчики, пищухи.

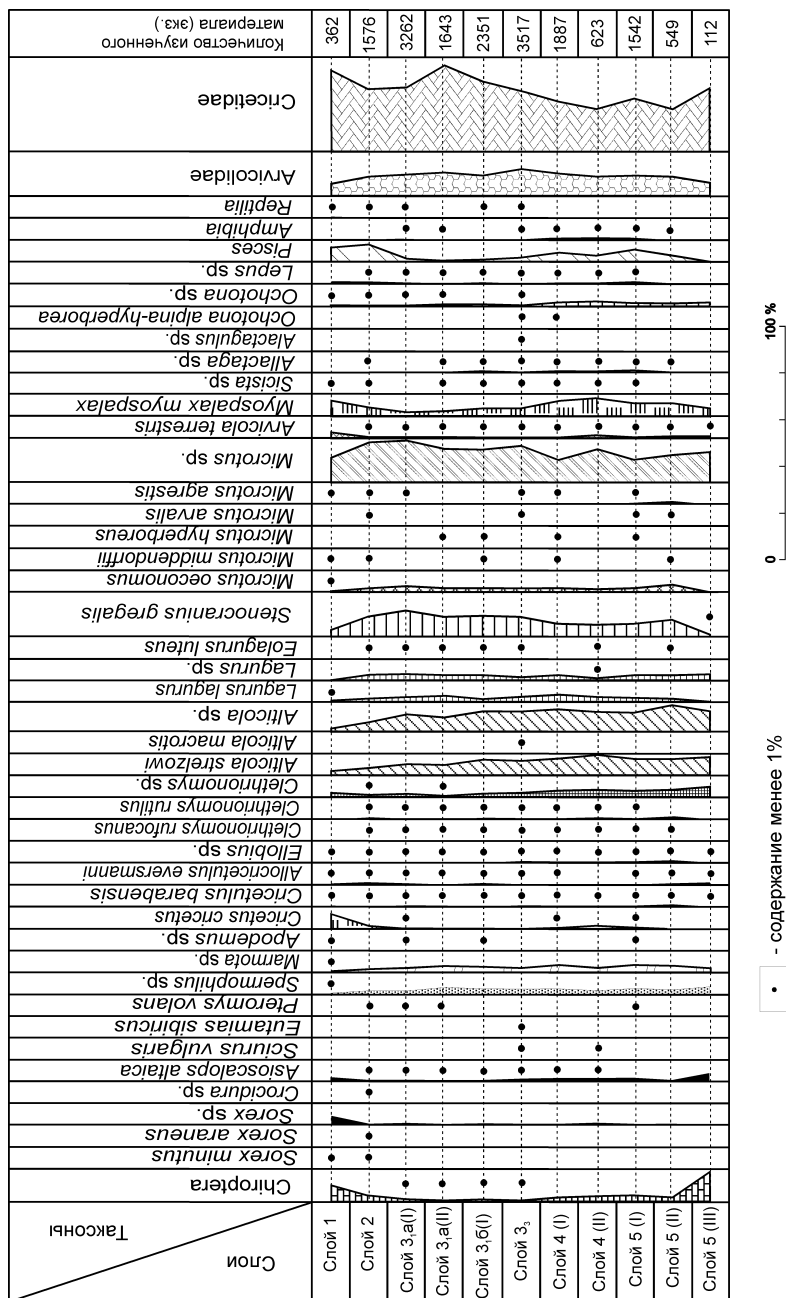

Рис. 1. Страшная пещера. Раскоп 2006 г. Общий состав мелких позвоночных.

В современной фауне мелких млекопитающих, населяющих окрестности Страшной пещеры, преобладают животные лесостепного комплекса [Оводов и др., 1998; Пожидаева, 2005]: бурундук, лесные мыши, лесные полевки, мышовки, цокор, суслик, обыкновенный хомяк. В погадковом материале отмечены находки сурка и обитателей каменистых россыпей – скальных полевок и пищух.

Общий состав мелких млекопитающих Страшной пещеры свидетельствует о позднплейстоценово-голоценовом возрасте отложений. В фауне сосуществуют виды, которые в настоящее время исключают единовременное их обитание на одной территории. Подобный смешанный облик фауны определяется не только географическим положением пещеры (с одной стороны – таежные леса северного Алтая, с другой – сухие степи Казахстана), но существованием перигляциального ландшафта, не имеющего аналогов в современности [Смирнов и др., 1990]. Изменение фаунистического состава на временном промежутке от позднего плейстоцена к современности вызвано сменой растительных сообществ и климатических условий на территории, прилегающей к Страшной пещере.

Находки лесных видов в отложениях свидетельствуют о постоянном присутствии лесных биотопов во времена плейстоцена. Леса могли занимать поймы рек и низины, и, вероятно, влияние лесов было менее заметным, чем в настоящее время. Большое число остатков луговых (*M. myospalax*, *S. gregalis*, полевки рода *Microtus*) и степных видов (*Marmota* sp., *L. lagurus*, *S. undulatus*) свидетельствует о значительных площадях, которые занимали разнотравные луга и степи, как злаковые, белополынные, кустарниковые, так и горные. Горные степи и полупустыни (кроме песчаных) также являются местами обитания тушканчиков *Allactaga* sp., чьи остатки в отложениях пещеры, хотя и немногочисленны, но постоянны. Особо отметим находку зубов тушканчика из группы *Alactagulus-Pygeretmus* – первую в пещерах Северо-западного Алтая. Эти зверьки населяют солончаки и takyры, практически лишенные растительности, что дает основание предположить наличие солянковых пустынь и глинистых степей в районе исследования в плейстоцене. Постоянные находки петрофильных видов (*Alticola*, *Ochotona*) говорят в пользу широкого распространения открытых щебневых и каменистых россыпей, курумников с обилием ниш и полосей. Полученная реконструкция не относится к какой-либо конкретной фазе осадконакопления, она дает усредненную картину.

Климат позднего плейстоцена и голоцена мог быть более теплым, чем теперь. Наличие в ископаемой фауне животных, ведущих подземный образ жизни (*Ellobius*) и не впадающих в настоящую зимнюю спячку, указывает на незначительное промерзание почв в зимнее время [Громов и др., 1963]. Понижение средних температур зимних месяцев могло привести к постепенному сокращению численности этих животных. В настоящее время не известны случаи обнаружения слепушонки на изучаемой территории. Для Северо-западного Алтая атмосферная влажность со времен позднего плей-

стоцена, вероятно, изменилась несильно – плоскочерепные полевки (род *Alticola*), не терпящие высокой влажности и частых засух, обычны в этом регионе. В позднем плейстоцене и голоцене скальные полевки – одна из доминирующих фаунистических групп. Гидрологический режим окрестностей Страшной пещеры оставался стабильным, о чем говорят постоянные находки околотовных видов (*A. terrestris*, *M. oeconomus*).

Проведенное исследование показало, что:

1. Видовой состав мелких млекопитающих насчитывает более 40 видов.
2. Доминирующими группами на протяжении всего периода осадконакопления пещеры были полевки скальные и серые, алтайский цокор. Содоминирующие группы – суслик, сурок, степные пеструшки, лесные полевки.
3. Во времена позднего плейстоцена ландшафты были сильно мозаичны.
4. Климат плейстоцена был более мягким и влажным, чем в настоящее время.

Примечания:

Агаджанян А.К. Мелкие млекопитающие голоцена долины Ануя, Северо-западный Алтай // Динамика современных экосистем в голоцене. М.: «КМК», 2006. С. 9-15.

Громов И.М., Гуреев А.А., Новиков Г.А., Соколов И.И., Стрелков П.П., Чапский К.К. Млекопитающие фауны СССР. – М.-Л.: Изд. АН СССР, 1963. – Ч.1. – 269 с.

Дупал Т.А. Палеотериологические исследования пещер Северо-Западного Алтая // Проблемы реконструкции климата и природной среды голоцена плейстоцена Сибири. Новосибирск: ИАЭ СО РАН. 1998. С. 147-150.

Зенин А.Н., Кандыба А.В. Археологические исследования в пещере Страшная в 2006 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. – Т. XII, часть I. – С. 141-145.

Оводов Н.Д., Мартынович Н.В., Надаховский А. «Филиновые ниши» на Северо-Западном Алтае как тафономический и палеоэкологический индикаторы // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т.1. – С. 249-225.

Пожидаева Л.В. Население мелких млекопитающих некоторых биотопов территории Тигирекского заповедника // Горные экосистемы Южной Сибири: изучение, охрана и рациональное природопользование. Труды ГПЗ «Тигирекский». Барнаул, 2005. – Вып. 1. – С.48-52.

Смирнов Н.Г., В.Н. Большаков, П.А. Косинцев и др. Историческая экология животных гор Южного Урала. – Свердловск, 1990. – С. 1-244.

Khenzyhenova F. Paleoenvironment of ancient man in the Baikal area during Paleolithic // Stratigraphy, paleontology and paleoenvironment of Pliocene-Pleistocene of Transbaikalia and interregional correlations. 2006. – P.50.

СТРАТИГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПЕЩЕРЕ СТРАШНАЯ*

Археологические исследования 2006-2007 гг. в пещере Страшная, проводившиеся на участке внутри пещеры, где отмечено возрастание мощности отложений, позволили провести более детальный анализ характера залегания литологических подразделений и условий формирования культурных горизонтов. Верхняя пачка рыхлых отложений пещеры представлена следующим образом:

Слой 1. Суглинок легкий, пылеватый, серых и светло-серых оттенков, аструктурный (структура разрушена при механическом биогенно-антропогенном воздействии), ближе к северо-восточной стенке пещеры – темно-серый (гумусированный или сажистый), обильно насыщенный тонким растительным (моховым) детритом. Слой залегает субгоризонтально, согласно дневной поверхности внутrepещерных осадков. Нижняя граница неровная – волнисто-затечная, инволюционно-затечная, местами клиновидная. Мощность слоя невыдержанна, составляет от 2 до 6 см.

Слой 2. Верхняя часть – суглинок легкий, буровато-коричневый, слабопластичный, с мелкозернистой (переходящую в пылеватую) структурой, слабодресвяненный. Текстура тонкослоеватая (слойки мощностью от 3 до 10 мм), протяженностью от 5 до 25 см. При движении к северо-восточной стенке постепенно переходят в суглинки темно-серые, более пластичные из-за переувлажнения. Отмечаются редкие включения щебня до 5 см в поперечнике, преимущественно изометричной формы. Пораженность кротовинами около 30-40%. Нижняя часть – суглинки средние светло-палевых, палевых, палево-серых, серых и темно-серых тонов, плотные, пластичные, мылкие на ощупь. Структура пелитоморфная, текстура горизонтально-слоистая, подчеркивается на ненарушенных участках слоя хорошо выдержанными по мощности и простирацию прослоями заполнителя различных цветовых оттенков мощностью 2-3 см и редкими включениями субгоризонтально ориентированных щебнистых обломков.

Мощность слоя - 20-25 см.

Слой 3,а (горизонт I). Представлен суглинками легкими (до средних) коричнево-палевыми, слабопластичными, с включениями мелкого сла-

*Работа выполнена при поддержке проекта РГНФ № 07-01-18086е и Интеграционного проекта СО РАН №7.3

боуплощенного слабыветрелого щебня и непрочных оскольчатых конкреций серовато-коричневых «глин». Проективная площадь щебнистых включений около 15-10%. Нарушенность кротовинами - 40-50%. Заполнитель прикровельной части слоя имеет субгоризонтально ориентированную тонкоплитчато-чешучатую структуру (плиточки мощностью 1-2 мм, протяженностью 5-15 мм), согласно облекающие инволюционные деформации, спущенные из слоя 2. Нижняя граница проводится по кровле прослоя, существенно обогащенного субгоризонтально ориентированным обломочным материалом. Мощность слоя - 10-15 см.

Слой 3_а (горизонт II). Представлен щебнистым горизонтом с дресвяно-суглинистым заполнителем преимущественно порового типа с включением единичных мелких (до 20 см в поперечнике) глыб. Щебень и глыбы, как правило, имеют острые с одной стороны и заглаженные с противоположной стороны грани, ориентированы хаотически. Присутствует гнездовидное скопление крупного щебня со следами гематитизации (обжиг в костре?). Заполнитель – суглинок легкий коричнево-палевый с серым оттенком, пористый, мелкозернистый, очень сильно одресвяненный. Во включениях отмечены отдельные выветрелые до состояния трухи костные обломки охристого цвета. Наряду с ними присутствуют почти невыветрелые прочные кости серого и желтовато-серого цвета.

В подошвенной части слоя прослеживается горизонт хорошо выдержанного по мощности (около 5 см) суглинка легкого серовато-коричневого, относительно обедненного щебнистыми включениями (до 30%), пористого, с мелкозернисто-пылевой структурой. Нижняя граница подчеркивается тонким (около 1 см) четким горизонтом мелкощебнисто-дресвянистой отмоксти. Падение слоя к юго-западной стенке составляет около 10-15°, а мощность достигает 30 см.

Слой 3_б. Суглинок средний, коричневый, красновато-коричневый и серо-коричневый, одресвяненный, с включением щебнистого материала, обогащенный костным детритом, формирующим характерные пятна и линзовидные включения яркого охристого и желто-цвета. Структура мелкозернистая и пелитоморфная, в зонах концентрации обломочного материала – мелкозернистая и непрочная чешуйчатая, изредка переходящая в тонкоплитчатую.

Щебень преимущественно острогранный, покрыт тонкой (доли мм) белесой реактивной каймой. Распределен в слое неравномерно: проективная площадь щебнистых включений составляет от 5-10% до 30-40%. Некоторые обломки известняка сильнотрещиноваты, разбираются на дресву и мелкий щебень прямо в слое. Присутствует щебень со следами прокаливания в костре. Единичные обломки известняка размерности мелкого щебня и крупной дресвы, выветрелы до состояния сапролита или порошка белого цвета. Большая часть уплощенных обломков и линзовидных включений, обогащенных костным детритом, ориентирована согласно простиранию слоя.

Нижняя граница подчеркивается изменением оттенка заполнителя и сопровождается слабо выраженным прослоем, относительно обогащенным дресвой. Мощность слоя составляет 10-15 см (у юго-западной стенки - до 20 см).

Слой 3₃ (горизонт I). Суглинок средний, коричнево-палевый, серо-коричневый и коричнево-серый с палевым оттенком, в приподошвенной части – осветленный до палевого и охристо-желтого (охристо-палевого). Структура мелкозернистая и пылеватая, текстура линзовато-слоистая, подчеркивается неравномерной окраской заполнителя. Сильно одресвянен, обильно (до 30%), но неравномерно насыщен обломочным материалом, формирующим в отдельных квадратах линзовидные щебнисто-дресвянистые прослои с включением мелких (до 15 см в поперечнике) глыб с заполнителем порового типа. Отмечаются сильно деформированные пятна костного детрита охристого и красновато-охристого цвета, местами превратившиеся в линзовидные включения, мощностью 0,5-1,0 см и протяженностью 5-8 см.

Щебень преимущественно острогранный, отличается более развитой, по сравнению с вышележащими отложениями белесой реактивной каймой мощностью до 1-2 мм. Отмечены редкие включения сильно сапролитизированного мелкого щебня, превратившиеся в известняковую крошку в белом мучнистом заполнителе. Присутствуют обломки со следами коррозии и слабо развитыми натечными образованиями.

Мощность слоя составляет около 20 см (у юго-западной стенке - до 35 см). В приподошвенной части слой расщепляется на серию подслоев, представленных линзами щебнисто-дресвянистого материала с включением единичных глыб и легкосуглинистым заполнителем порового типа. Отличается наибольшей насыщенностью обломочным материалом.

Слой 3₃ (горизонт II). Представлен прослоем суглинков одресвяненных, красновато-коричневых с включением глыбово-щебнистого материала. Текстурно-структурные особенности заполнителя идентичны заполнителю слоя 3₃ (горизонт I). Обломочный материал характеризуется меньшей уплотненностью и более хаотичной ориентировкой в толще слоя. Во включениях отмечается костный детрит охристого цвета и отдельные обломки невыветрелых прочных трубчатых костей светло-серого цвета. Нижняя граница достаточно четкая, выделяется по переходу к нижележащим интенсивно отемненным отложениям слоя 4, подчеркивается дресвянистой отмосткой и ориентированным согласно простиранию слоя уплотненным щебнем.

Слой 4 (горизонт I). Суглинки легкие (до средних) сероцветные в прикровельной части и осветленные коричнево-палевые в приподошвенной. Рыхлые, пористые, преимущественно с мелкозернистой и пылеватой структурой, в прикровельной части местами со слабо выраженной тонкоплитчато-чешуйчатой структурой. Содержание обломочного материала в целом незначительно (менее 20%). Преобладает мелкий изометричный

щебень, хаотически ориентированный в толще слоя. Во включениях отмечаются отдельные мелкие (до 1 см в поперечнике) ржаво-охристые обломки костного детрита, каменные артефакты.

Слой залегает с очень крутым (около 35°) падением к юго-западной стенке, а мощность возрастает до 25-30 см. Заполнитель приобретает темно-серый оттенок за счет обогащения мелкими (доли мм) непрочными темноцветными новообразованиями сферической формы. В приподошвенной части слоя отмечаются следы инволюционных деформаций и смещения грунта в вязко-пластичном состоянии. Из-за обилия костного детрита весь заполнитель приобретает охристый оттенок.

Слой 4 (горизонт II). Суглинки средние (до тяжелых) темноцветные (темно-коричневые и темно-бурые). Структура непрочная крупно- и среднезернистая. Обильно (до 50%) насыщены дресвой и мелким щебнем, содержание среднещебнистого материала существенно ниже (5-10%), крупнощебнистые включения единичны. Преобладают уплощенные обломки, ориентированные согласно простиранию слоя. Наряду с невыветрелыми острогранными обломками характерны включения сильно сапролитизированного известняка, представляющие собой гнезда и скопления известняковой дресвы в белесом мучнистом заполнителе. Как правило, все они деформированы по типу склонового смещения и представляют собой линзовидные включения мощностью от 0,5 до 2 см, протяженностью до 10-20 см, подчеркивающие текстуру слоя и хорошо заметные благодаря белесому цвету.

Слой 5 (горизонт I). Суглинок легкий палевый, в прикровельной части со слабым сероватым оттенком, в приподошвенной – со слабым красновато-охристым. Умеренно (10-15%) обогащен щебнисто-дресвянистым материалом. Щебень в различной степени выветрелый: присутствует белесая реактивная кайма мощностью 1-3 мм, мелкий щебень, полностью выветрелый до состояния белесых мучнистых стяжений. Отмечены включения неравномерно выветрелых изометричных глыб: на одной стороне глыбы грани заглажены, покрыты реактивной каймой (более 1 мм), противоположная сторона – острогранная, невыветрелая. Невыветрелый щебень, как правило, уплощенный, ориентирован согласно простиранию слоя. Выветрелые обломки изометричны, ориентированы в слое хаотически. Во включениях также отмечены непрочные деформированные фрагменты костного детрита ярко-желтого цвета, с нечеткими границами, а также единичные закатыши серых оскольчатых «глин» (около 1 см в поперечнике).

Нижняя граница слоя нечеткая, местами условная, маркируется уровнем залегания артефактов и проводится по нечетко выраженным горизонтам слабого обогащения мелким щебнем в подошвенной части глыбовых и крупнощебнистых включений.

Слой 5 (горизонт II). Суглинок легкий палевый и красновато-палевый, уплотненный (очень слабая пористость), с единичными включениями мелкого сильновыветрелого щебня и дресвы. Отмечены мелкие (0,5-1,0 см)

обломки охристых рассыпающихся копролитов. На отдельных участках слой характеризуется резким увеличением количества специфических включений оскольчатых «глин», присутствующих в виде острогранных неокатанных включений размером около 1-2 см в поперечнике.

Нижняя граница слоя нечеткая, условная, проводится по горизонту залегания археологических находок, местами трассируется по поверхности крупного щебня из нижележащих отложений.

Слой 5 (горизонт III). Суглинок легкий палевый и коричнево-палевый, плотный, пелитоморфный, в сухом состоянии сыпучий. Умеренно (до 15-20%) обогащен щебнисто-дресвянистым материалом с включением единичных мелких глыб, многочисленными включениями обломков копролитов светло-палевого и красновато-охристого цвета и фрагментов костей крупных животных красновато-желтого цвета. Щебень имеет хорошо развитую белесую реактивную кайму, хотя присутствуют и слабовыветрелые уплощенные обломки, а также единичные обломки, выветрелые до состояния сапролита. Вскрытая мощность слоя составляет около 30 см.

Таким образом, в ходе исследований было установлено, что отложения пещеры Страшная иллюстрируют хорошую стратиграфическую последовательность. Планеграфические наблюдения свидетельствуют о приуроченности археологических материалов к горизонтам обитания. Для верхней пачки плейстоценовых отложений (слои 3 - 5) выделено 10 горизонтов залегания артефактов. В результате исследований 2007 года средней пачки рыхлых отложений было выделено еще 12 горизонтов залегания артефактов, относящихся к слоям 6 – 10. Анализ археологических материалов по горизонтам обитания свидетельствует об их четкой дифференциации, при этом выделяются как верхнепалеолитические (слои 3 -4), так и мустьерские комплексы (слои 5 – 10), что позволяет проследить преемственность культуросодержащих горизонтов и динамику развития каменных индустрий.

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ ГЕРАСИМОВА I: НОВАЯ ЖИЗНЬ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОГО ПУНКТА I

Краткое сообщение посвящено изложению предварительных результатов археологических спасательных работ на площади строительства жилого дома в Свердловском районе г. Иркутска. Ранее, видимо, в пределах этой строительной площади был известен объект ископаемой культуры палеолита позднелептостенового возраста – Переселенческий Пункт I. Точного указания его нахождения нет. Известно, что он находился «...прямо против верхних ворот Переселенческого Пункта рядом с электростанцией» [Герасимов, 2007]. Раскопки 2007 г. производились на местонахождении, являвшимся возможно, «материнской», основной ископаемой территорией для Переселенческого Пункта I. Раскапываемому объекту было присвоено название местонахождение палеолитической культуры Герасимова I.

Работы производились силами Научно-исследовательского Центра геоархеологических, этнологических изысканий и науковедения «Байкальский регион» Иркутского государственного университета. Палеонтологические определения сделаны Ф.И. Хензыхеновой (Геологический институт БНЦ СО РАН) и А.М. Клементьевым (Иркутский государственный технический университет).

Местонахождение палеолитической культуры Переселенческий Пункт I (ПП I), согласно письменным источникам открыл М.М. Герасимов: в 1922 г. – фауна и в 1924 г. – фауна и каменные изделия. Предварительное сообщение опубликовано в 1926 г., сведения об археологических остатках и рисунки изделий – в 1928 г. [Герасимов, 1926; Петри, 1928]. Геология местонахождения изучалась в 1928 и 1930 гг. В.И. Громовым и Г.Ф. Мирчинком [Громов, 1928, 1948]. В 1937 г. сведения о ПП I и еще двух пунктах – ПП II и ПП III были включены М.М. Герасимовым в монографию «Памятники дорогового периода Прибайкалья», но опубликованы эти сведения были только в 2007 г. к столетию со дня рождения исследователя [Герасимов, 2007]. Между 1937 и 2007 гг. было предпринято множество попыток определиться в стратиграфическом и хронометрическом положениях культуросодержащих отложений Переселенческого Пункта. Но не в случае самостоятельных зачисток, ни в обязательных экспертных земляных выработках, изделия из камня не были зафиксированы, а костные остатки ископаемых животных не давали основания утверждать, что вскрыт именно тот слой геологических напластований, который был зафиксирован М.М. Герасимовым в 1924 и 1926 гг.

Наиболее часто экспертные работы производились в период с 1984 по 2007 г. в связи с проведением строительных работ городского жилищного и коммунального хозяйства. В эпизоде с обнаружением археологического материала при строительных работах 2007 г. областной ЦСН осуществлял надзор за ходом строительных работ, а сотрудник НИЦ «Байкальский регион» ИГУ В.И. Базалийским зафиксировал археологический материал *in situ* в стенке малого котлована. Строительные работы были приостановлены и введен режим археологических масштабных спасательных работ.

Географическое положение Иркутска и входящего в его интерьер археологического местонахождения Герасимова I определено геоландшафтным районированием обширной области Средней Сибири. Иркутск расположен в юго-восточном углу Присянской ландшафтной провинции Средней Сибири на стыке с двумя ландшафтными областями гор Южной Сибири: Саянской с запада – юго-запада и Прибайкальской – с востока – юго-востока. Центральную часть последней занимает котловина оз. Байкал, эпицентром Саянской области служит Большой Саянский хребет. Участок строительных работ расположен на правом берегу р. Иркут, в 2,6 км выше впадения его в Ангару левым притоком. Меженный уровень Иркуты и Ангары напротив участка имеет показатель 424 м от ур. м. Максимальные отметки современных поверхностей строительного планированного участка – 457 м над ур.м., минимальные – 449 м. М.М Герасимов [2007] пишет о современной ему дневной поверхности района местонахождения ПП I, поднятой над меженным уровнем Иркуты на 35 м, то есть до абсолютной отметки 459 м, и поднимающейся далее на юго-запад до 45 м, то есть до 469 м над ур. м. Таким образом, городской строительный прессинг за 70 лет в районе раскопок понизил естественный уровень до сегодняшнего техногенного на 2–3 м.

Геология района г. Иркутска может быть названа очень сложной, поскольку район как бы подвешен между южной, юго-восточной окраиной Сибирской платформы и зоной Байкальского рифта и одновременно принадлежит обеим геологическим ситуациям.

Общая площадь вскрытая тремя участками составила более 500 м². Раскопочные работы выполнялись методом тонкого послойного снятия геологических напластований с зачисткой каждого предмета в неповрежденном состоянии, с фотофиксацией его положения и занесением на план в сетку координат с абсолютными высотными показателями. Послойной зачисткой поверхности культуросодержащего геологического слоя (толщи) был восстановлен палеомикрорельеф. Он зафиксирован крупномасштабной топосъемкой, отснят фото- и видеоаппаратурой. Толща была пройдена на всю глубину послойным снятием в комбинациях: «полосами», «столом», «группой квадратов», «конвертом» и т.д. с контрольными бровками.

Стратиграфическое положение археологических материалов показало, что артефакты из камня, «украшения» из камня и кости («произведения палеолитического искусства»), костные остатки млекопитающих и птиц, микротериофауна, моллюски принадлежат седиментационным уровням

геологического слоя (толщи) 7 в общем разрезе. Уровни сгруппированы в три основные позиции:

- кровля слоя с линзами песка на кровле и в ее составе, содержащими отдельные предметы и фауну – верх, верхняя позиция. Кровля слоя датирована – 18000 л.н.;

- медиальный отдел слоя (толщи) сложно-мультислоистый, линзовидно-слоистый, деформированный, разорванный – медиум, средняя позиция;

- подошва слоя (толщи) с линзами песка и языками в подстилающей толще 6 разреза, содержащими многие находки – низ, нижняя позиция.

Культуросодержащие суглинки средние, легкие, супеси, пески оформлены в толщу – слоистую в общем составе, мультислоистую в элементарной организации, линзовидно-серповидную, прерывисто-ритмичную в слоистости и слойчатости; деформированную криогенно, солифлюкционно, рептационно в различных частях седиментационного тела; разноокрашенную в слоистости и слойчатости в темно-бурые, коричнево-ржавые, желто-бурые, красно-желтые, палевые, пепельно-серые, углистые, марганцевые цвета и тона – максимальное представительство – 2 м. Минимальное выражение строения геологического слоя – 0,5–0,2 м.

Артефакты из камня, костные остатки млекопитающих и птиц, фауна грызунов фиксируются в кровле толщи и в подошве тонкослоистых песков и супесей и далее вниз размещены по всей толще без видимого порядка, без предпочтительности к тому или иному виду слоев, имея большей частью привязку лишь к линзочкам разнозернистых и разной цветности песков. Но эта гранулометрическая особенность не доминирует и не создает ситуацию, которая могла бы быть названа многослойностью, хоть сколько-нибудь выраженной. Размещение археологического материала в толще документирует динамику ее слойчато-слоистого формирования в период предположительно 30000 – 15000 л.н. и механику переотложения археологического материала с более высоких отметок на более низкие. Крайние показатели превышения в этой ситуации 0–6 м на линейной протяженности палеорельефа в 10–15 м.

Количество собранных предметов и фаунистических остатков с общей площади вскрытия (497 м²) – 2498 экз., в том числе 683 артефакта из камня и 1815 костных остатков ископаемой фауны. Культурные остатки представлены:

- изделиями из кварцита, кварца, эффузивов, пород опалового и халцедонового ряда, кремневых песчаников, аргиллитов; в составе форм – скребла; скребки; бифасы, преимущественно во фрагментированном виде; нуклеусы плоско-столбчатые, из целых монолитов, для пластин, с замкнутым фронтом, пирамидальные; чопперы; *pièces écaillées*;

- произведениями искусства: заготовка бусины из кости; обломок «браслета» из агальматолита с овальным сечением; обломок орнаментированного рога северного оленя – орнамент линейный, шлифованный по резным линиям;

- «кухонными остатками» – костями млекопитающих и птиц.

По данным раскопок, площадь распространения культуросодержащих отложений значительно превышает вскрытый участок.

Таким образом, местонахождение Герасимова I в настоящее время является основным для характеристики палеолитической культуры, геологического положения, абсолютного возраста пункта находок Переселенческий Пункт I и для оценки палеоландшафтных ситуаций среднего – позднего отделов второй половины верхнего плейстоцена Байкальской Сибири, прежде всего, района Иркутского тектонического узла.

В динамике формирования толщи выражены процессы разрушения и переотложения палеопочвенных образований, общего интенсивного склонового перемещения грунтов с высоких отметок в понижения – накопители. В эти движения были вовлечены технологические остатки палеолитической культуры и независимые от деятельности человека костные остатки микротериофауны, моллюски. Следовательно, толща 7 есть компаунд переотложенных природных и технологических вещественных материалов – новообразование катастрофического свойства в палеоситуации второй половины верхнего плейстоцена.

Композиция палеозоологического наполнения толщи характеризуется выраженным набором типичного «верхнепалеолитического» фаунистического комплекса: мамонт, носорог, крупная лошадь, видовое разнообразие Bovidae, северный олень, песец, многообразие лагуридов, птицы и др.

Археологическая коллекция представлена технологиями расщепления кварцитов, эффузивов, кремня, сланцев; технологиями шлифования камня; резной обработки кости и рога. В технологиях нуклеарного расщепления присутствуют способы плоскового сколового, столбчатого, пластинчатого расщепления. В инструментализации продуктов нуклеарного расщепления представлены все основные формы фасиальной обработки: от грубой обивки до микрофасоннажа рабочих краев. Техника оформления фасов унифасиальная и бифасиальная. Формы изделий, которые могли бы портретно выделить комплекс камня Герасимова I из общего свода материалов известных местонахождений возраста 35–25 тыс. л.н. в Байкальской Сибири пока назвать трудно. Предметы «искусства» Герасимова I уникальны, аналогий не имеют. Необходимо время для осмысления всего ряда полученных данных.

Примечания

Герасимов М.М. Палеолитические находки у Переселенческого пункта в Иркутске // Краеведение в Иркутской губернии. – 1926. – № 3. – С.22–28.

Герасимов М.М. Памятники родового общества Прибайкалья. – Иркутск: «Отиск», 2007. – 156 с.

Громов В.И. К вопросу о возрасте сибирского палеолита // Изв. ВСОРГО. – 1928. – Т. 54. – С.37–74.

Громов В.И. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР // Тр. Ин-т геол. АН СССР. – М.-Л., 1948. – Вып. 64. Сер. геол. – № 17 – 363 с.

Петри Б.Э. Далекое прошлое Прибайкалья. – Иркутск, 1928. – 73 с.

*Е.Б. Крутых, С.В. Батаршев, Н.А. Дорофеева,
С.С. Малков, О.Л. Морева, А.Н. Попов*

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ПАМЯТНИКЕ ГВОЗДЕВО-4 В ЮЖНОМ ПРИМОРЬЕ*

В полевой сезон 2007 г. совместной археологической экспедицией Музея археологии и этнографии ДВГУ и Дальневосточной лаборатории археологии и палеоэкологии ИАиЭт СО РАН были продолжены исследования на памятнике позднего неолита Гвоздево-4 в Хасанском районе Приморского края. Поселение расположено в 4 км к юго-востоку от пос. Зайсановка, в 3 км к западу от с. Гвоздево и в 7 км к северо-востоку от пос. Посыет на мысовидной оконечности сопки левого борта долины р. Гладкой. Местонахождение, получившее название Гвоздево-4, обнаружено в 2000 г. и частично исследовано разведочным раскопом (20 м²) в 2003 г. Тогда была вскрыта часть наземного жилища, контуры которого прослеживались по двум рядам столбовых ям. В отчетном году к прежнему раскопу с северной, восточной и южной сторон был прирезан новый раскоп площадью 100 м². Эти работы стали продолжением многолетних исследований сотрудников ДВГУ на археологических памятниках долины р. Гладкой [Батаршев и др., 2007; Крупянко и др., 2004; Попов, Батаршев, 2002 и др.].

Степень изученности указанной территории, ее насыщенность памятниками широкого культурно-хронологического диапазона, стабильность заселения на протяжении последних 11-12 тыс. лет – все это делает перспективным выделение приустьевой части долины р. Гладкой в *гладкинский* археологический микрорайон. Период позднего неолита здесь представлен серией поселений зайсановской археологической культуры (Зайсановка-1, Зайсановка-7, Гвоздево-4 и др.), среди них Гвоздево-4 выделяется отличной сохранностью культуросодержащих отложений, однокультурностью и высокой насыщенностью археологического материала.

Стратиграфия. Стратиграфия раскопа 2007 г. принципиально не отличалась от полученной ранее: 1) дерново-гумусный горизонт (до 26 см); 2) темно-коричневая супесь (до 28 см); 3) коричневая супесь (до 30 см); 4) дресва разной степени плотности ярко-желтого цвета – кора выветривания скального цоколя (материк).

*Работы проводились при финансовой поддержке грантов РГНФ №№ 07-01-00496а, 06-01-00543а и Археологической программы ДВГУ.

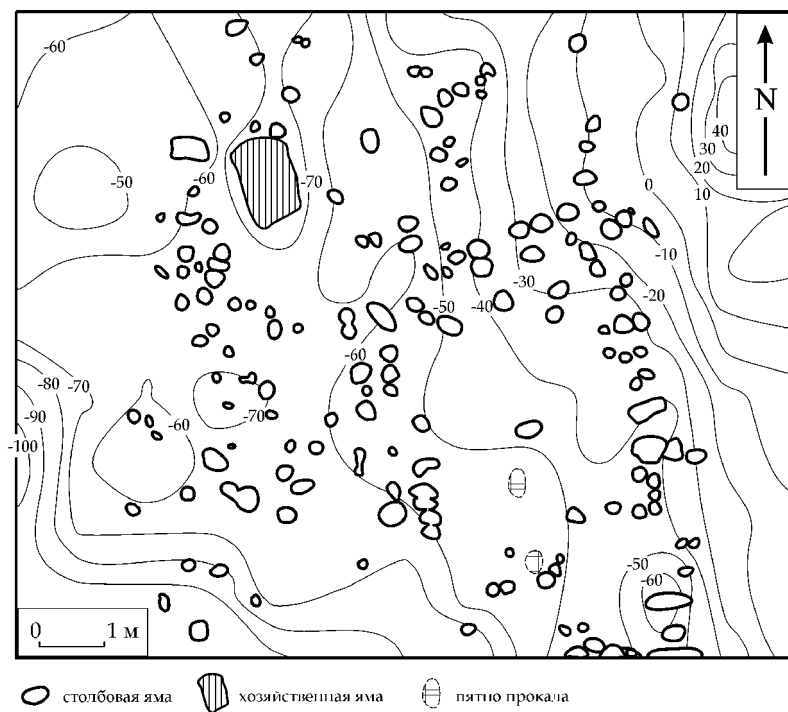

Рис. 1. Памятник Гвоздево-4. План материковой поверхности раскопов 2003, 2007 гг.

Культурные остатки (каменный и керамический инвентарь) приурочены к слоям 1-3, распределяясь следующим образом: для дерново-гумусного горизонта отмечены единичные находки, в подошве темно-коричневой супеси их количество резко повышается, а в кровле нижележащей коричневой супеси их концентрации достигает наибольшей степени.

Материковая поверхность раскопа покрыта неглубокими ямками и канавками разнообразной формы, которые представляют собой результат разрушения цоколя корневой системой, норами и т.д. Кроме того, на материке прослежено большое количество ям (свыше 130) с округлым и овальным сечением глубиной 15-30 и более см. Стенки ям отвесные, дно ровное или чашевидное. Учитывая глубину и форму ям, их можно интерпретировать как столбовые (рис. 1).

Жилище. В центре раскопа серия столбовых ям группируется в два смежных контура подпрямоугольных очертаний. Площадь большего контура около 20 м², меньшего – 12 м². Внутри этих контуров материковая поверхность представлена относительно горизонтальным полуразложившемся цоколем. По-видимому, данные площадки с окружающими их ря-

дами столбовых ям, являются остатками наземной постройкой каркасно-столбового типа, сочетающей жилую и хозяйственную часть. В части постройки, образованной малым контуром, располагается хозяйственная яма размерами 130х93 см и глубиной 20-25 см. Следует также отметить, что большинство найденных на памятнике развалов сосудов расположено вдоль столбовых ям, в основном у восточной стороны большего контура и вдоль смежных линий ям между контурами. На полу большего контура прослежено два пятна красного прокала. Следов котлована не выявлено, скорее всего, древние обитатели памятника при строительстве жилища ограничились выравниванием пола без его дополнительного заглубления. Возможно, жилище перестраивалось, об этом можно судить по наличию столбовых ям, не вписывающихся в пределы основных выявленных контуров (рис. 1).

Каменный инвентарь. Сырьем для производства каменных орудий служили обсидианы различных оттенков (черный, серый), перлиты (светло-зеленые и темно-зеленые), риолиты, туфы (в основном для шлифованных орудий), реже сланцы и песчаник. Источником обсидианов черного и серого цвета был вулкан Пектусан (КНДР), а зеленых перлитов – бассейн р. Виноградской [Новые данные..., 2006].

Процесс расщепления камня представлен нуклеусами и нуклевидными изделиями для бессистемного скалывания отщепов. В качестве исходных заготовок орудий использовались отщепы разнообразного размера и конфигурации.

Для памятника характерны следующие категории изделий. *Нож* – крупные отщепы с краевой двухсторонней ретушью или краевой одно-сторонней ретушью, нанесенной со стороны дорсала (рис. 2, 5, 8). На одном изделии выделен черешок и лезвийная часть (рис. 2, 8). *Ретушированные наконечники стрел* – самая массовая категория орудий (свыше 100 экз.); среди них выделяются треугольные с вогнутым насадом и хорошо выделенными симметричными жальцами (рис. 2, 6), а также удлинено-треугольные и листовидные с прямым насадом (рис. 2, 7). Обработаны изделия отжимной бифасиальной ретушью. *Шлифованные наконечники стрел* – имеют форму, близкую к листовидным ретушированным наконечникам, отличаясь от них более вытянутыми пропорциями и шестигранным поперечным сечением. *Шлифованные тесла* – удлиненной формы, с овальным поперечным сечением. *Выпрямители древков стрел* оформлены пикетажем – это сегменты песчаника с односторонне-выпуклым поперечным сечением и полуцилиндрическим сквозным желобом на плоской стороне. Особенностью коллекции каменного инвентаря памятника является небольшое число таких категорий орудий как скребки, сверла, проколки.

Керамика. Для памятника характерно обилие керамической посуды – помимо отдельных фрагментов найдено свыше 20 развалов сосудов, большая часть которых является археологически целыми. Для изготовления

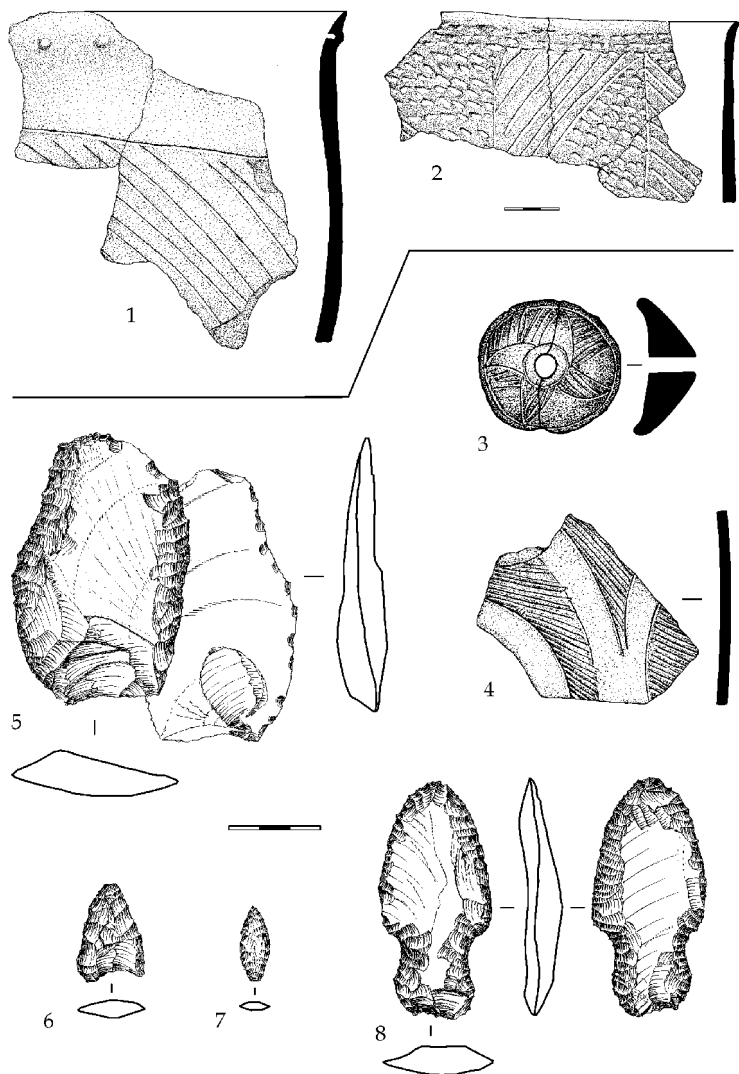

Рис. 2. Памятник Ветка-2. Керамический (1-4) и каменный (5-8) инвентарь.

керамики применялось тесто, содержащее примесь дресвы и песка с размерами зерен 1-3 мм. Формовка сосудов осуществлялась по донной программе при помощи ленточного налёпа. Заглаживалась как внешняя, так и внутренняя поверхность сосудов, от венчика до основания, включая дно. У некоторой части сосудов внешняя и внутренняя сторона подвергалась тщательному лощению. Также отмечено небольшое количество окрашенных в красный цвет фрагментов.

Сосуды представлены простыми открытыми формами со слабо выраженной горловиной или без горловины. В качестве особенностей комплекса можно отметить значительное число фрагментов мисок и чаш, а также наличие сосудов высотой до 4-5 см, у которых в ряде случаев были оформлены небольшие ручки.

Большинство керамических изделий орнаментировано. Узор не наносился только на чаши и миски. Орнамент позитивного рельефа представлен единичными фрагментами наlepных валиков, которые дополнительно рассекались оттисками орнамента. Декор негативного рельефа представлен накольчатым, штампованным и прочерченным орнаментом.

Основным мотивом орнамента являются наклонные ряды наколов, оттисков штампа и косые прочерченные линии. Композиционное построение орнамента разнообразно. Наиболее простой композицией является сплошное однообразное поле из оттисков штампа или наколов. Часто такое поле разделялось на отдельные сегменты прочерченными линиями, разнонаправленностью рядов наколов и сочетанием в одной композиции различных типов орнамента. Обычно отдельные сегменты орнамента имеют треугольную форму (рис. 2, 2). Редко наклонные линии образуют вертикальный зигзаг (рис. 2, 1). От края венчика орнаментальное поле отделяется горизонтальными линиями, выполненными в накольчатой технике или прочерчиванием. В отдельных случаях под венчиком наносился ряд «жемчужин» (рис. 2, 1).

На небольшом числе тщательно лощеных фрагментов встречается криволинейный орнамент (рис. 2, 4). Полностью мотив не восстанавливается. Отметим единичные находки фрагментов керамики, декорированные меандром. Способ выполнения меандра и криволинейного орнамента один и тот же. Узор оконтуривается двумя прочерченными линиями и заполняется оттисками штампа или штриховкой.

Керамические изделия представлены грузиками и пряслицами усеченно-конической формы (рис. 2, 3), сосуды и пряслица орнаментированы в едином стиле.

Представленный комплекс признаков инвентаря памятника Гвоздево-4 находит аналогии в материалах памятников Зайсановка-1 [Андреев, 1957] и Клерк-5 [Исследование..., 2007]. Некоторые черты орнаментации керамической посуды памятника Гвоздево-4 схожи с орнаментацией керамики нижнего слоя поселения Олений В [Бродянский, 1987]. Кроме того, керамика с криволинейным (спиральным) орнаментом, помимо Гвоздево-4, встречена в памятниках Олений А [Бродянский, 1987] и У дороги [Окладников, Медведев, 1995]. В целом проведенные исследования позволяют включить поселение Гвоздево-4 в группу памятников зайсановской культуры, распространенных в прибрежной части залива Петра Великого. По памятнику Клерк-5 данный комплекс датирован в пределах 4,5-4 тыс. С¹⁴ л.н. [Исследование..., 2007].

Примечания

Андреев Г.И. Поселение Зайсановка-1 в Приморье // СА. – 1957. – №2. – С. 121-145.

Батаршев С.В., Крупянко А.А., Попов А.Н. Этноархеологические памятники Хасанского района (Приморье): проблемы и перспективы изучения // Этноистория и археология Северной Евразии: теория, методология и практика исследования. – Иркутск – Эдмонтон: Изд-во ИрГТУ, 2007. – С. 413-416.

Бродянский Д.Л. Введение в дальневосточную археологию. – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1987. – 276 с.

Исследование поселения Клерк-5 в Приморье в 2007 г. / Обата Хироки и др. – 2007. – 54 с.

Крупянко А.А., Попов А.Н., Батаршев С.В., Афремов П.Я., Кириллов Д.В. Охранные археологические исследования в Хасанском районе Приморского края // III Диковские чтения. – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2004. – С. 411-416.

Попов А.Н., Батаршев С.В. Археологические исследования в Хасанском районе Приморского края в 2000 г. // Археология и культурная антропология Дальнего Востока. – Владивосток: ДВО РАН, 2002. – С. 74-83.

Новые данные по геохимии вулканических стекол из археологических памятников Приморья (результаты работ 2000-2003 гг.) / Попов В.К. и др. // Пятые Гродековские чтения. – Хабаровск: ХККМ, 2006. – Ч. I. – С. 109-118.

Окладников А.П., Медведев В.Е. Неолит Южного Приморья (по материалам раскопок поселений) // Асагомунхуа. – Сеул: Хакён, 1995. – С. 601-619.

ДРЕВНЕКАМЕННЫЙ ВЕК СЕВЕРНОЙ АЗИИ: ЗАПАДНО-СИБИРСКОЕ ВРЕМЯ

Памяти В.Т. Петрина, сотоварища
по экспедициям, посвящаю*

Вводные замечания. Западно-Сибирский регион, широко раскрытые «ворота» то ли из Азии в Европу, то ли, напротив, из Европы в Азию, неизменно привлекали внимание теоретиков палеолитоведения при решении вопроса о маршрутах первоначального заселения человеком евразийского континента. В ответах на него никогда не было единодушия. Они определялись состоянием источниковой базы в соответствующее время.

Постановка проблемы. Программная цель поиска. Палеолит Западной Сибири вызывает ныне особый интерес в связи с актуальностью решения проблемы отыскания признаков взаимодействий его с плейстоценовыми культурами соседних территорий – Средней Азии, Южного Урала, Предуралья и Поволжья. Таким исследованиям препятствует слабая изученность плейстоценовых памятников степных окраин запада Сибири: после выхода в свет монографии В.Т. Петрина «Палеолитические памятники Западной Сибири» четверть века назад ничего сколько-нибудь существенного не было введено в научный оборот, да и не все информационные ресурсы из давно известного пока используются для того. Так, вне достойных оценок все еще остается семантика знаков и образов искусства западно-сибирского палеолита.

Источник: кинжал со знаковыми записями со стоянки Черноозерье II. Культурный контекст находки. Структурные части «орнамента» изделия. Изготовленный из массивной трубчатой кости крупного животного вкладышевый кинжал со знаковыми записями на зашлифованной лицевой и оборотной, с участками губчатой поверхности, сторонах обнаружен

В.Т. Петриным около очага в I культурном горизонте стоянки Черноозерье II (центральная часть Западно-Сибирской равнины; левобережье Иртыша; в 150 км севернее г. Омск).

Вытянуто-треугольной формы кинжал с двумя вкладышевыми лезвиями по сторонам был в клинковой части разломан на 5 частей (рис. 1). Утерянной оказалась рукоять, которую отделяли от клинка 2 *отверстия* (их

*В 2008 году ему исполнилось бы 65 лет.

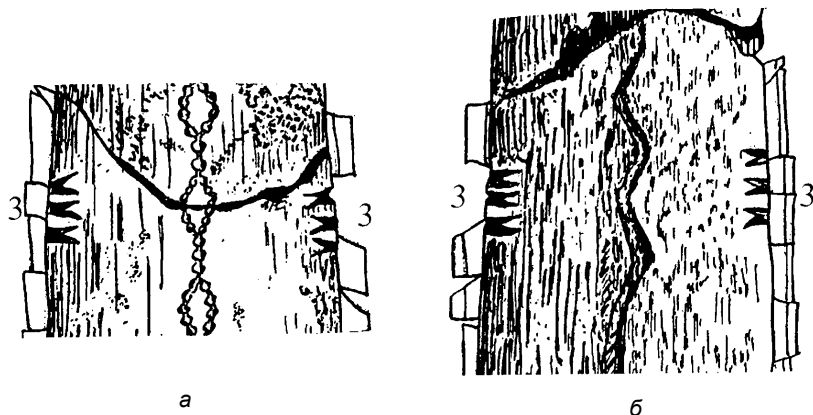

Рис. 2. Насечки на краях кинжала (по 6 с каждой стороны).
Посредине плоскости б – резная змеевидная линия.

верхние участки сохранились). По центральной оси лицевой поверхности размещалась, почти во всю длину клинка, линия из миниатюрных лунок. Около нижней трети клинка сплошную линию из лунок прерывают три ромбовидные, составленные из лунок фигуры. Они соединены друг с другом 2–3 лунками. На краях кинжала, левее и правее фигур, с обеих сторон располагаются по 6 раздвоенных на концах насечек (рис. 2). На тыльной стороне между этими насечками пролегает зигзагообразная линия, представляющая собой часть продольного желобка.

Реконструкция разрушенных участков линии с лунками. Числовая составляющая разного вида «орнаментальных» структур кинжала. Тестирование чисел. Исключительная тщательность, ювелирная тонкость и точность размещения по прямой линии высверленных микролунок на лицевой части обоюдоострого клинка позволяют усомниться в оправданности восприятия линий и фигур в качестве всего лишь «узора», призванного, как любят говорить в таких случаях археологи-искусствоведы, «эстетически облагородить оружие охоты». Для подтверждения оправданности сомнений определимся сначала с числовым компонентом «орнамента», для чего проведем восстановление разрушенных участков луночной линии с тем, чтобы установить количество исчезнувших звеньев ее.

Дело это оказалось относительно простым вследствие исключительно точной выверенности рассредоточения лунок. На рис. 1 представлен результат реконструкции: на верхнем, малого размера участке разрушения поверхности размещались 5 лунок (см. здесь и далее цифры со знаками вопроса); на большом участке разрушения – 23 лунки, а на конце внизу, где произошел облом рукояти по линии верхних краев двух отверстий, – 5 лунок. Если так, то линия от приостренного конца кинжала до ромбо-

видных фигур включала 140 лунок (см. на рис. 1 соответствующее число), от верхнего края первой из ромбовидных фигур до отверстий – 87 лунок (вместе с двумя отверстиями этот блок составит число 89)*. Всего знаков в «орнаменте» –

$$140 + 89 = 229.$$

Проведем тестирование трех выявленных чисел на предмет установления их информационных характеристик. Все они примечательны одной знаменательной особенностью – *кратностью синодическим (смещение светила относительно Солнца), а в одном случае – и сидерическому (смещение светила относительно звезд) оборотам Луны*. В самом деле:

$$140 \text{ сут.} : 29,5306 \text{ сут.} = 4,7408 \approx 4 \frac{3}{4} \text{ син. мес.};$$

$$89 \text{ сут.} : 29,5306 = 3,0138 \approx 3 \text{ син. мес.};$$

$$89 \text{ сут.} : 27,32 \text{ сут.} = 3,2576 \approx 3 \frac{1}{4} \text{ сид. мес.};$$

$$229 \text{ сут.} : 29,5306 = 7,7566 \approx 7 \frac{3}{4} \text{ син. мес.}$$

Тестирования заслуживают и количества лунок в ромбовидных фигурах и лунок, что соединяют их (см. на рис. 1 числа 9, 2, 13, 3, 9; всего знаков в этой «орнаментальной композиции» 36). Все они отличаются одной уже отмеченной особенностью – *кратностью соответствующим оборотам Луны*:

$$9 \text{ сут.} : 27,32 \text{ сут.} = 0,3294 \approx \frac{1}{3} \text{ сид. мес.};$$

2 – в течение 2-х суток Луна бывает невидима на горизонте вследствие соединения ее с Солнцем;

$$13 \text{ сут.} : 27,32 = 0,4758 \approx \frac{1}{2} \text{ сид. мес.};$$

3 – в течение 3-х суток глаз не различает изменений в конфигурациях любой из фаз Луны;

$$36 \text{ близко } 37 \text{ сут., что есть } 1 \frac{1}{4} \text{ син. мес.}$$

В заключение процедур тестирования определимся со значимостью 12 краевых насечек с раздвоенными концами и 1 змеевидной линией, которая располагается между ними (см. рис. 2). Число 12 не кратно ни синодическому, ни сидерическому оборотам Луны. В таком случае, оно, возможно, – символ 12-ти месяцев, составляющих лунный год, а змеевидная линия – символ месяца 13-го, интеркаляционного, посредством которого лунный счет времени, по истечении третьего года, выравнивался с тропическим (солнечным) трехлетием. Отсюда следует, что краевые насечки и змея – символы счета времени по месяцам, которые использовались для интеркаляции дополнительного месяца в конце лунного трехлетия.

«Золотые» соотношения «луночных чисел» и протяженностей линий лицевой стороны кинжала. Геометрические особенности резных линий тыльной стороны. Точность определения количества разрушенных лунок подтверждает «золотая» (*наивысшего совершенства!*) гармония отношения числа их в нижнем отделе – от 2-х отверстий (они в данном

*В искусстве палеолита Сибири и Европы отверстия воспринимались в качестве особо важных (*акцентных*) счетных знаков.

случае остаются вне учета, думаю, из-за желания скрыть сакральное, связанное с восприятием «Золотых гармоний») до верхней границы верхней из ромбовидных фигур (87), и в отделе верхнем (140), а также отношения числа лунок в верхнем отделе (140) к общему их количеству (227; отверстия опять-таки не учитываются). Вот эти-то отношения не могут не изумить близостью их математически рассчитанной величине «золотого отношения», равного 0,618 –

$$87 : 140 = 0,621, \text{ а также } 140 : 227 = 0,6167 (!).$$

Столь же впечатляющи отношения размеров линий из лунок в нижнем отделе (9 см) и верхнем (14,5 см), а также верхнего отдела (14,5 см) и всей линии (23,5 см) то-есть:

$$9 : 14,5 = 0,620, \text{ а также } 14,5 : 23,5 = 0,617 (!!)$$

Итак, древний мастер Черноозерья II стремился отразить в размерах и числах двух разновеликих луночных линий кинжала «золотые соотношения», в искусстве – идеальное воплощение канона красоты и гармоний.

Резная желобчатая линия на тыльной стороне кинжала, прямая в нижнем и верхнем отделах и змеевидная в середине, подразделяется ровно пополам верхней точкой последней (9,5 и 9,5 см).

Теперь обратимся к «прочтению» (расшифровке) «золотых» знаковых записей, запечатленных посредством лунок.

Реконструкция системы счисления цикла беременности женщины. Этот древнейший вариант «года» считывался по 140 лункам верхнего отдела текста посредством двукратного прохода по ним ($140 \text{ сут.} \times 2 = 280 \text{ сут.}$);

$$280 \text{ сут.} : 29,5306 \text{ сут.} = 9,4816 \approx 9 \frac{1}{2} \text{ син. мес.};$$

$$280 \text{ сут.} : 27,32 \text{ сут.} = 10,2489 \approx 10 \frac{1}{4} \text{ сид. мес.}$$

Реконструкция систем счисления звездного, драконического (затменного), лунного и солнечного годов. Решение вопроса о новогодии. После прохода по всем знакам нижнего и верхнего отдела текста ($89 \rightarrow 140$) осуществлялся второй проход по знакам нижнего отдела ($89 \rightarrow 140 \rightarrow 89$), что выводило на рубеж окончания $10 \frac{3}{4} \text{ син. мес.}$ и $11 \frac{2}{3} \text{ сид. мес.}$:

$$89 + 140 + 89 \text{ сут.} = 318 \text{ сут.};$$

$$318 \text{ сут.} : 29,5306 \text{ сут.} = 10,7684 \approx 10 \frac{3}{4} \text{ син. мес.};$$

$$318 \text{ сут.} : 27,32 \text{ сут.} = 11,6398 \approx 11 \frac{2}{3} \text{ сид. мес.}$$

А далее следовало считывать лунки ромбовидных фигур и соединяющих их лунок $9 \rightarrow 2 \rightarrow 13 \rightarrow 3 \rightarrow 9$, т.е. в обратном порядке, что и позволяло выйти на рубежи окончания соответствующих лет. В самом деле:

$$\text{звездный год} - 318 + 9 \text{ сут.} = 327 \approx 327,84 \text{ сут.};$$

$$\text{драконический год} - 318 + 9 + 2 + 13 + 3 \text{ сут.} = 345 \approx 346,62 \text{ сут.};$$

$$\text{лунный год} - 318 + 9 + 2 + 13 + 3 + 9 \text{ сут.} = 354 \approx 354,367 \text{ сут.}$$

Для выхода же на рубеж окончания солнечного года следовало, после завершения счисления лунного года, вновь пройти по лункам верхней ромбовидной фигуры и двум расположенным ниже лункам:

$$354 + 9 + 2 \text{ сут.} = 365 \approx 365,242 \text{ сут.}$$

Предложенный вариант «прочтения» луночного текста, разъясняет *величайшую факультативную роль «фигурных» записей* $9 \rightarrow 2 \rightarrow 13 \rightarrow 3 \rightarrow 9$. Они на заключительном этапе счисления времени позволяли точно выйти на рубежи разного вида годовых периодов.

Установление новогодия и его особенности. Назначение кинжала.

Поскольку счисление любого из вариантов годов начинается с блока 89, то ясно, что новый год в Черноозерье II определяло *осеннее равноденствие* (самый короткий астрономический сезон в году – осенний, равный 89 сут. и, значит, в отличие от других сезонов, – *кратный синодическому обороту Луны*).

Кинжал из Черноозерья II не был, конечно же, охотничьим оружием. Он использовался, судя по всему, в культово-обрядовых действиях, в частности, – при митраистского толка жертвоприношениях у огня (далекий предтеча андроново-тагарских акинаков).

Краткие итоги исследования. В.Т. Петрину посчастливилось обнаружить при раскопках стоянки Черноозерье II уникальной ценности объект с весьма оригинальными записями систем счисления времени и неординарными арифметико-геометрическими канонами «золотых соотношений». То и другое позволило приоткрыть завесу над протонаучными постижениями закономерностей Природы и над эстетическими пристрастиями обитателей Западной Сибири на финальном этапе эпохи палеолита ($\approx 11\,000$ лет назад). При дополнении всего этого живописными материалами образно-знаковых текстов Игнatieвской пещеры, выявленных и детально изученных В.Т. Петриным [1992] с последующей расшифровкой В.Е. Ларичевым [1999, 2000], откроются благоприятные перспективы для реконструкций духовно-интеллектуальной жизни палеолитических сообществ Северной Азии накануне перехода их к мезолиту.

Примечания

Петрин В.Т. Палеолитическое святилище в Игнatieвской пещере на Южном Урале. – Новосибирск, 1992.

Ларичев В.Е. Космографические фигуры и знаковые тексты Игнatieвской пещеры: «Большой зал» // Гуманитарные науки в Сибири. – 1999. – № 3. – С. 57–69.

Ларичев В.Е. Космогонические фигуры и знаковые тексты Игнatieвской пещеры «Дальний зал» // Гуманитарные науки в Сибири. – 2000. – № 3. – С. 7–30.

АЛТАЙ В ПЕРИОД ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЙ СТАДИИ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА

Многолетними исследованиями установлено повсеместное распространение финально плейстоценовых объектов - от степных предалтайских районов до юго-восточной оконечности региона [Сосновский, 1941; Деревянко, 1988; Деревянко, Маркин, 1987; Кунгуров, 1993, 2006; Зенин, 1993; Археология..., 1998; Природная ..., 2003; Палеолит..., 2005; Маркин, 2006]. Они представлены открытыми, зачастую разрушенными и пещерными стоянками.

Погребенные памятники Алтая обычно приурочены к супесчано-суглинистым покровным образованиям. В бассейне Катунь на участке Центрального Алтая и северных его предгорий ряд объектов (Каратурук) залегают в пачке супесчаных пород, перекрывающих аллювиальную толщу низких террас. Культурные слои некоторых стоянок с-в Алтая (сл. 2 Ушлепа 6), северных предгорий (нижний сл. Маймы), приурочены к остаткам погребенных почв, подчас нарушенных (Точка 2) мерзлотными деформациями. Слой 6 Тыткескенья 3 залегает в маломощном горизонте погребенной почвы, перекрытой двухметровой толщей эолового (?) песка, выполняющего верхнюю часть отложений 30 м террасы р. Катунь на участке Центрального Алтая. Значительная часть местонахождений зафиксирована на различных возвышенностях. Это стоянки предгорного Алтая (Сростки), слои которых включены в кровлю суглинистых покровных отложений высоких 50 – 80 м террас. Другая группа памятников (Бехтемировская, Урожайная) отмечена на высоких отметках, именуемых “сопками”, где широко развиты лессотипные породы. К ним примыкают местонахождения с-в Алтая (Куяк 5, Улус I, Нахаловка I) с культурными горизонтами, залегающими на коре выветривания, образующей приподнятые поверхности рельефа современных долин. В районе с-з Алтая культуросодержащие сарганские отложения (Усть-Каракол I) связаны с осадками покровного комплекса 9-11 м террас. Редкие погребенные памятники ю-в Алтая (Юстыд I и II, Богуты I) приурочены к пойменной аллювиальной и покровной толще 2 – 3,5 м террас р. Юстыд.

Индустрии второй половины верхнего палеолита ю-з предгорий и с-з Алтая связаны с отложениями пещер (Денисова, Каминная, Искра, Страшная). Обычно это легкие или тяжелые суглинки с продуктами дезинтеграции коренных пород.

При характеристике заключительной стадии верхнего палеолита Алтая наименее разработанным разделом выглядит хронология стоянок, и па-

леоклиматические реконструкции сартанского времени. По существу эта область исследования выполнена лишь на стоянках низко- и среднегорной части с-з Алтая. Хронология позднесартанских памятников этой части горной страны основана на многочисленных датах абсолютного возраста и относительном залегании литологических тел в толщах многослойных разрезов, с реконструированной последовательностью ландшафтно климатических изменений различных этапов неоплейстоцена. Стоянки региона последовательно отнесены ко всем стадиям сартанского оледенения. Рыхлые толщи на этих объектах, в отличие от каргинских, формировались в условиях холодного и сухого климата, при котором происходит деградация лесной и луговой растительности. В конце сартанского времени формируются и сменяют друг друга перегляциальные лесостепи и степи, степи и лесостепи и перегляциальные горно-лесные ландшафты.

На ряде памятников с-в, Центрального Алтая и северных его предгорий выявлены искусственные структуры. Это наземные (сл. 2 Ушлепа 6) или слегка углубленные кострища (Нахаловка I, Точка II, Тыткескень 3, Майма), вокруг которых иногда концентрируются артефакты (Сростки). В Майме обнаружена углубленная очажная конструкция с полукольцевой обкладкой из галек и приуроченное к ней скопление ядрищ и орудий. Очаги, инкрустированные камнями, есть и на Усть-Куюме. Здесь же, возможно, представлены остатки наземного жилища (?), диаметром до шести метров, с очагами, снабженными каменной обкладкой, столбовые ямки и площадки для первичной обработки камня с наковальнями. Еще один вид структур - метрового диаметра каменные выкладки (Майма, Ушлеп 3).

На районах Предалтайской равнины и ю-з предгорий (Рудный Алтай) единичные разрушенные местонахождения (Мохнатушка I, Усть-Гольцовка I, Басиловский I) и пещерные объекты (сл. За Страшная), демонстрируют незначительные коллекции артефактов.

Памятники Центрального Алтая (нижний сл. Усть-Семы, 4 сл. Усть-Куяма, 6 сл. Тыткескень 3, Каратурук) и северных предгорий (сл. 2, 3 Сросток, Урожайная, нижний сл. Маймы, Куяк 5) при всей вариабельности инвентаря обладают общими особенностями. Для них характерны техники параллельного скалывания основ с массивных ядрищ и микропластин с торцовых и клиновидных нуклеусов, иногда в виде микрообразцов (Майма, Каратурук). Из сколов преобладают отщепы. Среди орудий выделяются скребла (одинарные, двойные, конвергентные), иногда с частичной двусторонней отделкой (Сростки, Урожайная). Выразительны скребки из отщепов и пластин (округлые, овальные, концевые, веерообразные, нуклевидные, микроформы). Встречаются проколки на углу отщепов (Сростки), иногда с массивным коротким выступом (Майма) или утонченными жальцами (Усть-Куям), ножи типа шатель-перрон, бифасы (треугольный образец из Каратурука), резцы, остря, долотовидные орудия, остроконечники, зубчато-выемчатые изделия. На ряде памятников (Усть-Сема, Усть-Куям) в большом количестве, представлены галечные орудия, разнообразных ру-

блящие и массивные скребущие изделия. Около села Победа на Чумыше обнаружены ярчайшие образцы изделий (кинжал, пазовые наконечники копий, гарпуны) выполненные из костей бизона. На стоянке Тыткескен 3 (слой 6) выявлено костяное острие.

Памятники с-з Алтая (сл. 9, 6, 5 Денисовой; 5б и, возможно, 4в Искры; 14б - 11а Каминной; 4 – 2 Усть-Каракола I) представляют жилые стоянки с полным циклом обработки камня. Техника раскалывания основана преимущественно на параллельном и призматическом расщеплении пород, включая микропластинчатые технологии. В качестве заготовок для орудий стоянок низкогорной (Искра, Денисова) части региона в основном использовались пластины и пластинки неправильных очертаний. Для объектов среднегорной части (Каминная) удлиненные заготовки менее характерны. Подобную вариабельность, возможно, отнести за счет качества сырья. В орудийных наборах характерно смешение мустьерских и верхнепалеолитических артефактов. Здесь представлены различные разновидности скребел (одинарные, двойные, диагональные, конвергентные), зубчатые орудия, анкоши, редкие остроконечники, галечные артефакты, ножи с обухами, шиповидные и клювовидные изделия. Значительные объемы формируют ретушированные пластины и отщепы, скребки (боковые, концевые, стрельчатые), резцы (боковые, поперечные, плоские), долотовидные изделия, проколки, редкие бифасы (овальные, листовидные) и орудия с черенком. Представлен и микроинвентарь в виде пластинок с притупленным краем, отсутствующий лишь на Усть-Караколе I. На ряде памятников выявлены изделия из кости. Так в Денисовой представлены иглы с ушком, проколки, подвеска из зубов оленя, пластина эмали бивня мамонта с искусственным отверстием, пронизки цилиндрической формы из трубчатых костей птиц, кольца из скорлупы яиц страуса, пластины с симметричными нарезками. Обработанная кость из Каминной включает иглы овального и округлого сечения, орудия с уплощенным основанием, образцы украшений из клыков животных. В материалах Искры известны костяные подвески из просверленных клыков лисицы, а также пластинка трубчатой кости с нарезками.

Разрушенные местонахождения (Куяхтенар, Чаганбургазы, Малталу) ю-в Алтая, возможно, отнести к стоянкам и стоянкам мастерским, иногда расположенных (Торгун, Бигдон) вблизи выходов сырья. На местонахождении Бигдон, обнаружены «стационарные» нуклеусы в виде массивных кусков пород со следами сколов. В индустриях доминирует параллельное расщепление массивных ядрищ. Представлены торцовые и клиновидные нуклеусы, редкие радиальные и леваллуазские. Наборы орудий сформированы пластинами с ретушью, скребками, резцами, скреблами (продольные, поперечные, с ретушью с брюшка, угловые, двойные), зубчато-выемчатыми изделиями. Малораспространенными выглядят долотовидные образцы, проколки, остроконечники и бифасы. В индустриях погребенных стоянок (сл. 1 – 4 Юстыда I, Юстыд II) представлены одно-, двухплощадочные, клиновидные и редкие карандашевидные ядрища, пластины с лицевой и

брюшковой ретушью, скребки концевые, боковые и на округлых отщепах, двугранно-угловые резцы, зубчатые, галечные орудия, простые, двойные и угловатые скребла, леваллуазские отщепы.

Памятники с-в Алтай (Ушлеп 1 – 3, 4, 6, 8, Школьная Гора I) характеризуются одно, двух и многоплощадочными плоскими и клиновидными ядрищами. В наборах орудий представлены зубчато-выемчатые изделия, скребки (концевые на отщепах, двойные), угловые резцы, долотовидные орудия, скребла, острия, рубящие артефакты. На ряде стоянок выделяются пластины и пластинки с притупленным краем и обработанным скошенным концом.

Материалы заключительной стадии палеолита различных регионов Алтайя несомненно обладают значительной схожестью. Все они характеризуются сосуществованием позднепалеолитических и архаических элементов. Безусловно, отдельные памятники различаются между собой разновидностями и объемами орудий. Объяснение подобной вариабельности – дело будущего. В целом алтайские стоянки близки по облику индустрии с синхронными стоянками юга Сибири и Монгольского Алтая. Отсюда следует, что Алтай в конце верхнего палеолита являлся частью унифицированной культуры Южной Сибири и прилегающих к ней районов с-з Монголии.

Примечания

Археология, геология и палеогеография плейстоцена и голоцена Горного Алтая // Деревянко А.П., Агаджанян А.К., Барышников Г.Ф., Дергачева М.И., Дупал Т.А., Малаева Е.М., Маркин С.В., Молодин В.И., Николаев С.В., Орлова Л.А., Петрин В.Т., Постнов А.В., Ульянов В.А., Феденева И.К., Форонова И.В., Шуньков М.В. - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 176 с.

Палеолит Горной Шории /Барышников Г.Я., Кунгуров А.Л., Маркин М.М., Семибратов В.П. - Барнаул: Аз Бука, 2005. – 279 с.

Деревянко А.П. Некоторые проблемы каменного века на Алтае //Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. – Барнаул: АГУ, 1988. – С. 3-8.

Деревянко А.П., Маркин С.В. Палеолит Чуйской котловины. Горный Алтай. – Новосибирск: Наука, 1987. – 113 с.

Зенин А.Н. Предварительные итоги исследований в пещере Страшная // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул: АГУ, 1993. – Ч. 1. – С. 75 – 80.

Кунгуров А.Л. Каменный век Рудного Алтая. Палеолитические памятники. - Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2002. – 175 с.

Кунгуров А.Л. Палеолит и мезолит Алтая. Барнаул: Изд-во АГУ, 1993, - 88 с.

Маркин С.В. Освоение человеком Северо-Западного Алтая в период заключительной стадии верхнего палеолита // Современные проблемы археологии России. – Новосибирск: Изд-во Ин – та археологии и этнографии СО РАН, 2006. – Т. I. - С. 131 – 133.

Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая /А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, Е.М. Малаева, В.А. Ульянов, Н.А. Кулик, А.В. Постнов, А.А. Аноikin. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. – 448 с.

Сосновский Г.П. Палеолитическая стоянка у с. Сrostки на р. Катунь // Материалы и исследования по археологии СССР. - М., 1941, № 2. - С. 109 – 125.

О ХРОНОЛОГИИ МАЛЫШЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ: НОВЫЕ РАДИОУГЛЕРОДНЫЕ ДАТЫ ДЛЯ ПОСЕЛЕНИЯ ГАСЯ

Открытие и последовавшие за ним многолетние раскопки (1975 – 1990 гг., с перерывами) многослойного разновременного поселения Гася рядом с с. Сакачи-Алян на правом берегу Амура стали, можно сказать, судьбоносными в определении исследовательских перспектив по наиболее ранней, в нашем определении начальной стадии неолита (иначе переходного периода) не только Амурского региона, но и в целом юга Дальнего Востока России. Среди обилия находок осиповской культуры особое внимание к себе привлекает архаичная керамика, в особенности раздавленный сосуд возрастом до 13 тыс. лет [Окладников, Медведев, 1983; Медведев, 2003]. Финальноплейстоценовая керамика для многих стала настолько неожиданной, что признана была сначала далеко не всеми отечественными специалистами. Найденные позже обломки глиняных сосудов на некоторых других памятниках осиповской культуры (Хумми, Гончарка 1) развеяло недоверчивое отношение к древнейшей амурской керамике. В настоящее время можно говорить, что в конце прошлого века начало формироваться новое направление в археологии Дальнего Востока, связанное с зарождением в постпалеолитическое время гончарства, обязательного, как правило, атрибута неолитической эпохи.

Столь важные результаты исследований осиповской культуры на поселении Гася в определенной степени оставили в тени полученные на памятнике ценные материалы по малышевской культуре, которая со своей яркой керамикой до находок на Гасе считалась наиболее ранней в неолите Нижнего Приамурья. На основе исследований ряда памятников в 1950 – 1960-е гг. её возраст был определен V – IV тыс. до н.э. [Окладников, Деревянко, 1973, с. 113]. Напомню, что осиповская культура, относившаяся в то время, как бескерамическая к мезолиту, датировалась в основном VIII – X тыс. до н.э.

Стратиграфическая инситуация малышевского каменного инвентаря и керамики, зафиксированные нередко в одном литологическом слое непосредственно над артефактами осиповской культуры, свидетельствовали о более раннем возрасте малышевских материалов. Это наблюдение подтверждается также большим количеством изделий из камня, практически не отличающихся от осиповских орудий, располагавшихся на полу жилищ с домашними святилищами малышевской культуры, основания – котлованы которых были вырыты в осиповском глинистом слое.

Рис. 1. Поселение Гася. Раскоп I. Профиль бровки по линии М с указанием условий залегания угля и его даты.

О вполне вероятной культурной приемственности осиповцев и малышевцев и начале формирования последних в VI или даже в VII тыс. до н.э. нам уже приходилось писать [Медведев, 1995, с. 229; Деревянко, Медведев, 1995, с. 26 – 27]. Установлено, что многие приемы в обработке изделий из камня малышевцы восприняли от осиповцев. В частности, такие виды инструментария как тесловидно-скребловидные, орудия из пластин, наконечники-бифасы использовались ранними малышевцами. Скорее всего, что и опыт в производстве керамики носители малышевской культуры восприняли от своих предшественников – осиповцев.

Открытие мариинской культуры раннего неолита, начало которой хронологически в целом соответствует финалу осиповской культуры, показало бесперспективность выявления родства между ними. Подобные результаты анализа полученных источников свидетельствует в пользу положения о наследовании малышевцами традиций поздних осиповцев.

Для более убедительного решения вопроса о названном выше раннем возрасте малышевской культуры недоставало абсолютных дат. Единственная дата по C^{14} была получена для малышевского слоя поселения Сакачи-Алян (нижний пункт), которая равна 6900 ± 260 л.н. (МГУ – 410).

При раскопках поселения Гася мы собирали для анализа уголь в различных слоях и на различной глубине. Сложилось так, что до последнего времени радиоуглеродные датировки имелись лишь по осиповской культуре. Весьма любопытно, что из серии образцов угля из раскопа I поселения Гася, отправленной осенью 1980 г. в радиоуглеродную лабораторию Ле-

нинградского отделения Института археологии АН СССР, автор получил лишь результат анализа угля, взятого в осиповском слое над раздавленным сосудом (12960 ± 120 – Ле – 1781). Что касается образцов угля, собранного в основании малышевского культурного слоя, а также выше него в неолитическом горизонте, то о них не было ничего известно. Не исключено, что результаты анализов были частным образом переданы кому-то в Новосибирск в ИИФФ, но оказались утерянными, как был, кстати, утерян уголь, найденный с осиповскими орудиями из камня и керамикой в раскопе А поселения Гася в 1975 г. и тогда же отправленный в одну из лабораторий г. Москвы, предположительно в ГИН АН СССР (подробнее см.: [Деревянко, Медведев, 1992, с. 13 – 14]).

Поскольку по осиповскому образцу угля в ЛОИА была получена дата, сохранялась надежда найти результаты анализов других образцов. В 2006 г. О.С. Медведевой была предпринята попытка отыскать их в Санкт-Петербурге в радиоуглеродной лаборатории Института истории материальной культуры. Попытка оказалась успешной.

Согласно записям в журнале по регистрации проделанных анализов, 26 февраля 1981 г. по трем образцам угля (весом по 100 гр.) из раскопа I поселения Гася получены даты: 1) 7950 ± 80 (Ле–1779), уголь взят в основании слоя серо-бурой супеси в кв. 3-1' на глубине 160 см от современной поверхности (рис. 1); 2) 3840 ± 40 (Ле–1780), уголь из слоя буро-коричневой супеси на глубине 120 – 125 см от поверхности; 3) 12960 ± 120 (Ле–1781), слой глины ниже уровня пола жилища 1 малышевской культуры, кв. Д – Е – 1' – 1, глубина 210 – 220 см.

По дате осиповской культуры, указанной под номером 3, ранее в печати уже приводились обсуждения и в данной работе выше уже было о ней упоминание. Вторая дата публикуется впервые, она прокомментирована ниже. В данном случае наше внимание привлекает, прежде всего, датировка, обозначенная под номером 1, т.е. 7950 ± 80 л.н. Сразу следует отметить, что в настоящее время это наиболее ранняя абсолютная дата малышевского культурного слоя. Установленный возраст – рубеж VI – VII тыс. до н.э. – это, можно считать (с учетом развитости керамического производства малышевской культуры) не самая ранняя фаза ее формирования, а скорее одна из начальных. В целом же, подтвердилось наше положение о довольно ранних корнях данной культуры.

Уголь малышевской культуры располагался между юго-западным и северо-восточным краями жилищ с домашними святилищами соответственно 1 и 2. О каменном инвентаре без следов шлифовки, схожем с изделиями осиповской культуры, найденном в этой части раскопа, выше уже упоминалось. Обнаруженная на уровне пола жилищ и рядом с ними керамика не имеет существенных различий между собой. Основная часть фрагментов орнаментирована ямочными вдавлениями в сочетании с другими элементами декора (насечки, скобковидные, угольчатые оттиски). Некоторые фрагменты сосудов украшены по краю венчика рядами отступающей лопаточки,

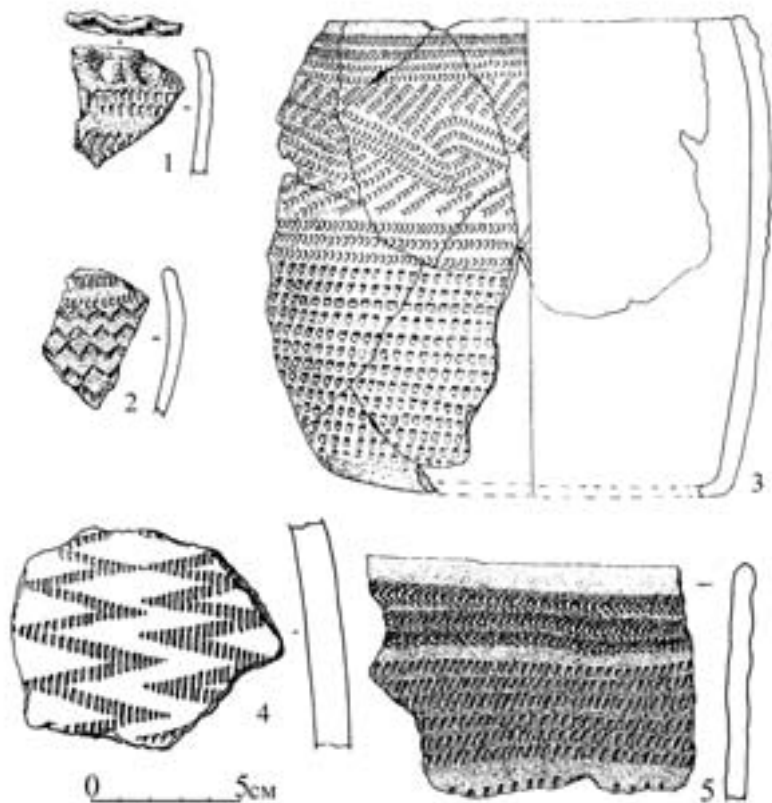

Рис. 2. Керамика из слоя малышевской культуры в раскопе I поселения Гася.
1 – 3 – из основания слоя между жилищами с домашними святилищами 1 и 2;
4, 5 – из ямы в полу жилища с домашним святилищем 1.

ниже которых – пояс из вертикальных насечек, образующих ряды в виде горизонтального зигзага (рис. 2, 2), или низ венчика опоясан отсутствующей лопаточкой, под которой – скобковидные оттиски (рис. 2, 1). На уровне взятого для анализа угля найдена боковина сосуда (высота 15,8 см), близкого по форме к бочонковидным или баночным (рис. 2, 3). В верхней части сосуд украшен в четырёх проложенных желобках горизонтальными рядами скобковидных оттисков, под которыми нанесены наклонные ряды аналогичных оттисков, образующих элементы меандра, ниже – вновь горизонтальные ряды названных элементов декора. Остальная часть сосуда почти до дна орнаментирована подквадратно-ямочными вдавлениями. Отмечена керамика, покрытая амурской плетенкой с рассеченными ячейками, а также ромбовидно-ямочными вдавлениями [Дервянко, Медведев, 1995, рис. 53, 1, 2].

В яме вырытой в полу жилища с домашним святилищем 1, зафиксирован обломок сосуда грубой лепки с толстыми стенками, украшенный прямоугольными оттисками различной величины, образующими вертикальные зигзаги (рис. 2, 4). Там же найдены другие фрагменты сосудов, в т.ч. обломок венчика, декорированного рядами угольчатых и прямоугольных оттисков (рис. 2, 5).

Оставшаяся по каким-то причинам долгое время не введенной в научный оборот радиоуглеродная дата малышевской культуры из поселения Гася позволяет более аргументировано говорить как в целом об этом неолитическом периоде Приамурья (например, выясняется подлинная архаичность его ранней фазы), так и об отдельных элементах культуры. В частности, вполне определенно можно утверждать, что такие орнаментальные мотивы или композиции как меандр, амурская плетенка, вертикальный и горизонтальный зигзаги в достаточно развитой форме использовались носителями малышевской культуры раннего неолита, более восьми тысяч лет назад, при украшении глиняных сосудов. Впрочем, в этом вряд ли можно усмотреть что-либо неординарное. Такой мотив как меандр или его элементы известен в материалах позднего палеолита, особенно яркие образцы его представлены на изделиях из мамонтовой кости Мезинской стоянки [Шовкопляс, 1965]. О зачаточной форме амурской плетенки можно судить по фрагментам керамики с четырехугольными оттисками из поселения осиповской культуры Госян [Медведев, 2003, рис. 1 4]. Возникновение композиций в виде пунктирно- гребенчатого зигзага в Приамурье, очевидно, также следует связывать с осиповской культурой. Позже в малышевское время зигзаг композиционно полностью сформировался, а наибольшую популярность он получил в вознесенской культуре позднего неолита. К слову, на керамике кондонской культуры зигзаг отсутствует. Нет его также на керамических изделиях раннего – среднего неолита Приморья. Там он распространился в позднем неолите в зайсановской культуре. Практически отсутствует в неолите названного региона крашенная керамика. То же самое можно сказать и об орнаментах неолитических культур среднего Амура.

Еще об одной особенности ранней ступени малышевской культуры, не затрагивавшейся прежде в исследованиях. На фоне высокого уровня развития гончарства в малышевской культуре (при раскопках анализируемого поселения только целых или почти целых сосудов ее выявлено около 20 экз.; фрагментированная керамика исчисляется тысячами образцов), удивительно слабо заметным представлен такой способ камнеобработки как шлифование. Среди сотен каменных изделий осиповской культуры рассматриваемого памятника лишь о единицах можно говорить как о шлифованных, остальные изготовлены способом оббивки и ретуши. В нижней части малышевского слоя Гаси шлифованного инвентаря зафиксировано не на много больше. Высокий процент шлифованных орудий, прежде всего, крупных (тесла топоры) приходится на жилища IV – III тыс. до н.э. В жилищах малышевской культуры указанного времени на о. Сучу боль-

шинство тесел, стамесок, топоров шлифованные. Значительно больше шлифованного инвентаря, чем на ранней стадии малышевской культуры, имеется в кондонской культуре. Особенно много шлифованных каменных изделий, порой филигранно оформленных, найдено в жилищах вознесеновской культуры.

Затронутая здесь проблема технического отставания на раннем этапе малышевской культуры обработки камня в технике шлифования по сравнению с весьма развитым гончарством заслуживает дальнейшей проработки.

В заключение о дате угля, взятого на Гасе в слое буро-коричневой супеси (3840 ± 40 л.н.). Она позволяет с большой уверенностью говорить, что найденные отдельные алевролитовые шлифованные орудия, обломки керамики, в особенности фрагмент сосуда с зооантропоморфным изображением [Окладников, Медведев, 1981, рис. на с. 202] принадлежат вознесеновской культуре, носители которой, согласно датировке, обитали на утесе Гася в начале II тыс. до н.э.

Примечания

Деревянко А.П., Медведев В.Е. Исследование поселения Гася (общие сведения, предварительные результаты 1975 г.). – Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР, 1992. – 29 с.

Деревянко А.П., Медведев В.Е. Исследование поселения Гася (предварительные результаты, 1980 г.). – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1993. – 110 с.

Медведев В.Е. К проблеме начального и раннего неолита на нижнем Амуре // Обзорные результаты полевых и лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1993 г. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1995. – С. 228 – 237.

Медведев В.Е. Когда и как была открыта на Дальнем Востоке древнейшая керамика // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной Восточной и Центральной Азии. М-лы междунаро. конф. «Из века в век», посвященной 95-летию со дня рождения ак. А.П. Окладникова и 50-летию Дальневосточной археол. экспедиции РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – С. 38 – 43.

Окладников А.П., Медведев В.Е. Раскопки в Сакачи-Аляне // Археологические открытия 1980 года. – М.: Наука, 1981. – С. 201 – 203.

Окладников А.П., Деревянко А.П. Далекое прошлое Приморья и Приамурья. – Владивосток: Дальневосточ. книж. Изд-во, 1973. – 440 с.

Окладников А.П., Медведев В.Е. Исследование многослойного поселения Гася на Нижнем Амуре // Изв. Сиб. отд-ния АН СССР. Сер. обществ. наук, 1983. – № 1. – С. 93 – 97.

Шовкопляс И.Г. Мезинская стоянка: К истории среднеднепровского бассейна в позднепалеолитическую эпоху. – Киев: Наук. думка, 1965. – 328 с.

НОВЫЕ НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ ПРИОЛЬХОНЬЯ (ОЗЕРО БАЙКАЛ)*

На территории Приольхонья (Ольхонский район Иркутской области) до 2003 г. было известно 11 стратифицированных неолитических поселений разной степени изученности. Наиболее исследованные из них: Улан-Хада (Х-IX слои), Итырхей (VI-II слои), Тышкинэ II и III (IX-VIII слои), Кулара III (II-I слои), Бурлюк I (III-II слои) и Эльген [Горюнова, 1984; Горюнова, Красавцев и др., 2000; Асеев, 2003]. Остальные объекты либо имели малую площадь вскрытия, либо их материалы не введены в научный оборот.

В результате проведенных в 2003-2007 гг. археологических работ в зоне нового строительства на территории Приольхонья выявлено еще 2 стратифицированных поселения, датируемых неолитом.

Улярба (2 культурных слоя).

Находится на перешейке мыса Антухай (урочище Улярба) северо-западно-го побережья залива Мухор Малого моря оз. Байкал, в 4 км к ЮЗ от п. Сарма.

Стоянка открыта отрядом Иркутской экспедиции Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (Л.П. Зяблин) в 1959 г. [Грязнов, Максименков, 1992]. В результате работ был выделен один культурный слой, содержащий разновременный археологический материал от неолита до раннего железного века. В 2007 г. Маломорским отрядом экспедиции Иркутской лаборатории археологии и палеоэкологии Института археологии и этнографии СО РАН – Иркутского государственного университета (ИЛАиП ИАЭТ СО РАН – ИГУ) (О.И. Горюнова) на объекте проведены детальные шурфовочные работы, направленные на выявление значимости стоянки, распространения культурного слоя и определение границ охраны.

Проведенные стратиграфические исследования показали, что сохранность слоев на разных участках не равнозначна. Рыхлые отложения наиболее сохранились в ЮВ части перешейка. Сводный стратиграфический разрез в этой части стоянки представляется следующим:

	мощность в м:
1. Дерн	0,03-0,04
2. Серая супесь. I культурный слой	0,08-0,10
3. Темно-серая щебенистая супесь; в подошве отмечены морозобойные клинья. II культурный слой	0,10-0,12

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ-Байкал № 05-06-97208.

4. Желтая супесь	0,12-0,16
5. Желтая щебенистая супесь	0,04-0,05

Ниже – желтый крупнозернистый песок.

Вскрытая мощность рыхлых отложений - 0,75 м.

I культурный слой – компрессионный; содержит хронологически разновременный археологический материал, датируемый бронзовым–железным веками. На большей площади стоянки слой уничтожен природными и антропогенными факторами.

II культурный слой - сохранился по всей площади стоянки. По особенностям осадконакопления и литологии он относится к оптимальной пачке атлантического периода середины голоцена.

Всего в слое зафиксировано 296 находок. Из них преобладает керамика (178 фрагментов более чем от 22 сосудов): с гладкой поверхностью (147 фрагментов), с оттисками сетки-плетёнки (27), штрихов (3) и тонкого шнура (1). Орнамент покрывает верхнюю часть сосуда. Композиция узора простая, в виде горизонтальных или вертикальных линий, выполненных, преимущественно, пунктирными линиями (от 6 сосудов, рис. 1 -7) и оттисками зубчатого штампа (от 9 сосудов, рис. 1 -2; один из них – на фрагменте с негативами сетки-плетенки, рис. 1 -5). В комплексе встречены фрагменты: от сосуда посольского типа (с внешним утолщением венчика), орнаментированные рядами зубчатого штампа (рис. 1 -8); с «елочным» построением прочерченных линий (рис. 1 -3); с пояском ямочек (рис. 1 -4).

Изделия из камня (104): обломок шлифованного тесла (рис. 2 -4), ножи с краевой обработкой лезвия, вкладыш–бифас (рис. 2 -2), проверка, скобель, обломок ножа-бифаса (рис. 2 -1), скребки (рис. 2 -3), обломок наконечника стрелы, отщепы, пластинчатые, первичные и краевые сколы, призматические пластины (часть из них – с ретушью).

Среди находок: обломок орудия из кости и подвеска из глины яйцевидной формы с двумя округлыми зарубками в верхнем конце изделия, вероятно, для подвешивания (рис. 1 -1).

Фауна (12) представлена: костями благородного оленя, рыб и битыми неопределимыми фрагментами.

Шракшура III (2 культурных слоя).

Находится в ЮЗ части перешейка мыса Шракшура северо-западного побережья залива Мухор Малого моря оз. Байкал, в 5,5 км к СВ от п. Черноруд.

Объект зафиксирован отрядом экспедиции Иркутской лаборатории археологии и палеоэкологии ИАЭТ СО РАН – ИГУ (О.И. Горюнова) в 2003 г.

Наиболее полно стратиграфический разрез представлен в центральной части бухты, на высоте 4-5 м над уровнем Байкала. Сводный разрез представляется следующим:

	мощность в м:
1. Дерн	0,02-0,03
2. Светлая песчаная прослойка	0,10-0,11
3. Серая щебенистая супесь. I культурный слой	0,12-0,14

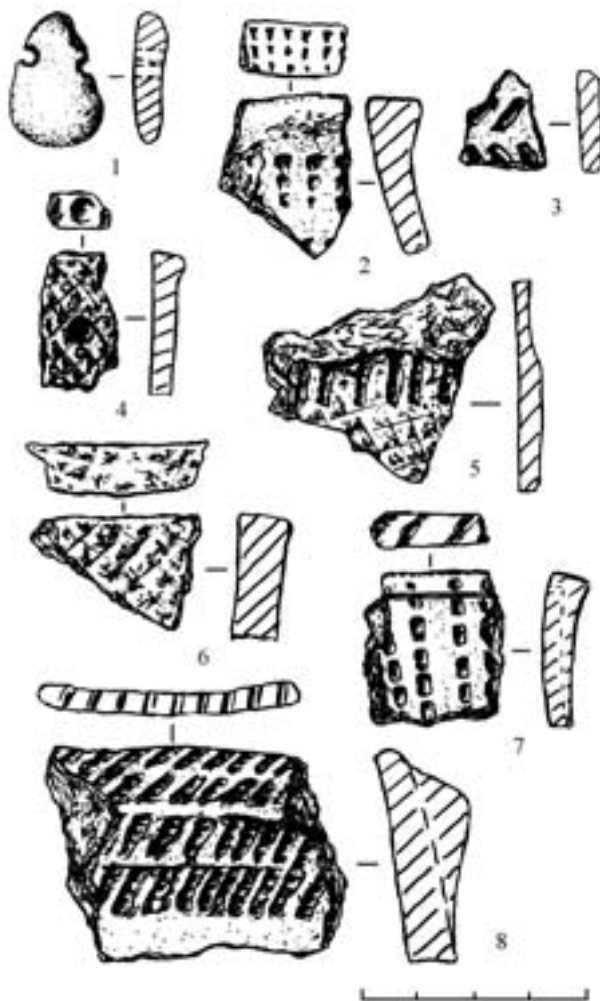

Рис. 1. Улярба, керамические изделия из II слоя

4. Светлая супесь с грубообломочным материалом 0,10-0,12

5. Темная гумусированная супесь, местами разделена линзовидными прослойками на два слоя. К верхнему из них приурочен II культурный слой 0,26-0,44

Ниже - суглинок белесого (за счет карбонатов) и светло-серого цвета.

Вскрытая мощность рыхлых отложений - 1,28 м.

Находки I и II культурных слоев по номенклатуре и типологии однородны и, вероятно, относятся к одному культурно-хронологическому периоду. Всего в слоях обнаружено 205 предметов. Из них керамика составляет 70

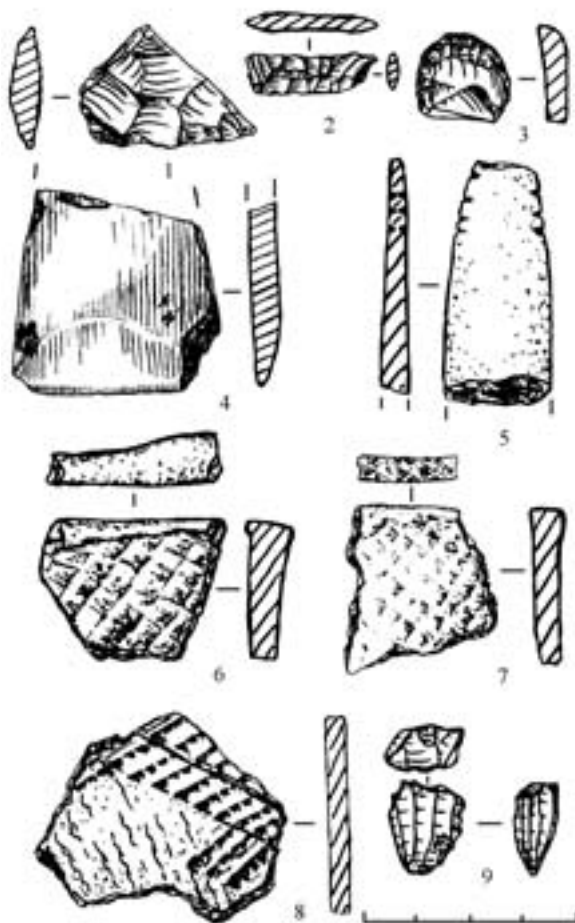

Рис. 2. Изделия из неолитических комплексов: 1-4 – Улярба, II слой (камень), 5-9 – Шракшура III (5, 9 – камень, 6-8 – керамика)

фрагментов: гладкостенная (15), с оттисками сетки-плетенки (54) и фрагмент с негативами тонкого шнура, украшенный наклонными рядами оттисков зубчатого штампа (рис. 2 -8). В числе керамики – венчики от сосудов простой формы, с негативами сетки-плетенки (рис. 2 -6,7)

В составе изделий из камня: конический микронуклеус (рис. 2 -9), краевой и пластинчатые (4) сколы, обломок призматической пластины, отщепы (8), пластинчатые сколы с локальной ретушью (2) и обломок прямого стерженька составного рыболовного крючка из сланца (рис. 2 -5). В верхнем конце стерженька по его краям нанесены двусторонние насечки для крепления линия; нижний конец - обломан. В слое найден обломок рога со следами обработки.

Фауна представлена фрагментами битой неопределимой кости (56) и ихтиофауной (60).

Анализ комплексов II слоя Улярбы и I-II слоев Шракшуры III демонстрирует их культурно-хронологическое единство по набору и типологии инвентаря. Их сближают: наличие в едином комплексе керамики с различными техническими декорами (сетка-плетенка, гладкостенная, с оттиска-ми тонкого шнура), композиция орнамента и техника нанесения узоров.

Перечисленные признаки являются характерными для комплексов развитого неолита Приольхонья: IX слой Улан-Хады, III слой Берлоги, IV-III слои Итырхея, II-I слои Кулары III, IV слой Саган-Забы II, и серовских погребений: Сарминский Мыс, Хужир-Нугэ VI, Шаманский Мыс и др. [Горюнова, 1984, 1997; Горюнова, Воробьева, 1986; Горюнова, Красавцев и др., 2000; Конопацкий, 1982]. По ряду комплексов имеются радиоуглеродные даты [Горюнова, Воробьева и др., 1996]: Улан-Хада слой IX - 4560 ± 100 (ЛЕ-1282) и 4030 ± 115 (СОАН-3335) л.н.; Итырхей слой IV - 4740 ± 155 (СОАН-3342) и слой II - 4485 ± 45 (СОАН-1585) л.н.; Кулара III слой I - 5290 ± 15 (СОАН-4010) л.н.; Саган-Заба II слой IV - 4850 ± 130 (СОАН-6594) л.н. Серия радиоуглеродных дат по комплексам серовских погребений Приольхонья в пределах 4,6-4,3 тыс. л.н. [Горюнова, 1997]. В целом, учитывая эти данные, следует отнести комплексы II слоя Улярбы и I-II слоев Шракшуры III к развитому неолиту и датировать концом V-IV тыс. до н.э. (по калиброванным датам).

Примечания

Асеев И.В. Юго-Восточная Сибирь в эпоху камня и металла. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 208 с.

Горюнова О.И. Многослойные памятники Малого моря и о. Ольхон: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1984. – 17 с.

Горюнова О.И. Серовские погребения Приольхонья (оз. Байкал). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – 112 с.

Горюнова О.И., Воробьева Г.А. Особенности природной обстановки и материальная культура Приольхонья в голоцене // Палеоэкономика Сибири. – Новосибирск: Наука, 1986. – С. 40-54.

Горюнова О.И., Воробьева Г.А., Орлова Л.А. Новые данные по хронологии многослойных поселений Приольхонья // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. – С. 57-59.

Горюнова О.И., Красавцев А.А., Сергиенко Т.Ю., Новиков А.Г. Новые комплексы развитого неолита Приольхонья: (по материалам поселений) // Байкальская Сибирь в древности. – Иркутск: Изд-во ИГПУ, 2000. – Вып. 2, ч. 2. – С. 3-14.

Грязнов М.П., Максименков Г.А. Задачи и итоги работ Иркутской экспедиции // Древности Байкала. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 1992. – С. 5 – 13.

Конопацкий А.К. Древние культуры Байкала. – Новосибирск: Наука, 1982. – 176 с.

**ФАУНА ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ ЛИСТВЕНКА
НА СРЕДНЕМ ЕНИСЕЕ
(ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ)**

За более чем столетнюю историю изучения палеолитических памятников открытого типа в долине среднего течения Енисея и его притоков довольно полно выявлен список охотничьих трофеев их обитателей.

В настоящее время финально-палеолитическое многослойное местонахождение Лиственка, расположенное на правом берегу Енисея в окрестностях Дивногорска, хорошо известно археологам [Акимов и др., 2005]. За 13 полевых сезонов на Лиственке собрано из 19 культурных слоев значительное количество остатков промысловых млекопитающих, единичные кости белых куропаток, отмечено также несколько видов мелких грызунов: степная пеструшка, полевки: узкочерепная, экономка, водяная, а также копытный лемминг (определение О.В.Андренко и В.С.Зажигина).

Настоящее сообщение основано на материалах, собранных за 1983-1987, 1989-1991 годы и зафиксированных в картотеке и списках. Пока нет полных палеофаунистических данных по слоям 10, 12-19 (табл.1).

Радиоуглеродное датирование культурных слоёв, выполненное в разных лабораториях в основном по углю, определено в пределах 13-17 тысяч лет. В течение 5-ти тысячелетий позднего плейстоцена териофауна малого региона, обозначенного как Красноярский археологический, вероятно, мало изменялась в видовом отношении.

Представители афонтовской, или кокоревской культур, оставившие на Лиственке свои «следы» при выборе новых охотничьих угодий и мест стоянок могли перемещаться за относительно короткое время на сотню и более километров не только вверх по Заречной Лиственке, но и по берегам Енисея. Не их ли стойбища формировались в устье Большой Слизневой, в привершинной части Шалунина Быка и Караульного Быка, а также в районе Переселенческого пункта, на Афонтовой Горе и в устье Бирюсы? Набор видов млекопитающих, зафиксированных по костным остаткам на этих памятниках, за некоторым исключением, в 70-80% сходен, как и удельный вес каждого от общей массы для конкретного слоя.

Заяц донской. Представители этого вида, питавшиеся преимущественно травянистой растительностью, существовали зимой в заснеженной Сибири в значительной мере благодаря взрыхливанию снега до земли мамонтами и другими крупными млекопитающими на кормовых участках в долинах рек, либо на выдувах. Неспособность питаться древесно-

Таблица 1. Послойное распределение костей промысловых млекопитающих на археологическом местонахождении Лиственка

Виды	С л о и																			
	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	(12-13)	13	14	15	16	17	18	19	всего
Заяц донской (Lepus tanaïticus Gureev) Волк серый (Canis lupus L.) Песец (Alopex lagopus L.) Лисица (Vulpes vulpes L.) Мамонт (Mammuthus primigenius Blum.) Лошадь (Equus sp.) Кулан (Equus hemionus Pall.) Олень благородный (Cervus elaphus L.) Лось (Alces alces L.) Северный олень (Rangifer tarandus L.)	15	153	437	414	12	28	9	36	?	13	447	329	409	104	156	88	39	127	19	2705
						63	2	1	1			1		1						69
								1	2			2								3
																				2
			1			4					2		1		1			25		34
			6			41	60	15	28	1	9	1			2	1				164
							1													1
						2	2	2			1				1	3		1		12
																			1	1
		153	265	81	78	85	158	68	69	16	17	40	24	133	1	87	4	49	1	1329
Козел горный (Capra sibirica Pall.)						1	2							3					6	
Архар (Ovis ammon L.)						4	9	5		1	1			3					23	
Козел или баран дикие						1	10				4								15	
Бизон (Bison priscus Boj.)	44	50	36	44	33	44	44	230	385	146	126	93	81	262	15	12	2	2	1	1606
Неопределимые обломки	30	16	85	43	87	129	123	1037	511	7	283	1008	156	503	5	16	?	?	10	4049

кустарниковым кормом была обусловлена особым строением резцового аппарата [Оводов, Мартынович, Орлова, 2003; Оводов, 2006]. С гибелью мегафауны закончилась и славная жизнь этого представителя семейства двупарнорезцовых, на смену которому пришел хорошо известный нам современный заяц-беляк, который «научился» подгрызать даже стволы деревьев. Более тяжеловесный и медлительный донской заяц, по-видимому, был несложной добычей для палеолитического охотника, особенно в зимнее время.

Псовые: волк, лисица, песец. Последние два вида, представлены в коллекции довольно сомнительными в диагностическом плане остатками, требующими дополнительного диагностического материала. Кости волка обнаружены в слое 7, 8 и 17. В слое 17 найдены костные остатки мелкого представителя рода *Canis*. Учитывая сделанные И.Т.Савенковым и В.И.Грозовым находки плейстоценовых собак на Афонтовой Горе, не исключено, что одомашненные волки могли существовать и на Лиственке под покровительством человека. Косвенным свидетельством этому могут быть сохранившиеся в культурных слоях пяточные и другие кости со следами погрызов на участках, богатых сухожильными связками. Уместно напомнить о находке костей «волка или собаки» (определение Н.М.Ермольевой) в 1-ом и 2-ом слоях стоянки Кокорево IV (Киперный Лог) по Абрамовой и др. [1991]. Возраст 2-го слоя этого местонахождения по углю равен 15460 ± 330 лет (JIE-540).

Медведь. Полный второй правый метакarp обозначен как «подъемка».

Кулан. Определён по копытной фаланге из 8-го культурного слоя.

Северный олень - весьма характерное копытное для Сартанского времени Сибири. В первую очередь именно этому животному палеолитический человек Северной Евразии обязан своим выживанием. Отдельные популяции северного оленя [Оводов, Мартынович, Малимонова, 2000], как и в современности, совершали в плейстоцене сезонные миграции, становясь при этом добычей не только волков, росомх, но и людей (из 60 палеолитических стоянок в среднем течении Енисея остатки его отмечены в 38).

Архар и сибирский горный козел. Эти звери, можно сказать экзотичные для обсуждаемого памятника, ныне обитающие в высокогорных областях Алтая и Саян, в позднем плейстоцене опускались в долины рек и речек, в поисках корма, как и снежные барсы, имеющие к ним отнюдь не «краснокнижный» интерес. В VII палеолитическом слое стоянки Большая Слизнева (раскопки Н.П.Макарова и А.С.Вдовина), что в 30 км от Лиственки по тому же правому берегу Енисея, соотношение костей баранов (188) и северных оленей (17) находятся количественно в обратной пропорции по сравнению с Лиственкой практически по любому слою.

Бизон. Суммарно остатки бизонов в слоях Лиственки по количеству стоят на втором месте после заячьих костей. По своим размерам эти животные были очень крупными и не уступали таковым, обитавшим в эпоху Казанцевского межледникова. К финалу палеолита численность бизонов

в Приенисейской Сибири оставалась достаточно высокой, чем с успехом пользовались охотники древнекаменного века (остатки бизонов встречены в 42 палеолитических памятниках из 60).

Детальные наблюдения в процессе раскопок позволили Е.В.Акимовой с соавторами [2005] правильно оценить природу планиграфического и стратиграфического распределения костных остатков, связанную с утилизацией добычи обитателями Лиственки. Основу питания людей, не принимая во внимание зайцев, составляло мясо бизонов и в меньшей степени северного оленя. Их, как и других животных, жители этих поселений добывали в окрестностях стоянки. Крупных животных разделявали на месте и затем переносили части туш к стойбищу, чтобы не оставлять своим пищевым конкурентам.

Определение сезонности обитания людей на той, или иной палеолитической стоянке, - одна из сложных проблем. При наличии чёткой картины существования долговременного жилища с массивной каменной обкладкой по периметру и одним, или несколькими очагами археологи резонно предполагают, что здесь имело место зимнее стойбище. Можно делать прогноз, опираясь и на признаки зоологического свойства, как, например: 1) по спилам зубов млекопитающих (ростовая структура), 2) теплоту сезона года отвечает наличие остатков взрослых птиц, мигрирующих на зиму к югу, либо не вставших на крыло (преимущественно водоплавающие), 3) наличие костей зимоспящих в подземных убежищах млекопитающих (суслик, сурок, барсук), 4) присутствие остатков некоторых видов животных достигших подросткового возраста, когда эпифизы на трубчатых костях причленены хрящевыми прослойками и отпадают в процессе захоронения. Примером могут служить метаподии зайцев. Все найденные в культурных слоях Лиственки плюсовые и пястные кости донских зайцев (377 экземпляров) имеют прочно приросший дистальный эпифиз, что указывает на обитаемость поселений людьми в любые сезоны года кроме осеннего периода. Такая же картина свойственна и сходному (?) по времени [Макаров, Ямских, 1995] многослойному памятнику Караульный Бык, что на противоположном, левом берегу Енисея близ устья р. Караульной. Здесь было собрано в пределах 6-9 палеолитических слоёв 1996 заячьих костей, из которых 284 (14,2 %) приходилось на долю метаподий с прочно приросшими дистальными эпифизами при полном отсутствии костей от взрослых особей. Что заставляло людей покидать эти стойбища в осеннее время, пока трудно конкретно объяснить. Возможно, причиной тому был целенаправленный уход в сторону более благоприятного места для зимования, для заготовки мяса (вяление) и своевременного оптового сбора сухостоя, валёжника и общего обустройства стационарного лагеря в подготовке его к суровому зимнему периоду. Иную картину по таким же остаткам зайцев Н.М.Ермолова определила для стоянки Кокорево II на Енисее, где эти зверьки были добыты именно в осенний период (Абрамова и др., 1975). Подобное заключение сделано и в отношении однослойной палео-

литической стоянки Каштанка I (Куртаковский археологический район) на основании найденных костей околоводных птиц и зимоспящих млекопитающих [Бокарев, Мартынович, 1992].

Примечания

Абрамова З.А., Ермолова Н.М., Левковская Г.М. Палеолитическое поселение Кокорево II на Енисее // Первобытная археология Сибири. Наука. Л. 1975. С. 5-22.

Абрамова З.А., Астахов С.Н., Васильев С.А., Ермолова Н.М., Лисицын Н.Ф. Палеолит Енисея. Л. Наука. 1991. 158 с.

Акимов Е.В., Дроздов Н.И., Лаухин С.А., Чеха В.П., Орлова Л.А., Кольцова В.Г., Санько А.Ф., Шпакова Е.Г. Палеолит Енисея. Лиственка. Новосибирск – Красноярск. 2005. 180 с.

Бокарев А.А., Мартынович Н.В. Причинность расположения Каштанковской группы позднепалеолитических местонахождений (к стратегии освоения древним человеком Северо-Минусинской котловины) // Палеоэкология и расселение древнего человека в Северной Азии и Америке. Красноярск. 1992. С. 22-26.

Макаров Н.П., Ямских А.А. Археология и палеогеография многослойной стоянки Караульный Бык // Палеогеография Средней Сибири. Сборник научных трудов. Вып. 2. Красноярск. 1995. С. 81-112.

Оводов Н.Д. Охота с собакой на мамонта // Экология древних и современных обществ. Тюмень. Изд. ИПОС СО РАН. 1999. Вып. 1. С. 79-92.

Оводов Н.Д., Мартынович Н.В., Малимонова А.А. К вопросу о полиморфизме северного оленя в палеолите Южной Сибири // Палеогеография каменного века. Корреляция природных событий и археологических культур палеолита Северной Азии и сопредельных территорий. Материалы международной конференции. Красноярск. 2000. С.104-106.

Оводов Н.Д., Мартынович Н.В., Орлова Л.А. Зайцы в меню древних сибиряков // Экология древних и современных обществ. Тюмень. Изд. ИПОС СО РАН. 2003. Вып. 2. С. 151-154.

Оводов Н.Д. Позднеантропогеновые зайцы Сибири. К вопросу о филетической эволюции внутри рода *Lepus* // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск. 2006. Часть I. С.212-217.

НЕОМАР – НОВЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПРОЕКТ ПО АРХЕОЛОГИИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА*

«Неолитизация и модернизация: история ландшафтов (NEOMAR)» – новый мультидисциплинарный международный проект, стартовавший в 2007 г. под эгидой Центра по исследованию человека и природы (Research Center for Human and Nature, RHN) в Киото, Япония [Research Institute..., 2007].

Ландшафт – одно из наиболее емких понятий, активно разрабатываемых в современной археологии. Взаимоотношения культуры и окружающей среды, изменение отдельных или значительного числа элементов ландшафта в процессе этого диалога, формирование «культурного ландшафта», «архитипичного ландшафта», «ментального ландшафта», «сакрального ландшафта» – вот поле для интерпретации широкого круга археологических, этнографических и исторических материалов [например, Antrop, 2000, 2005; Mitchell, 2003 и др.].

Цель проекта – исследования по динамике изменения природных ландшафтов под влиянием антропогенного фактора в бассейнах внутренних морей Дальнего Востока (Японского, Желтого и Восточно-Китайского). В фокусе работ два наиболее эффектных с точки зрения интенсивности взаимодействия культуры и ландшафта периода – неолит и исторические периоды модернизации (XIX-XX вв.). Проект объединяет 8 исследовательских групп. 5 групп работают на территории Японского архипелага – район Хокурику и район озера Бивако на о-ве Хонсю, северная часть о-ва Кюсю, о-в Хоккайдо и о-ва Рюкю. Одна в Южной Корее в районе г. Пусан, одна в Китае к югу от г. Шанхай, и одна в Приморье (Россия).

Ядро Приморской группы составили российские и японские археологи (Дальневосточный госуниверситет, г. Владивосток; Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск; Университет Кокугакуин, г. Токио; Национальный музей этнологии, г. Осака), а также историк и специалист по ГИС-технологиям (Морской государственный университет, г. Владивосток).

Территориально работы Приморской группы привязаны к заливу Петра Великого – именно здесь отмечена концентрация интереснейших памятников археологии, датируемых средним и поздним неолитом (бойсманская культура, 6,5 – 4,7 тыс. л. н. и зайсановская культура, 5,3 – 3,5 тыс. л. н.).

*Исследования осуществляются при поддержке грантов РГНФ №06-01-00522а и № 06-01-00543а

Первая из них характеризуется хозяйством со значительным акцентом на эксплуатацию акваторических ресурсов (моллюски, рыба, морские птицы и млекопитающие), а вторая, приходящая на смену бойсманской, первыми для территории Приморья свидетельствами земледелия [Попов, 1995; Попов, Чикишева, Шпакова, 1997; Popov, Yesner, 2006]. В то же время раскопки последних лет в континентальной части Приморья показывают, что хозяйство бойсманцев было ориентировано не только на морские ресурсы, а носило сложный комплексный характер. Смена неолитических культур происходит на фоне изменения природных условий, развития рельефа и конфигурации береговой линии. Формирование и эволюция ландшафтов в этот период тесно связана как с природными, так и с мощными культурными факторами (хозяйственными, социальными, ритуальными) - *неолитизацией*.

Группа планирует провести ряд исследований и протестировать несколько принципиально новых для археологии Приморья гипотез – о характере взаимоотношений носителей культуры с эффективным присваивающим хозяйством и носителей культуры с развивающимся производящим хозяйством, о социальной структуре неолитических общностей, о ритуальной сфере и погребально-обрядовой практике, о возможности корреляции погребальной практики бойсманцев с культурами раковинных куч в дальневосточном регионе (Япония, Корея), а также и в более широкой географической перспективе (Северная Европа, Северная Америка, Южная Америка) и т.д. [Морева, Попов, 2003; Табарев, 2004, 2007; Табарев, Гиллам, 2003; Табарев, Кругляк, Попов, 1999].

Особенно привлекательны перспективы корреляции материалов бойсманской культуры (раковинные кучи) с данными по археологии Юго-востока США (штаты Флорида, Южная Каролина, Джорджия), где уже с периода раннего и среднего голоцена (8 – 4 тыс.л.н.) зафиксированы многочисленные следы активного использования съедобных моллюсков, а также раковинные кучи с геометрической конфигурацией (истоки последующей традиции земляных насыпей - маундов) [Anderson, Russo, Sassaman, 2007].

Не менее привлекательны и задачи исторического блока. Последняя треть XIX века (1860-1900 гг.) в Приморье (в заливе Петра Великого в первую очередь) связана с бурным процессом *модернизации* – возникновением первых городов (Владивосток), прокладкой дорог, строительством мостов и интенсивным сельскохозяйственным освоением территории (внедрение пашенного земледелия и новых видов культурных растений), новой торговой сетью, поликонфессиональным составом населения и т.д., что коренным образом меняет весь природный и культурный ландшафт.

Существенная роль в реализации задач проекта отводится активному использованию ГИС-технологий – иллюстрации динамики природных изменений, концентрации археологических памятников, направлению культурных и торговых контактов, изменению площади сельскохозяйственных угодий и традиционной структуры землепользования, а также созданию

обширной базы данных по территории. В качестве программного обеспечения предусматривается использование пакетов отечественных и зарубежных производителей - "Prim AGP Map", «OziExplorer», а также мощных возможностей «ArcGIS».

Примечания

Морева О.Л., Попов А.Н. Керамика как обрядовый атрибут бойсманской культуры // Древности Приморья и Приамурья в контексте тихоокеанской археологии. – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2003. – С.33-55.

Попов А.Н. Неолитический могильный комплекс на многослойном поселении Бойсмана-2 в Приморье. // Гуманитарные науки в Сибири. – 1995 - № 3 – С.23 – 30.

Попов А.Н., Чикишева Т.А., Шпакова Е.Г. Неолит южного Приморья (бойсманская археологическая культура). - Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 1997. - 96 с.

Табарев А.В. Обсидиан в неолите Приморья // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. - №1 (17). – С.2-6.

Табарев А.В. Охотники-собиратели и рыболовы: некоторые параметры эффективности и стабильности хозяйственных систем // Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология. – Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2007. – Т.2. – С.221-224.

Табарев А.В., Гиллам Д.К. Новое направление исследований обсидиана в древних культурах Дальнего Востока России // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т.IX. – Ч.1. - Новосибирск, 2003. – С.224-226.

Табарев А.В., Крупянко А.А., Попов А.Н. Маргинальная Пасифика: проблема освоения экологических ниш в финальном плейстоцене - раннем голоцене // Экология древних и современных обществ. - Тюмень: Изд-во ТГУ, 1999. - С.98-100.

Anderson D.G., Russo M., Sassaman K.E. Mid-Holocene Cultural Dynamics in Southeastern North America // Climate Change and Cultural Dynamics: A Global Perspective on Mid-Holocene Transitions. – New York: Academic Press, 2007. - P.457-489.

Antrop M. Background Concepts for Integrated Landscape Analysis // Agriculture, Ecosystems and Environment. – N.77. – P.17-28.

Antrop M. Why Landscapes of the Past are Important for the Future // Landscape and Urban Planning. – N.70. – P.21-34.

Mitchell D. Cultural Landscapes: Just Landscapes or Landscapes of Justice // Progress in Human Geography. – Vol.27. – N.6. – P.787-796.

Popov A.N., Yesner D.R. The Reasons of Arose and the Form of Early Maritime Adaptation at the Southern Part of Far East in Ancient Time // Beyond the Steppe and the Sown. Proceedings of the 2002 University of Chicago Conference on Eurasian Archaeology. - Colloquia Pontica. - Brill, Leiden, Boston, 2006. - Volume 13. - P. 469 – 476.

Research Institute for Humanity and Nature (2007-2008). – Kyoto: RIHN, 2007. – 73 p.

К ВОПРОСУ О СТРАТИГРАФИЧЕСКОМ ПОЛОЖЕНИИ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ВДОЛЬ ЧУЙСКОГО ТРАКТА В ДОЛИНАХ ЧУИ И КАТУНИ*

В полевом сезоне 2007 года Усть-Канским отрядом археологической экспедиции ИАЭТ СО РАН совместно с сотрудниками ИГиМ СО РАН и ИНГГ СО РАН был изучен район долин рек Катунь и Чуя вдоль Чуйского тракта от перевала Чике-Таман до Чуйской котловины на предмет обнаружения новых палеолитических объектов. Одним из важных вопросов полевого изучения являлось выяснение закономерностей их положения в общем контексте стратиграфии долины Катунь для определения перспективных мест поиска палеолитических памятников в этом районе. В результате работ подъемными сборами были обнаружены три новых местонахождения объектов эпохи палеолита, расположенных на уровнях высоких и средних террас.

Отложения высоких и средних террас этой территории, в соответствии с исследованиями последних 20-30 лет [Барышников, Малолетко, 1998; Бутвиловский, 1993; Рудой, 2005], принято считать результатом катастрофических сбросов вод из подпрудных озер, вследствие разрушения ледниковых плотин в «горловинах» межгорных котловин. Возраст последних гляциальных паводков в долинах Чуи и Катунь до сих пор обсуждается. Однако целым рядом исследователей Горного Алтая они увязываются с позднеюрским оледенением неоплейстоцена, т.е. с аккемским горизонтом стратиграфической схемы Горного Алтая, сартанским горизонтом схемы Западной Сибири, стадией МИС-2 глобальной океанической шкалы. Эта точка зрения привела к выводу о том, что последний гигантский паводок «...происходил в долине Катунь около 13 тыс.л.н.» [Рудой, 2005, с. 128], а, следовательно, поиск более древних поселений по основным долинам рек Алтая в пределах доступности гляциальных палеопаводков не может быть успешным. Обнаружение новых палеолитических памятников в долинах Чуи и Катунь (рис. 1) не позволяют согласиться с вышеизложенной точкой зрения.

Яломанский памятник расположен на левом берегу Катунь между устьями рек Большой и Малый Яломан в 1 км к северу от посёлка Малый Яломан. Координаты памятника в системе WGS-84: 50° 30' 25.1"с.ш. 86° 34' 03.2"в.д. В геоморфологическом отношении (рис. 2. I-а) интересую-

*Работа выполнена при поддержке РФФИ № 05-05-64221 и № 05-06-80305; междисциплинарного интеграционного проекта СО РАН № 2.

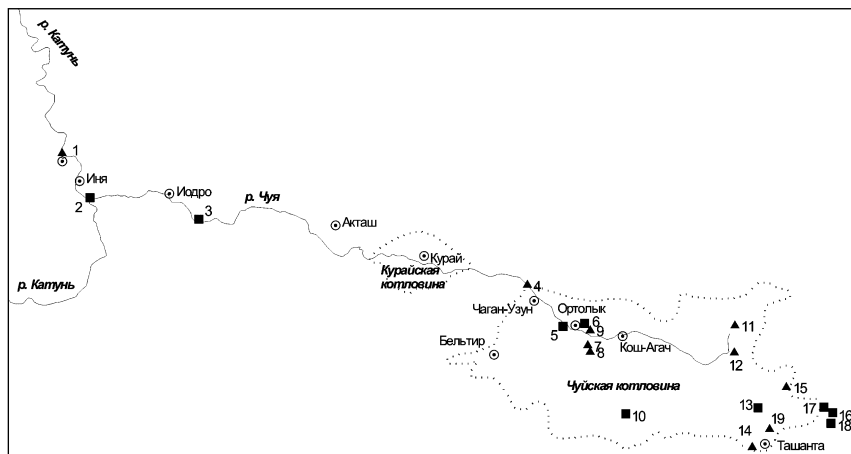

Рис. 1. Местоположение палеолитических памятников вдоль рек Чуя и Катунь по Чуйскому тракту от перевала Чике-Таман до Чуйской котловины.

Палеолитические памятники (треугольниками показаны памятники позднего палеолита сартанского времени, квадратиками – памятники досартанского времени): 1 – Яломан 1; 2 – Усть-Чуйский; 3 – Ак-Таарлган; 4 – Кузхтанар;

- 5 – Торгкун; 6 – Бигдон; 7 – Мухор-Тархата-1; 8 – Мухор-Тархата-2;
9 – Чечкетерек; 10 – Чаган-Бургазы, 11 – Малталу; 12 – Кызыл-Шын;
13 – Барбургазы; 14 – Уландрык; 15 – Юстыд-Барбургазы; 16 – Юстыд-1;
17 – Юстыд-2; 18 – Богуты-1; 19 – Юстыд-левый берег.

ший нас участок представляет собой мыс – площадку среднего комплекса террас, которая возвышается на 35 м над урезом воды и ограничивается с востока петлеобразной излучиной (меандром) реки Катунь. В центральной части мыса в поверхность на глубину до 20 м врезано палеорусл Катунь. Палеорусл выполнено аллювиальным песком, который с поверхности перевеян. Мощность аллювиальных песков достигает 3 м, а мощность эоловых песков обычно не более 1,5-2 м. Непосредственно, артефакты обнаружены на восточном «берегу» палеореки. Из артефактов обнаружены: один фрагмент пластины с ретушью по продольному краю и три отщепы с ретушью. По облику артефактов и способу обработки карнизов на некоторых изделиях можно предположить возраст поселения в хроноинтервале поздний вюрм – начало голоцена.

Памятник лога Ак-Таарлган расположен на правом берегу Чуи в 12 км выше по течению от посёлка Йодо. Координаты памятника: 50°20'09.0" с.ш. 87°05'22.9" в.д. В геоморфологическом отношении интересующий нас участок представляет собой склон высоких террас на высоте 40-70 м над урезом воды, т.е. между площадкой средней террасы и площадкой высокой террасы (рис. 2. I-б). Артефакты обнаружены на поверхности промоин

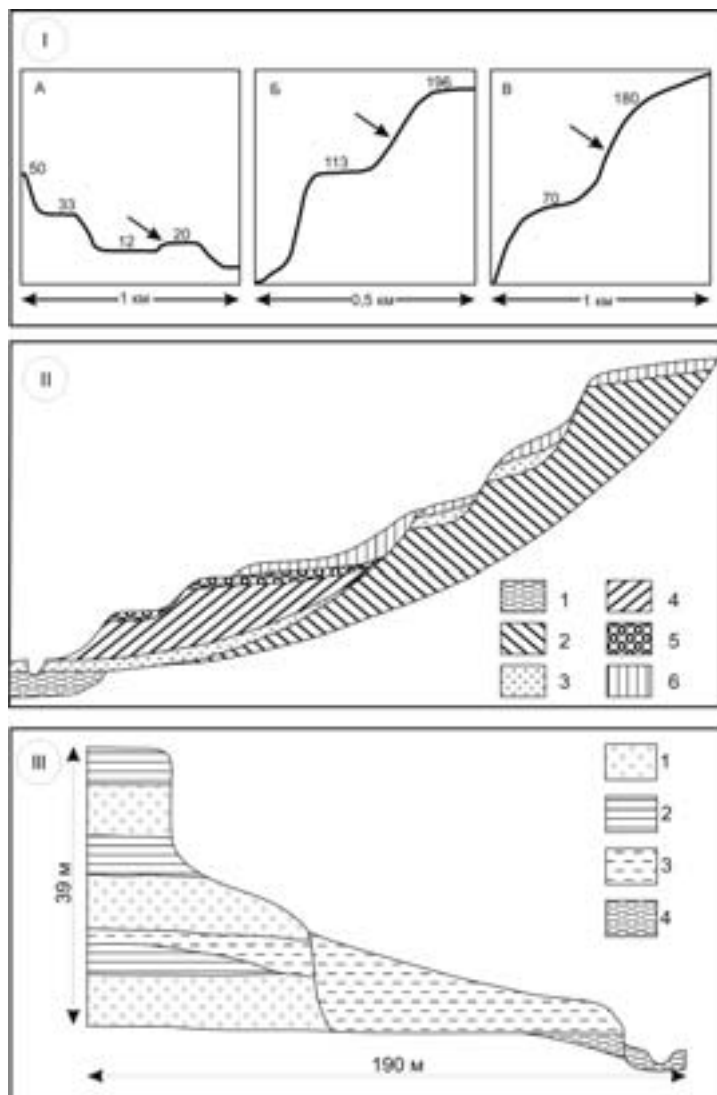

Рис. 2. Геоморфологические профили и стратиграфические схемы.

I. Геоморфологические профили местонахождений. А - Яломан 1;
Б - Ак-Таарлган; В - Усть-Чуйский.

- II. Принципиальная модель строения четвертичных отложений в долинах Чуи и Катун. 1. Башкауский аллювий; 2. Ининская катафлювиальная толща;
3. Каргинский аллювий (МИС-5); 4. Сальджарская катафлювиальная толща (МИС-4);
5. Каргинский аллювий (МИС-3); 6. Сарганский субэразальный покров (МИС-2).

III. Геологический разрез четвертичных отложений в долине р. Инья. 1. Катафлювиальные отложения; 2 отложения вторично подпрудных озер;
3 делювий; 4 аллювий.

в делювиальном шлейфе, развитом по уступу высокой террасы. Находки представлены двумя леваллуазскими нуклеусами для снятия острий и двумя ретушированными отщепами с радиально обработанными дорсальными поверхностями. Культурно-хронологическая интерпретация материала – средний палеолит.

Усть-Чуйский памятник расположен на правом берегу Катунь в 1,3 ниже по течению от устья Чуи. Координаты памятника: 50° 24' 18.4"с.ш. 86° 40' 25.1"в.д. В геоморфологическом отношении интересующий нас участок представляет собой склон высоких террас на высоте 120-160 м над урезом воды, т.е. между площадкой средней террасы и площадкой высокой террасы (рис. 2. I-в). Артефакты обнаружены на поверхности промоин в делювиальном шлейфе, развитом по уступу высокой террасы. Найдено два массивных отщепа с параллельной и радиальной огранкой дорсала и зубчато-выемчатое орудие на фрагменте пластины. Артефакты имеют мустьерский облик. На этом основании хронологию памятника можно определить как средним палеолитом, так и переходом от среднего к верхнему палеолиту.

Не вдаваясь в полемическую историю становления стратиграфических и палеогеографических построений для Юго-Восточного Алтая, изложим наши представления о хронологии основных событий неоплейстоцена в долинах рек Чуя и Катунь (рис. 2. II), основанные на стратиграфической модели Ефимцева Н.А. [1964] и фациально-генетических построениях Парначёва С.В. [1999], а также на авторских исследованиях предшествующих лет [Зольников. и др., 2004] и полевых работ 2007 года. Разрез четвертичных отложений начинается с бурых валунно-галечников и песков эоплейстоценового башкауского аллювия, расположенного в переуглублениях долин. Выше залегает ининская толща среднего неоплейстоцена (тазовский горизонт (МИС-6) и возможно древнее) мощностью до 300-350 м, представленная серией катафлювиальных пачек (в разрезах выявлено до семи циклов гигантских катафлювиальных паводков). По ининской толще вырезаны цокольные высокие террасы, аллювий которых редко достигает по мощности 3-5 м, а на многих площадках высоких террас отсутствует. Возраст аллювия высоких террас оценивается рисс-вюрмом (МИС-5). Выше залегает сальджарская (чуйская) толща мощностью 60-100 м, представленная серией катафлювиальных пачек (в разрезах зафиксировано до трёх циклов гигантских катафлювиальных паводков). Возраст её ранневюрмский (МИС-4). По сальджарской толще вырезаны цокольные средние террасы, аллювий которых редко достигает по мощности 3-5 м, а на многих площадках средних террас отсутствует. Возраст аллювия средних террас средневюрмский (МИС-3). Позднему вюрму (МИС-2) соответствуют субэральные комплексы на площадках террас. В этот субэральный комплекс входят лёссы и эоловые пески, образованные за счёт перевевания средневюрмского аллювия, а также делювиальные шлейфы, сформировавшиеся в условиях холодного сухого

климата. Голоцену соответствуют верхняя часть субазральных покровов, аллювий низких террас и поймы.

Находки артефактов на склонах высоких и средних террас объясняются тем, что в уступах террас обнажаются не только катафлювиальные отложения «немые» в палеонтологическом и археологическом отношении, но и делювий. На рисунке 2-III показан разрез сальджарской толщи, слагающих средние террас на левом берегу р. Иня (левобережный приток Катунь) напротив с. Малая Иня. Разрез описан в овраге, с промоиной, которая вскрылась в 2007 г. из-за обильных дождей. В основании разреза (рис. 2. III) обнажается первая катафлювиальная пачка, представленная флювиальными дресвяно-галечниками (до 7 м) и вторично-подпрудными озёрными алевритами (до 4 м). На неё со структурным несогласием ложится песчанисто-дресвяный делювий мощностью до 4 м. На делювии залегают вторая (12 м) и третья (18 м) катафлювиальные пачки сальджарской толщи, однотипного строения с первой. В промоине вскрыто сочленение послесальджарского делювия (мощностью до 14 м) с катафлювиальной толщей. У выхода оврага к р. Иня (правая часть рис. 2. III) под делювием вскрыт аллювий видимой мощностью до 2,5 м.

Таким образом, описанный разрез иллюстрирует тот факт, что делювий встречается не только в виде шлейфов поверх катафлювиальных толщ, но и в виде субазральных покровов, разделяющих пачки, соответствующие гигантским гляциальным паводкам. Поэтому, артефакты, которые находят в уступах террас, скорее всего, сингенетичны катафлювиальным отложениям, слагающим террасы.

Представленная стратиграфическая схема и реконструкции палеогеографических обстановок позднего неоплейстоцена в долинах Чуи и Катунь подтверждается местоположением уже известных ранее палеолитических памятников как ниже так и выше по течению рек.

Выше по течению с террас высокого и среднего уровней Катунь известны находки каменных артефактов палеолитического облика с середины 70-х гг. прошлого века. В 1976 г. сотрудник Бийского краеведческого музея Б.И. Лапшин производил разведки в среднем течении Катунь между селами Еланда и Куюс [Лапшин, 1976]. В данном районе им обнаружено три местонахождения эпохи палеолита [Лапшин, 1976, с. 215]. Особо следует отметить находки леваллуазской пластины и фрагмент рога благородного оленя на средней террасе в шурфе.

Достаточно детально в археологическом отношении изучена территория Чуйской котловины, которая находится ниже по течению от района работ 2007 г. [Деревянко, Маркин, 1987]. Здесь известно более десятка памятников эпохи палеолита, расположенных на территории бывшего палеозера (рис. 1). Нам интересны те местонахождения, материалы которых можно точно отнести к досартанскому времени (до МИС – 2), т.е. материалы среднего палеолита или перехода от среднего к позднему. Одним из маркеров этого возрастного диапазона каменных индустрий Алтая яв-

ляется наличие леваллуазских изделий. Эти изделия обнаружены на памятниках: Бигдон, Барбургазы, Юстыд 1, Юстыд 2, Богуты 1 [Деревянко, Маркин, 1987, с. 47].

Памятник Бигдон расположен на бугре пучения, площадью около 800 м² в пределах Чуйской долины. Это указывает на то, что люди появились в данном месте после осушения палеоозера. Есть свидетельства, что археологический материал не испытывал сильного перемещения [Деревянко, Маркин, 1987. с. 18]. Археологический материал памятников Юстыд 1, Юстыд 2 и Богуты 1 стратифицирован и залегает на аллювиальной толще, которая по всей вероятности так же сформировалась после спуска палеоозера [Деревянко, Маркин, 1987. с. 29 - 42]. Возраст наиболее древних археологических находок «прижимает» сверху время спуска последнего палеоозера. Эти памятники не могут быть моложе среднего вюрма, и, следовательно, в более позднее время палеоозеро в Чуйской котловине не существовало.

Таким образом, можно сделать ряд выводов. Во-первых, вдоль Чуйского тракта по долинам рек Чуя и Катунь имеется ряд археологических памятников с элементами технологии леваллуа, что не позволяет присоединиться к выводу о том, что последние катастрофические паводки на данной территории имели место в позднем вюрме (МИС-2), которые уничтожили палеолитические стоянки с возрастом древнее позднего вюрма. Во-вторых, аллювий и субаэральные комплексы, покрывающие площадки террас, перспективны для поисков артефактов каменного века: площадки высоких террас от казанцевского возраста (МИС-5) и моложе; площадки средних террас от каргинского возраста (МИС-3) и моложе. В третьих, сальджарская и чуйская толща включают в себя делювиальные покровы, а следовательно в уступах высоких и средних террас могут инситу залегать артефакты тазовского возраста (МИС-6) и холодных фаз казанцево (МИС-5), а также ермаковского возраста (МИС-4) соответственно.

Имеющиеся данные по археологии и геологии долин рек Чуи и Катунь позволяют считать территорию вдоль Чуйского тракта перспективной на поиск стоянок не только позднего, но среднего, а возможно и раннего палеолита.

Примечания

Барышников Г.Я., Малолетко А.М. Археологические памятники Алтая глазами геологов. Барнаул. Изд-во Алт. ун-та. 1998 Ч.2.- 297 с.

Бутвиловский В.В. Палеогеография последнего оледенения и голоцена Алтая: событийно-катастрофическая модель. - Томск: Изд-во ТГУ, 1993.- 252 с.

Васильев С.А. Некоторые итоги изучения палеолита Алтая и их значение для археологии древнекаменного века // Археология, этнография и антропология Евразии. 2001 №2 (6) с. 66-77

Деревянко А.П. Переход от среднего к позднему палеолиту на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. 2001 №3 (7) с. 70-103.

Деревянко А.П., Маркин С.В. Палеолит Чуйской котловины. - Новосибирск: Наука, 1987. - 113 с.

Ефимцев Н.А. О строении и происхождении антропогенных отложений долин рек Чуи и Катунь в Горном Алтае // Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода. 1964, № 29.- С. 115-131.

Зольников И.Д., Мистрюков А.А., Середнёв М.А., Лабкина И.А. Строение и генезис средних террас Яломанско-Катунской зоны (Горный Алтай) // Геоморфология, 2004. С.75-84.

Лапшин Б.И. Разведки в долинах рек Катунь и Бии // Археологические открытия 1976 года. – Москва: Наука, 1977. – С. 215.

Парначёв С.В. Геология высоких алтайских террас (Яломанско-Катунская зона). Томск: Изд-во ИПФ ТПУ, 1999.- 137 с.

Рудой А.Н. Гигантская рябь течения (история исследований, диагностика, палеогеографическое значение). Томск: Изд-во Томского государственного педагогического университета, 2005. 224 с.

ЗУБ ЧЕЛОВЕКА ИЗ ПЕЩЕРЫ ЛОГОВО ГИЕНЫ (ЗАПАДНЫЙ АЛТАЙ)*

Пещера Логово Гиены была открыта и раскопана в 1969 г. Н.Д. Оводовым [Галкина, Оводов, 1975]. По обилию и сохранности палеотериологического материала это местонахождение до настоящего времени не имеет себе равных среди пещер Горного Алтая. Глубина пещеры (или грота) - около 20 м, за освещённой центральной камерой она переходит в круто поднимающуюся короткую галерею, тёмную и сырую. В пределах центральной камеры выделено 4 слоя, общей мощностью до 1,5 м [Галкина, Оводов, 1975; Васильев и др., 2006].

Раскопки 2006 г. затронули небольшие по площади участки основного костеносного слоя 2, сохранившегося *in situ* в 5 пунктах в пределах центральной камеры [Васильев и др., 2006]. В пункте 3, расположенном в центральной части грота, под массивной плитой известняка, сохранился небольшой участок (около 0,5 м²), не затронутый раскопками 1969 г. Здесь был выбран насыщенный фаунистическими остатками костеносный слой, мощностью до 15-20 см. Именно отсюда происходит зуб палеолитического человека, найденный позднее, уже при переборке промытого грунта.

Из слоя 2 в 2006 г. было извлечено 2890 определимых костных остатков, принадлежащих: *Homo sapiens*, *Lepus tanaiticus*, *Lepus tolai*, *Marmota baibacina*, *Castor fiber*, *Canis lupus*, *V. vulpes*, *Vulpes corsak*, *Cuon alpinus*, *Ursus arctos*, *Martes zibellina*, *G. gulo*, *Mustela erminea*, *Mustela nivalis*, *Mustela altaica*, *Mustela eversmanni*, *Crocota spelaea*, *Panthera spelaea*, *Mammuthus primigenius*, *Equus ferus*, *Equus ex.gr. hydruntinus*, *Coelodonta antiquitatis*, *Cervus elaphus*, *Megaloceros giganteus*, *Bos* (*Poëphagus*) *baicalensis*, *Bison priscus*, *Capra sibirica*, *Ovis ammon*, *Ovis-Capra*. Среди более чем 8 тыс. остатков мелких млекопитающих отмечены: *Chiroptera gen indet*, *Asioscalops altaica*, *Sorex sp.*, *S. minutissimus*, *S. minutus*, *Crocidura sp.*, *Sciurus vulgaris*, *Eutamias sibiricus*, *Pteromys volans*, *Spermophilus sp.*, *Apodemus sp.*, *Cricetus cricetus*, *Citellus sp.*, *Cricetulus barabensis*, *Allocricetulus eversmanni*, *Ellobius sp.*, *Clethrionomys sp.*, *C. rufocanus*, *C. rutilus*, *C. glareolus*, *Alticola sp.*, *A. strelzowi*, *A. macrotis*, *Lagurus sp.*, *L. lagurus*, *Eolagurus sp.*, *Stenocranium gregalis*, *Microtus sp.*, *M. oeconomus*, *M. hyperboreus*, *M. arvalis*, *M. agrestis*,

*Работа выполнена при поддержке грантов РФФИ №06-06-80108, 06-04-49232 и НШ-6568.2006.6.

M. middendirfii, *Arvicola terrestris*, *M. myospalax*, *Allactaga* sp., *Ochotona alpina*-hyperborean, *Ochotona* sp. [Васильев и др., 2006, 2007].

Обилие в слое 2 практически целых крупных фрагментов костей, указывает на чрезвычайно быстрое накопление основной части костеносного горизонта, что подтверждается и данными радиоуглеродного анализа. К полученной ранее дате (32700 ± 2800 лет) в 2006 г. добавилось 9 новых ^{14}C датировок, образцы для которых были отобраны из разных пунктов и слоёв пещерных отложений. Образец, найденный в слое 3 (100 см от поверхности грунта) оказался древнее 40000 лет, а 2 образца, отобранные выше основного костеносного слоя, из заполнения горизонтальной трещины в стене пещеры (глубина 20-30 см) показали возраст около 24-24,5 тыс. лет. Костные остатки из основной части костеносного слоя (глубина около 40-80 см), датируются приблизительно 33-34,5 тыс. лет (табл. 1). Таким образом, имеющиеся датировки указывают, что основная часть костеносного слоя 2 отлагалась в завершающую треть каргинского времени.

Накопление палеофаунистических остатков в пещере Логово Гиены происходило без участия человека, в результате жизнедеятельности хищных зверей и птиц. Пещерные гиены собирали в своё логово останки павших или добытых ими животных со всех ближайших окрестностей пещеры. Среди представителей мегафауны в тафоценозе 2 слоя преобладают остатки лошадей (36,1%), из которых около 1/3 относится к очень крупной кабаллоидной *Equus ferus*, а 2/3 – к плейстоценовому ослу *Equus ex. gr. hydruntinus*. Бизону принадлежит 23.3% костей, 5% - архару и горному козлу. Среди хищных доминируют остатки гиены – 8,6%, что позволяет рассматривать пещеру Логово Гиены как сезонное убежище кланов пещерных гиен, использовавшиеся для выведения потомства [Барышников, 2005]: зубы *Crocota spelaea* молочной генерации составляют здесь 37%.

Преобладание костей плейстоценового осла, бизона, присутствие остатков корсака, степного хоря, зайца-толая, гигантского оленя, байкальского яка, свидетельствует о развитии степных ландшафтов. Присутствие остатков чисто лесных видов весьма незначительно.

В природе гиены выполняют роль санитаров, поедая трупы павших животных. Их мощные челюсти с крупными коническими зубами способны дробить, а желудок, содержащий необычайно агрессивные кислоты – переваривать и усваивать практически любые костные остатки. В то же время современная пятнистая и, по всей видимости, пещерная гиены – это весьма активные коллективные охотники. В плейстоцене в высоких широтах Евразии существование пещерных гиен на диете, состоящей исключительно из падали, без высококалорийной свежей добычи, было, очевидно, невозможно, в силу чего *Crocota spelaea* являлись ещё более активными охотниками, чем современные африканские пятнистые гиены [Барышников, Верещагин, 1997]. Материалы из Логова Гиены показывают, что пещерные гиены затаскивали в пещеру прежде всего дистальные отделы конечностей и головы жертв, т.е. то, что обычно остаётся после поедания

**Таблица 1. Пещера Логово Гиены. Радиоуглеродные значения
возраста костных остатков**

Проба	Материал для датирования	Возраст, лет
СОАН-110	1969 г., центральная камера, глубина 40-60 см. Бизон, трубчатая кость	32700 ± 2800
СОАН-6484	Пункт №3. Бизон, диафиз плечевой кости.	34100 ± 550
СОАН-6485	Пункт №3. Бизон, диафиз плечевой кости.	34450 ± 370
СОАН-6486	Пункт №3. Бизон, диафиз плечевой кости.	33900 ± 530
СОАН-6487	Пункт №4. Бизон, 1-й шейный позвонок.	23970 ± 190
СОАН-6488	Пункт №4. Бизон, обломки трубчатых костей.	24460 ± 240
СОАН-6489	Пункт №1. Крупные копытные, обломки трубчатых костей.	33945 ± 525
СОАН-6490	Пункт №1. Крупные копытные, обломки трубчатых костей.	34245 ± 295
СОАН-6491	Пункт №1, глубина 100 см. Бизон, плечевая кость.	> 40000
СОАН-6492	Галерея, глубина 0-15 см. Крупные копытные, обломки трубчатых костей.	32800 ± 500

добычи четвероногими и пернатыми хищниками и падальщиками. Сокрушительное воздействие зубов гиен выдерживали лишь наиболее прочные элементы посткраниального скелета: астрагалы, метаподии, особо прочные дистальные отделы плечевых костей бизона. Мелкие кости запястья и заплюсны, фаланги, также разгрызались, либо заглатывались целиком. Находки сотен изолированных зубов лошадей, бизонов, шерстистых носорогов и оленей, зубов и молочных бивней мамонтов, свидетельствуют, что пещерные гиены затаскивали в пещеру и полностью утилизировали головы крупных травоядных. Аналогичным же образом объясняется и присутствие единичных зубов пещерного льва и бурого медведя, которые, скорее всего, не являлись (в отличие от гиен и волков) постоянными обитателями пещеры. Остатки самой *Crocota spelaea* на 86,2% представлены изолированными зубами и их осколками. Не является исключением из правила, надо полагать, и единственный зуб *Homo sapiens* – всё, что осталось от трупа палеолитического человека, вероятно подобранного гиенами где-то в ближайших окрестностях, и затащенного под своды пещеры, около 34-34,5 тыс. лет назад (табл. 1).

Среди материалов промывки обнаружен второй правый верхний премоляр постоянной смены (P²) человека. Учитывая редкость плейстоценовых палеоантропологических находок, мы считаем, что описание любого объекта такой древности может представлять самостоятельный интерес.

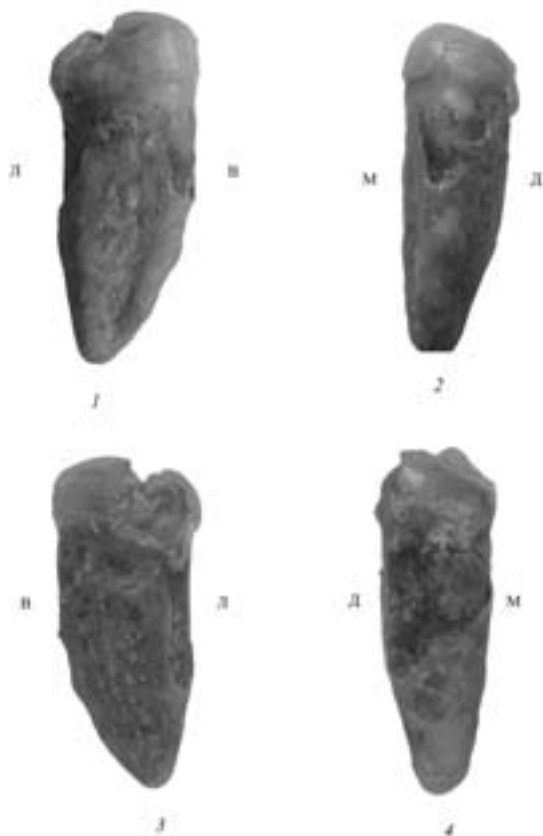

*Рис. 1. Зуб человека из пещеры Логово Гиены.
1 – мезиальная проекция; 2 – вестибулярная проекция; 3 – дистальная проекция; 4 – лингвальная проекция.*

Состояние зуба. Эмаль коронки хрупкая, частично отслоилась, её крупный фрагмент с дисто-лингвального угла зуба был зафиксирован клеем Cemedin C.

Критерии, по которым была определена позиция найденного зуба на челюсти.

Вторые верхние премоляры представляют собой зубы с небольшой двубугорковой коронкой, имеющей эллиптическую форму, с одним округлым в сечении корнем. На корне может быть выражена бороздка, показывающая место разделения корня. Бугорки либо равны по размерам, либо вестибулярный несколько превосходит лингвальный. Межбугорковая борозда большей частью прямая и непрерывная. Вершина лингвального бугорка сдвинута в мезиальном направлении.

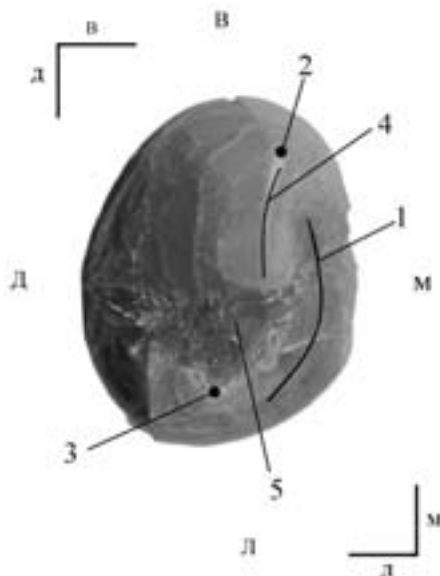

Рис. 2. Оклюзиальная проекция зуба.

1 – стёртость окклюзиальной поверхности; 2 – вестибулярный бугорок;
3 – лингвальный бугорок; 4 – основной гребень вестибулярного бугорка;
5 – межбугорковая борозда.

Рассматриваемый нами зуб имеет один корень (рис. 1, 2,3,4). Коронка зуба вытянута в вестибуло-лингвальном направлении. Вестибулярный бугорок превосходит по размерам лингвальный (рис.5. 2, 5.3). Небольшая стёртость наблюдается с мезио-лингвальной стороны коронки (рис.5.1). Межбугорковая борозда глубокая и непрерывная (рис. 5.5).

Диагностические признаки зуба. Верхние премоляры *Homo sapiens* не обнаруживают сколько-нибудь значительной вариабельности в отношении формы коронки, которая могла бы иметь важное групподифференцирующее значение или имела более-менее определённый географический вектор. Выделяются некоторые популяции, характеризующиеся небольшими частотами одонтом (дополнительных бугорков на окклюзиальной поверхности), дополнительных бугорков на мезиальном и дистальном краевых гребнях [Scott, Turner, 1997]. Существует также система, разделяющая верхние премоляры на три типа по визуальной оценке соотношений размеров вестибулярного и лингвального бугорков. Но три типа, выделяемые по этой оценке, не имеют чётких границ и допускают значительный субъективизм в их определении [Зубов, 1973]. По данным А.А.Зубова, тип 1 (при котором вестибулярный бугорок в сильной степени превосходит лингвальный), часто встречается в арктических группах [там же, с. 109].

В одонтологических сериях разных историко-культурных периодов Южной и Западной Сибири универсальным для обоих верхних премоляров является тип 2 (при котором вестибулярный бугорок несколько больше лингвального) (неопубликованные данные Т.А.Чикишевой). На анализируемом нами зубе, эмаль которого разрушена на дистальной половине коронки, трудно уверенно провести диагностику соотношения его бугорков. Видимо, форма зуба ближе к типу 1.

Пол субъекта, к которому относился обнаруженный зуб определить пол морфологическим критериям невозможно. Такую диагностику в настоящее время могут провести молекулярные генетики.

Возраст субъекта с определённой долей условности может быть определён по интенсивности стёртости окклюзионной поверхности зуба. Поскольку на стёртом участке не обнажён дентин, можно предположить молодой возраст индивида (в пределах конца второго – начала третьего десятка).

Патологические особенности. Корень зуба являет собой ярчайший пример *гиперцементоза* или *оссифицирующего периодонтита*. При этой патологии происходит избыточное формирование цемента зуба (грубоволокнистой костной ткани, окружающей поверхность корня). Гиперцементоз возникает при хроническом периодонтите, пародонтите, аномалии развития зуба. Функционально он укрепляет зуб в альвеоле. Множественный гиперцементоз может наблюдаться при гиповитаминозе А или гипervитаминозе D.

Примечания

Барышников Г.Ф. Пещерная гиена (*Crocota spelaea*): тафономия и адаптация. // Актуальные вопросы Евразийского палеолитоведения. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. С. 15-16.

Барышников Г.Ф., Верещагин Н.К. Краткий обзор четвертичных гиен (семейство *hyaenidae*) России и сопредельных территорий. // Труды Зоол. ин-та РАН, т. 270, СПб, 1997. С. 7 – 65.

Васильев С.К., Оводов Н.Д., Мартынович Н.В. Новые палеотериологические исследования пещеры Логово Гиены (Северо-Западный Алтай). // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006, т. XII, ч. I. С. 43-49.

Васильев С.К., Сердюк Н.В., Орлова Л.А. Позднеплейстоценовая териофауна пещеры Логово Гиены (Западный Алтай). // Тезисы докладов IV международной мамонтовой конференции. Якутск, 2007. С. 38-39.

Галкина Л.И., Оводов Н.Д. Антропогенная териофауна пещер Западного Алтая. // Систематика, фауна, зоогеография млекопитающих и их паразитов. Новосибирск: Наука, 1975. С. 165-180.

Зубов А.А. Этническая одонтология. – М.: Наука, 1973. – 204 с.

Scott G.R., Turner G.C. The anthropology of modern human teeth. Dental morphology and its variation in recent human populations. – Cambridge University Press, 1997. – 382 p.

К ОЦЕНКЕ МИКРОКЛИМАТА ДЕНИСОВОЙ ПЕЩЕРЫ*

Среди задач современного палеолитоведения одной из наиболее важных является реконструкция условий обитания первобытного человека. Для ее решения привлекаются в первую очередь разные методы палеогеографии, позволяющие реконструировать климатическую и природную ситуацию в древности. Основную палеогеографическую информацию содержат пыльца и споры растений, кости крупных и мелких млекопитающих и другие органические остатки, извлеченные из плейстоценовых отложений палеолитических стоянок. Однако в ходе геологической истории плейстоценовые осадки претерпели значительные постседиментационные преобразования, существенно изменились окружающие ландшафты и рельеф местности, направления ветров и склоновые процессы. Поэтому палеогеографические реконструкции представляют в основном общую усредненную картину природной обстановки, лишенную конкретных сведений о локальных условиях обитания первобытных сообществ.

Перечисленные факторы в большей степени характерны для тафономии палеолитических поселений, расположенных на террасовых уровнях речных долин и других формах рельефа, т.е. для стоянок т.н. открытого типа. В отличие от них на стоянках закрытого типа, расположенных внутри карстовых полостей, накопление осадка шло относительно медленно, а их сингенетические преобразования, как правило, менее динамичны. При этом с эпохи палеолита почти не изменились конфигурация и объем пещерной полости, в которой жил первобытный человек. Пещерные стоянки позволяют подойти к пониманию конкретных пространственных и температурных условий обитания палеолитического человека.

Анализ температурного режима в Денисовой пещере, расположенной в северо-западной части Алтайских гор, позволил получить новые важные сведения для реконструкции условий обитания в ней первобытного человека [Природная среда..., 2003]. Пещера находится на правом берегу долины р. Ануй, в уступе отвесной стены юго-западной экспозиции на относительной высоте около 30 м. Она состоит из системы коротких субго-

*Исследование выполнено в рамках проектов РГНФ № 07-01-00441, РФФИ № 05-04-4849.

ризонтальных и пологонаклонных галерей различных размеров, сообщающихся через центральный зал. Общая площадь пещеры составляет 270 м², объем – 330 м³.

Для оценки климатического режима пещеры на протяжении 2002 – 2004 гг. проводились замеры температуры воздуха в четырех точках внутри полости и в четырех точках в ее окрестностях. Точки 1 и 2 расположены в глубине пещеры, в пределах южной галереи, соответственно в 10 и 5 м от ее устья. Точка 3 находится в центральном зале пещеры в 15 м от входа, точка 4 – у ее капельной линии, а точка 5 – на предвходовой площадке. Точка 6 расположена в 500 м от пещеры на первой террасе левого берега Ануя на отметке 4,5 м над урезом реки, точка 7 – в 400 м от пещеры на правобережном конусе выноса на высоте 30 м над рекой, т.е. на уровне самой полости и точка 8 – в 300 м от пещеры на первой правобережной террасе на относительной отметке 5 м. Измерения проводились четыре раза в день – в 9, 12, 15 и 18 часов.

Результаты замеров сведены в отдельные графики средних, минимальных и максимальных температур по месяцам, точкам измерений и времени наблюдений. Также построены сводные графики динамики средней дневной температуры в точках измерений для каждого месяца и года.

Как показали измерения, температура воздуха внутри пещерной полости гораздо стабильнее, чем за ее пределами (рис. 1). Градиент дневных колебаний минимален в глубине пещеры, несколько повышается в центральном зале, заметно возрастает у капельной линии и достигает максимума на предвходовой площадке.

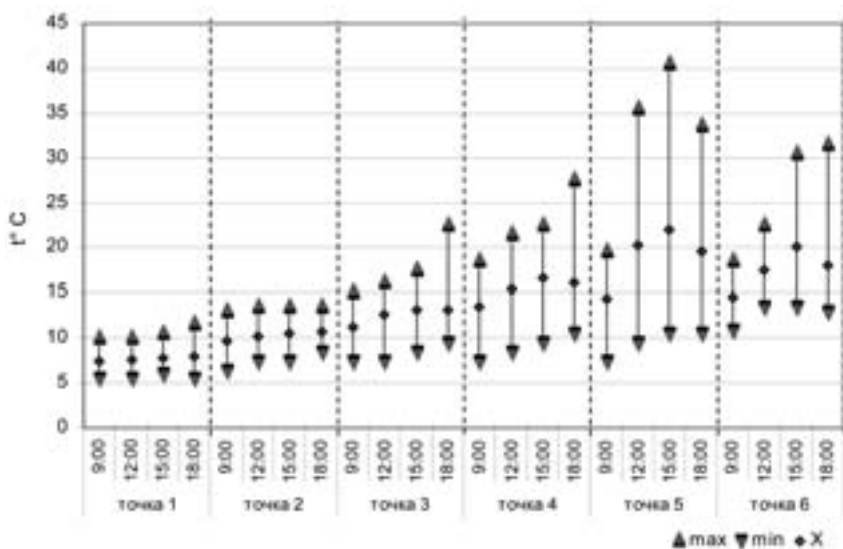

Рис. 1. Колебания средней дневной температуры в точках измерений в июле.

Сравнительный анализ колебаний средней дневной температуры в пещере и ее окрестностях в октябре, декабре, апреле и июле показал, что осенью температура воздуха в глубине пещеры изменяется от -3 до 5°C , в центральном зале – от -4 до 10°C , у капельной линии – от -8 до 13°C . В это же время колебания температуры на предвходовой площадке составляют от -10 до 25°C . На первой террасе долины Ануя минимальная температура составляет -12°C , а максимальная достигает 18°C . Зимой температура колеблется в южной галерее пещеры от -13 до 1°C , в центральном зале – от -18 до 0°C , у капельной линии – от -23 до 1°C . Изменения температуры на предвходовой площадке находятся в пределах от -25 до 5°C . На уровне первой террасы температура опускается до -27°C , а ее максимальный показатель составляет 4°C . Весной диапазон изменений температуры составляет в глубине пещеры от -4 до 3°C , в центральном зале – от -5 до 4°C , у капельной линии – от -7 до 12°C . На предвходовой площадке температура колеблется от -7 до 22°C . На первой речной террасе минимальная температура составляет -9°C , а максимальная достигает 8°C . Летом температура колеблется в южной галерее от 6 до 13°C , в центральном зале – от 8 до 22°C , на предвходовой площадке – от 8 до 40°C . В нижнем ярусе долины минимальная температура составляет 11°C , а ее максимальный показатель поднимается до 31°C .

Размах колебаний летних дневных температур, выраженный величиной стандартного отклонения (рис. 2), имеет минимальное значение в глубине пещеры и несколько возрастает в центральном зале и у капельной линии.

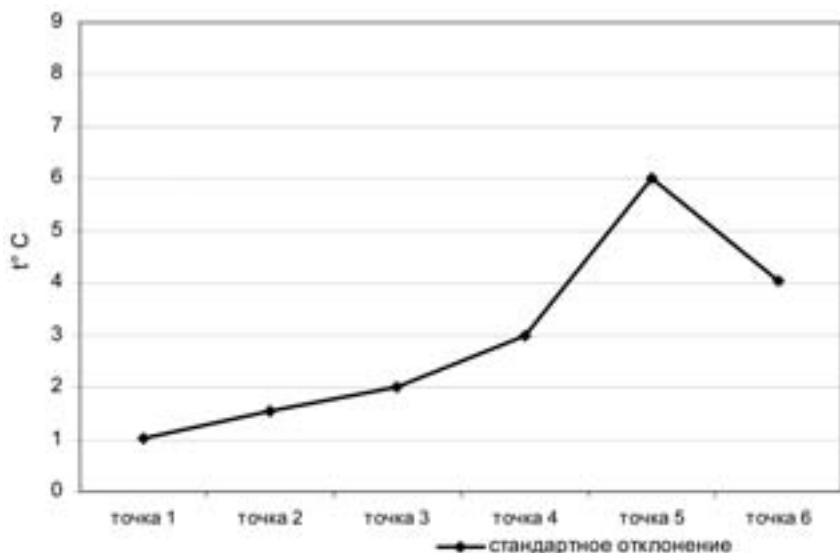

Рис. 2. Размах колебаний средней дневной температуры в точках измерений в июле.

При этом в центральном зале он в два-три раза меньше, чем на открытом воздухе. Сходные показатели для остальных месяцев года свидетельствуют, что стены пещеры и воздушная масса внутри нее обладают высокой инерционностью, обеспечивая стабильность температуры в течение дня.

Анализ динамики среднемесячных дневных температур показал, что в ноябре в долине Ануя происходит резкое снижение температуры воздуха и до февраля ее значения остаются ниже, чем в пещерной полости. Температурный режим ноября колеблется в южной галерее от -8 до 3°C , в центральном зале – от -13 до 1°C . В то же время в долине Ануя его диапазон составляет от -23 до 7°C . В декабре это соотношение практически не меняется, при снижении всех показателей на $3 - 4^{\circ}\text{C}$. В январе средняя температура в долине Ануя находится в пределах от -18 до -22°C , в центральном зале пещеры она держится на уровне -16°C , в южной галерее -12°C . В феврале температура воздуха в долине колеблется от -5 до -10°C , а в пещере поднимается до $-2 \dots -7^{\circ}\text{C}$. В марте дневные температуры в пещере и за ее пределами почти выравниваются, при этом размах температурных колебаний в пещере в три раза меньше, чем в долине. В апреле воздух в центральном зале прогревается быстрее, чем в глубине полости и температура на этих участках пещеры выравнивается, поднимаясь соответственно до 0 и -1°C . Показатели наружного воздуха в это время составляют $5 - 8^{\circ}\text{C}$. В мае температурный режим в долине становится более благоприятным, чем внутри пещеры. В это время температура в южной галерее поднимается до 3°C , в центральном зале – до 5°C , а в долине достигает 23°C . С июня разница температурных условий в пещере и на открытом воздухе выражена достаточно отчетливо – температура в глубине пещеры держится в интервале $5 - 9^{\circ}\text{C}$, в центральном зале – от 10 до 12°C , а на открытом воздухе – от 13 до 24°C . В июле средняя температура составляет в южной галерее 7°C , в центральном зале 13°C , за пределами пещеры 20°C . В августе происходит дальнейшей прогрев скального массива и относительное выравнивание температуры внутри пещеры – в южной галерее она поднимается до 10°C , а в центральном зале составляет 13°C . Заметные изменения температурного режима происходят в сентябре. Средние дневные показатели опускаются на предвходовой площадке пещеры до 4°C , а на уровне первой террасы Ануя – до 2°C . Температура в глубине пещеры становится выше, чем в центральном зале и за ее пределами – в южной галерее она составляет 5°C , в центральном зале 3°C . В октябре существенных изменений в долине не происходит – днем температура на уровне первой террасы составляет 3°C , на предвходовой площадке пещеры 6°C . В то же время средняя температура в пещере неуклонно снижается, составляя в южной галерее и в центральном зале 2°C . В ноябре наступает следующий температурный цикл, когда средняя и минимальная температуры на открытом воздухе становятся ниже, чем в пещере.

Согласно аналитическим данным, для годичной динамики температур характерны те же тенденции, что и для средних месячных и дневных показа-

телей. Температура воздуха в течение года в пещере более стабильна, чем за ее пределами. Летом она ниже, чем на открытом воздухе, а зимой выше.

С эпохи плейстоцена до настоящего времени объем пещерной полости, ее конфигурация, состав скальных пород, обеспечивающий их теплопроводность, практически не изменились. Поэтому, можно предположить, что установленные общие закономерности динамики температурного режима в пещере были характерны для нее и в плейстоцене, во время обитания там палеолитического человека. Связь и зависимость микроклимата пещеры и внешних условий оставались постоянными, менялась только амплитуда температурных различий в пещере и за ее пределами.

Таким образом, наиболее благоприятный естественный температурный режим в пещере по сравнению с внешними условиями существовал с ноября по февраль. Неоднократные похолодания климата в плейстоцене могли приводить к увеличению этого периода с октября по март или апрель. В любом случае с мая по сентябрь реальные температурные параметры были более благоприятными за пределами пещерной полости.

В предлагаемой реконструкции рассматриваются только естественные процессы теплообмена между воздушными массами в долине Ануя и внутри пещеры, а также скальными породами, слагающими стены полости. В ней не учитываются многие другие существенные факторы, в том числе активная жизнедеятельность первобытного человека в пещере и ее окрестностях. Например, если в относительно небольшом по площади центральном зале и в узких галереях пещеры развести костер, то произойдет резкое локальное повышение температуры. Изогнутые аркообразные стены и свод пещеры концентрируют тепло в центральной части карстовой полости, а сквозное отверстие в верхней части свода служит естественным дымоходом, обеспечивающим хорошую тягу. Такая конфигурация пещерной полости делает ее исключительно удобной для обитания человека в зимнее время. Летом ситуация, видимо, менялась. Температурный режим в долине становился более благоприятным, чем внутри пещеры. Поэтому с наступлением теплого периода жизненная активность палеолитического человека перемещалась, скорее всего, на сезонные охотничьи стоянки, игравшие важную роль в годовом хозяйственном цикле первобытных коллективов.

Примечания

Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая / А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, Е.М. Малаева, В.А. Ульянов, Н.А. Кулик, А.В. Постнов, А.А. Аноikin. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 448 с.

**АРХЕОЛОГИЯ ЭПОХИ ПАЛЕОМЕТАЛЛА
И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ**

ИССЛЕДОВАНИЯ НА ГОРОДИЩЕ УСТЬ-ЧЁРНАЯ В СРЕТЕНСКОМ РАЙОНЕ ЧИТИНСКОЙ ОБЛАСТИ*

Благовещенский археологический отряд в полевой сезон 2007 г. проводил исследования в двух сопредельных регионах Приамурья: на р. Белая в Ивановском районе Амурской области и на р. Чёрная в Сретенском районе Читинской области. Целью исследований в обоих случаях являлось продолжение изучения приамурских культур эпохи раннего средневековья, представленных в частности троичкой группой памятников мохэской археологической культуры (VII-XII вв.). В Восточном Забайкалье эта работа с 2005 г. проводится в рамках долгосрочного договора о научном сотрудничестве ИАЭТ СО РАН и Читинского областного краеведческого музея им. А.К. Кузнецова.

Результаты рекогносцировки известных по исследованиям начала – середины XX в. и предварительно соотнесенных с мохэской культурой городищ, факт обнаружения керамики троичского типа на Чудейском городище, а также данные по миграционной активности мохэского населения Приамурья и Маньчжурии – всё это свидетельствует о продвижении мохэских групп из ареала первоначального пребывания в западном направлении. В районах верхнего течения Амура – на Шилке и её притоках, ранние тунгусо-маньчжуры, также как и на территории Зейско-Бурейского района, должны были вступить в контакт с аборигенным монголоязычным населением [Дервянко Е.И., 1972; Окладников, Ларичев, 1999; Алкин, Васильев и др., 2006].

Содержанием полевых работ 2007 г. на р. Шилка было начало стационарных исследований на обследованном в предшествующий полевой сезон раннесредневековом городище у с. Усть-Чёрная с целью подтверждения его предварительной атрибуции как мохэского укрепленного поселения.

Городище у с. Усть-Чёрная входит в так называемую Шилкинскую систему городищ, которые могут быть датированы концом I – началом II тыс. н.э. Его дислокация на высоком утёсе, фортификация и организация жилого пространства в общих чертах аналогичны городищу на Чудейском утёсе, хотя последнее более чем в два раза уступает по размерам [Алкин, Васильев, 2006, с.252-253].

*Исследование проводилось при поддержке: РФФИ (№№ 07-06-10019 и 06-06-80468) и программы РНП 2.2.1.1.2183.

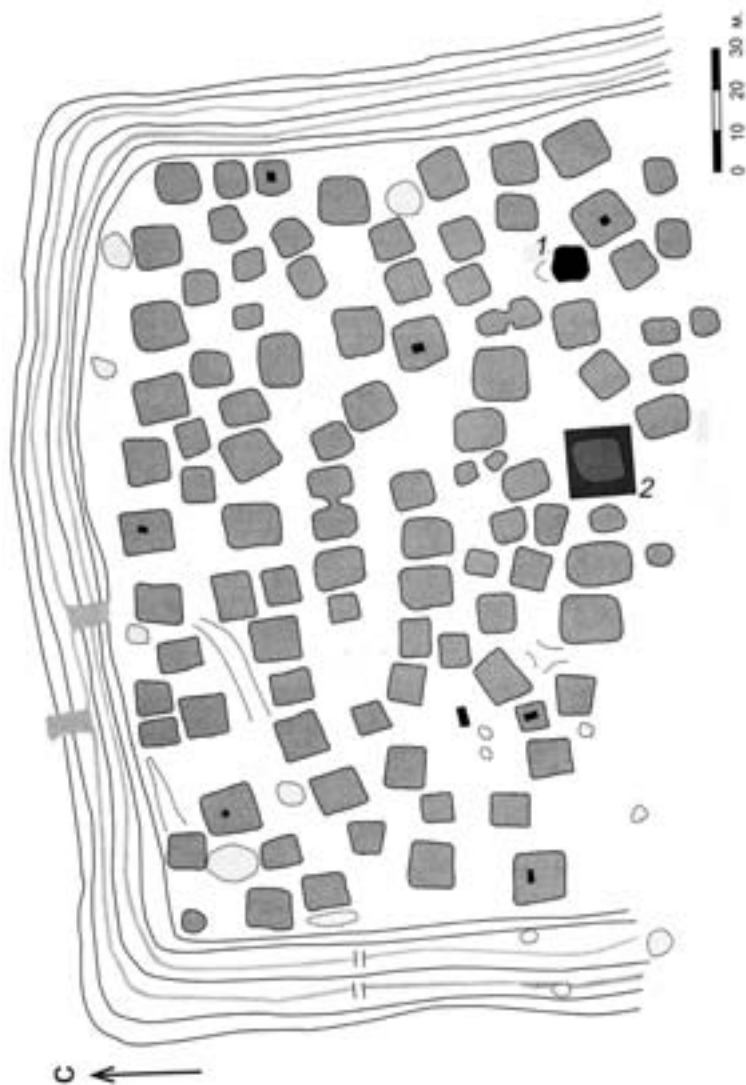

Рис. 1. План городища у с. Усть-Чёрная: 1 – раскоп 1954 г., 2 – раскоп 2007 г.

В ходе исследований был составлен детальный план городища (рис. 1) и прилегающей территории (работы проводились с использованием тахеометра Topcon GTS-239N). Зафиксированы 99 западин от котлованов жилищ-полуземлянок и построек, вероятно, хозяйственного назначения. Все западины находятся внутри пространства, ограниченного линией фортификационных сооружений. Система фортификации представляет собой

двойной ров с тремя валами и защищает поселение с западной, северной и восточной стороны. С южной стороны городище защищено крутым склоном. Сочленение сторон в виде прямых углов. Вход располагался в средней части западного участка системы, сейчас выглядит как перемычки во рвах на уровне вала. В северо-западной части поселения и в средней части северного участка фортификации сохранились следы дренажной системы для отвода излишков воды с территории городища и из рвов. Сохранность памятника хорошая. Несколько западин имеют следы шурфовки, а на месте одной из них сохранился раскоп 1954 г.

Над одной из крупных жилищных западин был заложен раскоп площадью 64 м². Зафиксирована сложная конструкция полуземлянки размерами 4 х 4,40 м, глубина котлована 0,50-0,60 м. Сгоревшая деревянная конструкция жилища сохранилась достаточно хорошо. Остатки рухнувшей кровли и несущих конструкций позволяют реконструировать вертикально стоявшие в углах котлована опорные столбы и диагонально расположенные слуги перекрытия. Стенки котлована имели обвязку из горизонтально расположенных балок (жердей) в несколько уровней. Для гидроизоляции углов котлована и предохранения от гниения концов балок перекрытия использовались берестяные полотнища и ленты. По стенкам котлована сохранились остатки полок и нар. Восточная (скорее всего, спальная) половина жилого пространства облицована жердями и досками. Очаг находился в центре (рис. 2). Зафиксировать вход не удалось, но по некоторым признакам можно предположить, что он был расположен в юго-западном секторе жилища.

Находки внутри жилища сконцентрированы в основном у стенок и под нарами. Среди них фрагменты неорнаментированной керамики, керамическая льячка, каменные плитки со следами утилизации, фрагменты пластинчатых железных изделий. Обращает на себя внимание большое число изделий из кости и рога: кроме фрагментов неопределимых изделий имеется целый набор игральные альчиков (в т.ч. с насечками и орнаментом), берцовая кость небольшого животного с нарезками, кочедык из рога, костяная пряжка. Также найдена одна неорнаментированная лошадиная бабка.

Культуроопределяющими являются находки венчиков и фрагментов тулова сосудов троцкого типа мохэской культуры и половина керамического горшка с двумя параллельными линиями налепного валика на горловине. Эти находки подтвердили появление в конце I – начале II тыс. н.э. на р. Шилке групп троцких мохэ, а также начало процессов культурного обмена с аборигенным населением, предположительно бурхотуйской культуры.

Кроме работ на городище у с. Усть-Чёрная был проведён мониторинг известных археологических объектов, в т.ч. осмотрены остатки раннесредневекового городища на горе Витчиха (напротив с. Верхние Куларки вверх по течению Шилки от устья р. Чёрная) и двух городищ в районе пади Прозжая (вниз по течению от с. Усть-Чёрная) – пойменное по левому борту

Рис. 2. Городище у с. Усть-Чёрная, план жилища №61 на уровне пола.

пади на узкой рёлке между руслом реки и старичным озером и горное на высоте около 100 м над урезом воды по правой стороне пади.

Таким образом, результатом совместных работ новосибирских и читинских археологов в Сретенском районе Читинской области стало расширение источниковой базы для изучения раннего этапа истории тунгусо-маньчжур в регионе Среднего и Верхнего Амура. Подтверждено, что на определенном этапе развития культуры троцкого типа мохэ началось продвижение тунгусоязычного населения в западном направлении от основного ареала их расселения вверх по течению Амура. Укрепленные поселения на Шилке

и Чёрной являются убедительным свидетельством того, что местное бурхотуйское население (монголоязычные *шивэйцзы* китайских исторических хроник) сопротивлялось экспансии. Это потребовало от мигрантов-мохэсцев строительства укреплённых поселений на труднодоступных утесах. С другой стороны, археологические материалы указывают на процесс культурной и хозяйственной адаптации троицких мохэ в новом для них окружении, на взаимные контакты с местным населением, конечный результат которых предстоит выяснить в ходе дальнейших исследований.

Примечания

Алкин С.В., Васильев С.Г., Колосов В.К., Нестеренко В.В. Результаты полевых исследований на левобережье реки Шилки // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Том XII, часть I. – С. 249-254.

Деревянко Е.И. Племена Приамурья и Забайкалья // 50 лет освобождения Забайкалья от белогвардейцев и иностранных интервентов. – Чита: Читинск педагогический институт, 1972. – С. 81-89.

Окладников А.П., Ларичев В.Е. Археологические исследования в бассейне Амура в 1954 году // Традиционная культура востока Азии. – Благовещенск: Издательство АмГУ, 1999. – Вып. 2. – С. 4-29.

**НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ
КЕРАМИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ
КОНЦА I – НАЧАЛА II ТЫС. Н.Э. НА ВЕРХНЕЙ ОБИ**

Выявленный для юга Западной Сибири единый «керамический ареал» начала II тыс. н.э. уже получил значение научного факта. Видимые культурные несоответствия внутри этого ареала [Беликова, 1996; Плетнева, 1997; Адамов, 2000] пока еще не стали предметом специального обсуждения. Попытка объяснить выявленное сходство в керамических комплексах этого региона только сrostкинской подосновой не представляется нам убедительной и противоречит всей сумме имеющихся первичных данных и наблюдений.

Хронологический аспект. В сравнительном плане, на что уже обращалось внимание [Бобров, Васютин, Васютин, 2005; 2006], нельзя игнорировать период сосуществования поздних «верхнеобцев» (юрт-акбалыкский этап) со «сrostкинцами» в последние века I тыс. н.э., как и местную, верхнеобскую, основу формирования «сrostок». В дальнейшем этот процесс распространился на большую часть территории верхнеобской культуры и, как мы полагаем, не прекратился в начале II тыс. н.э.

В этой связи достаточно напомнить, что отмеченные хронологические изменения в орнаментации и оформлении венчиков сосудов проявились уже в керамике юрт-акбалыкского этапа верхнеобской культуры. Именно в конце I тыс. н.э. появляются круглодонные сосуды со слабо выраженной шейкой и срезанным венчиком, с бордюрами и воротничками по внешнему краю, с пониженным индексом орнаментированности [Троицкая, Новиков, 1998]. Для керамической посуды этого времени характерны отогнутые и срезанные наружу утолщенные венчики с карнизиками и налепами в виде бордюра и воротничков, с обедненным орнаментом, преимущественно по венчику и шейке, реже по плечикам, с мотивами из поясков, зигзагов и наборов из определенных элементов – ямочных и ногтевых вдавлений, оттисков гребенчатого штампа и палочки, прочерченных линий и точечных композиций. Хронологические изменения затронули весь керамический комплекс верхнеобской культуры, они и стали определяющими для «керамического ареала» [Васютин, 2003]. Становится вполне очевидным, что этот ареал генетически связан со всем предшествующим развитием керамического комплекса на юге Западной Сибири, т.е. прежде всего, с традициями керамического производства верхнеобской культуры.

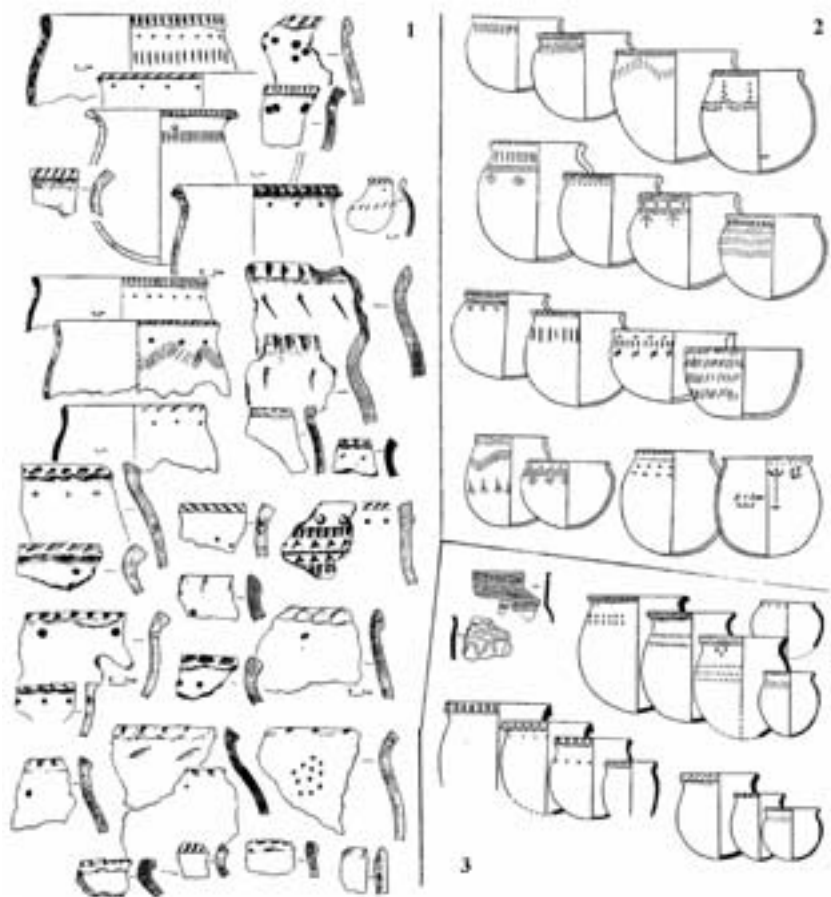

Рис. 1. «Керамический ареал» на юге Западной Сибири в начале II тысячелетия.

1 – городище Городок (по Ю.В. Ширину, 2002); 2 – Нижнее Притомье (по Л.М. Плетневой, 1997); 3 – Среднее Причулымье (по О.Б. Беликовой, 1996).

Этнокультурный аспект. Выделенный «керамический ареал» является тем исходным фактом культурогенеза, который пока трудно объяснить в рамках существующих этнокультурных схем. Возможным ответом на вопрос о том, что стоит за такой культурной группировкой, являются уже неоднократные попытки выделения нового культурного образования, пришедшего на смену «сросткам», какого-то третьего компонента, который ориентирован на басандайскую культуру Нижнего Притомья [Росляков, 2001].

Сторонники сплошной тюркизации Верхнеобья в начале II тыс. н.э. столкнулись с такой неоднородностью погребальных памятников, которую

невозможно объяснить только миграцией кочевников. Не случайно вопрос о развитии сrostкинской культуры и ее неоправданно длинной хронологии до сих пор остается дискуссионным [Савинов, 1994]. Безусловно, в такой ситуации культурнодиагностирующие признаки должны включать все разнообразие материала без какой-либо его подгонки под ту или иную этнокультурную концепцию.

В поисках истоков басандайской культуры Л.М. Плетнева обращается прежде всего к традициям керамического производства «верхнеобцев» Томского Приобья. Вывод однозначен, басандайская керамика иная [Плетнева, 1997], но сама попытка такого сравнения достаточно симптоматична. Постановка вопроса о смене культур в Нижнем Притомье начала II тыс. уже предполагает принципиальное отличие «сросток» от басандайской культуры, тем более это относится к керамическому комплексу, который является частью «керамического ареала» юга Западной Сибири. Причина такого культурного единства Л.М. Плетневой видится только во влиянии сrostкинской культуры, иные варианты вовсе не рассматриваются. Какого-либо полноценного сравнительного анализа с керамикой из верхнеобских памятников конца I тыс. не было проведено, хотя для Нарымского Приобья гребенчатые композиции на керамике начала II тыс. считаются продолжением традиций раннего средневековья [Плетнева, 1997]. В Томском Приобье ситуация аналогичная, гребенчатые композиции верхнеобской культуры (елочки, зигзаги, ромбы, косая и прямая гребенка), наряду с формами венчиков (срезанные наружу, с воротничками и бордюрами) получают широкое распространение в керамическом комплексе басандайской культуры [Плетнева, 1997].

Это, безусловно, указывает на истоки развития басандайских керамических комплексов на юге Западной Сибири [Васютин, 2003; Росляков, 2001]. Именно в этом типологическом соответствии керамических комплексов содержится ответ не только на вопрос о происхождении «басандайки», но и об иной концептуальной схеме этнокультурного развития притомского региона. Этот вопрос может быть поставлен и сформулирован следующим образом, развитие культурных образований на юге Западной Сибири не носило прямолинейно эволюционного характера, связанного с последовательной сменой культур и этносов. Все более накапливается свидетельств в пользу синхронного сосуществования средневековых культур тюркского и угро-самодийского происхождения с последующей трансформацией верхнеобской в басандайскую культуру, включающей и тюркский компонент, но с доминированием традиций угро-самодийских этнических групп. Этот факт является ключевым моментом, с нашей точки зрения, во всей этнокультурной истории Притомья, лесостепного и южно-таежного Приобья и только он может объяснить почти что феерический взлет и появление в столь объемном и развитом варианте новой басандайской культуры с нетюркскими доминирующими традициями в керамическом комплексе и погребальном обряде.

На конец I тыс. н.э. приходится максимальное сокращение ареала верхнеобской культуры. Эта тенденция хорошо наблюдалась еще в отношении юрт-акбалыкского этапа, когда происходит явная концентрация памятников с кустовой структурой размещения в северных, подтаежных районах верхнеобского ареала [Троицкая, Новиков, 1998]. Появление в этих районах памятников сrostкинской культуры документируется материалами закрытых погребальных комплексов не ранее середины X в. Эта ситуация наблюдается по всему верхнеобскому ареалу - в Новосибирском и Томском Приобье, в Кузнецкой котловине [Троицкая, 2002]. Начало II тыс. н.э. характеризуется также глобальной трансформацией этнокультурной ситуации, связанной с формированием на юге Западной Сибири новых культур или поздних этапов развития предшествующих культур (усть-ишимская, венгеровская и басандайская АК). Сrostкинская же культура утрачивает в указанных районах свое доминирующее значение в первой четверти XI в. [Бараба, 1988; Савинов, 1994].

Исходя из этого, важнейшими культурогенетическими составляющими «событиями» на Верхней Оби и прилегающих территориях были: на протяжении последней четверти I тыс. н. э. здесь развиваются и сосуществуют два культурных образования, верхнеобская и сrostкинская АК; смена культур на Верхней Оби не носила взрывного характера, этот процесс нельзя отождествлять с нашествием кочевников или их очередной «волной», которые могли бы привести к тотальному уничтожению субстратной культуры и полной ассимиляции местного населения; сосуществование двух культур сопровождалось своеобразным наложением двух родственных этнокультурных ареалов, что обусловило культурную дифференциацию на Верхней Оби в конце I тыс. н. э. и создало предпосылки для формирования новой, субстратной по преимуществу, басандайской культуры в Среднем и Нижнем Притомье (городище Городок, курганные могильники Порывайка, Зимник, Шумиха и Басандайский археологический микрорайон).

Примечания

Адамов А.А. Новосибирское Приобье в X-XIV вв. – Тобольск-Омск: Изд-во ОмГПУ, 2000. - 256 с.

Бараба в тюркское время. /В.И. Молодин, Д.Г. Савинов, В.С. Елагин, В.И. Соколов, Н.В. Полосьмак, Е.А. Сидоров, А.И. Соловьев, А.П. Бородавский, А.В. Новиков, А.Р. Ким, Т.А. Чикишева, П.И. Беланов - Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1988. – 176 с.

Беликова О.Б. Среднее Причулымье в X-XIII вв. - Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. – 272 с.

Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Охранные раскопки верхнеобского кургана № 8 на могильнике Озерки I в 2005 г. (Калтышинский археологический микрорайон). // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопред-

дельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. – Т. XI, часть I. – С. 212-218.

Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Проблемы культурной идентификации кремированных погребений конца I тыс. н.э. на Верхней Оби // Современные проблемы археологии России. - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Том II. - С. 114-117.

Васютин А.С. Культурно-хронологические особенности курганных могильников Среднего и Нижнего Приобья в связи с этнокультурной ситуацией на юге Западной Сибири начала II тыс. н.э. // Социально-демографические процессы на территории Западной Сибири (древность и средневековье). – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2003. – С. 181-187.

Плетнева Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н. э. (по археологическим источникам) – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997. - 350 с.

Росляков С.Г. Культурная характеристика погребальных памятников Новосибирского Приобья в начале II тыс. н. э. // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории: Материалы XII Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. - Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. - С. 186-188.

Савинов Д.Г. Государства и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего средневековья. - Кемерово: Изд-во КемГУ, 1994. – 215 с.

Савинов Д.Г. Могильник Калтышино I (новые материалы по археологии начала II тыс. н.э.) // Памятники раннего средневековья Кузнецкой котловины. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. – С. 77-99.

Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 149 с.

Троицкая Т.Н. К вопросу о сростчинской культуре // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 2002, № 9. – С. 103-107.

ПОГРЕБЕНИЕ СЕЙМИНСКО-ТУРБИНСКОГО ВРЕМЕНИ В АЧИНСКО-МАРИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ

Летом 2004 г. в ходе забора глины в силосной траншее, расположенной на западном берегу озера Утинка (Тисульский район, Кемеровская область), местными жителями были обнаружены кости скелета человека. При дальнейшей расчистке были выявлены два человеческих костяка. Со слов очевидцев, один из них являлся скелетом взрослого, а другой ребенка. Погребенные лежали на левом боку с подогнутыми в коленях ногами, головой на восток-юго-восток. Рядом с ними находился скелет небольшого животного (собаки?). На уровне костяков, в районе головы и туловища находилось несколько керамических сосудов, один из которых был в полной сохранности (утерян). Обломки других сосудов располагались компактно и, надо полагать, были археологически целыми. По данным участников «раскопок», сосуды представляли собой плоскодонные банки, покрытые орнаментом по всей поверхности, за исключением дна.

Все вышеперечисленные сведения по этому захоронению не являются документально зафиксированными. Некоторые детали описания (орнамент и расположение сосудов, наличие полного костяка животного, особенности трупоположения) в рассказах участников «раскопок» противоречивы. Все это снижает достоверность полученной в ходе опроса информации.

В августе 2007 г. нам были переданы семь изделий из камня, найденных в этом погребении, - пять бусин, обломок подвески в виде фигурки птицы (по данным информаторов) и подвеска в виде фигурки медведя.

Подвеска в виде медведя (рис. 1, 1). Фигурка стоящего на четырех лапах медведя, вырезана из камня темно-коричневого цвета и тщательно шлифована. Размеры: 2,8×1,5×0,8 см. Левая сторона фигурки повреждена в районе головы и передней части туловища. В сечении фигурка овальная. Передние и задние лапы показаны отдельно. Хвост выделен резной линией, расположенной над отверстием для подвешивания. На морде зверя тремя резными линиями отделены нос, лоб, оба уха (глаза?). Все части переданы выступающим рельефом, шлифованы. Отверстия для подвешивания диаметром 0,2-0,3 см просверлены в передних и задних лапах. Вся поверхность фигурки орнаментирована. Резные линии по бокам животного представляют собой орнаментальную композицию в виде продольного зигзага из двух-трех параллельных линий. Гравировка на спине зверя нанесена бессистемно.

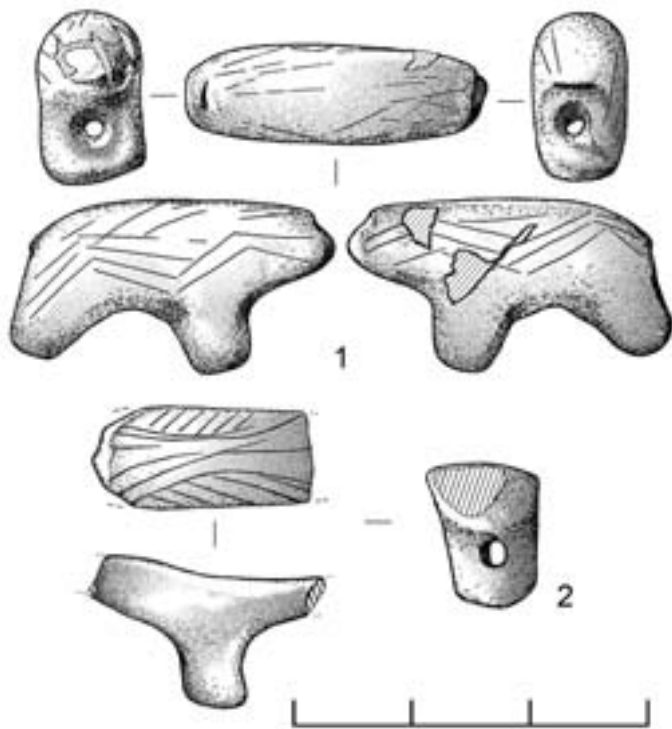

Рис. 1. Материалы Утинского погребения. 1 – подвеска «медведь»;
2 – подвеска «птица». 1,2 – камень.

Подвеска в виде птицы (рис. 1,2) вырезана из камня темно-коричневого цвета и тщательно шлифована. Фигурка серьезно повреждена первыми «исследователями» погребения: обломаны передняя и задняя части. Размеры: 2,0×1,1×0,9 см. Подвеска представляет собой слегка изогнутую прямоугольную площадку (спинка?) на постаменте (лапки?), в котором просверлено отверстие для подвешивания. На всем сохранившемся фрагменте площадки нанесены гравировки. С помощью трех изогнутых продольных резных линий поверхность поделена на четыре сектора. Два крайних сектора заполнены короткими прямыми линиями, нанесенными по диагонали. В одном из центральных секторов продольно нанесены две короткие линии. Вероятно, орнамент передает оперение птицы, причем, два крайних сектора следует отождествлять с крыльями.

Пять бусин (рис. 2, 6-10) темно-коричневого, светло-коричневого и светло-серого цвета. Диаметр от 0,6 до 1,6 см.

В ходе обследования осыпи силосной траншеи в районе могилы было собрано несколько орнаментированных фрагментов стенок керамических

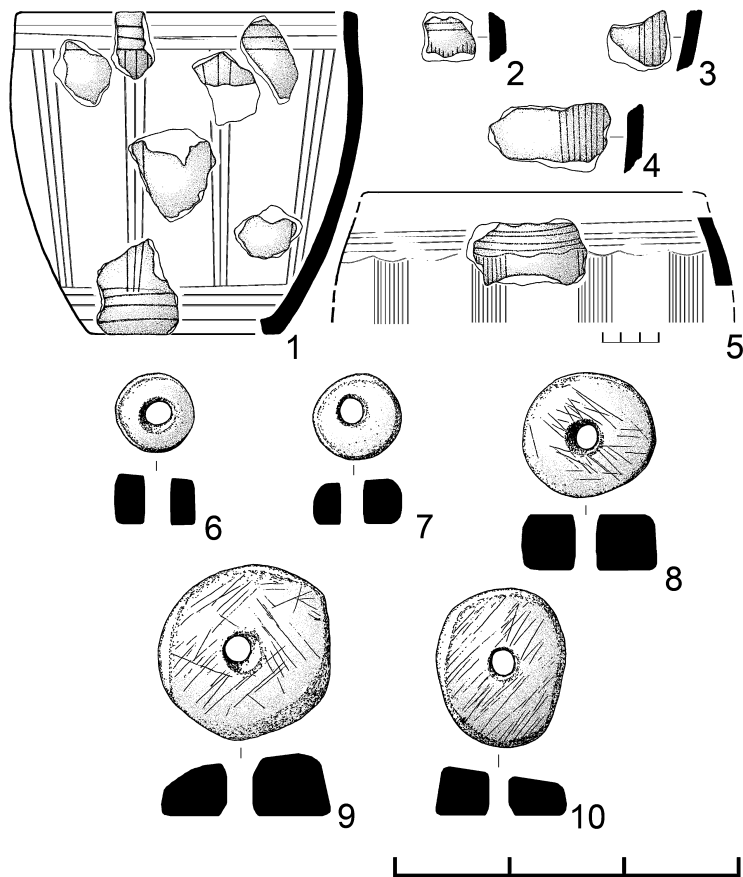

Рис. 2. Материалы Утинского погребения. 1 – сосуд I (условная реконструкция), 2 – фрагмент сосуда II, 3, 4 – фрагменты сосуда III, 5 – сосуд IV (условная реконструкция), 6-10 – бусы. 1-5 – керамика, 6-10 – камень.

сосудов, два бараньих астрагала, кости животных. Учитывая характер «раскопок» погребения, оставалась надежда на то, что захоронение не было уничтожено целиком. Для поиска продолжения могильника была заложена траншея 3×10 м ориентированная по сторонам света, причем, южная сторона раскопа проходила по северной границе силосной траншеи.

В результате раскопок была выявлена линза черного цвета длиной 130 см (остатки разрушенного захоронения), уходящая в обрыв силосной траншеи. При выборке могильной линзы, на глубине 54 см от уровня современной дневной поверхности, был обнаружен фрагмент лопатки крупного животного. На глубине 97 см были расчищены бедренная, берцовая,

фрагмент тазовой кости и два эпифиза от детского костяка. Кости были потревожены. На том же уровне, на площадке 135×95 см, вытянутой с запада на восток, найдено несколько орнаментированных фрагментов керамических сосудов, пять астрагалов барана и маленький, диаметром 0,8 см, отщеп из кремня.

Наиболее важным компонентом для определения культурно-хронологической атрибуции погребения являются фрагменты сосудов. Достоверно они принадлежали двум сосудам, но не исключено, что 3 фрагмента могли относиться ещё к двум другим керамическим ёмкостям (I – рис. 2, I, II – рис. 2, 2, III – рис. 2, 3-4 и IV – рис. 2, 5). Форма условно реконструируется лишь для сосуда I, он представляет собой слабо профилированную банку с плоским дном. Сосуд IV, судя по кривизне профиля единственного фрагмента, имел более раздутое тулово.

Орнаментация выполнена узкими прочерченными линиями, нанесенными приостренным концом тонкой палочки. Орнаментальная схема во всех случаях одинакова: узкий фриз из нескольких горизонтальных линий под венчиком продублирован таким же фризом в придонной части сосуда. Тулово сосудов украшают разреженные горизонтальные ряды таких же линий, опускающихся от приустьевой части к днищу. Внешний край венчика, судя по сосуду I, не декорировался. У сосуда IV, сразу под верхним фризом прямых прочерченных линий, в той же технике нанесена «волна».

Такие технологические особенности рассматриваемых сосудов, как формовочная масса с примесью дресвы, ленточно-жгутовой способ изготовления и выбивка стенок гладкой колотушкой роднят их, с одной стороны, с посудой самусьской культуры [Глушков, 1996], с другой – с керамикой окуневского типа [Леонтьев, 2006]. Форма же и, в особенности, орнамент (композиция и техника ее исполнения) рассматриваемых сосудов близкородственны некоторым образцам самусьской посуды. Их декор производит впечатление упрощенной стилизации орнамента самусьских ритуальных сосудов (четвертая группа, по В.И. Матющенко), где вертикальные полосы из многих прочерченных линий являются обрамлением полей с антропоморфными изображениями [Матющенко, 1973]. Таким образом, данная керамика либо является собственно самусьской, либо оставлена группой древнего населения, находившегося в непосредственном контакте и под сильным культурным влиянием самусьских племен.

Как было отмечено выше, о позе и ориентировке погребенных нам известно лишь со слов первых «исследователей». Труположения на левом боку с подогнутыми ногами, ориентировка погребенных головой в восточном направлении, широко представлены в захоронениях развитой бронзы Западной Сибири: в елунинской культуре [Кирюшин, 2002], а также в могильнике самусьской культуры Крохалевка-7А [Титова, Сумин, 2002]. В меньшей степени – в кротовской [Молодин, 1985] и окуневской культурах [Вадецкая, 1986].

Обычай класть погребенным астрагалы барана или косули так же характерен для кротовской и елунинской культур, но в большей степени для окуневской культуры Хакаско-Минусинской котловины. Там же наиболее часто встречаются бусы из камня, аналогичные найденным в Утинском погребении.

Подвески в виде фигурок медведя и птицы по-своему уникальны и не соотносятся ни с одним из известных скульптурных исполнений данных образов. Изображения медведя в мелкой пластике бронзового века многогранны в исполнении и широко распространены [Молодин и др., 2000; Ченченкова, 2004]. Условную стилистическую аналогию подвеске в виде птицы возможно провести с бронзовой фигуркой из 2-го погребения могильника Ростовка [Матющенко, Сеницына, 1988], которая являлась частью сложносоставного ожерелья, включавшего также каменные бусины.

Таким образом, по всему комплексу обнаруженного в погребении инвентаря, а так же по особенностям труположения, Утинское погребение следует отнести к памятникам первого этапа развитой бронзы. Следует отметить, что это не первое погребение данного периода в Ачинско-Мариинской лесостепи. В 12 км на северо-восток от оз. Утинка на поселении эпохи бронзы Третьяково-2 одним из авторов статьи было исследовано грунтовое погребение, материалы которого находят аналогии в самусьских и окуневских комплексах [Бобров, 2003]. Обнаруженные в Утинском погребении фрагменты керамической посуды имеют прямые аналогии, прежде всего, с самусьским керамическим комплексом, а ряд черт обряда наиболее известен из окуневской погребальной практики. Вероятно, на территории Ачинско-Мариинской лесостепи в сейминско-турбинскую эпоху существовал локальный вариант самусьской культуры, с населением которой контактировали окуневы (наиболее западные памятники с окуневской керамикой – Тамбарское водохранилище [Бобров, 2003], а наиболее восточные с самусьской керамикой – поселение Ашпыл [Красниенко, Субботин, 1999]). Наличие подобных контактов уже не раз отмечалось в литературе, но именно сейчас, в связи с находкой керамики с типично самусьской орнаментацией, появилась возможность акцентировать данную точку зрения.

Примечания

Бобров В.В. Погребение эпохи ранней бронзы в Мариинской лесостепи // Археолого-этнографический сборник. – Кемерово: Радуга, 2003. – С. 82-97.

Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. – Л.: Наука, 1986. – 180 с.

Глушков И.Г. Керамика как археологический источник. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. – 328 с.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2002. – 294 с.

Красниенко С.В., Субботин А.В. Археологическая карта Шарыповского района (Красноярский край). – СПб.: Изд-во ИИМК РАН, 1999. – 114 с.

Леонтьев С.Н. К вопросу о керамической традиции окуневской культуры Среднего Енисея // Окуневский сборник 2: Культура и ее окружение. – СПб.: Элексис Принт, 2006. – С. 261-264

Матюшенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Ч. 2. Самусьская культура // Из истории Сибири. Томск, 1973. – Вып. 10. – 211 с.

Матюшенко В.И., Синицына Г.В. Могильник у д. Ростовка вблизи Омска. – Томск: Изд-во ТГУ, 1988. – 136 с.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.

Молодин В.И., Октябрьская И.В., Чемякина М.А. Образ медведя в пластике западносибирских аборигенов эпохи неолита и бронзы // Народы Сибири: история и культура. Медведь в древних и современных культах Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – С. 23-36.

Титова М.В., Сумин В.А. Открытие могильника самусьской культуры в крохалевском археологическом микрорайоне // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2002. Вып. 4. – С. 77-83.

Ченченкова О.П. Каменная скульптура лесостепной Азии эпохи палеометалла III-I тыс. до н.э. – Екатеринбург: Тезис, 2004. – 336 с.

ИЗДЕЛИЯ ШОРСКИХ ОРУЖЕЙНИКОВ В АРСЕНАЛЕ РУССКИХ СЛУЖИЛЫХ ВОИНОВ В ЮЖНОЙ СИБИРИ*

Население Горной Шории в средние века славилось умением изготавливать железное оружие. На протяжении эпохи средневековья шорцы находились на положении кыштымов в государстве енисейских кыргызов и поставляли им оружие и другие железные изделия в качестве дани. В период позднего средневековья за право держать в своем подчинении шорских кыштымов боролись енисейские кыргызы и телеуты. Русские, освоившие долину р. Томи в XVII в., называли шорцев за их умение в кузнечном деле «кузнецами», а сам район их обитания получил название Кузнецкой котловины. В течение этого столетия между русскими, телеутами, енисейскими кыргызами и джунгарами существовало острое противоборство за контроль над шорцами и их производственной кузнечной и оружейной базой. Российские власти издавали специальные указы, в которых запрещали шорцам платить дань и продавать железные изделия енисейским кыргызам и «колмацким людям», под которыми подразумевались джунгары и телеуты. В то же время, после распространения своей власти в шорских землях те же власти разрешили шорцам в качестве исключения платить ясак в «государеву казну» не пушниной, а готовыми изделиями из железа. Изготовленное шорскими кузнецами холодное наступательное оружие и защитные доспехи, походная утварь, воинское и конское снаряжение охотно приобреталось русскими служилыми людьми ввиду их постоянной нехватки в арсеналах российских острогов в Южной Сибири. Сведения об этом сохранились в русских источниках, основная часть которых была собрана Г.Ф. Миллером [Миллер, 2000, С. 74]. Данные о железоделательном производстве у тюркоязычного населения Кузнецкой котловины содержатся в этнографических материалах, собранных учеными в XVIII в. [Гмелин, 1994, С. 161-162]. В последующий период навыки изготовления железных вещей сохранялись вплоть до середины XX в. [Радлов, 1989, С. 198-210; Сунчугашев, 1979, С. 151]. Однако, до сравнительно недавнего времени возможность использования русскими воинами, служившими в острогах на юге Сибири, оружия местного, в том числе шорского, производства не имела должного подтверждения в археологических материалах. В настоящее время подобные материалы выявлены Л.А. Бобровым,

*Работа выполнена по гранту РГНФ № 07-01-00434а

Ю.С. Худяковым, О.А. Митько в составе оружейных комплексов Западной, Южной и Восточной Сибири [Бобров, Худяков, 2005, С. 228-232; Митько, 2004, С. 178, 195]. С.Г. Скобелевым при изучении памятников эпохи позднего средневековья и начала Нового времени, в том числе Саянского острога на юге Минусинской котловины были обнаружены предметы вооружения местного населения, кыргызов и кыштымов [Скобелев, 2007, С. 257]. Ю.В. Шириным в материалах случайных находок из Кузнецкой котловины были выявлены предметы кыргызского вооружения [Ширин, 2002, С. 130-134]. В ряде пунктов в окрестностях г. Новокузнецка им были зафиксированы находки, относящиеся к эпохе позднего средневековья [Ширин, 1993, С. 16, 22].

Исследователи по-разному представляли историю взаимоотношения населения Кузнецкой котловины с кочевыми государствами Центральной Азии. Я.И. Сунчугашев высказал предположение, что «алтайские железоплавильщики, в том числе плавильщики железа Горной Шории, уже в VI в. н. э. платили дань железом и железными изделиями жужаням» [Сунчугашев, 1979, С. 151]. Однако, археологических свидетельств того, что древние тюрки использовали для оплаты дани жужаням железные изделия, изготовленные кузнецами в Кузнецкой котловине, пока не выявлено. Более определенные свидетельства о поставках в качестве дани правителям Первого Тюркского каганата железных изделий енисейскими кыргызами, о которых в китайском источнике говорится «обычно производят хорошее железо, называют его цзяша. Постоянно вывозят к туцзю» [Кюннер, 1961, С. 59]. Сведения о выплате дани железными изделиями шорцами относятся к эпохе позднего средневековья. По данным источников начала Нового времени, проанализированных Я.И. Сунчугашевым, в составе дани, собранной в 1713 г. с шорцев джунгарским сборщиком албана Дюренгом и отбитой русскими казаками, были меха пушных зверей и разнообразные железные изделия: «66 котлов железных, 109 таганов, шестеры, стремена, железа конские, 900 стрельных железов, 100 железниц, 2 пятна железных, две комзы и 60 ковшей железных» [Сунчугашев, 1979, С. 161-162]. По мнению этого исследователя, обнаруженные в раскопанных на территории Минусинской котловины и Тувы погребениях эпохи позднего средневековья и начала Нового времени железные топоры, котлы, ковши и другие железные изделия были изготовлены шорскими кузнецами [Сунчугашев, 1979, С. 163].

Среди предметов вооружения, обнаруженных на памятниках эпохи позднего средневековья на территории Кузнецкой котловины, выделяется серия находок, которые по формальным признакам можно отнести к числу изделий шорских кузнецов – оружейников.

На Бедаревском поселении, расположенном на правом берегу р. Томи в окрестностях г. Новокузнецка, относящемся к культуре русского населения XVII-XVIII вв., была обнаружена железная пластина [Ширин, 1993, С.16, Рис.3.5]. Пластина прямоугольной формы с двойной ребристой окантовкой по периметру и четырьмя заклепками в центре. С внутренней стороны к этим заклепкам крепится железная пластинка овальной формы с

приостренным нижним концом и крестообразным проемом. Такая пластина должна была крепиться к матерчатому покрытию панциря изнутри. Снаружи на матерчатом покрытии выступали только заклепки. Внутри матерчатая подкладка крепилась с помощью овальной пластинки. Подобные панцирные пластины, относящиеся к набору пластинчато-нашивного, или «внутреннего» доспеха типа бригандины были обнаружены В.В. Радловым при раскопках позднесредневековых захоронений на Чердате в Причулымье и найдены случайно в Минусинской котловине [Радлов, 1989, С. 479; Худяков, Соловьев, 1987, С. 148-151]. Судя по географии таких находок, пластины с ребристой окантовкой могли изготавливаться шорскими оружейниками для енисейских кыргызов и кыштымов. На русском поселении находки подобных пластин единичны.

На памятнике Ильинка-5, расположенном на левом берегу р. Томи, в окрестностях г. Новокузнецка, относящемся к культуре русского населения XVII в., были обнаружены железные, черешковые наконечники стрел с плоским в сечении пером, удлинненно-ромбической и секторной формы, железный вток с конической втулкой, костяной втульчатый наконечник стрелы с трехгранным острием, округлым в сечении пером и скрытой втулкой [Ширин, 1993, Рис. 2, 15-18].

Еще один железный черешковый наконечник стрелы с зигзагообразным в сечении пером овально-крылатых очертаний был найден в черте г. Новокузнецка [Ширин, 1993, Рис. 1, 5].

Подобные типы железных стрел с плоским в сечении пером в эпоху позднего средневековья имели очень широкое распространение. В этот период их применяли для стрельбы по цели кыргызские и кыштымские воины [Худяков, 2002, С. 68, 74]. Стрелы с зигзагообразным в сечении пером в эпоху позднего средневековья были на вооружении у кыргызских стрелков [Худяков, 2002, С. 68]. Близкие по конструкции плоские и зигзагообразные железные черешковые наконечники стрел представлены в экспозиции Новокузнецкого краеведческого музея, посвященной культуре абинцев и шорцев, обитавших в период этнографической современности в Кузнецкой котловине.

Костяные стрелы для эпохи позднего средневековья являются достаточно архаичным видом оружия. Они сохранялись на вооружении у кыштымов [Худяков, Ким, 2001, С. 61]. Втульчатые наконечники с округлым в сечении пером пером и скрытой втулкой в памятниках кыштымов на Среднем Енисее не обнаружены. Вероятно, такая форма была свойственна местному коренному населению Кузнецкой котловины.

Для русских казаков и служилых людей использование архаичных средств ведения дистанционного боя, луков и стрел с железными и костяными наконечниками, а также пластинчато-нашивных панцирей местного шорского производства было продиктовано острой нехваткой современного огнестрельного оружия и доспехов.

Обнаружение в материалах русских поселений XVII-XVIII вв., расположенных в непосредственной близости от Кузнецкого острога, предметов

вооружения дистанционного боя и средств индивидуальной металлической защиты, свидетельствует о постоянных и длительных мирных контактах и взаимовлиянии с группами местного тюркоязычного населения Кузнецкой котловины. В случае возникновения необходимости, казаки и служилые русские воины, которые несли службу в Кузнецком остроге, могли использовать для поражения цели на дистанции полета стрелы и защищать себя доспехами, изготовленными местными шорскими кузнецами.

Примечания

Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Этнокультурные контакты русских с джунгарами в военном деле в XVII-XVIII вв. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. - Т. IX.

Гмелин И.Г. Поездка по Рудному Алтаю в августе-сентябре 1734 года (из книги *Reise durch Sibirien von Jahre 1733-1734*) // Кузнецкая старина. - Новокузнецк: Изд-во «Кузнецкая крепость», 1994. - Вып. 2. - С. 140-169.

Кюнер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. - М.: Изд-во Восточной литературы, 1961. - 392 с.

Миллер Г.Ф. История Сибири. - М.: Наука, 2000. - Т. II. - 795 с.

Митько О.А. Люди и оружие (воинская культура русских первопроходцев и коренного населения Сибири в эпоху позднего средневековья) // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии. - Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2004. - С. 165-206.

Радлов В.В. Из Сибири. Страницы дневника. М.: Наука, 1989. - 749 с.

Скобелев С.Г. Сложение в XVII-XVIII веках единого комплекса предметов материальной культуры коренного и русского населения Приенисейского края // Вестник НГУ. Серия: История, филология. - 2007. - Т.6, Вып. 3. : Археология и этнография. - С. 255-265.

Сунчугашев Я.И. Древняя металлургия Хакасии. Эпоха железа. - Новосибирск: Наука, 1979. - 192 с.

Худяков Ю.С. Комплекс вооружения кочевников Южной Сибири позднего средневековья // Военное дело номадов Северной и Центральной Азии. - Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2002. - С. 65-88.

Худяков Ю.С., Ким С.А. Вооружение кыргызских кыштымов // Вопросы военного дела и демографии Сибири в эпоху средневековья. - Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 2001. - С. 50-75.

Худяков Ю.С., Соловьев А.И. Из истории защитного доспеха в Северной и Центральной Азии // Военное дело древнего населения Северной Азии. - Новосибирск: Наука, 1987. - С. 135-163.

Ширин Ю.В. Археологические памятники города Новокузнецка // Кузнецкая старина. - Новокузнецк: Историко-архитектурный музей «Кузнецкая крепость», 1993. - Вып. I. - С. 10-45.

Ширин Ю.В. Средневековые случайные находки предметов вооружения из Горной Шории // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. - Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. - С. 130-134.

ОБСЛЕДОВАНИЕ ПРИБРЕЖНЫХ ТЕРРИТОРИЙ ОЗЕРА МАНЖЕРОК

Горная долина Нижней Катунь относится к территориям с высокой плотностью расположения разновременных и разнотипных археологических памятников [Бородовский, Бородовская, 2001; Бородовский, 2004; Бородовский, Бородовская, 2005]. Объекты археологического наследия находятся как в современном створе долины, так и на ее древних участках, таких как Манжерокское озеро. Оно расположено на правом берегу р. Катунь в 2 км. от с. Манжерок Майминского района республики Алтай [Селедцов, Шпилев, 2000, с. 72-75]. Уровень воды озера лежит на 88 м. выше уровня р. Катунь. Возникновение водоема связано с эволюцией долины р. Катунь. В прошлом р. Катунь в районе современного с. Манжерок делала крутой поворот вправо, огибая отрог левого коренного склона, образуя излучину. Ее долина пролегла правее гранитного останца близ правого коренного склона у подножья г. Синюхи, там, где сейчас находится Манжерокское озеро. В дальнейшем, по мере подъема горной страны и эрозионной деятельности воды р. Катунь отбросила излучину и пробила себе новый путь поперек гранитного острога левого коренного склона, выпрямив свое русло и образовав новую долину – узкий порожистый участок. На этой территории в устье р. Едрала (Еловый ключ) во второй половине 70-х годов XX века академиком А.П. Окладниковым, В.И. Молодиным и В. Т. Петриным были обнаружены поздние палеолитические памятники Манжерок-1,2, а так же Едрала-1,2,3,4 [Молодин, Петрин, 1985; Молодин, Петрин, 1990].

Современное Манжерокское озеро имеет форму эллипса, вытянутого с юго-запада на северо-восток. Площадь водного зеркала 376 250 кв. м., протяженность береговой линии 2687 м., длина 1112 м., ширина 430 м., объем воды 810312 к.м. Наибольшая глубина (изобата) составляет до 3 м. и располагается в центральной части озера.

Манжерокское озеро сточное. Оно питается атмосферными осадками и грунтовыми водами. Расход воды происходит за счет поверхностного стока, испарения и отчасти подземного стока. У подошвы Катунской террасы к северо-западу от Манжерокского озера на территории села бьет источник. Около него был обнаружен черешковый ромбический железный наконечник, относящийся к эпохе средневековья (рис. 1). Ранее в 20-е годы в окрестностях с. Манжерок на пашне так же был найден железный нако-

Рис. 1 Археологические памятники и случайная находка из окрестностей Манжерокского озера.

нечник стрелы. Количество пашен вокруг села Манжерок в прошлом и настоящем существенно ограничено. Часть из них в настоящее время после длительного перерыва в использовании заросла. В частности участок пашни на левом берегу долины р. Едрала сегодня полностью зарос молодыми деревьями и кустарниками.

Случайные находки с таких участков можно рассматривать в качестве особой разновидности археологических источников или считать признаками культовых или погребальных комплексов. Один из таких культовых комплексов Манжерок-5 (рис. 1/1), располагался у Манжерокских порогов [Бородовский, Бородовская, 2005; Бородовский, Ойношев, Соёнов... 2005, с.31].

На северо-восточном и юго-восточном краю озера расположены склоны г. Синюха (1200 м.). Крутизна их составляет 30-40 градусов. Вследствие этого ровные прибрежные участки на указанной территории относительно не велики. Ширина их составляет не более 500 – 800 м. На этом участке в озеро впадает несколько ручьев, заболачивая большую часть восточного побережья.

На юго-восточной оконечности озера р. Едрала, правый приток р. Катунь так же имеет, вбирает в себя несколько безымянных ручьев на участке своей предустьевой долины, до впадения в р. Катунь. Подошва горного склона сложена из магматических пород: авгитовыми и полевошпатными порфирами, содержащими жильный кварц, роговую обманку. На расстоянии более 2,5 км. от современного русла р. Катунь ее правый

приток р. Едрала делает крутой поворот с востока на север. В самом начале этого участка русло реки обнажает выходы кварцевой жилы, которая очевидно представляла интерес для поиска сырья необходимого для изготовления каменных орудий. На этой территории обнаружена мастерская Еловый Ключ-3 (рис. 1/6). В русле р. Едрала и по ее берегам осуществлены сборы многочисленных предметов первичного и вторичного расщепления, включая отщепы, пластины и единичные призматические нуклеусы. Ниже по течению на дороге, проходящей по правому берегу р. Едрала, выявлено еще одно местонахождение каменного инвентаря. Морфология каменных артефактов позволяет отнести их к заключительному периоду каменного века и возможность датировать периодом мезолита, так же как и археологические памятники Манжерок-1,2. Не исключено, что именно с этой территории на указанные объекты поступало сырье для изготовления орудий.

На участке слияния р. Едрала с безымянным ручьем выявлен не атрибутированный поселенческий комплекс Еловый Ключ-2 (рис.1/5). Он расположен на мысовом возвышении при слиянии безымянного ручья с р. Едралой и истока ручья, впадающего с юго-юго-запада в Манжерокское озеро.

На устье безымянного ручья, впадающего в р. Едрала, выявлены единичные сборы каменного инвентаря Еловый Ключ-1 (рис.1/4), идентично находкам на мастерской Еловый Ключ-3.

Недалеко от устья безымянного ручья, впадающего с юго-юго-запада в озеро, на его правом берегу обнаружена каменная стела Манжекрокское Озеро-1 (рис.1/3) [Бородовский, 2003]. На одной из плоских граней несколько выше середины предмета выбита горизонтальная линия. Это изображение вполне позволяет предположить, что представленный предмет является оленним камнем. Первоначальное расположение объекта установить крайне затруднительно. Поскольку, по словам местных жителей, на этом участке осуществлялось изменение русла ручья и выравнивание поля. Однако, находка каменного изваяния явно связанного с центральноазиатской традицией в районе Манжерокского озера не случайна. Поскольку в его окрестностях на левобережье р. Катунь встречаются самые северные петроглифы эпохи палеометалла Теплый ключ [Бородовский, Бородовская, 2005], Усть-Уба [Кирюшин, Горбунов, Даньшин, 2007, С. 58]. Датировку каменного изваяния следует отнести к позднебронзовому – раннескифскому времени.

Северо-западный берег Манжерокского озера представлен высокой террасой р. Катунь. Она сложена из песка, гальки и валунов. Растительность на этом участке в основном представлена березой, ивой, кустарниками и хмелем.

Ближе к кромке Катунской террасы расположен сосновый бор. На этом участке в районе современного кладбища с. Манжерок (старое кладбище находилось в пределах современного села у несуществующей церкви) при

рытье могил фиксировались случаи разрушения более древних скорченных захоронений, обложенных по кольцу галечником.

Залесенность берегов Манжерокского озера в прошлом была несколько иной, чем в настоящее время. Этому способствовал целый ряд факторов. С середины 50-х и особенно с конца 70-х гг. XIX в. на территории Горного Алтая наблюдается резкое повышение интенсивности прироста деревьев и продвижение интенсивности прироста деревьев и продвижение лесной растительности вверх по склонам [Адаменко, 1986, с.113]. С другой стороны, по свидетельству местных краеведов (Н.М. Воробьева) – еще в середине XX века деревьев на горах в районе сел Манжерок (Майминского района РА) и с. Талда (Алтайского района Алтайского края) было меньше. Этому способствовало разведение скота и обустройство покосов на горных склонах.

В 50-е годы прошлого столетия открытый южный край побережья Манжерокского озера был занят лесопитомником, на территории которого был высажен сосновый лес. Любопытно, что данные алтайской мифологии так же содержат косвенную информацию о различной степени растительного покрова горных склонов. В одной из легенд г. Синюха и Бабырган, борющиеся друг с другом бросаются друг в друга кустами.

В целом, исследования побережья и сопредельных территорий Манжерокского озера позволили выявить ряд разновременных археологических памятников.

Все они расположены на юго-юго-западном краю озера, что соответствует створу древней долины р. Катунь до изменения ее современного русла ниже уровня Манжерокского озера на 88 м. Соответственно возраст памятников эпохи камня (Еловый Ключ-3,1) может быть соотнесен с такими комплексами как Манжерок-1,2.

На этом же участке расположены объекты эпохи палеометалла (Манжерокское озеро-1, Еловый ключ-2).

Следует подчеркнуть, что южная оконечность Манжерокского озера является одним из пунктов (стела Манжерокское озеро-1) естественной северной границы распространения наскальной центральноазиатской изобразительной традиции, сформировавшейся в эпоху палеометалла.

В связи с началом строительства на восточном берегу озера и склона г. Синюха международного Манжерокского горно-лыжного комплекса необходимо проведение дальнейшего тщательного археологического обследования его побережья с закладкой на этой территории рекогносцировочных раскопов.

Примечания

Адаменко М.Ф. Реконструкция режима летних месяцев на территории горного Алтая в XIV-XX вв. // Дендрохронология и дендроклиматология. – Новосибирск: Наука, 1986. - С. 110-113.

Бородовский А.П. Археолого-этнографические исследования по туристическому маршруту “Алтайская одиссея” // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. - Барнаул. 2003. - Вып. XIII. - С. 33 - 39.

Бородовский А.П. Археологические микрорайоны Горного Алтая на правом берегу нижней Катунь // Археологические микрорайоны Северной Азии. Омск. Изд-во Омского гос. у-та. 2004. - С. 19 - 22.

Бородовский А.П., Бородовская Е.Л. Туризм и археология горного Алтая. Методическое пособие. – Новосибирск, 2001. - Вып.1. - 49 с.

Бородовский А.П., Бородовская Е.Л. Археология и туризм горного Алтая. - Новосибирск. 2005. - Вып.2. - 58 с.

Бородовский А.П., Ойношев В.П., Соенов В.И., Суразаков А.С., Танкова М.В. Древности Чуйского тракта. Горно-Алтайск, 2005 - 102 с.

Молодин В.И., Петрин В.Т. Разведка в Горном Алтае // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул. Изд-во Алтайского гос. у-та. 1985 – С. 50-73.

Молодин В.И., Петрин В.Т. Памятник с микролитическим инвентарем в Горном Алтае // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. Изд-во Алтайского гос. у-та. 1990. – С. 3-18.

Кирюшин К.Ю., Горбунов В.В., Даньшин О.В. Руническая надпись с р. Усть-Уба (Алтайский район Алтайского края) // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае 2006 г. Изд-во Барнаульского гос. пед. ун-та. Барнаул, 2007. – Вып. 3. С. 57 - 59.

Селедцов Н.Г., Шпилев Н.Е. В помощь туристу. Горно-Алтайск, 2000 – 86 с.

СЯНЬБИЙСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ С ПОЯСНЫМИ УКРАШЕНИЯМИ ИЗ РАЙОНА ЯНЬЧИ БЛИЗ ГОРОДА ЭРЭН-ХОТО*

Область, в которой расположен приграничный с МНР китайский город Эрляньхаотэ (Эрэн-Хото), является юго-восточной частью обширного степного пояса с типичным для Восточной Монголии ландшафтом: холмистая степь, переходящая к северо-западу и западу в полупустынную зону (рис. 1:1). В августе 1999 г. в районе Яньчи (буквально «пруд для выварки соли»), что в 23,5 км к северо-востоку от Эрляньхаотэ (Эрэн-Хото) было обнаружено разрушенное захоронение. Погребение располагалось на восточной пологой части одного из небольших покрытых слабой растительностью каменистых склонов. Сотрудники местного музея произвели раскопки подвергавшейся природным и антропогенным воздействиям могилы, получившей индекс ЕУМ1 [Нин Пэйцзе, Вэй Цзянь, 2004, С. 106-111]. Погребение было совершено в подпрямоугольной в плане грунтовой яме с вертикальными стенками, с ориентацией по азимуту 277 градусов (рис. 1:2). Восточная часть могилы, где находились ноги покойного, разрушена водной эрозией. Ширина могильной ямы в головах составляла 85 см, в середине – 70 см, длина сохранившейся части могилы 164 см, а сохранившаяся глубина всего 20 см. Очевидно, что изначально показатели длины и глубины были иными.

Внутримогильное погребальное сооружение также плохо сохранилось, уцелели лишь следы деревянной конструкции. Собрана она была из квадратных в сечении брусков толщиной 5 см. Остатки деревянной конструкции залегали в два слоя. В нижнем слое были прослежены три бруска с уцелевшей длиной 55 см, 40 см и 35 см, располагавшиеся соответственно вдоль северной, западной и южной стен могильной ямы. Верхний слой внутримогильной конструкции залегал выше нижнего в среднем на 5 см и также был представлен тремя брусками, но уже соединенными между собой. Самый длинный брусок верхнего слоя, сохранившийся на 60 см, шел вдоль северной стенки могилы, параллельно бруску из нижнего слоя. Перпендикулярно к нему примыкал брусок длиной 38 см, идущий параллельно бруску из нижнего слоя вдоль западной стенки могилы, но не впритык к ней, а на расстоянии

*Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Рособразования, проект РНП 2.2.1.1.2183

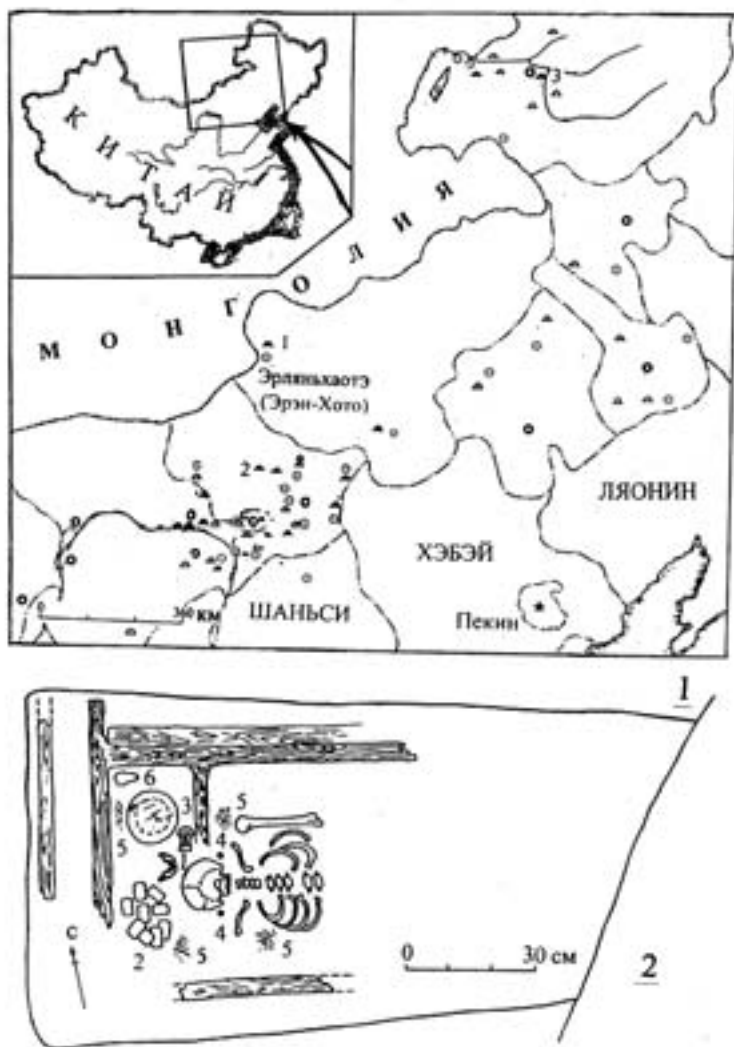

Рис. 1. Сяньбийские памятники во Внутренней Монголии и план погребения из Яньчи.

- 1 – карта Внутренней Монголии с сяньбийскими памятниками: 1 – Яньчи, 2 – Циланшань, 3 – Туаньцзе. 2 – план погребения Яньчи: 1 – поясная пряжка, 2 – накладки на пояс, 3 – доньшко сосуда, 4 – бусины, 5 – кучки зерна, 6 – грудная кость барана.

10 см. Параллельно ему, на расстоянии 20 см, был прослежен брусок с сохранившейся длиной 17 см. Этот самый короткий брусок примыкал перпендикулярно к самому длинному. Конкретные способы стыковки

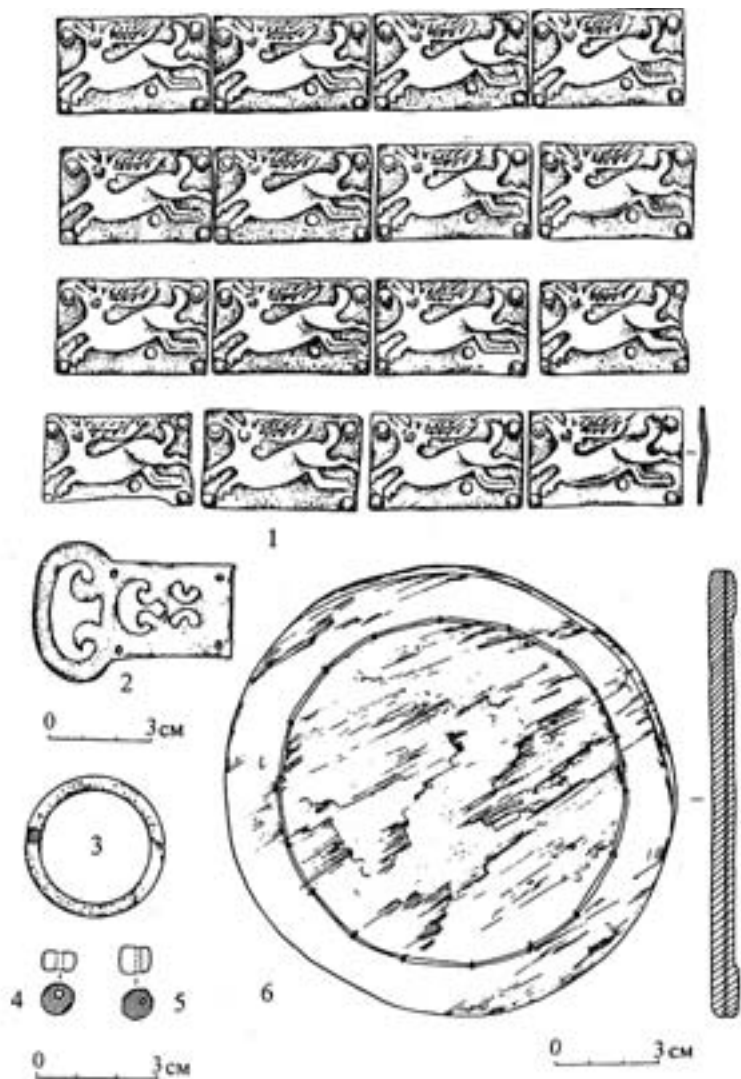

Рис. 2. Инвентарь погребения из Яньчи.

1 — накладки на пояс; 2 — поясная пряжка; 3 — кольцо; 4, 5 — бусины;
6 — доньшко сосуда. 1-3 — бронза, 4, 5 — бирюза, 6 — береста. Группы 1, 2, 6
и 3-5 даны в одном масштабе.

деревянных элементов внутримогильной конструкции проследить не удалось, ввиду плохой ее сохранности. Вероятно, изначально бруски верхнего слоя представляли собой раму с отдельным отсеком, устроенным в районе головы погребенного.

Скелет человека сохранился частично. Череп был разбит и находился на 5 см выше верхнего слоя деревянных конструкций. Нижняя челюсть оказалась правее и выше черепа. Кроме того, уцелела лишь небольшая часть позвонков, ребер и плечевая кость. Судя по ним, можно предположить, что умерший был погребен на спине с вытянутыми конечностями (рис. 1:2). В северной части отсека, устроенного в торце могилы, выше головы погребенного, были помещены бронзовая поясная пряжка (рис. 1:2,1), берестяное доньшко сосуда (рис. 1:2,3) и фрагмент грудной кости барана (рис. 1:2,6). По обе стороны черепа найдены две бирюзовых бусины (рис. 1:2,4). В восточной части могилы, разрушенной водной эрозией, обнаружено бронзовое кольцо. Также в заполнении могилы, в районе отсека, было найдено 16 однотипных бронзовых поясных накладок, украшенных рельефным изображением оленя (рис. 1:2,2). Непосредственно на дне могильной ямы зафиксированы немногочисленные фрагменты грубой ткани. В числе находок следует отметить и четыре небольших скопления зерен, насыпанных, очевидно, небольшими кучками во время погребения (рис. 1:2,5). Определение вида злаковых в китайской публикации не приводится.

Бронзовые поясные накладки отлиты в одной форме, их длина 4,5 см, ширина – 2,7 см, максимальная толщина – 0,15 см. По углам имеются заклепки для крепления на ремень, выступающие на тыльной стороне накладки на 4 мм. В качестве характерной технологической особенности накладок необходимо отметить сквозные отверстия, расположенные под брюхом изображения животного. Они присутствуют на 15 из 16 изделий, и их назначение осталось не выясненным (рис. 2:1).

Пряжка, как и поясные накладки, литая, с прямоугольным щитком и овальной приемной рамкой. Длина щитка 3,7 см, ширина 2,8 см, по его углам расположены четыре небольших круглых отверстия. В центре щитка прорезной узор из полулунной фигуры и двух обращенных друг к другу выпуклыми сторонами дуг. Овальная приемная рамка с максимальным и минимальным диаметрами 4,1 и 2,5 см имеет внутри прорези два дугообразных отростка, направленных в противоположные стороны (рис. 2:2).

Круглое бронзовое кольцо имеет внешний диаметр 3,5 см и толщину 0,5 см (рис. 1:3). Бирюзовые бусины цилиндрической формы, их диаметр по 0,85 см. Высота одной из бусин 0,5 см (рис. 2:4), другой – 0,7 см (рис. 2:5). Диаметр отверстий в бусинах 0,15 и 0,12 см соответственно. Отверстие в большей из бусин просверлено с заметным отклонением от вертикальной оси. Две цилиндрические бусины и бронзовое колечко есть и в погребении НТМ5 могильника Туаньцзе (рис. 1:1,3) [Варенов, Митько, Митько, 2006, С. 300-301].

Доньшко берестяного изделия состоит из двух сшитых между собой круглых полотен. Диаметр доньшка 13,5 см, соединяющий полотна шов проходит на расстоянии 1,5-1,6 см от их края, скрепляющая нить не сохранилась, но прослеживаются 18 игольных отверстий, расстояние между которыми от 1,5 до 1,9 см. (рис. 1:6).

Китайские специалисты отнесли погребение ЕУМ1 к сяньби. Одним из их аргументов в пользу данного определения является находка берестяного доньшка от сосуда, что характерно для таких сяньбийских памятников, как Чжалайноэр [Го Чжичжун, 1994, С. 376-378] и Саньдаовань [Ду Чэнью, Ли Синшэн, 1994, С. 424-425]. Другим аргументом служат находки бронзовых поясных накладок с изображениями бегущих оленей. Образ этого животного, по мнению китайских исследователей, имеет аналогии на ряде других предметов, происходящих из памятников сяньби. Впрочем, при этом надо учитывать, что в сяньбийских погребальных комплексах часто встречаются находки поясной гарнитуры с изображением и другого животного – мифологического единорога [Комиссаров, 1996, С. 31-33].

Фигура оленя на поясных накладках из Яньчи изображена в динамичной позе. Стремительность бега передана рядом характерных деталей, отражающих уже сложившийся и ставший каноническим художественный стиль. Это высоко поднятые ноги и короткий направленный вверх хвост, закинута к спине голова, приоткрытый в крике рот и подчеркнуто выпуклый округлый глаз. Некоторые из этих деталей находят параллели в изображениях оленей на изделиях тюркского времени. В качестве примера можно привести изображение на бронзовом наконечнике ремня с Алтая [Кызласов, Король, 1990, рис. 57]. Тело животного на поясных накладках из Яньчи выглядит мощным и тяжеловесным, в его изображении нет «легкости» полета и грации «скифских» оленей.

В комплект поясной гарнитуры включена и бронзовая пряжка, облик которой заметно диссонирует с накладками. В качестве наиболее близкой ее аналогии можно назвать бронзовую пряжку из погребения 1 могильника Дворцы IV в Забайкалье, отнесенном к бурхотуйской культуре [Асеев, Кириллов, Ковычев, 1984, табл. XVI, 2]. В более общем плане пряжка из Яньчи близка к таштыкским «псевдопряжкам», с характерным прорезным орнаментом. Отдельные аналогии декору пряжки из Яньчи можно обнаружить и в орнаментации кыргызских ваз [Кызласов, Король, 1990, С. 37, 62]. Более развитая форма поясной пряжки, без прямоугольного щитка, но также с двумя направленными в противоположные стороны дугообразными отростками внутри прорези приемной рамки, встречена в погребении М24 сяньбийского могильника Лабудалинь аймака Ээргуная [Ван Чэн, Та Ла, Чжан Чунь, 1994, С. 394] и в погребении ZQM20 сяньбийского могильника Циланшань (рис.1:1,2) в аймаке Чаючжун [Ван Синьцзы, Вэй Цзянь, 2004, С. 169-170], оба в Автономном районе Внутренняя Монголия.

Примечания

Асеев И.В., Кириллов И.И., Ковычев Е.В. Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья. – Новосибирск, 1984.

Ван Синьцзы, Вэй Цзянь. Могильник Циланшань в аймаке Чаючжун // Открытия и исследования сяньбийских захоронений в районе Внутренней Монголии [Нэй Мэнгу дицзюй сяньбэй муцзан дэ фасянь хэ яньцзю]. – Пекин, 2004. – С. 123-177. (на кит. яз.).

Ван Чэн, Та Ла, Чжан Чунь. Краткий отчет о раскопках сяньбэйского могильника Лабудалинь в аймаке Ээргунэю // Сборник статей по археологии Внутренней Монголии [Нэймэнгу вэньу каогу вэньцзи]. – Вып. I. – Пекин, 1994. – С. 384-396 (на кит. яз.).

Варенов А.В., Митько А.О., Митько О.А. Туаньцзе – сяньбийский могильник на севере Внутренней Монголии близ границы с Забайкальем // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. XII. – Ч. 1. – С. 298–303.

Го Чжичжун. Отчет о раскопках могильника Чжалайноэр в 1986 г. // Сборник статей по археологии Внутренней Монголии [Нэймэнгу вэньу каогу вэньцзи]. – Вып. I. – Пекин, 1994. – С. 369-383 (на кит. яз.).

Ду Чэнью, Ли Синшэн. Могильник Саньдаовань в аймаке Чаюхоу // Сборник статей по археологии Внутренней Монголии [Нэймэнгу вэньу каогу вэньцзи]. – Вып. I. – Пекин, 1994. – С. 407-433 (на кит. яз.).

Комиссаров С.А. Сяньбэй – «племя единорога» // Международная конференция 100 лет гуннской археологии (Номадизм: прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен). – Улан-Удэ, 1996. – Ч. I. – С. 31-33.

Кызласов Л.Р., Король Г.Г. Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник. – М., 1990.

Нин Пэйцзе, Вэй Цзянь. Сяньбийский могильник Яньчи у города Эрляньхаотэ // Открытия и исследования сяньбийских захоронений в районе Внутренней Монголии [Нэй Мэнгу дицзюй сяньбэй муцзан дэ фасянь хэ яньцзю]. – Пекин, 2004. – С. 106-111. (на кит. яз.).

**ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ
ФАУНИСТИЧЕСКИХ ОСТАТКОВ
ИЗ ТРОИЦКОГО МОГИЛЬНИКА В АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ***

Мохэские племена достоверно известны как наиболее ранние представители тунгусо-маньчжуров. Археологическое изучение мохэской культуры является важной задачей региональной дальневосточной археологии, имеющей прямой выход на проблемы расо-, культуро- и этногенеза, формирования ранней государственности. Троицкая группа памятников (VII-XII вв.) была выделена из мохэской культуры по характерной лепной керамике по материалам раскопок в Амурской области (бассейн р. Зеи).

Крупный и существовавший не одно столетие Троицкий некрополь является наиболее подходящим по своей информативности археологическим объектом в регионе. Он был открыт и изучался в 1960-70 гг. XX в., относится к числу наиболее крупных некрополей [Деревянко Е.И., 1977]. За три десятилетия, прошедшие с первого этапа раскопок могильника, в Западном Приамурье и на сопредельной территории Северо-Восточного Китая было открыто немало памятников троицкого типа. Как следствие появился ряд вопросов в понимании облика этой археологической культуры, интерпретации её погребального обряда, хронологии как мохэской археологической культуры в целом, так и внутренней хронологии опорного памятника троицкого типа – могильника у села Троицкое [Нестеров, 1998]. Имея в виду, что Троицкий могильник по-прежнему является наиболее репрезентативным объектом для изучения троицкой группы мохэ, в начале 2000-х гг. в ИАЭТ СО РАН была предложена программа продолжения изучения этого памятника. Полевые исследования возобновлены в 2004 [Алкин, Фэн Эньюэ, 2006; Деревянко, Ким Бонгон и др., 2007 и др.].

В результате работ на новых участках некрополя выявлены особенности организации пространства могильного поля, уточняется реконструкция погребального обряда, получены радиоуглеродные даты для ряда погребений (от конца VII до IX вв. н.э.). Группа исследователей, поддержанных грантом РФФИ, приступила к анализу накопленного за всё время изучения памятника археологического материала. Современные методы исследования используются при комплексном анализе антропологического и генетического материала, керамической коллекции и металлических изделий.

*Исследование проводилось при поддержке: РФФИ (№ 07-06-10019 и № 06-06-80468), программ РНП 2.2.1.1.2183; НШ-6568.2006.6; «Интеграция» СО РАН №2.

Впервые проведен анализ фаунистических находок, предварительные результаты которого представлены ниже.

На данном этапе работы изучены коллекции, собранные в ходе раскопок могильника в 1969, 1974, 2004 и 2005 гг., хранящиеся в ИАЭТ СО РАН. В общей сложности обработано 2114 фаунистических остатков, из числа которых 993 (или 47%) относятся к числу неопределимых. Из 1121 идентифицированных костных остатков 868 (77,4%) принадлежит лошади, и 228 (20,3%) домашней свинье. На долю всех остальных видов приходится лишь 2,2% костей. При этом 16 из 17 костей овец-коз, все 3 кости благородного оленя (обломок лопатки, 1-я и 2-я фаланги от полувзрослой особи), единственный фрагмент лопатки косули происходят из одного пункта (сектор 4, яма 9; раскопки 1969 г.), связь которого с погребальным комплексом предстоит уточнить. По степени своей сохранности указанные остатки отличаются от основной массы материала, содержащегося в погребениях. От собаки в разных местах найдено 2 изолированных клыка без видимых признаков обработки, 2 фрагмента костей крупных птиц.

Сохранность остеологического материала весьма посредственная. От истлевших и распавшихся черепов лошади и свиней уцелели преимущественно наиболее устойчивые к разрушению элементы скелета – изолированные зубы, реже – более или менее полные фрагменты нижних челюстей. Среди остатков лошади изолированные зубы составляют 73,3%, свиньи – 36%. Доля костей посткраниального скелета этих двух видов – соответственно 6,3 и 12,7%, все остальные находки относятся к краниальным остаткам.

Кости посткраниума лошади представлены: крупные трубчатые кости (обломки лучевой и бедренной кости) – 4 фрагмента, первые фаланги – 19 экз., вторые фаланги – 3 экз., третья фаланга – 1 экз., метаподии – 8 экз. и 20 экз. костей запястья и заплюсны. Исходя из длины сохранившихся одной пястной и трёх плюсневых костей, по средним значениям коэффициентов Л. Кизевальтера [Громова, 1949, с.14], удалось вычислить рост в холке древних лошадей, составивший 133-147 см, в среднем около 141 см.

К остаткам посткраниального скелета свиньи относится 27 целых и фрагментарных крупных трубчатых костей (преобладают кости предплечья – лучевые и локтевые), 7 метаподий, 4 экз. первой и второй фаланг, 5 костей заплюсны. Сохранилось 13 позвонков, из которых 11 – это первый шейный.

Все обнаруженные остатки свиньи, без сомнения, принадлежали к сравнительно не крупной домашней форме. Длина третьего верхнего моляра у них составляет 32-35,7 мм, нижнего M_3 – 30,5-38 мм, что укладывается в пределы изменчивости M_3 домашней свиньи Древней Руси и Прибалтики [Цалкин, 1956, Паавер, 1965]. Два черепа полувзрослых особей сохранились почти целиком, что позволило измерить их кондило-базальную (257 и 274 мм) и общую длину (280 и 289 мм). Эти показатели также существенно уступают размерам черепа уссурийского кабана (*Sus scrofa ussuricus*), на-

ибо более крупного из известных подвидов, кондило-базальная длина черепа которого может достигать 490-510 мм [Гептнер и др, 1961].

Имея развёрнутые данные о наличии костей животных в погребальном обряде троицких мохэ [Деревянко Е.И., 1977, с. 155-156, 159-160 и др.], проанализировав тафономическую ситуацию на Троицком могильнике с учётом сохранности всех дошедших до нас остеологических остатков, можно заключить, что в погребения в первую очередь укладывались головы лошади или свиньи. В более редких случаях к ним добавлялись дистальные отделы конечностей этих видов домашних животных. Челюсти и кости животных так же использовались в поминальных обрядах, что видно из обнаружения их на уровне древней дневной поверхности или в специально подготовленных ямах. Обращают на себя внимание исключительные по составу наборы остеологического материала: в одном из местонахождений зафиксировано наличие сразу восьми 1-х фаланг лошади, а в другом – пяти 1-х шейных позвонков свиньи. Что касается лошадиных бабок, то их функции в мохэской обрядности в литературе уделено достаточно внимания [Деревянко Е.И., 1977, с. 156; Шеломихин, 2001].

Примечания

Алкин С.В., Фэн Энъюэ. Совместные российско-китайские исследования Троицкого могильника в Амурской области в 2004 г. // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2006. – Том 5. – Вып. 4: Востоковедение. – Новосибирск, 2006. – С. 132-134.

Гептнер В.Г., Насимович А.А., Банников А.Г. Млекопитающие Советского Союза. – М.: Высшая школа, 1961.- Т. 2. - Ч. 1. – 776 с.

Громова В.И. История лошадей (рода Equus) в Старом Свете // Труды Палеонтологического института АН СССР. – Т.17. – Вып. 1. – 1949. – 373 с.

Деревянко А.П., Ким Бонгон, Алкин С.В., Нестеров С.П., Субботина А.Л., Хон Хёну, Ю Ынхик. Совместные российско-коре́йские исследования Троицкого могильника в Амурской области в 2007 году // см. статью в настоящем сборнике.

Деревянко Е. И. Троицкий могильник. – Новосибирск: Наука, 1977. – 224 с.

Нестеров С.П. Народы Приамурья в эпоху раннего средневековья – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 184 с.

Паавер К.Л. Формирование териофауны и изменчивость млекопитающих Прибалтики в голоцене. – Тарту: Изд. АН ЭССР, 1965. – 494 с.

Цалкин В.И. Материалы по истории скотоводства и охоты в древней Руси. // Матер. и исслед. по археол. СССР. – М.-Л, 1956. – № 51. – 185 с.

Шеломихин О.А. О функциональном назначении лошадиных фаланг из средневековых памятников Приамурья: новые данные // Традиционная культура Востока Азии. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2001. – Вып. 3. – С.138-143.

НОВЫЙ ЭТАП ИССЛЕДОВАНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ ИРКУТСКОГО ОСТРОГА

Осенью 2007 г. проведены рекогносцировочные раскопки на территории Иркутского острога. Они связаны с планируемыми работами по усилению фундамента здания Спасской церкви (во имя Спаса Нерукотворного образа) - памятника истории и культуры начала XVIII века.

Место первого городского поселения Иркутска «Иркутский острог» расположено на правом берегу р.Ангара напротив впадения в нее р.Иркута - левого ее притока. По письменным источникам первый острог был построен в 1661 г. В течение XVII в. он несколько раз перестраивался, при этом изменялись его контуры и размеры [Кудрявцев, Вендрих, 1958]. Последняя дата его перестройки относится к 1693 г., когда вокруг территории острога были возведены не тыновые, а рубленые стены [Бубис, 2001].

В настоящее время границы территории Иркутского острога можно определить только с южной стороны. Они маркируются зданием Спасской церкви, которая была встроена в южную стену острога. Годы ее постройки – 1706-1710 гг. В 1758 г. к западной стене церкви была пристроена колокольня.

В 60-80-х гг. XX в. проведены реставрационные работы, в ходе которых культурные отложения вокруг здания Спасской церкви были сняты на глубину 1-1,5 м до уровня исходной дневной поверхности начала XVIII в. Вследствие этого в настоящее время здание Спасской церкви располагается в искусственно созданном понижении.

Первые археологические работы по изучению территории Иркутского острога проводил А.М. Станиловский, вероятно в 1902 г. [Станиловский, 1912]. Тогда от берега Ангары через всю Тихвинскую площадь, примыкавшую к острогу с юга, рылась канава глубиной более 1 сажени под трубы для бани Иванова. А.М. Станиловский несколько раз осматривал канаву, собрал некоторые находки. Им отмечены погребения вдоль ограды Спасской церкви. Погребенные были захоронены в колодах, которые находились на глубине 1/2 аршина от поверхности. А.М. Станиловский объясняет небольшую глубину захоронений тем, что на этом месте часть отложений была убрана и увезена. У ограды кафедрального собора им были найдены остатки сруба и полусгнившие лиственничные столбы. Последние, как он считает, являются остатками тына вокруг острога.

В 1928 г. раскопки на месте бывшего острога были проведены группой членов Восточно-Сибирского отдела русского географического общества под руководством профессора Иркутского государственного университета С.Н.Лаптева [Манассеин, 1936; Лаптев, 2001]. На глубине 25-30 см был обнаружен фундамент провинциальной канцелярии, а также основания некоторых других построек. Раскопана и часть кладбища, находившегося по восточную сторону острога. Гробы были изготовлены из колотых лиственничных досок толщиной 5-6 см. Вдоль восточной стороны острога на глубине около 50 см были вскрыты нижние концы тыновой ограды.

В 1967 г. в связи с началом реставрационных работ сотрудниками Иркутского краеведческого музея и Иркутского государственного университета (А.М. Георгиевский, Н.А. Савельев, В.В. Свинин и др.) проводились раскопки возле Спасской церкви вдоль восточной и южной ее стен. По заданию Г.Г. Оранской - автора проекта реставрации, по периметру церковного здания вдоль его фасадов были выкопаны траншеи шириной 1 м, глубиной 80-90 см. Траншеями были вскрыты захоронения XVIII в. Для проведения археологических работ Г.Г.Оранской были даны следующие указания: «При проведении раскопок не следует увлекаться захоронениями, не имеющими художественной ценности, а также заглубляться ниже отметки -1,0 м, ниже верха существующего цоколя» [Журнал..., 1967-1969 гг., л.л. 6-8]. Вокруг здания Спасской церкви на расстоянии 5-6 м был проведена планировка поверхности до уровня цоколя здания (грунт удалялся трактором «Беларусь» с осторожностью) [Там же, л.8].

В октябре 2007 г в связи с подготовительными работами по укреплению фундаментов Спасской церкви был начат новый цикл исследований, которые изначально стал носить междисциплинарный характер. Общая вскрытая площадь составила 20 кв. м. Археологические выработки располагались параллельно стенам здания на расстоянии 1,70-2,0 м от них. Вдоль северного фасада находилась траншея 2 x 6 м. У западного фасада церкви было заложено два шурфа 2 x 2 м. У южного и восточного фасадов, где по канонам православного погребального обряда должны быть основные захоронения приходского кладбища начала XVIII в., раскопки не проводились, поскольку для этого необходимо широкое площадное вскрытие.

Исследование строения отложений показало, что Спасская церковь построена на первой надпойменной террасе Ангары. Высота ее естественной поверхности во время строительства церкви составляла 430 м, т.е. 6,1-6,2 м над современным урезом Ангары. В строении террасы вскрываются следующие отложения (снизу):

- Русловая фация аллювия, представленная галечником с крупнопесчаным заполнителем. Доминирует галька размером 3-5 см. Кровля галечника располагается на относительной высоте около 5 м.

- Пойменная фация аллювия мощностью 30-40 см, представленная чередованием супесчаных слабогумусированных слоев (погребенные пой-

менные почвы, мощность каждой около 10 см) и разделяющих их песчаных прослоек. Кровля пойменного аллювия располагается на относительных отметках 5,3 – 5,5 м. От кровли заложены криогенные клинья предположительно позднеледникового возраста (11 тыс. л.н.).

- Аллювиальные отложения покрыты 60-70-сантиметровым плащом делювиальных суглинков, проработанных почвообразованием. В их строении выделяется гумусовый горизонт А, имеющий темную окраску и мощность около 30 см, и срединная часть почвенного профиля, выделяемая обычно как горизонт В. По особенностям строения почву можно отнести к лугово-черноземным. Подобные почвы весьма характерны для высоких пойм и первых надпойменных террас региона, и в районе Иркутска [Воробьева, Бердникова, 2003]. Они обладают хорошим плодородием, на них развивается пышная луговая растительность, и это создает благоприятные условия для проживания и хозяйствования. Несмотря на небольшую глубину расположения пойменных отложений, почвы не несут следов застойного переувлажнения, что обусловлено хорошей водо- и воздухопроницаемостью подстилающего пойменного и руслового аллювия, обеспечивающего вертикальный и боковой внутрипочвенный дренаж.

Полученные выводы хорошо согласуются с донесением основателя Иркутского острога воеводы Похабова: «...и тут место самое лучшее, угоднее для пашен и скотиной выпуск и сенные покосы...» [Кудрявцев, Вендрих, 1958].

В траншее (северный фасад) выявлены остатки фундаментов поздних пристроев к Спасской церкви, забутованных галькой и известковым заполнителем, а также поздние кирпичные кладки. На глубине около 0,70 -1,10 м от современной поверхности проявились остатки частокола (тыновой стены) - в узкой траншее шириной до 0,25 м вертикально стояли остатки бревен, диаметром 10-20 см. Траншея была заложена с поверхности лугово-черноземной почвы и имела глубину 0,80 м. После установки бревен траншея была засыпана суглинистым грунтом. В заполнении траншеи найден фрагмент венчика русской круговой керамики.

В шурфе 1 (западный фасад, угол между северным и западным фасадом) под современной засыпкой выявлена кирпичная кладка (возможно, отмостка паперти). Здесь, как и в траншее, прослежены остатки фундамента. В северо-восточной части шурфа на глубине 1,0 м найдены остатки горизонтально лежащего бревна диаметром около 50 см, вкопанного в галечник. Сверху над ним прослеживается яма, забутованная песчаником, известняком, обломками кирпича, залитая известковым раствором.

В шурфе 2 (западный фасад, угол между западным и южным фасадом) также обнаружены остатки фундаментов поздних пристроев. В северо-восточной части шурфа на глубине 0,80-1,00 м выявлена деревянная конструкция, состоящая из трех бревен. Нижнее бревно диаметром 25 см горизонтально вкопано в кровлю галечника и лежит параллельно фасаду здания. На него перпендикулярно положены два бревна: одно диаметром

около 50 см, второе - 70 см. У последнего отпилена верхняя половина. Сверху конструкция засыпана обломками кирпича, известняка, залита известковым раствором. В северо-западной части шурфа на глубине 0,80 м зафиксировано еще одно бревно, лежащее перпендикулярно фасаду здания. При копке ям под фундаменты пристроев бревно было распилено в двух местах. Выпиленная часть бревна длиной около 0,7 м была удалена.

В основании фундамента колокольни инженерно-геологическими исследованиями 2006 г. тоже были выявлены остатки бревен диаметром 25 см. Первоначально, создается впечатление, что деревянные конструкции, вскрытые нами в октябре 2007 г, также лежат в основании фундамента колокольни. Не исключено, что для этих целей могли быть использованы и конструкции острога. Так, в шурфе 1 вблизи ямы с кирпичами и известью отмечаются остатки более древней ямы, а в шурфе 2, как уже было отмечено, часть одного бревна отпилена и изъята, как будто она мешала при устройстве ямы под фундамент. Кроме того, в шурфе 2 бревенчатая конструкция продолжается и вне ямы.

В результате проведенных исследований на территории Иркутского острога у здания Спасской церкви выявлена почвенно-ландшафтная ситуация, существовавшая на момент начала освоения ее землепроходцами; зафиксированы разнообразные остатки, связанные с ранним этапом развития Иркутска. Выявлены остатки тыновой стены, которая, возможно, связана с первоначальными этапами функционирования Иркутского острога. Обнаружены остатки деревянных конструкций у западного фасада церкви. Определить их функциональное назначение и возраст станет возможным после аналитических исследований.

Взяты образцы деревянных конструкций на определение возраста по ^{14}C и дендрохронологии, образцы почв для реконструкции природных условий и образцы кирпичей для выявления особенностей начального периода кирпичного производства и строительства каменных зданий Иркутска.

В результате проведенных исследований установлено наличие и хорошая сохранность культурного слоя ОАН «Иркутский острог». Уникальность ОАН «Иркутский острог» несомненна, поскольку в хорошем состоянии находятся комплексы, связанные с начальным этапом формирования Иркутска. Полученные материалы имеют высокую научную значимость, поскольку позволяют выяснить многие страницы истории города.

Наличие отложений финальноплейстоценового и голоценового возраста позволяет предполагать присутствие на территории Иркутского острога и догородских археологических комплексов.

В связи с 350-летним юбилеем Иркутска в 2011 г. и срочной необходимостью укрепления фундаментов Спасской церкви, геоархеологические работы будут продолжены здесь и в зимние месяцы 2007 г. По периметру здания церкви в полосе шириной 4-5 м планируется последовательное проведение комплексных работ: геоархеологических, затем архитектурных и строительных.

Примечания

Бубис Н. Иркутск острожного периода // Земля Иркутская. – 2001. - № 17. – С. 13-17.

Воробьева Г.А., Бердникова Н.Е. Реконструкции природных и культурных событий на территории Иркутска: Научно–методические разработки междисциплинарных исследований городского культурного слоя. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2003. – 90 с.

Журнал архитектурного надзора 1967-1969 гг. Г.Г. Оранская. Спасская церковь, собор Богоявления // Архив Службы по охране культурного наследия Иркутской области. – 81 л.

Кудрявцев Ф.А., Вендрих Г.А. Иркутск: Очерки по истории города. - Иркутск: Иркутское книжное издательство, 1958. – 515 с.

Лаптев С. К материалам по истории Иркутска // Земля Иркутская. – 2001. - № 16. – С. 13-17.

Манасеин В.С. Иркутский острог (историко-археологический очерк) // Изв. Общ-ва изучения Вост.-Сиб. Края. - Иркутск, 1936. - Т. 1. - С. 6-25.

Станиловский А.М. О раскопках близ Спасской церкви в Иркутске // Тр. ВСОРГО. - 1912. - № 7. - С. 178-181.

МИХАЙЛОВСКИЕ ГОРОДИЩА НА РЕКЕ ГОРБЫЛЬ В АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ

Изучение памятников археологии относящихся к михайловской археологической культуре до конца 1980 - 1990-х годов ограничивалось лишь данными раскопок Михайловского городища на р. Завитой, исследованного Е.И. Деревянко [Деревянко, 1975]. С началом работы Бурейской археологической экспедиции, были открыты новые жилищные комплексы, имеющие михайловский материал [Нестеров, 1998]. В связи с этим появление новых археологических объектов относящихся к данной археологической культуре имеют огромное значение.

В ходе работ по инвентаризации и паспортизации памятников археологии отрядом «Центра по сохранению историко-культурного наследия Амурской области» были исследованы два укрепленных поселения михайловской культуры в Ромненском районе.

Один из памятников - Амаранка, городище-1 - находится на правом берегу р. Большой Горбыль, образующей при слиянии с Малым Горбылем р. Горбыль - левый приток р. Томь. Городище расположено на мысу, выступающим в пойму Большого Горбыля в юго-западном направлении. Высота мыса относительно уровня современной поймы, расположенной к югу составляет 4 м (рис. 1). Склоны мыса средней крутизны, поверхность ровная, занята лесом из лиственницы. Городище имеет округлую в плане форму, оконтуренную двумя валами и одним рвом. Внутренняя поверхность горизонтальная с жилищными западинами.

Первый вал, шириной до 1,2 м, имеет высоту, относительно поверхности мыса – 0,6 м, прерываясь в юго-восточной и юго-западной частях образуя вход во внутреннюю, укрепленную территорию памятника. Второй вал отделяется от первого рвом и имеет высоту относительно основной поверхности мыса 1 м, несколько возвышаясь над первым. Ширина второго вала до 1 метра. Подобно первому, вал прерывается в юго-восточной и юго-западной частях у входа в городище. Ров, разделяющий два вала, прослежен по всему периметру памятника, и имеет пересыпку у обозначенных входов. Ширина рва по вершинам валов достигает 5 метров, по дну – 1 метр.

Внутренняя часть памятника занята большими западинами, диаметр которых варьирует от 6 до 8 м, а глубина до 1,5-1,8 м. Маленькие «ямки» соседствуют с большими, их размеры до 1,5 м. Три западины (две большие

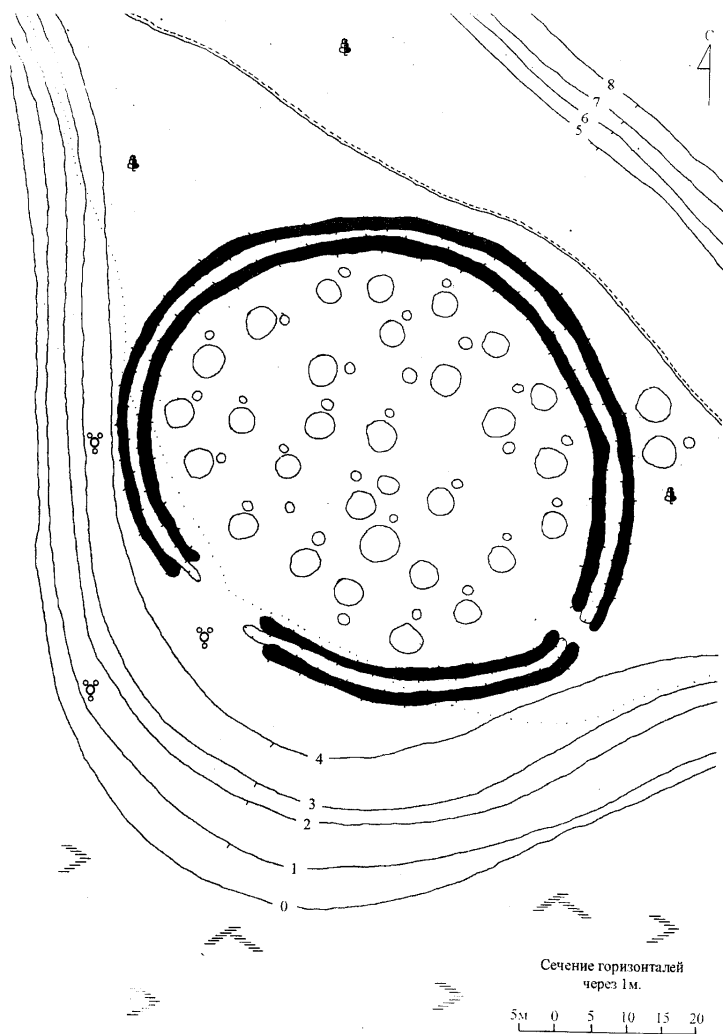

Рис. 1. План городища на р. Большой Горбыль (Амаранка, городище-1).

и одна маленькая) расположены за валом в восточной части городища. Общее количество выявленных западин – 61.

Во время шурфовки внутри городища был обнаружен археологически целый сосуд горшковидной формы (рис. 2). Тулово сосуда вытянутое, яйцевидное, со слабовыпуклым плечиком средней высотности. Горловина сильнопрофилированная, широкая и очень низкая. Донышко плоское. Высота сосуда 20,5 см, диаметр венчика 14,1 см, диаметр горловины 11 см, диаметр донышка 5,4 см, максимальный диаметр тулова 15,2 см,

Рис. 2. Керамический сосуд с городища-1.

высота придонной части 12 см, высота плечиков 6 см, высота горловины 2,5 см. Сосуд изготовлен способом кольцевого ленточного налепа из 7 глиняных лент, соединенных встык. Венчик сильно отогнут наружу, кромка приострена. Внешняя поверхность тулова горшка от стыка с горловиной до дна покрыта ромбическими вафельными отпечатками, выполненными прокаткой роликового штампа с ячеистой нарезкой. Под кромкой венчика прикреплен валик, орнаментированный глубокими насечками, которые придают валику рельефность. Внутренняя поверхность стенок сосуда залощена. В составе формовочной массы фиксируется отошитель в виде песка мелкого размерного ранга, органика. Изделие имеет пятнистый цвет поверхностей, что свидетельствует о костровом обжиге. На плечиках горшка с внешней стороны заметны следы нагара.

Второй памятник - Амаранка, городище-2 - расположено в 12 км от описанного выше, на правом берегу ручья Топтушка, впадающего в Малый Горбыль. Городище расположено на вершине мыса, выступающего в пойму р. Топтушка в юго-восточном направлении (Рис. 3). Высота мыса относительно поймы реки составляет 16 м. Склон крутой, у самой верши-

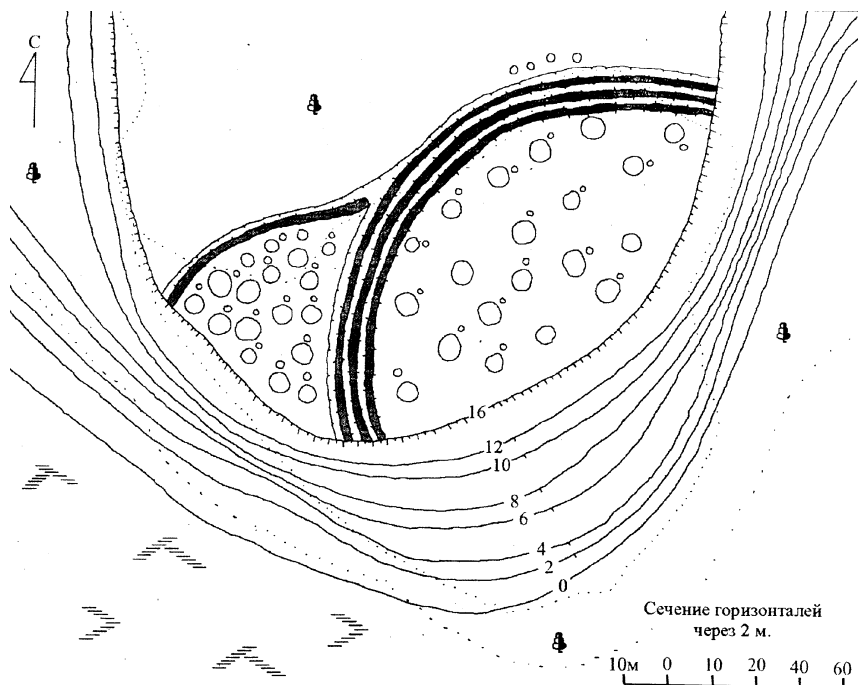

Рис. 3. План городища на ручье Топтушка (Амаранка, городище-2).

ны эскарпирован. Вершина мыса плоская, занята густыми зарослями дуба маньчжурского, черной березы, лиственницы. Городище можно разделить на две части. Первая часть (основная) имеет более развитую систему укреплений, и, по всей видимости, была построена в первую очередь, вторая - «пристроена» с западной стороны и имеет упрощенную систему оборонительных сооружений.

Основная часть городища с юго-востока эскарпирована, а с северной и северо-западной стороны укреплена системой валов и рвов. Три вала имеющие одинаковую высоту (2 м относительно внутренней части городища) и ширину (2,5 м по основанию валов), разделены между собой двумя рвами шириной до 3 м и глубиной относительно вершин валов 2,5 м. Внешний вал основной части оконтурен третьим рвом глубиной до 1,5 и шириной 2 м. При этом ров в северо-западной части разветвляется надвое, охватывая «пристроенную» часть. На внутренней поверхности городища в основной части фиксируется 20 западин округлой формы диаметром от 6 до 8 м, глубиной до 1,5 м, расположенные четырьмя рядами. Рядом с большими западинами, преимущественно с северо-восточной стороны, фиксируются маленькие, диаметром до 1 - 1,5 м, глубиной 0,6 - 0,8 м (всего обнаружено 16 маленьких западин).

С западной стороны к основной части городища примыкает участок - «пристройка». Она ограничена с юго-запада крутым эскарпированным склоном, с востока оборонительным укреплением основной части городища, с северо-запада одним валом и рвом. В пристроенной части выявлено 18 больших и 14 маленьких западин по конфигурации, размерам и особенностям расположения схожих с описанными выше. При этом следует отметить, что площадь пристройки меньше основной части, в результате чего плотность расположения западин по отношению друг к другу увеличена.

Помимо западин внутри укрепления в северной части городища, за укреплениями из валов и рвов, у крайнего рва в ряд расположены 4 западины, диаметром 1 м.

Археологический материал, полученный в ходе шурфовки идентичен археологическому материалу, полученному с городища на р. Большой Горбыль. Обнаруженные на городищах фрагменты керамики и сосуда относятся михайловской археологической культуре (III – X вв. н.э.) [Нестеров, 1998].

По сообщению местных жителей из села Амаранка, на р. Горбыль и в верховьях р. Завитой (в 9 км к юго-востоку от Большого Горбыля) имеется еще ряд идентичных «городов». Судя по обследованным памятникам в окрестностях села Амаранка, можно говорить о самых северных на сегодняшний день городищах михайловской культуры в Амурской области.

Примечания

1. **Деревянко Е.И.** Мохэские памятники Среднего Амура. – Новосибирск: Наука, 1975. – 249 с.
2. **Нестеров С.П.** Народы Приамурья в эпоху раннего средневековья. – Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 1998. – 184 с.

*О.И. Горюнова, А.Г. Новиков, Г.А. Воробьева, А.В. Вебер,
Р. Дж. Лозей, Т.Ю. Номоконова, Л.А. Орлова*

ПРОДОЛЖЕНИЕ РАБОТ РОССИЙСКО-КАНАДСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В БУХТЕ САГАН-ЗАБА НА БАЙКАЛЕ*

Российско-Канадская экспедиция продолжила раскопки многослойного поселения Саган-Заба II, расположенного в одноименной бухте побережья оз. Байкал, в 12 км к ЮЗ от устья р. Анги и в 13,5 км к ЮЮВ от пос. Еланцы Ольхонского района Иркутской области.

Поселение обнаружено Северо-Азиатской экспедицией ИИФФ СО АН СССР (А.П. Окладников) в 1972 г. [Окладников, 1974]. Раскопки проведены тем же отрядом в 1974-1975 гг. Комплексное междисциплинарное изучение этого объекта возобновлено Российско-Канадской экспедицией в 2006 г. [Горюнова, Новиков и др., 2006]. В результате изучено строение рыхлых отложений на разных участках бухты, определены наиболее перспективные площади для раскопок. Основные работы проводились на конусе выноса первого (от побережья) распадка западного борта бухты, где было выделено 8 культурных слоев, датируемых от раннемонгольского времени до мезолита.

В задачи исследований 2007 г. входило детальное изучение рыхлых отложений и культурных слоев восточной части бухты (район раскопов 1974-1975 гг.). Раскопы врезаны в береговой уступ; высота их размещения 3-4 м над современным уровнем Байкала. Мощность исследованных рыхлых отложений более 2,5 м. В строении разрезов по особенностям литологического состава и окраске визуально выделяются 3 пачки отложений.

Верхняя пачка, мощностью около 40 см, включает 4 литологических слоя, в том числе культуровмещающий слой I. Отложения представлены в разной степени гумусированными делювиальными супесями с примесью эолового и десерпционного материала (песка, пыли, дресвы кристаллических известняков). От нижележащих отложений верхняя пачка отличается более рыхлым сложением, наличием сухого растительного детрита и каштановым оттенком гумуса. Отложения накапливались в позднесубатлантическое время (SA-3) в довольно аридной обстановке.

Средняя пачка, мощностью 40-60 см, включает 5 литологических слоев. Генезис отложений преимущественно делювиальный, в составе доминируют супеси. Плотность сложения и гумусированность слоев увеличивается вниз по разрезу.

*Работа выполнена при поддержке грантов: Совета общественных наук и гуманитарных исследований Канады № 421-2000-1000; РФФИ-Байкал № 05-06-97208.

Верхние два слоя средней пачки, в том числе культуровмещающий слой II, на разных участках раскопа характеризуются неравномерной окраской (от темно-серой до каштаново-серой) и сложением (от довольно рыхлого до уплотненного). Вероятно, верхняя часть средней пачки накапливалась в неустойчивой климатической обстановке при существенных колебаниях увлажненности и теплообеспеченности. О похолодании климата свидетельствуют грунтовые жилы, заложенные от кровли II культурного слоя. Предположительный возраст отложений – субатлантический (SA-1, SA-2).

Нижние слои средней пачки, вмещающие III верхний и III нижний культурные слои, наиболее темные. Судя по почвенно-литологическим особенностям, их формирование шло в более гумидных условиях позднего суббореала (SB-3).

Нижняя пачка отложений раскопами вскрыта частично – на глубину 30–40 см. К этой части пачки приурочены культурные слои IV верхний и IV нижний. В зачистке берегового уступа мощность этой пачки достигает 120 см. Она представлена переслаиванием грубообломочных слоев (щебень, дресва с песчаным заполнителем) пролювиального генезиса с мелкоземистыми песчано-супесчаными слоями делювиального (слои гумусированы) и пролювиально-делювиального генезиса. К ним приурочены IV–VII культурные слои. Особенности состава и строения пачки указывают на сложную геоэкологическую обстановку, когда выбросы грубообломочного пролювиального материала погребали или уничтожали культурные слои. Пролувиальные выбросы, вероятно, были спровоцированы сейсмотектоническими процессами. В подобной ситуации климатические сигналы слабо фиксируются в отложениях, а реконструкция климатических событий сильно осложнена. Предположительный интервал накопления отложений нижней пачки – атлантический период голоцена.

В основании разреза залегает коллювиальный шлейф, в верхней части трансформированный в глыбовый пляж.

В настоящее время в береговом разрезе выделено 10 культуросодержащих слоев (I–II, III верхний, III нижний, IV верхний, IV нижний, V верхний, V нижний, VI–VII слои). Однако, благодаря высокой насыщенности культурных слоев артефактами, полностью вскрыть раскоп (площадь 24 кв. м) на всю его глубину не удалось (раскопаны I–IV слои). Нижележащие слои законсервированы и будут исследованы в 2008 г.

Комплекс I культурного слоя содержит фрагменты толстостенной керамики с гладкой поверхностью от плоскостенных сосудов. Орнамент представлен: наклепными валиками, ямочками в сочетании с прочерченным горизонтальным зигзагом, «арочным» узором, штамповыми вдавлениями (преимущественно подковообразным). Изделия из металла: кольцо-печатка из бронзы и обломок насада орудия из железа. В слое найдены отщепы, пластинчатый скол с ретушью, кости лошади, козы (барана –?), благородного оленя, косули, нерпы, зайца и рыб.

Подобная керамика встречается в комплексах позднего железного века и раннемонгольского времени в хронологическом диапазоне с VI по XIV вв. н.э. [Номоконова, 2005]. Радиоуглеродная дата слоя – 580±85 (СОАН-6590) л.н. (XIV в. н.э. по калиброванной дате).

Во II культурном слое преобладают фаунистические остатки, составляющие крупные скопления (кости диких и, вероятно, домашних животных – бык, лошадь, овца). Керамика слоя гладкостенная, от плоскодонных сосудов, украшенных: прочерченными линиями, горизонтальным прочерченным зигзагом, пояском ямочек, наlepными валиками (встречаются с насечками), подковообразным штампом. Найдены изделия из кости и рога (в их числе – скульптурное изображение фаллоса, орнаментированный астрагал), обломки изделий из железа и половинка китайской медной монеты с квадратным отверстием в центре.

Радиоуглеродная дата - 1530+90 (СОАН-6591) л.н. (поздний железный век).

Находки III верхнего слоя содержат фрагменты гладкостенной керамики и с оттисками грубого шнура от сосудов на поддонах. Орнамент в виде наlepного валика (встречаются с зубчатыми насечками), пояска отверстий или ямочек. Найдены обломки изделий из железа (шилья, бляшка и др.), скребки, отщепы и пластинчатые сколы из кремня, изделия из кости (лошало, острие, ложка и др.), куски бересты со следами прошивки, обломок бусины из стекла, кости животных (лошади, благородного оленя, нерпы, косули, зайца и рыб).

Сосуды на поддонах с гладкой и шнуровой поверхностью встречаются на территории Прибайкалья в комплексах раннего железного века и переходного периода к железному веку [Горюнова, Новиков, 1997]. Радиоуглеродная дата слоя - 1985+35 (СОАН-6592) л.н. (начало I в. н. э.).

Керамика III нижнего слоя гладкостенная и штриховая, украшенная рядами штамповых вдавлений (прямоугольных, зубчатых, овальных) или отступающей лопаточки (с зубчатым, подтреугольным и закругленным концом); встречены фрагменты с ромбически пересекающимися прочерченными линиями. Венчик одного сосуда – с «воротничком». В числе находок: обломок шила из бронзы, отщепы, сколы и призматические пластины (часть с ретушью), скребки, сверла, проколки, ножи, наконечники стрел черешковые и с вогнутой базой и симметричными шипами, перламутровые бусинки, игольник, обломок гарпуна и карандашевидный наконечник стрелы из кости. В составе фауны: кости благородного оленя, косули, нерпы и рыб.

По композиции и технике нанесения орнамента, типологии каменного и костяного инвентаря комплекс относится к бронзовому веку. Радиоуглеродная дата - 2600±145 (СОАН-6593) л.н. на фоне ранее исследованных аналогичных комплексов выглядит омоложенной.

Материал IV верхнего слоя представлен керамикой (гладкостенной, штриховой, с оттисками тонкого шнура и сетки-плетенки), орнаменти-

рованной пояском ямочек, штамповыми вдавлениями, построениями из горизонтальных и вертикальных пунктирных линий. В числе изделий из камня: скребки, резчики, ножи, проколки, наконечники стрел с вогнутой базой и асимметричными шипами, вкладыши (встречаются бифасы), обломки сигообразных рыбок-приманок, отщепы и сколы (в их числе – 2 скола зеленого нефрита). Найдены орудия из кости (черешковый наконечник стрелы, игла, стерженек составного рыболовного крючка с боковым креплением острия, шило и др.). Из фауны преобладают кости нерпы (в одном скоплении – кости более 42 особей); встречаются кости благородного оленя, косули, кабана, зайца и рыб.

Археологический комплекс находит широкие аналогии в материалах поселений развитого неолита и позднесеровских погребений Приольхонья [Горюнова, 1997]. Радиоуглеродная дата – 4850±130 (СОАН-6594) л.н.

Комплекс IV нижнего слоя по составу и типологии артефактов аналогичен вышележащему слою и, вероятно, относится к одному культурно-хронологическому периоду.

В целом, в 2007 г. на многослойном поселении Саган-Заба II стратиграфически выделены и исследованы культурные комплексы периодов от раннемонгольского времени до развитого неолита. Впервые для территории Приольхонья (и Предбайкалья) на поселении получена представительная коллекция археологических материалов по средневековым комплексам. Многочисленные образцы, отобранные для анализов естественно-научными методами, в настоящее время находятся в работе. Раскопки нижележащих слоев (V-VII) будут продолжены в 2008 г.

Примечания

Горюнова О.И. Серовские погребения Приольхонья (оз. Байкал). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – 112 с.

Горюнова О.И., Новиков А.Г. Комплексы железного века многослойного поселения Катунь I // Гуманитарные науки в Сибири. – 1997. – № 3. – С. 27-35.

Горюнова О.И., Новиков А.Г., Воробьева Г.А., Вебер А.В. Работы Российской-Канадской экспедиции в бухте Саган-Заба на Байкале // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. 12, ч. 1. – С. 311–314.

Номоконова Т.Ю. Орнаментация средневековых сосудов Приольхонья (оз. Байкал) // Изв. лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. – Вып. 3. – С. 221-229.

Окладников А.П. Петроглифы Байкала – памятник древней культуры Сибири. – Новосибирск: Наука, 1974. – 125 с.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОГРЕБАЛЬНОЙ ПРАКТИКИ АНДРОНОИДНОГО НАСЕЛЕНИЯ БАРАБЫ (МОГИЛЬНИК ТАРТАС-1, ГРУППА Б)*

В погребальной практике используется набор «шаблонных» действий, применяемых наиболее часто. Но существует набор «чрезвычайных» (нестандартных, нетипичных) манипуляций, которые по различным причинам реализуются реже. Причинами отступления от типичного ритуального сценария могут быть обстоятельства и время смерти, социальный статус покойного, локальные особенности обряда и т.п. Фиксация и изучение следов «чрезвычайных» вариантов практики иногда помогает в реконструкции семантики и типичных элементов обряда. В статье речь пойдет о нетипичных вариантах погребальной практики андроновидного населения (могильник Тартас-1 – группа Б). К ним отнесено специфическое положение рук покойного и необычное размещение некоторых категорий сопроводительного инвентаря. Кроме того, предлагается гипотеза семантики наблюдаемых специфических черт. Результаты данного анализа носят предварительный характер, поскольку памятник исследован приблизительно на 1/3. Итогом работы на памятнике посвящен ряд статей, опубликованных в сборниках материалов Итоговых сессий ИАЭТ СО РАН [Молодин, Парцингер, Гришин и др., 2007, в наст. т.; и др.]. Поэтому здесь опущено описание памятника и некоторые его характеристики.

Группа Б – андроновидная, самая массовая на данный момент из 4-х групп комплексов, выделенных на могильнике. Выборка сформирована из погребений, где основной тип позы захороненного восстановим – 85 могил, 98 индивидуумов. Могильные ямы ориентированы по линии ВСВ-ЗЮЗ, В-З, погребенные – головой на ВСВ, В. Ямы в плане короткие, но широкие, т.к. рассчитаны на помещение тела человека в типичной для группы позе – на боку, с подогнутыми в коленях ногами. 41 погребенный был уложен на правый бок, 59 – на левый. Руки были согнуты в локтях, кисти лежали ладонями друг к другу напротив лица («шаблонная» позиция). В ряде случаев фиксируется подогнутость пальцев внутрь ладони. Различны степень скорченности скелета и согнутости ног в коленях и их положение по отношению к туловищу погребенного. Детских скелетов в выборке 49, подростковых – 5, взрослых людей – 44. Определения возраста

*Работа выполнена при поддержке грантов РГНФ (№06-06-01-065110а\Т; 07-01-18083е); гранта по поддержке научных школ НШ-6568.2006.

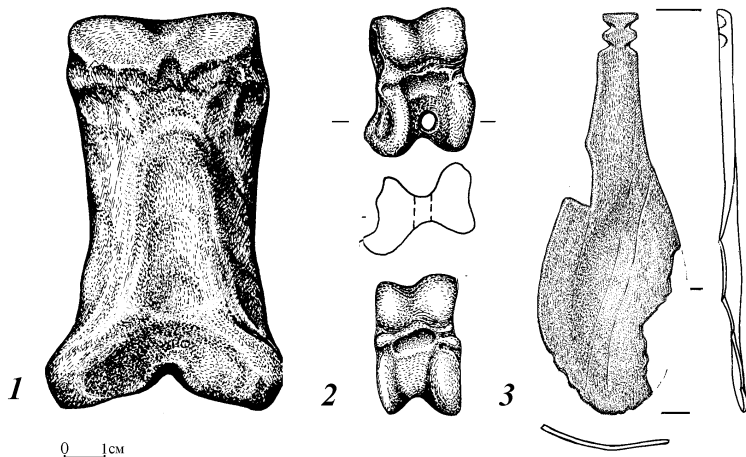
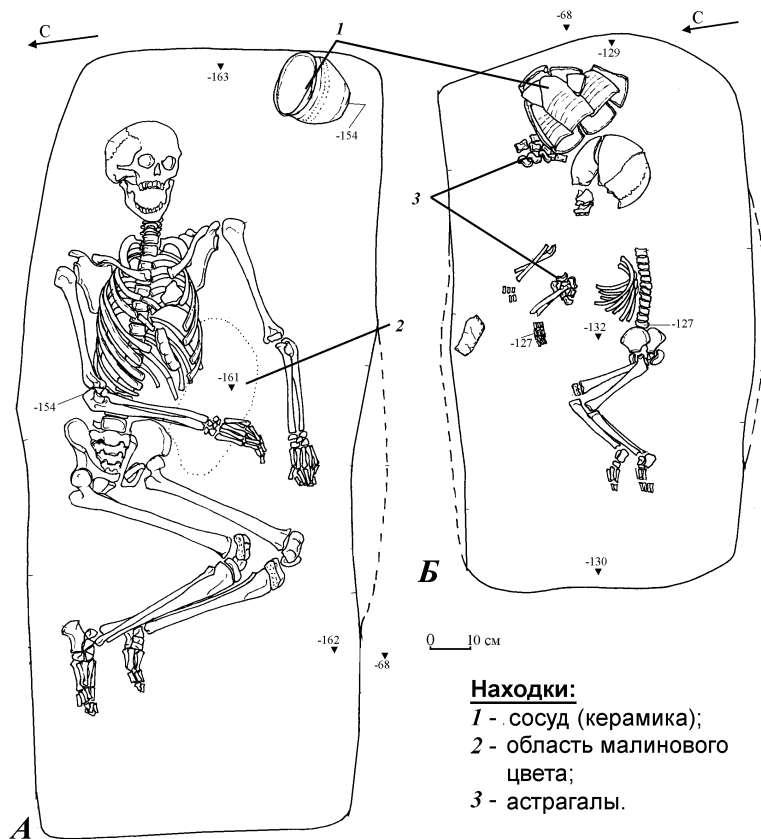

Рис. 1. Таргас-1. Планы погребений №122 (А), №117 (Б) и костяные предметы из погребений №108 (1), №117 (2), №121 (3).

даны в приближенном виде, информация по полу не дается, т.к. антропологический анализ, проводимый к.и.н. Д.В. Поздняковым, охватывает пока только часть коллекции. Погребения чаще одиночные, реже встречается по 2-5 индивидуумов в камере. В одном коллективном комплексе умершим могли придавать различные позы (правый-правый бок, левый-левый бок, правый-левый бок – рис. 2, А). Также практиковалась ингумация кремированных на стороне останков умершего [Там же]. Погребения расположены рядами, ориентированными по линии С-Ю или ЮВ-СЗ. Обязательным является помещение керамического сосуда в изголовной (восточной) части могилы.

Положение рук «обхват» (рис. 1 А, Б; 2 А). В 12-ти комплексах зафиксировано положение рук, которое могло возникнуть в ситуации, когда погребенный охватывал какой-то не дошедший до нас органический предмет сопроводительного инвентаря, помещенный перед его туловищем. В подобной позе лежат 16 захороненных (11 детей, 1 подросток, 5 взрослых). Причем во всех коллективных комплексах руки умерших были уложены исключительно подобным образом (2 парных детских, 1 коллективный – взрослый, подросток, и 2 младенца – рис. 2 Б).

Подтверждением того, что какие-то предметы (или предмет) действительно были между руками, является следующее. В погребении №122 напротив груди захороненного была зафиксирована область грунта малинового цвета (рис 1 А). В могиле №164 между лучевыми костями рук обнаружена 1-я фаланга лошади (определения костей животных сделаны к.б.н. С.К. Васильевым), а в комплексе №117 в подобном положении находятся астрагалы овцы-козы (рис. 1 Б). Аналогичное положение рук также встречалось на могильниках Черноозерье 1 [Генинг, Стефанова, 1994, с. 13, 14, 60, рис. 26] и Сопка-2/5 (№625).

Костяные предметы в руке или у лица умершего (рис. 1 Б, 1-3; 2). У погребенных детей, подростков (10 фактов) и взрослого, в районе кистей или в непосредственной близости от них обнаружены 1-е фаланги лошадей или коровы («бабки» - 6 фактов – рис. 1-1), комплекты таранных костей овец-коз («астрагалы» - 4 наблюдения – рис. 1-2), кости рыбы (1 случай). Отметим, что во всех трех случаях, когда предмет располагался непосредственно среди фаланг кисти, он находился среди костей правой руки (рис. 2 Б). В 6-ти комплексах предметы лежали непосредственно у челюстей или около лица. В погребении №121 бабка находится на костяной ложке и расположена у челюстей (рис. 1 3; 2 А). Ложка с двумя астрагалами обнаружена также в нарушенном погребении №233, где ее положение относительно черепа невозможно реконструировать. Комплект астрагалов и фаланга находились между лучевыми костями рук (№№117 – рис. 1 Б; 164). Для детских погребений группы Б в целом характерно помещение скоплений астрагалов в стороне от туловища (куда повернуто лицо) и в изголовной части могил. Иногда эти предметы образуют комплекс с керамическими сосудами (рис. 1 Б). Компактность скоплений астрагалов, ве-

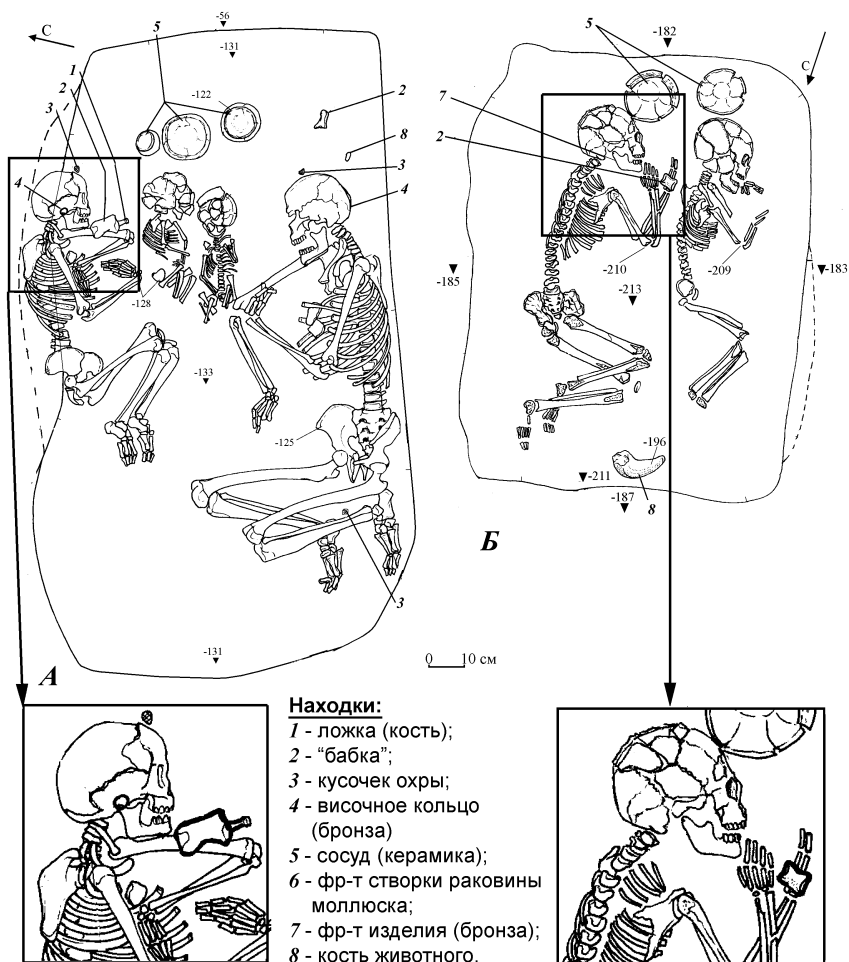

Рис. 2. Тартас-1. Планы погребений №121 (А) и №41 (Б).

роятно, подразумевает их первоначальное помещение в несохранившуюся органическую емкость.

Предположим, что предмет у рта (на ложке) подразумевает символическое питание умершего в один из моментов ритуального цикла. В такой позиции мы наблюдали астрагалы барана, фаланги лошади и коровы. Расположение предмета в руке подразумевает, что умерший должен себя кормить сам, т.е., вероятнее всего, после завершения ингумации, уже в «ином» мире. Помещение астрагалов и бабок у лица можно рассматривать как вариант того же действия, только менее очевидный. Иногда интересующие нас предметы находились рядом с сосудом, образуя единый

(вероятно, «пищевой») комплекс предметов. Можно допустить, что эту же семантическую нагрузку имеют астрагалы и бабки из погребений условно федоровской (№41 – рис. 2 Б) и андронидной группы А могильника Тартас-1. В последнем случае скопления астрагалов помещены между туловищем и рукой умерших детей, лежащих вытянуто на спине (например, №126, 128).

Обобщение всех наблюдений (бабка \ астрагал - ложка - кисть - рот), указывает на то, что астрагалы, фаланги, реже рыба, являлись символической пищей для умерших. Хотя вариативность практики допускала различное положение данных предметов в комплексах. Астрагалы и фаланги могли символизировать, например, животную особь или стадо, которые сопровождают умершего при переходе, и \ или обеспечивают его инобытие, и \ или обозначают опосредованное участие в тризне вместе с родственниками. Помимо астрагалов обязательной сопроводительной пищей являлось и содержимое сосудов. Подчеркнем, что зафиксированные действия теснее всего связаны с обрядом погребения детей и подростков. Вероятно, обозначать при погребении взрослых таким способом пищу (или животных) не было необходимости. Перспективен анализ самих костяных предметов: изучение следов на них (часть астрагалов имеют сквозные или глухие отверстия, следы на гранях, орнамент); определение принадлежности к одной или нескольким особям, а также анализ количества изделий в комплексах. Выдвинутая гипотеза никак не отрицает и наиболее распространенной игровой интерпретации данных вещей в детских могилах. Теоретически эти предметы могли использоваться и в игре, и в ритуальной практике, и в быту (счетные жетоны для скота) в рамках одной культурной традиции (напр., [Молодин, Ефремова, 1998, с. 306]). Их значение, в зависимости от ситуации и контекста, могло меняться. Такой вариант совмещения счетной и ритуальной функции костей можно предположить и в рассмотренных комплексах – количество костяных предметов символизирует число и вид сопровождающих \ поедаемых \ жертвенных животных. Кроме того, на Тартасе-1 обнаружен комплекс астрагалов, уложенных в межмогильном пространстве (объект 32). Это, вероятно, указывает на то, что таранные кости овцы-козы использовались в поминальном цикле в том же символическом значении, которое мы попытались реконструировать. Возможно, это своеобразный аналог жертвенным комплексам, известным на многих андроновских памятниках обширной территории (напр., [Матвеев 1998, с. 204-216]).

Астрагалы и бабки в захоронениях кротовской культуры (Сопка-2/4-5) встречаются у взрослых и у детей, но у последних гораздо чаще. Собственно, в позднекротовских комплексах Сопки-2/5 и Тартаса-1 эта категория инвентаря становится практически детской. Но контекстов, являющихся поводом трактовать астрагалы и бабки как символическую пищу, нет. На могильниках ЕК-П2 и Черноозерье-1 подобные предметы являются массовым материалом. Здесь зафиксированы схожие контексты их распо-

ложения, в том числе вместе с костяной ложкой и сосудами [Матюшенко, 2004, с. 50, рис. 60; с. 77, рис. 102; с. 112, 113; рис. 162; с. 128, 129, рис. 190; Генинг, Стефанова, 1994, с.13, 39, рис. 5; с. 16, с. 45]. Эти аналогии в очередной раз подчеркивают эпохальную и культурную близость этих крупнейших могильников андроновского времени Обь-Иртышья.

Сбор подобных контекстов в материалах других памятников продолжается. Наиболее перспективен поиск аналогий из собственно андроновских комплексов. В результате мы сможем оценить зафиксированную погребальную специфику как андронидную, или как общую для всей андроновской культурно-исторической общности.

Примечания

Генинг В.Ф., Стефанова Н.К. Черноозерье-I – могильник эпохи бронзы Среднего Прииртышья. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1994. – 66 с.

Матвеев А.В. Первые андроновцы в лесах Зауралья. – Новосибирск: Изд-во «Наука», 1998 – 417 с.

Матюшенко В.И. Еловский археологический комплекс. Часть вторая. Еловский II могильник. Доирменские комплексы. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2004. - 468 с.

Молодин В.И., Ефремова Н.С. Коллекция астрагалов святилища Кучерла-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. Т. IV. – С. 300-309.

Молодин В.И., Парцингер Г., Гришин А.Е., Новикова О.И., Соловьев А.И., Гаркуша Ю.Н., Марченко Ж.В., Пицонка Х., Казакова Е.А. Некоторые результаты полевых исследований памятника Тартас-1 в 2007 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – Т. XIII. Часть 1.

*А.П. Деревянко, Ким Бонгон, С.В. Алкин, С.П. Нестеров,
А.Л. Субботина, Хон Хёну, Ю Ынсик*

СОВМЕСТНЫЕ РОССИЙСКО-КОРЕЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТРОИЦКОГО МОГИЛЬНИКА В АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ В 2007 ГОДУ*

Благовещенским и Приамурским отрядами Института археологии и этнографии СО РАН были продолжены исследования территории Троицкого могильника (Ивановский район Амурской области), в которых приняли участие сотрудники Государственного научно-исследовательского института культурного наследия Республики Корея. Памятник, который по-прежнему является базовым для изучения троницкой группы мохэской археологической культуры эпохи раннего средневековья в Западном Приамурье (VIII – XI вв.), был открыт в 1967 г. А. П. Деревянко. В конце 1960-х – первой половине 1970-х гг. проводились его раскопки под руководством Е.И. Деревянко [Деревянко Е.И., 1977], в 2004 – 2006 г. – Благовещенским отрядом под руководством С. В. Алкина [Алкин, Фэн Эньсюэ, 2006; Ахметов, 2006; Стоякин, 2006].

Грунтовый могильник Троицкий находится в 2,9 км северо-западнее одноименного села на мысу второй надпойменной террасы р. Белой, которая протекает у его подножья. Мыс представляет собой песчаную рёлку, склоны которой круто спускаются к заболоченной пойме реки. Высота верхней поверхности мыса составляет в среднем 4 м над современным урезом воды в р. Белой

В ходе работ на могильнике в полевой сезон 2007 г. к востоку от раскопов 1969, 1972 – 1974 гг. был заложен раскоп IX, площадь которого (вместе с прирезками) составила 115,25 м².

До начала работ в раскопе было зафиксировано 19 западин. Они имели округлую или овальную в плане форму с размерами 1,72 – 2,82 м по длинной оси, 1,20 – 2,20 м в поперечнике и глубиной 0,05 – 0,33 м. В дальнейшем выяснилось, что 16 западин были связаны с могильными ямами. Кроме того, в ходе раскопок обнаружены ещё три погребения без западин на современной поверхности.

В ходе работ над каждой западиной по длинной оси были оставлены бровки шириной 10 – 15 см. Это позволило изучить процесс их формирования. Могильные ямы сооружались в слое желто-коричневой комковатой глины (слой 3). В результате отжига, проводившегося в процессе подго-

*Работа выполнена при поддержке: РФФИ (№№ 07-06-10019 и 06-06-80468), РГНФ (№ 06-01-00436) и программы РНП 2.2.1.1.2183.

товки ям, на их краях формировался слой выброса из суглинка с частицами угля и прокала. После завершения обряда захоронения дно и стенки ямы слегка присыпались слоем извлеченного ранее грунта, в результате чего формировалась чашевидной формы западина. Процесс дальнейшей археологизации объекта выразился в постепенном естественном задерновывании, о чем свидетельствует наличие в разрезах прослоев мешаного суглинка, как правило, чашевидного профиля. Кроме этого происходило сползание грунта выкида с краёв могильной ямы, что, в конечном счете, придавало западине форму воронки. Завершающей стадией процесса было заполнение этого углубления темным и черным гумусированным грунтом (рис. 1, 3).

В дополнение к ранее полученным данным о погребальном обряде троичных мохэ в ходе раскопок 2007 г. были сделаны следующие наблюдения. Все изученные захоронения совершены в грунтовых ямах. Они имеют подпрямоугольную в плане форму, ориентированы продольной осью по линии С-Ю. Размеры входного отверстия ям составляют от 1,30 x 0,55 м до 2,58 x 1,40 м, размеры по дну – от 1,10 x 0,48 м до 2,45 x 1,35 м, глубина от 0,19 до 0,79 м. Стенки имеют небольшой наклон внутрь, но в целом практически вертикальные. Дно могил ровное. В некоторых погребениях зафиксированы остатки сгоревших деревянных конструкций: перекрытия (м. 279), рам-обкладок (м. 271, 273, 275, 277, 279, 282, 286) и гроба (м. 277) (рис. 1, 1, 2). Все деревянные конструкции несут следы сожжения, хотя в некоторых случаях та их часть, которая прилегает к стенкам ямы, не горела. На стенках могильных ям также фиксируются следы прокаленности почвы. В то же время явных следов сожжения на артефактах и костяках не отмечено. Следует отметить небольшое количества жженных костей в некоторых могилах (м. 275, 285, 286).

В 17 погребениях обнаружены свидетельства совершения обряда вторичного захоронения (м. 268 – 271, 273 – 283, 285, 286). Кости в них (кроме м. 274) залежали компактными скоплениями вне анатомической последовательности. Предварительные антропологические определения говорят о том, что в одной могиле могли находиться останки от одного до трёх взрослых. Антропологическая коллекция представлена черепами (целыми и фрагментированными), длинными костями конечностей. Прочие кости скелета (позвонки, кости стопы, ребра, грудина, таз) присутствуют только в виде мелких фрагментов. Закономерность в расположении отдельных частей скелетов не прослеживается. В ряде случаев нашло подтверждение ранее сделанное наблюдение, что черепа погребённых обычно укладывались в северной части могилы. Из общей картины выбивается погребение 274, в котором находились череп и кости нижней части скелета (крестец, таз, кости ног) в анатомической последовательности. В погребении 285, кости, принадлежащие двум индивидуумам, были обнаружены как в заполнении западины, так и на дне могилы. Возможно, в данном случае имело место так называемое «ярусное захоронение», подобное описанным

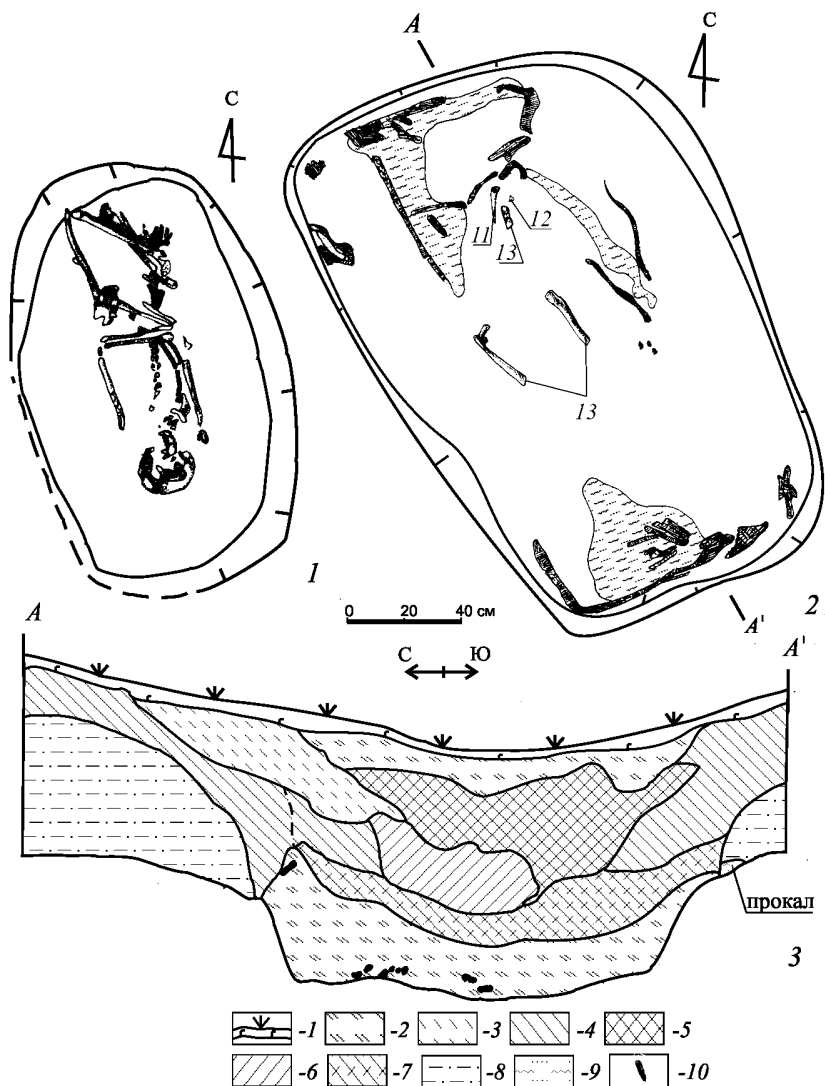

Рис. 1. Планы и стратиграфия погребений. 1 - погребение 284, план на уровне дна; 2 - погребение 277, план на уровне дна; 3 - разрез могилы 277.

Условные обозначения: 1 - дерн; 2 — серо-желтый суглинок - заполнение могилы, мешаное; 3 — суглинок желто-белесый (выкид из могилы); 4 - суглинок темно-серого цвета с угольками и прокаленными частицами (выкид из могилы); 5 - заполнение могилы черного цвета; 6 - суглинок темного цвета; 7 - темный гумусированный суглинок с пурпурным оттенком; 8 - глина комковатая желто-коричневая; 9 - прокал красно-оранжевого, кирпичного цвета; 10 - угли, головни; 11 - железный наконечник копья; 12 - керамика; 13 - кости человека.

ранее м. 104/105 и 200 [Деревянко Е.И., 1977, с. 67-68, 103-105]. В м. 272 находок не обнаружено.

В могиле 284 (западина на поверхности отсутствовала) было совершенно захоронение по первичному обряду, чрезвычайно редкому на могильнике. Обнаружен практически целый скелет (отсутствуют только ребра, часть позвоночника, кости кистей рук) (рис. 1, 1). Погребенный лежал головой на юг, его ноги согнуты в коленях. За исключением южной ориентации, положение погребённого аналогично изученному в 2005 г. погребению м. 258. Но в м. 284 отсутствует сопроводительный инвентарь.

Основными категориями инвентаря вторичных захоронений являются: керамика и изделия из железа. Горшки троцкого типа небольших размеров, гладкостенные или сплошь покрытые ложнотекстильным орнаментом (рис. 2, 1) располагались, как правило, в северо-западном углу могилы в перевёрнутом виде. Дно у всех сосудов, обнаруженных в 2007 г. оказалось пробито в центре. Комплекс железных изделий включает: наконечники копий (рис. 2, 4), гвозди, палаш, ножи, панцирные пластины, колокольчик, пряжки и звенья цепочек. Практически все изделия фрагментированы. Предполагается, что пробивание дна сосудов и преднамеренное повреждение изделий из металла связаны с обычаем умерщвления вещей. Кроме того отмечена новая деталь погребального обряда: в обоих случаях находки железных наконечников копий (м. 277 и 283) они были помещены внутрь керамических сосудов. Кроме того, в м. 285, инвентарь которой отличается особым разнообразием, были найдены характерные для троцкой группы *мохэ* предметы – орнаментированные лошадиные бабки (рис. 2, 2, 3). В м. 274 по обеим сторонам от черепа обнаружены серебряные серьги, одна из которых в сборе с нефритовым кольцом. Справа от черепа найдены 2 бронзовые бусины с остатками кожаного ремешка и спёкшиеся остатки не поддающихся идентификации железных изделий. Ниже последних был найден ворс шкуры животного, приставляющий собой, по-видимому, остатки подстилки, на которую был уложен череп и кости ног (на момент захоронения еще имели связи) и погребальный инвентарь.

В ходе исследований 2007 г. было продолжено изучение северо-западной периферии некрополя на краю террасы р. Белая, где в предшествующие годы удалось выявить участки с хорошо сохранившимся слоем неолитического времени. Площадь раскопа составила 25 м². В основании подпернового слоя и подстилающем горизонте были найдены фрагменты раннесредневековой керамики, кости животных (в т.ч. зубы лошади). Обращает на себя внимание комплекс в северо-западном углу раскопа, где на границе второго и третьего (неолитического) слоя было обнаружено пятно прокаленной почвы. При его разборе выявлено чашевидное углубление мелкого профиля со следующими находками: кости лошади (в верхней части заполнения), угольки и кальцинированные кости, а также развал керамического сосуда троцкого типа. Можно предположить, что тут на пе-

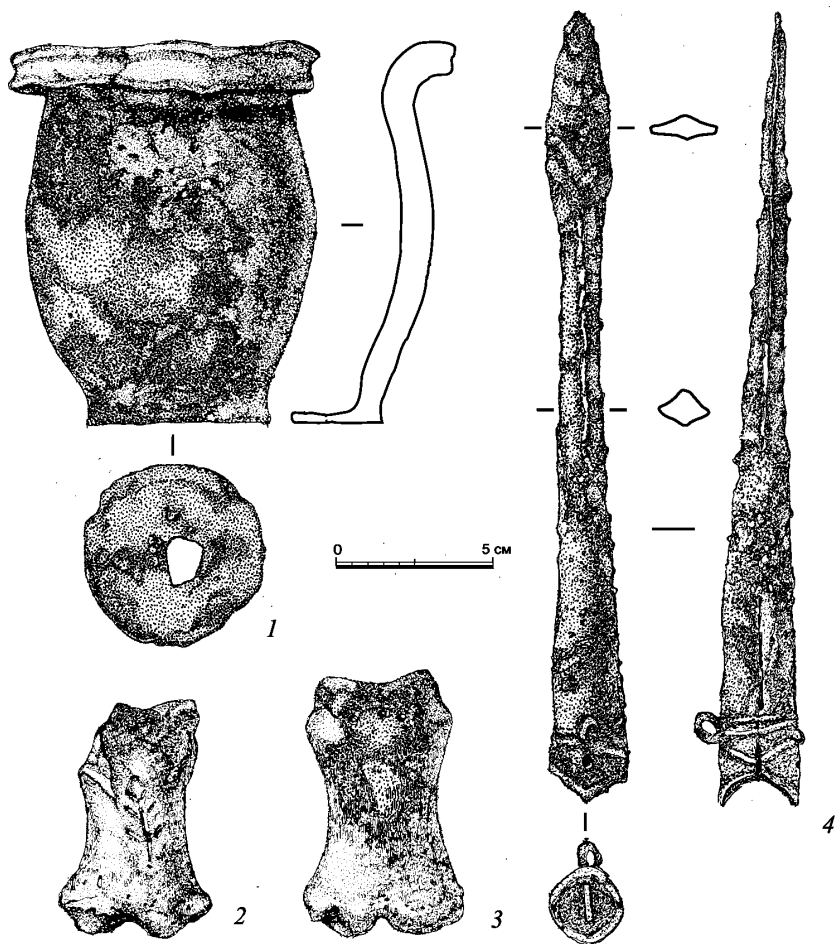

Рис. 2. Погребальный инвентарь из могилы 285. 1 – керамический сосуд, 2, 3 – лошадиные бабки, 4 – железный наконечник копья (рис. Я. Ю. Филипович).

риферии могильника совершались поминальные обряды либо обнаружено погребение со следами кремации.

Неолитический слой содержал материалы осиноозёрской культуры. Они представлены характерной керамикой с наlepными криволинейными валиками с насечками, ретушированными каменными изделиями на отщепках из халцедона.

В ходе исследований сезона 2007 г. на Троицком могильнике, который на сегодняшний день остаётся важнейшим источником для изучения одной из групп *мохэ*, производилось доисследование западной части некрополя. Были получены новые материалы по археологии культуры троицких *мохэ*,

сделаны новые наблюдения по стратиграфии памятника (особое внимание уделено изучению особенностей микростратиграфии, позволившее уточнить характер формирования западин могильных ям), новые данные по погребальному обряду троицких *мохэ*. Во всех возможных случаях взяты материалы для проведения генетического анализа (в лаборатории ИЦиГ СО РАН) и радиоуглеродного датирования. В секторе антропологии ИАЭТ СО РАН начата обработка новых антропологических материалов. Результаты специальных исследований помогут прояснить ряд вопросов по хронологии и маршрутам миграций средневекового тунгусо-маньчжурского населения и их контактов с аборигенными популяциями.

Примечания

Алкин С.В., Фэн Энъюэ. Совместные российско-китайские исследования Троицкого могильника в Амурской области в 2004 г. // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2006. – Том 5. - Вып. 4: Востоковедение. – Новосибирск, 2006. – С. 132-134.

Ахметов В.В. Погребальный обряд троицких *мохэ* (по материалам раскопок 2004-2005 гг.) // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий: Материалы XLVI региональной (II всероссийской) археолого-этнографической конференции студентов и молодых учёных. – Красноярск: Красноярский гос. педаг. ун-т, 2006. – С. 5-7.

Деревянко Е.И. Троицкий могильник. – Новосибирск: Наука, 1977. – 224 с.

Стоякин М.А. Комплекс вооружения Троицких *мохэ* (по материалам раскопок Троицкого могильника в 2004-2005 гг.) // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий: Материалы XLVI региональной (II всероссийской) археолого-этнографической конференции студентов и молодых учёных. – Красноярск: Красноярский гос. пед. ун-т, 2006. – С. 65-68.

ИЗУЧЕНИЕ ГОЛОЦЕНОВЫХ СЛОЕВ В ВОСТОЧНОЙ ГАЛЕРЕЕ ДЕНИСОВОЙ ПЕЩЕРЫ*

В центральной части восточной галереи Денисовой пещеры (сектор 6) в 2007 г. вскрыта толща голоценовых осадков в квадратах 2 – 4 по линиям Д и Е общей площадью 6 м². Для определения литологических слоев за основу была принята нумерация голоценовых отложений на раннее исследованных участках пещеры – в центральном зале и в устьевой зоне южной и восточной галерей [Деревянко, Молодин, 1992; Деревянко и др., 1999а, 2004]. В процессе раскопок выделены стратиграфические подразделения 0, 2, 4 – 6 и 8, а слои 1, 3 и 7 отсутствуют.

Слой 0. Рыхлый бесструктурный осадок темно-серого и черного цвета, гумусированный, насыщенный органическим детритом, со значительным количеством свежих обломков костей и антропогенного материала. Большая часть слоя нарушена современным антропогенным воздействием. Мощность сохранившихся фрагментов слоя колеблется от 0,05 до 0,5 м.

Слой 2 представлен тремя стратиграфическими горизонтами общей мощностью 0,7 м.

2.1. Суглинки легкие, палево-охристые, пористые, рыхлые, алевролитистые, слабо одресвяненные, с обломками костно-копролитового материала, переслаивающиеся с суглинками темноцветными, сажистыми, насыщенными органическим детритом и копролитами, растертыми в тонкие невыдержанные по простиранию слойки. Во включениях отмечены sporadически рассеянные мелкие (1–3 мм) угли. Местами, особенно в подошве горизонта, присутствуют копролиты буровато-коричневых тонов, рассыпающиеся в порошок. Нижняя граница условная, проведена в подошве линзовидных включений суглинков серовато-палевых с сажистыми примазками и прослоями, переходящих в суглинки легкие, почти супеси с копролитами, деформированными до уплощенных линзочек. Мощность горизонта не превышает 0,3 м.

2.2. Суглинки легкие, рыхлые, пористые, преимущественно темно-серые, с легким коричневатым оттенком, с невыдержанными по простиранию прослоями (мощностью 5 мм, протяженностью 10–15 см) костно-копролитового детрита и линзовидными скоплениями (мощностью 2 см и протяженностью 30 см) древесного угля, с нечеткими границами в виде постепенного

*Исследование выполнено в рамках проекта РГНФ № 07-01-00441.

перехода к вмещающим отложениям. В кровле и средней части горизонта отмечены включения суглинков светло-серых, пластичных, пылеватых, тиксотропных. В подошве наблюдается прослой крупных колотых костей прочных, невыветрелых, светло-серого и светло-желтого цвета, с пылеватым одресвяненным заполнителем и спорадически встречающимся мелким известняковым щебнем. Мощность горизонта составляет 0,2 м.

2.3. Суглинки пылеватые, равномерно окрашенные по сравнению с вышележащим горизонтом, с отчетливыми линзовидными включениями (мощностью 3 см и протяженностью 20–40 см) суглинков светло-серых, светло-палевых и белесых, с включениями крупных (до 1 см) древесных углей. Нижняя граница достаточно ровная, четкая, недеформированная, проведена по темноцветному горизонту, обогащенному сажистым детритом и подчеркнутому прослоем сероцветного суглинка. Мощность горизонта до 0,2 м.

Слой 4 представлен тремя разновидностями осадка общей мощностью 0,5 м.

4.1. Суглинки легкие, пористые, темно-коричневые и темно-серые, в нижней части сажистые, обильно насыщенные тонким органическим детритом, с отдельными нечетко ограниченными тонкими (до 1 см) линзовидными прослоями суглинков легких, палевых и коричнево-палевых тонов, включающих разрушившийся костный детрит. Структура пылеватая, непрочная; текстура плохо выраженная, деформированная, линзовидно-слоистая. Отчетливо выделяется по включениям раздробленных костей и копролитов характерного красновато-охристого и палевого цвета. В подошве присутствуют отдельные обломки крупного щебня и мелкие глыбы, вдавленные в кровлю подстилающего горизонта на глубину 10–15 см. Местами горизонт испытал деструктивное антропогенное воздействие – его простираие нарушено углублениями в виде ям, насыщенных средним щебнем, скоплениями фрагментов керамики и крупными обломками прочных невыветрелых светло-желтых костей. Несколько ям углубляются в отложения двух нижележащих горизонтов. Нижняя граница четкая, волнисто-инволюционная, подчеркнута сажистым прослоем матово-черного цвета. Максимальная мощность горизонта 0,2 м.

4.2. Суглинки слоистые, осветленные, сизовато-серые. Разделены тонкими (до 1 см) прослоями суглинков темно-коричневых и почти черных, гумусированных и сажистых, пылеватых и пористых более рыхлых, чем вмещающие отложения. Умеренно насыщены непрочными, рассыпающимися в пыль копролитами палевого цвета. Включают линзы костра, заполненные однородным мучнистым веществом белесого цвета, с отдельными древесными углями. Нижняя граница ровная, четкая, условно проведена по хорошо выраженному сажистому прослою. Мощность горизонта не более 0,1 м.

4.3. Суглинки легкие, сыпучие, во влажном состоянии тиксотропные, сизовато-серые в кровле и серовато-палевые в подошве, с тонкими (0,5–

1,5 см) прослоями сажистого вещества матово-черного цвета. Отмечены многочисленные включения относительно прочных копролитов терракотовых и охристых тонов. Нижняя граница отчетливая, как правило, резкая, слабоволнистая, проведена в подошве сажистого прослоя. Мощность горизонта около 0,2 м.

Слой 5. Суглинки легкие, плотные, серые, светло-серые и коричневато-серые, с отдельными яркими белесыми линзами. У верхней границы слоя отмечены следы антропогенного нарушения, частично уничтожившего маркирующий для его кровли прослой суглинков легких, однородных, серовато-коричневых, пористых, со слабо выраженными тиксотропными свойствами, с четкой тонкоплитчатой структурой, ориентированной согласно залеганию кровли слоя. Ниже встречаются обломки светло-палевых, почти белесых копролитов; цвет заполнителя становится серым и светло-серым, исчезает коричневый оттенок. В верхней и средней частях слоя серые суглинки разделены четкими прослоями темного матового цвета. В нижней части слоя, у скальных стен полости залегали две выпуклые вниз линзы, заполняющие переуглубление в кровле подстилающих щебнистых отложений. Линзы (мощностью 20 см) выполнены суглинком легким, серым, пористым, пылеватой структуры, обильно насыщенным включениями древесного угля и с редкими одиночными копролитами. Нижняя граница слоя достаточно четкая, проведена по тонкому мелкощебнистому дресвянистому прослою. Мощность слоя колеблется от 0,3 до 0,45 м.

Слой 6. Мелкощебнистая сильно редуцированная прерывистая неровно залегающая отмокта. Обломочный материал известнякового состава, непрочный, рассыпающийся в руках, сильно корродированный. Для обломков характерно слабое развитие фосфатной цементации в виде белесых корочек, не реагирующих с соляной кислотой. Мощность слоя около 0,1 м.

Слой 8. Суглинки легкие, алевритистые, яркие, красновато-охристые и желто-охристые с прослоями суглинков легких, черных, сажистых, насыщенных мелкими марганцевыми новообразованиями. Нижняя граница четкая, резкая, проведена по контакту с плейстоценовым осадком бурого цвета. Мощность слоя около 0,15 м.

Археологическая коллекция из всех литологических подразделений разреза насчитывает около 750 фрагментов керамики, 172 каменных и шесть костяных артефактов, а также два изделия из металла. Стратиграфические наблюдения свидетельствуют о том, что в период формирования толщи голоценовых отложений археологический материал неоднократно перемещался в горизонтальном и вертикальном направлениях под влиянием антропогенных нарушений. Поэтому вся совокупность находок разделена в соответствии с крупными археологическими периодами.

Керамический комплекс из стратиграфических подразделений слоя 2 имеет смешанный характер. С эпохой средневековья связаны фрагменты тонкостенной профилированной керамики с выраженной шейкой и туловом. Тулово не декорировано, орнамент нанесен только на горловине сосу-

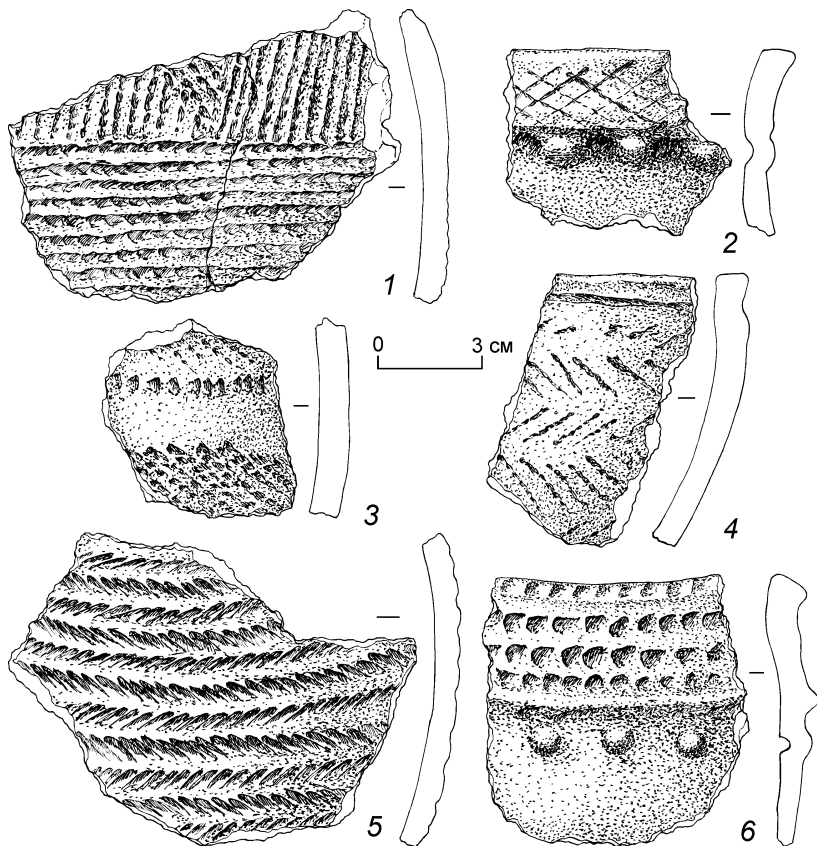

Рис 1. Керамика из восточной галереи Денисовой пещеры.
1, 3–5 – эпоха ранней и развитой бронзы; 2 – эпоха поздней бронзы;
6 – эпоха раннего железа.

да. В одном случае шейку украшает ряд «жемчужин», в другом – горловина орнаментирована наклонными рядами крупнозубчатой гребенки, а шейка оформлена чередованием «жемчужин» и ямочных наколов.

Керамика раннего железного века представлена фрагментами характерного оранжевого цвета от тонкостенного плоскодонного слабопрофилированного сосуда. Венчик сосуда оформлен двумя горизонтальными рядами наклонных оттисков и выделен валиком, ниже которого расположен ряд «жемчужин» (рис. 1, 6).

К эпохе поздней бронзы относятся фрагменты керамического сосуда с уплощенным в верхней части венчиком, покрытым геометрическим орнаментом в виде косой сетки, и шейкой, украшенной чередующимися «жемчужинами» и «ямочками» (рис. 1, 2).

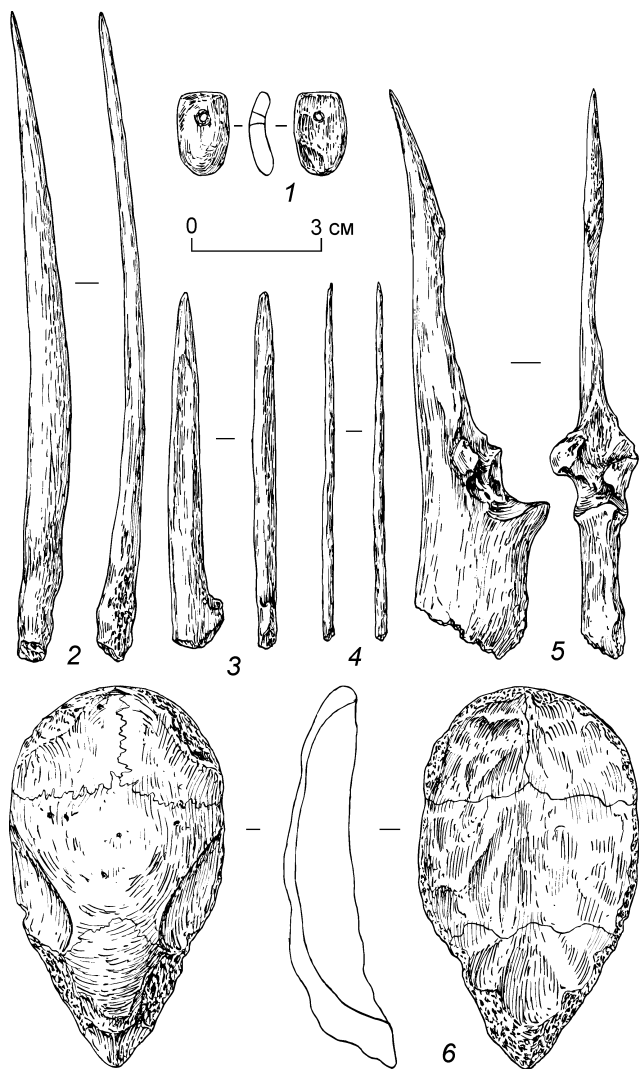

Рис 2. Костяные (1–3, 5, 6) и металлические (4) изделия эпохи бронзы из восточной галереи Денисовой пещеры.
1 – подвеска; 2–5 – шилья; 6 – ложка.

В границах литологического слоя 4 и верхней части слоя 5 обнаружены фрагменты керамики эпохи развитой и ранней бронзы. Среди них наиболее интересны развалы двух баночных плоскодонных сосудов. У первого сосуда орнаментированы горловина и верхняя четверть тулова, а также его придонная часть. Орнамент выполнен горизонтальными линиями, нанесенными несколькими параллельными рядами протасенной гребенки.

Срез венчика с внутренней стороны украшен вертикальными насечками. Внешняя сторона сосуда залощена, а внутренняя – затерта. Второй сосуд, судя по сохранившимся фрагментам, полностью покрыт орнаментом в виде горизонтальных рядов взаимопроникающих треугольников, нанесенных техникой отступающей палочки. Край венчика оформлен ритмичными вдавлениями, образовавшими по внешнему краю рельефную волну (рис. 1, 4).

Достаточно выразительный керамический материал представлен фрагментами толстостенных круглодонных сосудов афанасьевского времени, декорированных прочерченными линиями, рядами горизонтальной «елочки» или «шагающей гребенки» (рис. 1, 1, 3, 5). Кроме керамики к афанасьевскому времени относятся наборы костяных (четыре шила (рис. 2, 2, 3, 5), подвеска (рис. 2, 1), ложка (рис. 2, 6)) и бронзовых (четырёхгранное шило (рис. 2, 4) и обойма) изделий, а также каменный наконечник стрелы из нижней части слоя 5. Остальная коллекция обработанного камня состоит из трех аморфных нуклеусов, ретушированного отщепы, расколотых галек и обломков.

В отложениях слоев 6 и 8 найдено несколько каменных изделий палеолитического облика, которые попали в голоценовую толщу, скорее всего, по ходам землероев из нижележащих плейстоценовых слоев.

Таким образом, многочисленные антропогенные нарушения голоценовых отложений в центральной части восточной галереи существенно затрудняют культурно-хронологическую интерпретацию обнаруженных там находок. Вместе с тем результаты раскопок предшествующих лет [Деревянко и др., 1999б, 2004] позволяют отнести материалы из слоя 2 к раннему железному веку, а находки из отложений слоев 4 и 5 достаточно определенно датировать эпохой бронзы.

Примечания

Деревянко А.П., Молодин В.И. Денисова пещера. – Новосибирск: Наука, 1994. – 262 с.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Агаджанян А.К., Аношкин А.А., Ульянов В.А. Изучение голоценовых отложений Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999а. – Т. 5. – С. 354 – 359.

Деревянко А.П., Молодин В.И., Шуньков М.В., Аношкин А.А. Археологическое изучение голоценовых слоев Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999б. – Т. 5. – С. 348 – 353.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Ульянов В.А., Черников И.С. Исследование голоценовых слоев в Денисовой пещере // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. 10, ч. I. – С. 250 – 254.

ГЕОФИЗИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КУРГАНА ХУННУ МОГИЛЬНИКА НОИН-УЛА (СЕВЕРНАЯ МОНГОЛИЯ)*

Необходимость геофизического исследования в Ноин-уле была связана с тем, что территория памятника является заповедником и раскопки большими и сплошными площадями поросшего лесом межкурганного пространства были неосуществимы. В то же время, рядом с раскопанным в 2006 году 20 Ноинулинским курганом могли быть сопроводительные захоронения, не заметные на поверхности, так как это было рядом с курганом 7 могильника Царам в Забайкалье [Миняев, Сахаровская, 2002, с.80-118]. Другой задачей было исследование с помощью геофизических методов одного из нераскопанных больших курганов хунну в Ноин-улинском могильнике, с целью проверки возможностей этих методов для предварительного изучения памятника.

Методика. Аппаратура. В качестве измерительного прибора использовался квантовый магнитометр-градиентометр G-858 фирмы Geometrics. Как результат единичного измерения рассматривается разность синхронных значений магнитного поля между двумя датчиками, расположенными на одной оси на расстоянии 76 см друг от друга. Оба датчика выполняют синхронные измерения модуля полного вектора магнитной индукции. Такой подход позволяет исключать разнообразные мешающие факторы – влияние геомагнитных вариаций как внешнего (магнитосфера), так и внутриземного происхождения. Поскольку значения магнитного поля от этих удаленных источников будет одним и тем же для каждого из датчиков, в разности синхронных значений поля это влияние будет исключаться. В то же время, близкие к измерительному комплексу источники магнитного поля будут оказывать разное влияние на каждый из датчиков. Чувствительность этого прибора – 0.05 нТл при цикле измерений 0.1 сек и 0.01 нТл при цикле 1 секунда.

Методика наблюдений. Конструкция измерительной системы градиентометра G-858, состоящая из двух датчиков, позволяет проводить наблюдения как методом горизонтального, так и вертикального градиентов. В данном случае при выполнении съемки использовался метод вертикального градиента.

*Работы проводились при поддержке грантов РФФИ № 06-006-8800069-а; Комплексного интеграционного проекта СО РАН № 7.5

Наблюдения выполнялись по профилям, расстояние между которыми составляло: на первом участке – 0,5 метра, а на втором участке – один метр. Интервал между замерами был равен 0.1 секунды, что соответствовало в среднем расстоянию 10 см вдоль профиля при движении оператора со средней скоростью 1 м/сек.

Результаты магнитного картирования и анализ полученных данных. *Участок 1.* Результаты съемки представлены двумя картами с разной степенью разрешения. На первой карте изолинии в интервале малых значений магнитного поля проведены через 1 нТл, на второй карте – через 5 нТл. Выделяются 2 наиболее интенсивные магнитные аномалии с размерами до 2 – 3 метров, источниками которых являются сильнонамагниченные объекты. Из аномалий с относительно слабой интенсивностью (до нескольких нТл на рис. 1) выделяются две – три, которые своей формой и размерами напоминают те, которые ранее мы наблюдали над древними захоронениями в Западной Сибири [Дядьков, Молодин, Чемякина и др., 2005, с. 304-309], но нехарактерное для хуннских захоронений расположение длинной оси магнитных аномалий по направлению запад – восток не позволило причислить их к захоронениям. Поскольку интерпретация этих аномалий указывала на близкое расположение их источников к поверхности, в этих местах были организованы раскопки, которые подтвердили предварительно сделанные выводы. Источниками этих аномалий оказались большие камни.

Участок 2. На рис. 1 представлена магнитная карта, полученная в результате проведенной съемки. Курганное сооружение выделяется весьма отчетливо в связи с тем, что в каменной кладке присутствуют камни с высокой намагниченностью. Частично погребенные почвенным слоем стены основного сооружения и дромоса хорошо проявляются в магнитном поле как в виде положительных, так и отрицательных аномалий. Грабительской яме соответствует отрицательная аномалия с размерами 4 x 5 м.

Наличие наряду с положительными также высокоинтенсивных отрицательных аномалий может иметь два объяснения. Во-первых, это может указывать на присутствие в горной породе большого процента остаточной намагниченности, при этом суммарный вектор для отдельных камней может быть развернут относительно направления современного магнитного поля вплоть до противоположного направления. Вторым объяснением могут служить неровности рельефа вдоль профилей съемки и низкое расположение нижнего датчика градиентометра относительно камней в кладке на некоторых участках профиля.

Факт наличия достаточно большого количества сильнонамагниченных камней в кладке кургана на этом участке может ставить вопрос о возможности специального подбора древними строителями более магнитных и крепких камней для сооружения кургана. Однако для ответа на этот вопрос требуются более детальные исследования.

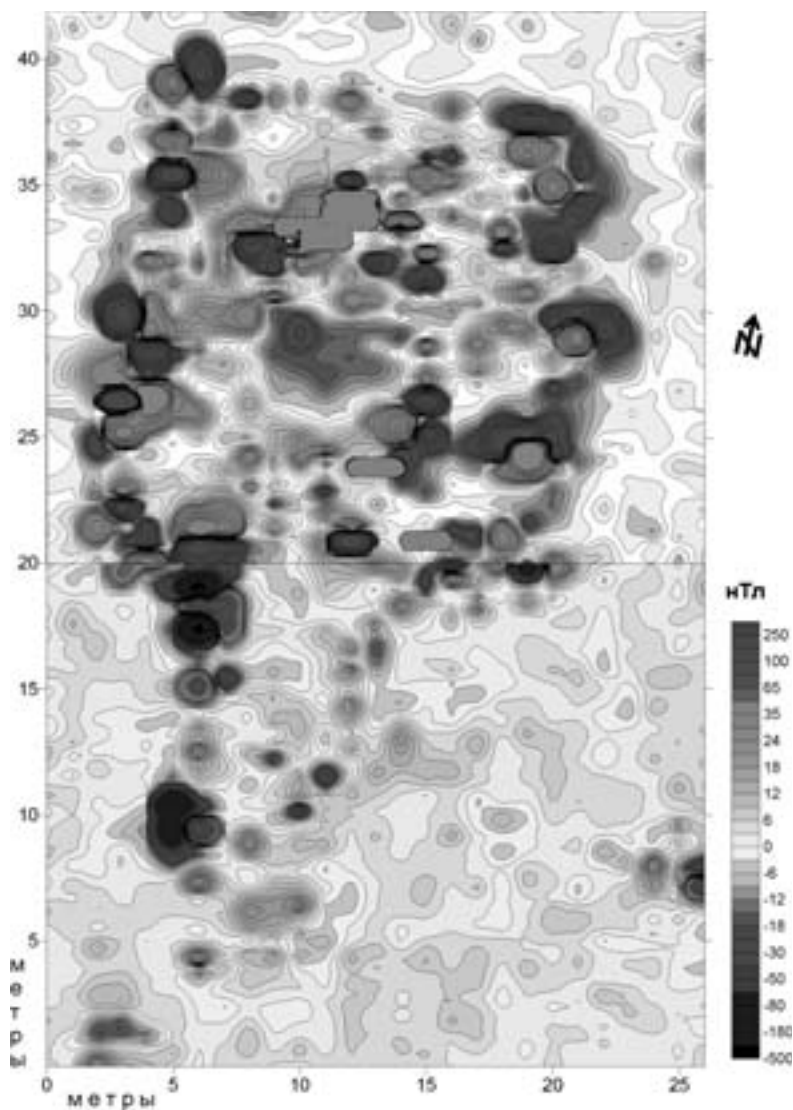

Рис. 1. Магнитная карта участка 2 (курган), полученная в результате магнитной съемки градиентометром G-858. Значения изолиний магнитного поля приведены в нанотеслах (нТл).

Определение магнитной восприимчивости горных пород. Для определения физической природы регистрируемых аномалий важно знание магнитных свойств грунтов и горных пород исследуемого участка. Как на первом, так и на втором участке были зарегистрированы достаточно ин-

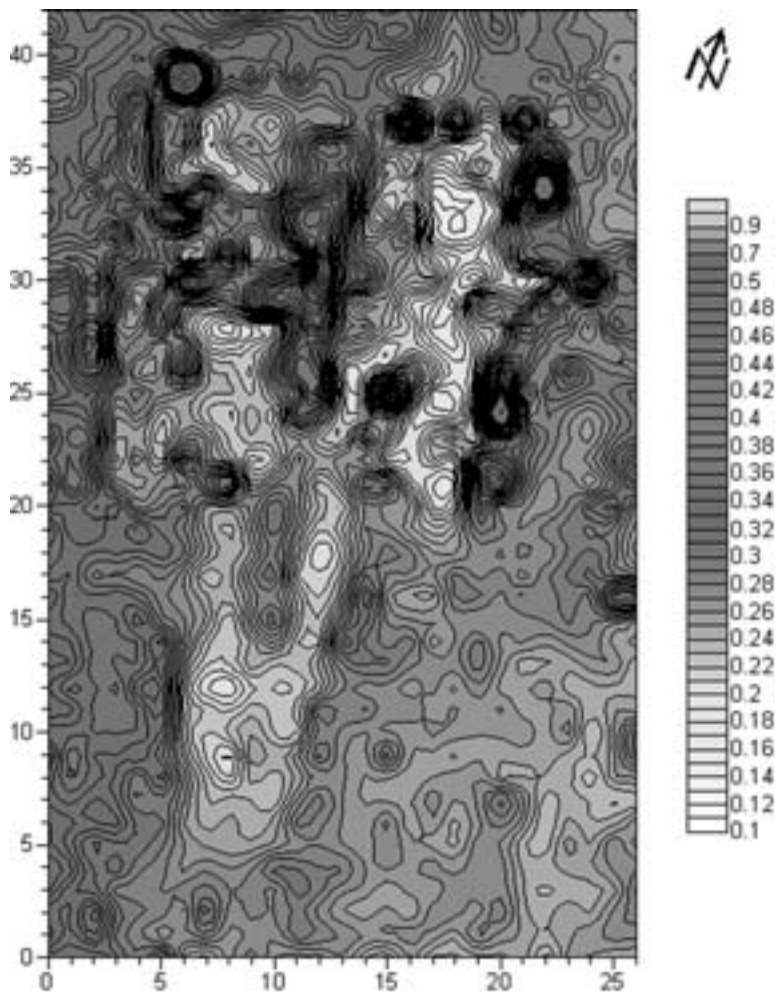

Рис. 2. Карта (кургана) построена прибором ЭМС на частоте 15.6 КГц.

тенсивные аномалии, источниками которых оказались валуны и обломки скальных пород, погребенные в почве.

Нами был отобран образец породы, которой был сложен один из таких сильнонамагниченных обломков. Замеры магнитной восприимчивости этого образца, выполненные в Новосибирске с помощью каппометра МП-01, показали, что его магнитная восприимчивость составляет $\sim 0,004 - 0,006$ единиц СИ. Используя эти данные, методом решения прямой задачи были выполнены расчеты аномальных магнитных полей, вызываемых подобными объектами. Расчеты показали, что наблюдаемые интенсивные

магнитные аномалии (порядка нескольких сотен нТл) совпадают с расчетными, и, таким образом, высокоамплитудные аномалии на обоих участках съемки действительно были вызваны валунами или обломками, состоящими из пород подобного состава.

Параллельно было проведено исследование этого же кургана с применением аппаратуры частотного электромагнитного зондирования ЭМС. Ранее с помощью этого прибора успешно изучались ряд археологических памятников Новосибирской области (городище Чича-1; Барсучий лог; Умревинский острог и др.), Самарской области (Ташолка), Алтайского края (Денисова, Усть-Канская пещеры, палеолитические стоянки), Горного Алтая и Монголии (Пазырыкские курганы) [Балков, Манштейн, Чемякина, 2006, с. 43-50].

Методика. Аппаратура. Аппаратурно-программный комплекс электромагнитного индукционного частотного зондирования (ЭМС) разработан в лаборатории электромагнитных полей Института нефтегазовой геологии и геофизики им. А.А. Трофимука СО РАН, г. Новосибирск. Наземный переносной аппаратурно-программный комплекс ЭМС предназначен для дистанционного исследования объемного распределения удельной электропроводности верхнего слоя почвы на глубинах до 10 метров.

Аппаратура ЭМС реализует метод электромагнитного индукционного частотного зондирования и представляет собой трех катушечный зонд. Генераторный контур излучает электромагнитное поле на 14 частотах в диапазоне от 2.5 кГц до 250 кГц. Аппаратурой измеряются квадратурная и синфазная составляющие разностной э.д.с., индуцированной вихревыми токами, текущими в среде.

Результаты электромагнитного частотного зондирования и анализ полученных данных. Карта (рис. 2) построена прибором ЭМС на частоте 15.6 КГц. На остальных частотах картина не такая выраженная, или совсем отсутствует. Построения выполнены в единицах, нормированных на ток в генераторе и квадрат рабочей частоты. В низкочастотном диапазоне такие нормированные сигналы пропорциональны удельной электрической электропроводности. На карте хорошо видны контрастные по удельной электрической электропроводности области, соответствующие структуре могилы. Темным цветом обозначены более проводящие части среды, а светлым – области с низкой удельной электропроводностью. Для большинства археологических памятников характерен контраст физических параметров (таких как электропроводность и намагниченность) различных фракций грунта, который может быть вызван результатом человеческой деятельности и техногенного вмешательства. В частности, на данной карте области с пониженной электропроводностью соответствуют каменным стенам кургана и стенам дромоса (коридора). Также на карте, сделанной ЭМС-ом, в отличие от магнитной карты, видна перегородка в дромосе, что соответствует археологическим представлениям о данных курганах.

Оба метода геофизического исследования кургана хунну оказались продуктивными и дополняющими друг друга. С их помощью стало возможным проследить во всех деталях скрытую под землей каменную конструкцию погребального сооружения, что является очень важной информацией перед началом археологического изучения памятника.

Примечания

¹ Миняев С.С., Сахаровская Л.М. Сопроводительные захоронения «царского» комплекса № 7 в могильнике Царам // Археологические вести. – 2002. – № 9. – С. 80-118

² Дядьков П.Г., Молодин В.И., Чемякина М.А., Михеев О.А. Магнитометрические исследования археологических памятников Тартас-1 и Преображенка-6 в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. – Т. XI, ч. 1. – С. 304-309.

³ Балков Е.В., Манштейн А.К., Чемякина М.А., Манштейн Ю.А., Эпов М.И. Опыт применения электромагнитного частотного зондирования для решения археолого-геофизических задач // Геофизика, 2006. – № 1, с. 43 – 50.

О СЕВЕРНОЙ ГРАНИЦЕ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОКУНЕВСКИХ ИЗВАЯНИЙ

До недавнего времени самым северным известным изваянием окуневской культуры считалась южная угловая плита тагарского кургана, обнаруженная А.Л. Заикой в 1991 г. на правом берегу Красноярского водохранилища у с. Анаш Новоселовского района Красноярского края. Данный объект вошел в последний опубликованный реестр окуневской монументальной скульптуры под №163 [Леонтьев, Капелько и др., 2006, с. 92, рис. 163]. Новое тысячелетие ознаменовано рядом открытий на западе Северо-Минусинской котловины, расширивших северные границы распространения Окуневских изваяний. Благодаря поисковым работам художников-энтузиастов в 2003-04 гг. были обнаружены изваяния: «Саралинская Тас-Хыз» на восточной окраине п. Сарала (левый берег р. Черный Июс) и «Ханкольская стела» к северу от д. Костино Орджоникидзево района республики Хакасия [Рыбаков, Краснолуцкий, 2005; Рыбаков, 2005].

В 2006 г. сотрудником Шарыповского музейно-выставочного и экскурсионного комплекса Краснолуцким С.А. было обнаружено очередное изваяние, относящееся к окуневской культуре, на восточном берегу Малого озера, в 4 км к юго-востоку от д. Большое Озеро Шарыповского района Красноярского края [Рыбаков, Краснолуцкий, 2007, с. 68]. Изваяние находилось в лежащем положении на вершине доминирующего над окружающей местностью холма. У изваяния отсутствовала нижняя часть, которую удалось С.А. Краснолуцкому найти, расчищая поверхностный слой земли вокруг основного камня и сделать прорисовку в восстановленном виде древней скульптуры (рис. 1).

Осенью 2007 г. археологическим отрядом Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева при непосредственном участии автора находки было произведено обследование местонахождения, произведено контактное копирование изображений на микалентную бумагу (рис. 2). Изваяние выполнено на красноцветном девонском песчанике, в первоначальном исполнении имело размеры 255х27х70 см, являлось юго-западной угловой плитой тагарского кургана (N 55° 10' 05,4"; E 89° 21' 02,3"). Судя по степени выветренности поверхности излома обеих частей изваяния и мощности известкового налета на одной (правой от лицевой части) боковой его поверхности, камень был поврежден в древности, но – после оформления могильной ограды. В 5м

к северу от изваяния сохранились одна вертикально стоящая и одна лежащая песчаниковые курганные плиты. Последняя имеет вид каменного столбовидного менгира, расколотого на три части.

На узкой «лицевой» грани изваяния рельефно выделены: участок с антропоморфной личиной, «грудь» и «живот». Левая широкая грань камня, будучи внешней во время многолетнего горизонтального положения плиты, сильно повреждена и, практически не несет следов изобразительной деятельности. Рельеф личины и составляющие ее элементы преднамеренно сnivelированы в древности путем грубой шлифовки широким абразивом.

Контур личины занимает верхнюю треть камня, имеет вид неправильного овала, оформлен глубокой точечной выбивкой. Ширина контура варьируется, подчеркивая ассиметричность образа (рис. 3). Внутренне пространство личины разделено поперечными желобками на три сравнительно равные зоны. В верхней части показаны три глаза и разделяющие их дугообразные линии. В основании центральной зоны присутствуют кольцевидные «ноздри» носа и боковые дугообразные линии («усы»?). В нижней части показан в традиционной «улыбке» контур рта и очерчивающая подбородок дуга.

Внешнее обрамление личины представлено парными дугообразными линиями, контурами «ушей» и рогов. Венчает личину вертикальный подпрямоугольной формы контур с различными ответвлениями, внутри которого ажурно переплетены волнистые линии. В верхней части «головного убора» выбита окружность, симметрично, по обеим сторонам его сохранились фрагменты неопределенного изображения в виде незамкнутых дугообразных контуров.

Непосредственно под личиной, на уровне «груды» находится двойная окружность с четырьмя боковыми ответвлениями - «соляренный знак». При-

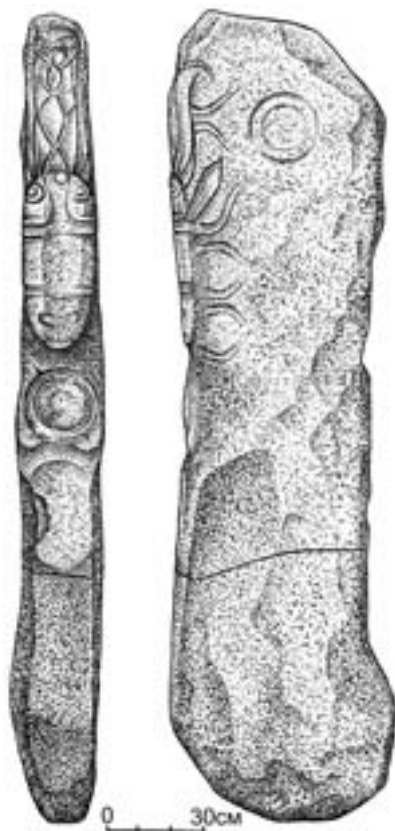

Рис. 1. Малоозерское изваяние.
Прорисовка С.А. Краснолуцкого.

Рис. 2. Общий вид изваяния при микалентном копировании (фото А.П. Березовского).

чем, верхние «отростки» имеют вид тройных «пучков» линий, нижние – разделенных внутри (треугольного и округлого) контуров. Ниже – под «животом» изваяния выявлена трудноопределимая зооантропоморфная фигура (личина?). На правой боковой поверхности камня неглубокой выбивкой нанесены слабо-рельефные изображения в виде дугообразных линий и двойной окружности («соларный знак?»).

Судя по композиционному построению образов, их стилистическим и иконографическим особенностям можно соотнести малоозерское изваяние с «классическим» типом окуневских скульптур – тазминской группой (по Савинову, 2006). Вместе с тем, необходимо отметить, что традиционный принцип окуневской «татуировки» нарушен час-

Рис. 3. Графическая копия изображений (по А.Л. Заике).

тыми случаями иконографического несоответствия правой и левой части личины на малоозерском изваянии. То же справедливо и для внешнего оформления антропоморфного образа, его головного навершия. С одной стороны, учитывая крайне северное положение объекта, можно полагать о факте не совсем умелого подражания классическим образцам. С другой – видеть комбинированное сочетание различных художественных стилей. Если для собственно окуневских изобразительных традиций характерно горизонтальное членение личин, то для таежной и подтаежной зоны Средней Сибири – вертикальное, где присутствует «лево-правая» ассиметрия образа. В основе данного графического разночтения, по всей видимости, лежит мировоззренческий аспект, связанный с различными представлениями о бинарной оппозиции пространственных сфер: «верх – низ» (вертикальная структура мира) и «левое – правое» (горизонтальная модель) [Заика, 2003; 2006]. Беря во внимание зафиксированные факты преднамеренной порчи антропоморфного образа на малоозерском изваянии в древности, можно полагать о сложных межкультурных взаимоотношениях, противоречиях мировоззренческого характера имевших место на северной периферии распространения окуневской культуры, окуневских изобразительных традиций.

Примечания

Заика А.Л. Лодки в страну предков (анализ сюжета в петроглифах Нижней Ангары) // История и культура Приенисейской Сибири. – Красноярск: РИО КГПУ, 2003. – С. 21-31.

Заика А.Л. Антропоморфные личины Нижней Ангары в контексте развития наскального искусства Азии // Окуневский сборник. Культура и ее окружение: Сб. науч. Тр. – СПб.: Изд-во «Эликсис Принт», 2006. – С. 330-342.

Леонтьев Н.В., Капелько В.Ф., Есин Ю.Н. Изваяния и стелы окуневской культуры. – Абакан: Хакаское книжное издательство, 2006. – 235 с.

Рыбаков Н.И. Ханкольская стела (краткое сообщение) // Древности Приенисейской Сибири. - Красноярск: РИО ГОУ ВПО КГПУ, 2005. - Вып. 4. – С. 112-116.

Рыбаков Н.И., Краснолуцкий С.А. Изваяние Саралинская Тас-Хыз (краткое сообщение) // Древности Приенисейской Сибири. - Красноярск: РИО ГОУ ВПО КГПУ, 2005. - Вып. 4. – С. 110-111.

Рыбаков Н.И., Краснолуцкий С.А. Каменные изваяния и стелы междуречья Июсов, Печища и Малого озера (новые находки) // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. – Барнаул: Изд-во Азбука, 2007. – С. 67-70.

Савинов Д.Г. О выделении стилей и иконографических групп изображений Окуневского искусства // Окуневский сборник. Культура и ее окружение: Сб. науч. Тр. – СПб.: Изд-во «Эликсис Принт», 2006. – С. 157-190.

НЕКОТОРЫЕ ПАЛЕОПАТОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ЭПОХ РАЗВИТОЙ И ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ

Палеопатологические характеристики древнего населения являются важным источником при изучении адаптации древних коллективов к окружающей среде. Антропологами выделено три группы маркеров, характеризующие различные виды стресса. Они включают маркеры кумулятивного стресса или суммы всех неблагоприятных воздействий, испытываемых индивидом на протяжении жизни (размерные характеристики посткраниального скелета, демографические параметры). Вторая группа – маркеры эпизодического стресса, представляющие следы неблагоприятного воздействия на организм в определенные периоды жизни (линии Гарриса, эмалевая гипоплазия). Третью группу составляют специфические стрессы - следы некоторых заболеваний и случайных неблагоприятных ситуаций [Бужилова, 1992]. На основании перечисленных маркеров можно прогнозировать природные и культурно-хозяйственные факторы неблагоприятного воздействия на индивида и популяцию в целом.

В данной работе представлена характеристика некоторых локальных групп Западной Сибири, относящихся к андроновской культурно-исторической общности, еловской культуре, ирменской и т.н. “культуре эпохи поздней бронзы” (9-8 вв. до н.э., выделенной на основании материалов могильников Старый Сад, Гондичевский совхоз и Преображенка-3) (таблицы 1,2). В качестве основного признака эпизодического стресса были взяты эмалевая и дентиновая гипоплазии, в качестве признаков специфического стресса - зубной камень, частота прижизненной утраты зубов, частота их травматических повреждений, частота встречаемости кариеса и одонтогенного остеомиелита.

Для обеих андроновских групп характерно полное отсутствие случаев заболевания кариесом. Эмалевая гипоплазия в группе из Черноозерья-1 крайне редко встречается у мужчин и значительно чаще у женщин. В Еловском-2 могильнике ситуация обратная. Гипоплазия эмали является маркером физиологического стресса, связанного с нарушением питания, острыми непродолжительными голоданиями, или дефицитом витамина D в организме, в связи чем нарушается процесс роста организма. Признаки ее в виде горизонтальных бороздок или ямок на эмали коронок зубов, формируются в процессе закладки постоянных зубов. Гипоплазия дентина, связанная с нарушениями белково-минерального минерального обмена

внутриутробно или в раннем детском возрасте [Аксянова, Боброва, Яковлев, 2004], отмечена только в Томском Приобье в одном случае у женщин (у этой погребенной обнаружена также и гипоплазия эмали) и в одном случае у мужчин. Одонтогенный остеомиелит отсутствует в обеих популяциях. Частота встречаемости зубного камня несколько повышена у мужчин из Черноозерья-1, и только у них отмечаются травмы зубов. Прижизненная утрата зубов в обеих популяциях отмечается очень редко, и связана с их изношенностью в преклонном возрасте.

В еловское время в Томском Приобье снижается частота встречаемости гипоплазии у мужчин и повышается у женщин. Вызвавшие её причины имели место в возрасте 4-5 лет во всех случаях и возможно связаны с переходом от грудного вскармливания к взрослой диете. Случаев кариеса у еловцев не зафиксировано. Зубной камень в женской группе еловской культуры встречается реже, чем у андроновцев, в мужской – с близкой андроновскому времени частотой. Прижизненная утрата зубов имела место у троих женщин. В отличие от ирменских и андроновских групп, где выпадали в основном моляры и премоляры в преклонном возрасте, среди еловских женщин у всех погребенных утрачены верхние резцы. В одном случае их утрата явно носила травматический характер (отмечаются повреждения челюсти), причем погребенная умерла в возрасте 25-30 лет. Среди мужчин в одном случае отмечены альвеолярные абсцессы на вторых нижних молярах.

Серия из Старого Сада по частоте встречаемости практически всех патологий, за исключением зубного камня, очень близка андроновцам Томского Приобья. Частота встречаемости зубного камня в данной группе несколько выше. У мужчин встречены альвеолярные абсцессы, у одной женщины и одного мужчины наблюдается прижизненная утрата зубов.

В локальных группах ирменского времени продолжается отмеченная у еловцев тенденция к понижению частот встречаемости гипоплазии в мужских группах (за исключением Таная-7), но отмечается ухудшение состояния зубной системы населения Западной Сибири, связанное с изменениями питания. Во всех ирменских популяциях и у мужчин и у женщин отмечены случаи заболевания кариесом и альвеолярные абсцессы (табл. 1,2). Как правило, поражались вторые нижние и верхние моляры. Резко возрастает частота встречаемости зубного камня и число травматических повреждений зубов, связанных с употреблением твердой пищи. Прижизненная утрата зубов обнаружена только в популяции из Журавлево и связана с преклонным возрастом погребённых.

В группе из Таная-7 очень велика частота заболевания пародонтозом, который отсутствует во всех других сериях. Данная популяция, видимо, находилась в крайне неблагоприятных условиях. Возможно, в ней существовали гендерные различия в составе диеты, поскольку в мужской группе исключительно велик процент встречаемости гипоплазии, а в женской – сколов эмали. Это, вероятно, было вызвано тем, что в детском возрасте

Таблица 1. Частота встречаемости основных патологий зубной системы в мужских группах

Группа	кариес	гипоплазия эмали	гипоплазия дентина	нарушения сроков прорезывания зубов	абсцесс	зубной камень	сколы эмали	пародонтоз	прижизненная утрата зубов
Журавлево-4 (ирменская культура)	8,7	8,7	0	4,35	8,7	69,6	8,7	0	21,7
Танай-7 (ирменская культура)	33,33	55,6	0	0	0	66,7	33,3	55,6	0
Заречное-1 (ирменская культура)	11,1	11,1	0	0	11,1	55,6	22,2	0	0
Еловский-2 (еловская культура)	0	14,3	0	7,15	7,15	35,76	0	0	0
Старый Сад ("культура эпохи поздней бронзы")	0	20	0	0	20	50	0	0	10
Еловский-2 (андроновское время Томского Приобья)	0	20,6	5,9	0	0	38,2	0	0	2,9
Черноозерье-1 (андроновское время Омского Прииртышья)	6,25	6,25	0	0	0	56,25	6,25	0	12,5

Таблица 2. Частота встречаемости основных патологий зубной системы в женских группах

Группа	кариес	гипоплазия эмали	гипоплазия дентина	нарушения сроков прорезывания зубов	абсцесс	зубной камень	сколы эмали	пародонтоз	прижизненная утрата зубов
Журавлево-4 (ирменская культура)	2,9	14,7	0	0	0	55,9	0	0	14,7
Танай-7 (ирменская культура)	20	0	0	0	0	60	60	60	0
Заречное-1 (ирменская культура)	0	12,5	12,5	0	0	75	12,5	0	0
Еловский-2 (еловская культура)	0	20	0	0	0	25	0	0	15
Старый Сад ("культура эпохи поздней бронзы")	0	0	0	0	0	33,3	0	0	8,3
Еловский-2 (андроновское время Томского Приобья)	0	3,7	3,7	0	0	40,7	0	0	3,7
Черноозерье-1 (андроновское время Омского Прииртышья)	0	25	0	8,3	0	33,3	0	0	0

погребенные часто испытывали дефицит питания, сильнее отражавшийся на мужской составляющей группы. Более частая встречаемость сколов эмали среди женщин может свидетельствовать о большем содержании в рационе женщин твердых продуктов: либо орехов, высушенных продуктов и т.п., либо более костлявых кусков мясной пищи. При полном обследовании скелетов некоторых индивидов, погребенных в могильнике, можно предположить в популяции наличие случаев цинги. Об этом свидетельствует комплекс признаков – поротический гиперостоз на черепках, следы локальных кровоизлияний в коленных и бедренных суставах и высокая частота встречаемости пародонтоза [Ortner D.J., Putsch W.G., 1981].

Мужчины из могильников Заречное-1 и Журавлево - демонстрируют очень близкие значения частот патологических изменений зубной системы, что говорит о наличии единой системы жизнеобеспечения, характерной для ирменской культуры Кузнецкой котловины. Женские группы данных популяций также очень близки, хотя и различаются по частоте встречаемости зубного камня.

В отличие от демографических показателей, в большей степени связанных с особенностями хозяйственного типа группы [Зубова, 2006], на уровень эпизодического стресса сильнее влияют факторы, связанные с социальным положением разных половозрастных категорий населения. Судя по уровню эмалевой гипоплазии, мужчины из андроновской популяции могильника Еловский-2 достаточно часто подвергались пищевым стрессам. Женская же часть популяции в этом отношении более благополучна. В группе из Черноозерья-1 соотношение обратное: в мужской группе уровень эпизодического стресса, связанный с пищевыми нарушениями очень низок, в женской - наиболее высокий среди всех изученных групп. Женский организм более устойчив к повреждающему воздействию пищевого стресса, чем мужской [Stini W.A., 1969, p 417-426], следовательно, повышенная частота гипоплазии эмали у женщин Черноозерья-1 может отражать их социальный статус, сказывающийся на доступе к пищевым ресурсам. По частотам распределения основных индикаторов стресса, с женщинами Черноозерья-1 сближаются еловские женщины. Уровень эпизодического стресса у них выше, чем в андроновских и ирменских группах. По-видимому, пищевой стресс (высокая частота случаев гипоплазии) и травматические повреждения (утрата передних зубов) свидетельствуют о снижении социального статуса женщин при переходе от андроновского времени к еловскому. Это проявилось в бытовом насилии и характере распределения пищевых ресурсов.

Сравнение показателей гипоплазии в группах андроновского времени и населения эпохи поздней бронзы, можно сделать вывод, о постепенном снижении влияния на население Западной Сибири пищевых стрессов от андроновского времени к ирменскому. Если принять во внимание появление в сериях из Заречного-1, Журавлево-4 и Таная-7 кариеса и повышение частот встречаемости зубного камня, т.е. патологий, вызываемых высоким

содержанием углеводов в диете, то можно предположить, что в хозяйственной системе ирменской культуры Кузнецкой котловины большее место, по сравнению с андроновским временем Томского Приобья и Омского Прииртышья стало занимать земледелие.

Примечания

Аксеянова Г.А., Боброва А.И., Яковлев Я.А. Могильник Алдыган – некрополь раннего железного века кулайской культуры // Вестник антропологии. – 2004. – Вып. 11. – С. 54-75.

Бужилова А.П. Изучение физиологического стресса у древнего населения по данным палеопатологии // Экологические аспекты палеоантропологических и археологических реконструкций. - М.: ИА АН СССР, 1992. – С. 78-104.

Зубова А.В. Демографические характеристики андронидного населения Западной Сибири (по материалам могильников Еловский-2 и Старый Сад) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Ч. 1. – С. 336-340.

Козловская М.Б. Образ жизни древнеэскимосского населения по данным антропологии // Археология, этнография и антропология Евразии, 2001, №1 (5), с. 147-154.

Медникова М.Б. Антропология ранних скифов: могильник Новозаведенное-2 // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. – М: Изд-во ИА РАН, 2002, вып. 1-2. с.128-140

Ortner D.J., Putschar W.G. Identification of Patological Condition in Human Skeletal Remains. Smithsonian Contributions to Antropology 28. - Washington, 1981, 481 p.

Stini W.A., Nutritional stress and growth: sex differences in adaptive response // American Journal of Physical Anthropolgy.-1969.-V31.-№3, p 417-426.

*А.Ю. Казанский, Е.В. Безрукова, С.К. Кривоногов,
В.И. Молодин, Г.Г. Матасова, М.А. Чемякина, А.А. Абзаева,
П.П. Летунова, Н.В. Кулагина*

РЕКОНСТРУКЦИЯ СРЕДЫ ОБИТАНИЯ ДРЕВНЕГО ЧЕЛОВЕКА ДЛЯ КОМПЛЕКСА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ У ОЗЕРА БОЛЬШАЯ ЛОЖКА*

Наиболее подробными архивами климатических колебаний являются отложения озер. Оз. Бол. Ложка привлекло внимание высокой концентрацией вокруг него археологических памятников [Молодин, Новиков, 1998], охватывающих диапазон около 7 тыс. лет.

Бессточное оз. Бол. Ложка расположено на краю междуречья Оми и Тарта-са (Венгеровский район НСО). В центральной части озера нами пробурена скважина (N55.67 E76.79), вскрывшая донные и подстилающие отложения до глубины 360 см. Озерные отложения представлены многослойной гит-тией и базальными песками. Подстилающая порода – плотный песок, ана-логичный покровным накоплениям окружающей территории [Кривоногов и др., 2004]. По керну выполнены палинологические и петромагнитные ис-следования, охарактеризован общий ход природных изменений и выделены события, связываемые нами с деятельностью древнего человека.

Палинологические исследования. Извлечение ископаемой пыльцы и спор и их определение велись по стандартной методике. Процентаж каж-дого пыльцевого таксона, показан на диаграмме (рис. 1). Выделено 6 ло-кальных зон (Lzh 1-6), которым мы придаем биоклиматические значение, так как при их выделении в расчет принимались не только изменения в составе пыльцевых спектров, но и вариации степь/лес индекса (SFI) и ин-дексов относительного изменения тепла (Т) и влаги (М).

Локальная зона Lzh 6. В составе локальной растительности преобла-дали березовые леса, с участками полынно-разнотравной степи. Уровень озера был ниже современного, в составе растительности есть представи-тели прибрежно-водных ассоциаций гигрофитов, заболоченных хвощовых группировок. SFI и индексы тепла и влаги позволяют предполагать, что климат этого времени был прохладнее, а увлажнение несколько ниже сов-ременных показателей.

Зона Lzh 5. Преобладали леса из березы, в составе региональной рас-тительности повысилось значение светлохвойных лесов, преимущественно сосновых, и темнохвойных из ели, пихты и кедра сибирского. Вариации зна-чений SFI показывают, что площади степной растительности сократились,

*Исследование поддержано Интеграционным проектом СО РАН № 2 и НШ-6568.2006.6.

почти исчезла пыльца гигрофитов. Сумма пыльцевых данных свидетельствует о повышении уровня доступной растениям влаги. Однако уровень доступного растениям тепла на протяжении всей зоны Lzh 5 оставался ниже современного, лишь дважды кратковременно приближаясь к нему.

Зона Lzh 4. Продолжали преобладать березовые леса. В составе региональной растительности возросло значение лиственницы. Роль темновхвойной растительности почти не изменилась. Уровень доступной растениям влаги был близок к современному, а температурный режим стал менее благоприятным, чем в предыдущий интервал.

Зона Lzh 3. Сокращалась доля березняков за счет расширения площадей, занятых травянистой полынно-злаково-разнотравной растительностью, увеличивалась доля прибрежно-водной растительности. Возросшие значения SFI свидетельствуют об увеличении аридности. Температурный режим оставался почти на том же уровне, что и в предыдущее время.

Зона Lzh 2. Вновь преобладали березовые леса. В середине этого интервала в озеро попадает пыльца кустарниковых березок, споры сфагновых мхов, что может свидетельствовать о кратковременном усилении процессов заболачивания. Резкое увеличение роли прибрежно-водных ассоциаций (*Typha*, *Sparganium*, *Potamogeton*) наряду с маревыми служит подтверждением снижения уровня воды в озере. В начале этого интервала уровень доступной растениям влаги был близок к современному, а температуры менее благоприятными, чем сейчас. Во второй половине этого интервала уровень увлажнения снизился, а температурный режим значительно улучшился, но оставался неустойчивым.

Зона Lzh 1. В локальной и региональной растительности происходили заметные изменения. Сократилась доля березовых лесов. Расширились площади степной растительности, существенно расширились сосновые леса. По долинам начала распространяться ель. В озере расселились зеленые водоросли рода *Pediastrum* —показатель изменения продуктивности озерной биоты в условиях меняющегося климата и уровня воды. На протяжении последнего, самого позднего периода в эволюции озерной системы произошло повышение трофности водоема на фоне увеличения атмосферных осадков и повышения средних летних температур. Климат был изменчив, но в целом благоприятен, близок к современному.

Степень антропогенной нагрузки на локальную растительность оценить трудно из-за низкого содержания в пыльцевой записи типичных индикаторов воздействия человека. Отчасти об этом можно судить по повышению роли растений из семейства лебедовых. Тогда воздействие человека на локальный ландшафт носило ритмичный характер. Оно могло возрастать в периоды формирования спектров середины зоны Lzh 5, середины зоны Lzh 2 и финала зоны Lzh 1.

Петромагнитные исследования включали измерение следующих параметров: k; NRM; SIRM; ARM. Рассчитывались параметры: Q; S; k/SIRM; k/ARM (расшифровка параметров на рис. 2).

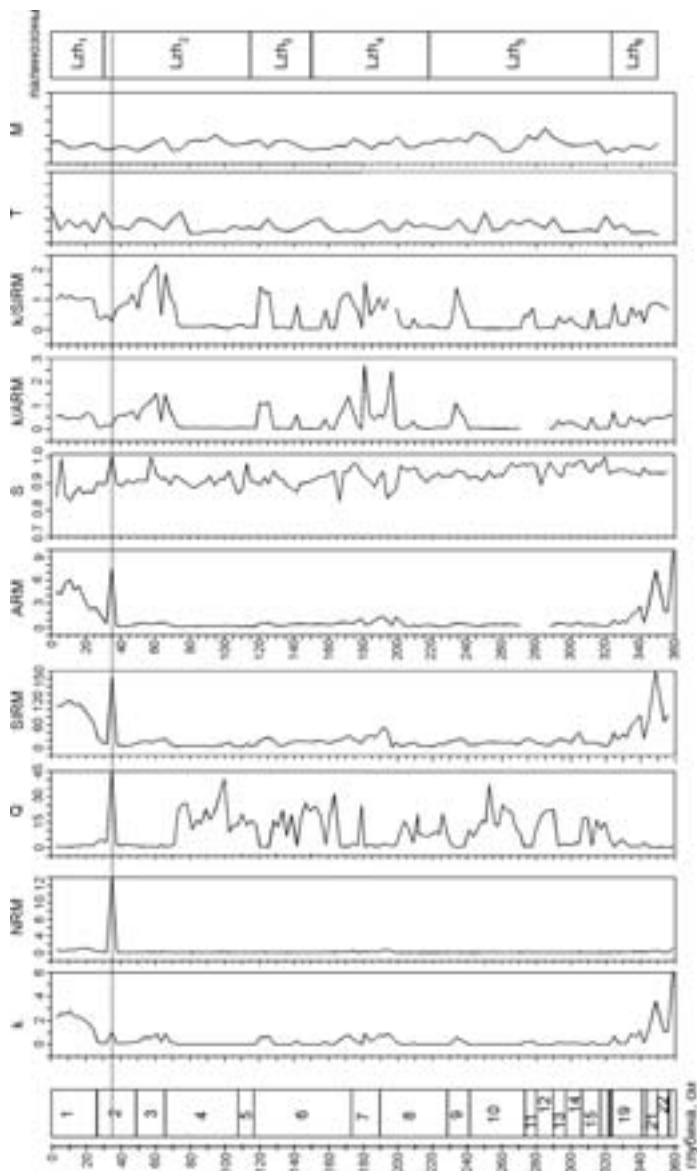

Рис. 2. Магнитные характеристики донных отложений из оз. Ложка: k - магнитная восприимчивость (10^{-5} СИ); NRM - величина естественной остаточной намагниченности (мА/м); фактор Q (безразмерная величина); параметр магнитной жесткости S (безразмерная величина); SIRM - величина остаточной намагниченности насыщения в (мА/м); ARM - величина безгистерезисной остаточной намагниченности (мА/м); k/ARM и k/SIRM - параметры относительного размера магнитных зерен (безразмерные); T и M - тепло- и влагообеспеченность (см.рис. 1). Горизонтальной линии показан интервал металлургического производства на поселении Ложка -2.

Значения магнитных характеристик k , NRM, SIRM и ARM осадков оз. Б.Ложка (рис. 2) в 2-5 раз ниже, чем в других изученных нами озерах: оз. Белое, [Krivonogov et al 2005] и оз. Чича. Это свидетельствует о низкой концентрации ферромагнетиков в осадках оз.Б.Ложка, связанной с малым поступлением магнитной фракции. Магнитные характеристики хорошо отражают стратиграфию осадка.

Нижняя часть (слои 20-23) - базальные и переходные слои, отражает условия зарождающегося мелководного водоема со значительным сносом вещества с окружающих территорий. Здесь наблюдаются самые высокие значения k , SIRM, ARM и относительно крупный размер магнитных зерен (по значениям параметров k/ARM и $k/SIRM$). Для этого интервала характерна детритная природа NRM. Значения k и NRM здесь не превышают таковые лессовидного покрова, в котором выработана котловина озера, поэтому следует предполагать, что магнитная фракция в слоях 20-23 формировалась за счет перемива местного источника.

Для вышележащих слоев (2-19) выделены интервалы, соответствующие различным обстановкам осадконакопления. Значительно выделяются слои 9, 11, 13-14 и 19. В них наблюдается рост k , SIRM, ARM, увеличение относительных размеров магнитного зерна и снижение величины Q . В данных интервалах детритный характер осадконакопления также преобладал над биохимическим. В слоях 4, 6, 8, 10, 15 - закономерности противоположные. В них снижены значения k , SIRM, ARM и k/ARM , $k/SIRM$, и резко повышены значения фактора Q , что свидетельствует о преимущественно био/хемогенном осадконакоплении. Это подтверждается корреляционными связями между петромагнитными и палинологическими данными. Фактор Q , оценивающий степень химической намагниченности осадка, имеет корреляцию с объемом биомассы, поступающей в озеро, тогда как k и SIRM лучше связаны с составом древесной растительности, окружающей озеро.

Слой 3 обладает специфическим набором магнитных характеристик. В нем наблюдаются самые высокие значения $k/SIRM$ при несколько повышенных значениях k и ARM. Во время накопления слоя 3 появился дополнительный источник поступления магнитного материала в озеро. Близкое по характеру поведение наблюдалось нами и в осадках оз. Белое, практически в том же интервале разреза (глубина 47-70 см), в меньшей степени в осадках оз. Чича. Возможно, это региональный маркер, отражающий кратковременное усиление эоловой активности на юге Западной Сибири.

Особенно интересен слой 2. На глубине 35 см обнаружен 2-см слой, с ярко выраженной аномалией всех петромагнитных характеристик. Значения NRM, SIRM, ARM и Q в нем в 10 и более раз превышают фоновые значения в слое 2, NRM самые высокие для всего разреза, а параметры Q , SIRM и ARM превышают таковые для его биогенной части. По значениям параметра $S=1$ ферромагнетиком в этой аномалии является чистый магнетит, тогда как в остальной части разреза присутствуют и магнитожесткие

минералы. Мы предполагаем техногенную природу этой аномалии - загрязнение окружающей среды отходами металлургического производства древнего человека. Возможно, это связано с производственной деятельностью жителей поселения горносталевского этапа потчевашской культуры Ложка-2 (VI - VIII н.э.), расположенного на северном высоком берегу озера [Молодин, Новиков, 1998, с. 39]. Одно из жилищ с обширными проколами, исследованное Н.В. Полосьмак, может быть связано с металлургическим производством.

Уже на начальном этапе потчевашской культуры в этом регионе на поселениях появляются специальные производственные постройки, связанные с металлургической деятельностью [Елагин, Молодин, 1991, с.107]. Эта тенденция получила распространение и в дальнейшем развитии культуры [Бараба в тюркское время, с. 114].

Слой 1 соответствует современному состоянию озера. В нем наблюдается рост К, SIRM, ARM и уменьшение размеров магнитного зерна. Поведение петромагнитных характеристик в этом слое весьма сходно с таковым в верхней части осадков оз. Белое. Это связано с незавершенным процессом растворения магнитных зерен. Верхняя граница растворения зерен магнетита в озерных осадках редко превышает 20 см, поэтому выше нее, большинство мелких магнитных зерен сохраняется. Присутствие мелких, однодоменных зерен в этой зоне подтверждается высокими значениями ARM, самыми высокими в отложениях, как оз. Ложка, так и оз. Белое.

Примечания

Бараба в тюркское время / Молодин В.И., Савинов Д.Г., Елагин В.С. и др. – Новосибирск: Наука, 1988. – 176 с.

Елагин В.С., Молодин В.И. Бараба в начале I тысячелетия н.э. – Новосибирск: Наука, 1991. – 126 с.

Молодин В.И., Новиков А.В. Археологические памятники Венгеровского района Новосибирской области. – Новосибирск: НПИЦ по сохранению историко-культурного наследия, 1998. – 140с.

Кривоногов С.К., Казанский А.Ю., Молодин В.И., Бобров В.В., Чемякина М.А. Особенности геологической расшифровки стратиграфии памятников Автодром-2 и Ложка-5 (Барабинская лесостепь) //Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004 – Том X. – Часть 1. – С. 291-295.

Krivanogov S., Takahara H., Bobrov V., Bortnikova S., Ignatova N., Kazan-sky A., Khazin L., Khazina I., Klimin M., Phedorin M., Preis Y., Sakai H., Yamomuro M. Multiproxy paleoenvironmental study of the Beloe Lake, Novosibirsk, Western Siberia // Proceedings of the 4th International Symposium on Terrestrial Environmental Changes in East Eurasia and Adjacent Areas. – Gyeongju, Korea, 2005. – p. 66-69.

ХРОНОЛОГИЯ БРОНЗОВОГО ВЕКА НА АЛТАЕ (ПРОБЛЕМЫ РАДИОУГЛЕРОДНОГО ДАТИРОВАНИЯ)*

В настоящее время на Алтае выделено более десяти археологических культур от энеолита до переходного периода от эпохи бронзы к раннему железному веку. Но отсутствие на большинстве памятников четкой стратиграфии затрудняет их надежную хронологическую атрибуцию, что, в свою очередь, не позволяет достоверно разграничить культурные образования, решить вопросы их генезиса и развития. Существуют так же лакуны между периодом энеолита и ранней бронзы, елунинской и андроновской культурами, границами финальной бронзы и переходного периода от эпохи бронзы к раннему железному веку.

Одним из подходов, позволяющим решить данные проблемы, является создание программы по целенаправленному радиоуглеродному датированию, охватывающей максимальный спектр выделенных на настоящий момент времени археологических культур бронзового века рассматриваемого региона и ее последующее сопоставление с системой относительной хронологии археологических культур. Датированные памятники составляют незначительный процент по отношению ко всем исследованным. Часто для памятников имеется 1-2 даты, особенно в случае, когда памятники не содержат уголь или древесину. Поэтому, в последнее время наблюдается все возрастающий интерес к радиоуглеродным датам, особенно к датированию памятников по костным остаткам

К настоящему времени, только по четырем памятникам бронзового века Алтая получены серии дат, позволяющие проводить их адекватную интерпретацию. Для эпохи ранней бронзы это поселение Березовая Лука и могильник Телеутский Взвоз-I, для развитой и поздней бронзы поселение Рублево-VI и могильник Рублево-VIII.

Результаты радиоуглеродного датирования эпохи ранней бронзы лесостепного Алтая основаны на образцах, взятых в процессе обследования и изучения памятников Березовая Лука и Телеутский Взвоз-I елунинской археологической культуры. По ним получено шестнадцать радиоуглеродных дат. Еще две даты по материалам могильника Елунино-I и поселения Корова Пристань-III, были ранее введены в научный оборот Ю.Ф. Кирюшиным [1987, с. 120]. Наиболее представительная серия дат получена по поселению

*Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 07-06-00327а

Березовая Лука (десять) и могильнику Телеутский Взвоз-I (шесть). Распределение дат на хронологической шкале по данным памятникам отличается своими особенностями. Даты по поселению имеет больший разброс, чем даты могильника. Пять дат из шести по памятнику Телеутский Взвоз-I укладываются в восьмидесятилетний период с 1740 по 1660 гг. до н.э., что достаточно точно определяет, по-нашему мнению, время функционирования могильника. Датировка поселения Березовая Лука, на основании радиоуглеродных дат, отражает более широкий хронологический период. Если отбросить крайние значения и определить ядро дат, то наиболее компактно располагаются восемь дат – четыре из них укладываются в XVII в. до н.э. и столько же – в XVIII в. до н.э. С учетом крайних значений, общая датировка елунинской культуры определяется в рамках XX–XVII вв. до н.э.

Андроновское время представлено значительно меньшим количеством дат. Это материалы грунтовых могильников Подтурино, Восход I, , Телеутский Взвоз-I, а так же Фирсово-XIV (СОАН 2561, СОАН 2562, СОАН 3001, СОАН 3757, СОАН 3217, СОАН 3216, СОАН 3215). Результаты датирования отнесли эти памятники к XVIII-XVI вв. до н.э., что значительно отличается от традиционной археологической периодизации, по которой андроновские древности относятся к XIV-XII вв. до н.э. [Кирюшин, Шамшин, 1992].

Более корректные данные были получены для эпохи поздней бронзы. Для поселения ирменской культуры Цыганкова Сопка I это компактная серия в рамках X в. до н.э., что соответствует археологическому представлению о времени бытования этого культурного образования (СОАН 2876, СОАН 2998, СОАН 3000). Поселение Рублево VI, относимое авторами раскопок к саргаринско-алексеевской культуре, датировано в промежутке XII-IX вв. до н.э. (СОАН 4986-4990). Поселение Кайгородка III «бурлинского типа памятников» по углю из хозяйственной ямы относится к XIV в. до н.э. (СОАН 2693).

В рамках выполнения программы исследований по составлению хронологической шкалы памятников бронзового века Алтая, в 2007 году была датирована целая серия остатков костного материала (всего 51 проба) из грунтовых могильников: Рублево-VIII, Манжixa V, Бобровский, Фирсово-XIV, Чекановский Лог X, МГК1/5, курганного могильника Телеутский Взвоз, поселений Жарково III, Рублево VII, Гусиная Ляга и некоторые другие (таблица № 1)*. Для датирования из костей выделялся коллаген по методике Л.Д. Сулержицкого [Сулержицкий, 1987]. Для большей достоверности результатов одно из погребений (Бобровский могильник, могила 40) анализировалось по двум пробам. Результаты датирования совпали (2575 ± 65 и 2590 ± 65 л.н.), что подтверждает достоверность дат.

На основании шести образцов (фрагменты деревянных внутримогильных конструкций) были продатированы четыре андроновских погре-

*Работы выполнены в Лаборатории геологии и палеоклиматологии кайнозоя Института геологии СО РАН с.н.с., к.г.-м.н. Л.А. Орловой

Таблица 1

шифр образца	памятник	материал	возраст л.н.
СОАН-6770	Поселение Жарково-3	Почва	3855±120
СОАН-6771	Поселение Жарково-3	Почва	4025±120
СОАН-6772	Поселение Рублево VII	Почва	3955±95
СОАН-6775	Грунтовый могильник Рублево VIII	Древесина	3445±135
СОАН-6776	Грунтовый могильник Рублево VIII	Древесина	3310±75
СОАН-6777	Грунтовый могильник Рублево VIII	Древесина	3280±75
СОАН-6778	Грунтовый могильник Рублево VIII	Древесина	3560±70
СОАН-6779	Грунтовый могильник Рублево VIII	Древесина	3385±65
СОАН-6780	Грунтовый могильник Рублево VIII	Древесина	3585±65
СОАН-6848	Бобровский грунтовый могильник	Кости погребенного	2575±65
СОАН-6849	Бобровский грунтовый могильник	Кости погребенного	2595±85
СОАН-6850	Бобровский грунтовый могильник	Кости погребенного	2590±65
СОАН-6851	Бобровский грунтовый могильник	Кости погребенного	2600±55
СОАН-6852	Бобровский грунтовый могильник	Кости погребенного	2610±70
СОАН-6853	Бобровский грунтовый могильник	Кости погребенного	2245±35
СОАН-6854	Грунтовый могильник Фирсово XIV	Кости погребенного	4095±75
СОАН-6855	Грунтовый могильник Фирсово XIV	Кости погребенного	3570±75
СОАН-6856	Грунтовый могильник Фирсово XIV	Кости погребенного	2595±45
СОАН-6857	Грунтовый могильник Фирсово XIV	Кости погребенного	2290±60
СОАН-6858	Грунтовый могильник Фирсово XIV	Кости погребенного	3350±65
СОАН-6859	Грунтовый могильник Фирсово XIV	Кости погребенного	3685±45
СОАН-6873	Грунтовый могильник Манжиха-5	Кости погребенного	3380±80

СОАН-6874	Грунтовый могильник Манжиха-5	Кости погребенного	3445±70
СОАН-6875	Грунтовый могильник Чекановский лог X	Кости погребенного	3475±95
СОАН-6876	Грунтовый могильник Чекановский лог X	Кости погребенного	3360±55
СОАН-6877	Грунтовый могильник Чекановский лог X	Кости погребенного	3480±70
СОАН-6879	Грунтовый могильник Фирсово XIV	Кости погребенного	3240±45
СОАН-6880	Грунтовый могильник Фирсово XIV	Кости погребенного	3220±75
СОАН-6881	Грунтовый могильник Фирсово XIV	Кости погребенного	3340±70

бения грунтового могильника Рублево VIII в промежутке XVII – XIV вв. до н.э. (СОАН 6775-6780). По костным остаткам из погребений грунтового могильника Фирсово XIV получено девять дат от XXII до III вв. до н.э. (СОАН-6854-6859; 6879-6881). Здесь хорошей сходимости дат не обнаружено, необходима дополнительная проверка предоставленных образцов. Итоги радиоуглеродного датирования погребений Бобровского грунтового могильника, относимого к переходному времени от бронзы к железу, оказались наиболее соответствующими его археологической датировке. Пять погребений отнесены к VII в. до н.э. (СОАН 6848-6852), только дата СОАН 6853 показала III век до н.э. Хорошие показатели получены для андроновского могильника Чекановский Лог X – XVI-XV вв. до н.э. (СОАН 6875-6877), Манжиха V – XV в. до н.э. (СОАН 6873-6875).

Для комплексов бронзового века Горного Алтая радиоуглеродных определений гораздо меньше, чем по памятникам лесостепной, предгорной зоны. Это связано в целом с меньшей степенью изученности бронзового века на этой территории. Большинство дат получено по афанасьевским объектам. В настоящий момент опубликовано чуть более 10 дат по могильникам Ело-I, Ело-Баши, Кара-Коба, Нижний Тюмечин [Ермолова, Марков, 1983; Кирюшин, Посредников, Фирсов, 1981], Владимировка [Баженов, Бородаев, Малолетко, 2002, с. 89]. Самая представительная серия радиоуглеродных определений (шесть дат) происходит из культурных отложений афанасьевского времени Денисовой пещеры [Деревянко, Молодин, 1994, с. 113]. Подавляющее большинство дат укладываются в период от 3150±50 гг. до н.э. (Кара-Коба) – до 2240±30 гг. до н.э. (Денисова Пещера). При калибровке даты удревняются на 600-800 лет. Таким образом, общая хронология афанасьевской культуры Горного Алтая определяется концом IV- концом III тыс. до н.э. (без калибровки); начало IV-первая четверть III тыс. до н.э. (с калибровкой).

Основной проблемой радиоуглеродного датирования археологических материалов являются корректная интерпретация полученных результатов и использование калиброванных дат. Показательным в этом отношении можно назвать ситуацию с датами по елунинскому могильнику Телеутский Взвоз-I [Кирюшин, Грушин, Тишкин, 2002]. Если ориентироваться на 2 сигму, то хронологический отрезок 2040–1970 гг. до н.э. полностью «перекрывается» четырьмя датами (СОАН-4369; СОАН-4370; СОАН-4371; СОАН-4153). При обращении внимания на крайние значения отмеченных выше показателей, демонстрируется период с 2150 по 1892 гг. до н.э. Таким образом, калиброванные даты удревняют время функционирования могильника Телеутский Взвоз-I более чем на 300 лет.

Уже на первом этапе исследования мы получили результаты, которые не стыкуются с традиционными археологическими подходами. Во-первых, материалы андроновской культуры по итогам радиоуглеродного датирования относятся к промежутку XIX (крайнее значение XXII) – XV вв. до н.э. Во-вторых, даты, полученные для эпохи поздней бронзы, не выходят за пределы (моложе) X в. до н.э., образуя хронологический разрыв с материалами переходного времени от бронзы к железу (Бобровский грунтовый могильник VII в. до н.э.). Компактность радиоуглеродных дат, как калиброванных, так и нет, полученных для памятников Телеутский Взвоз-I (елунинская культура), Чекановский Лог X (андроновская культура), Цыганкова Сопка-I (ирменская культура) и Бобровский грунтовый могильник (большереченская культура переходного времени), позволяет рассматривать данные комплексы как хронологические «репера» для соответствующих периодов бронзового века.

Примечания

Баженов А.И., Бородаев В.Б., Малолетко А.И. Владимировка на Алтае – древнейший медный рудник Сибири. – Томск: Изд-во ТГУ, 2002. – 108 с.

Деревянко А.П., Молодин В.И. Денисова пещера. Новосибирск, 1994. Часть 1. 262 с.

Ермолова Н.М., Марков Ю.Н. Датирование археологических образцов из могильников эпохи бронзы Южной Сибири // Древние культуры евразийских степей. По материалам археологических работ на новостройках. Л., 1983. С. 95–98.

Кирюшин Ю.Ф. Новые могильники ранней бронзы на Верхней Оби // Археологические исследования на Алтае. Барнаул, 1987. С. 100–125.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Погребальный обряд населения эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья (по материалам грунтового могильника Телеутский Взвоз-I). Барнаул, 2003. 333 с.

Кирюшин Ю.Ф., Посредников В.А., Фирсов Л.В. Абсолютный возраст некоторых памятников неолита и бронзы Западной Сибири // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. Новосибирск, 1981. С. 28–32.

Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б. Итоги изучения памятников энеолита и бронзового века лесостепного и степного Алтая // Алтайский сборник. Барнаул, 1992. Вып. 15. С. 194–222.

*Ю.Ф. Кирюшин, Г.Е. Иванов, А.Б. Шамшин, Д.В. Папин,
А.С. Федорук, С.С. Раиткин, Ю.Ю. Тырышкина*

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ С ПОСЕЛЕНИЯ КАЛИНОВКА II В КУЛУНДИНСКОЙ СТЕПИ*

Поселение Калиновка-II с 2004 года ежегодно исследуется Кулундинской археологической экспедицией Алтайского государственного университета. Памятник находится в 5–6 км к северо-востоку от с. Черная Курья Мамонтовского района Алтайского края на границе степи и Касмалинского ленточного бора у крупного древнего водоема, являющегося ныне болотом [Иванов Г.Е., 1988; 2000 а; 2000 б; Иванов Г.Е., Федорук А.С., 2005; Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е., Шамшин А.Б., Папин Д.В., Федорук А.С., 2005; Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е., Шамшин А.Б., Папин Д.В., Редников А.А., Федорук А.С., 2006].

Большой интерес это крупное поселение, площадь которого составляет не менее 10–13 тысяч кв.м, представляет прежде всего для решения вопросов культурогенеза в эпоху бронзы в степном Обь-Иртышье. Это связано с наличием на нем нескольких разнотипных комплексов бронзового века, которые удалось разделить планиграфически. Особо важно присутствие на памятнике значительного количества черкаскульских и донгальских материалов, причем связанных с определенными жилищами. На сегодня это единственное поселение в обь-иртышском междуречье, где имеется возможность отдельного изучения таких поселков.

Кроме того с поселения Калиновка-II получены очень интересные данные о хозяйственной деятельности его древних обитателей. Так, в прошлом году на нем была раскопана площадка, в частности, связанная с металлургическим, и, возможно, гончарным производством.

Летом 2007 года раскопки памятника были продолжены. Раскопом площадью 304 кв. м, заложенным в нижней, наиболее ранней части поселения и продолжающим общий раскоп, частично исследованы котлованы двух жилищ и пространство между ними. Получен практически чистый комплекс находок переходного времени от федоровской к саргаринской культурам. Керамика представлена сосудами баночных и горшечно-баночных форм. В орнаментации господствуют мотивы елочки и зигзага, нанесенные мелким гребенчатым штампом (рис. 1 – 2, 5), часты ряды каннелюр (рис. 1-1), иногда заполненные гребенчатой (рис. 1- 5) или выполненной

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, гранты №07-01-00527а и №06-01-00378а.

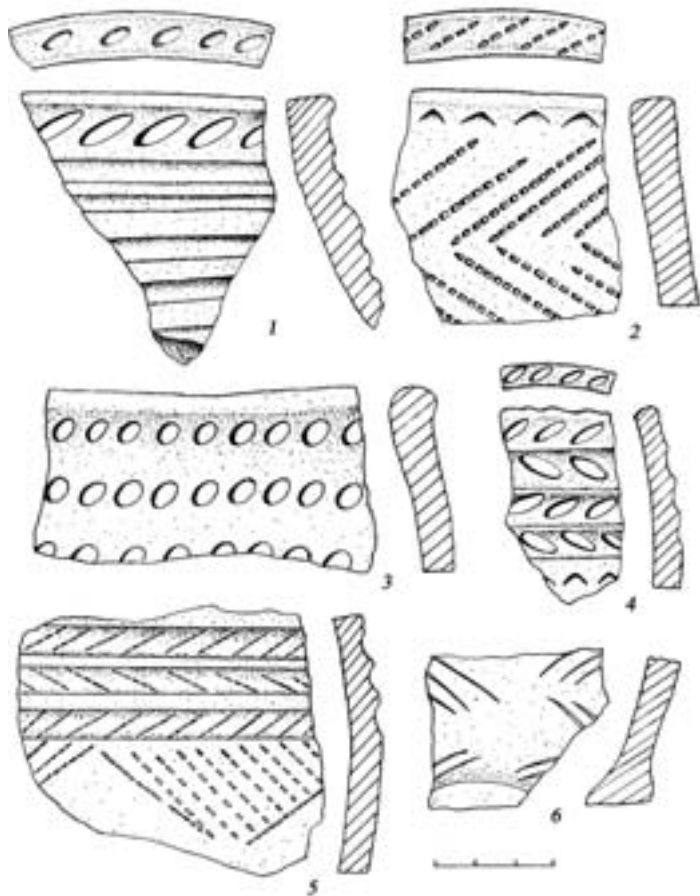

Рис. 1. Керамика с поселения Калиновка II.

гладким штампом (рис.1-4) елочкой. Распространенным элементом являются ряды подовальных (рис.1-1), округлых (рис.1- 3) и подтреугольных (рис.1-2) вдавлений. Значительная часть венчиков орнаментирована по срезу (рис.1-1,2,4). На наш взгляд, эта керамика завершает развитие линии федоровской поселенческой посуды. Найдено несколько фрагментов классических федоровских горшков, орнаментированных косыми треугольниками под венчиком, каннелюрами по шейке и меандром по плечикам. Придонная часть украшена каннелюрами и рядом треугольников, заполненных мелким гребенчатым штампом и обращенных вершинами вверх.

Индивидуальные находки обнаружены главным образом в котлованах жилищ и рядом с ними. Это обломок бронзового серпа – косаря (рис.2-1), керамические грузила (рис.2-5,6), костяное (рис.2-2) и керамическое (рис.2-6) ложила. На участках, прилегающих к исследованной в прошлом

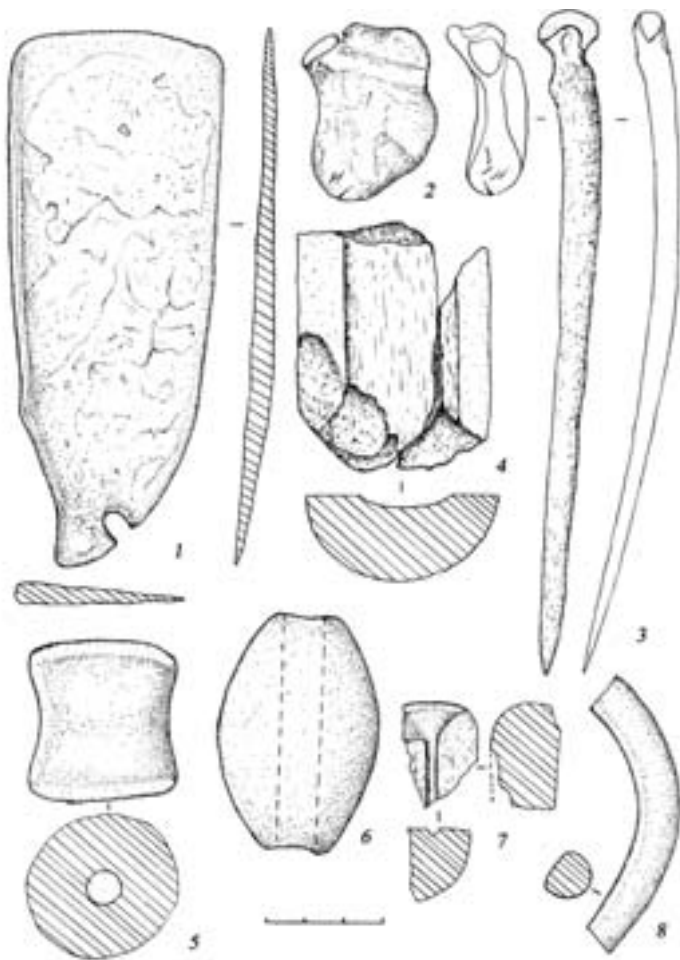

Рис. 2. Инвентарь с поселения Калиновка II.

году производственной площадке, найдены фрагменты глиняных (рис.2-4) и каменных (рис.2-7) литейных форм, что позволяет считать ее металлургическим центром поселения. А исследование в прошлом году здесь же объекта, связанного с гончарным производством, позволяет поставить вопрос шире и предположить в данной производственной площадке хозяйственный, а, возможно, и ремесленный центр поселка. Нынче в этой же части памятника обнаружены два обломка каменного круглого в сечении кольца, изготовленного из породы темного цвета (рис. 2-8). Назначение этого предмета не ясно, но не исключено использование его в обрядах, связанных с металлургическим производством. Яркими находками, отражающими хозяйственные занятия населения поселка, являются обломок

бронзового серпа и керамические грузила. Эти материалы найдены вместе с чистым комплексом посуды, характеризующим период сложения саргаринской культуры на позднефедоровской основе.

В результате проведенных работ общая вскрытая площадь на поселении Калиновка-II достигла 2360 кв.м. Одной из сложных задач дальнейшего изучения этого уникального памятника обь-иртышских степей является по-возможности более четкое расчленение разнокультурных материалов поселения, включая сюда производственный инвентарь и костные остатки животных. Очень важно получить чистые, эталонные черкаскульский и донгальский комплексы. Решение этой задачи поднимет на качественно новый уровень возможности как историко-культурных, так и социально-экономических реконструкций обществ эпохи бронзы обь-иртышского междуречья.

Примечания

1. **Иванов Г.Е.** К вопросу об абсолютной и относительной хронологии памятников с валиковой керамикой степного Алтая // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул, 1988. С. 101–104.
2. **Иванов Г.Е.** Жилище эпохи бронзы с поселения Калиновка-II // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000а. Вып. XI. С. 146–149.
3. **Иванов Г.Е.** Свод памятников истории и культуры Мамонтовского района (к 220-летию с. Мамонтово). Барнаул, 2000б. 160 с.
4. **Иванов Г.Е., Федорук А.С.** Керамический комплекс поселения Калиновка-2 // Актуальные проблемы археологии, истории и культуры. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2005. Т. 2. С. 59–67.
5. **Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е., Шамшин А.Б., Папин Д.В., Федорук А.С.** Исследования в Восточной Кулунде // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. Т. XI. Ч. I. С. 329–332.
6. **Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е., Шамшин А.Б., Папин Д.В., Редников А.А., Федорук А.С.** Продолжение исследований на поселении Калиновка-II // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. Т. XII. Ч. I. С. 350–352.

ИССЛЕДОВАНИЯ ПОСЕЛЕНИЯ ЖАРКОВО III В ЦЕНТРАЛЬНОЙ КУЛУНДЕ*

В полевой сезон 2007 года Кулундинским археологическим отрядом Алтайского государственного университета совместно с Барнаульской лабораторией археологии и этнографии Южной Сибири ИАЭт СО РАН, при финансовой поддержке грантов РГНФ и средств Президиума СО РАН, было продолжено изучение поселения эпохи поздней бронзы Жарково III. Памятник расположен в 2,3 км. к северо-западу от с. Покровка Баевского района Алтайского края и открыт А.С. Федоруком в 2004 г. в ходе мониторинга современного состояния памятников эпохи бронзы Баевского района [Федорук, Шамшин, Иванов и др., 2005; Кирюшин, Папин, Федорук, 2006; Федорук, 2006].

В этом году раскоп общей площадью 132 кв. м. был расширен в южном и восточном направлении. Это позволило продолжить исследование котлована полуземляночного жилища № 1, а также примыкающей к нему части зольника. Котлован, ориентированный длинной осью по линии юго-запад – северо-восток, очевидно, был врезан в зольник, поскольку четко читался как на уровне зольника, так и в материке темным плотным заполнением. В результате раскопок этого года нами была изучена центральная часть жилищного котлована. Здесь обнаружено и исследовано более 30 ямок расположенных преимущественно двумя рядами вдоль центральной части и по периметру котлована, и являющихся, видимо, остатками каркасно-столбовой конструкции. Все ямки ориентированы строго вертикально.

В центре конструкции было исследовано два округлых в плане объекта получивших условное наименование Объект № 2 и № 3. Объект № 2 достигал глубины 2,17 м., объект № 3 – 2,57 м. от уровня современной поверхности. Заполнение объектов более темное и влажное, чем основное заполнение жилищного котлована, четко прослеживалось уже с глубины 0,5 м. и прорезало культурный слой котлована. При выборке на дне объектов обнаружены беспорядочно расположенные деревянные плашки. Следов какой-либо конструкции не прослеживалось. В заполнении объекта № 2 обнаружен один фрагмент каменной составной литейной формы (рис. 1.-22) и один фрагмент каменного изделия, предположительно также

*Работы осуществлялись при финансовой поддержке РГНФ, гранты № 06-01-00510а и 06-01-00378а

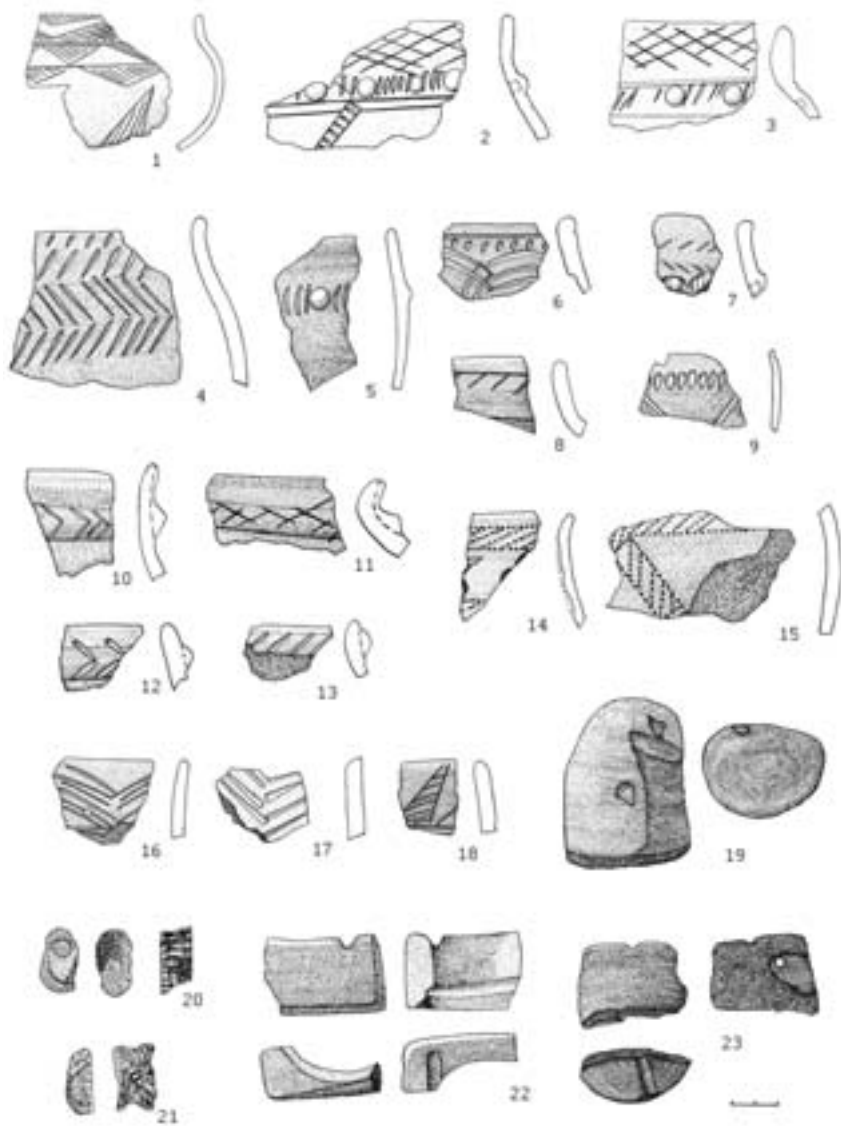

Рис. 1. Материалы поселения Жарково 3.

являющегося частью этой формы (рис. 1.-23). В силу сильной фрагментированности изделия судить о типе отливаемой вещи не представляется возможным. Однако можно предположить, что форма предназначалась для отливки втулки какого-то орудия. В южной части раскопа изучено две канавки линзовидного сечения с сажистым заполнением. Ориентированы

данные конструкции длинной стороной от центральной части жилища к юго-восточной стене. Возможно, это следы отопительных каналов.

При выборке зольника на глубине 0,75-0,8 м. обнаружены остатки конструкции № 2 визуальнo не фиксировавшейся на дневной поверхности. Котлован сооружения прорезал погребенную почву и достигал глубины 1 м. Заполнение котлована не отличалось от слоя зольника. Вдоль стенок конструкции обнаружено шесть вертикально ориентированных столбовых ямок. При выборке заполнения на дне обнаружены каменный пест (рис. 1.-19) и два фрагмента бронзовой руды.

Материалы этого года представлены большим количеством костных остатков животных, фрагментами керамических сосудов, камнями, двумя фрагментами каменных литейных форм, одним каменным пестом, двумя фрагментами бронзовой руды, одним костяным орудием (имеет пять округлых сквозных отверстий на одном крае), изготовленным из нижней части челюсти крупного рогатого скота и двумя сработанными альчиками мелкого рогатого скота (рис. 1.-20, 21) применявшимися, очевидно, для послелетней доводки бронзовых изделий.

Керамические материалы в культурном плане не однородны и представлены пятью культурными традициями: андроновской, бегазы-дандыбаевской, саргаринско-алексеевской, ирменской, донгальской. Основную массу обнаруженных фрагментов сосудов составляют саргаринско-алексеевские. Данная керамика орнаментирована отпечатками гладкого штампа, насечками, пальцевыми защипами, резными линиями, вдавлениями, образующими различные пояски, елочку и т.д. (рис. 1.-4-9). Бегазы-дандыбаевские фрагменты имеют декор в виде поясков и геометрических фигур из отпечатков мелкозубчатого гребенчатого штампа (рис. 1.-14-15). Ирменские материалы – остатки горшков орнаментированных геометрическими фигурами и косой сеточкой из резных линий, рядами жемчужника с разделителем (рис. 1.-1-3). Донгальская керамика имеет подтреугольные в сечении валики в верхней части плечиков, орнаментированные косой сеточкой, елочкой, поясками из отпечатков гладкого штампа (рис. 1.-10-13). Андроновские материалы представлены несколькими фрагментами сосудов, орнаментированных отпечатками мелкозубчатого гребенчатого штампа, образующих различные треугольники, елочку, зигзаг (рис. 1.-16-18).

Интересным наблюдением стало то, что большинство фрагментов керамических сосудов позднеирменского облика обнаружено при разборке заполнения котлована жилища № 1, в том числе и на его дне. Материалы из зольника в культурном плане представлены керамикой андроновского облика, а также фрагментами саргаринско-алексеевских, бегазы-дандыбаевских и донгальских сосудов. Внутри котлована жилища № 1 такая керамика локализовалась преимущественно вдоль стенок, что, вероятно, связано с оползанием стенок котлована после оставления населением жилища.

Таким образом, в результате проведения плановых исследований поселения Жарково III, получен интересный материал по развитию до-

могильной традиции степного региона. Кроме того, полученные полевые стратиграфические наблюдения важны для расчленения керамического комплекса и создания внутренней хронологии не только самого памятника, но и степного Алтая в целом. Особенно перспективна в этом плане культурная идентификация первого и второго жилища, и объектов № 1, 2, 3. Сочетание на одном поселении саргаринско-алексеевской, бегазы-дандыбаевской и донгальской керамики является яркой особенностью памятников эпохи поздней бронзы степного Обь-Иртышского междуречья. Особый колорит добавляют ирменские находки, что связано с контактным характером зоны Восточной Кулунды. Наличие мощного и насыщенного культурного слоя, следов архитектурно-планировочной застройки в виде двух рядов жилищ, зольника, свидетельств бронзолитейного производства выделяет это поселение из основной массы одновременных ему поселений степного Обь-Иртышья и ставит его в один ряд с такими крупными хозяйственно-культурными центрами региона, как поселение Рублево VI [Папин, 2001; Папин, 2003]. Дальнейшее исследование памятника предусматривает продолжение изучения жилищ № 1, 2, зольника, выяснения связи поселений Жарково I и Жарково III.

Примечания

Киришин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С. Исследования в Центральной Кулунде // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2006. – Т. XII., – Часть I. – С. 358–360.

Папин Д.В. Хозяйственно-культурный центр поздней бронзы на юге Кулунды // Историко-культурное наследие Северной Азии: Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2001. – С. 274–275.

Папин Д.В. Хозяйственно-культурный центр как отражение определенного уровня развития древнего общества // Социально-демографические процессы на территории Сибири (древность и средневековье). – Кемерово: Изд-во Кузбассвузиздат, 2003. – С. 34–38.

Федорук А.С., Шамшин А.Б., Иванов Г.Е., Цивцина О.А., Раиткин С.С. Памятники эпохи поздней бронзы Кулунды (по материалам разведки 2004 года) // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае (археология, этнография, устная история) 2004 г. – Барнаул: Изд-во БГПУ, 2005. – С. 113–116.

Федорук А.С. Результаты археологического обследования районов центральной и южной Кулунды в 2005 году // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае (археология, этнография, устная история) 2005 г. – Барнаул: Изд-во БГПУ, 2006. – С. 80–84.

*Ю.Ф. Кирюшин, Д.В. Папин, А.С. Федорук, А.Б. Шашиин,
П.Г. Дядьков, М.А. Чемякина, О.А. Позднякова*

КОМПЛЕКСНЫЕ АРХЕОЛОГО-ГЕОФИЗИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МОГИЛЬНИКА РУБЛЕВО VIII

В полевом сезоне 2007 года Лабораторией археологии и этнографии Южной Сибири ИАЭТ СО РАН совместно с Алтайским госуниверситетом при поддержке грантов РГНФ (№ 06-01-00378а, 07-01-00527а), РФФИ (№06–06–80295а, 07–06–10037к), а также в рамках полевого гранта и интеграционного проекта № 109 Президиума СО РАН были продолжены исследования, направленные на реконструкцию процессов этнокультурного и этногенетического взаимодействия в эпоху развитой и поздней бронзы степного Алтая [Кирюшин, Папин и др., 2006]. Основной задачей являлось изучение погребального комплекса Рублево VIII, расположенного на границе Михайловского и Угловского районов Алтайского края. Памятник, который исследуется с 1999 г., в настоящее время можно считать эталонным для изучения культур эпохи бронзы Кулундинской степи, поскольку, помимо могильника Нижняя Суетка [Уманский, 1998], это единственный комплекс, раскопанный большой площадью. Учитывая значительный объем произведенных на памятнике работ, одной из основных задач дальнейшего исследования стало определение границ могильника. Эоловые процессы в этом районе вызывают постоянные перемещения песчаных грунтов, что затрудняет оценку реальной площади памятника, расположенного на песчаной гриве. Учитывая эту особенность, а также большую разреженность в расположении захоронений, на могильнике Рублево-VIII было решено провести геофизические исследования с целью определить стратегию дальнейших археологических раскопок.

Опыт поиска геофизическими методами могильников без рельефных признаков показал, что наиболее эффективной, в данном случае, является магнитометрия, при условии наличия контраста между магнитными значениями вмещающего грунта и гумусированного заполнения археологических объектов. Наиболее показательны в этом отношении результаты, полученные при исследовании грунтовых могильников Сопка-2, Тартас-1, Преображенка-6, а также некрополя городища Чича-1 [Молодин, Чемякина и др, 2001; Молодин, Парцингер и др., 2004, с. 240-261; Молодин, Чемякина и др, 2004; Дядьков, Молодин и др, 2005].

На предварительном этапе работ были произведены каппаметрические измерения образцов грунта из могильника Рублево VIII с применением портативного полевого каппаметра МП-01. Средние значения магнитной восприимчивости для материкового вмещающего слоя составили 0.00090

единиц СИ, а для проб из заполнения могильных ям – 0.00093 единиц СИ. Таким образом, был выявлен незначительный контраст между заполнением погребенных археологических объектов и вмещающей средой. Данный факт, вероятно, обусловлен низким содержанием магнитных гумусных включений, вымываемых из песчаных грунтов.

С помощью градиентометра G-858 (фирма «Geometrics», США), было выполнено магнитное картирование двух участков западного (№ 1) и восточного (№ 2) секторов могильника, общей площадью 2576 м². Данный прибор впервые применялся для работы на малоконтрастных по своим магнитным свойствам грунтах. Учитывая результаты каппаметрии, измерения выполнялись практически на границе метода. Магнитометрические замеры производились параллельными профилями по линиям юг-север через 1 м. Сигналы по профилю при непрерывном движении оператора регистрировались через 0,1 м. При выполнении съемки использовался метод вертикального градиента.

На полученных магнитограммах зафиксирован достаточно спокойный фон, с незначительными множественными аномалиями в виде параллельных линий, вытянутых преимущественно в направлении ЮЗ–СВ (рис. 1). Вероятнее всего, они связаны с задернованными следами старой пашни. Близость к стенкам раскопанной траншеи дала положительную аномалию в северо-западной части участка № 2. В южной части зафиксирована полярная аномалия, площадью 10×6 м, вызванная крупным металлическим предметом. Слабые точечные аномалии на участках №№ 1, 2, превышающие фоновые показатели на 3–4 нТл, сопоставимы по размерам с древними захоронениями и могут быть предположительно связаны с археологическими объектами. Наибольшая их концентрация приурочена к северо-восточной части участка № 1 и восточной части участка № 2, однако плотность их расположения, особенно в последнем случае, вызывает определенные сомнения.

В 2007 г. была вскрыта часть участка № 2, примыкающая с юга к траншее, а также северо-восточная часть участка № 1. В первом случае, выявленные захоронения на магнитограмме не проявились, так как их перекрыли аномалии, вызванные фоном от рельефа старых раскопов. На участке № 1 две аномалии коррелируют с выявленными здесь погребениями №№ 10, 11, которые отличаются более темным гумусным заполнением. Часть аномалий вызвана насыщенными органикой муравейниками, размерами около 0,6×0,5 м., которые прорезали раскоп ниже уровня 1,2 м.

Всего в текущем сезоне было выявлено девять археологических объектов. Восемь из них относятся к андроновской культуре, один предварительно датирован переходным временем от бронзы к железу. Обращает на себя внимание значительная разреженность захоронений на западном участке раскопа. Расстояние между могилой № 11 и погребениями прошлого года превышает 16 м. Примечательно, что андроновское детское погребение № 11, единственное на этом участке, выделялось нестандартностью обряда: ориентация головой на ВСВ, наличие деревянного столбика за сосудом (рис. 2-2) и деревянной внутримогильной конструкции. Возможно, оно мар-

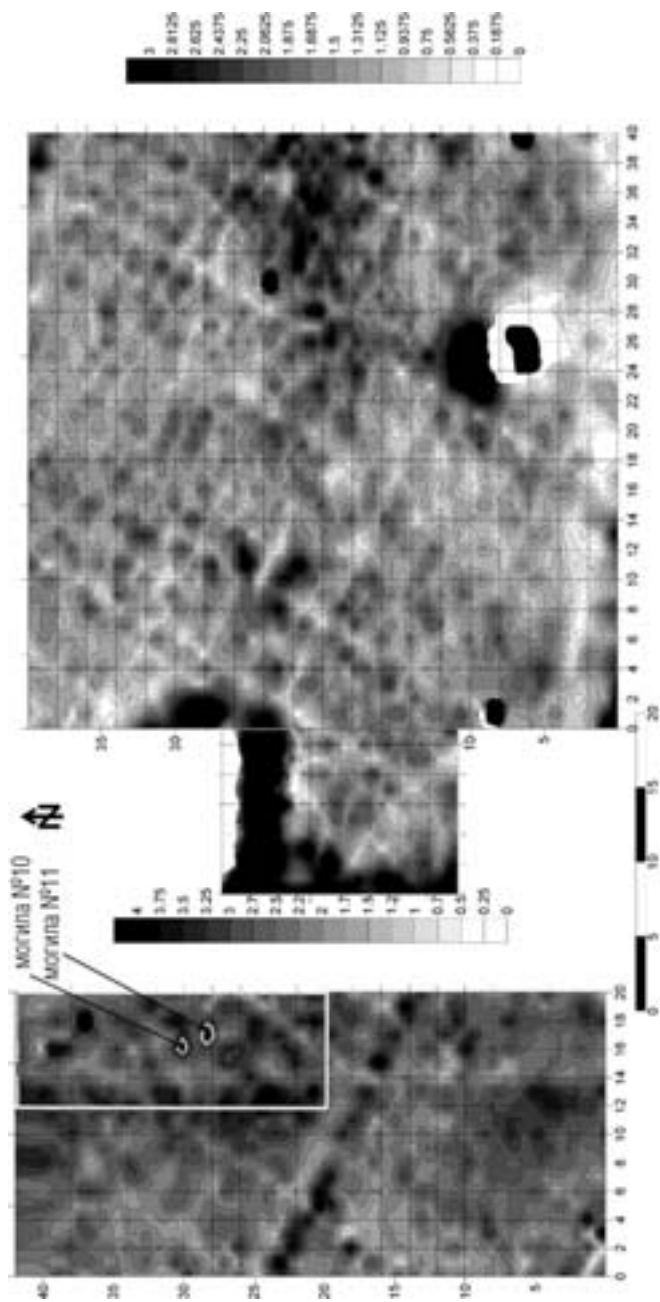

Рис. 1. Могилинык Рублево VIII. Магнитограмма.

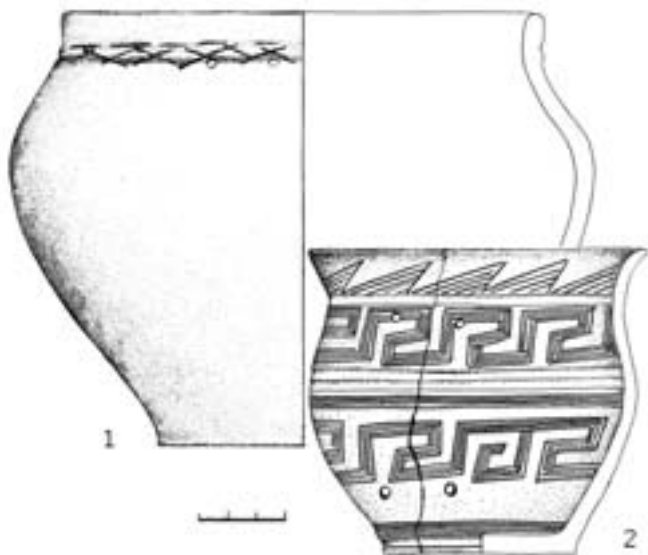

Рис. 2. Материалы грунтового могильника Рублево VIII.

кирует периферию андроновского некрополя. В этом же раскопе была изучена могила № 9, предварительно отнесенная нами к финальной бронзе – переходному времени от бронзы к железу. Умерший был уложен вытянуто на спине, головой на ЮЗ, в районе правого плеча обнаружен широкогорлый профилированный горшок, орнаментированный рассеченным валиком по шейке (рис. 2-1). Подобная орнаментация надежно соотносится с керамической традицией саргаринско-алексеевской культуры, для которой характерным является скорченное положение умерших. Вытянутое положение на спине маркирует начало раннего железного века [Папин, Федорук, 2007]. Такая синкретичность была зафиксирована нами и ранее, что, скорее всего, указывает на изменения в мировоззрении и появление новых тенденций в среде населения эпохи поздней бронзы степного Алтая.

В раскопе на восточном участке памятника изучено пять погребений андроновской культуры. Три детских захоронения совершены в ямах глубиной до 0,8 м современной дневной поверхности. Там, где сохранились кости, фиксируется скорченное положение умерших, на левом боку, головой на ЮЗ-З. Особого внимания заслуживает погребение № 97, размеры которого на уровне верхнего контура составили 2,1×2,4 м. По периметру ямы фиксировалась деревянная обкладка, разделенная по центру деревянной плахой. Образованные таким образом отдельные могильные конструкции содержали компактные скопления кремированных останков.

Инвентарь из андроновских погребений представлен керамикой. Сосуды из детских могил отличаются меньшими размерами и простотой орнамен-

тальных схем. В основном, это банки открытого или закрытого типа, либо слабопрофилированная посуда. Наиболее близкие аналогии керамическому комплексу могильника Рублево-VIII происходят из памятников Павлодарского Прииртышья и лесостепного Алтая. Изученные в 2007 г. захоронения вписываются в ряды могил, вытянутые по линии ЮЗ-СВ, и соответствуют всем выделенным ранее признакам, характерным для андроновского комплекса данного памятника [Кирюшин, Папин, Позднякова, Шамшин, 2004].

Проведенные в 2007 г. раскопки не позволили надежно идентифицировать выявленные магнитные аномалии с археологическими объектами. Несмотря на значительную вскрытую площадь, количество выявленных захоронений весьма невелико. Возможно, дальнейшее изучение участков, где, согласно магнитограммам, наблюдаются определенные закономерности в распределении аномалий, позволит выделить признаки для идентификации археологических объектов в условиях низкой контрастности магнитометрических показателей.

Примечания

Дядьков П.Г., Молодин В.И., Чемякина М.А., Михеев О.А. Магнитометрические исследования археологических памятников Тартас-1 и Преображенка-6 в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – Т. XI. – Ч. I. – С. 304-309.

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Позднякова О.А., Шамшин А.Б. Погребальный обряд древнего населения Кулундинской степи в эпоху бронзы // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2004. – С. 62-85.

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Шамшин А.Б. Погребальный обряд населения Кулундинской степи в эпоху бронзы // Современные проблемы археологии России. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. I. – С. 389-392.

Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н., Шнеевайс Й., Гришин А.Е., Новикова О.Н., Чемякина М.А., Ефремова Н.С., Марченко Ж.В., Овчаренко А.П., Рыбина Е.В., Мыльникова Л.Н., Васильев С.К., Бенеке Н., Манштейн А.К., Дядьков П.Г., Кулик Н.А. Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т.2 – 336 с.

Молодин В.И., Чемякина М.А., Гаркуша Ю.Н., Манштейн А.К., Дядьков П.Г., Балков Е.В. Геофизические и археологические исследования могильника Сопка-2 в 2000–2001 годах // Проблемы археологии и этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т. VII. – С. 399-407.

Молодин В.И., Чемякина М.А., Дядьков П.Г., Гришин А.Е., Позднякова О.А., Михеев О.А. Археолого-геофизические исследования могильника Тартас-1 в 2004 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. X. – Ч. I. – С. 372-377.

Папин Д.В., Федорук А.С. Погребальный обряд древнего населения степного Обь-Иртышья в эпоху поздней бронзы // Кадырбаевские чтения. – Актобе, 2007. – С. 81-85.

Уманский А.П. Раскопки в Нижней Суетке в 1964 г. // Краеведческие записки – Барнаул, 1998. – Вып. 3. – С. 83-99.

*Ю.Ф. Кирюшин, В.П. Семибратов, С.С. Матренин,
С.П. Грушин, К.Ю. Кирюшин, А.В. Шмидт*

ИССЛЕДОВАНИЯ ПОГРЕБАЛЬНЫХ И ПОМИНАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ В ЗОНЕ СТРОИТЕЛЬСТВА АЛТАЙСКОЙ ГЭС В 2007 ГОДУ

В 2007 г. Катунской археологической экспедицией АлтГУ были продолжены аварийные исследования в зоне строительства Алтайской ГЭС (Чемальский район Республики Алтай), начатые в предыдущем полевом сезоне. Целью работ являлось изучение археологических комплексов на второй и третьей правобережных террасах Катунь от устья р. Тыткескень до впадения р. Бийка. Предполагается, что данный участок в ближайшие годы будет использован под резерв грунта для строительства плотины гидроэлектростанции. Раскопкам предшествовало сплошное обследование данной площади и картографирование как вновь выявленных так и уже известных объектов, позволившее представить полную картину расположения памятников на данном участке. Данная публикация посвящена краткому обзору результатов раскопок в следующих пунктах.

Берсюкта-I. Располагается на второй террасе в 0,8 км выше устья р. Тыткескень. Цепочка из двух курганов афанасьевской культуры по линии Ю–С в виде каменных оград-колец диаметром до 10 м, высотой 0,45–0,5 м с грунтовым заполнением внутреннего пространства. В кургане №1 исследовано одиночное захоронение взрослого человека в могильной яме 2х1,4 м, глубиной 1,45 м. Умерший покоился на спине с подогнутыми ногами, головой ориентирован на восток. При нем находился плоскодонный керамический сосуд с небольшими ручками, орнаментированный по всей поверхности. Скелет был обильно посыпан охрой. В кургане №2 на глубине 1 м обнаружено ограбленное погребение взрослого человека, ориентированного первоначально головой в восточный сектор. В могиле в большом количестве встречалась охра. Инвентарь отсутствовал.

Берсюкта-II. На этой же террасе в 660 м к югу от предыдущего памятника раскопано два кургана, образующих цепочку с ЗСЗ на ЮВ. Курган №1 представлял собой полусферическую овальную наброску 9,35х9,2 м, высотой 0,45 м, преимущественно из равного камня. В яме 2,43х1,86 м, глубиной 2,7 м зафиксирована деревянная рама с перекрытием, внутри которой находился взрослый человек на правом боку с согнутыми ногами, головой на ЮВ. Вдоль северной стенки ямы размещалось захоронение лошади с ориентацией ту же сторону, что и умерший. В погребении обнаружены: железный кинжал и удила, две бронзовые гривны, колчанной крюк, пластинчатое изделие, развал керамического сосуда, остатки ритуальной пищи

в виде костей овцы. Курган принадлежит к пазырыкской культуре. В кургане №2 с оградой-кольцом 10,8х9,1х0,5 м вскрыта ограбленная могила 2,1х1,05, глубиной 1,15 м, относящаяся к афанасьевской культуре. Вещей она не содержала.

Чобурак-I. Погребально-поминальный комплекс расположен в 3,4 км на ЮЮВ от устья р. Тыткескень, к ЮЗ от одноименного ручья. Памятник открыт и частично исследован в 1988–1990 гг. А.П. Бородовским (1994). В группе погребальных объектов изучено два кургана афанасьевской культуры с каменными оградками-кольцами и земляным заполнением диаметром от 10 м. Они содержали одиночные захоронения на спине с подогнутыми ногами, головой на В и ЮВ с обильными следами охры. Сопроводительный инвентарь отсутствовал. В насыпи кургана №2 найдено металлическое шило. Раскопкам были также подвергнуты шесть квадратных и шесть кольцевых ритуальных оградок тюркской культуры из небольших вертикально установленных плит или массивных каменных блоков. Среди квадратных сооружений это два одиночных (№6, 11) и две пары рядом стоящих объектов (№7, 8, 9, 10), с длиной стенок от 2,3 до 4,75 м. почти все они были ориентированы углами по сторонам горизонта. Внутри оградок №7–11 находилась одна, иногда две ямы (в оградке №10 с остатками деревянного столба) диаметром 0,45–0,5 м, глубиной 0,3–0,5 м. С восточной стороны объектов №7, 8, 9 зафиксированы поваленные стелы, а в одном случае балбал. За исключением фрагментов керамики и мелких костей лошади в оградке №9 других находок не встречено. Кольцевые рядом стоящие оградки (№15–18, 21, 22) диаметром 2–3,25 м, высотой до 0,45 м размещались в основном цепочкой с СЗ на ЮВ. Сверху их перекрывала каменная насыпь. С северо-западной стороны ограды №21 установлена стела. В оградке №15 исследовано захоронение копытного животного.

Чобурак-II. В 1,24 км к СЗ от предыдущего некрополя исследовано три кургана пазырыкской культуры, локализованных цепочкой с ЮЗ на СВ. Это были полусферические каменные наброски диаметром до 10 м, высотой 0,5–0,75 м, в двух случаях с кольцевой крепидой. В кургане №1 в заполнении могилы глубиной 2,75 м встречались разрозненные кости человека, лошади, позвонки овцы. На ее дне прослежены остатки деревянной рамы. Несмотря на ограбление, найдены развалы двух керамических сосудов с орнаментом, бронзовый кинжал, фрагменты железного предмета. В остальных курганах в ямах глубиной до 1,5 м также находились деревянные рамы. Внутри этих камер были захоронения трех человек с одной и двумя лошадьми вдоль северной стенки, частично перекрывавших покойных. Умершие укладывались на правый бок с согнутыми ногами и ориентировались головами на ЮВ. Обнаружены остатки ритуальной мясной пищи (пояснично-крестцовая часть овцы). В кургане №2 в могиле на глубине 0,2 м зафиксирована каменная обкладка с захоронением человека вытянуто на спине, головой на ЮВ без вещей. Из коллективных погребений происходят: бронзовый кинжал с изображением кабанов(рис.1-1),

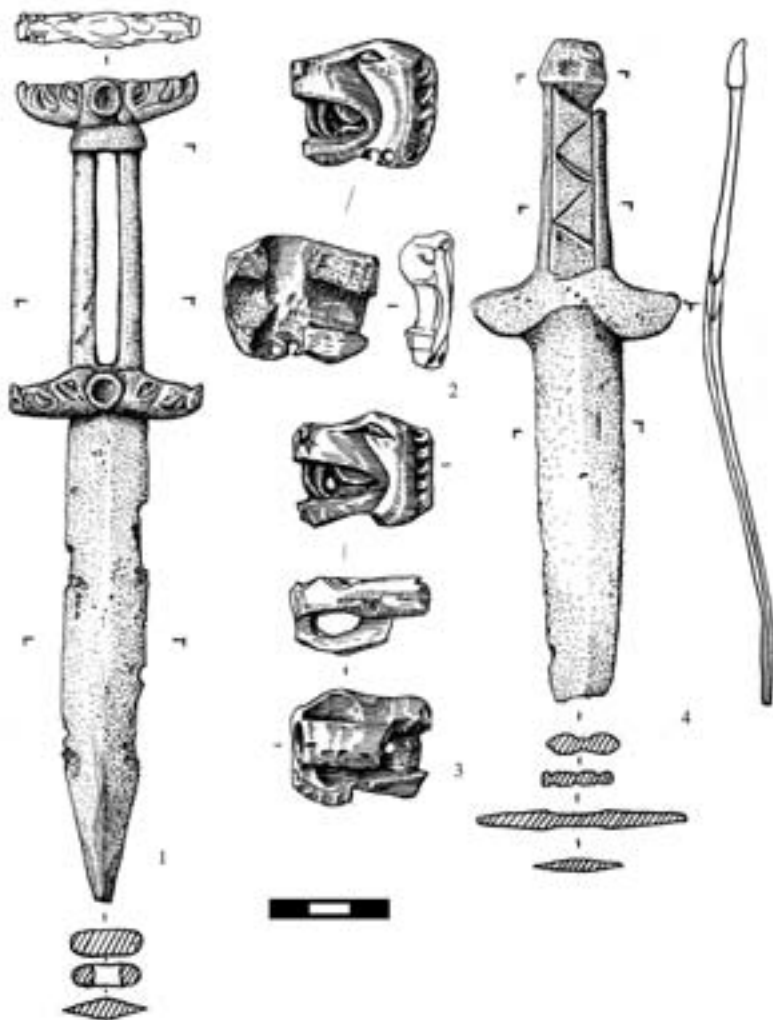

Рис. 1. Погребальный инвентарь из курганов пазырыкской культуры.

1- бронзовый кинжал Чобурак II, курган 2.

2- бронзовый кинжал Бике III, курган 13.

3-4 костяные распределители ремней Чобурак II, курган 2.

бронзовые votivnye чеканы, колчанные крюки, ножи, поясные обоймы, бляхи-подвески от конского снаряжения, костяные наконечники стрел, распределители ремней, в том числе в виде головы тигра и хищной птицы (рис. 1-2,3), псалии, пряжка-блок, застежка, украшение узды, клык-подвеска, каменный курант, керамическая посуда.

Чобурак-III. Одиночный курган афанасьевской культуры 11х10,5 м, высотой до 0,55 м к западу от Чобурак-II. В пределах ограды-кольца выявлена яма 2,1х1,35 м. В верхнем слое ее заполнения обнаружен остро-донный сосуд, украшенный мелкими наколами. На глубине 1 м находилась деревянная рама с перекрытием, внутри которой захоронение взрослого человека на спине с согнутыми ногами, головой на СВ. В погребении отмечены множественные следы охры.

Бике-III. Могильник на второй террасе в 1,5 км ниже устья р. Бий-ка. Памятник известен, прежде всего, по результатам изучения объектов скифского времени (Кубарев В.Д., 2001). В 2007 г. раскопано два кургана пазырыкской культуры. Под насыпями диаметром 8–12,5 м, высотой 0,35–0,55 м (в одном случае с крепидой) находились ямы глубиной более 2 м с деревянными рамами. В кургане №14 совершено захоронение человека на правом боку с согнутыми ногами, головой на ЮВ в сопровождении коня вдоль северной стенки. С умершим обнаружены развал керамического кувшина, железный нож, обрывки золотой фольги. Аналогичное по обряду ограбленное погребение было в кургане №13. В нем найдены бронзовые кинжал (рис.1-4) и чекан, керамические сосуд и пряслице, фрагмент золотой фольги.

Бике-IV. Выявлен в 200 м севернее Бике-III на третьей террасе рядом с горой. Состоит из шести курганов и одной выкладки, расположенных в основном цепочкой с СЗ на ЮВ. Изучено три объекта. Курган №1 с мощной полусферической насыпью 10х10,25 м, высотой 0,75 м из рваного камня и кольцевой крепидой содержал ограбленное погребение раннего средневековья. В могиле 3,12х2 м, глубиной до 1,1 м обнаружены кости подростка (?) и двух лошадей. Умерший первоначально был ориентирован головой на ЮВ и отделен от животных каменной перегородкой. Инвентарь представлен железными стременами и обкладками седла, железно-роговой подпружной пряжкой. Остальные курганы относились к бийкенской культуре. Это уплощенные каменные насыпи диаметром 6,2–7,4 м, высотой 0,35–0,55 м с кольцевыми выкладками, внутри которых на уровне древнего горизонта в каменном ящике или в неглубокой яме устраивалась ингумация человека скорченно на левом боку, головой на З и ССЗ. В кургане №2 обнаружена стела, а с юго-западной стороны раскопана выкладка с захоронением лошади, ориентированной черепом на СЗ. В кургане №3 найдена бронзовая кольцевая серьга

Таким образом, в результате работ Катунской экспедиции в 2007 г. было изучено 27 погребальных и ритуальных сооружений, относящихся к афанасьевской (6), бийкенской (2), пазырыкской (6), тюркской (13) археологическим культурам. Аналогии полученному сопроводительному инвентарю и конструкциям ритуальных объектов позволяют определить хронологию этих комплексов в соответствии с порядком их перечисления следующим образом: конец IV, скорее всего, III тыс. до н.э.; VIII–VI вв. до н.э.; конец VI–IV вв. до н.э.; 2-я половина V–X вв. (курган №1 датируется 2-й полови-

ной VIII – 1-й половиной IX вв., а кольцевые ограды, видимо, не позднее VI в.). Интересным представляются коллективные захоронения скифского времени, а также серия поздних афанасьевских захоронений. Комплексное изучение этих материалов с учетом продолжения полевых исследований в следующем полевом сезоне предоставит новые возможности для реконструкции этнокультурных процессов в Северном Алтае в древности и средневековье, а также уточнения хронологии ряда памятников.

Примечания

Бородовский А.П. Исследование одного из погребально-поминальных комплексов древнетюркского времени на Средней Катуни // Археология Горного Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. – С. 75-82.

Кубарев В.Д. Бике-I, III: погребальные памятники скифской эпохи Средней Катуни // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2001. – №7. – С. 120-145.

К ЭТНОГЕНЕЗУ МОНГОРОВ (ТУ)*

Народ монгоры (ту) компактно проживает, в основном, на территории восточных районов Цинхая, где для них выделен автономный уезд Хучжу, и южных районов Ганьсу (КНР). В настоящее время их численность превышает 191 тыс. человек (по данным Китайского информационного Интернет-центра). Они говорят на монгорском языке, который относится к западномонгольским; однако и в их языке, и в традиционной культуре отмечается заметное тибетское влияние.

В обобщающей литературе отмечался сложный характер этногенеза этого народа, который недостаточно изучен. Как писал еще несколько десятилетий назад Г. Г. Стратанович, «сведения об истории монголов отрывочны и неточны. Как европейские, так и китайские авторы говорят о сложности процесса их этногенеза. Называется четыре существенных наслоения на основной сяньбийский субстрат: западномонгольский (тумэтский), тюркский (шато и уйгурский), тибетский (цянский) и китайский» [Стратанович, 1965, с. 663]. Цянь Ичжи перечисляет три основных концепции происхождения народа ту: первая называет их потомками сяньбэйских туюйхуней, вторая – тюрков-шато, третья – монголов. Были также гипотезы, называвшие их предками «белых татар» с Иншаньских гор; монгольских солдат, размещенных в Цинхае и смешавшихся с местным народом хоров (этногенез которых, в свою очередь, нуждается в дополнительном изучении); и даже сюнну [Цянь Ичжи, 1986, с. 435]. Н. Л. Жуковская, кроме указанных составляющих, назвала еще ранний тунгусо-маньчжурский субстрат [Жуковская, 1998]. Очевидно, в последнем случае произошло совмещение этно-лингвистической и географической характеристики народа, заложившего основу этногенеза ту.

По данным письменных источников, в IV в. (после 311 г.) имело место перемещение монголоязычных сяньбэйцев (мужунов) из районов Южной Маньчжурии на запад, в район Ганьсу-Цинхая. Мужуны (муюны) на протяжении долгого времени жили в Ляоси (область Маньчжурии к западу от р. Ляохэ), где они появились еще в 238 г. н. э. После серии удачных завоевательных походов, в конце III в. под руководством правителя Мужун

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 05-01-01190а

Гуя значительная часть правящей верхушки перебирается южнее (в район современного г. Цзиньчжоу), а в 342 г. вождь Мужун Хуан, принявший титул яньского вана, переносит столицу на запад, в г. Лунчэн (соответствует современному г. Чаоян) (см.: [Чжунго Дунбэй ши, 1987, с. 450-469; Дунбэй лиши дили, 1989, с. 44-45; Материалы по истории..., 1992, с. 18-19]). Более века являясь политическим центром региона, объединение мужунов активно взаимодействовало с местными племенами, в том числе и тунгусо-маньчжурскими.

Ситуация с расколом изначально единого народа красочно описана в китайских летописях. В них рассказывается о том, как подрались лошади из кочевий, принадлежавших двум братьям – сыновьям вождя, Тууюхуню и Жологую [Материалы по истории..., 1984, с. 216-218]. Данную легенду можно воспринимать как метафорическое указание на нехватку пастбищ, что и вынудило часть сяньбэйцев отправиться на поиски новых земель для выпаса скота. С этой миграцией археологи связывают появление на Цинхай-Тибетском плато, в окрестностях знаменитого «голубого» озера Кукунор, памятников, в составе которых выделяются предметы, характерные для культуры сяньбэй. К таковым, в частности, относятся бронзовые бляхи, изображающие двух лошадей, причем маленькая лошадка стоит на спине большой [Линь Юнь, 2005]. В довольно сложной композиции зашифрован некий мифологический сюжет, пока нам не понятный; несомненно, что эти изображения указывают на особое почитание лошади у сяньбэйцев, которая, как свидетельствует летопись «Вэй шу», даже решила вопрос о направлении миграции всего народа [Материалы по истории..., 1984, с. 216-217].

В поисках новых земель отдельные отряды сяньбэйских воинов могли довольно глубоко проникать на юг, в пределы горного Тибета. Так, именно с тууюхунями мы считаем возможным связывать захоронение в Чацзюгоу, расположенное на высоте 4600 м над уровнем моря [Комиссаров, 2002, с. 355]. В нем, кстати, тоже найдены пластины с фигурками лошадок, выполненные из золота.

Создав свое государственное образование, сяньбэйцы (тууюхуни) в течение всего раннего средневековья принимали активное участие в политической и экономической жизни региона. В V в. они воевали с династией Северная Вэй, вторгались на территорию Западного края, даже захватили и разграбили Хотан (см.: [Викторова, 1980, с. 136]). В течение двухлетней оккупации этого богатого торгового государства тууюхуни, по свидетельству источников, перебили половину населения и разрушили много буддийских храмов (сами они приняли буддизм позднее), после чего возвратились на прежние земли [Си юй..., 2003, с. 95]. Через их территорию проходила южная ветка Великого Шелкового пути, которая дополняла основной маршрут, лежавший через Ганьсуский коридор. Из Цинхая удобные пути вели как в северные, так и южные царства. Когда движение на северном отрезке перекрывалось из-за военных действий (что случалось нередко),

то большинство караванов уходило на юг. Однако временное возвышение государства туюйхуней (называемых также тугухунями, тогонами, а-жа) не имело исторической перспективы; его существование становится разменной монетой непростых отношений между Китаем и Тибетом. В 663 г. это государство захватывают войска туфаней (тибетцев), власть которых продолжалась 350 лет [Кычанов, Мельников, 2005, с. 46]. Однако на протяжении практически всего периода туфаньского господства (VIII–X вв.) туюйхуни сохраняли своего правителя-кагана, всю структуру управления и племенное деление.

Вопреки сложившемуся (еще со времен произведения Сыма Гуана «Цзычжи тунцзянь») мнению о том, что туфани закрыли проход для товаров из Китая на запад, продолжалась и транзитная торговля, причем даже в больших объемах, чем раньше. Об этом свидетельствуют материалы масштабных раскопок, проведенных в районе г. Дуланя (к юго-западу от Кукунора, но к востоку от Цайдамской котловины), где, очевидно, находился один из центров вассального государства. Проведенный предварительный подсчет показал, что найденные там фрагменты шелковых тканей и по количеству, и по богатству рисунка превосходят находки в таких признанных перевалочных пунктах на торговых путях, как, например, Турфан. По данным Сюй Синьго, из 130 выделенных орнаментальных мотивов 112 (84 %) происходят из Китая, а оставшиеся 18 (16 %) – из Западной Азии [Сюй Синьго, 2006, с. 139]. С Западным краем и, далее, иранским миром связаны и некоторые другие находки. Особый интерес вызывают серебряные и позолоченные фигурки животных: оленей, лошадей, баранов, тигров и т. д. Возможно, именно тогда складываются особенности местного «звериного стиля», сохранившегося у «кочевников Северного Тибета» до этнографических времен [Рерих, 1992]. В нем сохраняется примерно тот же набор «зверей», что и в более раннем скифо-сибирском искусстве, однако практически отсутствуют композиции, позы животных становятся более статичными, выразительность достигается за счет тщательной проработки деталей.

Наиболее подходящим кандидатом на роль потомков туюйхуней из числа современных этносов Цинхая нам представляются ту (монгоры), как по их географическому размещению, так и по лингвистической принадлежности (см. также: [Чжоу Вэйчжоу, 2006, с. 203-212]). Таким образом, в основе этногенеза народа ту, населявшего земли вокруг Кукунора, лежит сяньбэйский субстрат, при существенном участии в нем туфаней (тибетцев). Следует учитывать также влияние иранских народов, которое сказалось если не на этнических, то на культурных характеристиках предков монголов. Сказанное не отрицает возможности участия туюйхуней и в формировании других народов – например, голоков, как своеобразной этнической группы в составе тибетцев [Комиссаров, 2006, с. 21, 22].

Примечания

Викторова Л.Л. Монголы: Происхождение народа и истоки культуры. – М.: ГРВЛ, 1980. – 224 с.

Жуковская Н.Л. Монголы // Народы и религии мира. – М.: Большая Рос. энциклопедия, 1998. – С. 352.

Комиссаров С.А. Раннесредневековое погребение, найденное в Центральном Тибете // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2002 г. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2002. – Т. VIII. – С. 350–356.

Комиссаров С.А. Распространение стремян (в контексте межэтнических контактов) // Вестник НГУ. Серия: история, филология. – 2006. – Т. 5, Вып. 4. Востоковедение. – С. 20–23.

Кычанов Е.И., Мельниченко Б.Н. История Тибета с древнейших времен до наших дней. – М.: Вост. лит., 2005. – 351 с.

Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху / Введение, пер. с кит. и коммент. В. С. Таскина. – М.: ГРВЛ, 1984. – 486 с.

Рерих Ю.Н. Звериный стиль у кочевников северного Тибета. – М.: МЦР, 1992. – 38 с.

[**Стратанович Г.Г.**] Ту (монголы) // Народы Восточной Азии. – М.; Л.: Наука, 1965. – С. 662, 663.

Дунбэй лиши дили [Историческая география Северо-Востока] / Под ред. Сунь Цзиньцзи, Фэн Юнцзяня. – Харбин, 1989. – Т. 2. – 45, 414 с. (раздельная пагинация).

Линь Юнь. Сяньбэйские золотые и бронзовые пластины, изображающие лошадей // Бяньцзян каогу яньцзю [Исследования по пограничной археологии]. – Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2005. – С. 147–151.

Синюй тунши [Всеобщая история Западного края] / Отв. ред. Юй Тайшань. – Чжэнчжоу: Чжунчжоу гуцзи чубаньшэ, 2003. – 22, 4, 513 с. (раздельная пагинация).

Сюй Синьго. Сичуй чжи ди юй дун си фан вэньмин [Земли Западных окраин и цивилизации Востока и Запада]. – Пекин: Бэйцзин Яньшань чубаньшэ, 2006. – 388 с. + 19 ил.

Цянь Ичжи. Народ ту // Чжунго дабайкэ цюаньшу: Миньцзусюэ [Большая Китайская энциклопедия: Этнография]. – Пекин; Шанхай: Чжунго дабайкэ цюаньшу чубаньшэ, 1986. – С. 435, 436.

Чжоу Вэйчжоу. Туяйхунь ши [История туяйхуней]. – Гуйлинь: Гуанси ши-фань дасюэ чубаньшэ, 2006. – 3, 4, 244 с. (раздельная пагинация).

Чжунго Дунбэй ши [История Северо-Востока Китая] / Под ред. Тун Дуна. – Чанчунь, 1987. – Т. 1. – 4, 8, 10, 682 с. (раздельная пагинация).

КАЛБАК-ТАШ II: ПАМЯТНИК НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА АЛТАЯ

Изобразительные памятники Калбак-Таш I и Калбак-Таш II расположены у слияния двух главных рек Алтая: Катунь и Чуи (Онгудайский район, Республика Алтай). Планомерные исследования на них были начаты автором и его коллегами, еще в 1984 году [Кубарев, 1986], но материалы памятника Калбак-Таш I были опубликованы во Франции только в 1996 году [Kubarev, Jacobson, 1996]. Изучение второго памятника Калбак-Таш II продолжается до сегодняшнего дня. Так в обследовании петроглифов этого уникального памятника принимали участие ученые из Франции [Шер, Франкфор, Кубарев, 1994], Южной Кореи [Кубарев, Со Гилсу, Со Джинсу, 2003; они же, 2004; Кубарев, Им Сегвон, Сонг Хвасоб и др., 2005] и другие исследователи из зарубежных стран.

Наскальный комплекс петроглифов Калбак-Таш II находится на правом берегу р. Чуи, в 1-1,5 км от ее слияния с Катунью и в 10 км от местонахождения наскальных рисунков Калбак-Таш I. Координаты Калбак-Таш II: 50°40'50" с.ш. – 86°69'88" в.д., высота около 788 м. над уровнем моря. Петроглифы сосредоточены, в основном, в двух близлежащих пунктах:

1 – на скальных останцах, протянувшихся каменной грядой поперек долины р. Чуи. Рисунки (общим числом более 150 разнсюжетных композиций) встречаются в северном направлении, прямо от полотна Чуйского тракта (717 км от г. Новосибирска). Местность имеет название Чуй-Оозы;

2 – у подножия и по склонам большой горы, в 0,3 км к западу от Чуй-Оозы. Общее число разнсюжетных композиций не превышает 30.

Отдельные рисунки из этого местонахождения очень часто использовались автором в качестве аналогий для обоснования датировок предметов мелкой пластики и культурной принадлежности некоторых археологических объектов Алтая [Кубарев, 1992 а, 1993, 1999]. Сведения о наскальных изображениях Калбак-Таш II, а также ряд неизвестных ранее рисунков эпохи ранней бронзы из этого же комплекса, опубликован в сводной работе о петроглифах Алтая [Кубарев, Маточкин, 1992, *рис. 32, 34–36*]. Особенно часто в научных статьях и научно-популярных изданиях автора фигурировали образцы древнетюркского наскального искусства и скифской эпохи [Кубарев, 1997, 2003; Кубарев, Цзвэндорж, Якобсон, 2000 и др.].

Образы и сюжеты основного местонахождения Калбак-Таш I очень хорошо коррелируются с петроглифами второго памятника Калбак-Таш II (Чуй-Оозы). Здесь известны крупные изображения лосей, оленей, лошадей, козлов, хищников и других видов животных, датируемых эпохой ранней бронзы (рис. 1, 1,4). Именно здесь впервые открыты петроглифы каракольской культуры (рис. 1, 2,3), до сих пор известные только по красочным росписям, выбитым рисункам и граффити на плитах погребальных сооружений Каракола [Кубарев, 1988]. Значение подобных открытий трудно переоценить. Они, наконец, позволяют выделить каракольский пласт петроглифов, уточнить дату уже опубликованных рисунков и наметить дробную периодизацию наскального искусства Алтая.

Д.Г. Савинов, объясняя назначение каракольских «ритуальных объектов», предполагает, что многие из них были выполнены из дерева [2000, с. 203]. В качестве примера он приводит антропоморфную фигуру из Калбак-Таша II (см. рис. 1, 2). Но в контексте с фигурой животного маскаличина исключает подобную интерпретацию, потому что пока не удалось установить достоверно, является ли основание маски-личины «ручкой» для нее или рогами животного? Очень сходная изобразительная традиция существовала и у древних скотоводов Монгольского Алтая. На рисунке крупного быка рога лировидной формы стилизованы под анфасную фигуру женщины [Кубарев, 2006, рис. 17]. Да и в Калбак-Таше и Караколе синхронных изображений женщин, рожениц и «солнцеголовых» существ, размещенных рядом с фигурами оленей и лосей, вполне достаточно, чтобы принять авторскую семантику каракольских персонажей [Кубарев, 1988, с. 128-130]. В подтверждение сказанному приведем данные о новых исследованиях на р. Томи ранее неизвестных петроглифов Тутальской «писаницы». Они открыты И.Д. Русаковой в 2005 году. На небольшой плоскости выбиты две антропоморфные фигуры с «клиновидными» туловищами. Одна из них («солнцеголовый» персонаж) примыкает нижней частью к «рогам»? лося, вторая, находится рядом, на спине этого же животного. Как считают исследователи, очень похожие композиционные сочетания («солнцеголовый» антропоморф + образ лося) зафиксированы на Томской и Второй Новоромановской «писаницах» [Ковтун, Русакова, 2005, с. 354].

Самые древние рисунки устья реки Чуи (изображения руки, зебуобразные быки с длинными лировидными рогами и др. животные) находят прямые параллели и точные аналогии в наскальных рисунках Инда [Кубарев, 1992 б]. К ним также следует отнести рисунок фантастического зверя из Калбак-Таша I, недавно найденный в естественно образованном самой природой жертвеннике. Каменные стенки и «дно» его покрыты выбитыми рисунками и глубокими резами. У калбакташского зверя главными и значимыми признаками служат открытая пасть и язык, а также два хвоста: один заброшен, другой достигает земли (рис. 2, 1). Рисунок подобного существа встречается в долине р. Инд, в разных пунктах: Чи-

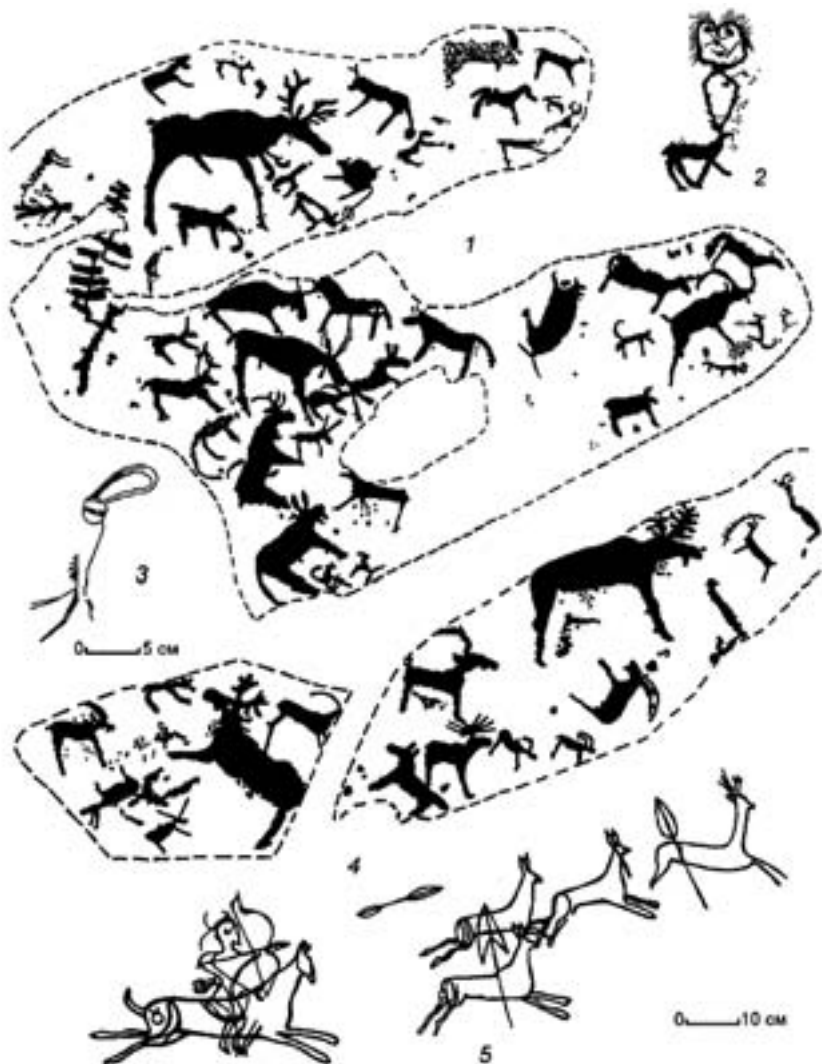

Рис. 1. Петроглифы Калбак-Таш II. Республика Алтай.

лас IV, переправа Тальпан, и др. (рис. 2, 2-6). Этот хорошо узнаваемый образ синкретического облика образует целый ряд близких по стилю изображений. Немецкие исследователи склонны датировать его скифосакским временем [Martin Bemmman, 2005], тогда как рисунок из петроглифов в устье Чуи выглядит более архаично. Возможно, он входит в круг редких для Алтая фантастических хищников окуневско-каракольского

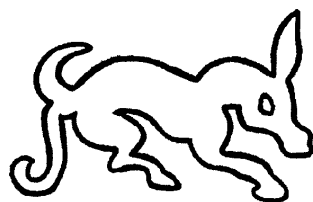
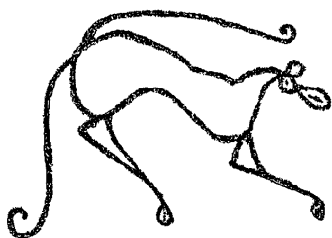
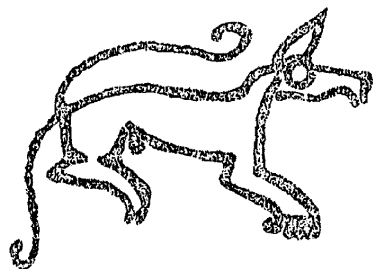
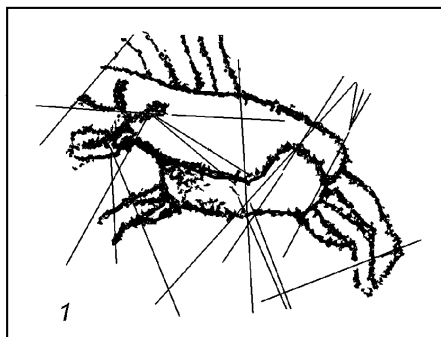

Рис. 2. Изображения фантастического зверя. 1 – петроглиф из Калбак-Таш II. Республика Алтай; 2 – долина р. Инд. Афганистан.

искусства, известного всего по нескольким его рисункам в Калбак-Таше I и одному в Бешозеке.

На памятнике Калбак-Таш II, также открыты крупные изображения оленей и кабанов раннескифского времени. Сравнительно большой и компактный блок петроглифов оставлен древними тюрками. В средневековых

сценах, выполненных в технике граффити, преимущественно, запечатлена удачная охота (см. рис. 1, 5).

Рассмотренные петроглифы находятся в сфере интенсивной деятельности современного человека (оживленная международная автомагистраль, включение изобразительных памятников в туристический бизнес, неумелое обустройство и доступность плоскостей с рисунками, и т.п.). Уже сейчас им грозит полное уничтожение, как и монгольским (китайским?) надписям на скале Бичикту-Кая. В свое время их описывали первые российские путешественники и ученые: Н.М. Ядринцев (1883 г.), В.В. Радлов (1889 г.), В.В. Сапожников (1911 г.), В.А. Верещагин (1927 г.) и мн. другие. В настоящее время, при расширении и поднятии Чуйского тракта над Катунью, надписи и пещера у борма Бичикту-Кая полностью засыпаны метровым слоем грунта.

К сожалению, петроглифы Алтая остаются малоизученными, а материалы многих памятников до сих пор не опубликованы. Назрела необходимость и в создании археологической карты памятников наскального искусства Алтая. Поэтому актуальной задачей сегодня остается повсеместное изучение и копирование сохранившихся петроглифов Алтая, интенсивно разрушающихся на наших глазах.

Примечания

Кубарев В.Д. Пятнадцатый год работы Восточно-Алтайского отряда // Памятники древних культур Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1986. – С. 50–52.

Кубарев В.Д. Древние росписи Каракола. – Новосибирск: Наука, 1988. – 173 с.

Кубарев В.Д. Каракольские сюжеты в новых петроглифах Алтая // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. – Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1992 а. – С. 47–48.

Кубарев В.Д. О некоторых параллелях в петроглифах Алтая и Гиндукуша // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. – Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1992 б. – С. 48–49.

Кубарев В.Д. Датировка петроглифов по находкам из погребальных памятников Алтая // Современные проблемы изучения петроглифов. – Кемерово: Кем. ГУ, 1993. – С. 104–112.

Кубарев В.Д. Каменные изваяния Алтая. Краткий каталог. – Горно-Алтайск: Ак-Чечек, 1997. – 184 с., в том числе 107 илл.

Кубарев В.Д. Пазырыкские сюжеты в петроглифах Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1999. – С. 84–92.

Кубарев В.Д. Наскальное искусство Алтая. – Горно-Алтайск: АКИН, 2003. – 124 с., в том числе 94 илл.

Кубарев В.Д. Мифы и ритуалы, запечатленные в петроглифах Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2006. – № 3. – С. 41–54.

Кубарев В.Д., Маточкин Е.П. Петроглифы Алтая. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1992 – 123 с.

Кубарев В.Д., Якобсон Э., Цэвэндорж Д. Алтай – Заповедная Зона // Международная конференция по первобытному искусству. – Труды. – Кемерово: Кем. ГУ, 2000. – Том II. – С. 64–77.

Кубарев В.Д., Им Се Гвон, Сонг Хва Соб, Чанг Мёнг Су, Пак Гын Гунн, Ри Ха Ву, Кубарев Г.В., Хохлова О.Н., Ким Хо Сук, Банг Кук Чжин. Исследования Российско-Корейской экспедиции на Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2005). – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. – Т. XI. Ч. I. – С. 364–367.

Ковтун И.В., Русакова И.Д. Новые исследования и ранее неизвестные петроглифы Тутальской писаницы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2006). – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. XII. Ч. I. – С. 352–354.

Савинов Д.Г. Изобразительные памятники и ритуал (по материалам эпохи бронзы Южной Сибири) // Международная конференция по первобытному искусству. – Труды. – Кемерово: Кем. ГУ, 2000. – Том II. – С. 197–206.

Шер Я.А., Франкфор А.П., Кубарев В.Д. Обследование петроглифов Алтая // АО 1994 года. – М.: ИА РАН, 1995. – С. 315.

Kubarev V.D., Jacobson E. Sibérie du sud 3: Kalbak-Tash I (République de L'Altai). Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale. – T.V.3. – Paris: De Boccard, 1996. – 45 p., 15 pl., Fig. 662.

Martin Bemmman. Die Felsbildstation Dadam Das // Materialien zur Archäologie der Nordgebiete Pakistans. – Verlag Philipp von Zabern. Mainz am Rhein, 2005. – Band 5. – 185 S., Taf. 67.

ЗАВЕРШЕНИЕ РАБОТ НА ПЕТРОГЛИФАХ ХАР-ЯМАТЫН-ГОЛ (МОНГОЛЬСКИЙ АЛТАЙ)

Одной из актуальных проблем центрально-азиатской археологии является происхождение скифо-сибирского искусства и формирование так называемого «звериного стиля». Другая, еще более сложная проблема связана с интерпретацией изобразительных «текстов» и предметов мобильного искусства петроглифов, которые разные исследователи «дешифруют» от упрощенной трактовки рисунков как охотничьей или хозяйственной деятельности кочевников, до отражения в них мифологического мышления древнего человека. И, наконец, третьей проблемой остается определение времени приручения лошади и зарождение коневодства на горно-степных пространствах Центральной Азии.

Наряду с археологическими, письменными и этнографическими данными, весьма полноценным источником по древней истории и искусству кочевников служат петроглифы. В течение последних 15 полевых сезонов (1993–2007 гг.) в Баян-Улэгейском аймаке Монголии и на территории Республики Алтай проводились научные исследования, в основном, нацеленные на изучение наскальных рисунков. В реализации международных проектов принимали участие сотрудники Института археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск), Института археологии МАН (г. Улан-Батор), университета Орегон (США) и ученые из Южной Кореи (г. Сеул). Изобразительные материалы, полученные в ходе экспедиционных работ, суммированы в монографических альбомах, изданных как в России, так и в зарубежных странах.

Введение в научный оборот новых данных по петроглифам Монголии, а также публикация предметов искусства из элитных курганов кочевников Саяно-Алтая [Молодин В.И., 2000; Полосьмак Н.В., 2001; Čugunov K., Parzinger G., Nagler A., 2003; Чугунов К.В., 2004 и др.] и Казахстана [Самашев З.С. и др., 2000], позволили более аргументировано датировать и интерпретировать главнейшие образы наскального искусства Центральной Азии.

В полевой сезон 2007 г. завершены исследования еще по одному международному проекту: «Изучение петроглифов Северо-Западной Азии и реконструкция первобытных мифологий», разработанному Ассоциацией исследователей наскального искусства Кореи (г. Сеул) и Институтом археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск). Отдельной группой Вос-

точно-Алтайского отряда проводилось исследование наскальных рисунков на территории Баян-Улзгейского аймака Западной Монголии. В частности были обследованы 10 отдельных местонахождений петроглифов в долине Хар-Яматын-гол (сомон Улан-Хус). Надо сказать, что наскальные рисунки здесь открыты нашей экспедицией еще в 1994 году [Кубарев, Цэвээндорж, Якобсон, 1995], а впоследствии опубликованы в книге Д. Цэвээндоржа [1999]. Однако следует сказать, что исследования проводились только на левом берегу и были кратковременными. Но как выяснилось, наскальные рисунки имеются и на правом берегу реки Хар-Яматын-гол.

Для каждого из десяти пунктов с петроглифами определены координаты. Так, например, изобразительный памятник Хар-Яматын-гол II, находится в пределах: 49°24'93" с.ш. – 88°35'29" в.д. Перепад высот между пунктами составляет не более 200 м, то есть памятники располагаются на высоте 2490–2300 м. над уровнем моря.

Среди образов и сюжетов Хар-Яматын-гол встречаются изображения быков с необычными рогами (рис. 1), изящных лошадей, женщин, «шаманов-шаманок», одной маски-личины в рогатом головном уборе, а также одна сцена совокупления людей, сцены охоты на оленей и козлов. Изображения выполнены преимущественно точечной выбивкой: по контуру или в силуэтной манере, но есть рисунки, выполненные глубокими резными линиями и даже желобком. Имеются отдельные изображения животных и людей, сочетающие обе техники нанесения.

В пункте Хар-Яматын-гол IX интересна небольшая композиция, запечатлевшая охоту на козлов, оленей и быка (рис. 2). В верхней части плоскости животных преследует охотник с луком и гигантская собака или волчица? Напротив них выбита фигурка быка с подогнутыми ногами. В такой позе животные часто встречаются на оленных камнях Монголии, Тувы и Алтая. Они, как правило, размещены рядом с оружием: кинжалами, ножами, чеканами, луками и налучьями. Вполне очевидным представляется, что они служили для декора оружия или фурнитуры для портупейных ремней. И в данном случае следует привести в качестве аналогии уникальные серебряные фигурки коней, служившие наконечниками подвесных ремней для оружия из второго Пазырыковского кургана. Отметим идентичную традицию украшения зооморфными бляшками ремней для подвешивания оружия у племен казылганской культуры Тувы или золотые обоймы с фигурками козлов, украшавшие портупею для кинжала из элитного кургана Аржан 2 [Чугунов К.В., 2004, с. 37]. Но существует и другая интерпретация рисунков животных на оленных камнях, отражающая, по мнению Д.Г. Савинова, «идею жертвоприношения». Исследователь считает, что на лицевой части оленного камня лежащая лошадь с подогнутыми ногами является изображением жертвенного животного, а рядом с ним находится орудие (обычно кинжал) для жертвоприношения. Действительно на многих оленных камнях Монголии и Тувы рисунки коней с подогнутыми ногами сочетаются с рисунками кинжалов карасукского типа, но на олен-

Рис. 1. Прорисовка наскальной композиции в пункте Хар-Яматын-гол III.

ных камнях Алтая с одиночными фигурами коней оружие отсутствует. Как объяснить такое несоответствие? Вместе с тем поза животных (прямые или согнутые ноги, опущенная или приподнятая голова, характерные очертания туловища, и т.п.) не являются четким культурно-хронологическим индикатором, также определяющим семантику изображения. На Алтае в петроглифах рисунки различных животных с подогнутыми ногами известны с эпохи бронзы до позднего средневековья. Трактовка их неоднозначна: они могут изображать «летающих», «отдыхающих», «плывущих», «скачущих», или животных, приготовленных к жертвоприношению? Семантика подобных рисунков должна рассматриваться в совокупности с другими изображениями, если они конечно одновременны.

Основная масса петроглифов на реке Хар-Яматын-гол была создана, очевидно, в эпоху бронзы и раннескифское время. Практически отсутствуют рисунки древнетюркского времени и этнографического времени.

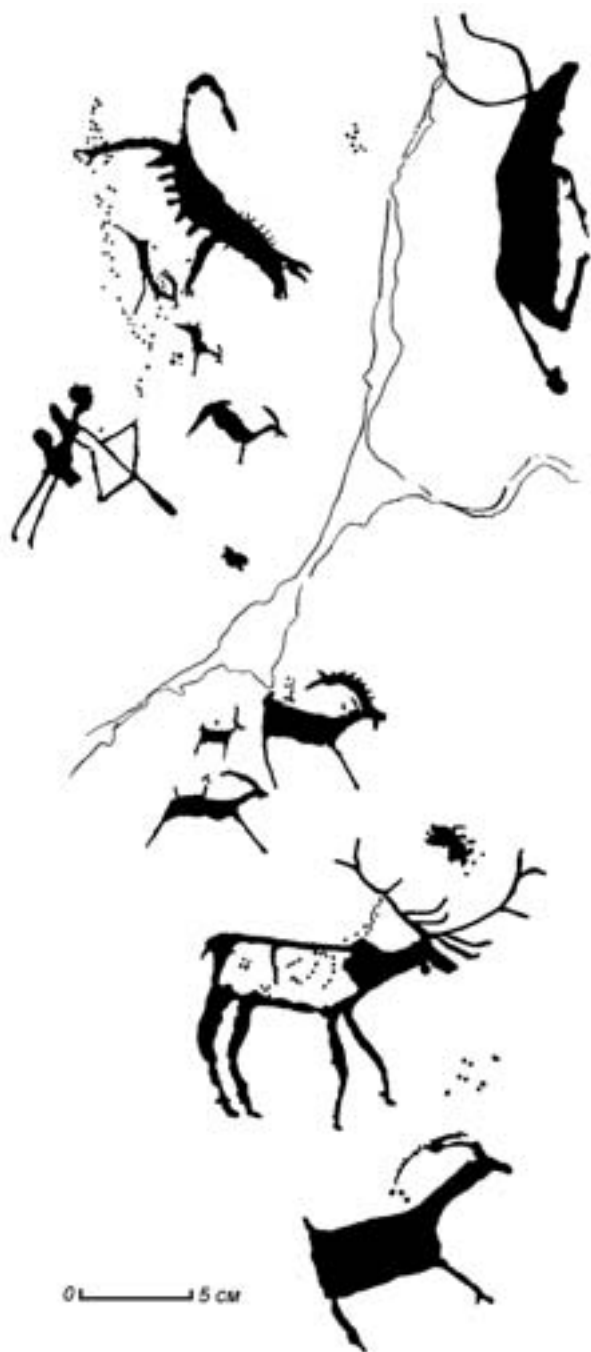

Рис. 2. Прорисовка наскальной композиции в пункте Хар-Яматын-гол IX.

Подводя итог полевым исследованиям 2007 г., следует констатировать, что поставленная перед экспедицией главная цель достигнута. В результате проведенных работ получены новые сведения о ранее неизвестных археологических памятниках, а также продолжено наполнение фонда образцов древнего наскального искусства. Он необходим не только для дальнейшего изучения и публикаций, но и для создания археологической карты Алтая.

В результате проведения экспедиционных исследований в труднодоступной области алтайских гор были получены огромные по объему и фактически новые материалы. Изучение археологическими методами, даже уже давно известных комплексов петроглифов в одном из высокогорных регионов Центральной Азии позволило прийти к новым археологическим открытиям, а в целом изменило наши представления об Алтае, как об отдаленной и глухой провинции кочевой цивилизации. Исследование петроглифов также позволило достаточно более ясно (на уровне теоретических разработок и реконструкции мифологических представлений) представить миграционные процессы, происходившие на стыке взаимодействия многих древнейших культур Центральной Азии.

Примечания

Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Э. Исследования в Монголии // АО 1994 года. – М.: ИА РАН, 1995. – С. 324–325.

Цэвээндорж Д. Монголын эртний урлагийн туух (История древнего искусства Монголии). – Улан-Батор: Gamma, 1999. – 317 с.

ТЕЛЕНГИТСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ ЮЖНОГО АЛТАЯ*

Изучение поздних археологических памятников, относящихся к этнографической современности, хотя и началось еще собственно в XIX веке, находится сегодня в начальной своей стадии. Объясняется это отсутствием устойчивого исследовательского интереса к подобным памятникам, общей немногочисленностью раскопанных этнографических захоронений, которые остаются не систематизированными. Среди исследованных погребальных памятников XVII-XIX веков на Алтае можно упомянуть захоронение в долине р. Улаган, раскопанное С.И. Руденко в 1924 году [Дьяконова, 2001, с. 192], впускное погребение на могильнике Талдура II [Могильников, Елин, 1983, с. 135], погребения на могильнике Мухор-Тархата и Межелик [Ларин, Могильников, Сузакаев, 1994, с. 68-69], захоронение алтайца-теленгита на Средней Катуни [Мыльников, Масумото, 1994, с. 93-96] и некоторые другие. Близкие по погребальному обряду и сопроводительному инвентарю этнографические захоронения были исследованы в высокогорном, монгун-тайгинском районе соседней Тувы [Дьяконова, 1960, с. 151-170]. Значительная часть этих погребений содержит бедный и непредставительный инвентарь. Раскопки большей части этнографических захоронений на Алтае лишь упоминаются в печати, однако остаются не введенными в научный оборот. А между тем, исследование поздних погребальных памятников имеет важное значение для реконструкции процесса этно- и культурогенеза на территории Алтая и сопредельных регионов, его связи с предшествующими историческими периодами и собственно формированием этнографической культуры алтайцев.

Тем интереснее представляется серия теленгитских погребений, исследованных в середине 1970-х – начале 1980-х годов Восточноалтайским отрядом Североазиатской комплексной экспедиции ИИФиФ СО АН СССР (в настоящее время ИАЭТ СО РАН) на территории Кош-Агачского района Республики Алтай**. Эта серия насчитывает восемь захоронений, четы-

*Работа выполнена в рамках гранта по поддержке ведущих научных школ №НШ-6568.2006.6.

**Восточноалтайский отряд Северо-азиатской комплексной экспедиции ИАЭТ СО РАН возглавляется д.и.н., г.н.с. В.Д. Кубаревым. Исследование этих этнографических погребений упоминалось автором раскопок в нескольких своих публикациях [Кубарев, 1980, с. 71; 1988, с. 123,132].

ре из которых представляют собой впускные погребения в насыпи пазырыкских курганов (Уландрык I, к. 12; Уландрык III, к. 4; Уландрык V, к. 1; Уландрык XII, к. 6), по одному во впускном погребении в древнетюркскую оградку (Ян-Гобо) и в насыпь керексура (левый берег р. Юстыд). Ещё одно исследованное захоронение является скальным погребением в урочище Уландрык. Для теленгитского захоронения в долине р. Елангаш был сооружен отдельный погребальный памятник, включающий могильную яму и надмогильную конструкцию - сруб. Материалы всех этих погребений до сегодняшнего дня не публиковались. В числе наиболее интересных захоронений выступает уже упомянутое погребение богатой теленгитки, исследованное В.Д. Кубаревым в 1975 году на правом берегу р. Елангаш. Приведем описание этого погребения*.

На поверхности захоронение маркировали два сруба, которые отстояли друг от друга на расстояние 1,3 м. Сруб для женщины был сделан из толстых жердей в три венца и имел крышу. Его размеры: 2,5 x 1,5 м. Поверх крыши и к стенкам сруба были положены камни различных размеров. Под срубом в могиле находился настил из плах, а также шесты, снятые с войлочной юрты. Здесь же была обнаружена интересная находка: резной деревянный идол в виде фигуры человека длиной 75 см. Его лицо и туловище оформлены достаточно реалистично, тогда как руки и ноги лишь намечены. После снятия перекрытия было выявлено пятно могильной ямы подпрямоугольной формы с округлыми краями. Длинной осью яма была ориентирована почти строго по линии С-Ю, а её размеры составляли: 2,2 x 1,3 м.

На глубине 70 см зачищен костяк женщины, похороненной по обряду трупоположения, лежащей вытянуто, на спине. Погребенная была уложена головой почти строго на север. Её левая рука была слегка согнута в локте, таким образом, что кисть находилась на костях таза. Правая рука – выпрямлена далеко направо, в направлении западной стенки ямы.

В изголовье женщины, в северо-западном углу ямы зафиксировано небольшое деревянное ведро и деревянная курительная трубка с бронзовыми обоями (рис. 1, 7) и нефритовым мундштуком (рис. 1, 6). С противоположной стороны от изголовья найдены остатки ящичка, в котором находились мелкие бытовые предметы и украшения: серьга с массивной подвеской, деревянный гребень (рис. 1, 1), бронзовый комуз (рис. 1, 4) в оригинально выполненном деревянном футляре-пенале в виде сапожка (рис. 1, 2), упаковка от западноевропейских швейных игл с маркой на лицевой части и бронзовый наперсток. Под головой погребенной зафиксированы остатки подушки, выполненной из какого-то органического материала. В области шейных позвонков и груди найдено несколько стеклянных бус. На костях таза обнаружена бронзовая поясная бляха с продетым в нее кожаным ремнем. Еще одна бляха (рис. 1, 5) находилась между кистью

*Очень краткое и избобилующее неточностями описание этого погребения приведено у Е.М. Тошачковой [1978, с. 131-132], а также у В.П. Дьяконовой [2001, с. 193].

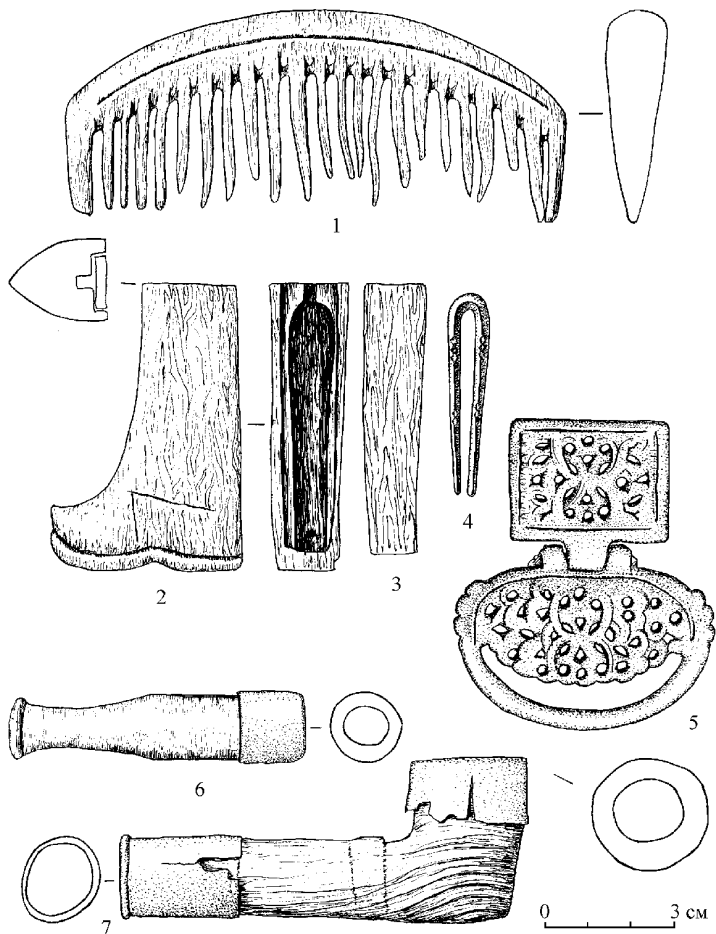

Рис. 1. Предметы из теленгитского погребения, исследованного на правом берегу р. Елангаш (Алтай).

1 – деревянный гребень, 2,3 – деревянный футляр-пенал для комуза в виде сапожка, 4 – бронзовый комуз, 5 – бронзовая ажурная бляха, 6 – нефритовый мунштук для курительной трубки, 7 – деревянная курительная трубка с бронзовыми обоймами.

правой руки женщины и западной стенкой могильной ямы, а близ правого бока была найдена пуговица. На всем костяке зафиксированы остатки одежды: фрагменты кожи, орнаментированной ткани и лоскутки меха. На ногах прослежены остатки кожаных сапог.

В ногах костяка зачищены фрагменты седла, под которыми находились: конская упряжь, украшенная железными бляхами, подпружные пряжки,

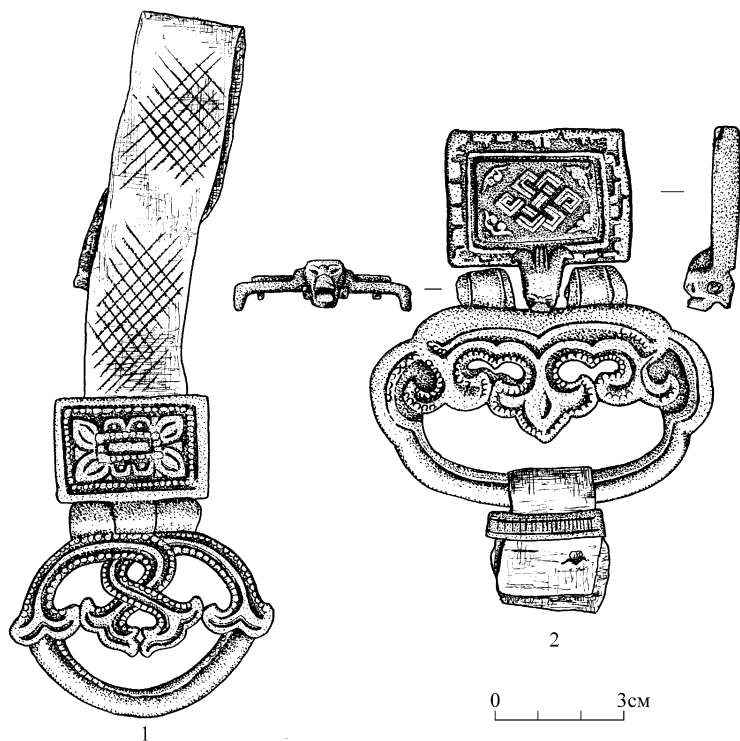

Рис. 2. Бронзовые ажурные бляхи на кожаных ремнях из впускного погребения кургана № 1 могильника Уландрык V.

удила с кольчатыми псалиями, а также два бронзовых стремена. Здесь же был обнаружен небольшой, фабричного производства, эмалированный чайник с носиком, ручкой и крышкой. В непосредственной близости от чайника зафиксированы кости барана в качестве остатков заупокойной пищи.

В 1,3 м на юго-запад от сруба человека было исследовано погребение двух коней, над которыми также имелся сруб. Последний – двухвенцовый, также обложенный камнями и составленный из жердей меньшего диаметра, чем сруб женщины. Размер сруба, как и самой ямы, составил 3 x 2,9 м. На глубине 60 см здесь были зачищены два костяка коней, ориентированные головами на запад. Они лежали параллельно друг другу, на животе с подогнутыми ногами, слегка завалившись на правый бок.

О богатстве погребенной в долине р. Елангаш теленгитки свидетельствует наличие отдельного погребального сооружения (подавляющее большинство этнографических захоронений устроено в насыпях древних курганов), богатого и разнообразного сопроводительного инвентаря, а также сопроводительного захоронения двух коней. Кроме того, исследователями уже отмечалось значительно большее богатство погребального инвентаря

женских этнографических захоронений в сравнении с мужскими [Дьяконова, 1960, с. 169]. Материалы елангашского погребения содержат вещи и украшения, соотносимые с этнографически зафиксированными предметами и украшениями конца XIX - начала XX вв. Наиболее ярким примером этому служат подвесные пряжки (рис. 1, 5) поясного украшения на чегедеке. Не менее эффектные подвесные пряжки происходят из впускного погребения кургана № 1 могильника Уландрык V (рис. 2). Как известно, подобные пряжки изготавливались местными кузнецами, однако в основном приобретались у китайских и монгольских торговцев. По некоторым предметам фабричного производства, и в том числе западноевропейского, погребение теленгитки из долины р. Елангаш предварительно следует отнести к середине – второй половине XIX века. Очевидно, XVIII-XIX веками датируются и другие исследованные в Кош-Агачском районе Республики Алтай этнографические погребения, упомянутые выше.

Данную публикацию следует рассматривать как предварительную. После окончательной обработки материалов исследованных теленгитских погребений предполагается их полноценное монографическое введение в научный оборот. Важность исследования поздних археологических памятников Алтая определяется тем, что они выступают в качестве ценного источника по истории алтайцев, их материальной и духовной культуры, которая в свою очередь генетически связана с предшествующими историческими периодами.

Примечания

Дьяконова В.П. Поздние археологические памятники на территории Западной Тувы // ТТКАЭЭ. - М.-Л., 1960. т. I. – С. 56-95.

Дьяконова В.П. Алтайцы (материалы по этнографии теленгитов Горного Алтая). - Горно-Алтайск: Юч-Сюмер, 2001. – 224 с.

Кубарев В.Д. Археологические памятники Кош-Агачского района (Горный Алтай) // Археологический поиск (Северная Азия). – Новосибирск: Наука, 1980. – С. 69-91.

Кубарев В.Д. Археологические памятники истоков Чуи // Проблемы изучения культуры населения Горного Алтая. - Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1988. – С. 107–144.

Ларин О.В., Могильников В.А., Суразаков А.С. Раскопки могильника Мухор-Тархата I // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. - Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1994. – С. 61-70.

Могильников В.А., Елин В.Н. Курганы Талдура // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980 – 1982 годах. - Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1983. – С. 130-147.

Мыльников В.П., Масумото Т. Погребение алтайца-теленгита на Средней Ка-туни // Археология Горного Алтая. - Барнаул: АГУ, 1994. – С. 93-96.

Тошакова Е.М. Традиционные черты народной культуры алтайцев (XIX - начало XX в.). - Новосибирск: Наука, 1978. – 160 с.

*Г.В. Кубарев, Со Гилсу, В.Д. Кубарев, Д. Цэвээндорж,
Г. Лхундев, Н. Баярхуу, Ким Хый Чхан, Кан Сом,
Чжон Вон Чхоль*

**ИССЛЕДОВАНИЕ ДРЕВНЕТЮРКСКИХ ПАМЯТНИКОВ
В ДОЛИНЕ РЕКИ ХАР-ЯМААТЫН-ГОЛ
(МОНГОЛЬСКИЙ АЛТАЙ)***

В полевом сезоне 2007 года совместной российско-монголо-корейской экспедицией проводились археологические работы на территории Баян-Улэгэйского аймака МНР.** Основной целью работ являлись археологические раскопки трёх объектов в нижнем течении р. Хар-Ямаатын-гол в Монгольском Алтае: поминального сооружения древнетюркского аристократа с одним из наиболее ярких каменных изваяний Монголии и двух древнетюркских курганов. Их исследование имело большое научное значение сразу по нескольким причинам. Наиболее важным обстоятельством является крайне слабая изученность древнетюркских памятников на территории всей Монголии и в Монгольском Алтае в частности. К настоящему времени на территории всей Монголии раскопано порядка десяти древнетюркских курганов [Боровка, 1927; Евтюхова, 1957; Худяков, Цэвээндорж, 1985; Төрбат, 1998 и др.]. Больше внимание уделялось изучению поминальных комплексов древнетюркской знати на территории Монголии [Войтов, 1996; Баяр, 2004 и др.]. Намеченное для исследования поминальное сооружение с валом и рвом имеет одно из самых интересных каменных изваяний Монголии. Оно не раз привлекало внимание как теми реалиями, которые на нем представлены, так и выгравированной ниже пояса жанровой сценой [Баяр, 1997, 1998; Баяр, Эрдэнэбаатар, 1999; Кубарев В.Д., 1995; Кубарев Г.В., 1998, 2003].

Исследование древнетюркских памятников в Монгольском Алтае имеет особое значение ещё и потому, что именно с этим регионом большинство ученых связывает наиболее ранний период истории и этногенеза древних тюрков. Кроме того, археологические раскопки преследовали своей целью выявление возможной связи поминального сооружения с двумя курганами, установление их конструктивных особенностей и датировку. Приведём краткое описание исследованных объектов.

*Работа выполнена в рамках проекта по поддержке ведущих научных школ №НШ-6568.2006.6.

**С российской стороны её возглавлял кин, нс Г.В. Кубарев (Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск), с корейской - профессор СО Гилсу (Институт Когурё, Университет Каннам, г. Сеул), с монгольской - профессор Дадминсүрэн Цэвээндорж (Институт археологии АН МНР, г. Улан-Батор).

Древнетюркские курганы получили порядковые номера 8 и 10, так как они образуют единый комплекс с курганами пазырыкской культуры и курганом эпохи бронзы. Курганы № 8-10 находятся с восточной стороны от цепочки курганов пазырыкской культуры (№ 1-7), ориентированной с севера на юг. Курганы № 8 и 10 по своему расположению и степени задернованности были ещё до проведения раскопок определены как древнетюркские.

Насыпи обоих курганов достаточно большие – 10-11 м в диаметре, высотой до 0,4-0,45 м. Сложены преимущественно из мелких камней в 3-4 слоя. Отличительная конструктивная особенность насыпей обоих курганов заключается в возведении внутри насыпи кольца диаметром 5-6 м из массивных камней. Примечательно, что это не традиционная крепида, сложенная по краю насыпи и призванная предотвратить её разрушение. Скорее можно сказать, что кольцо было привязано к могильной яме и сложено вокруг неё. С сооружения каменного кольца начиналось возведение всей наземной конструкции. Именно к нему снаружи и внутри вертикально устанавливались и опирались на него удлиненной формы камни. Подобная конструкция насыпи древнетюркских курганов, насколько нам известно, встречена впервые. В насыпях курганов и, в особенности, внутри каменного кольца, найдено большое число колотых и резаных костей животных от проводившихся здесь тризн. С восточной стороны от насыпи кургана № 8 устроен ряд из девяти поминальных колец, который как бы полукругом огибает курган.

В яме кургана № 8, размерами 230 x 180 см, разрозненные кости лошади и человека, а также отдельные артефакты стали встречаться практически на уровне древней поверхности. Нарушение погребения человека с конем, прежде всего, объясняется жизнедеятельностью мелких грызунов, однако полностью не исключено осквернение могилы (у человека и лошади отсутствовали черепа). На глубине 75-85 см от уровня древней поверхности был зачищен костяк женщины, ориентированный на ВВЮ (рис. 1). В противоположную сторону и на чуть большей глубине (95 см) уложена лошадь. Среди сопроводительного инвентаря женщины следует отметить роговой гребень, роговые наконечники плети, керамические пряслица, красящее красное вещество (?). Отдельно у изголовья были уложены: баранья кость со сколами и следами порезов от ножа, железный предмет неизвестного назначения с роговой вставкой внутри, роговые подпружные пряжки. Здесь же была сделана одна из наиболее интересных находок: железный боевой кинжал в ножнах и с бутеролью, общая длина которого вместе с рукоятью составляла порядка 40 см. В систему его крепления входило три тренчика-обоймы. На костяке лошади зафиксированы: тлен от деревянного седла, железные фрагменты от накладок седла, железная подпружная (?) пряжка. Все железные предметы плохой сохранности и сильно корродированы. Остатки железных стремян и удил в погребении не обнаружены.

Рис. 1. Вид на женское погребение с конем. Могильник Хар-Ямаатын-гол. Курган 8. Монгольский Алтай.

В юго-западном секторе насыпи кургана № 10 был найден бронзовый перстень, который, по всей видимости, относится к древнетюркской эпохе. В кургане № 10 могильная яма отсутствовала. В северной части насыпи, недалеко от каменного кольца, зачищена придонная часть лепного керамического сосуда. Он был слегка вкопан.

Поминальное сооружение с валом и рвом и с одним из наиболее интересных изваяний Монголии, находится на одной и той же надпойменной террасе с курганами и удалено от них приблизительно на 700 м к северо-западу. Размеры оградки невелики: 4,4 x 4,5 м. Она ориентирована углами почти строго по странам света. Размеры всего сооружения впечатляют: 17,6 м (по линии С-Ю) и 19-20 м (по линии В-З) (рис. 2). Оградку окаймляла площадка шириной в 2 метра, которая перед изваянием достигала 4 м. Удалось установить размеры вала и рва, несмотря на то, что они с течением времени сильно оплыли. Ширина рва составляла около 1,5 м, при глубине 0,85 м. Ширина вала – 3 м, а его высота могла составлять 1-1,5 м. Сверху вал был обложен мелкими камнями, которые дополнительно защищали его от разрушения. Пожалуй, впервые, подобное поминальное сооружение с валом и рвом было исследовано целиком, включая зачистку пространства вала и рва. В ходе раскопок был получен стратиграфический срез со всего сооружения. После разборки заполнения оградки в центре, на уровне древней поверхности зафиксировано зольное пятно. Близ восточной стенки оградки на глубине 15 см от древней поверхности обнаружено

Рис. 2. Поминальное сооружение древнетюркской знати с валом и рвом в долине р. Хар-Ямаатын-гол. Монгольский Алтай.

массивное железное кайло на длинной деревянной рукояти, оставленное, очевидно, строителями поминального комплекса. По периметру оградки, с внешней стороны зачищены основания лиственничных столбов. Слегка обожженные, они были вкопаны на значительную глубину (65 см) и через определенные промежутки. Очевидно, первоначально они являлись столбами для навеса с крышей. Рядом с основным изваянием было обнаружено обломанное основание второй, меньшей по размерам скульптуры. В целом необходимо отметить, что максимально тщательно были прослежены конструктивные особенности всего сооружения, что позволит в будущем предложить его реконструкцию.

Вероятно, не случайно, что балбалы направлены в сторону двух курганов, на ВВЮ. Направление на восток является священным для древних тюрков, а небольшое отклонение на юг в данном случае объясняется особенностями долины р. Хаар-Ямаатын-гол (балбалы ориентированы по долине реки и параллельно ей). Смотрящее практически на восток, в сторону курганов изваяние (а первоначально их было два в поминальном комплексе), а также отходящие два ряда балбалов в том же направлении (длина протяженного из них составляла 184,6 м и насчитывала до 77 балбалов), как будто, символизирует и подчеркивает связь поминального и погребального комплекса.

Наше предположение, высказанное ещё до проведения раскопок, о том, что исследованные древнетюркские курганы являются парным – мужским и женским захоронениями, несмотря на отсутствие погребе-

ния в одном из курганов, по-прежнему имеет право на существование. Курган № 10, судя по планиграфическим особенностям и очень необычной конструкции насыпи, аналогичной насыпи кургана № 8, несомненно, принадлежит к древнетюркской эпохе и близок по времени сооружения к женскому погребению кургана № 8. С уже известными парными курганами, раскопанными на территории Российского Алтая [Кубарев Г.В., 2005, с. 13; табл. 20, 57], курганы из долины р. Хар-Ямаатын-гол сближает не только парное расположение с восточной стороны от цепочки пазырыкских курганов, но и такая почти этнографическая особенность, как наличие с восточной стороны от женского кургана цепочки из поминальных колец [Кубарев Г.В., 2005, табл. 24,25]. Таким образом, курган № 10, имеющий символическое и кенотафное назначение, можно с известной долей уверенности считать мужским. Это предположение косвенно подтверждает факт наличия дарственных предметов в обоих курганах - женского перстня в насыпи кургана № 10, который мы рассматриваем как символическое мужское погребение, и очень редкой находки оружия – кинжала в женском погребении кургана № 8. Обычай пожертвования-дарения близким и умершим родственникам предметов у древних тюрков фиксировался и раньше по отдельным погребениям.

Эту гипотезу и связь двух древнетюркских курганов с поминальным сооружением неожиданно подтвердили раскопки последнего. По нашему мнению, обломанное основание второго изваяния, обнаруженное нами рядом с основным, а также второй и значительно более короткий ряд балбалов, идущий параллельно основному, от мужского изваяния, свидетельствует о том, что величественное поминальное сооружение было посвящено мужу и жене, а найденное основание изваяния принадлежало женщине. Несомненно, что исследованный поминальный храм в долине Хар-Ямаатын-гол принадлежал древнетюркскому аристократу. И здесь невозможно не вспомнить, что скульптуры тюркских каганов в их поминальных храмах сопровождали скульптурные изображения кагун – жены кагана.

Более сложным является вопрос датировки исследованных древнетюркских памятников в долине р. Хар-Ямаатын-гол. Раскопки этих объектов не принесли находок, имеющих относительно узкую датировку. Именно при отсутствии характерных для позднетюркского периода предметов в исследованных памятниках осмелимся предположить их раннюю датировку – VI-VII вв. Подтвердить или опровергнуть это предположение сможет датирование при помощи естественнонаучных методов - дендрохронологии в отношении поминального сооружения и радиоуглеродного определения материалов женского захоронения. В случае, если даты окажутся близкими, это станет дополнительным доводом в пользу связи исследованных памятников как погребально-поминальных сооружений супругов.

Примечания

Баяр Д. Монголын тов нутаг дахь турэгийн хун чулуу (Тюркские каменные скульптуры Центральной Монголии). – Улаанбаатар: Ин-т истории АН МНР, 1997. – 148 с.

Баяр Д. Каменное изваяние с Хаар Ямаатын-гола // Археологийн Судлал. – Улан-Батор. – 1998. - т. XVIII. — С. 125-129.

Баяр Д. Новые археологические раскопки на памятнике Бильгэ-кагана // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. - № 4. – С. 73-84.

Баяр Д., Эрдэнэбаатар Д. Монгол алтайн хун чулуун хошоо (Каменные изваяния монгольского Алтая). Улаанбаатар: Ин-т истории АН МНР, 1999. – 166 с.

Боровка Г.И. Археологическое изучение среднего течения р. Толы // Северная Монголия. - Л.: Изд-во АН СССР, 1927. - Т. II. - С. 43-87.

Войтов В.Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI-VIII вв. – М.: Гос. Музей Востока, 1996. – 151 с.

Евтюхова Л.А. О племенах Центральной Монголии в IX в. // СА. – 1957. - № 2. - С. 205-227.

Кубарев В.Д. Изваяние с реки Хара-Яма // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. – Барнаул: АГУ, 1995. – С. 158 – 162.

Кубарев Г.В. К вопросу о саадачном или «стрелковом» поясе у древних тюрков Алтая // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1998. – № 3. – С. 190-197.

Кубарев Г.В. Жанровая сцена из Бичикту-Бома // Степи Евразии в древности и средневековье. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. – Книга II. - С. 242-246.

Кубарев Г.В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – 400 с.

Төрбат Ц. Морьтой нэгэн оршуулга // Археологийн Судлал. – Улан-Батор. – 1998. - т. XVIII. — С. 130-134.

Худяков Ю.С., Цэвээндорж Д. Комплекс находок древнетюркского времени из Аргаан-гола // Археологийн Судлал. – Улан-Батор. – 1985. - т. XI. — С. 98-102.

ИСТОЧНИКИ СЫРЬЯ ДЛЯ КАМЕННОЙ ИНДУСТРИИ ПАМЯТНИКА ЛИНЕВО-1

Среди материальных остатков, полученных при исследовании пос. Линево-1 (Тогучинский р-н Новосибирской обл., берег старицы р. Иня) обращает на себя внимание довольно большое количество изделий из камня, среди которых высок процент скребков [Мыльникова, Дураков, Мжельская, и др., 2003; 2004; Волков, Мыльникова, 2006; Нохрина, Мыльникова, 2005; 2006]. Другие группы каменного инвентаря представлены отщепами, наконечниками стрел, пестами, тёрочниками. По всей видимости, Линево-1 в древности было специализированным поселением, одним из основных занятий населения которого была обработка кожи. В целом, широкое использование орудий, заготовками для которых служили сколы различной морфологии, не характерно для памятников переходного времени от бронзового к железному веку.

Проведенный петрографический анализ артефактов показал, что в качестве сырья использовались кварцевый кремнистый песчаник, кварцит, кремнь, известняк, песчаники, диабазы, граниты. Исключительно для изготовления орудий применялись кварцевый кремнистый песчаник, кварцит и кремнь. Частое присутствие на территории жилищ диабазов и их порфиринов отражает какое-то специфическое применение последних, не свойственное или слабо проявленное на «производственной» территории. Следы обжига некоторых из обломков диабаза и присутствие их в зольниках дают основания предполагать его использование в качестве теплоемкого материала для поддержания тепла в жилищах в холодное время. Высокое содержание известняка и песчаников, по-видимому, свидетельствует об использовании первых для изготовления извести и об употреблении в быту орудий, требовавших периодической заточки.

При рассмотрении вопроса о возможных источниках сырья для каменной индустрии Линево-1 следует иметь в виду следующее. Памятник расположен на террасе между реками Иней и ее притоком Изылы. Коренные выходы пород и галечный материал в упомянутых реках на этом участке отсутствуют. Поэтому весь находимый на поселении каменный материал следует рассматривать как принесенный. Очевидно, что отбор галечного материала мог производиться лишь там, где гидрологический режим позволял перенос обломочного материала. Достаточный для этого уклон и ко-

ренные выходы размываемых пород отмечены по левым притокам - Изылы, Мал. Изылы и правым притокам - Тогучинка, Киик, Кусмень. Материал с низким процентным содержанием галечной поверхности и низкой окатанностью брался на коренных выходах или неподалеку от них. Одновременное присутствие неокатанного и аллювиального материала одних и тех же пород может служить показателем расположения коренных выходов поблизости от водотока. Доля артефактов с галечной поверхностью для каждой породы свидетельствует, что в виде гальки брались лишь кварциты и микрокварциты, дайковые и эффузивные порфиристы, гранит, халцедон, кремьнь, для остальных пород галечный материал отбирался спорадически. При этом более высокая степень окатанности гальки кварцитов, кремня и халцедона при тонкозернистости и высокой твердости этих пород свидетельствует о длительном переносе, т.е. более дальнем их источнике по отношению к месту взятия. Более слабая окатанность диабазов, дайковых порфиритов и песчаников, при существенно более низкой их стойкости, указывает на значительно более близкое расположение выходов исходного материала. По той же причине источник гранитов, обычно быстро и хорошо окатывающихся, должен находиться на среднем или небольшом удалении от места взятия.

В ближайшем окружении памятника широко проявлены диабазы и их порфиристы буготагской свиты D_2bg - по р. Тогучинка, правому притоку р. Ини, а также эксплуатирующееся месторождение в 6 км к северо-западу от г. Тогучина на правом берегу Ини. Диабазовые и плагиоклазовые порфиристы (с вулканическими брекчиями порфиритов, альбитофиров, кварцевых порфиров) той же буготагской свиты размывает р. Изылы близ пос. Васино. Их слабо окатанные обломки встречены в современном галечнике Изылы на броне, на 16 км ниже по течению от места размыва. Удаленность от памятника во всех случаях не превышает 25 км. Дайковые проявления диабазов и близких к ним пород имеются в самом Тогучине и на правом притоке р. Ини – р. Киик.

Что касается пород, объединенных в термин «иные порфиристы», то артефакты из них представляют собой мелкие обломки, на которых трудно установить характерные черты пород, хотя в целом создается впечатление, что по большей части они относятся к дайковому комплексу. Дайки основного состава, а также диориты широко распространены в пределах выходов коренных пород на всей территории листа карты, но особенно много их на северном склоне Салаира, где тела различных порфиритов и диоритов образуют протяженную полосу выходов, которая пересекается верховьями рек Малая Изылы и Тарсьма. В целом, большая, чем для диабазов, окатанность «иных порфиритов» может свидетельствовать в пользу этого района как их источника. Однако присутствие тех же разностей в нижнем течении р. Малая Изылы и в коренных выходах по правым притокам р. Ини может указывать на гораздо более близкий их источник в случае слабой окатанности обломков.

Единственное проявление гранитов на близлежащей территории - гранитные массивы девонского возраста на юге листа карты. Один из них, самый крупный, образует куполовидную возвышенность южнее с. Лебедево, от которого берет свое начало правая составляющая р. Изылы – р. Курундус. Его сателлиты пересекаются р. Малая Изылы у с. Верх. Изылы и образуют ближайшие к памятнику (удаление не более 35 км) выходы гранитов, а достаточно высокая окатанность материала может означать, что отбор гальки производился значительно ниже по течению р. Малая Изылы. Так как граниты в контактовом ореоле образуют роговики за счет кембрийских пород, одновременное присутствие на памятнике гранитов и роговиков свидетельствует в пользу общности источника обеих пород, а отсутствие других проявлений гранитоидов означает, что источником их и роговиков могли быть только северные предгорья Салаира.

Серые и светло-серые мраморизованные известняки глубоинской свиты D_{3gl} образуют обрывистые выходы на правом берегу Ини прямо напротив памятника, а также вскрываются небольшим карьером в 4 км от памятника у брода через р. Изылы. Здесь же, на р. Изылы, в небольших карьерах обнажаются выходы песчаников пожарищевской D_{3pzl} свиты, кварцевые, олигомиктовые, иногда с обломочками кремня, серые и розоватые за счет окисленных рудных минералов (пирита), мелко- и среднезернистые, иногда кварцитовидные, а также их крупнозернистые разности и гравелиты. Они аналогичны соответствующим разностям, присутствующим на памятнике («разные песчаники»). Пожарищевские песчаники отмечены и на правом берегу Ини северо-западнее пос. Инской, а также на правых притоках Ини - р.р. Киик и Кусьмень, однако ближайшими к памятнику (около 5 км) являются выходы этих песчаников на р. Изылы.

Следует также отметить на р. Изылы, близ поселков Вассино и Лебедево, выходы карбоновых отложений C_1t , содержащих линзы кварцитов и кварцитовидных песчаников, еще ближе к памятнику полоса аналогичных пород отмечена в правом борту р. Мал. Изылы восточнее д. Новоизылинская и Завьялово, так что кварцитовидные разности олигомиктовых песчаников могут иметь своим источником правобережье р. Малой Изылы.

Само присутствие кристаллических сланцев и гнейсов, и особенно разностей с жедритом, силлиманитом и ставролитом, при высокой степени окатанности галечной поверхности свидетельствует о том, что этот материал испытал дальний водный перенос и брался исключительно из аллювия. Подобные породы в ближайшем геологическом окружении присутствуют только в кембрии на северных склонах Салаира. То же самое относится к хорошо окатанным галькам кварцитов и микрокварцитов.

Таким образом, по своему источнику сырье можно разделить на две группы: породы, которым в геологическом строении района имеются надежные аналоги на ближней к памятнику территории и могут быть от-

несены к разряду «местное сырье», и те, которые на данной территории отсутствуют («импортное сырье»). К первым, помимо уже отмеченных известняков, гранитов, роговиков, должны быть отнесены практически все песчаники, кроме кварцевых кремнистых.

Не имеют себе аналогов в местном геологическом материале кварцевые кремнистые песчаники, алевропесчаники и алевролиты, а так же породы отдельных изделий. Наиболее вероятным источником сырья для изделий из кремнистых пород на Линево-1 следует считать наименее удаленные от памятника кварцевые кремнистые песчаники и их аналоги яйского горизонта в Притомье поблизости от г.Томска. Обращает на себя внимание отсутствие отходов обработки этого каменного материала на памятнике, очень малое количество слабо сработанных нуклеусов и обломков в качестве необработанного сырья или заготовок, что дает основание предположить импорт главным образом уже готовых орудий, изготовление которых производилось на месте выходов сырья. Это тем более вероятно при большом удалении источников сырья, когда транспортировка необработанного камня для изготовления орудий совершенно определенной производственной деятельности нерациональна.

Среди «иных» каменных материалов, не встреченных на близлежащей территории, следует отметить метасоматическую породу крупного изделия с желобком. Порода среднезернистая, под биноклем кажется почти мономинеральной и представляет собой агрегат неориентированных короткошестоватых выделений минерала светло-серого цвета, с низкой (около 4 по шкале Мооса) твердостью. Судя по редко встречающимся сечениям с плохо выраженной спайностью под углом около 120°, это амфибол, но сильно измененный и загрязненный гидроксидами железа. Рентгенофазовым анализом (ОИГТиМ СО РАН, аналитик Л.В. Мирошниченко) в качестве основной фазы диагностирован тальк, примесные фазы – хлорит и амфибол. Эта порода может происходить из зон метасоматического изменения кембрийских пород, полосы которых показаны на северном склоне Салаира, однако отсутствие других артефактов из подобной породы делает правомерным и предположение об импортном происхождении и самого орудия, и его материала.

Примечания

Волков П.В., Мыльникова Л.Н. Функциональный анализ каменных артефактов из жилища 17 поселения Линево-1 // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006 г. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, - 2006. – Т. XII, ч. I. – С. 308-310.

Мыльникова Л.Н., Дураков И.А., Мжельская Т.В., Мыльников В.П., Невзорова И.В., Савин А.Н., Паринов Р.О. Исследования поселения Линёво-1 переходного времени от бронзового к железному веку // Проблемы археологии, эт-

нографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003 г., посв. 95-летию со дня рожд. акад. А.П. Окладникова. – Новосибирск, 2003. – Т. IX. – Ч. I. – С. 459–463.

Мыльникова Л.Н., Дураков И.А., Мжельская Т.В., Кобелева Л.С. Археологическое изучение поселения Линёво-1 (Новосибирская обл.) // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы. Годов. Сессии ИАЭТ СО РАН, 2004 г. – Новосибирск, 2004. – Т. X. – Ч. I. – С. 390–393.

Нохрина Т.И., Мыльникова Л.Н. Скребки поселения Линево (по материалам жилища 17) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2005 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – Т. XI, Ч. I. – С. 446–449.

Нохрина Т.И., Мыльникова Л.Н. Каменные наконечники стрел поселения Линево // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2006 г. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. – Т. XII. – Ч. I. – С. 456–459.

**ИЗДЕЛИЯ ИЗ ГРИФЕЛЬНЫХ КОСТЕЙ
КРУПНЫХ ЖИВОТНЫХ НА ПАМЯТНИКАХ ЧИЧА-1,
ОМЬ-1 И ЛИНЕВО-1**

Изделия из грифельных костей крупных животных распространены в различных археологических культурах на широких территориях. Данные предметы, несмотря на свою шаблонность, несут в себе информацию об определенных аспектах хозяйственной деятельности изучаемого общества. В нашем случае это археологические культуры поздней бронзы и раннего железа на территории западной Сибири.

В костяке лошадей и лосей грифельные кости (периферийные метаподии) «представлены у каждой особи 8 экземплярами (по 2 на каждую конечность)» [Смирнова, 2000, с. 239]. Они легко отделяются и при минимальной доработке являют собой совершенную форму «проколки». Грифельная кость лося (рис 1, 1), по сравнению с лошадиной (рис.1, 2), имеет более уплощенный, широкий и несколько изогнутый диафиз, заканчивающийся характерным каплевидным наростом.

Естественная форма грифельных костей располагает к изготовлению из них продолговатых заостренных предметов. Следуя примеру Л. И. Смирновой, «прежде всего, представим себе, какого рода операции можно производить заостренным орудием: прокалывание (функции иглы), закрепление (функции булавки), плетение \ распутывание (функции кочедыка)» [Смирнова, 2000, с. 236]. Указанные функции, видимо, могли совмещаться или чередоваться (Чича-1, изделие 2, 31). Тем не менее, каждый тип работ, осуществляемый инструментом, оставляет определенные «следы сработанности» и требует соответствующей формы рабочей поверхности.

Собственно, «проколки» имеют заостренный со всех сторон тонкий край (в зависимости от эпохи, заострение производилось с помощью абразивной техники, либо путем строгания металлическим лезвием [Бородовский, 1997, с. 46]). Рабочая поверхность орудия ограничивается самым кончиком острия, который имеет характерное заложение [Смирнова, 2000, с. 238].

Булавки можно охарактеризовать как более тонкие, заостренные предметы, залощенные по всей длине при трении о материал, который они закрепляли.

Кочедык (как обособленная функциональная категория), чаще всего имеет уплощенный (заостренный с двух противоположных сторон и несколько скругленный, либо сточенный под тупым углом) рабочий край.

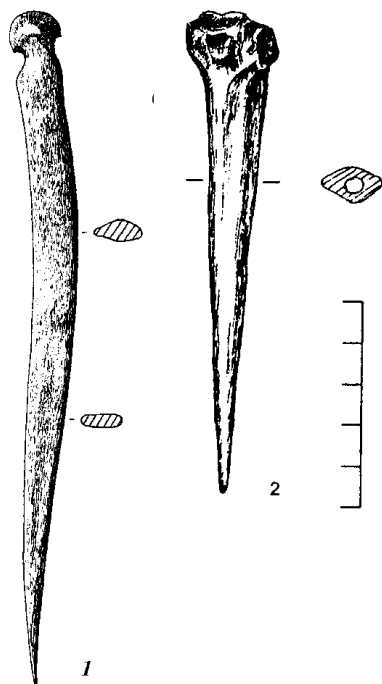

Рис. 1. Грифельные кости лося и лошади.

Рабочая поверхность, как и у проколки, ограничивается самым кончиком острия.

Традиция использования костяных «проколки» восходит к палеолиту. Так, С. А. Семеновым на древнепалеолитическом памятнике Кийк-Коба был обнаружен обломок дистального отдела голени дикой лошади. Экземпляр сохранил часть диафиза в форме шилообразного острия. Равномерность сглаживания рабочей части указывает на мягкий и пластинчатый объект, который, очевидно, прокалывался орудием [Семенов, 1953].

На памятниках, датируемых IV–III тыс. до н.э. (древняя культура общность, поселение Михайловское), также встречаются подобные «проколки» и кочедыки. Г. Ф. Коробкова в своем отчете сообщает, что было обнаружено 11 костяных шильев, сделанных из продольно расчлененных трубчатых костей мелкого рогатого скота с тщательно

заточенным на абразиве острием, и 1 костяной кочедык, изготовленный из продольно расчлененной кости (рабочий конец оформлен с двух сторон абразивной техникой) [Коробкова, 2004].

Кроме того, показательны предметы с городища у деревни Свинухово, датируемом III–IV вв. н.э. Так, в одной из землянок были найдены костяные проколки, шилья, иглы. «Проколки» – в большинстве своем – несколько доработанные грифельные кости лося (заострены, в эпифизе просверлено отверстие). «Шилья» сработаны из расчлененных диафизов крупных трубчатых костей и имеют почти декоративную форму: прямоугольная головка с отверстием и прямое, округлое в сечении, острие [Никольская, 1953]. В принципе, судя по всему, эти «шилья» могли использоваться в качестве булавок (учитывая средневековую моду на различные фибулы).

На территории Западной Сибири, в переходное от бронзы к железу время, рассматриваемые изделия «изготавливались из грифельных костей лося и лошади, реже для этих целей использовались кости, у которых дорабатывалось острие» [Молодин, 1985, с. 51].

Продолжая изучение археологических культур переходного времени на территории Западной Сибири, мы отмечаем некоторые закономернос-

Таблица 1. Изделия из грифельных костей с памятников Чича-1, Омь-1, Линево-1

	Грифельные кости					
	Лошади			Лося		
	Проколка	Кочедык	Сырье	Проколка	Кочедык	Сырье
Чича-1	3	-	14	31	8	7
Омь-1	-	-	4	8	5	-
Линево-1	3	-	5	7	-	7

ти. Так предметы коллекций с памятников Чича-1, Омь-1 и Линево-1 дают следующее статистическое соотношение (табл. 1):

Проколки с городища Чича-1 в основном датируются переходным временем и находятся в слоях позднеирменской культуры. Характерно, что проколки изготавливались из грифельной кости лося. Указанные три проколки из грифельной кости лошади – скорее исключение для памятника, к тому же однозначно определить область их применения затруднительно.

Относительно памятника Омь-1, можно отметить схожую тенденцию: грифельные кости лошади необработанны и относятся к саргатскому времени. Проколки и кочедыки изготавливались из грифельных костей лося и относятся к позднеирменскому периоду.

На поселении Линево-1 ситуация несколько иная. В качестве сырья для изготовления прокалывающих орудий использовались как лошадиные, так и лосиные грифельные кости. Видимо, это было обусловлено определенной сырьевой базой (79,8 % всех определимых костных останков – кости домашних животных [Васильев, Мыльникова, 2005, с. 264]) и специализированным трудом жителей поселения (одной из ведущих отраслей экономики являлась обработка кожи [Мыльникова и др., 2005, с. 436]). Судя по количественному соотношению, лосиные кости использовались чаще.

На памятнике Чича-1 были выделены некоторые планиграфические закономерности: у входа в жилище переходного времени (в левом углу) было обнаружено скопление проколов (5 экземпляров) (Чича-1, раскоп 7, сооружение 9). Аналогию можно провести с могильником кротовской культуры, где в трех захоронениях были представлены «целые наборы прокалывающих предметов, указывающие, по всей видимости, на специфику прижизненного занятия умершего» [Гришин, 2002, с. 300].

Хотя на рассматриваемых памятниках уровень технологии косторезного производства позволял производить расчленение и дальнейшую обработку больших трубчатых костей, в качестве сырья для проколов выбирали именно грифельные кости лося. Кочедыки также часто изготавливались из грифельных лосиных костей. Грифельные кости лошади использовались в этих целях значительно реже (изготовление проколов – единичные случаи,

изготовление кочедыков не зафиксировано), видимо, в силу своих морфологических особенностей.

Изделия с функцией кочедыка изготавливались также из ребер лося и расщепленных повдоль трубчатых костей, доработанных строганием (как на упомянутом поселении Михайловское) (Чича-1 – 19 шт., Линево – 1 шт.). Реже подобным способом изготавливались проколки (Чича-1 – 4 шт.).

На памятнике Чича-1 зафиксирована единичная находка застежки для фибулы. Последняя сработана из грифельной кости лося и равномерно заглажена по всей площади.

Таким образом, для переходного времени отмечается устоявшаяся для Западной Сибири технологическая традиция использования грифельных костей лося при изготовлении проколов, кочедыков и заколок. Грифельные кости лошади использовались в этих целях не так широко и чаще всего встречаются на памятниках в необработанном виде.

Примечания

Бородовский А. П. Древнее косторезное дело юга западной Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ, 1997. – 224 с.

Васильев С.К., Мыльникова Л.Н. Результаты предварительного анализа остеологических материалов с поселения Линево-1 (новосибирская обл.) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы годовой сессии Института АиФ СО РАН. 2005 г.) – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. – С. 260-264.

Гришин А. Е. Использование костяных проколов и бронзовых шилев в погребальной практике кротовской культуры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы годовой сессии Института АиЭ СО РАН 2002 г.) – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2002. – С. 528.

Коробкова Г.Ф., Шапошникова О.Г. Культура доянного периода и жизнеобеспечение ее носителей (по материалам нижнего слоя поселения Михайловское) // Орудия труда и системы жизнеобеспечения населения Евразии (по материалам эпох палеолита-бронзы). – СПб.: Европейский дом, 2004. – С. 30-49.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.

Мыльникова Л.Н., Дураков И.А., Мжельская Т.В., Савин А.Н., Кобелева Л.С., Сяткин В.П., Паринов Р.О. Работы на поселении Линево-1 в 2005 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы годовой сессии Института АиЭ СО РАН. 2005 г.) – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. Т XI – С. 260-264.

Никольская Т. Н. Городище у деревни Свинухово // КСИА. – 1953. – Вып. 49. – С. 86-89.

Семенов С. А. Костяные орудия из древнепалеолитических стоянок Кийк-Коба и Кош-Коба // КСИА. – 1953. – Вып. 49. – С. 143-147.

Смирнова Л.И. Проколки (хронология и функциональное назначение) // Археологические вести. – 2000 – Вып. 7. – С. 236-247.

ПРОТОХРАМ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И УСТРОЕНИЯ ВСЕЛЕННОЙ: «ЗОНА ЖИЗНИ» И БОЖЕСТВА ЗУРВАНО-ЗОРОАСТРИЙСКОЙ ТЕОГОНИИ И МИФОЛОГИИ В НАСКАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ СЕВЕРНОЙ ХАКАСИИ

Вводные замечания. Эволюция всего окружающего Мира, Природы, включает в себя, согласно мифологическим представлениям индоевропейского жречества, три основополагающих этапа. В предельно кратком изложении процесс этот выглядел примерно так [Ларичев, 2003, а]:

1 – возникновение у высшего ранга божества, воплощения вечных и бесконечных Времени и Пространства*, идеи рождения наследника, будущего творца упорядоченного Мироздания, населенного почитателями великого прародителя;

2 – неожиданное появление на свет (следствие невольного просчета Творца в замыслах своих), вовсе не одного, как предполагалось, а двух божественных наследников, носителей противоположных начал – Света и Тьмы, Добра и Зла; создание одним из них «Царства Бесконечного Света», пронизанного гармониями конечного по времени существования Космоса, где господствовали силы Правды и Добра**, а другим, прямым антиподом первого, – «Царства Бесконечной Тьмы», Дужахва, где главенствовали воплощения сил альтернативных – Лжи и Зла***;

3 – непрерывная, на протяжении 9 из 12 000 лет борьба в «Зоне жизни» («Месте смешений») представителей двух «царств». Противостояние, согласно воле создателя, должно было завершиться победой, в конечном счете, сил Света, Правды и Добра. Им-то и предстояло далее владычествовать во Вселенной в последние из оставшихся 3 000 лет ее существования, вплоть до «Суда господня» над человечеством.

Постановка проблемы и программная цель поиска. Иконография индоарийских божеств высшего ранга, устроителей Мира, ограничивается, большей частью, скудными словесными описаниями, включенными в немногочисленные тексты архаических мифов «о сотворении». Но если лики их, тела и одеяния, а также общую картину упорядоченной Вселенной

*У индоариев его представлял Зурван акарна, а на Ближнем Востоке и восточном Средиземноморье – Хронос агерос апейрос.

**У индоариев – Зурван даргахадата, а также, видимо, антропоморфная ипостась его – Ахура-Мазда; на западе, у орфиков Греции, – Фанес (Протогон), у инду-сов юга Азии – Праджапати.

*** У индоариев – Анхра-Манью.

(Космоса) можно схематично (в общих чертах) реконструировать (вообразить) по весьма позднему времени барельефам и скульптурам запада Евразии (митраистского стиля фигуры и многозначные композиции в храмах и погребальных сооружениях), то зурванистского толка изображения богов и «царств», созданных ими, а также панно, раскрывающие обстоятельства сражений, оставались до недавних пор почти полностью неизвестными.

После открытия в районе Сундуков (Кузнецкий Алатау, долина р. Белый Июс Северной Хакасии) двух сложно структурированных протохрамов с наскальными рисунками, приуроченными к мирам верхнему (Небо), среднему (Земля) и нижнему (Преисподняя), появились благоприятные условия для выделения образов, представляющих «сферу инобытия», т.е. некоего «потустороннего пространства». То были озадачивающего (трудно-описуемого) вида существа, – наверное, боги, духи и «тени» отошедших в мир иной предков [Ларичев, 2003, б; Ларичев, Гиенко, Шептунов, Серкин, Комиссаров, 2005]. Такая идея нашла затем подтверждение в ходе многолетнего изучения столь же странных изображений на широких плоскостях и гранях плит обширных могильных полей ближних и дальних окрестностей Сундуков (не опубликованы).

Требовались, однако, большей весомости подтверждения правильности изложенной гипотезы с конкретной презентацией персонажей «мира инобытия» и внятным в очевидности описанием того, что определено «потусторонним пространством». Свидетельства такие выявлены, и они представляются далее.

Источник: Правая плоскость протохрама возникновения и устроения Вселенной. Выделение в пространстве рассредоточения рисунков сюжетного плана композиций. Третий из сакральных памятников района Сундуков, Подлиственки, наскальные изображения которого позволили восстановить обстоятельства зарождения Мироздания и описать структуры его по окончании творения, предоставляет превосходного изобразительного качества и глубокой содержательности материалы для решения поставленных проблем [см. Ларичев, 2005; Ларичев, Паршиков, 2006]. Они, уникальные материалы, особо ценны потому, что легко воспринимаются в контексте все тех же, зурвано-зороастрийского толка теогонии, космогонии и космологии. Это обстоятельство не должно удивлять, ибо правая плоскость есть неотъемлемая часть одного и того же памятника – Подлиственки, созданного единовременно, по всей видимости, на рубеже II—I тыс. до н.э., т.е. в эпоху поздней бронзы или в самом начале раннего железного века.

Изображенное в границах ее четко подразделяется на 4 композиции:

1 – левую половину плоскости занимает неподвластное образному восприятию, а потому логически четким истолкованию и объяснению сложно кружевное переплетение кривых линий, причудливо совмещенных с малопонятными фигурами и, возможно, фрагментами тел. В результате, композиция смотрится запутанным до неразличимости образов, невообразимо

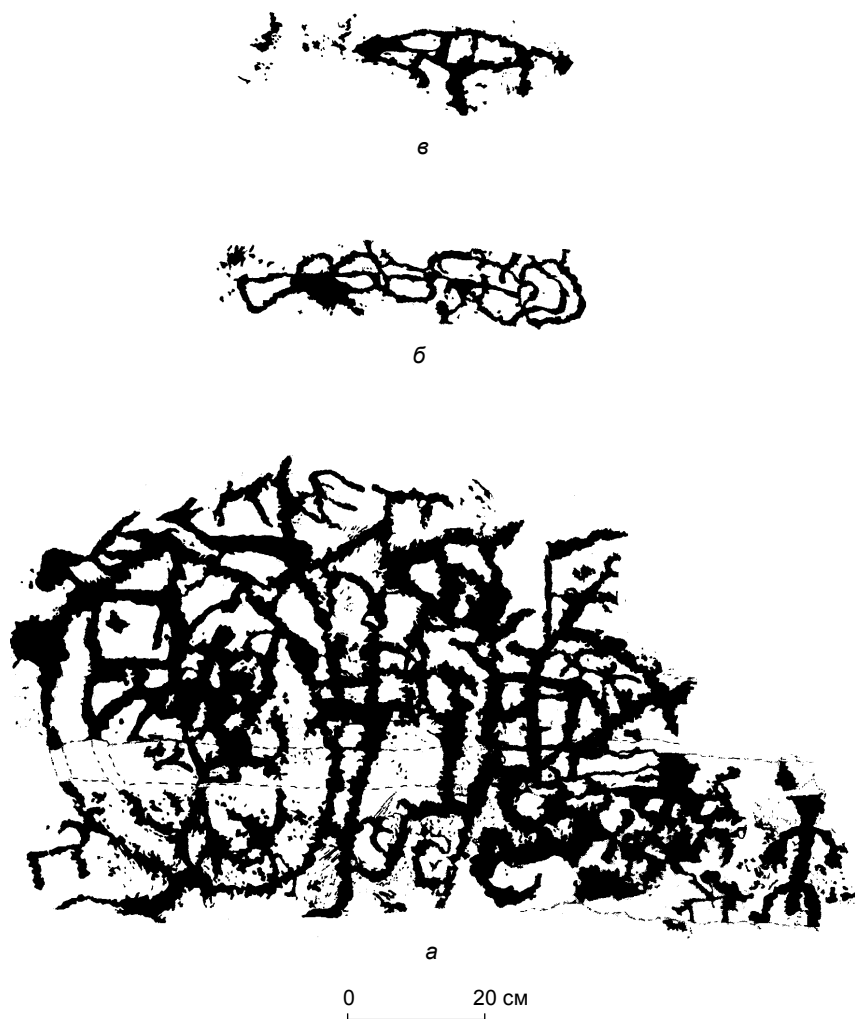

Рис. 1. Композиция левого отдела правой плоскости – зона Хаоса (а);
образы храфстра – многоглавый змий (б) и трехное чудовище (в).

беспорядочным нагромождением нечто «недооформленного» (рис. 1, а). Различимы в этом своеобразном «месиве» линий фигура горного козла, размещенная в левом нижнем углу композиции, а также лань и хищники (волки?) по верхнему краю ее. В целом же, если бы пришлось, положим, решать задачу воплотить в картине известный по словесным мифологическим повествованиям Хаос, то, пожалуй, изображенное в левой части плоскости могло бы стать классическим образцом для всевозможных художественных фантазий на заданную тему;

2 – верхнюю часть правой половины плоскости занимает фигура странного, синкретичного обличья, с миниатюрным веерообразным крылом существа, отчасти напоминающего по виду льва. Тело его рахитичное; крупная, с длинным рылом и широко раскрытой пастью голова увенчана рогами, а хвост причудливо ветвист и поднят вверх. Фантастического вида животное обращено головой в сторону двух крылатых антропоморфов и, судя по всему, яростно атакует их, намереваясь растерзать (рис. 2, б);

3 – нижнюю часть занимает фигура подлинного монстра. Тело чудовища – подтреугольное, с несоразмерно коротенькими ножками; голова

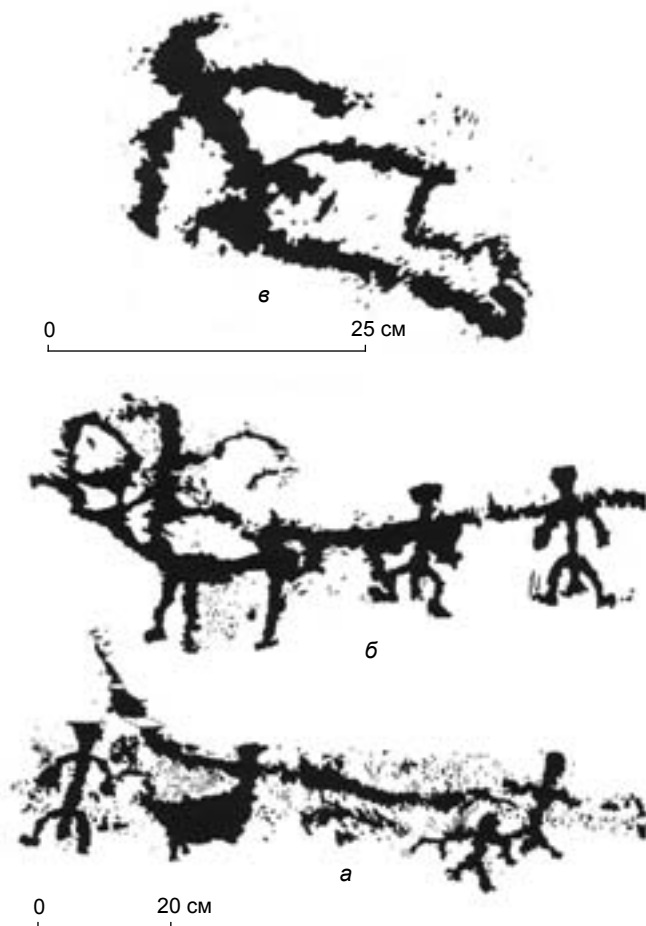

Рис. 2. Сцены противоборств орла и змия, храфстра и антропоморфов:
а – длиннокрылый монстр и антропоморфы (фрагмент композиции);
б – крылатый лев и крылатые антропоморфы (фрагмент композиции);
в – орел и змий.

небольшая, то ли птичья, то ли змеиная; хвост – сложно ветвистый, веерообразный; шея длинная, а от нее (но отнюдь не от плеч, как должно) далеко влево и вправо распростерты узкие изогнутые крылья. Хвост и переднее крыло фантастического в нереальности существа блокируют антропоморфов. Их атакуют также волк (?) и образно нераспознаваемые существа (рис. 2, а);

4 – в правом верхнем углу плоскости изображена сцена противоборства орла и змеи. Они, возможно, персонифицируют лидеров (главных богов) противостоящих сторон (рис. 2, в).

Как бы, на беглый взгляд, ни выглядело безнадежным для понимания изображенное на правой плоскости, оно все же поддается «прочтению» в свете зурвано-зороастрийской мифологии и теогонии.

Варианты интерпретаций композиции, размещенной в левой половине плоскости. Сложные сплетения кривых линий и дисгармоничных очертаний пятен выбивки вызывают в памяти описание беспорядочно перемещающихся в пространстве частей тел и обломков предметов, которые, согласно индоевропейским, западного образца мифам о первоначальном состоянии мира, случайно совмещались друг с другом, образуя несообразные создания, обреченные на распад и гибель. Возможно, таким представлялся Хаос античным мифологам и натурфилософам до начала и в самом начале миротворения (это нашло эффектное отражение в сцене с Орлом на Яйце левой плоскости протохрама, расположенной в ближайшем соседстве [см. Ларичев, Паршиков, 2006]).

Интерпретация композиций, размещенных в правой половине плоскости. Игра солнечного света и тени в пределах ее. В контексте драматических картин столкновений монстров с крылатыми и обычного вида антропоморфами, а также сцены смертельной схватки орла и змеи, хаотического стиля композиция может быть истолкована несколько иначе – как то самое, упомянутое в начале доклада Дужахва, «Царство тьмы», место господства бога Зла и Лжи и его прихвостней, омерзительного обличья храфстра. Это они, прознав однажды о существовании ненавистного «Царства Света, Правды и Добра», изошли из мрака с намерением искоренить всех светлых обитателей его и, тем самым, обрести господство над всем Миром.

Если обе композиции правой плоскости поняты правильно, то поле столкновений храфстра и антропоморфов правой половины ее есть ни что иное, как упоминаемое в зороастрийских мифологических повествованиях загадочное в смысловой содержательности «Место смешений» («столкновений»?; оно же – «Зона жизни»). В границах ее на протяжении 9 тысячелетий как раз и противоборствовали воплощения сил Добра и Зла.

Сцены борьбы и противостояний, возможно, преднамеренно размещались на правой плоскости с учетом закономерностей освещения ее Солнцем от часов близких полудню и до заката (что определялось размерами навеса, очертаниями и крутизной наклона его, а также степенью разворота

подтреугольного внутреннего пространства протохрама относительно юго-восточной части горизонта). Сначала в поле проникновения лучей попадала картина схватки двух главных персонажей композиций – орла и змия, олицетворяющих, с наибольшей вероятностью, альтернативные божества – живые воплощения Света и Тьмы. В последующие часы затемненные и освещенные участки плоскости варьировали по величине, позволяя наглядно представлять переменчивый ход противоборства обитателей «Зоны жизни» и храфстра, выходящих из «Зоны тьмы», Хаоса. После полудня в тень очень медленно погружался Хаос, а перед закатом Солнца во мраке исчезало и поле сражения со всеми его персонажами.

Краткие итоги поиска. Многофигурные композиции обеих плоскостей протохрама Подлиственки, предельно кратко презентованные в двух докладах, представляют собой редкостной ценности иллюстративный источник для реконструкций в области интеллектуальной и духовной жизни ранних кочевников Южной Сибири. Все в понятом при расшифровках («прочтениях») одинаково важно – и по части религиозно-мифологических представлений, и в сфере естественно-научных познаний Природы тех, кто эффектно олицетворял гиперборейскую окраину оси блестящих евразийских протоцивилизаций.

Примечания

Ларичев В.Е. Всесокрушающее Время (семантика образа фантастического зверя и зервано-зороастрийский аспект религии окуневской культуры) // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Книга I. – Барнаул: Издательство Алтайского университета, 2003, а. – С. 112–122.

Ларичев В.Е. Тагарский героический эпос в образах наскального искусства Северной Хакасии // Древние культуры Северо-Восточной Азии. Астроархеология. Палеоинформатика. – Новосибирск: Издательство «Наука», 2003, б. – С. 200–235.

Ларичев В.Е. Храм «Сотворения мироздания» // Наука в Сибири. – 2005 – № 34. – С. 7.

Ларичев В.Е., Гиенко Е.Г., Шептунов Г.С., Серкин Г.Ф., Комиссаров В.Н. Храм борьбы света и тьмы, добра и зла, времени и безвременья // Россия – евразийская общность: культура и цивилизация. – Новосибирск: Издательство «Архивариус-Н», 2005. – С. 81–104.

Ларичев В.Е., Паршиков С.А. Протохрам возникновения и устройства Вселенной: Мировое яйцо, первозданные боги и человек в наскальном искусстве Северной Хакасии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2006. Том XII, часть I. – С. 412–417.

СТАВРОГРАФИЯ В СИБИРИ

Ставрография в переводе с греческого означает ставрос – дерево, крест; графо – пишу, является вспомогательной исторической дисциплиной, изучающей историю и семантику Креста, как основополагающего символа христианства. [Гнутова 2001, с.3]. Начало этой науки в России принято относить к первой половине XIX века и связывать с трудами П. Кеппера и К. Аверина [См. напр.: Аверин 1826 с. 231-234]. В начале XXI века мы наблюдаем резкое усиленное внимание к ставрографии, появление серии специальных исследований, как статей, так и монографий, посвященных изучению различных видов крестов. Особо следует выделить три тома специальных сборников, посвященных ставрографии [Ставрографический сборник ... 2001; 2003; 2005]. Из зарубежных исследований посвященных истории креста следует указать на фундаментальную монографию Й. Стаекера, в которой анализируются кресты-тельники, преимущественно северо-европейского региона. [Staerker 1999].

Ставрография в Сибири занимает особое место, прежде всего потому, что христианизация региона происходит достаточно поздно, и по существу первые кресты попадают сюда вместе с отрядами русских землепроходцев.

Принято считать, что первые русские – христиане попали в Сибирь вместе с отрядами Ермака. Данная экспансия, конечно же, велась под патронажем Русской православной церкви. Напомню, что покоритель Сибири Ермак Тимофеевич «имел при себе трех священников и монаха, совершавших Богослужение в подвижной часовне. Особо почитаемой святыней были у них образ святителя Николая Чудотворца, с которой ... отважные казаки и стрельцы продолжали дело дальнейшего покорения Сибири» [Нестор (Анисимов) 2000 с 460].

В результате колонизации Сибири в регионе возникают поселения и остроги. В отдельных случаях до нашего времени сохранились остатки культурных слоев конца XVI-XVIII вв., изучение которых может дать и определенные результаты в русле обозначенной в статье проблемы (см. рис. 1). Обзор археологических изысканий на этих форпостах освоения Западной Сибири дан в статье Г.П. Визгалова и С.Г. Пархимович [2006 с. 58-97]. Кресты-тельники из меди были обнаружены при раскопках Лозьвинского городка (1589-1598 гг.) [Пархимович 1986, с. 139-141];

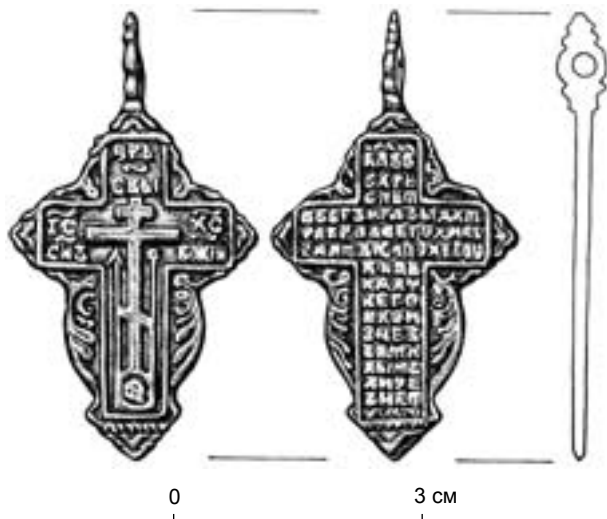

Рис. 1. Медный нательный крестик XVII-XVIII вв. из окрестностей с. Малинино (Венгеровский р-н, Новосибирская обл.). Случайная находка.

25 захоронений русских XVII века обнаружены при раскопках г. Верхотурья [Корчагин 1998 с. 77-78], при исследовании Томской крепости также обнаружены медные кресты-тельники [Черная 1992]. В Омском Прииртышье при раскопках поселения Изюк-1 вскрыто 174 захоронения русских XVII в. содержащих великолепный набор нательных крестов [Татарова 2000, с. 421-423].

Наиболее существенные результаты, в том числе и по ставрографии, были получены при исследовании Мангазеи, на севере Западной Сибири. Не следует, однако забывать, что проникновение русских в Сибирь, происходило по Северному Ледовитому океану. Так возникновение «Златокипящей Мангазеи» — по существу, первого русского города за полярным кругом, основанного в 1601 г. [Буцинский 1893], связано именно с этим путем. При раскопках города были обнаружены и кресты-тельники, которые, хотя и опубликованы [Белов, Овсянников, Старков 1981] все же не были подвергнуты специальному изучению. С возобновлением раскопок в Мангазее в 2000 г. [Визгалов 2000 с 357-358] следует ожидать нового поступления этого уникального материала, требующего специального рассмотрения. Во всяком случае, первые образцы нательных крестов уже обнаружены [Визгалов, Пархимович 2006, с. 84]. Интересны семантические сюжеты магического толка (закладка крестов-тельников наряду с другими предметами под различные части построек при их возведении) [Визгалов, Пархимович 2006, с. 86], обнаруженные в Мангазее.

Кроме Мангазеи проникновение русских северным морским путем достигало значительно более восточных районов Сибири. Так, уместно напомнить о возникновении русского поселения Русское Устье, в устье р. Индигирки, попавших сюда русских явно северным морским путем, как полагают ученые «еще при Иване Грозном» [Зензинов 2001 с. 26]. Вместе с архаичной формой русского языка (XVI-XVIII вв) [Зензинов 2001 с. 28; Чикачев 1993, с. 11-13] эти люди привезли в Сибирь и предметы материальной и духовной культуры, многое сохранив даже до настоящего времени. Было бы интересно попытаться прояснить эту проблему. Кресты-тельники могли попасть в Якутию не только с юга, но и с севера. В таком случае, как знать, какие образцы христианского художественного творчества могли оказаться в регионе.

Напомню, что следы продвижения русских севером морским путем, с находками крестов-тельников были открыты на острове Фаддея и в заливе Симпса [Долгих 1943] и затем исследованы А.П. Окладниковым [1948]. Кресты-тельники этого замечательного памятника были затем специально изучены Н.Г. Порфиридовым [1951].

Таким образом, не следует исключать попадание в Сибирь ставрографических памятников более ранних, чем XVII век.

По мере освоения Сибири, через более южные, чем полярные широты районы, расширяется поток миссионерского движения, а вместе с ним и объем проникновения культовой атрибутики – икон, церковных книг, крестов. [Зольникова 1999 с. 14-15]. Кроме того, в Сибири возникают собственные центры по изготовлению христианской культовой атрибутики, продолжающие традиции исконных художественных школ [Белобородов, Гончаров 1999 с. 207-212; Велижанина 1999, с. 194-200]. Уже к 1624 году в Сибири действовало 30 храмов, 12 монастырей [Нестор (Анисимов)], 2000 – с. 468]. Здесь концентрировалась обрядовая атрибутика.

Кроме того, с созданием в городах Сибири музеев кресты, как и другая христианская пластика, нередко становились достоянием их фондов. Так музей в Иркутске был создан при публичной библиотеке в 1782 г. [Фатьянов 1995 С.3]. В его фондах, к примеру, до настоящего времени хранится нательный крестик начала XIX в. декабриста А.П. Юшневского [Сокровища... 2000. – С.55, рис. 62]. На сегодняшний день собрание крестов в музеях сибирских городов насчитывает десятки единиц хранения. [Исаева 1993 с. 94; Крючкова 1993 с. 90]. В настоящее время началась работа по изучению и каталогизации этого материала, в частности в Красноярском Государственном музее. [Исаева 1996]. Недостатком этих источников является, как правило, отсутствие хотя бы какой то документации сообщающей о месте и времени их происхождения.

С расширением масштабов археологических исследований в Сибири произошедших во второй половине XX века, в послевоенный период усиливается интерес к памятникам оставленным первыми русскими землепроходцами и поселенцами. В результате в настоящее время накоплен

существенный ставрографический материал, нуждающийся в исследовании и каталогизации. Особенно важно, что эти материалы, как правило, получены уже в результате научных раскопок, проведенных специалистами и неплохо документированы. Более того, информативность этих источников, полученных на археологических объектах, позволяла при удачном стечении обстоятельств датировать время бытования крестов с точностью до года. К таким памятникам относятся, например, последняя стоянка командора Беринга [Леньков, Силантьев, Станюкович 1988 – с. 84], с найденным там оригинальным нательным крестом [Рындина 1988]. Захоронение защитников Албазинского острога [Артемьев 1996. – с. 185]; погребение лейтенанта В.В. Прончищева начальника отряда Великой Северной экспедиции и его жены Татьяны [Елкина и др. 2002, с. 64-65], совершение которых известно с точностью до года. Важность этих образцов трудно переоценить, поскольку они дают абсолютные хронологические репперы, к которым следует «привязывать» тот либо иной тип изделия. Кроме того, появляется возможность учитывать место изготовления изучаемого предмета.

Активная миссионерская деятельность приводили к тому, что кресты-тельники встречаются в позднесредневековых некрополях аборигенного населения Сибири. Чаще всего, нательные кресты использовались коренным населением как украшения, о чем свидетельствуют как материалы раскопок [Бобров, 2004], так и изобразительного творчества [Колосова 2004].

Кроме того, имеет место и особое отношение у аборигенного населения Сибири к культовой символике, свидетельством чего является специфическое оформление крестов-тельников у якутов, по существу превратившееся в особое украшение – сюрэх [Саввинов 2001 табл. V].

Все эти аспекты также требуют особого изучения.

Несомненную значимость и актуальность имеет работа по составлению научных каталогов крестов-тельников. По сравнению с европейской Россией, где такая работа ведется уже с начала XX века. [Каталог... 1908], в Сибири она только начинается. В этой связи следует назвать каталог Н.Н. Исаевой [1996] по коллекции Красноярского краеведческого музея, а также коллекцию крестов Илимского острога увидевшего свет в 2007 году [Молодин 2007]. Таким образом, очевидно, что материалы по ставрографии Сибири таят в себе еще много неразгаданного и, несомненно, нуждаются в углубленном целенаправленном исследовании.

Примечания

Аверин К. О крестах в Зарайске // Труды и записки Общества истории и древностей Российских. – М, 1826. – Ч. III. – Кн. 1. – С. 231–234.

Артемьев А.Р. Останки непогребенных защитников Албазинского острога // РА. – 1996. – № 1.

Белобородов С.А., Гончаров Ю.А. Старообрядческая иконописная традиция и меднолитейный промысел в Зауралье в XVII – начале XX в // Сибирская икона. – Омск, 1999. – С. 207–212.

Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII в.в. – М., 1981. – Ч. П.

Боброва А.И. Нателные кресты с Тискинского могильника // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 4(20).

Буцинский П.Н. К истории Сибири. Мангазея и Мангазейский уезд (1601–1645) // Записки Харьковского университета. – 1893. – Кн. 1.

Велижанина Н.Г. О своеобразии иконописи Западной Сибири // Сибирская икона. – Омск, 1999. – С. 194–200.

Визгалов Г.П. Мангазея: состояние памятника и перспективы изучения русской материальной культуры XVII века в Сибири // Русские старожилы. Материалы III Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск–Омск, 2000. – С. 357–358.

Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Археологическое наследие русского населения Западной Сибири // II Северный археологический конгресс. Доклады. Из-во «Чароид». Екатеринбург. Ханты-Мансийск, 2006. – С. 58–97.

Гнутова С.В. От редактора // Ставрографический сборник. Книга первая. – М.: Из-во Московской Патриархии и «Древнехранилище», 2001. – С. 3–14.

Долгих Б.О. Новые данные о плавании русских Северным морским путем в XVII веке // Проблемы Арктики. – 1943. – № 2.

Елкина И.И., Ешишкин С.М., Звягин В.Н., Калякин В.Н., Насырова Н.Ш., Станюкович А.К., Старков В.Ф., Черносвитов П.Ю. Исторические памятники Второй Камчатской экспедиции. – М., 2002.

Зензинов В. Старинные люди у холодного океана. Якутск. Из-во «Якутский край», 2001. – С. 133.

Зольникова Н.Д. Традиции православия в Сибири. Конец XVI–XIX в.в. // Сибирская икона. – Омск, 1999. – С. 14–15.

Исаева Н.Н. Из опыта каталогизации коллекции медного литья Красноярского музея // Русское медное литье – М., 1993. – Вып. 2.

Исаева Н.Н. Русское медное литье XVI–XX вв. Приенисейский район. Сводный каталог. – Красноярск, 1996.

Каталог собрания древностей графа Алексея Сергеевича Уварова. Отд. VII–IX. – М., 1908.

Колосова Г.И., П.М. Комаров и его художественно-этнографические рисунки Сибири // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск – Ханты-Мансийск, 2004. – Вып. 2.

Корчагин П.А. Комплексные историко-архитектурные исследования КАЭ ПГУ в Верхотурье // Археологические и исторические исследования г. Верхотурья. – Екатеринбург, 1998. – С. 67–80.

Крючкова Т.А. Коллекция мелкого медного литья в Иркутском областном художественном музее // Русское медное литье. – М., 1993. – Вып. 2.

Леньков В.Д., Силантьев Г.Л., Станюкович А.К. Командорский лагерь экспедиции Беринга. – М., 1988.

Молодин В.И. Кресты-тельники Илимского острога. – Новосибирск, 2007.

Нестор (Анисимов) митрополит. Православие в Сибири (исторический очерк) // Свет Христов просвещает всех! – Новосибирск, 2000.

Окладников А.П. Русские полярные мореходы в XVII веке у берегов Таймыра. – М.-Л., 1948.

Пархимович С.Г. Некоторые итоги изучения памятников русской колонизации Восточного Урала и Западной Сибири (XVI–XVII в.в.) // Проблемы Урало-Сибирской археологии. ВАУ № 18. – Свердловск, 1986. – С. 138–143.

Порфиридов Н.Г. Предметы прикладного искусства // Исторический памятник Русского арктического мореплавания XVII века. Археологические находки на острове Фаддея и на берегу залива Симса. – М.-Л., 1951.

Рындина Н.В. Крест-тельник из раскопок командорского лагеря // Ленюков В.Д., Силантьев А.К., Станюкович А.К. Командорский лагерь экспедиции Беринга. – М., 1988.

Саввинов А.И. Традиционные металлические украшения якутов XIX – начало XX века. – Новосибирск: Наука, 2001.

Сокровища земли Иркутской. – Иркутск, 2000. – С. 55. – Рис. 62.

Ставрографический сборник. Книга первая. – М.: Изд-во Московской Патриархии и «Древнехранилище», 2001. Под редакцией С.В. Гнутовой.

Ставрографический сборник. Книга вторая. – М.: Изд-во Московский Патриархии и «Древнехранилище», 2003. Под редакцией С.В. Гнутовой.

Ставрографический сборник. Книга третья. М.: Изд-во Московский Патриархии и «Древнехранилище», 2005. Под редакцией С.В. Гнутовой.

Татаурова Л.В. Археология о культуре русских Омского Прииртышья // Русские старожилы. Материалы III Сибирского симпозиума «Культурное население народов Западной Сибири» – Тобольск – Омск. – С. 418–420.

Фатьянов А.Д. Художники, выставки, коллекционеры Иркутской губернии. – Иркутск, 1995.

Черная М.Н. Томская крепость XVII в по археологическим источникам // Вопросы этнокультурной истории народов Западной Сибири. – Томск, 1992.

Чикачев А.Г. Походск. Старинное русское село на Колыме. – Иркутск: Изд-во «Папирус», 1993. – С. 64.

Staecker J. Rex regum et dominus minorum. Die wikingerzeitlichen Kreuz- und Kruzifixanhänger als Ausdruck der Mission in Abtdänemark und Schweden. – Stockholm, 1999.

**КЕРАМИКА САРГАТСКОГО ОБЛИКА ГОРОДИЩА
ПЕРЕХОДНОГО ОТ БРОНЗЫ К ЖЕЛЕЗУ ВРЕМЕНИ
ЧИЧА-1***

Изучение керамических комплексов саргатской культуры имеет исключительно важное значение для понимания историко-культурных процессов в эпоху раннего железного века. В этой связи появление нового, хорошо документированного материала – трудно переоценить. Особенно важно, когда этот материал происходит из надежно стратифицированных комплексов. Таким памятником сегодня является городище переходного от бронзы к железу времени Чича-1. Памятник расположен в Южной Барабе в Здвинском районе Новосибирской области. Материалы его частично опубликованы [Молодин, Парцингер, Гаркуша и др., 2001; 2004].

В керамических материалах памятника преобладает местная, позднерименская посуда, относящаяся непосредственно к времени существования городища. В комплекс входят также керамические материалы других культурных традиций переходного от бронзы к железу времени Западной Сибири и Северного Казахстана [Молодин, Мыльникова и др., 2003, 2004]

Среди позднерименских материалов в слое 10 (раскопы 8, 13) встречаются несколько фрагментов от сосудов, которые, следуя классификации В.И. Молодина, С.В. Колонцова [Молодин, Колонцов, 1984, с. 77], можно отнести к 4 типу, переходного от бронзы к железу времени, получивших название – керамика ирменско-саргатского облика (Рис. 1, 1,2). По количеству фрагментов эта группа керамики, обнаруженная на Чиче-1 пока весьма малочисленна. Вместе с тем, ее стратиграфическая позиция не позволяет сомневаться в том, что она является составляющим элементом позднерименского керамического комплекса.

Как правило, это - слабопрофилированные горшки, с высокой горловиной. Орнаментальные зоны (горловина, плечики и тулово) смещены, и, в отличие от «классической» позднерименской посуды, четкость орнаментальных рядов теряется. Основными мотивами выступают ряды насечек, вдавливания различной формы, елочка, треугольники, штрихованные зигзаги.

Примеры совместного нахождения саргатской керамики и посуды эпохи поздней бронзы неоднократно прослежены исследователями и на других памятниках переходного от бронзы к железу времени. Таких как: Ту-

*Работа выполнена в рамках гранта по поддержке ведущих научных школ НШ № 6568.2006.6

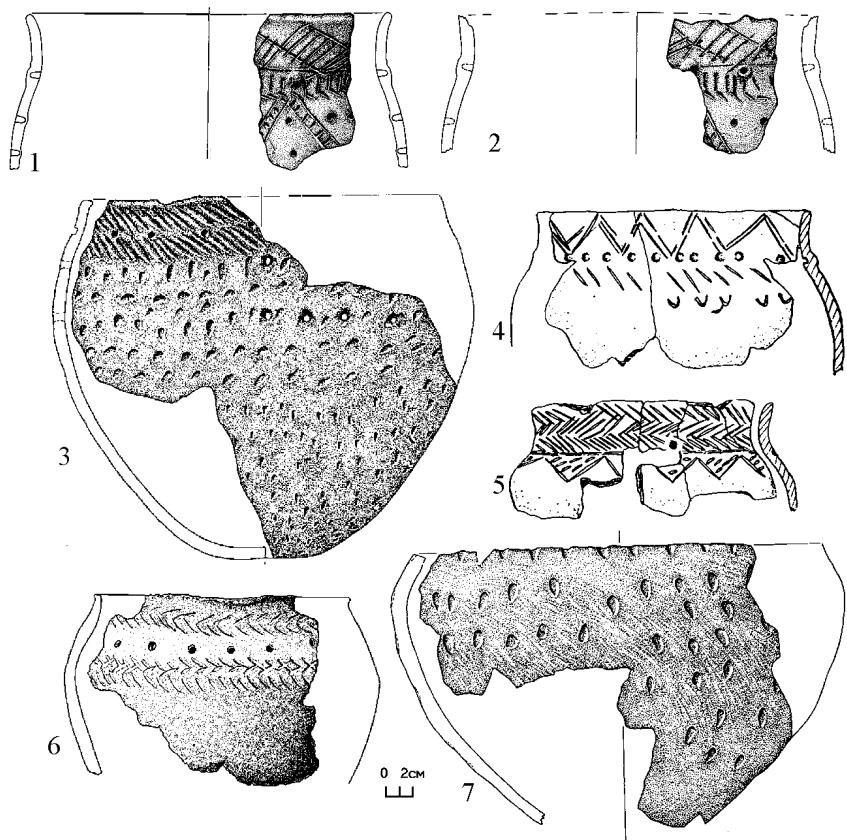

Рис. 1. 1-3, 6, 7 – Керамика городища Чича-1; 4-5 – керамика поселения Туруновка-4

руновка -4, расположенном в Барабинской лесостепи [Молодин, Колонцов, 1984], (Рис. 1-4,5) поселении красноозерской культуры Новотроицкое I, в 40 км севернее г. Омска (раскопки А.Я. Труфанова), городищах Инберень – IV (раскопки В.И. Стефанова), Калугино –I (раскопки И.Г. Глушкова на озере Тенис) и Розановском (В.Ф. Генинг, Л.Н. Корякова и др. 1970), где ирменская и саргатская керамика найдены в одних и тех же жилищах [Труфанов, 1983. С. 43-44].

Наличие на памятниках переходного времени керамики ирменско-саргатского облика возвращает нас к очень сложному и еще нерешенному вопросу о происхождении саргатской культуры.

Исследователи отмечали наличие непосредственной связи между культурами поздней бронзы (в частности ирменской) и раннего железного века [Могильников, 1969, Полосьмак, 1982, Труфанов, 1983]. А.Я. Труфанов

считает эту связь генетической, опираясь на сравнение орнаментации ирменской и саргатской керамики [Труфанов, 1983, с. 43]. Н.В. Полосьмак, напротив, говорит о наличии пришлого компонента в формировании саргатской культуры, апеллируя к тому, что саргатские племена появились в Барабинской лесостепи в уже достаточно сложившемся виде [Полосьмак, 1982, с. 108].

Однако, и в том и другом контексте, керамика ирменско-саргатского облика позволяет говорить о преемственности традиций, и представляет собой переходную форму между позднеирменской и саргатской культурами.

Чрезвычайно важно, что данный тип посуды зафиксирован на двух памятниках позднеирменской культуры в Барабе – Туруновка-4 и Чича-1, что подтверждает объективность разработанной ранее типологии орнамента [Молодин, Колонцов, 1984].

На городище Чича-1 помимо керамики ирменско-саргатского облика присутствует классическая саргатская посуда, связанная с поселением саргатской культуры, располагавшимся на месте городища Чича-1 через несколько столетий после того, как последнее перестало функционировать. Она представлена, преимущественно, в раскопах №2, №13, №16 [Молодин, Парцингер, Гаркуша и др., 2001; 2004]. Это, как правило, круглодонные и плоскодонные сосуды со слабопрофилированной шейкой, край венчика выгнут наружу. Чаще всего орнаментировалась горловина и плечики. Стратиграфическая ситуация позволяет судить, что саргатское население пришло на территорию городища уже после того, как его оставило местное, позднеирменское. В отличие от позднеирменской керамики, несмотря на наличие похожих (практически одинаковых) мотивов, орнаментальные схемы саргатской посуды, как было отмечено выше, отличаются «грубой» простотой. Частота нанесения элементов орнамента явно меньше, сами элементы периодически выходят за пределы орнаментального ряда, не совпадают его начало и конец (Рис. 1- 3, 6, 7). Для обработки поверхности применение операции лощения единично.

Для керамического комплекса городища зафиксировано использование одних и тех же местных глин. При этом отмечается частичное совпадение рецептуры формовочных масс. Для саргатской керамики это: глина + шамот, глина + шамот + органика, глина + шамот + песок + органика, для позднеирменской: глина + шамот + песок + органика, глина + шамот + породные обломки + органика [Молодин, Парцингер, Гаркуша и др., 2001, с. 153]. Присутствие органики в тесте обычно не характерно для саргатской посуды и, в данном случае, является местной специфической особенностью. Формовка плоскодонных изделий, и в том и в другом случае, осуществлялась на основе донного начина и, практически одинакова. Различия наблюдаются при изготовлении круглодонных емкостей. Для позднеирменской керамики использовался емкостный начин, т.е. сначала из лент формировался резервуар, заделывалось дно, после чего насаживалась горловина [Молодин, Парцингер, Гаркуша и др., 2001, с. 150]. У саргатс-

кой круглодонной посуды тулово формировалось путем навивания колец из лент (шириной 4-6 см) или жгутов и соединения их друг с другом встык, дно формировалось отдельной чашечкой [Молодин, Парцингер, Гаркуша и др., 2001, с. 153].

Таким образом, очевидно, что керамика саргатской культуры эпохи раннего железного века имеет свое, вполне узнаваемое лицо и специфику, по сравнению с предшествующим комплексом посуды, включая и комплекс морфологически к ней близкий.

Примечания

Могильников В.А. Периодизация культур эпохи железа Среднего Прииртышья // Материалы конференции «Этногенез народов Северной Азии». Новосибирск. 1979. - С. 136-138

Молодин В.И., Колонцов С.В. Туруновка – 4 – памятник переходного от бронзы к железу времени // Археология юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск. 1984. - С. 69-85

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н. Керамика городища Чича-1 как источник по истории переходного времени от бронзового к железному веку // История и культура Сибири в исследовательском и образовательном пространстве (к юбилею проф. Е.И. Соловьевой): Матер. Регион. науч.-практ. конф. - Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2004.- С. 101-106.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Парцингер Г., Шнеевайс Й. Керамика городища Чича-1 (технологические аспекты) // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2003. - Кн. I. – С. 299 - 311.

Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н., Шнеевайс Й., Гришин А.Е., Новикова О.И., Ефремова Н.С., Чемякина М.А., Мыльникова Л.Н., Васильев С.К., Беккер Г., Фассбиндер Й., Манштейн А.К., Дядьков П.Г. Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи (первые результаты исследования). - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001 (Материалы по археологии Сибири. Вып. 1). – 240 с.

Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н., Шнеевайс Й., Гришин А.Е., Новикова О.И., Чемякина М.А., Ефремова Н.С., Марченко Ж.В., Овчаренко А.П., Рыбина Е.В., Мыльникова Л.Н., Васильев С.К., Бенеке Н., Манштейн А.К., Дядьков П.Г., Кулик Н.А. Чича- городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи.- Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004.- Т. 2.- (Материалы по археологии Сибири. Вып. 4).-336 с.

Полосьмак Н.В. К вопросу о нижней дате ирменской культуры // Проблемы археологии и этнографии Сибири. Тезисы докладов. Иркутск. 1982. - С. 107-108

Полосьмак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа. - Новосибирск: «Наука», 1987, с.92

Труфанов А.Я. К происхождению саргатской культуры // Тезисы докладов региональной археологической конференции студентов Сибири и Дальнего Востока. Кемерово. 1983. - С. 43-44

*В.И. Молодин, Г. Парцингер, А.Е. Гришин, О.И. Новикова,
А.И. Соловьев, Ю.Н. Гаркуша, Ж.В. Марченко,
Х. Пиецонка, Е.А. Казакова*

РЕЗУЛЬТАТЫ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПАМЯТНИКА ТАРТАС-1 В 2007 ГОДУ*

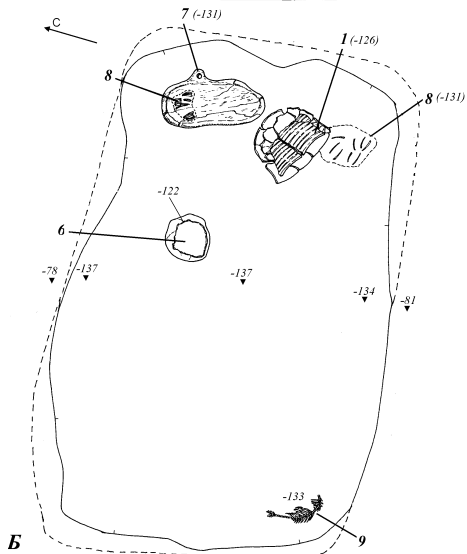
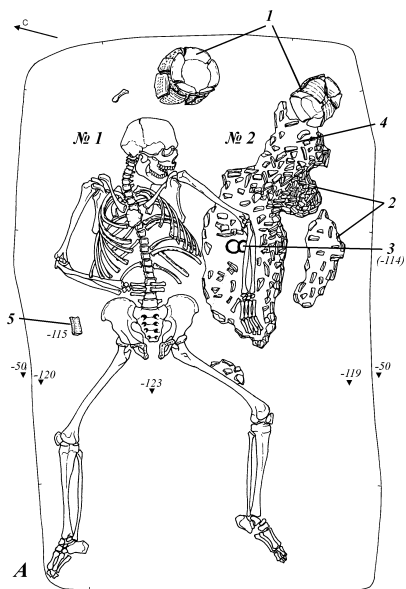
Изучение уникального памятника Западной Сибири – Тартас-1 (Венгеровский район Новосибирской области) – продолжается уже пятый год. За это время выяснилось, что на участке 1-й надпойменной правобережной террасы р. Тартас существовали два крупных, возможно, связанных между собой, некрополя эпохи бронзы – позднекротовский и андроновидный. На этой же площади ранее функционировал комплекс сооружений эпохи ранней бронзы (керамика одиновского типа). Кроме того, на площади памятника были зафиксированы следы деятельности человека в эпохи неолита, поздней бронзы и раннего железа. Результаты предыдущих лет отражены в серии публикаций [Молодин, Новикова, Гришин и др., 2006; Молодин, Парцингер, Гришин и др. 2004; и др.]. В 2007 г. исследовано: 75 (всего 243) погребальных комплексов, большинство которых относится к андроновидному некрополю; 2 (всего 3) конструкции эпохи ранней бронзы; 74 (всего 329) ямы различного, в том числе и ритуального назначения. Площадь, вскрытая в 2007 году, составляет 1971,5 кв. м (всего за 5 лет - 5741,5 кв. м).

Исследование памятника ведется сплошной площадью с юга на север, вдоль края террасы. В настоящее время полностью отработана южная его часть и начато изучение центрального участка. Геофизическая карта этой части некрополя наиболее информативна, т.к. территория нарушена только пашней. Практически все выявленные здесь геофизические аномалии соответствуют археологическим объектам.

Большинство погребальных комплексов, изученных в 2007 году, относятся к андроновидной части могильника. Эти погребения обладают рядом черт, которые связывают их как с позднекротовской погребальной традицией, так и с андроновской (подробнее см.: [Молодин, Парцингер, Гришин и др. 2004, с. 360, 361]). Подчеркнем, что в одном и том же ряду встречаются комплексы, демонстрирующие преимущественно следы как позднекротовской (группа А), так и андроновской погребальной практики (группа Б).

Отмечено увеличение числа фактов и количества вариантов помещения в могилу *кремированных* на стороне *останков* человека. Например, в

*Рбота выполнена при поддержке программы «Интеграция» СО РАН (проект №68), гранта РГНФ 07-01-18083е; гранта Президента РФ по поддержке ведущих научных школ НШ-6568.2006.6.

могильную яму №208 помещено скопление кальцинированных костей человека (№2) и полный скелет взрослого (№1) (рис.1 а). Подобный вариант сочетания кремированных останков и полного скелета в одном комплексе зафиксирован на памятнике впервые. Сосуды из погребения имеют фёдоровский облик. Аналогичные «биритуальные» комплексы фиксировались в классических андроновских захоронениях Барабы [Молодин, 1985, рис. 56, 6]. Примечательна нетипичная поза погребенного №1. По всей видимости, первоначально умерший был уложен на спину, но голова была повернута налево, правая рука согнута в локте и положена поперек туловища, как иногда это бывает при положении погребенного на левом боку. Ноги же были раздвинуты и согнуты в коленях. Можно предположить, что для исполнителей обряда было важно совместить типичное положение тела на боку и необычное положение ног.

Как уже отмечалось, следы древнего проникновения в уже зарытые могилы очень часто на Тартасе-1 носят ритуальный характер [Молодин, Парцингер, Гришин и др. 2004, с. 360]. Об этом свидетельствует факт возвращения в могилу практически всех костей потревоженного скелета и зачастую упорядо-

Рис. 1. План погребений №238 (А) и №235 (Б). 1 – керамический сосуд; 2 – кальцинированные кости человека; 3 – бронзовые височные кольца; 4 – фрагмент бронзового предмета; 5 – кость животного; 6 – череп человека; 7 – роговое блюдо; 8 – кости рыбы; 9 – скелет рыбы.

ченное их расположение в шурфе. Погребение №215 демонстрирует нам похожий вариант, но реализованный в могиле с кремированными останками. В стратиграфическом разрезе явственно прослеживались следы проникновения в могильную яму, кальцинированные кости располагались не на дне могилы, а были перемещены в шурф, причем достаточно компактно. Возможно, органическая емкость, в которую, были помещены остатки сожжения, на момент проникновения еще сохранялась. Это предполагает небольшой промежуток времени между первоначальной засыпкой могилы и проникновением в нее.

Над рядами погребений западной периферии могильника зафиксированы участки золистого слоя мощностью до 0,15-0,2 м, содержащего кальцинированные кости животных, керамические фрагменты со следами вторичного обжига баночной посуды андроновского облика и керамики, культурную принадлежность которых еще предстоит выяснить. В ряде случаев, данный слой заполняет ямы, сооруженные непосредственно в заполнении погребальных камер. Ямы с золистым слоем встречаются и вне могил. Данный факт является принципиально новым для андроновской и позднекротовской погребальной практики.

Увеличение доли комплексов с кальцинированными костями человека и наличие золистого слоя с культурными остатками в ямах, могилах и верхних слоях фиксируются в той части террасы, которая осваивалась позже всего. Это может указывать на изменения в погребальной практике, бытовавшей на могильнике. Предположительно увеличивается роль огня в погребальном обряде. Новым является и помещение в могилу рыбы, зафиксированной в виде костей и полных скелетов. Связаны эти факты только с трансформацией ритуала или и со сменой населения поможет узнать антрополого-генетический анализ костей погребенных.

В 3-х андроновидных погребениях (№№123, 179, 182) были совершены *впускные захоронения*. Причем более поздние ямы почти точно, с небольшим смещением, попадали на ранние сооружения. Погребения №123 и 179 расположены в одном ряду, №182 – в соседнем. Ориентировка погребенных в поздних погребальных камерах обратная андроновидным - З-ЮЗ, поза – скорченная, на правом или левом боку. Во всех случаях ямы сооружены в уже разрушенных андроновидных комплексах, но до дна более древних могил не доходили. В погребении №179, где был «впущен» ребенок, в его изголовье обнаружен небольшой круглодонный, неорнаментированный сосуд. Сосуд отнесен к погребению условно, т.к. граница впускного сооружения прослеживается не четко. Но на наш взгляд, это сопроводительный инвентарь для ребенка и, учитывая другие признаки впускных комплексов, данные впускные погребения можно связывать с ирменским временем. Подобные комплексы вне стратиграфической связи с андроновидными погребениями не найдены.

Среди *оригинальных находок* можно отметить 5 оригинальных костяных изделий (рис. 2). В предмете обязательно сверлилось одно сквозное

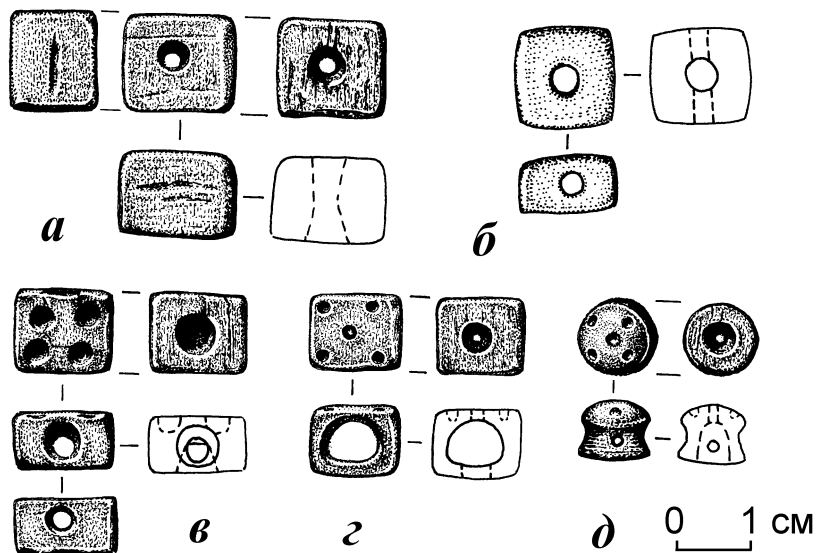

Рис. 2. Костяные распределители из погребений №233 (а), №125 (б), №206 (в), №175 (г), №205 (д).

отверстие. Второе высверливалось перпендикулярно первому насквозь, либо до соединения с первым, либо его не было вообще. Два комплекса, откуда происходят изделия, не нарушены. В одном случае предмет располагался среди кремированных останков человека, в другом – расположен в районе пояса погребенного. Контекст нахождения и особенности изделий указывают на возможное использование их в качестве узловых распределителей для шнура. Точных аналогий пока не известно.

В парном погребении детей №227 на ребрах, под левой плечевой костью скелета №1 обнаружен миниатюрный бронзовый предмет, напоминающий по форме кинжал. Выделяется обоюдоострое миндалевидное лезвие, плавно переходящее в черенок с небольшим приострѐнным навершием. Длина изделия – 5,4 см, разрез черенка – прямоугольный. Абсолютных аналогий этому предмету пока нет. Хотя само использование бронзовых votивных предметов вооружения в фѣдоровской погребальной практике, по всей видимости, было характерно для Барабы и примыкающих к ней районов равнинного Алтая [Аванесова, 1991, рис. 13-53; Молодин, Новиков, Жемерикин, 2002, с. 60, рис. 10-6].

Комплексом сопроводительного инвентаря выделяется также могила №238 (рис. 1 б). Следов проникновения в могилу не зафиксировано. Тем не менее, скелет взрослого погребенного представлен только черепом с аккуратно отделенными костями основания. Череп располагался получившимся отверстием вверх. Своим видом он напоминает чашу. У восточ-

ной стены располагался андроновский сосуд и уникальное роговое блюдо. И в сосуде и на блюде найдены кости рыбы. Полный скелет рыбы располагался в северо-западном углу камеры. Роговое блюдо является самым ранним подобным изделием для Западной Сибири. Семантически оно может быть близко четырехугольным андроновским керамическим блюдам, которые редко, но встречаются на фёдоровских памятниках Барабы. Уже приходилось отмечать [Молодин, 1985, с. 102], что такие предметы были характерны для западного ареала распространения андроновской историко-культурной общности [Андроновская культура ..., 1966].

В ходе реализации комплексного подхода по изучению материалов памятника, при анализе комплектности скелетов в полевых условиях была зафиксирована наследственная мутация в позвоночнике у ряда представителей андронидной популяции: *лишний позвонок* в поясничном или крестцовом отделе. В первом приближении это является дополнительным (кроме вычленяемых генетически) маркером наличия родства между индивидуумами с подобным изменением. Дальнейшее исследование механизма возникновения и возможных корней данного изменения в скелете может дать интересную информацию.

Проведенные в этом году исследования на памятнике Тартас-1 значительно увеличили корпус вещественных источников по эпохе бронзы Барабинской лесостепи. Принципиальными являются зафиксированные качественные изменения в наблюдаемых погребальных комплексах, которые могут указывать на временную динамику как внутри могильника, так и на изменение культурной картины в целом.

Примечания

Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР (по металлическим изделиям). – Ташкент: Фан, 1991. – 200 с.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985 - 200 с.

Андроновская культура. Часть I // САИ. – 1966. – Вып. 13-3-2.

Молодин В.И., Новиков А.В., Жемерикин Р.В. Могильник Старый Тартас-4 (новые материалы по андроновской историко-культурной общности) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. - №3. – С. 48-62.

Молодин В.И., Новикова О.И., Гришин А.Е., Гаркуша Ю.Н., Марченко Ж.В., Рыбина Е.В., Пилипенко А.С., Лабетский В.П. Изучение памятника эпохи развитой бронзы Тартас-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. - Т. XII, часть 1. – С. 422-427.

Молодин В.И., Парцингер Г., Гришин А.Е., Писецонка Х., Новикова О.И., Чемякина М.А., Марченко Ж.В., Гаркуша Ю.Н., Шатов А.Г. Исследование могильника бронзового века Тартас-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. - Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2004. - Т. X. – С. 358-364.

КОЛЛЕКЦИЯ ДОГУ УНИВЕРСИТЕТА ТОХОКУ (РЕСПУБЛИКА КОРЕЯ)

В 2007 г. одному из авторов настоящей статьи удалось познакомиться с коллекцией догу, хранящейся в фондах музея Университета Тохоку (г. Сендай). Коллекция замечательна своей представительностью и прекрасной сохранностью. Значительная часть введена в научный оборот профессором Серидзава [Серидзава, 1982]. Часть её была использована одним из авторов при подготовке диссертационной работы [Соловьёва Е.А., 2005]. Вместе с тем, за кадром для российских специалистов остаётся немалая серия этих произведений. С некоторыми из них мы и хотим познакомить читателя.

Одним из источников для изучения и понимания изменений, произошедших в идеологии человека, служит неолитическое искусство и, в частности, особая антропоморфная пластика, возникающая в это время. К ней относятся японские статуэтки “догу”. Японская пластика *догу* представляет значительный интерес, поскольку встречается в больших количествах и обладает разнообразием форм и богатством символики. Кроме того, она ещё мало изучена отечественными исследователями, а японские учёные обычно рассматривают догу как сугубо локальное явление, хотя, справедливости ради можно отметить и специальные монографические исследования, посвящённые данной проблеме [Ёнэда, 1984; Эсака, Оно, 1983; и т.д.], однако труднодоступные российскому читателю. Появившись уже на ранних стадиях периода Дзёмон, *догу* продолжают существовать и в более позднее время, изменяясь по форме и количественно, варьируют по своему нахождению и применению и существуют вплоть до финального этапа периода Дзёмон. Для северо-восточной Японии (район Тохоку) характерно нахождение огромного количества статуэток, разнообразие их форм и размеров [См. например: Дзёмон-ни миру Тохоку-но кокоро, 1993; Кодай-но Мэн, 1995; Egami, 1973; Esaka, 1986; Nagamine, 1986]. Действительно, самые известные догу, например, в «снежных очках», с головой в форме сердца и т.д. – найдены именно в районе г. Сендай.

В связи с этим большой интерес для исследователя представляет археологическая коллекция Университета Тохоку, г. Сендай. Коллекция формировалась на протяжении более 70 лет и включает материалы Японии, России (о. Сахалин), Корейского полуострова. Коллекция насчитывает более 100 статуэток, антропоморфных и зооморфных. Значительная часть коллекции представлена *догу* из таких памятников как раковинная куча

Рис.1. Догу из коллекции Университета Тохоку (по Серидзава Т.).

Нумадзу (более 40 догу), Фудзикабу, Нинохэ-гун, Данноуэ, Томита, Уэно, Фукурохара, Токосинай, Эбисудатэ, Асо, Камэгаока и др. Статуэтки относятся к среднему – заключительному этапам периода Дзёмон.

Представляемая коллекция содержит догу, относящиеся к традиционно выделяемым типологическим группам: статуэтки в «снежных очках», например, догу из Аматаки (рис.1.1), с наклонной головой – догу из Нумадзу

Рис.2. Догу из коллекции Университета Тохоку (по Серидзава Т.),
продолжение.

(рис. 2.1), догу с «птичьими» мотивами – изображением клюва и оперения – из Токосинай (рис.1.7), скрипковидная статуэтка – догу из Томита (рис.1.5), статуэтка с расставленными ногами – догу из Фукурохара (рис.1.3).

Вместе с тем, в данной коллекции достаточно большое количество уникальных догу, часто соединяющих в себе признаки различных типологических групп. Статуэтка из Данноуэ - полая внутри фигуркой. На лице изображены круглые глаза, нос с ноздьями, открытый рот. Плечи изображены массивными, верхние конечности утрачены (рис.1.2). В целом очер-

тания статуэтки сходны с догу в «снежных очках», при этом отсутствует традиционная «причёска», сложный орнамент на поверхности туловища. *Догу* из Эбисудатэ также по очертаниям сходна с *догу* в «снежных очках», но орнамент в данном случае отсутствует, исключение составляет область живота, в центре - выпуклый круг, по бокам его два симметричных треугольника, бедра отделены изогнутыми линиями (рис.1.4). К аналогичным можно отнести и статуэтку из Токосинай (рис.1.6). *Догу* из Токомай (рис.2.4) также представляет определённый интерес, поскольку изображение лица представляет собой вариант упрощённых «снежных очков», само лицо уплощено, вместо сложной причёски с растительными мотивами мы видим лишь выпуклые завитки, тело орнаментировано слабо.

Уникальной представляется *догу* из Камэгаока (рис.2.2), нижняя часть которой вполне соответствует «снежным очкам», а верхняя, включая исполнение конечностей, повторяет форму тела, характерную для догу-совы, встречающейся в Центральной Японии. Строго говоря, и *догу* из Нумадзу (рис 2.1) не вполне традиционный «цилиндр», так как в данном случае статуэтка цельная, а не полая, кроме того, не орнаментированная. Не менее интересна голова статуэтки из Камэгаока (рис.2.3), представляющая уникальное изображение, не сопоставимое ни с одной из известных типологических групп. Детали лица – глаза, брови, рот, нос – исполнены наклепным способом, нос изображён с ноздрями, что встречается достаточно редко.

Статуэтка из Нумадзу относится к среднему – позднему периоду. На лице изображены глаза, рот, ноздри, на шее ожерелье (рис.1.8). Посередине живота проставлен вертикальный ряд точек, вверх и вниз завершающийся кругами, выполненными тем же способом. Примечательно, что детали лица (глаза, нос) выполнены в виде отверстий, а рот представляет собой узкую прорезь. Такой приём в целом не типичен для *догу*.

Статуэтка из Фукурохара выполнена в полный рост, на голове изображены выпуклые брови, глаза, нос, губы, украшенные точечным орнаментом. Руки разведены в стороны, загнуты книзу, ладони изогнуты (рис.1.9). Рельефно передана грудь, посередине тела от шеи проведена вертикальная полоса точек, завершающаяся кругом. Линией обозначена талия. Верхние конечности загнутые, ступни особо подчёркнуты.

У большинства *догу* из коллекции Университета Тохоку присутствуют женские признаки - изображение груди, выпуклого живота, подчёркнутое выделение низа живота (Рис.1.1, 1.2, 1.3, 1.4, 1.5, 1.6, 1.9, 2.4). У многих статуэток наблюдается изображение так называемой «линии жизни» - вертикальной полосы от области шеи до низа живота, иногда в виде рядов точек, часто завершающейся кругом или спиралью (Рис.1.3, 1.6, 1.5, 1.7, 1.8, 1.9).

В целом коллекция Университета Тохоку, г. Сендай, является достаточно представительной, включает в себя статуэтки разных периодов, как типичные для данного региона, так и уникальные. Кроме того, ряд фигурок сочетают признаки разнообразных типов, даже не всегда характерных

для северо-восточной Японии, демонстрируя феномен *догу* в развитии, во взаимодействии с традициями изготовления статуэток разных регионов, например, Центральной Японии, что заслуживает специального изучения.

Примечания

Дзёмон-ни миру Тохоку-но кокоро. (Взгляд на Тохоку через Дзёмон). - Токио, 1993. - 98 с.

Ёнэда К. Догу. - Токио, 1984. - 110 с.

Кодай-но мэи. (Лики древности). - Фукуока, 1982. - 64 с.

Серидзава Т. Preface: Archaeological Collection of Tohoku University.// Кокора-ку сирё дзуроку (Catalogue of Archaeological Collection).// Vol.1. Faculty of Arts and Letters, Tohoku University, Sendai, Japan, 1982. – P.122.

Соловьёва Е.А. «Догу: классификация и интерпретация». Автореф. дисс. на соискание учёной степени канд.ист.наук. – Новосибирск, 2005. – 22 с.

Уэно Т. Описание собрания археологических материалов Уэно Тацуо. Вып. 1. - Токио, 1987. - 86 с.

Эсака Т., Оно М. Догу-но тисики. (Знание о догу). - Токио, 1983. - 144 с.

Egami N. The Beginnings of Japanese Art. - New York – Tokyo, 1973. - 180 p.

Esaka T. The Origins and Character of Jomon Ceramic Culture. A Brief Introduction // Windows on Japanese Past: Studies in Archeology and Prehistory. - Michigan, 1986. - 358 p.

Nagamine M. Clay Figurines and Jomon Society //Windows on Japanese Past : Studies in Archeology and Prehistory. - Michigan, 1986. - 358 p.

**АРХЕОЛОГО-ГЕОФИЗИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
ПАМЯТНИКА ПРЕОБРАЖЕНКА-6
В БАРАБИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ***

В 2006-2007 гг. силами сотрудников ИАЭТ СО РАН и ИНГГФ СО РАН были продолжены археолого-геофизические исследования памятника Преображенка-6 в Чановском районе Новосибирской области.

Характер сборов на пашне позволил предположить наличие на данной территории не только стоянки, но и древнего некрополя. Первые магнитометрические исследования на памятнике Преображенка-6 проводились на небольшой площади, примыкающей к краю террасы, в 2004 г. [Молодин, Чемякина и др., 2004, с. 378 – 383]. Данные геофизики, подтвержденные археологическими раскопками, свидетельствовали о несомненной перспективности памятника [Молодин, Чемякина и др., 2005, с. 418 – 423; Молодин, Чемякина и др., 2007, с. 494]. Наряду с раскопками, ежегодно продолжалось магнитометрическое картирование его новых участков. Оказалось, что на полученной магнитограмме выявлены аномалии, сопоставимые с археологическими объектами. [Дядьков, Молодин и др., 2005, рис. 2]. Общая площадь магнитной съемки за эти годы составила 17600 м². Данные геофизической разведки последних лет свидетельствуют о значительном сокращении числа магнитных аномалий с севера и востока. Чистый фон пашни, минимально засоренный современными предметами из черного металла, небольшая глубина залегания контрастного материкового грунта делают данные магнитограммы этого памятника наиболее благоприятными для археологических исследований. Практически все аномалии четко взаимосвязаны с археологическими объектами.

Археологические раскопки 2005-2007 гг. позволили выявить разновременные грунтовые погребальные комплексы (устьгартасской культуры, доандроновской и андроновской бронзы, саргатской культуры, тюркского времени), а также ямы эпохи ранней бронзы и андроновского времени на краю террасы, которые предварительно можно связать с ритуальными, либо поселенческими комплексами.

В раскопе № 12 наибольший интерес представляют два погребения устьгартасской культуры эпохи ранней бронзы. Первое (№31) – захоронение ребенка, помещенного в могилу на спине, вытянуто, головой на СВ. Рядом

*Работа выполнена при поддержке грантов: РФФИ № 06-06-80295 а, РФФИ № 07-06-10037-к; ИШ № 6568.2006.6; «Интеграция» СО РАН № 2, 109.

с кистью правой руки были обнаружены две подвески из зубов марала и небольшое «лопатообразное» изделие из кости. Второе (№29) представляет собой коллективное захоронение индивидов разного возраста. Кости одного взрослого человека были размещены разрозненно, у северо-восточного края ямы. Остальные пять скелетов в анатомическом порядке, но без черепов уложены друг на друга, «головой» на СВ компактным узким скоплением, расположенным вдоль длинной центральной оси могильной ямы. Однако, руки отдельных особей к моменту укладки были отделены от тел и помещены вплотную к основному массиву. Такое расположение было обусловлено, по-видимому, наличием жесткого органического вместилища (лодки, колоды). Аналогии данным погребениям имеются в базовом памятнике этой культуры Сопка-2/3, 2/3А [Молодин, 2001, с. 105 – 112; Молодин, 2005, с. 180 – 184].

Раскопом № 10 изучен распаханый курган, который четко проявился на магнитограмме. В процессе исследований было установлено, что курган саргатской культуры был сооружен на месте комплекса ям эпохи ранней бронзы. Неглубокий ров, окружавший курган, имел проходы с северной и южной сторон. Четыре одиночных захоронения сгруппированы вокруг центрального погребения. Умершие захоронены в ямах овальной, либо подчетыреугольной формы на спине, вытянуто, головой на СВ, ЗСЗ и ССЗ. Центральное парное погребение было разграблено, при этом кости и инвентарь одного из умерших были выброшены из могильной ямы, а захоронение второго индивида осталось практически нетронутым. Сопроводительный инвентарь саргатских захоронений представлен предметами из кости (трех-, либо четырехгранные черешковые наконечники стрел, накладки на лук), рога («гвоздевидное» острие), бронзы (трехлопастной втульчатый наконечник стрелы), железа (трехлопастные черешковые наконечники стрел, крюк, ножи, в том числе с кольцевидным навершием, круглые поясные пряжки с язычком, выпукло-вогнутые пуговицы со шпеньком, кинжал с прямым брусковидным перекрестьем и волутообразным навершием), а также керамическим пряслицем с орнаментом, сосудами и стеклянной орнаментированной бусиной. Данный комплекс относится к заключительному этапу саргатской культуры, который в Барабинской лесостепи был изучен крайне слабо [Полосьмак, 1987, с. 35].

Одной из основных задач было продолжение исследований комплекса, относящегося к периоду доандроновской бронзы, изучение которого было начато в 2005 г. (раскоп № 4) [Молодин, Чемякина и др., 2005, с. 418 – 423].

В 2006 г. в секторе № 4 было вскрыто два погребения и пять ям. Планиграфически все они являются продолжением ряда, исследованного в секторах №№ 1-3 в 2005 г. Одно из погребений (№19) – парное, принадлежит женщине с ребенком (все антропологические определения выполнены к.и.н. Д.В. Поздняковым). Инвентарь традиционно представлен бронзовыми шильями, при этом шило, относящееся к женскому захоронению, было снабжено роговой рукоятью.

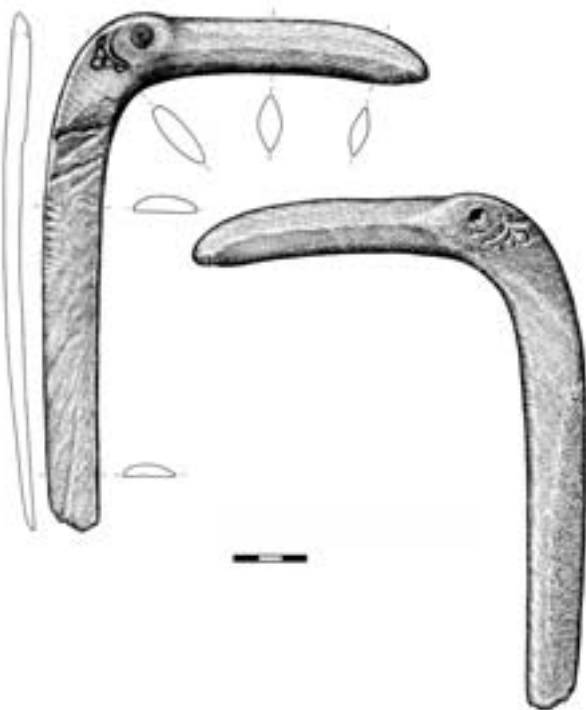

Рис. 1. Преображенка-6, Раскоп 4. Погребение № 37. Навершие из рога.

Раскопом 2007 г. в секторе № 5 вскрыт еще один ряд из шести погребений и пяти сопровождающих ритуальных ям, расположенный восточнее исследованных ранее. Особо следует остановиться на двух захоронениях. В детском погребении №32 у черепа обнаружен миниатюрный керамический сосуд и роговой гребень. В могиле № 37, у южной стенки ямы обнаружены фрагменты черепов мужчины и ребенка. Захоронение было сильно нарушено в древности, однако характер обнаруженных в заполнении находок позволяет сделать предположение об особом статусе погребенных. Вместе с черепами были найдены два астрагала. Над ними залегали крупные фрагменты керамического сосуда и накладка из рога. В центральной части погребения зафиксировано изящно выполненное из рога навершие в виде головы птицы (рис. 1). Прямой массивный клюв рельефно проработан с двух сторон. Глаз на лицевой стороне изделия выпуклый, окружен тремя тонкими резными ободками. Перьевые ушки показаны гравированным каплевидным орнаментом. На оборотной стороне изделия мастер также попытался воспроизвести аналогичный рисунок, но губчатое вещество рога не позволило выполнить его так же

искусно. Навершие, по-видимому, было преднамеренно сломано. Перед нами великолепное произведение пластического искусства, служившее, вероятно, навершием посоха. Аналогия данному предмету происходит из комплекса могильника Сопка-2, относящегося к доандроновской бронзе [Молодин, 1985, с.57, рис. 27, 5]. Еще один семантически близкий, но более стилизованный предмет происходит с р. Чумыш (равнинный Алтай) [Кирюшин, 2002, с. 254, рис. 150, 2] и также, вероятно, относится к этому времени.

На основе анализа 23 захоронений, исследованных в раскопе № 4, можно сделать вывод об устойчивости зафиксированной здесь погребальной традиции. Могилы и сопутствующие им ритуальные ямы расположены в одном ряду. Большинство захоронений одиночные, совершены в ямах овальной, либо подчетырехугольной формы. Умершие уложены на дно могильной ямы в положении вытянуто на спине, головой на ВСВ.

Результаты сопоставления особенностей заполнения захоронений в раскопе № 4 и характера размещения в них костей человека с антропологическими определениями, позволяют подтвердить сделанные ранее выводы о половозрастной обусловленности фактов проникновения в погребения [Молодин, Чемякина и др., 2005, с. 419]. Все погребения мужчин старше 18 лет нарушены. Следы проникновения фиксируются только в восточной и центральной частях могил. В результате, в положении *in situ* сохраняются только кости ног. Единственное женское погребение, а также захоронения детей и подростков нетронуты, у черепа и в районе грудной клетки погребенных часто присутствуют следы охры.

Получены, также, новые доказательства существования у населения, оставившего данный комплекс, традиции помещения у левой руки умерших бронзовых шильев (реже других острых предметов) [Там же, с. 420].

Большинство сопроводительных ям характеризуются незначительной глубиной. В отличие от могил, они заполнены однородным черным гумусом, что свидетельствует о долгом сохранении их в открытом виде и заполнении естественным путем. О керамике древнего населения, оставившего могильник, до недавнего времени мы могли судить только по сосудам, обнаруженным в ямах [Там же, с. 421]. Находки посуды в могилах позволяют утверждать, что ямы и погребения представляют собой единый комплекс. Наиболее близкие аналогии данной керамике содержатся в памятниках одиновской культуры [Молодин, 1985, с. 27-35].

Раскопом № 11, заложенным над компактным скоплением магнитных аномалий, вскрыт ряд из четырех погребений и одной ямы, вытянутый по линии ССЗ-ЮЮВ и ограниченный с западной стороны дугообразным рвом. Вероятно, ров выполнял ритуальную функцию, ограничивая погребальную площадку с запада. Могильные ямы ориентированы длинной осью по линии ЗЮЗ-ВСВ. Во всех трех случаях зафиксированы факты проникновения в погребения, в результате чего, в положении *in situ* на дне могильных ям сохранились только кости ног. Судя по их положению,

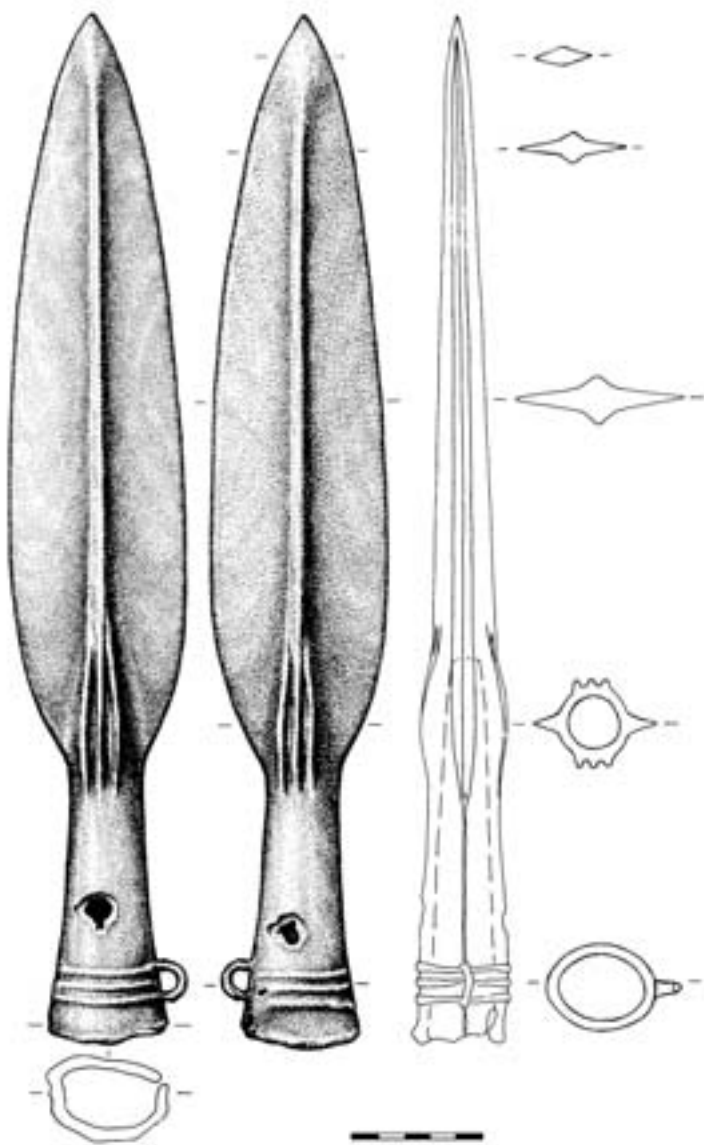

Рис. 2. Преображенка-6. Раскоп 4. Погребение № 37. Инвентарь.

умершие были захоронены на спине, вытянуто, головой на восток. Одно из погребений было ярусным. В двух могилах были обнаружены бронзовые шилья. Все это связывает данный комплекс с погребениями из раскопа № 4. По-видимому, эту обособленную группу, расположенную в 14 м к

северо-востоку от основных рядов захоронений, можно рассматривать как составную часть единого могильника.

Наибольший интерес представляет погребение №24, где в положении *in situ* сохранились только кости ног, а в нарушенной проникновением части погребения был найден бронзовый втульчатый наконечник копья, выполненный в традициях турбо-сейминского литья с отверстием для крепления и ушком (рис. 2). Здесь же были найдены три костяных и один каменный наконечники стрел. Положение наконечника копья на дне могильной ямы, в отличие от всех остальных находок, залегающих в этой части погребения выше уровня дна, позволяет предположить, что эта находка оказалась непотревоженной. Деформация втулки, отсутствие внутри нее древесного тлена могут свидетельствовать об отсутствии древка при помещении изделия в могилу. Эта находка позволяет связать коллекцию бронзовых изделий, выявленных ранее в слое пашни [Молодин, Чемякина и др., 2005, с. 422], с исследуемым погребальным комплексом.

Примечание

Дядьков П.Г., Молодин В.И., Чемякина М.А., Михеев О.А. Магнитометрические исследования археологических памятников Тартас-1 и Преображенка-6 в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – Т. XI. – Ч. I. – С. 304-309.

Кiryushin Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. – 294 с.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми (культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т. I. – 128 с.

Молодин В.И. Устьтартасская культура // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий. – Томск, 2005. – С. 180-184.

Молодин В.И., Чемякина М.А., Гришин А.Е. Работы на грунтовых могильниках в Барабинской лесостепи // Археологические открытия 2005 г. – М.: Наука, 2007. – С. 493-494.

Молодин В.И., Чемякина М.А., Дядьков П.Г., Софеев О.В., Михеев О.А., Позднякова О.А. Археолого-геофизические исследования памятника Преображенка-6 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. X. – Ч. I. – С. 378-383.

Молодин В.И., Чемякина М.А., Позднякова О.А., Гаркуша Ю.Н. Результаты археологических исследований памятника Преображенка-6 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – Т. XI. – Ч. I. – С. 418-423.

Полосьмак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа. – Новосибирск: Наука, 1987. – 144 с.

*Л.Н. Мыльникова, Л.С. Кобелева, И.А. Дураков,
Т.В. Мжельская, А.Н. Савин, В.П. Сяткин*

ИССЛЕДОВАНИЯ КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА ЗАРЕЧНОЕ-1 В 2007 ГОДУ

В полевой сезон 2007 г. Тогучинским археологическим отрядом ИАЭТ СО РАН совместно с НАЭ НГПУ велись работы по исследованию курганного могильника Заречное-1, расположенного в Тогучинском р-не Новосибирской обл., на первой террасе оз. Линево, относящегося к бассейну р. Иня. Памятник известен в археологической литературе. Материалы опубликованы [Зах, 1997]. Могильник постоянно разрушается. Каждый неисследованный курган имеет следы вмешательства, разрушения насыпи. На северной оконечности памятника находится карьер по заготовке глины для местного кирпичного завода.

Близкое расположение могильника и поселения Линево-1, которое датируется переходным временем от бронзы к железу, дает основание считать, что часть погребений могильника Заречное-1 относится к переходному времени. Исследование объекта, самого большого по размеру современной насыпи, предоставляли возможность соотнести находки из насыпи с находками из поселенческого комплекса.

Курган № 25. До раскопок представлял собой пологую, хорошо задернованную насыпь неправильной формы, вытянутую по линии запад-восток. Основная часть насыпи была округлой, с западной стороны к ней как бы примыкало еще одно сооружение. Изначально предполагалось, что это два «слившихся» кургана, но разделить их не представлялось возможным. Поверхность кургана была неровной, хорошо читались небольшие углубления, в юго-восточной части прослежена современная яма правильной квадратной формы, размером 1,6 x 1,5 x 0,4 м. Общая площадь заложенного раскопа составила 388,5 м².

В процессе работ было выявлено, что курган действительно включает в себя два разновременных погребальных сооружения: ирменской и андроновской культур. Причем ирменский курган перекрывает большую часть андроновского. По всей площади раскопа зафиксирован массовый материал в виде фрагментов керамики, камней, костей животных. В разных квадратах зачищены 10 скоплений костей животных (жертвенных комплексов), скопление фрагментов керамики, 4 объекта, скопление жженных костей, 6 погребений, а также зафиксировано 73 индивидуальные находки. Основную часть находок, обнаруженных в насыпи кургана, составляют ножевидные пластины и каменные скребки, есть несколько точильных камней, каменный наконечник стрелы и тигель.

Погребение № 1. Трупосожжение (?) – скопление мелких кальцинированных костей в насыпи кургана. Находок не обнаружено.

Погребения №№ 2-6 относятся к ирменской культуре.

Погребение № 2. Располагалось на уровне погребенной почвы. Ориентировано головой на ЮЗ. Погребенный лежал на правом боку с подогнутыми ногами. От костяка сохранились в анатомическом порядке часть черепа с фрагментом нижней челюсти, фрагменты костей ног, часть тазовых костей. Под черепом обнаружен фрагмент бронзовой пластины. В 0,9 м и 1,9 м к востоку от костяка находились 2 сосуда, один из которых раздавлен и растащен грызуном.

Погребение № 3. Располагалось на уровне погребенной почвы. Ориентировано по линии ЮЗ – СВ. Погребенный – ребенок, лежал под наклоном (голова выше ног), с подогнутыми ногами, предположительно, в деревянной раме, от которой зафиксированы фрагменты северной стенки. От костяка сохранились фрагменты черепной коробки, скульные дуги, фрагменты верхней и нижней челюсти. Около черепа найдены бронзовая гвоздевидная подвеска и спиралевидная серьга. В юго-западной части погребения, в 0,10 м от черепа, находился сосуд.

Погребение № 4. Располагалось на уровне материка. Ориентировано по линии ЮЗ – СВ. Погребенный – младенец лежал в скорченном положении на правом боку. Руки сложены перед грудью. На фаланге правой руки было надето бронзовое кольцо из проволоки. У черепа, со стороны лица, стоял керамический сосуд.

Погребение № 5. Располагалось на уровне материка. Ориентировано по линии ЮЗ – СВ. Ребенок. Через погребение проходит нора грызуна. Кости лежат кучей. Череп раздавлен, отдельные его части находятся в разных местах. Сверху, на костях, стоял сосудик, наклоненный (почти положен набок) к ним.

Погребение № 6. На погребенной почве, на разных уровнях, в 0,03 – 0,05 м выше материка. Через него проходит нора и ход грызуна. От погребенного сохранились кости черепа, фрагменты костей рук, несколько зубов (2 коренных – молочные). Ориентировано по линии С-Ю. В 0,4 м к северу от черепа стоял сосудик, рядом с ним – бронзовая пуговица.

В центральной части насыпи зачищено погребение № 7 – андроновской культуры. Ориентировано по линии СВ-ЮЗ. Могильная яма размерами 3,0 x 2,4 x 1,8 м, в нее поставлен одновенцовый сруб. Могила ограблена. От деревянного поперечного перекрытия сохранилась небольшая часть полубревен с корой, расположенная по периметру могилы. Несколько бревен могильной конструкции обнаружены в насыпи. Большая часть костей скелета взрослого человека (мужчина?) сдвинута в одну кучу, на некоторых из них фиксируются окислы меди, но изделий нет. В могиле обнаружены лишь фрагменты от 3-х сосудов. Дно могильной ямы покрыто красной охрой.

Особый интерес представляет скопление костей животных № 8-9 (жертвенный комплекс). Комплекс сооружен на склоне с западной стороны кургана. Его противоположные концы оформлены в виде углублений.

В северной части – яма округлой формы, диаметром 1,07, стенки отвесные. В нее помещены череп лошади с нижней челюстью, с левой стороны над глазницей череп пробит (размеры отверстия 6,5 x 5 см, края рваные). Удар нанесен тупым предметом сверху вниз. Вдоль черепа лежат голень и берцовая кость лошади, зафиксированы также бабки, крупные позвонки, ребра и зубы. Углубление в южной части имеет восточную и части северной и южной стенок. Размеры ямы: 1,3 x 1,6 м. В скопление входят отдельно лежащий череп медведя, три ребра и зубы хищника. Череп и нижняя челюсть медведя располагаются в анатомическом порядке. Левая височная кость медведя пробита над глазницей тупым предметом. В пасти медведя найдены три бронзовых бусины-пронизки.

Отдельной группой в южной части углубления лежат череп, кости ног, лопатки лошади, под ними располагались кости лошадей, череп и кости коровы, кости черепа овцы (козы), череп и кости бобра (резцы отсутствовали), барсука, зайца и птицы (определения сделаны к.б.н. С.К. Васильевым). Отдельные кости животных лежали в анатомическом порядке. Череп и бедренные кости лошади пробиты. Отверстия неправильной овальной формы, края рваные. Размеры отверстий: до 8,0 x 2,0 см.

Полученные материалы позволяют сделать вывод, что ирменский курган был сооружен на объекте андроновской культуры. Есть основания предполагать, что ограбление последнего было произведено именно в ирменское время. Раскопки объекта не по кругу, а большим раскопом позволили выявить достаточно сложный погребальный обряд как для ирменской, так и андроновской культур. Жертвенный комплекс № 8-9 мы склонны датировать андроновской эпохой. Сведения о жертвенных комплексах с фиксацией в них костей и черепов коров, овец (коз) и лошадей известны в литературе [Потемкина, 1985, табл. 24; Сальников, 1982, с. 51 – 71]. А.В. Матвеев отмечал для Хрипуновского могильника находки останков овцы с щелевидным отверстием в лобных костях черепа, «которое можно рассматривать как след удара орудием типа топора или кельта» [Матвеев, 1992, с. 24, рис. 57,6]. А также череп лошади, проломленный в области лба и «находившиеся в анатомическом порядке дистальные части всех его конечностей, которые также были пробиты острым округлым в сечении орудием» [Матвеев, 1992, с. 210, 211]. Наблюдения, сделанные в процессе раскопок могильника Заречное-1, позволяют составить представления об определенных действиях и с дикими животными, в нашем случае – с медвежьим черепом, что зафиксировано впервые.

Получены свидетельства о насыпке курганов в ирменское время почвой, взятой на поселении. В данном случае находки скребков из «рабочего» материала, известного по скребкам на поселении Линево-1 [Нохрина, Мыльникова, 2006], которое относится к переходному времени от бронзы к железу, могут маркировать и время сооружения кургана ирменской культуры. При этом обряд погребения оставался чисто ирменским. Подобная ситуация зафиксирована также на городище Чича-1 [Молодин и др., 2001; 2004].

Примечания

Зах В.А. Эпоха бронзы Присалаирья. - Новосибирск: Наука, 1997. - 130 с.

Матвеев А.В. Первые андроновцы в лесах Зауралья. - Новосибирск: Наука. Сиб. Предп. РАН, 1998. - 417 с.

Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н., Шнеевайс Й., Гришин А.Е., Новикова О.И., Ефремова Н.С., Чемякина М.А., Мыльникова Л.Н., Васильев С.К., Беккер Г., Фассбиндер Й., Манштейн А.К., Дядьков П.Г. Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи (первые результаты исследования). - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001 (Материалы по археологии Сибири. Вып. 1). – 240 с.

Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н., Шнеевайс Й., Гришин А.Е., Новикова О.И., Чемякина М.А., Ефремова Н.С., Марченко Ж.В., Овчаренко А.П., Рыбина Е.В., Мыльникова Л.Н., Васильев С.К., Бенеке Н., Манштейн А.К., Дядьков П.Г., Кулик Н.А. Чича - городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи.- Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004.- Т. 2.- (Материалы по археологии Сибири. Вып. 4). - 336 с.

Нохрина Т.И., Мыльникова Л.Н. Каменные наконечники стрел поселения Линево // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН 2006 г.– Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. – Т. XII. – Ч. 1. – С. 456-459.

Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. - М.: Наука, 1985. - 376 с.

Сальников К.В. Курганы на озере Алакуль // МИА. - 1982. - № 24. - С. 51 – 71.

НОВОЕ О КОНСТРУКЦИЯХ ПОГРЕБАЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ ИЗ ДЕРЕВА У НОСИТЕЛЕЙ ПАЗЫРЫКСКОЙ КУЛЬТУРЫ В МОНГОЛЬСКОМ АЛТАЕ*

В полевой сезон 2006 г. участниками международной археологической экспедиции были исследованы четыре кургана скифского времени, два из которых дали органический материал разной степени сохранности, в том числе внутримогильные деревянные конструкции погребальных сооружений рядовых представителей общества и много сопроводительных предметов из дерева [Молодин и др., 2006, с. 428-433]. Предварительный анализ крупногабаритного материала дал следующие результаты.

Деревянное погребальное сооружение из могильника Олон Куриг-гол 6, курган 2. Сохранность деформированной конструкции, особенно раздавленных тяжестью грунта фрагментов бревен перекрытия и двух верхних венцов сруба оставляла желать лучшего. Самый верхний венец был сплюснен почти до толщины спичечного коробка и разделился (расслоился) на три тонкие плоскости, которые под воздействием многотонного груза заполнения могильной ямы сползли внутрь камеры. Деградация дерева объясняется воздействием антропогенного фактора. Погребение было ограблено еще в древности, вероятно, современниками. Четких следов орудий обработки на бревнах перекрытия не зафиксировано, сохранились только деформированные, расплывчатые контуры вырубов угловых сопряжений.

По достаточно хорошо сохранившимся двум нижним венцам в северо-восточном углу удалось выявить особенности углового сопряжения концов бревен и принцип монтажа сруба. Угловое сопряжение - «в обло», или «в угол», с остатком порядка 20см. Схема монтажа погребального сооружения отличалась от исследованных ранее на Алтае (плато Укок). Сруб, найденный в этом кургане, древние плотники начинали монтировать не с коротких, как на Российском Алтае, а с длинных продольных полубревен. Таким образом, в западной и восточной стенках сруба было выявлено по три бревна, а в северной и южной по четыре. Бревна сруба, начиная с второго венца, были смещены вовнутрь на 5см, отчего в профиль сруб имел вид усеченной пирамиды.

*Работа выполнена при поддержке Гранта РГНФ №06-01-91912е/G; Программы Президиума СО РАН: №7,5; НИИ – 6568.2006.6.

Рис. 1. Курган 2, могильника Олон-Курийнгол 6.
 1 - погребальное сооружение в процессе раскопок;
 2 – внутримогильная реконструкция погребального сооружения.

На дне сруба находилось *погребальное ложе*. Оно представляло собой настил из пяти двусторонне отесанных плах (двух коротких для ребенка и трех длинных для взрослого), положенных вплотную друг к другу на три толстых обрубка бревна-слоги. Все плахи были смещены грабителями со своих первоначальных мест и перемешаны. В результате реконструкции, проведенной на дне могильной ямы, удалось восстановить первоначальный облик погребального ложа (рис. 1).

Погребальное сооружение из дерева могильника Олон Куриногол 10, курган 1. Трехвенцовый сруб из полубревен выявлен в могильной яме, на глубине 110 см. Полубревна перекрытия (одно круглое) были положены вплотную друг к другу. Западная стенка сруба слегка приподнята и наклонена. На верхнем поперечном бревне последнего венца восточной стенки бревна перекрытия лежали вровень с бортами. На западном – нижние на 6-7 см утопали ниже поперечных бревен западной стенки, с заметным наклоном вовнутрь. Верхнее бревно восточной стенки, напротив, имело отрицательный наклон (вовне, наружу). Сверху четко прослеживалось, как, начиная с первого нижнего венца, каждое бревно следующего венца смещено внутрь на 8-12 см, отчего сруб имел вид усеченной пирамиды.

После полной зачистки бревна сруба были на вид очень хорошей сохранности, но верх каждого бревна проминался пальцами, видимо, проявлялась насыщенность структуры древесины избыточной влагой. Внешние поверхности бревен блестящие черно-коричневого цвета с золотым отливом. Сучки почти везде аккуратно отесаны заподлицо. Торцы полубревен перекрытия обработаны по-разному, в основном сверху вниз и завалены. Торцы бревен сруба северо-западного и юго-западного углов очень тщательно закруглены. Северо-восточный угол верхнего венца обработан не до конца, торцы прямые без овалов. Следы коры нигде не зафиксированы. Вероятно, она была очень тонкой и соединилась с черным войлоком, который плотно покрывал со всех сторон не только погребальное сооружение, но и захоронение двух коней, лежавших поверх перекрытия у северной стенки.

Перекрытие по центру имело заметный прогиб – действие многотонного груза заполнения могильной ямы. Все бревна перекрытия, за исключением круглого, отесаны изнутри. Это свидетельствует о том, что круглое бревно не было изготовлено заранее для погребального сооружения, а включено позже остальных. Не исключено, что древние строители в спешке ошиблись с размерами ложа перекрытия или с диаметром бревен. Кора с бревен снята очень аккуратно, хорошо сохранились последние годовые кольца. Подтесанные фаски по внешним сторонам бревен в углах сруба на уровне верхнего венца неглубокие, едва выраженные. На восточной стороне торцы бревен перекрытия, за исключением круглого бревна, закруглены сверху и с боков.

После снятия верхнего венца на горизонтальных плоскостях южного и северного бревен второго венца зафиксированы следы выравнивающей подтески шириной 5 см. На всех, кроме северного, были положены длинные (от 20 до 35 см) плоские щепы, очевидно для выравнивания нижних плоскостей очередного венца бревен. Такие же щепы отмечены и в чашках угловых сопряжений. На восточной и западной стенках сруба, между венцами, выявлено по три симметрично вбитых деревянных конических гвоздя длиной до 10 см и несколько вколоченных прямо в древесину нижней части плоскости бревна. Расстояние между гвоздями примерно 30 см. Выравнивающие подрубы в чашках угловых сопряжений зафиксированы на всех, кроме се-

Рис. 2. Курган 1, могильника Олон-Курийнгол 10.

1 – погребальное сооружение в процессе раскопок;

2 – экспресс реконструкция погребального сооружения вблизи могильной ямы.

ро-восточного угла глубиной 4,5 см. Расстояние между гвоздями от южной стенки на западном бревне 20-50-70 см, на восточном – 79 см.

Когда был снят второй венец и взято монолитом погребение воина, производилась разборка погребального ложа. Нижний венец сруба в буквальном смысле пришлось аккуратно выдалбливать ломami из мерзлого конгломерата - мокрой желтовато-серой супеси с включениями щебня. В нижней части его коротких поперечных бревен в процессе расчистки выявлены вырубленные по всей длине полочки шириной 10-12 см. Внутрен-

ние размеры камеры по нижнему венцу составили: западное бревно – 117, восточное 130, южное 179, северное 189 см.

После того, как все детали погребального сооружения были транспортированы наверх из могильной ямы, незамедлительно произведена экспресс реконструкция, прекрасно зарекомендовавшая себя на Алтае и в Туве [Мыльников, 1999, с. 218, рис. 165; Мыльников, Парцингер, Чугунов, Наглер, 2002, с. 396-402]. Комплексное исследование показало, что морфология погребального сооружения из кургана 1 Олон-Курийнгол 10 практически идентична исследованным ранее на Российском Алтае, на плато Укок – Верх-Кальджин 2, курган 1 [Молодин, Мыльников, 1999, Молодин и др., 2006, с. 433]. Однако схема монтажа сруба отличается некоторыми особенностями изготовления чашек углового сопряжения, их ориентацией и способом укладки бревен в венцы. На каждом конце короткого поперечного бревна было вырублено по одной прямоугольной чашке на глубину в полбревна. На длинных продольных бревнах по две: сверху и снизу. Нижние чашки были глубокими, а верхние помельче, причем мелкие относительно глубоких были смещены внутрь на 10-12 см. Первыми на дно могильной ямы укладывались чашками вверх короткие поперечные бревна первого венца с полочками. В них глубокими чашками вниз вставляли длинные продольные бревна. Второй венец собирали в такой же последовательности, вначале уложив короткие поперечные бревна в мелкие чашки длинных продольных. На коротких поперечных и длинных продольных бревнах верхнего венца чашки углового сопряжения вырубали на 3-5 см мельче. На верхних плоскостях длинных продольных бревен вообще не вырубали мелких чашек. В результате окончательного монтажа стен сверху сруба получалось ограниченное гладкими бортами ложе для настила перекрытия потолка.

Погребальное ложе представляло собой настил из пяти отесанных с двух сторон досок, положенных на круглые в сечении лаги (обрубки жердей) диаметром 10-13 см. Лаги были вставлены в полочки-ступени. Ложе, под действием разрушающей силы, постепенно образовывавшейся и выпиравшей снизу линзы льда, было выгнуто дугой вверх и сильно деформировано. Доски расслоились по годовым кольцам.

Деревянная подушка-изголовье уплощенной прямоугольной формы с овальными углами находилась под головой погребенного. Она была изготовлена из небольшого обрубка бревна. В результате неблагоприятного воздействия колебаний температуры и влажности подушка расслоилась на несколько частей.

В заключении необходимо отметить, что предварительные результаты комплексного исследования кургана 2, памятника Олон-курийнгол 6 и кургана 1, памятника Олон-Курийнгол 10, можно считать значительным достижением отечественной археологической науки, определившим южную границу распространения носителей пазырыкской культуры [Молодин и др., 2006, с. 428-433]. По степени сохранности и совокупности погребальных конструкций из дерева, сопроводительных предметов, в том числе и

деревянных, курган 1 могильника Олон-Курийнгол 10 следует отнести к эталонным для данного вида памятников. На территории Монголии подобные объекты зафиксированы впервые.

В процессе работ над погребальными камерами были взяты многочисленные образцы на проведение дендрохронологических анализов, что в условиях уже имеющегося спектра и дендрохронологической колонки по пазырыским памятникам плоскогорья Укок и вообще Южного Алтая [Слюсаренко, 2000, с. 122-130; Слюсаренко и др., 2002, с. 436-440] представляется в высшей степени актуальным.

В целом работы российско-монгольско-германской экспедиции показали возможности интеграции наук гуманитарного (археология) и естественного (геофизика, генетика, мерзловедение) направлений; плодотворного взаимодействия нескольких научных школ (русской, немецкой, монгольской), а также тесного сотрудничества науки и производства.

Примечания

Молодин В.И., Мыльников В.П. Верх-Кальджин 2 и проблемы деревообработки у носителей пазырынской культуры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы VII Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН, Декабрь 1999 г.). - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. - Т V. - С. 446-453.

Молодин В.И., Парцингер Г., Цэвэндорж Д., Мыльников В.П., Наглер А., Байрсайхан М., Байтлеу Д., Гаркуша Ю.Н., Гришин А.Е., Дураков И.А., Марченко Ж.В., Мороз М.В., Овчаренко А.П., Пиецонка Х., Пилипенко А.С., Слагода Е.А., Слюсаренко И.Ю., Субботина А.Л., Чистякова А.Н., Шатов А.Г. Мультидисциплинарные исследования Российско-Германско-Монгольской экспедиции в Монгольском Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2006 г.). - Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. - Т. XII., часть I. - С. 428-433.

Мыльников В.П. Обработка дерева носителями пазырынской культуры. - Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1999. - 220 с.

Мыльников В.П., Парцингер Г., Чугунов К.В., Наглер А. Элитное погребальное сооружение из дерева в Туве // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН, Декабрь 2002 г.). - Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2002. - Т. VIII. - С. 396-402.

Слюсаренко И.Ю. Дендрохронологический анализ дерева из памятников пазырынской культуры Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. - 2000. - № 4. - С. 122-130.

Слюсаренко И.Ю., Кузьмин Я.В., Кристен Дж. А., Орлова Л.А., Бурр Дж. С. Анализ результатов радиоуглеродной «привязки» древесно-кольцевой хронологии курганов пазырынской культуры Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы Годовой итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. Декабрь 2002 г.). - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. - Т. VIII. - С. 436-440.

**К ПРОБЛЕМЕ ВЫЯВЛЕНИЯ РИТУАЛЬНЫХ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ НА ПОСЕЛЕНИЯХ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ГОРОДИЩА ЧИЧА-1)***

Следы совершения ритуалов на территории древних поселений фиксируются в виде археологических объектов (комплексов), имеющих определенные признаки. Исследователями на разновременных археологических материалах разработаны методические подходы и критерии для выделения ритуальных комплексов, как в контексте поселений, так и вне их пределов [см., например: Русанова, 1992; Косинцев, 1996; Мимоход, 2000, 2001; Свирин, 2006 а, б]. В данной работе речь пойдет о выявлении различных следов ритуальной практики на городище переходного времени Чича-1. Отдельные сюжеты этой проблемы рассматривались ранее [Молодин, Парцингер и др., 2004, с. 282-287].

Для обозначения объектов, отражающих те или иные ритуальные действия, мы используем обобщающий термин, предложенный К.М. Свириным – *ритуальный археологический комплекс (РАК)* – под которым понимается «...совокупность (вещей и сооружений, являющихся результатом) овеществленных (опредмеченных) действий, связанных с какой-либо магической или религиозной практикой» [Свирин, 2006, с. 7]. Данный термин представляется более емким и развернутым, нежели «святилище», «жертвенник», «жертвенное место», «культовая площадка» и т.д., поскольку вмещает в себя все перечисленные и другие дефиниции.

Для идентификации РАК на городище Чича-1 применялись следующие основные критерии:

1. Жертвенный состав находок [Русанова, 1992, с. 53; Свирин, 2006 а, с. 190] или **характер наполнения культового комплекса** [Мимоход, 2001, с. 195-197]. Данный критерий выдвигается на первое место не случайно, поскольку именно жертвоприношение (реальное или символическое) является центральной частью ритуала. Жертва может быть кровавой (человек, животное) и бескровной (предметная, растительная). Как «опредмеченные» следы ритуальных действий в контексте поселения рассматриваются следующие находки:

– полные скелеты животных, черепа или компактные скопления отдельных частей скелета, обладающих сакральной значимостью (черепа, нижние челюсти, дистальные отделы конечностей); кости могут располагаться

*Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 06-01-65105а/Т и гранта по поддержке ведущих научных школ НШ-6568.2006.6.

в анатомическом порядке, с нерасчлененными суставами, или размещаться структурировано, особым образом относительно друг друга [Косинцев, 1996, с. 41]; в составе комплекса преобладают кости животных одного-двух видов (на памятниках Западной Сибири чаще всего: медведь, лось, лошадь, собака, остальные встречаются реже); наличие костей молодых особей;

– человеческие погребения, а так же разрозненные человеческие кости (погребение в любом контексте является ритуальным объектом);

– votивные предметы, ритуальная функция которых подтверждена аналогичными находками в святилищах и погребальных комплексах (пластика, культовое литье, уменьшенные модели вещей, предметы с нанесенными на них знаками-символами);

– «престижные» изделия (прежде всего, бронзовые), обнаруженные в нескольких экземплярах (своего рода клады), либо в повторяющихся контекстах;

– повторяющиеся наборы утилитарных вещей (при этом изделия могут быть в виде заготовок, абсолютно новыми, или, наоборот, вышедшими из употребления – сломаны, разбиты);

– емкость-вместилище, внутри которой находятся предметы или жертвенная пища (сосуд, чехол и т.д.);

2. Условия обнаружения культового комплекса [Мимоход, 2001, с. 98-100]

– обнаружение комплекса в местах, где он не мог находиться во время функционирования жилища (очаг, вход/выход, пол). Стоит согласиться с мнением, что активное использование жилого пространства, в котором жизненно и семантически важные участки «заблокированы», невозможно. Подобные комплексы трактуются как следы ритуалов оставления жилища [Мимоход, 2001, с. 99].

– обнаружение комплекса в местах, где его случайное формирование исключено (различного рода ямы), или в местах, которые не предполагают его хозяйственное (бытовое) использование (в столбовой яме, в стене/под стеной котлована, под каменной кладкой и др.).

3. Следы ритуальных действий (приемов), с помощью которых предметы, задействованные в ритуале, приобретали особые функции и «перемещались» в разные уровни пространства [Косарев, 2001, с. 446]:

– нарушение целостности (намеренная порча);

– зарывание/втыкание в землю;

– придание неестественного положения (например, переворачивание);

– помещение на высоту;

– сожжение (использование огня)

С учетом перечисленных критериев, к ритуальным археологическим комплексам по материалам городища Чича-1 могут быть отнесены следующие:

1. Полные скелеты животных. Скелет собаки рядом с жилищем, скелет собаки во рву, скелет козла в жилище [Молодин, Парцингер и др., 2001, с. 63; 2004, с. 30, рис. 34; с. 146, рис. 225].

2. Черепа животных. Череп собаки в слое межжилищного пространства, череп лошади и нижняя челюсть в жилище (на уровне пола, напротив

входа), череп лошади без нижней челюсти в жилище (на уровне пола) [Молодин, Парцингер и др., 2004, с. 95, 176, 201].

3. Скопления костей животных, в которых присутствуют нижние челюсти и кости конечностей. Зафиксированы различные варианты таких скоплений.

1) Компактные вымостки подпрямоугольной или овальной формы (три находились в жилищах на уровне пола, одна – рядом с жилищем) [Молодин, Парцингер и др., 2004, с. 24-25, рис. 22; с. 85, рис. 122].

2) Кроме компактных вымоستок выявлено порядка 10 комплексов, менее структурированных, но в которых присутствуют нижние челюсти [Молодин, Парцингер и др., 2004, с. 23, рис. 20], кости конечностей, а так же керамика, целые и сломанные изделия. Так, в одном из скоплений в углу жилища, помимо значительного количества костей (среди них нижняя челюсть собаки) обнаружены обломанное лезвие бронзового ножа, обломки литейных форм, костяных изделий, сработанных камней, древесный уголь [Молодин, Парцингер и др., 2001, с. 46].

4. Погребения младенцев в жилищах, погребения на территории городища, находки отдельных человеческих костей. Поскольку эти комплексы уже рассматривались в специальных публикациях, напомним, что найденный в раскопе № 8 фрагмент лицевой части женского черепа разрублен и обожжен, а на некоторых обнаруженных человеческих костях имеются сколы, произведенные по неомертвевой костной ткани [Молодин, Парцингер и др., 2004, с. 286]. Данные наблюдения могут свидетельствовать о практике человеческих жертвоприношений или ритуальном каннибализме.

5. Комплексы с перевернутыми сосудами. Все сосуды, обнаруженные в перевернутом состоянии (не менее 10 экземпляров), находились в жилищах. Часть из них стояла в непосредственной близости от стен или углов котлована, часть – на некотором расстоянии от них [Молодин, Парцингер и др., 2004, с. 80-81, рис. 112, 113; с. 110, рис. 161; с. 114, рис. 167; цв. вкл., рис. 38, 43]. В одном случае перевернутыми оказались два сосуда, помещенные один в другой.

6. Комплексы в ямах. В целом, при идентификации ритуальных комплексов, пристальное внимание должно уделяться заполнению ям, поскольку любая (столбовая, хозяйственная, могильная) «...яма – прежде всего яма, и как таковая уже имеет сакральное значение [Балакин, 2004, с. 248].

Часть ям, исследованных на городище Чича-1, по характеру находок вполне соответствует категории ритуальных комплексов. Это ямы, в которых обнаружены вотивные изделия (глиняная пластика), сосуды (в виде полных или частичных развалов), бронзовые предметы (ножи, шилья, наконечник). Мы полагаем, что к ритуальным комплексам так же могут быть отнесены ямы, в которых отмечены *повторяющиеся* находки костяных и глиняных изделий (костяные диски, роговые и костяные заготовки, керамические грузила) [Молодин, Парцингер и др., 2004, с. 92, рис. 133, 134; с. 105, рис. 154, 155; с. 125, рис. 184-186; с. 185, рис. 286].

Отметим, что все описанные выше варианты РАК имеют обширные аналогии не только на поселенческих, но и на культовых (святилища, костница, культовые места) и погребальных памятниках Западной Сибири и сопредельных территорий [см., например: Ковалевский, 2004; Лепихин, 2007; Потемкина, Корочкова, Стефанов, 1995;]. Их повторяемость и устойчивость во времени и пространстве есть не что иное, как проявление некоторых архетипических универсалий, на которых базируется традиционное мировоззрение.

Примечания

Балакин Ю.В. О значении так называемых хозяйственных ям в жилищных комплексах // Шестые исторические чтения памяти М.П. Грязнова: Материалы всероссийской научной конференции. – Омск: Омск. гос. ун-т, 2004. – С. 248-250.

Ковалевский С.А. Ритуально-жертвенные комплексы с черепами животных в эпоху поздней бронзы у населения ирменской культуры // Шестые исторические чтения памяти М.П. Грязнова: Материалы всероссийской научной конференции. – Омск: Омск. гос. ун-т, 2004. – С. 166-169.

Косарев М.Ф. Пространство и время в сибирско-языческом понимании // Мировоззрение древнего населения Евразии. – М., 2001. – 460 с.

Косинцев П.А. Археозоологические критерии святилищ Урала и Западной Сибири // Полевой симпозиум «Святилища и жертвенные места финно-угорского населения Евразии». – Пермь, 1996. – С. 40-42.

Лепихин А.Н. Костница гладыновской культуры в Среднем и Верхнем Прикамье. – ООО «Издательский дом «Типография купца Тарасова», 2007. – 224 с.

Мимоход Р.А. Жертвенники на срубных поселениях: вопросы классификации, происхождения и культурной специфики // Археология и древняя архитектура левобережной Украины и смежных территорий. – Донецк, 2000. – С. 86-93.

Мимоход Р.А. Критерии выделения поселенческих культовых комплексов эпохи поздней бронзы // Проблемы археологии и архитектуры. Т. 1: «Археология». – Донецк-Макеевка, 2001. – С. 94-105.

Потемкина Т.М., Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Лесное Тоболо-Иртышье в конце эпохи бронзы. – Москва, 1995. – 152 с., илл.

Русанова И.П. Культовые места и языческие святилища славян VI-XIII вв. // Российская археология. – 1992. – № 4. С. 50-67.

Свирин К.М. Археологические признаки языческих святилищ Восточной Европы VI-XIII вв. // Современные проблемы археологии России. Т. II. – Новосибирск, 2006 а. – С. 188-190.

Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. Первые результаты исследований // *Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н., Шнеевайс Й., Гришин А.Е., Новикова О.И., Ефремова Н.С., Чемякина М.А., Мильникова Л.Н., Васильев С.К., Беккер Г., Фассбиндер Й., Маништейн А.К., Дядьков П.Г.* – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – 240 с.

Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. Т. 2 // *Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н., Шнеевайс Й., Гришин А.Е., Новикова О.И., Чемякина М.А., Ефремова Н.С., Марченко Ж.В., Овчаренко А.П., Рыбина Е.В., Мильникова Л.Н., Васильев С.К., Бенеке Н., Маништейн А.К., Дядьков П.Г., Кулик Н.А.* – Новосибирск – Берлин: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – 336 с.

**МНОГОСЛОЙНОЕ ПОСЕЛЕНИЕ АДОРМА
В СЕВЕРНОМ ПРИАНГАРЬЕ
(КРАТКИЙ ОБЗОР РЕЗУЛЬТАТОВ РАБОТ В 2006 ГОДУ)**

Осенью 2006 г. проводились спасательные работы на многослойном поселении Адорма, попадающего в границу строительства трассы нефтепроводной системы Восточная Сибирь – Тихий океан. Местонахождение Адорма находится на правом берегу р. Ангары в зоне выклинивания Усть-Илимского водохранилища в 30 км ниже плотины Братской ГЭС. Его территория ограничивается с юга северным склоном горы Дементьев Камень, с севера - долиной р. Адорма, с запада – р.Ангарой, с востока - западными отрогами водораздела Мудорма – Адорма. На местонахождении вскрыто 1785 кв. м на глубину до 1 м. Работами выявлено три уровня залегания находок, маркированных как культурные горизонты. Общее количество находок составило: каменных артефактов - 1593 экз., фрагментов керамики – 3143 экз., фрагментов остеологического материала – 272 экз.; изделий из железа - 4.

I культурный горизонт. Зафиксирован в темно-сером, почти черном, супесчаным дерновым горизонте, мощностью от 0,08 до 0,15 м. Находки образуют небольшие скопления, пятна. Археологический материал представлен фрагментами керамических сосудов с плоским и округлым дном, изделиями из металла и небольшим количеством артефактов из камня. Сосуды по технологии изготовления в основном гладкостенные, в некоторых случаях отмечен технический декор в виде оттисков «шнура», «сетки-плетенки». По форме керамические сосуды сложно профилированные – с шейкой и без нее. В сечении формы венчиков довольно разнообразны: простые – с прямым и косым верхними срезами и сложные - грибовидные и в виде карниза. Основными элементами орнамента являются: налепные валики треугольные и овальные в сечении, горизонтально и вертикально опоясывающие сосуды; округлые сквозные или несквозные вдавления, фиксирующиеся в области венчика или шейки сосуда; косые насечки подпрямоугольной или овальной в плане формы, находящиеся, как правило, в области внешнего края венчика или рассекающие налепные валики; ногтевые вдавления и пальцевые защипы, фиксирующиеся в области внешнего края венчика или нанесенные по налепным валикам.

Изделия из металла представлены двумя наконечниками стрел, однолезвийным кольчатым ножом и кузнечными клещами (рис. 2-1, 2-2, 2-3, 2-4). Найдено также скопление овальных в сечении конкреций болотной железной руды (лимонит).

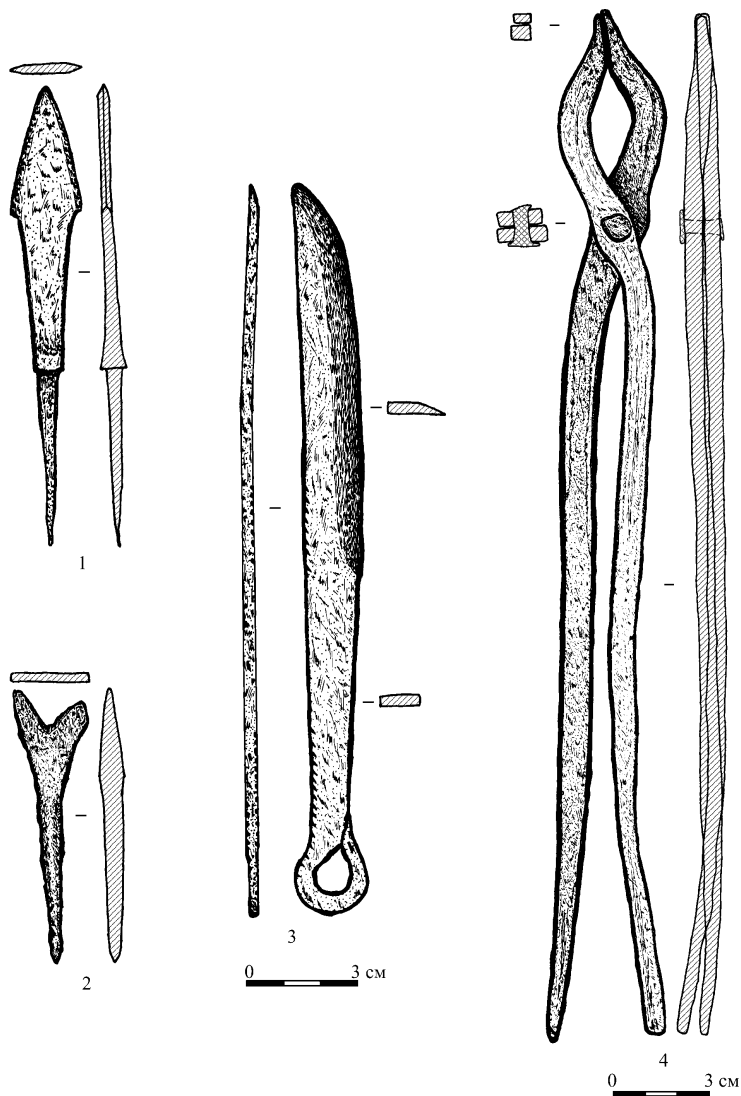

Рис. 1. Материал с I культурного горизонта поселения Адорма.
1, 2 - наконечники стрел; 3 - нож; 4 - кузнечные клещи. 1 - раскоп II;
2, 3, 4 - раскоп V

Из серой гумусированной супеси с глубины 0,15 – 0,2 м от современной поверхности была заложена могильная яма. Эта яма овальной в плане формы проявилась на глубине 0,4 м от современной поверхности. Она ориентирована по линии В - З. Длина ямы - 1,3 м, ширина – 0,54 м. При вскрытии в

засыпке ямы на глубине 0,35 м проявились остатки деревянного перекрытия в виде фрагмента доски, размерами 0,34 × 0,04 м, толщиной до 0,01 м. и мелкие фрагменты бересты. В могильной яме зафиксировано захоронение подростка в берестяном пакете. Погребенный был помещен в могилу в вытянутом на спине положении, головой ориентирован на восток.

Сопроводительный инвентарь представлен 28 предметами из кости, металла, дерева и кожи. Под левой ключицей лежал невтягивающийся коготь хищника. Между локтевым сочленением костей левой руки и левой тазовой костью зафиксировано пятно органического вещества (шкурки животного ?), очень плохой сохранности, размерами 15 × 15 см. Слева от проксимала левой бедренной кости найдены неопределимые фрагменты изделия из железа, сильно окисленные. В области стоп обнаружены изделие из трубчатой кости животного (игольник ?), железная трубочка и еще один коготь хищника. С внешней стороны у левой стопы найдено скопление предметов: кожаный мешочек, ножницы из железа, деревянные пластины и шарик смолы хвойного дерева.

Кожаный мешочек округлой формы, горловиной направлен на запад (к реке), горловина перевязана тонким кожаным ремешком (диаметр 0,4 см), на коже отмечены следы материи. Размеры мешочка 16,8 × 10,9 см, ширина горловины в зоне перевязки 3,8 см. В мешочке находились 11 астрагалов копытного животного (олень? косуля?), бронзовый колокольчик, 2 рельефные бляшки из белого металла (серебро ?), фрагмент пряжки из железа. Слева от мешочка, частично перекрывая его, параллельно длинной оси могилы (3-В) располагалась деревянная пластина, разломанная на две половины. Длина пластины 25 см, ширина 2 см, толщина 0,6 – 0,8 см. Вторая пластина располагалась в 10 см к югу от первой, практически параллельно. Метрические характеристики этих пластин идентичны. Железные ножницы шарнирного типа, располагались таким образом, что лезвия изделия находились под кожаным мешочком, а кольца между деревянными пластинами. Округлый комочек смолы хвойного дерева зафиксирован в 4 см к югу от горловины мешочка. Выше деревянных пластин зафиксированы неопределимые фрагменты изделия из железа (кольцо ?)). Предварительно захоронение датировано в рамках конца I – начала II тыс. н. э. По отобраным из могилы образцам органики (древесный уголь и кость) получено две ¹⁴C-даты: по древесному углю - 1100 ± 90 лет (СОАН-6805), по кости - 1085 ± 85 (СОАН-6804). Полученные даты по двум образцам не противоречат друг другу и позволяют уточнить возраст захоронения и датировать его в рамках VII-X вв. н. э.

Каменный инвентарь представлен небольшим количеством артефактов из аргиллита, кремня и кварцита, перемещенным с нижележащих горизонтов. Среди них: ножи оформленные на пластинах, концевые и боковые скребки, бифасы.

II культурный горизонт. Зафиксирован в светло-серой с легким коричневым оттенком супеси, мощностью 0,2-0,3 м. Содержит наибольшее

количество материала, который в некоторых случаях образует крупные скопления артефактов. В составе каменного инвентаря: заготовки, отходы производства каменной индустрии, орудия: ножи, скребки, отбойники, абразивы, резцы, бифасы, нуклеусы и т.д. Найдено большое количество фрагментов керамических сосудов с округлым и приостренным дном. По технологии изготовления выделяются гладкостенные сосуды; сосуды оттисками «сетки-плетенки» и «шнура». Орнамент сосудов в основном представлен продавленным и в меньшей степени прочерченным и наlepным типом. К основным элементам орнамента присущим для сосудов из II культурного горизонта следует отнести округлые и овальные вдавления – жемчужины; негативы зубчатого и гребенчатого штампа; прочерченные линии и косые насечки.

В слое зафиксированы очаги округлой или овальной формы размерами до 1 м с обкладкой из плит песчаника и речной гальки. Также найдена хозяйственная яма в виде небольшого углубления, заполненная большим количеством дробленных и колотых костей, зубов. Размеры сооружения 0,4 × 0,3 м, глубина до 0,3 м.

III культурный горизонт. Остатки этого горизонта фиксировались в слое светло коричневой супеси мощностью 0,35 – 0,75 м. Археологический материал немногочислен. В его составе небольшое количество каменных артефактов и фрагментами керамических сосудов с оттисками «сетки-плетенки».

Таким образом, на многослойном поселении Адорма выделено три культурных горизонта, которые, исходя из уровня стратиграфического залегания и технологии изготовления керамического и каменного инвентаря, предварительно датируются в рамках позднего неолита – средневековья. I культурный горизонт датируется в рамках эпохи средневековья (V–XVI вв.). Время существования II культурного горизонта определяется в рамках бронзового – раннего железного века (II тыс. до н.э. – начало I тыс. н.э.). III горизонт можно отнести к позднему неолиту – раннему бронзовому веку (IV–III тыс. до н.э.).

АНАЛИЗ ФАУНИСТИЧЕСКИХ ОСТАТКОВ С ПОСЕЛЕНИЯ НОВОИЛЬИНКА III *

Поселение Новоильинка III расположено в Хабаровском районе Алтайского края, в 8 км. к западу от с. Новоильинка, в южной части небольшой возвышенности, образованной старицей р. Бурла. Памятник открыт в 2004 г. С.М. Ситниковым, под руководством которого в 2005 г. на территории памятника был заложен разведочный раскоп площадью 20 кв. м. В ходе раскопок здесь было найдено 185 фрагментов керамики, несколько десятков каменных артефактов и свыше 420 костных остатков, большая часть из которых (63,7%) относится к числу неопределимых. Сохранность костей очень плохая, соответствующая 3-4 стадии по шкале Беренсмейера (Behrensmeyer, 1978). Даже целые кости подверглись сильному выветриванию и разрушению под влиянием гуминовых кислот в супесчаном почвенном слое, подчас до почти неузнаваемого состояния. Лучшее сохранение получили наиболее прочные элементы скелета – изолированные зубы.

Среди определимых остатков абсолютно преобладают (144 находки или 94,1%) кости лошади. Представлены практически все элементы скелета, среди которых наиболее многочисленны изолированные зубы (54,2%). По фрагментам тазовых костей и астрагалам установлено присутствие остатков как минимум от 3 особей. Подавляющая часть костей принадлежала взрослым животным. Сравнение промеров единичных, пригодных для промеров костей конечностей лошади из Новоильинки-3, и серии костей из поселения Ботай (Северный Казахстан, III тыс. до н.э.), наиболее близкого географически и хронологически, показало их практически полную идентичность (табл. 1). Большинство из промеров костей лошади из Новоильинки-3 приближается к средним значениям промеров лошадей Ботая. Н.М. Ермолова [Ермолова Н.М., 1993] полагала, что лошади Ботая относятся к дикой форме, однако большинство других исследователей [Кузьмина, 1993, 1997; Benecke, Von den Driesch, 2003] относят лошадь Ботая к одомашненной форме.

Лось (*Alces alces* L., 1758). Имеется 2 кости – правый астрагал и фрагмент пяточной кости. Латеральная длина астрагала – 84,4 мм, медиальная длина – 77,8 мм, ширина нижнего конца – 53 мм. Латеральная длина / ширина дистального конца астрагала голоценового лося юга Западной Си-

*Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 05-01-01390а

Таблица 1. Размеры костей конечностей *Equus caballus* L.

Кость	Промеры, мм	Ново- лынка-3	Ботай, Северный Казахстан [Кузьмина, 1993].		
			n	lim	M
Radius	Ширина нижнего конца	83	17	74,5-86,8	80,2
Phalanx I (передние)	Длина сагиттальная	79,7	40	75-87	80,8
	Ширина диафиза	36	40	35-43	37,8
	Ширина нижнего конца	45,7	40	43-50	46,3
Phalanx II (передние)	Длина сагиттальная	40,8	35	34-45	38,1
	Ширина верхнего конца	55,1	35	49-57,8	53,9
	Ширина диафиза	47,2	35	42,5-51	46,7
	Ширина нижнего конца	51; 52,3	35	47-56	51,0
Metatarsale	Ширина диафиза	34,5	19	31-39	35,3
	Ширина нижнего конца	52,3	19	50-56	52,4
Phalanx II (задние)	Длина сагиттальная	35,3	32	35-42	39,2
	Ширина верхнего конца	48	32	48-57	52,3
	Ширина диафиза	44	32	38-49	44,3
	Ширина нижнего конца	46,5	32	42,5-54	48,8

бири – 72,5-79,4-86,6 мм (n = 46) / 45,7-50,6-54,9 мм (n = 45), то же для современного лося указанной территории – 73,6-77,8-82 мм / 45,9-49,5-53,7 мм (n = 12). Таким образом, единственный астрагал лося, обнаруженный на памятнике, по размерам превосходил аналогичные кости лосей современной популяции, и находился на уровне самых крупных голоценовых представителей вида на юге Западной Сибири.

Тур (*Bos primigenius* Bojanus, 1827). К этому виду отнесено 6 остатков: M_3 , обломок M_1 или M_2 , фрагмент нижнего отдела лопатки, обломок нижнего конца лучевой кости, дистальный отдел пястной кости, неполная 1-я фаланга. Размеры костей существенно превосходят таковые у домашней коровы, и приближаются к минимальным показателям тура или бизона. Длина / ширина M_3 – 46,3 / 19,3 мм. Те же показатели для голоценового *Bos primigenius* Прибалтики (Паавер, 1965) – 45,7-49,9-56,6 мм / 19,2-20,8-22,4 мм (n = 17), для казанцевского (рисс-вюрмского) *Bison priscus* Верхнего Приобья – 42-46,8-53,7 (n = 55) / 16-19,9-22,5 мм (n = 63). Ширина дистального конца пястной кости – 69 мм. То же для тура и бизона – 66-91 мм (n = 17) и 73,7-87,0-100 мм (n = 57). Наибольшая длина / ширина проксимального конца 1-й фаланги (скорее всего передней) – са 67 / 32 мм; у тура – 66-79,2-89 мм / 30-39,0-48 мм (n = 48) и бизона - 72,5-80,9-91,6 мм / 33,2-42,5-49,5 мм (n = 59). Сохранившиеся остатки по имеющимся морфологическим признакам не могут быть с абсолютной уверенностью отнесены к

роду *Bos* или *Bison*. Среди остатков с поселения Ботай -1 были отмечены кости мелкой формы тура (Ермолова, 1993). Учитывая это обстоятельство, а также исходя из проведённого сравнительного анализа, предпочтение, по-видимому, следует отдать всё же *Bos primigenius*. Тур, распространённый во второй половине позднего плейстоцена на юге Западной Сибири, продолжал обитать здесь и в голоценовое время, но, по-видимому, спорадически, и в очень небольшом числе. Известны единичные находки его остатков в степной и лесостепной зонах на юго-западе Западно-Сибирской равнины [Косинцев, 1988]. Предполагается, что на юге Западной Сибири туры дожили до XVIII столетия. В Зоологическом музее РАН хранится свежий череп крупного тура (№ 16173) из Каменского округа Кулундинской степи, а англичанин Бэлл, путешествуя в Китай, видел диких быков в 1720 году под Кузнецком [Верещагин, 1956].

Сайгак (*Saiga tatarica* L., 1758). К сайгаку относится единственный зуб верхней челюсти (M¹ правый), принадлежавший взрослой особи. Основной ареал сайгака в то время, как и ныне, находился, очевидно, южнее – в северном Казахстане и Предалтайских степях, откуда его небольшие стада могли проникать в окрестности поселения в весенне-летний период.

На поселении Ботай, откуда было получено несколько сот тысяч костных остатков, подавляющее большинство костей (99,9%) принадлежит лошади, встречаются единичные фрагменты костей бизона, лося, косули, мелкой формы тура, медведя, волка, лисицы, корсака, бобра, сурка, зайца и домашней собаки [Ермолова, 1993]. Таким образом, фауна с поселения Новоильинка-III по своему составу, относительноному обилию представленных в ней видов, оказывается весьма близка к фауне поселения Ботай в Северном Казахстане.

Проблемы хронологии периодизации и культурной принадлежности памятника уже рассматривались в научной литературе [Ситников, Грушин, Гельмел, 2006]. Исследователи отмечали научный потенциал и перспективы исследования поселения Новоильинка-III, а также близость материалов полученных керамических коллекций и материалов пос. Киприно и других памятников кипринского типа (там же). Материалы поселения были предварительно датированы первой половиной III тыс. до н.э. и отнесены к эпохе позднего неолита – энеолита (там же).

По костям животных получена радиоуглеродная дата 4270 ± 170 л.т.н. (Le-7534), что позволяет датировать материалы поселения Новоильинка-III второй половиной III тыс. до н.э. Результаты радиоуглеродного датирования и анализ фаунистических коллекций памятника делают актуальным вопрос о пересмотре периодизации и культурной принадлежности материалов пос. Новоильинка-III. Мы считаем, что материалы памятника относятся к эпохе энеолита. Мы согласны с исследователями, которые отмечали близость материалов полученных керамических коллекций и материалов памятников кипринского типа. Вместе с этим следует отметить, что орнаментация керамики поселения Новоильинка-III имеет много общего с

коллекциями пос. Ботай [Зайберт, 1993 стр. 88-91]. Керамические коллекции поселения Новоильинка-III представлены очень фрагментарно и это обстоятельство не позволяет пока однозначно говорить о культурной принадлежности его материалов. В.Ф. Зайберт отмечал, что в постботайское время начинается кризис многоукладной экономики, в результате которого часть ботайского населения откочёвывает в сходные экологические ниши на Урал, Прииртышье и на Алтай сохранив традиционный образ жизни [Зайберт, 1993 с. 156]. Не исключено что материалы исследуемого памятника связаны с проникновением на территорию степного Алтая (Кулунды) ботайского населения во второй половине III тыс. до н.э.

Результаты радиоуглеродного датирования и анализ фаунистических коллекций поселения Новоильинка-III поднимают целый комплекс проблем, требующих дальнейшего углубленного исследования памятников неолита и энеолита Алтая. Научный потенциал и перспективы исследования памятника позволяют надеяться на получение новых высокоинформативных материалов, позволяющих нам продвинуться в решении сложных проблем этнокультурной ситуации на Алтае в эпоху энеолита.

Примечания

Верецагин Н.К. О прежнем распространении некоторых копытных в районе смыкания европейско-казахстанских и центральноазиатских степей. / Зоол. журн., 1956, т. 35, вып. 10, с. 1541 – 1553.

Ермолова Н.М. Остатки млекопитающих из поселения Ботай (по раскопкам 1982 г.) / Проблемы реконструкции хозяйства и технологий по данным археологии. Петропавловск, 1993, с. 87-89.

Зайберт В.Ф. Энеолит Урало-Иртышского междуречья. Петропавловск: Наука, 1993. С. 245.

Косинцев П.А. Голоценовые остатки крупных млекопитающих Западной Сибири. / Современное состояние и история животного мира Западно-Сибирской низменности. Свердловск: УрО АН СССР, 1988, с. 32 – 51.

Кузьмина И.Е. Лошади Ботая. / Проблемы реконструкции хозяйства и технологий по данным археологии. Петропавловск, 1993, с. 178-188.

Кузьмина И.Е. Лошади Северной Евразии от плейстоцена до современности. / Труды Зоол. ин-та РАН, т. 273, СПб, 1997, 224 с.

Паавер К.Л. Формирование териофауны и изменчивость млекопитающих Прибалтики в голоцене. Изд. АН ЭССР, Тарту, 1965, 494 с.

Ситников С.М., Грушин С.П., Гельмелъ Ю.И. Поселение Новоильинка-III – новый памятник неолита в Северной Кулунде // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Барнаул: Азбука, 2006. Вып. XV. С.280-282.

Behrenmeyer A.K. Taphonomic and ecologic information from bone weathering. / Paleobiology 4, 1978, p. 150-162.

Beneke N., A. Von den Driesch. Results of the study on horse bones from Botai (Northern Kazakhstan). / Late Prehistoric Exploitation of the Eurasian steppe. 2003, p. 69-82.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ПРОЦЕССОВ ОРНАМЕНТАЦИИ ПОСУДЫ НА ПОСЕЛЕНИИ НИЖНЯЯ ТУНУСКА I

Культурно-хронологическая атрибуция гребенчато-ямочной керамики переходного периода от неолита к бронзовому веку времени является одним из актуальных вопросов западносибирской археологии. При характеристике отдельных типов (байрыцкого, екатерининского, артынского, александровского, степановского) археологи отмечают высокую степень близости между ними [Петров, 1987; Нижнетарский археологический ..., 2001; Матющенко, Полеводов, 1994]. В связи с этим, в литературе высказываются мнения о рассмотрении ее (на данном этапе) либо в рамках единой культурно-исторической общности, либо как некой эпохальной тенденции («моды») [Панфилов, 1993; Татаурова, 2002].

Сопоставляя локальные варианты гребенчато-ямочной керамики Урала и Западной Сибири, исследователи оперируют разными критериями: способ и техника орнаментации, особенности орнамента, композиции, форма сосудов, состав теста. Представляется, что одним из вариантов решения проблемы может быть изучение различных аспектов керамического производства в комплексе, и выделение на этой основе технологических традиций (моделей), характеризующих устойчивыми производственными стереотипами. Орнамент при этом должен рассматриваться как один из завершающих этапов изготовления посуды.

В рамках настоящей работы предлагается реконструкция процессов орнаментации раннего комплекса керамики пос. Нижняя Тунуска I (Муромцевский район Омской обл.). При визуальном исследовании данного комплекса было выделено 3 группы керамики. Более подробный анализ позволил сформулировать критерии для их разделения – сочетание определенных способов и приемов орнаментации с особенностями орудия, манерой нанесения декора.

1 группа (44,6%). Сосуды полуяйцевидной и сферической формы, сплошь орнаментированы горизонтальными рядами косо поставленного гребенчатого штампа и рядами ямок. Диаметр сосудов в среднем - 22-25 см. Толщина стенок – 0,5-0,6 см. Орнаментальные мотивы просты и однообразны, зона венчика, как правило, композиционно не выделялась. Перед нанесением орнамента поверхность сосуда выравнивалась и тщательно заглаживалась (обработка эластичным материалом). К декорированию мастер приступал в момент, когда поверхность еще не подсохла, в результате

чего оттиски были достаточно глубокими и аккуратными. Орудия, используемые гончарами для орнаментации были достаточно однотипными. 89, 7 % сосудов 1 группы орнаментированы гребенчатым штампом, с тонкой проработкой зубцов, слегка выгнутой или прямой формой рабочего края, длина оттисков чаще всего составляет 0,7-1,4 см. При этом, параметры оттиска (длина, форма) могли меняться даже в рамках одного ряда. Это связано с тем, что орудие находилось под углом относительно поверхности сосуда. Кроме того, мастер не всегда выдерживал изначально заданный наклон оттиска (возможно статичное положение сосуда во время работы). Об этом же свидетельствует то, что ряды гребенки часто не совпадали, могли заходить друг на друга. Реже использовался гладкий штамп тех же параметров. Для нанесения ямок применялись самые разные инструменты (сегментовидные, овальные, ромбовидные и др.). В целом, набор орудий, используемый для декорирования посуды данной группы, достаточно стандартен. Существовал также стереотип в отношении направления движения орудия - в более чем 80 % случаев движения орудием производилось мастером в направлении слева направо. Судя по нескольким целым формам, украшались сосуды, начиная с венчика. Таким образом, процедура нанесения орнамента, реконструируемая для 1 группы керамики раннего комплекса пос. Нижняя Тунуска I, представляется как достаточно устоявшаяся, внешне сосуды выглядят как единая серия.

2 группа (21,6 %). Сосуды в целом сходны с 1 группой по своим формам и размерам, но принципиально отличаются от них по своим орнаментальным мотивам, манере нанесения узоров, характеру и параметрам оттисков. Прежде всего, для данной группы характерна вариативность орнаментальных мотивов. При общей геометризированной стилистике они достаточно разнообразны: рядовые вертикальные зигзаги (36, 1 %), «арки» (19,5 %), разнонаправленные оттиски (длинного) гребенчатого штампа в сочетании с горизонтальными зигзагами, сетки (в основном в области венчика – 68 %), ромбы, «соты». Эти узоры смотрятся очень разреженно, преобладает вертикальная зональность. Использовались гребенчатые штампы (длина края в среднем около 2- 2,5 см, реже 1-1,3 см, примерно такие же, как в 1 группе) с подпрямоугольной формой зубцов. При орнаментации орудие обычно находилось перпендикулярно относительно поверхности, оттиски получались достаточно глубокие и ровные (на нескольких сосудах декорирование производилось в манере, близкой 1 группе – штамп находился под углом). Особенностью выполнения процедуры нанесения орнамента в рамках данной группы является то, что мастера, судя по всему, («скошенность» орнамента, несовпадение зигзагов, неровность вертикальных линий, перекрывание оттисками друг друга и т.д.) не стремились к симметричности и ровности элементов. Возникает ощущение, что сосуды орнаментировались наспех, хотя сами схемы и принципы орнаментальной композиции исполнителям явно были хорошо знакомы. На одном сосуде сохранились следы «чернового» наброска будущего орнамента в виде не-

глубоких прочерченных линий, которых мастер старался придерживаться при нанесении узора уже гребенчатым штампом. В рамках данной группы присутствуют несколько сосудов со следами «текстильной» обработки поверхностей (проката), которая служила своеобразным фоном для геометризированных орнаментов.

3 группа - 37,7 %. Сосуды этой группы по размерам незначительно отличаются от первых двух групп. К ней относится единственный в коллекции фрагмент плоского дна, орнаментированный с обеих сторон «шагающей» гребенкой. Основные мотивы: горизонтальные ряды «шагающей» гребенки (прямые и в наклон) - ок. 50 %, «елочки» и чередование разнонаправленных горизонтальных рядов «шагающей» гребенки (31 %). Зона венчика композиционно, как правило, не выделялась. Несмотря на некоторое однообразие узоров, диктуемое спецификой способа, в их нанесении выявлены некоторые различия: в ширине шага (плотности оттисков), характере его постановки (перпендикулярно или под углом), глубине и четкости оттисков, манере нанесения (например, «шагания» с легким протаскиванием). В работе использовались орнаменты более крупных размеров (длина края от 2,5 до 8 см) и разнообразные по форме рабочего края. В целом, посуда данной группы выглядит менее однородной, чем 1 и 2.

Итак, каждой из выделенных в раннем комплексе групп керамики пос. Нижняя Тунуска I присущ свой колорит (визуальные характеристики), обусловленный сочетанием сразу нескольких признаков (мотивы, способы и приемы нанесения, типы и формы орудий, манера). Фиксируются различия в некоторых других деталях производственного процесса: в составе теста, обработке поверхностей (например, для 2 и 3 группы характерна первичная гребенчатая обработка), а также, возможно, в организационных моментах. Так, например, сосуды 3 группы отличаются тем, что на их поверхности находится множество разнообразных «случайных» оттисков, примятостей (от пальцев рук, травы, песка и т.д.). Вполне возможно это связано с определенной спецификой рабочего места, а также с тем, что в отличие от гончаров 1 и 2 группы (за исключением небольшой группы сосудов с «текстильной» обработкой), они не стремились к ровности и гладкости поверхности. Напротив, их целью было придание ей рифленого характера.

В то же время, можно выделить и некоторые общие для всех групп моменты в технологии нанесения орнамента. Во-первых, ямки, как правило, наносились поверх основного орнамента достаточно разреженно. Формы ямок также совпадают во всех группах, преобладают вытянутые (овальные, сегментовидные и др.), в основном за счет наклона орудия. На одном сосуде 1 группы было зафиксировано нанесение ямок, непосредственно по саям в месте наибольшего расширения (при этом, выше и ниже рядов ямок не было). Можно констатировать, что в данном случае ямки играли не столько декоративную функцию, сколько, выполняли задачу скрепления

спаев (участвует в формовке). Во-вторых, высокая степень внутреннего (в рамках групп) сходства в технологическом плане. Другими словами для всех трех групп характерны определенные технологические (и даже поведенческие) стереотипы при выполнении задач связанных с декорированием посуды. В тоже время, нельзя не отметить, что в рамках каждой группы встречаются (хотя и единично) фрагменты, которые могут свидетельствовать о «смешении» технологических (возможно и орнаментальных) традиций. Это, например: фрагменты, дважды орнаментированных сосудов, т.е. когда первый орнамент (в отдельных случаях не типичный для данной группы) затирался и сверху наносился другой. В 1 и 2 группах были встречены фрагменты, которые с внутренней стороны орнаментировались «шагающей» гребенкой (по параметрам близки 3 группе). В 3 группе были выделены фрагменты венчиков и стенок сосудов (7 экз.), которые первоначально, орнаментировались типичными для данной группы длинными штампами, при этом часть оттисков (нижняя) впоследствии убиралась с помощью лощения. Внешне они как бы имитировали короткие оттиски (1 группа). Встречаются сосуды (3 группа), где «шагание» выполнялось более разреженно, с отрывом после каждого шага инструмента от поверхности, такие фрагменты также (по общему виду) можно соотнести с 1 группой.

Таким образом, в материалах данного комплекса прослеживается как сосуществование нескольких самостоятельных (сложившихся, устойчивых) технологических традиций орнаментации керамики, так и моменты, фиксирующие их «смешение».

Примечания

Матющенко В.И., Полеводов А.В. Комплекс археологических памятников на Татарском увале у деревни Окунево. – Новосибирск: Наука, 1994. – 220 с.

Нижнетарский археологический микрорайон / Большаник П.В., Матющенко В.И., Татауров С.Ф., Татаурова Л.В., Тихонов С.С., Толпекр М.В. – Новосибирск: Наука, 2001. – 256 с.

Панфилов А.Н. Многослойное поселение Серебрянка 1 в Нижнем Приишимье. Итоги полевых исследований. Препринт. – Тюмень: ИПОС СО РАН, 1993. – 79 с.

Петров А.И. Периодизация и хронология памятников екатерининской культуры в Среднем Прииртышье // Источники по истории Западной Сибири. – Омск: ОГУ, 1989. – С. 3-20.

**К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ
ТИПОЛОГО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИКАХ
ЗАЩИТНОГО ВООРУЖЕНИЯ ЭПОХИ РАЗВИТОЙ БРОНЗЫ***

Находки защитных деталей панцирей, выполненных из органических материалов, и, в первую очередь, из кости и рога, сделанные на территории Сибири (Средний Енисей, Среднее Приобье, Тюменская область, Якутия, Барабинская лесостепь) и Дальнего Востока, позволяют ставить вопрос о распространении данного вида защитного вооружения в Северной Евразии уже в бронзовом веке (эпоха развитой бронзы). К сожалению, изрядная доля археологического материала происходит из смешанных комплексов или вообще относится к категории случайных. Это актуализирует проблемы датировки и культурной принадлежности данных предметов, что имеет особые перспективы для ранних этапов человеческой истории (энеолит, эпоха бронзы), когда при всем эпохальном сходстве, транскультурная интеграция предметов вооружения была еще не столь высока, как в последующее время. Именно это обстоятельство заставляет обратиться к типолого-технологическому аспекту анализа панцирных пластин, который может служить бесспорным индикатором при решении вопросов означенного плана. Особое значение при этом приобретают материалы закрытых и наиболее полных комплексов, к каковым, в первую очередь, относятся материалы погребения № 33 могильника Ростовка [Матющенко, Синицына, 1988, с.46, рис.61-66] по причине как наибольшей репрезентативности археологического материала, его уверенной хронологической и культурной атрибуции, так и доступности для детального анализа. Немаловажно и то, что панцирные пластины из данного комплекса принадлежат единому изделию, что позволяет в перспективе не только реконструировать его внешний вид, но и восстановить технологическую цепочку изготовления последнего.

С точки зрения формальной типологии все звенья доспеха представляют собой вытянутые прямоугольные односторонне выпуклые пластины с крепежными отверстиями, равномерно расположенными вдоль продольных сторон. Каких-либо их особых комбинаций вдоль окончаний (коротких сторон) не наблюдается. Данное обстоятельство сближает рассматриваемые находки с защитными элементами наиболее архаичных панцирей из костного сырья, известными по этнографическим сборам у абориген-

*Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 06-01-00-3236а

ного населения Севера Восточной Сибири [Антропова, 1957, рис.25, 24] и Северной Америки [Laufer, 1967, pl. XXXIX]. Оно же и отличает их от внешне близких панцирных пластин, найденных в пещере Тугаринова (имеющих к тому же аналогичные ростовкинским декоративные прорезные линии вдоль лицевой стороны). Пластины ростовкинского панциря в первом приближении по размерам, пропорциям и принципам декора могут быть разделены на 3 группы: длинные прямоугольные узкие (орнаментированные и неорнаментированные), размерами до 41 см длиной и 2,5 шириной; короткие прямоугольные (орнаментированные и неорнаментированные), размерами до 15 – 19 см длиной и 2,5 - 2,7 см шириной; изогнутые (неорнаментированные, варианты: а - равномерно изогнутые, б - ассиметрично изогнутые с одной более выпуклой стороной, в – ассиметрично расширяющиеся к одному из окончаний). Их размеры: до 24-28 см длиной, 2,5 – 4 см шириной. Разумеется, в условиях индивидуального несерийного ручного производства и тех ограничений, которые накладывало на облик конечной продукции сырье, жестких стандартов внутри групп соблюсти не удавалось. И за исключением предметов, относимых нами к первой и второй группам (правильной прямоугольной формы), трудно найти два совершенно одинаковых изделия. Работая с такими предметами, мастер, кажется, предпочел, если так можно выразиться, принцип «сбора панциря по ходу». То есть подгонял последующую заготовку к предыдущей так, чтобы в местах соединения между ними оставался бы минимальный зазор. Впрочем, это относится только к группам изогнутых пластин. Защитные детали первой группы (длинные прямоугольные узкие) отличаются очень высоким качеством изготовления и правильностью форм и точностью размеров, что практически исключало последующую подгонку, за исключением, пожалуй, разметки и сверловки в нужном месте крепежных отверстий под ремни.

Морфологические особенности выделенных групп оказываются в прямой зависимости от особенностей выбора и обработки сырья. С точки зрения его состава все изделия могут быть разделены на два отдела: пластины, выполненные из ветвистого рога парнокопытных, и предметы из бивня мамонта, которые легко отличаются от первых по структуре вещества. Их не так много и факт наличия их в панцирном наборе может косвенно указывать на определенных дефицит сырья. Впрочем, можно допустить и существование особых воззрений, связанных с бивнями вымерших животных, подобных тем, что известны в обско-угорской среде Нижнего Приобья. И все же отмеченное обстоятельство, как представляется, дает больше резона связывать его именно с недостатком сырья. На это косвенно указывает и технологический аспект выделки деталей панциря. По наличным его частям можно говорить о наиболее полной и максимально возможной (в рамках поставленной задачи) утилизации всех подходящих участков рога. Анализ структуры рога, расположения губчатого слоя, его ориентации и формы пластины, сохранившей в общих чертах абрис

исходной заготовки, позволяют говорить о том, что для изготовления основных типов пластин, применялись и стебли рога, и отростки ветви. То есть практически все её участки, размеры которых позволяли получить пластины. Собственно форма последних и зависит от той части рога, с которого бралась заготовка. Длинные прямоугольные пластины первой группы получались из длинной части стебля рогов и, соответственно изогнутые, асимметричные, подпрямоугольные и отчасти подтрапецевидные изделия остальных групп выкраивались из их отростков.

Смысл такого разнообразия форм видится не только в определенной узости сырьевой базы, но и в анатомических особенностях тех участков тела, которые должны были прикрывать доспехи. Если с прямыми пластинами как будто все ясно – они должны были защищать переднюю и боковую часть корпуса, как имело место на якутских, эскимосских и тлинкитских этнографических материалах, то выяснение локализации изогнутых пластин вызывает определенные затруднения. Фактически, такая форма оказывается наиболее подходяща для защиты плечевого пояса – собственно верхней части плеча, области подмышечной впадины. И, наконец, судя по тем же этнографическим материалам, из подобных деталей моделировались оплечья, поножи, наручья [Антропова, 1957, рис.24]. Конкретная реконструкция вероятного покроя ростовкинского панциря предполагает дальнейший технологический анализ его составляющих, взаимную корреляцию отверстий всех имеющихся пластин, попытку реконструкции недостающих частей обломков и определения на основе полученных данных пространственного их взаимоположения. Однако уже сейчас можно уверенно считать, что длинные односторонне выпуклые пластины из рога с рядами отверстий вдоль боковых сторон, являются характерным элементом защитного вооружения эпохи развитой бронзы, а ареал их находок позволяет говорить, скорее всего, о распространении данного типа изделий в направлении с востока на запад и предварительно квалифицировать последний как восточно-сибирский тип защитного вооружения.

Примечания

Антропова В.В. Вопросы военной организации и военного дела у народов Крайнего северо-востока Сибири //Сиб. Этногр. Сб. 2. Нов. Сер. – 1957. – Т.35. – С.7 – 245.

Матющенко В.И., Синицына Г.В. Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1988. – 136 с.

Lauffer B. Chinese Clay Figures. P.I. Prolegomena on History of Defensive Armor // Publication of Field museum of natural history. Anthropological series. – 1967. – Vol. 13. – P.73 – 315.

КРЕМИРОВАННЫЕ ОСТАНКИ В АНДРОНОВСКОМ (ФЕДОРОВСКОМ) ПОГРЕБАЛЬНОМ РИТУАЛЕ

Обряд кремации является характерной чертой погребального ритуала андроновского (федоровского) населения. В западных районах, прежде всего Южном Зауралье, этот способ захоронения является основным, в восточных районах погребения с сожжением, как правило, немногочисленны. Исключение составляют отдельные могильники Западной Сибири (Ур и т.п.). По материалам федоровских погребальных памятников прослеживаются различные способы обращения с кремированными останками. Можно выделить следующие варианты:

Вариант 1. Кремированные останки образуют компактные скопления в центральной или восточной части могильной ямы. В западной обычно находятся сосуды и кости животных (ребра). Имеются также коллективные захоронения с четким разделением костей на отдельные скопления. В некоторых могилах среди кремированных костей обнаружены бронзовые украшения, что свидетельствует об особом отношении к останкам сожженного человека. Наиболее выразительная картина зафиксирована в алакульско-федоровском погребении 2 кургана 3 могильника Кулевчи VI (Южное Зауралье). В этом погребении в восточной части находились два скопления кальцинированных костей, с каждым из которых был связан комплекс украшений. Скопление 1 в юго-восточном углу имело неправильные, вытянутые с юго-запада на северо-восток, очертания (0,95 x 0,35 м). Непосредственно на слое кальцинированных костей располагались детали наконечника: две ленты бронзовых обоев с крупной обоей на одном конце и с листовидными бронзовыми привесками на другом. У северо-восточного окончания этого скопления зафиксированы две низки бронзовых бус. Аналогичные украшения часто встречаются на берцовых костях погребенных по способу труположения. Н.Б.Виноградов, опираясь на гипотезу М.П.Грязнова, интерпретировал эти находки как захоронение праха, помещенного в “куклу”, украшениями которой были наконечник и низки бронзовых бус [Виноградов, 1984]. Предположение об использовании в андроновском ритуале куклы, высказанное в свое время М.П.Грязновым [1970], и сейчас поддерживается многими исследователями [Кирюшин, Папин, Позднякова, Шамшин, 2004].

Однако большая часть погребений по обряду кремации не содержит столь выразительных свидетельств, позволяющих говорить о наличии

куклы. Вместе с тем компактное расположение остатков кремации, распространение коллективных захоронений с четким разделением костей на отдельные скопления дают основание предполагать, что останки могли быть во что-то завернуты. Возможно, это была одежда умершего, что подтверждается находками среди костей разнообразных украшений, обычно нашиваемых на одежду (бус, пронизок, бляшек, подвесок), либо прикрепляемых к головному убору (накосники, височные кольца) [Сотникова, 2003]. Данная интерпретация требует дополнительного обоснования, так как во многих погребениях украшения не обнаружены. Определенную помощь в объяснении этого факта могут оказать этнографические параллели. Например, у казахов традиционная одежда орнаментировалась вышивкой или аппликацией с вышивкой независимо от того, из каких материалов она изготавливалась. А нашивные украшения являлись лишь дополнительным убранством [Шевцова, 2006]. По-видимому, в среде андроновцев-скотоводов основным украшением одежды была аппликация из разноцветных кусочков кожи. Поэтому в большинстве погребений единственным свидетельством использования одежды в ритуале является компактное расположение кремированных костей.

Аналогии данному способу обращения с кремированными останками имеются в культуре хеттов, сложившейся при участии индоевропейского населения. Среди табличек из Богазкёя есть ряд фрагментов, относящихся к описанию ритуала похорон царя или царицы. Согласно описанию, в первый день совершалась кремация тела, на второй день женщины собирали кости. “Кончив собирать кости, они заворачивают их вместе с льняной тканью в “красивую одежду” и кладут их на стул; а если это женщина, они кладут их на скамеечку... Перед стулом, на котором лежат кости, они ставят стол и угощают горячими хлебами... И всех, кто пришел собирать кости, они потчуют едой... [Затем] они берут кости... и приносят их в его “Каменный дом”” [Герни, 1987].

Вариант 2. Кремированные останки образуют антропоморфную выкладку. В федоровском могильнике Уйтас-Айдос (Центральный Казахстан) в двух каменных ящиках (огр.2, м. 4, 5) зафиксированы антропоморфные выкладки из кремированных костей, которые сопровождалась сосудами [Усманова, Варфоломеев, 1998]. Во многом сходный вариант обращения с кремированными останками умершего практиковался ведийскими ариями. Как следует из комментария к “Погребальному гимну”, содержащемуся в “Атхарваведе” (XVIII, 4. 16-28), кости, оставшиеся после кремации, складывали в виде человеческой фигуры. Затем, ориентируясь по сторонам света, ставили вокруг этой фигуры блюда с ритуальной пищей и сопровождали обряд произнесением соответствующих ритуальных формул [Атхарваведа, 1995].

Вариант 3. Кремированные останки помещены в сосуд. Подобный способ обращения с кремированными останками встречается на территории Центрального Казахстана. В ограде 3 могильника Шет I в

одном из погребений кремированные кости были помещены в сосуд. В ограде 10 могильника Сангру II в грунтовой яме найдена нижняя часть сосуда, заполненная кальцинированными костями [Кадырбаев, Курманкулов, 1992]. В могильнике Уйтас-Айдос (м. 4, огр. 2) в юго-западном углу погребальной камеры стоял сосуд, наполовину заполненный утрамбованными кремированными костями, а вдоль южной стенки располагалась антропоморфная выкладка из обожженных костей [Усманова, Варфоломеев, 1998]. В могильнике Бурлук I (Северный Казахстан) в ограде 9 под камнями в ямке найден развал сосуда с пережженными костями [Зданович, 1988]. На территории Западной Сибири в могильнике Старый Тартас-4 в погребении, расположенном во рву кургана 19, обнаружен сосуд, содержащий жженые кости [Молодин, Новиков, Жеремкин, 2002].

Возможно, помещение кремированных останков в сосуд также являлось средством антропорфизации. В связи с этим обращает на себя внимание наблюдение М.П.Грязнова, который сравнивал орнаментацию посуды эпохи бронзы, в том числе и андроновской, с орнаментацией кожаной и меховой одежды некоторых коренных народов Южной Сибири и Казахстана. Он указывал на возможность перенесения орнамента с одежды на посуду [Кирюшин, 1995].

Вариант 4. Кремированные останки помещены в деревянную обкладку. В могильнике Юрман I (Западная Сибирь) захоронения по способу трупосожжения были обнаружены в курганах 1 (2 погребения) и 3. Трупосожжения представляли собой овальные в плане скопления, размером 0,5 x 0,3 м, очевидно, первоначально помещенные в специальные деревянные обкладки, от которых на дне камер сохранились деревянные плашки, ограничивающие место, куда были положены кремированные останки [Савинов, Бобров, 1995].

Вариант 5. Кремированные останки рассыпаны по всему дну могильной ямы. Встречается достаточно редко, в основном в южных районах распространения андроновского населения. А.Г.Максимова отмечает, что в могильнике Тау-Тары кремированные кости иногда рассыпались почти по всей западной части могильной ямы [1962]. В могильнике Таш-Башат II остатки трупосожжения также были разбросаны по всей площади погребальных камер. П.Н.Кожемяко считает это одной из отличительных черт данного памятника [1960].

Вероятно, андроновский ритуал предусматривал антропоморфизацию кремированных останков, помещаемых в могилу. Антропоморфизация могла осуществляться различными способами: антропоморфной выкладкой, помещением кремированных останков в погребальную куклу, одежду умершего, сосуд. Менее распространены были другие способы обращения с остатками кремации.

Примечания

- Атхарваведа.** Избранное. - М.: "Восточная литература" РАН, 1995. - 406 с.
- Герни О.М.** Хетты. - М.: Наука, 1987. - 235 с.
- Грязнов М.П.** Пастушеские племена Средней Азии в эпоху развитой и поздней бронзы // КСИА. - 1970. - Вып. 122. - С. 35-38.
- Виноградов Н.Б.** Кулевчи-VI – новый алакульский могильник в лесостепях Южного Зауралья // СА. - 1984. - № 3. - С. 136-153.
- Зданович Г.Б.** Бронзовый век урало-казахстанских степей. – Свердловск: УрГУ, 1988. – 184 с.
- Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.** Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки (по материалам Северной Бетбак-Далы). -Алма-Ата: "Тылым", 1992. – 247 с.
- Кирюшин Ю.Ф.** Особенности погребального обряда и погребальной посуды андроновской культуры // "Моя избранница наука, наука без которой мне не жить...". - Барнаул, 1995. – С. 58-75.
- Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Позднякова О.А., Шамшин А.Б.** Погребальный обряд древнего населения Кулундинской степи в эпоху бронзы // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. - Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. - С. 62-85.
- Кожемяко П.Н.** Погребения эпохи бронзы в Киргизии // Изв. АН КиргССР. Сер. общ. наук. – 1960. – Т. 2. – Вып. 3. – С. 81-107.
- Максимова А.Г.** Могильник эпохи бронзы в урочище Тау-Тары // Тр. ИИАЭ АН КазССР. - 1962. - Т. 14. - С. 37-56.
- Молодин В.И., Новиков А.В., Жемерикин Р.В.** Могильник Старый Тартас-4 (новые материалы по андроновской историко-культурной общности) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 3 (11). – С. 48-62.
- Савинов Д.Г., Бобров В.В.** Курганы андроновской культуры могильника Юрман I в Западной Сибири // Археологические вести. – 1995. - № 4. – С. 83-90.
- Сотникова С.В.** Андроновский (федоровский) обряд кремации: к реконструкции ритуала // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. - Кн. 1. - С. 178-184.
- Усманова Э.Р., Варфоломеев В.В.** Уйтас-Айдос – могильник эпохи бронзы // Вопросы археологии Казахстана. - Алматы; М.: "Тылым", 1998. - С. 46-60.
- Шевцова А.А.** Казахский традиционный свадебный костюм (XIX-начало XX века) // Среднеазиатский этнографический сборник. - М.: Наука, 2006. - Вып. V. - С. 33-46.

ЗАЩИТНЫЙ ДОСПЕХ ИЗ ОРГАНИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ У АБОРИГЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОЙ АЗИИ И СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ*

Согласно историко-этнографическим описаниям XVII – начала XX вв., защитный доспех из различных органических материалов широко использовался аборигенным населением Северной Азии (Сибири, Дальнего Востока, Крайнего Северо-востока) и Северной Америки.

Анализ библиографии показывает, что, во-первых, в подавляющем большинстве работ данный элемент материальной культуры рассматривается исключительно как атрибут военного дела, а, во-вторых, на сегодняшний день практически нет работ, содержащих сравнительный анализ доспехов из органики по Евразии, Америке и Пасифике.

С конца XIX в. в археологической литературе Сибири встречаются единичные публикации [Флоринский, 1896, с.185, рис. 33], затрагивающие вопросы защитного вооружения из органических материалов. Однако, в этот же период достаточно презентабельные археологические комплексы, включающие в свой состав такой инвентарь, длительное время не издаются. Широкую известность эти комплексы приобретают только к середине следующего XX столетия [Окладников, 1955, с. 253, рис. 120]. Интенсивное развитие сибирской археологии во второй половине прошлого столетия позволяет существенно расширить источниковую базу древних предметов связанных с органическим защитным вооружением.

Всю литературу, изданную по этой проблематике в Сибири и на Дальнем Востоке следует разделить на несколько направлений. Одно из них – публикации единичных фрагментов роговых или костяных панцирных пластин в составе предметного контекста определенных археологических памятников [Бродянский, 1996; Грязнов, 1956; Деревянко, 1981, 1987; Диков, 1977; Кирьяк, 2005; Окладников, 1955; Матющенко, Синицина, 1988; Молодин, 1985]. Другой круг литературы посвящен попыткам реконструкции внешнего вида древнего защитного снаряжения из органики на основании его отдельных фрагментов (панцирных пластин) [Алексеев, Жирков, Степанов..., 2006; Деревянко, 1973; Генинг, 1993; Матвеева, Потемкина, Соловьев, 2004; Соловьев, 2003].

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, гранты № 06-01-00326а и № 06-01-00522а

Этнографических свидетельств существования защитного снаряжения из органических материалов у народов Сибири и Дальнего Востока сохранилось значительно меньше. Как правило, это свидетельства с незначительным количеством иллюстративных материалов, о существовании органического защитного вооружения у народов Западной Сибири (селькупов) [Пелих, 1981] и Дальнего Востока и Монголии.

Наиболее полно описаны варианты защитного доспеха у народов Крайнего Северо-востока – чукчей, коряков, а также их соседей – эскимосов, и ительменов [Антропова, 1957; Арутюнов, 1975; Вдовин, 1973; Нефедкин, 2003].

Какова ситуация на североамериканском континенте? Согласно археологическим данным наиболее ранние свидетельства защитного доспеха (костяные пластины) известны для культуры пунук (Punuk culture) (вторая половина I тыс.н.э.), памятники которой исследованы на островах Св. Лаврентия и Пунук в северной части Берингова моря.

В подавляющем большинстве русскоязычных публикаций о защитных доспехах североамериканских аборигенов акцент делается на арктических эскимосах и воинственных индейцах-тлинкитах, обитавших на Северо-Западном побережье [Гринев, 1991; Зорин, 2002; Ратнер-Штернберг, 1930]. Для первых характерно использование т.н. «телескопического» доспеха их полос или пластин кожи, а для вторых – нагрудных панцирей из деревянных или костяных пластин.

В то же время защитное снаряжение из органических материалов использовалось гораздо шире - практически всеми племенами, населявшими районы тихоокеанского побережья от Аляски до Калифорнии – томпсон, хайда, квакиутль, чинук, карок и др. [Crossroads of Continents..., 1988; Emmons, 1991; Kendall, 1997; Lowrey, 1999; Moss, Erlandson, 1992; Oakes, Reiwe, 1998; VanStone, 1983].

Другой, не менее насыщенный этнографическими данными, ареал распространения доспеха из органических материалов – Северо-Восток (район Великих Озер), где европейцами у племен ирокезов и гуронов описаны нагрудники, шлемы и защитные накладки на голени и предплечья из дерева, тростника, травы и т.п. [The Native Americans..., 1991; Tooker, 1964].

Американские материалы важны тем, что на их внешний вид, в отличие от североазиатских образцов, не повлияло последующее употребление металла.

Интересные аналогии защитному доспеху прослеживаются у айнов. Судя по описаниям и редким фото, а также нескольким сохранившимся музейным экспонатам, айнский воин носил «костюм», сплетенный из широких полос кожи тюленя или нерпы (или травы), который полностью защищал его тело.

Еще более заманчива перспектива - проследить южные (тихоокеанские) параллели – защитные и ритуальные одежды из шкур быка, кожи змеи, бамбука, тростника, кости, а также раковин встречаются у народов тихоокеанского бассейна от Филиппин до Новой Зеландии.

Таким образом, изучение защитного доспеха из органических материалов в полной мере соответствует статусу самостоятельного направления.

При этом традиционно рассматриваемая в отечественных публикациях сторона (военная), оказывается далеко не единственной. В целом все аспекты этого направления можно сгруппировать следующим образом:

- военный аспект – время, причины и условия появления доспехов, анализ защитных свойств доспехов, эффективность их применения в различных видах ближнего и дальнего боя, и т.д.;

- технологический аспект – изучение техник подготовки и обработки исходных материалов (кости, рога, дерева, тростника, кожи, волокон), процесс изготовления различных видов доспеха и т.д.; В целом для достоверности реконструкций предметов защитного органического вооружения требуется несколько уровней проработки гипотез конструкции их внешнего вида и, безусловно, натурное моделирование [Бородовский, 2007].

- ритуальный аспект – демонстрационная функция доспеха, символика материала доспехов и его украшений, мифология доспеха, использование доспехов в танцах, церемониях, и в погребальной практике, «шаманский» доспех;

- социальный аспект – доспех как продукт специфической (элитной) технологии, элемент социального престижа, предмет межрегиональной торговли (обмена).

Примечания

Алексеев А.Н., Жирков Э.К., Степанов А.Д., Шараборин А.К., Алексеева Л.Л. Погребение Ымыяхтахского воина в местности Кёрдюген // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2006. - №2(26). – С.45-52.

Антропова В.В. Вопросы военной организации и военного дела у народов крайнего севера северо-востока Сибири // Сибирский этнографический сборник. - Вып. 2. - М.-Л., 1957, - С. 213-216.

Арутюнов С.А. Сергеев Д.А. Проблемы этнической истории Берингоморья. М.: «Наука», 1975.- 205 с.

Бородовский А.П. Древний резной рог Южной Сибири. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007.-176 с.

Бродянский Д.Л. Оружие дальневосточного палеометалла // Освоение Северной Пасифики. – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1996. – С.77-99.

Вдовин И.С. Очерки этнической истории коряков Л., 1973. - 302 с.

Генинг В.Ф. Большие курганы лесостепного Притобья (IV-II вв.. до н.э.) // Кочевники урало-казахстанских степей. Екатеринбург, 1993 – С. 72 – 100.

Гринев А. В. Индейцы тлинкиты в период Русской Америки (1741—1867). - Новосибирск «Наука», 1991. – 320 с.

Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. М: «Наука», 1980.- 256 с.

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // МИА № 48 – М.,Л.: Из-во АН СССР, 1956. – 170 с.

Деревянко А.П. Ранний железный век Приамурья. – Новосибирск: Наука, 1973. – 354 с.

Деревянко Е.И. Племена Приамурья: I тысячелетие нашей эры //Очерки этнической истории и культуры. Новосибирск: «Наука», 1981. – С. 145-149.

Дервянко Е.И. Очерки военного дела племен Приамурья. Новосибирск: «Наука», 1987.- 190 с.

Диков Н.И. Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы: Азия на стыке с Америкой в древности. М: «Наука», 1977.- 386 с.

Зорин А.В. Индейская война в Русской Америке. Русско-глинчатское военное противоборство. - Курск: Курский госмедуниверситет, 2002. – 424 с.

Лужин С.Ю., Тишкин А.А. Курганный могильник Казенная Заимка-1 // Вопросы археологии и истории Южной Сибири. Барнаул, 1999. – С. 149 –т 160.

Кирьяк М.А. (Дикова) Каменный век Чукотки Магадан: «Кордис», 2005. – 254 с.

Матвеева Н.П., Потемкина Т.М., Соловьев А.И. Некоторые проблемы реконструкции защитного вооружения носителей саргатской культуры (по материалам могильника Язев-3) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 4(20). – С. 85-99.

Матющенко В.И., Синицына Г.В. Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. Томск: Изд-во Томского гос. У-та, 1988. – 134 с.

Молодин В. И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск, 1985. – 200 с.

Нефёдкин А.К. Военное дело чукчей. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. – 352 с.

Ратнер-Штернберг С. А. Музейные материалы по тлингитам. Очерк III. Предметы вооружения и военные обычаи и обряды // Сб. МАЭ. - Т. IX. - Л., 1930. - С. 167-186.

Савельев Н.А., Худяков Ю.С. Погребение гуннского времени на р. Канн // Археология и этнография Южной Сибири. Барнаул, 1984, - С. 72 – 73.

Соловьев А.И. Оружие и доспехи. Новосибирск: Изд-во «Инфолио-пресс», 2003. – 223 с.

Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: «Наука», 1979. – 180 с.

Флоринский В.М. Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни. Опыт славянской археологии. Ч. II, Вып. 1., Томск, 1896. – 200 с.

Crossroads of Continents. Cultures of Siberia and Alaska. – Washington: Smithsonian Institution Press, 1988. – 360 p.

Emmons G. The Tlingit Indians. - Seattle: University of Washington Press, 1991. – 530 p.

Kendall L. et al. Drawing Shadows to Stone. The Photography of the Jesup North Pacific Expedition, 1897-1902. – New York: American Museum of Natural History&University of Washington Press, 1997. – 112 p.

Lowrey N.S. An Ethnoarchaeological Inquiry into the Functional Relationship between Projectile Point and Armor Technologies of the Northwest Coast // North American Archaeologist. – 1999. – Vol.20. - P.47-73.

Moss M., Erlandson J. Forts, Refuge Rocks, and Defensive Sites: The Antiquity of Warfare Along the North Pacific Coast of North America // Arctic Anthropology. – 1992. – Vol.29. – P.73-90.

Oakes J., Riewe R. Spirit of Siberia. Traditional Native Life, Clothing, and Footwear. – Washington: Smithsonian Institution Press, 1998. – 215 p.

The Native Americans. The Indigenous People of North America. – New York: Salamander Books Ltd., 1991.

Tooker E. The Ethnography of the Huron Indians, 1615-1649 // Bureau of American Ethnology– 1964. - Bulletin 190.

VanStone J.W. Protective Hide Body Armor of the Historic Chukchi and Siberian Eskimos // Etudes. Inuit. Studies. – 1983. – V.7. – P.3-24.

ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ В ЗАПАДНОЙ МОНГОЛИИ И НА АЛТАЕ

В 2007 г. сотрудники Барнаульской лаборатории археологии и этнографии Южной Сибири ИАиЭт СО РАН и Алтайского госуниверситета работали в составе нескольких экспедиций (в Западной Монголии, в предгорьях и горах Алтая). Исследования осуществлялись при финансовой поддержке РГНФ–МинОКН Монголии (проекты №07–01–92074е/G, №06–01–91809а/G) и РФФИ (№07–06–00341). В данной публикации кратко будут представлены полученные результаты.

В Монголии основные исследования были проведены совместной российско-монгольской экспедицией в урочище Улаан худаг в 10 км к юго-западу от г. Ховда [Тишкин, Эрдэнэбаатар, 2007]. Дополнительное обследование ранее выявленного там археологического комплекса [Тишкин, 2006] позволило обозначить два памятника. Один из них расположен на террасе, а другой – в пойме р. Буянт. Первый получил обозначение Улаан худаг-I. Именно на нем проведены археологические раскопки. На снятом плане памятника зафиксировано более 30 крупных сооружений, рядом с которыми и отдельно находились многочисленные выкладки. В центре комплекса располагался херексур. Объект представлял собой ограду из камней диаметром 36 м. Внутри нее выделялась насыпь диаметром около 10 м и высотой 1,3 м от современной поверхности. От этого сооружения к ограде отходили четыре «луча». К востоку от этого херексура обнаружен лежавший и частично засыпанный «оленный» камень. К западу от кургана дугой с юга на север располагаются 17 поминальников. Еще три таких сооружения находятся внутри дуги на одной линии. Все эти выкладки имели диаметр от 1 до 2,5 м и высоту около 0,1 м. Остальные объекты памятника представляли собой типичные для Монголии сооружения эпохи бронзы и раннескифского времени. Среди них особый интерес представляли выделяющиеся на поверхности большие каменные ящики, предположительно датированные эпохой ранней бронзы [Тишкин и др., 2006]. На одном (курган №1) были начаты работы. Оказалось, что основная часть комплекса занесена песком и гравием. После зачистки он представлял собой крупную насыпь. В центре находился прямоугольный каменный ящик, перекрытие которого из мощных плит отброшено в стороны. К этой конструкции пристроена прямоугольная однослойная выкладка, имеющая свои особенности. Работы на данном объекте будут продолжены в следующем году. Нужно отметить,

что подобный комплекс, но меньших размеров обнаружен неподалеку на памятнике Улаан худаг-II.

Рядом с курганом №1, в 2,5 м к юго-востоку, раскопана однослойная выкладка из крупных валунов диаметром около 3 м. Под ней оказался материк. Исследованная одиночная оградка №3 (рис. 1.-2) находилась в 75 м к северо-западу от первого объекта. Две другие располагались рядом друг с другом. Около оградки №4 почти с восточной стороны *in situ* зафиксирована часть небольшого изваяния (отсутствовала голова). На одной из плоскостей хорошо просматриваются руки в традиционной для тюркской скульптуры манере. Оградки №6 и 7 маркируют западную границу памятника, которая проходит по логу. Они расположены рядом друг с другом на одной линии. Следующие две исследованные оградки (№8 и 9) обнаружены в северо-западной части памятника, который занимает площадку длиной 1000 м и шириной более 300 м. С этими объектами связаны лежавшие стелы. Их бывшие основания зафиксированы в центре смежных подквадратных выкладок, заполненных грунтом и камнями. Во всех исследованных на памятнике оградках инвентарь отсутствовал. После завершения необходимых археологических исследований и фиксации была осуществлена музеефикация. Оградкам был предан первоначальный вид [Тишкин, Эрдэнэбаатар, 2007].

Кроме раскопок в долине р. Буянт зафиксирован ряд новых памятников. Один из них обозначен как Бугатын узуур (в переводе с монг. яз. – «Олений мыс»). В центре комплекса располагаются четыре рядом стоящие тюркские оградки (их географические координаты: N – 47° 58.683'; E – 091° 34.047'). Другой памятник находится рядом с памятником Улаан худаг-I и имеет такие координаты: N – 47° 55.837'; E – 091° 29.535'. Автором продолжено обследование памятника Баян булаг [Тишкин и др., 2006], огромные херексуры и другие объекты которого зафиксированы космической съемкой. Особое внимание привлекли «оленные» камни. В верхней части одного из них выбиты характерные для раннескифского времени изображения (рис. 1.-1).

Юго-Западная археологическая экспедиция Алтайского университета совместно с отрядом Государственного Эрмитажа проводила исследования на памятнике Бугры у одноименного села в Рубцовском районе Алтайского края. Раскопки были начаты на двух объектах №1 и 4 [Тишкин, 2006, с. 291]. Перед вскрытием курганов осуществлялись геофизические изыскания, в которых приняли участие сотрудники нескольких учреждений [Тишкин и др., 2007]. В кургане №4 удалось снять часть насыпи юго-восточного сектора. Все земляные работы осуществлялись вручную. На исследованном участке выявлены две могилы №3 и 4. Погребения в них оказались сильно разграбленными. Найденный предметный комплекс в основном связан с украшениями одежды (рис. 2). В могиле №4 удалось зафиксировать оставшиеся части погребальной камеры, которая представляла собой каменную выкладку с деревянным перекрытием. Между

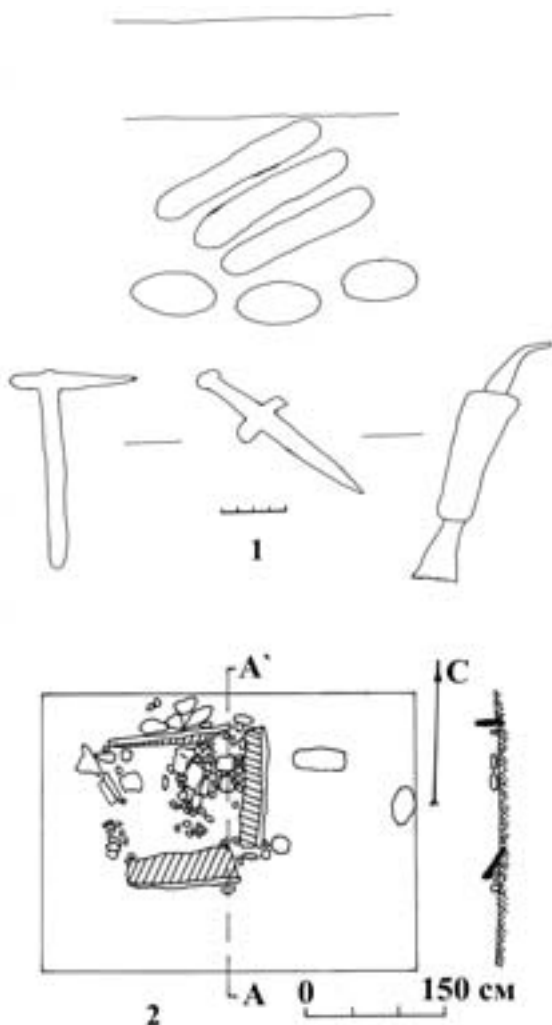

Рис. 1. Схема изображений на «оленном» камне памятника Баян булаг (1).
Разрушенная тюркская ограда №3 на комплексе Улаан худаг-I (2)

раскопанными могилами обнаружен дромос, сооруженный в материке. Он вел в центральное захоронение (могила №1). Именно при исследовании дромоса была обнаружена мумифицированная часть умершего человека. Кожа сохранилась полностью на правой руке, на части грудной клетки, на плечах и спине, а также на левой руке, у которой отсутствовала кисть. Найдены части одежды, которую грабители, по-видимому, бросили, сняв драгоценности. Костюм был украшен бронзовыми и золотыми бляхами-нашивками, расшит золотыми нитями (рис. 2). Среди обнаруженных в

кургане №4 предметов следует отметить деревянную бляху с зооморфным изображением, серьгу, обломок железного изделия, инкрустированного золотом, фрагменты лакового покрытия и др. Все обнаруженные находки переданы на хранение в Государственный Эрмитаж.

Яломанская археологическая экспедиция на протяжении нескольких лет осуществляет планомерное обследование участка от с. Купчегень до с. Иня в Онгудайском районе Республики Алтай. В прошедшем полевом сезоне проведена тахеометрическая съемка пяти ранее зафиксированных комплексов в урочище Кур-Кечу. На памятнике Яломан-II продолжены раскопки [Тишкин, Горбунов, 2003]. Основной задачей являлось исследование ранней группы объектов, отнесенных к усть-эдиганскому этапу булан-кобинской культуры. Для этого был разбит участок площадью 108 кв. м, на котором обозначились надмогильные сооружения, представлявшие, по-видимому, связанный друг с другом комплекс. В центре находился самый крупный на некрополе ранней группы курган №43. Географические координаты его центра следующие: N – 50° 31.524'; E – 086° 33.350'. Высота над уровнем моря 805 м. С двух диаметрально противоположных сторон к объекту №43 пристроены два других кургана (№42 и 44). Надмогильная конструкция была сделана из материкового грунта в виде холмика, обложенного камнями в 1–2 слоя. Хорошо выделялось овальное кольцо (5х4 м) из крупных камней. С юго-восточной стороны стоял вертикально вкопанный камень. Рядом с ним зафиксирован прокол. В могильной яме на перекрытии каменного ящика находился скелет лошади. Рядом с черепом обнаружены железные удила с псалиями. В ящике умерший был уложен на правый бок со слегка подогнутыми ногами, головой на ЮВ. На черепе зафиксированы золотые бляхи-нашивки двух типов, украшавшие головной убор, и золотая серьга (рис. 2.-1). В районе пояса отмечены остатки кожаного ремня, покрытого лаком красного цвета. Сохранилась деревянная пряжка, которая крепилась к ремню с помощью железного шпенька. Сверху располагалась золотая обрезанная бляха-накладка. Другое целое и идентичное изделие из золота с изображением рогатого «дракона» с усами и глазами из камней черного цвета (рис. 2.-1) зафиксировано между костями правой руки и ребрами. У бедренной кости правой ноги обнаружен железный кинжал в ножнах. Слева от погребенного находились остатки сложносоставного лука и колчана. Обнаружены фрагменты костяных и железных наконечников стрел, железная пряжка и часть ложечковидной подвески. Крупные фрагменты некогда целой лаковой чашечки лежали в восточном углу ящика. У правой руки отмечены кости овцы.

К ЮЮЗ от кургана №43 находился объект №44, к ВЮВ от которого стоял вертикально вкопанный камень. Еще один камень зафиксирован в 2,75 м к В от предыдущего. При выборке заполнения могильной ямы обнаружился скелет лошади. Над животным выявлен мощный прокол. Отдельные угли и их скопления встречались и в других местах. Лошадь лежала на дне могилы на правом боку с подогнутыми ногами. Голова была

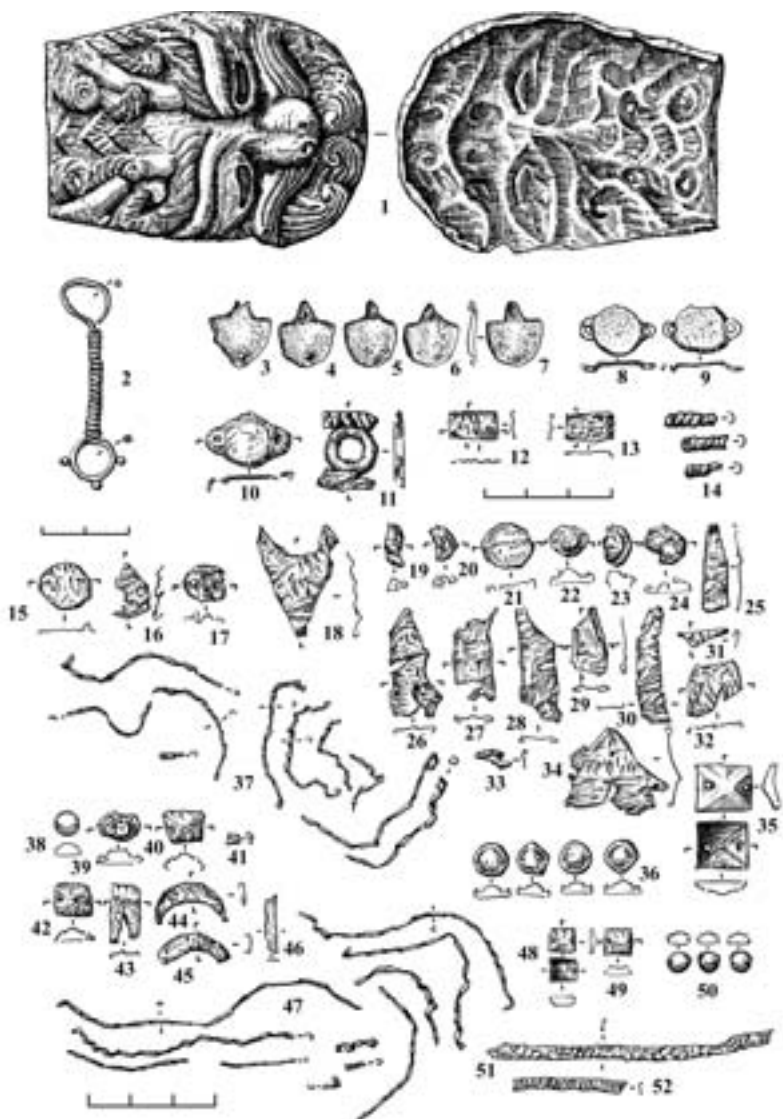

Рис. 2. Находки из погребения №43 могильника Яломан-II
и из кургана №4 памятника Бугры. 3–7, 14 – бронза; 10–11 – золото, бронза;
1–2, 8–9, 12–13, 15–52 – золото

завернута в сторону туловища. Рядом с черепом обнаружены кости овцы, а у тазовых костей – железные удила. В юго-восточном углу ямы стоял маленький ящик, сделанный из четырех камней, без перекрытия, ориентированный по линии ЮВ–СЗ. Внутри рассматриваемого сооружения ничего

не обнаружено. Лишь при выборке его заполнения попадались отдельные следы сильно истлевшей органики.

К востоку от кургана №42 также зафиксирован вертикально вкопанный камень. В могильной яме обнаружены камни, которые перекрывали находившийся ниже каменный ящик прямоугольной формы высотой около 0,35 м. Внешние его размеры были 0,65х0,5 м, а внутренние – 0,45х0,3 м. В этой погребальной камере ничего не оказалось. Лишь в отдельных местах фиксировались следы разложившейся органики.

Исследовался еще один курган №20. Судя по погребальному обряду и обнаруженному комплексу вещей, курган относится к поздней группе объектов, датируемых 2-й половиной IV – первой половиной V вв. н.э.

После окончания работ раскопы не только были рекультивированы. Все «балбалы» были поставлены на свои места. Конструкции каменных ящиков и насыпей восстановлены и засыпаны. Исследованным курганам был придан первоначальный внешний вид.

В заключение необходимо отметить, что во всех экспедициях осуществлялся отбор проб и образцов для различных анализов.

Примечания

Тишкин А.А. Археологические обследования на Алтае и в Монголии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. – Т. XI, ч. I. – С. 489–492.

Тишкин А.А., Нямдорж Б., Дашковский П.К., Нямсурен М., Мунхбаяр Ч. Археологические изыскания в Ховдском аймаке (предварительное сообщение) // Эколого-географические, археологические и социоэтнографические исследования в Южной Сибири и Западной Монголии. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. – С. 107–114.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Исследования погребально-поминальных памятников кочевников в Центральном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. – Т. IX, ч. I. – С. 488–493.

Тишкин А.А., Чугунов К.В., Чемякина М.А., Дядьков П.Г., Манштейн А.К., Позднякова О.А., Миненко М.И., Адайкин А.А. Геофизические исследования на памятнике Бутры в предгорьях Алтая // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. – С. 215–220.

Тишкин А.А., Эрдэнэбаатар Д. Первые результаты Буянтской археологической экспедиции // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. – С. 165–168.

РАСКОПКИ МОГИЛЬНИКА УЛУГ-ЧОЛТУХ В 2007 ГОДУ*

Актуальной задачей для археологических исследований на территории Горного Алтая является изучение памятников «предтюркского» времени. В 1960-х гг. А.А. Гаврилова отнесла одно впускное захоронение в насыпи кургана на памятнике Пазырык к одинцовскому этапу верхнеобской культуры, а погребения с конем на памятниках Берель и Катанда к берельскому типу могил [Гаврилова, 1965. С. 52, 54]. С.С. Сорокиным было раскопано несколько захоронений «эпохи переселения народов» на могильнике Балыктыюль в Восточной Алтае [Сорокин, 1977. С. 65]. В 1980-х гг. раскопки археологических памятников «предтюркского» времени были проведены на памятниках Кок-Паш и Коо I на р. Чулышман [Бобров, Васютин, Васютин, 2003]. А.С. Суразаков выделил «айрыдашский» этап и включил его в кудыргинскую культуру. [Суразаков, 1992. С. 96]. А.А. Тишкин и В.В. Горбунов отнесли археологические памятники первой половины I тыс. н. э. к булан-кобинской культуре [Тишкин, Горбунов, 2005. С. 137].

Среди памятников, относящихся к «предтюркской» эпохе на территории Среднекатунского археологического микрорайона, определенный интерес представляет могильник Улуг-Чолтух. Он расположен на увале, на правом берегу р. Эдиган, к северу от дороги Чемал-Эдиган, в 0,8 км от с. Эдиган, в Чемальском районе Республики Алтай. Этот памятник был обнаружен автором в 1998 г. В 2001-2005 гг. на памятнике было раскопано 33 могилы [Худяков, 2002а. С. 472-478; Худяков, 2003. С. 504-509; Худяков, 2005. С. 480 - 484]. В 2007 г. было раскопано еще 7 могил. Среди них есть захоронения, отличающиеся особенностями погребальной обрядности.

Объект № 35. Пологая, интенсивно задернованная, неправильной формы насыпь, сложенная из скальных обломков. Площадь насыпи – 3 x 1,6 м, высота – 0,1 м. Насыпь ориентирована длинной осью по линии З-В. После снятия дерна и зачистки выявлены очертания насыпи подпрямоугольной формы. При зачистке насыпи в северном секторе обнаружено два фрагмента лепной керамики. После зачистки бровки выявлена конструкция сооружения, сложенного из крупных и мелких камней в 2-3 слоя. После снятия бровки выявлено перекрытие могильной ямы из крупных камней. При разборке заполнения могильной ямы был найден фрагмент лепной керамики

коричневого цвета. После зачистки на дне могильной ямы, на глубине – 0,8 м, было обнаружено погребение. Вдоль стен ямы были вертикально установлены камни, образующие несомкнутый каменный ящик. На дне могилы находился скелет взрослого человека, вероятно, женщины. Скелет лежал на спине, в вытянутом положении, кисти рук на тазовых костях, ноги сдвинуты ступнями вместе. Он ориентирован головой на запад. Часть костей скелета сильно истлела. У черепа погребенной с правой стороны был установлен лепной керамический сосуд черного цвета.

Объект № 36. Пологая, интенсивно задернованная, овальная насыпь, сложенная из скальных обломков, с пологой западиной в центре. Площадь насыпи – 4 х 3 м, высота – 0,1 м. Насыпь ориентирована длинной осью по линии 3–В. После снятия дерна и зачистки выявлены очертания насыпи подпрямоугольной формы. В юго-восточной с северо-западной частях насыпи, среди камней, были найдены отдельные фрагменты керамики. После зачистки бровки выявлена конструкция сооружения, сложенного из крупных и мелких камней в 2-3 слоя. После снятия бровки выявлено перекрытие могильной ямы из крупных и мелких камней. После выборки заполнения могильной ямы и зачистки на дне могилы, на глубине – 0,9 м обнаружено погребение. Вдоль стен могильной ямы были установлены вертикально каменные плиты, образующие несомкнутый каменный ящик. На дне могилы находился скелет взрослого человека, судя по инвентарю, мужчины. Погребенный был уложен на спине, в вытянутом положении. Руки согнуты в локтевых суставах и сложены кистями на костях таза. Погребенный был ориентирован головой на северо-восток-восток. У черепа, рядом с нижней челюстью была обнаружена каменная просверленная шаровидная подвеска, по обе стороны от которой находились бронзовые пронизки. С левой стороны черепа у нижней челюсти лежал костяной наконечник стрелы. На костях правой руки и у левой бедренной кости погребенного лежали сильно истлевшие костяные накладки лука. На правой подвздошной и правой бедренной костях находились железные черешковые трехлопастные наконечники стрел и обломки костяных шариков – свистунков. На тазовых костях погребенного были обнаружены железные накладки пояса. В области левой ступни погребенного найдена железная накладка от ремешка, которым завязывалась обувь. Часть костей скелета сильно истлела.

Объект № 36а. Обнаружен под насыпью объекта № 36, в восточной части насыпи, под бровкой, на глубине – 0,3 м от нивелировочной отметки. Могильная яма подпрямоугольной формы, площадью – 1,4 х 0,4 м. Яма ориентирована длинной осью по линии запад-восток. В заполнении могильной ямы, состоявшем из темной мешаной супеси, в западной части обнаружено каменное пряслице. На дне могилы, на глубине – 0,82 м от нивелировочной отметки, обнаружено погребение. Вдоль западной, южной и восточной стен могильной ямы установлены вертикально отдельные камни, образующие несомкнутый каменный ящик. Скелет ребенка находился на спине, в вытянутом положении, ориентирован головой на запад. Кости

скелета сильно истлели. Под нижней челюстью обнаружена каменная цилиндрическая бусина со сквозным отверстием.

Объект № 37. Пологая, интенсивно задернованная, овальная насыпь, сложенная из скальных обломков. Площадь насыпи – 2 x 1,6 м, высота – 0,1 м. Насыпь ориентирована длинной осью по линии запад – восток. После снятия дерна и зачистки выявлены очертания насыпи округлой формы. После зачистки бровки выявлена конструкция сооружения, сложенного из крупных и мелких камней в 1-2 слоя. В бровке обнаружен обломок трубчатой кости и несколько фрагментов лепного керамического сосуда. Один из них орнаментирован тремя полосами вертикальных прочерченных линий. После снятия бровки и зачистки были выявлены очертания перекрытия могильной ямы, сложенного из крупных и мелких камней. В процессе разборки заполнения могильной ямы, на глубине 0,72 м, обнаружено нарушенное погребение.

Погребение 37а. В могильной яме, вдоль ее стен обнаружены крупные и мелкие камни от перекрытия и отдельные, вертикально установленные, плиты каменного ящика. Внутри каменного ящика в заполнении могилы в полном беспорядке были обнаружены: раздавленный череп, зубы, ребра – остатки сильно истлевших костей скелета взрослого человека. В центральной части могилы находились фрагменты лепного сосуда серого цвета с орнаментом в виде трех полос вертикальных прочерченных линий.

Погребение 37б. При дальнейшей выборке заполнения могильной ямы, на глубине 0,8 м обнаружено второе погребение. В могиле выявлены крупные, вертикальные каменные плиты в головах и ногах погребенного и отдельные плиты вдоль южной стенки могильной ямы. Скелет погребенной женщины, лежит на спине, с согнутыми в локтях и сложенными ладонями вместе, под нижней челюстью, в «молитвенной» позе. Череп повернут лицевой частью к северу. Погребенная ориентирована головой на восток. За черепом погребенной обнаружены бронзовые и железные бляшки и стерженьки от головного убора.

Погребение 37в. После разборки скелета 37б и выборки заполнения могильной ямы на глубине – 0,85 м обнаружены кости скелета еще одного погребенного взрослого человека. В первоначальном анатомическом положении находились большие и малые берцовые кости и фаланги ступней обеих ног погребенного, бедренная кость его правой ноги, лучевые кости и фаланги правой руки. В центральной части могильной ямы найдена железная накладка пояса и фрагмент лепной керамики. У южной стенки могильной ямы обнаружен фрагмент лепного сосуда серого цвета и два железных фрагмента, вероятно, от поясного ремня. В ногах обнаружен небольшой фрагмент лепной керамики. Судя по местоположению костей нижних конечностей, погребенный был помещен в могиле на спине, в вытянутом положении, ориентирован головой на восток.

В ходе раскопок могильника Улуг-Чолтух было раскопано 7 объектов, в которых находилось 9 погребений. Отличительные особенности выявлены

в погребальной обрядности и сопроводительном инвентаре некоторых захоронений. В двух из них тела погребенных были ориентированы головой на запад. Такая ориентация тел умерших на памятнике Улуг-Чолтух ранее не фиксировалась. Редкой особенностью обрядности можно считать помещение тел умерших в могилу, одно поверх другого. Необычным является помещение сосуда в могилу. В исследованных в этом полевом сезоне мужских и женских погребениях был обнаружен стандартный набор сопроводительного инвентаря: оружие, железные ножи, поясные пряжки, украшения. Впервые были обнаружены керамические сосуды с орнаментом.

Примечания

Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III – VII века). Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2003. 224 с.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.-Л., Наука, 1965. 110 с.

Сорокин С.С. Погребения эпохи Великого переселения народов в районе Падырыка // Археологический сборник. Л.: изд-во Аврора, 1977. Вып. 18. С. 57-67.

Суразаков А.С. Памятники Горного Алтая первой половины и середины первого тысячелетия (Кудыргинская культура) // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий (по данным археологии). Материалы всероссийской конференции. Омск: ОмГУ, 1992. С. 92-97.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул: Изд-во Алт. Ун-та, 2005. 200 с.

Худяков Ю.С. Раскопки могильника Улуг-Чолтух в 2002 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2002 г. Новосибирск: изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2002. Т. VIII. С. 472-478.

Худяков Ю.С. Раскопки могильника Улуг-Чолтух в 2003 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2003 г. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2003. Т. IX. Ч. I. С. 504-509.

Худяков Ю.С. Раскопки могильника Улуг-Чолтух в 2005 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2005 г. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2005. Т. XI. Ч. I. С. 480 – 484.

**ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ
ГЕОФИЗИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА БУГРЫ***

Памятник скифо-сакского времени Бугры расположен в окрестностях с. Бугры Рубцовского района Алтайского края, на границе между Алейской степью и северо-западными предгорьями Алтая. В 2006 г. курганы № 1, 4 были выбраны в качестве объектов для совместных исследований сотрудниками Алтайского госуниверситета и Государственного Эрмитажа. Размеры кургана № 1 – 111,7×89,4 м, кургана № 4 – 43,1×49,1 м. Высота 3,85 м и 2,7 м соответственно. С целью получения дополнительных сведений о внутреннем устройстве насыпей и особенностях прилегающей к ним территории, в мае 2007 г. на памятнике были произведены геофизические работы [Тишкин, Чугунов и др., 2007, с. 215–220]. Помимо прикладных задач, изыскания были нацелены на продолжение работ по поиску оптимальных сочетаний геофизических методик и аппаратурно-программных комплексов для эффективного распознавания структуры различных видов археологических объектов в условиях разнообразных природно-климатических зон.

Геофизические исследования реализовывались приборами и методами, которые неоднократно использовались при изучении различных типов археологических памятников Западной Сибири, Алтая и Монголии [Дядьков, Молодин и др., 2005, с. 304–309; Молодин, Чемякина и др., 2006, с. 434 – 439; Эпов, Молодин и др., 2006, с. 76 – 91]. Разработанная совместным коллективом авторов комплексная археолого-геофизическая методика прекрасно зарекомендовала себя и была неоднократно проверена широко-масштабными археологическими раскопками. Характеристика приборов, принцип их действия, а также основные методы и подходы нашли отражение в целом ряде публикаций [Молодин, Парцингер и др., 2004; Молодин, Чемякина и др., 2004, с. 372 – 377].

В комплекс методов вошли: высокоточная магнитометрия (квантовый магнитометр-градиентометр G-858 производства фирмы “Geometrics”, США), малоглубинное частотное электромагнитное зондирование (аппаратурно-программный комплекс ЭМС, разработка Института геофизики СО РАН). В ходе полевых геофизических исследований с целью устране-

*Работа выполнена при поддержке РФФИ (проекты №06–06–80295а, 07–06–10037к), Интеграционного проекта СО РАН №109 и НШ-6568.2006.

ния помех, вызванных присутствием в грунте современных предметов из черного металла, использовался металлоискатель Крот-2.

Кроме этого, в районе расположения курганов были выполнены каппаметрические измерения магнитной восприимчивости почв и подстилающих пород с помощью портативного полевого каппаметра МП-01. Средние значения магнитной восприимчивости для почвенного слоя составили 0.0016 единиц СИ, а для подстилающего этот слой суглинка – 0.0012 единиц СИ. Таким образом, было установлено, что наблюдающаяся разница магнитных свойств может являться источником возникновения магнитных аномалий, обусловленных гумусным заполнением археологических объектов, впущенных в материковый слой, либо выраженных рельефно насыпей.

Геофизическая разметка памятника производилась согласно тахеометрическому плану с привязкой к единым реперам. Комплексирование геофизической аппаратуры осуществлялось исходя из анализа особенностей природно-географического расположения и предполагаемого характера изучаемых объектов, а также степени антропогенного воздействия (распашка, техногенные нарушения насыпей, грабительские раскопки).

Магнитометрическим картированием на кургане № 1 была исследована площадь 17400 м², на кургане № 4 – 6400 м². Геоэлектрическое картирование курганов составило 20800 и 6400 м² соответственно. Магнитометрические измерения проводились параллельными профилями по линиям юг-север через 1-2 м. Сигналы по профилю при непрерывном движении оператора регистрировались через 0,1 м. При выполнении съемки использовался метод вертикального градиента. Геоэлектрические измерения производились по сетке с шагом 2 м. В каждой точке измерения производились по 14 частотам.

По итогам магнитометрических измерений кургана №1 построена магнитограмма, на которой прослежена практически полная конфигурация рва (рис. 1). Наличие рва подтверждается и археологическими данными (раскопки К.В. Чугунова). Можно предположить наличие проходов с северной и южной сторон. С западной стороны ров частично распахан, с восточной – прорезан траншеей водопровода. Последнее обстоятельство создавало негативные условия для магнитной съемки, «забывая» свои фоном значительную часть восточной половины кургана. Две округлых контрастных аномалии диаметром около 10 м в южной части кургана вызваны современными крупными железными предметами. По внутреннему периметру рва, с южной и юго-западной сторон прослеживается отрицательная аномалия со значениями до -5 нТл. Результаты раскопок показали, что ее происхождение связано с материковым выкидом из рва.

В центре кургана выделяется округлая область с положительными значениями до 10 нТл. Грабительские ямы в этой зоне показаны однородным черным цветом. Между центральной аномалией и рвом наблюдается коль-

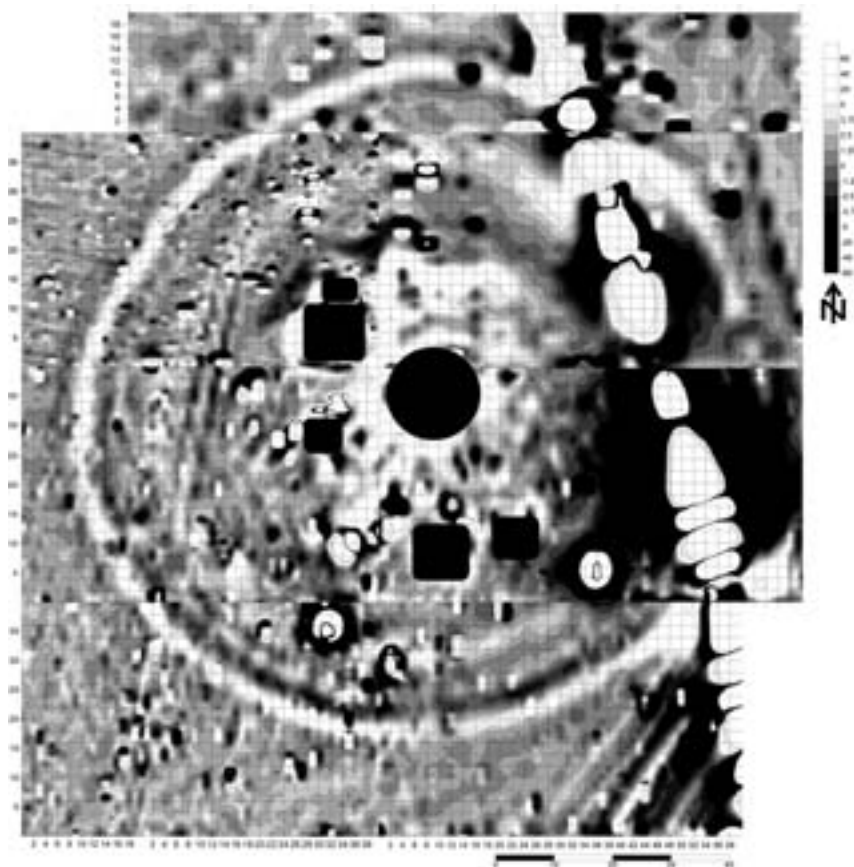

Рис. 1. Бугры. Курган №1. Магнитограмма.

цевая структура со значениями до 10 нТл, которая отстоит от внешнего рва на расстояние около 8 м. С границами этой области совпадает насыпь, фиксируемая визуально. Вероятно, появление этой структуры связано со смывами с насыпи гумусированного грунта.

По результатам малоглубинного частотного электромагнитного зондирования построено 14 геоэлектрических карт. В центре участка на средних и высоких частотах хорошо прослеживаются очертания насыпи кургана. На всех частотах проявился линейный проводящий объект, пролегающий с севера на юг и соответствующий металлическому трубопроводу, который был зафиксирован и магнитометрией. На низких частотах, соответствующих наибольшей глубинности исследования, это единственный ярко выраженный объект. Благодаря использованию аппаратуры ЭМС, менее зависимой от влияния черного металла, появилась возможность предпо-

ложить наличие дромоса в восточной части кургана. Объект повышенной электропроводности в юго-западном углу участка приходится на пашню и, возможно, вызван минеральными удобрениями, поскольку следы черного металла в этой области на магнитной карте не проявились.

Одной из основных задач геофизического обследования кургана № 4 было проверить наличие, либо отсутствие рва, который не просматривался на распаханном поле. По результатам магнитометрии, в 6-8 м за пределами курганной насыпи была выявлена кольцевая структура с положительными магнитными значениями от 2 до 5 нТл. Границы этой аномалии нечеткие, прерывистые. В ходе археологических раскопок юго-восточного сектора кургана, осуществленных летом 2007 г. [Тишкин, 2007], было установлено, что происхождение этой аномалии связано с последствиями опаживания пол курганной насыпи.

Более сложная картина отражает структуру надмогильного сооружения (рис. 2). Кольцо отрицательных значений до -10 нТл совпадает с ви-

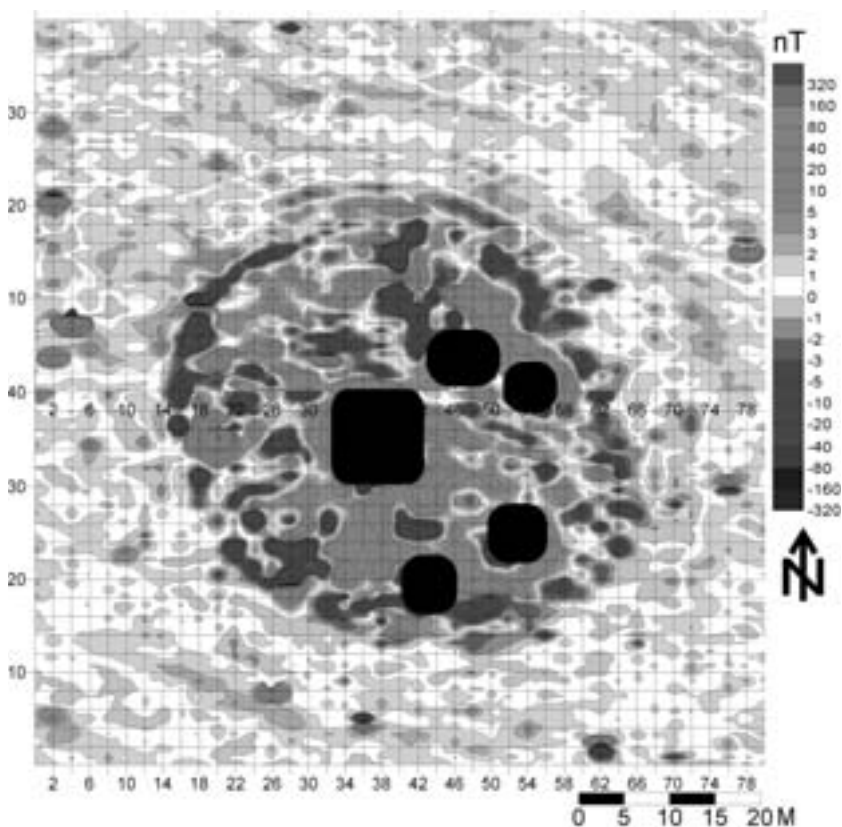

Рис. 2. Бугры. Курган №4. Магнитограмма.

зуально фиксируемой границей насыпи. Необходимо отметить, что эти значения существенно ниже отрицательных значений на пашне. Результаты раскопок позволяют предположить, что такие низкие магнитные показатели связаны с присутствием в насыпи глеевого грунта. Внутри кольца отрицательных значений преобладают хаотично расположенные контрастные аномалии аморфной формы (до 20 нТл), связанные с присутствием на поверхности насыпи гумусированного грунта из разграбленных погребений.

На геоэлектрических картах, построенных по измерениям на 14 частотах, хорошо читаются границы кургана. На карте распределения электропроводности на частоте 27.8 кГц хорошо видна грабительская яма, которой соответствует темное пятно в центре кургана. Неоднородный характер насыпи, выявленный магнитометрически, подтверждается и данными геоэлектрики.

Полученные результаты позволили прояснить картину внутреннего устройства курганных насыпей и оценить особенности окружающего пространства, что чрезвычайно важно для определения стратегии археологических раскопок. Результаты первых археологических исследований показали, что геофизические данные отражают, прежде всего, структуру насыпей. Особенности слагающих их грунтов и нарушения, вызванные грабительскими раскопками, не позволили выявить четкую картину организации подкурганного пространства. Сравнение в дальнейшем результатов археологических работ на памятнике Бугры с геофизическими картами, позволит существенно дополнить уже имеющуюся методику археолого-геофизических исследований, направленную на поиски эффективных аппаратурно-методических комплексов оценки археологических объектов до начала раскопок.

Примечания

Дядьков П.Г., Молодин В.И., Чемякина М.А., Михеев О.А. Магнитометрические исследования археологических памятников Тартас-1 и Преображенка-6 в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – Т. XI. – Ч. I. – С. 304–309.

Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н., Шнеевайс Й., Гришин А.Е., Новикова О.Н., Чемякина М.А., Ефремова Н.С., Марченко Ж.В., Овчаренко А.П., Рыбина Е.В., Мыльникова Л.Н., Васильев С.К., Бенекс Н, Манштейн А.К., Дядьков П.Г., Кулик Н.А. Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – 336 с.

Молодин В.И., Чемякина М.А., Дядьков П.Г., Гришин А.Е., Позднякова О.А., Михеев О. А. Археолого-геофизические исследования могильника Тартас-1 в 2004 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и со-

предельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. X. – Ч. I. – С. 372 – 377.

Молодин В.И., Чемякина М.А., Дядьков П.Г., Манштейн А.К., Балков Е.В., Миненко М.И. Результаты геофизических исследований памятника Преображен-ка-2 в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. XII – Ч. I. – С. 434 – 439.

Тишкин А.А. Обзор проведенных исследований в Западной Монголии и на Алтае, 2007 (данный сборник).

Тишкин А.А., Чугунов К.В., Чемякина М.А., Дядьков П.Г., Манштейн А.К., Позднякова О.А., Миненко М.И., Адайкин А.А. Геофизические исследования на памятнике Бугры в предгорьях Алтая // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007 – С. 215-220.

Эпов М.И., Молодин В.И., Чемякина М.А. Итоги и перспективы геофизических исследований археологических памятников Алтая и Западной Сибири // Современные проблемы археологии России. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. 1. – С. 76 – 91.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПЕТРОГЛИФОВ ЮГО-ВОСТОЧНОГО АЛТАЯ В 2007 ГОДУ

В сентябре 2007 г. автор продолжил изучение наскальных изображений на юге Российского Алтая (Кош-Агачский р-н Республики Алтай). Объектом изучения были разновременные петроглифы, нанесенные на скальные выходы и моренные валуны в высокогорных урочищах бассейна р. Чаган в урочищах Кожор, Крен, Кызыл-джар, Козок-Тыт, Шин-Оозы, Ак-Кол, Абиджай [см.: Черемисин, 2002, 2005, 2006]. Пространства горного обрамления речной долины изобилуют скальными плоскостями с изображениями, которые выбиты, шлифованы или выгравированы на патинированных скальных поверхностях.

Наибольшее количество рисунков нанесено на сланцевых выходах, отшлифованных, а местами прекрасно отполированных древним ледником. Очевидно, уже в эпоху эпохи бронзового века в высокогорных степях юго-восточного Алтая сложились и развивались культуры, основой которых было подвижное скотоводство. Современное население – теленгиты – используют межгорные степные пространства для выпаса мелкого и крупного рогатого скота (сарлыков, овец), лошадей, верблюдов, меняя сезонные стоянки (зимние, летние, весенние, осенние). Очевидно, наиболее удобные локусы были освоены под места обитания скотоводов уже в древнейшую эпоху. Древние могильники, стелы, ритуальные каменные выкладки связаны с присутствием здесь поколений кочевников; не раз отмечалось, что самыми многочисленными археологическими памятниками здесь являются петроглифы [Окладников и др., 1979; Окладникова, 1988; Кубарев, Маточкин, 1992, Черемисин, 2006].

Экспедиционные работы осуществлялись в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН “Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям”. Произведены разведка и копирование наскальных изображений, исследование сюжетов и образов, исторических реалий, связанных с хозяйством и бытом создателей рисунков на скалах, и отразивших наиболее значимые для них аспекты жизнедеятельности и мировоззрения. Полученные материалы позволяют расширить представления об их культуре. Также проводился мониторинг лишайников, соседствующих с петроглифами и перекрывающих наскальные изображения.

Рис. 1. Изображение распряженной колесницы. Эпоха Бронзы.
Урочище Крен.

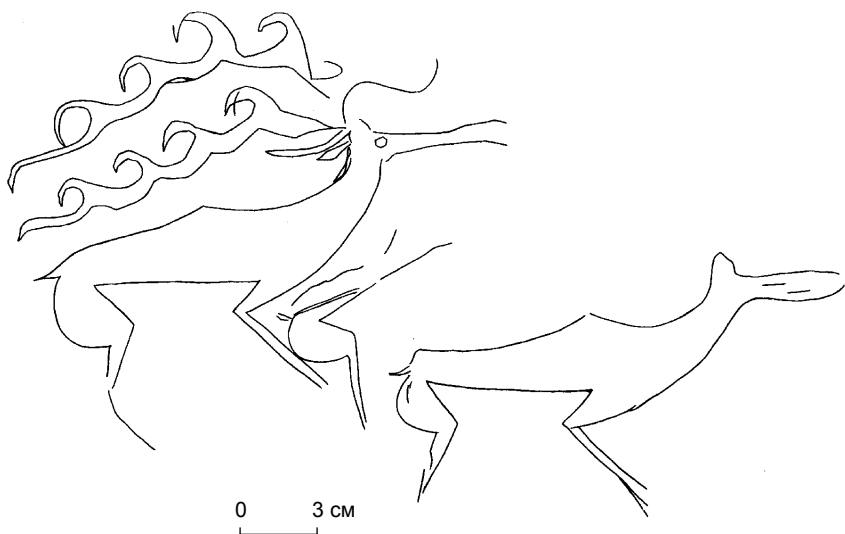

Рис. 2. Гравированные фигуры оленей в стиле оленных камней.
Урочище Абиджай.

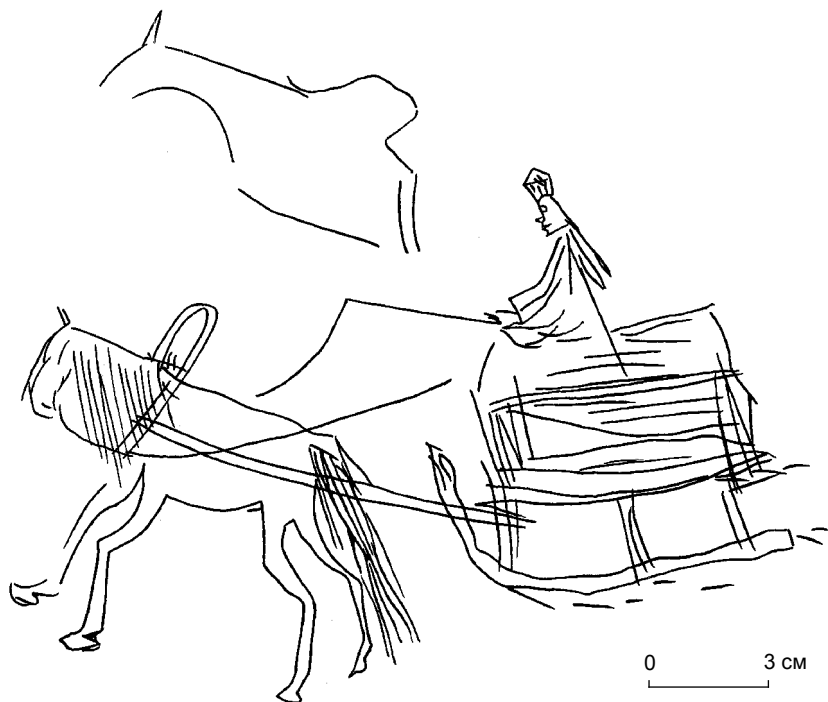

Рис. 3. Изображение санной упряжки. Урочище Абиджай.

Ряд фигур животных, выбитых на скальных выходах по левому берегу р. Чаган по стилю могут быть сопоставлены с “древнейшими” наскальными изображениями Горного Алтая. Это наиболее крупные изображения быков, лосей, редкое изображение медведя, животных неопределенного вида. Как правило, это подверженные значительному разрушению петроглифы, выполненные в технике крупноточечной выбивки.

В ходе работ были скопированы многочисленные изображения, относящиеся к бронзовому и раннему железному веку. К эпохе бронзы можно отнести изображения быков в характерной манере с массивным туловищем геометрических очертаний с заполнением пересекающимися под прямым углом линиями, с рогами в виде сомкнутой окружности, с кисточкой на конце хвоста. Обнаружены новые петроглифы, воспроизводящие колесный транспорт (рис. 1) [см.: Черемисин, 2003, 2005].

Стилистически четко определяются петроглифы раннего железного века, в основном представляющие травоядных и хищных животных (лошадей, маралов, кабанов, двугорбых верблюдов, кошачьих хищников и др.). Многочисленна серия изображений “в стиле оленных камней” (рис. 2). Неоднократно зафиксирована ситуация, когда гравированные рисунки оленей

в характерной позе с подогнутыми ногами, запрокинутой головой и гипертрофированными рогами были подновлены – либо путем шлифовки, когда силуэт высвечивался на фоне патинированной скальной поверхности, либо процарапыванием или прочерчиванием абриса. В последнем случае древняя потемневшая линия также высвечивалась на фоне скалы.

В 2007 г. в на скальной вершине в урочище Крен обнаружено тщательно подновленное путем шлифовки древнего абриса изображение кинжала скифской эпохи с кольцевым навершием, представляющее несомненный интерес. Ранее среди разнообразных воинских атрибутов были зафиксированы лук и стрелы в композициях с охотничьими сюжетами эпохи раннего железа, а также многочисленные реалии эпохи раннего средневековья (оружие, доспехи, атрибуты конского убранства и т.п.) [Черемисин, 2004]. Древнетюркскую коллекцию граффити также дополнили изображения всадников.

В числе изображений эпохи нового и новейшего времени, наряду с традиционными сюжетами – охотой, воинскими поединками, отмеченными тамгами животными и охотниками с огнестрельным оружием [Черемисин, 2005], встречены новые сюжеты – изображения загонов зля скота, возможно, войлочных ковров, а также зимних транспортных средств – саней с запряженной лошадью (рис. 3). Петроглифы данного культурного пласта – многочисленные батальные сцены, в которых противостоящие воины вооружены сошниковыми ружьями – отражают события эпохи Джунгарских войн и представляют очевидный интерес. Среди наиболее поздних петроглифов – автографы наших современников, в том числе стихотворные произведения, памятные посвятительные надписи. Любопытно начертание, принадлежащее шестнадцатилетней местной жительнице, посвященное землетрясению: точно отмечено время толчка, дату сопровождает философская сентенция: “Страшно! Но что поделаешь?”

Таким образом, традиции наскального искусства на юго-востоке Горного Алтая не прерваны и сегодня. Изображения разных эпох, нанесенные на скалы в местах обитания и традиционных перекочевков древних и современных скотоводов, представляют содержательный источник о культуре населения региона.

Примечания

Кубарев В.Д., Маточкин Е.П. Петроглифы Алтая. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1992. – 120 с.

Окладников А.П., Окладникова Е.А., Запорожская В.Д., Скорынина Э.А. Петроглифы долины реки Елангаш (юг Горного Алтая). – Новосибирск: Наука, 1979. – 137 с.

Окладникова Е.А. Граффити Кара-Оюка, Восточный Алтай (характеристика изобразительных особенностей и хронологии) // Материальная и духовная культура народов Сибири. – Л.: Наука, 1988, – С. 140-158. – (Сб. МАЭ, вып. XLII).

Черемисин Д.В. Петроглифы бассейна р. Чаган: результаты исследований 2002 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2002 г. –Новосибирск, ИАЭТ СО РАН, 2002, Том VIII. с. 491-496.

Черемисин Д.В. К изучению изображений колесниц в петроглифах Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН, 2003 г. –Новосибирск, ИАЭТ СО РАН, 2003, Том IX, часть I. с. 516-520.

Черемисин Д.В. Результаты новейших исследований петроглифов древнетюркской эпохи на юго-востоке Российского Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. –2004, № 1, с. 40-51.

Черемисин Д.В. Исследование петроглифов юго-восточного Алтая в 2005 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН 2005. -Новосибирск, 2005, Том XI. Часть I. с. 485-488.

Черемисин Д.В. Исследование петроглифов юго-восточного Алтая в 2006 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Годовой сессии ИАиЭТ СО РАН 2006. -Новосибирск, 2006, Том XII. Часть I. с. 501-504.

**ОБ ОСНОВНЫХ ЭТАПАХ ЭВОЛЮЦИИ
КОНСКОГО СНАРЯЖЕНИЯ НА САЯНО-АЛТАЕ
В РАННЕСКИФСКОЕ ВРЕМЯ**

Верховую сбрую этапа формирования раннескифской культуры, казалось бы, можно легко охарактеризовать по материалам Аржана-1 с радиоуглеродными датами около 800 г. до н. э. [см.: Грязнов, 1980; Евразия в скифскую ..., 2005, с. 100-102; и др.]. Однако, на фоне подавляющего большинства известных раннескифских сбруйных наборов Саяно-Алтая и прилегающих территорий комплекс конского снаряжения из Аржана-1 выглядит совершенно чужеродным. Многие изделия из Аржана-1 вовсе не встречаются в традиционных наборах (трёхжелобчатые застёжки, бляшки из клыков кабана, стремечковидные бронзовые пряжки с выступающим в одной плоскости носиком, бронзовые наворачия, бляха в виде свернувшегося хищника с петлями на оборотной стороне, конструкция уздечки на голове лошади с рогового наворачия), часть имеют очень ограниченный круг аналогий (коленчатые псалии, удила с кольчатыми окончаниями) или очень близки комплексам второй половины VII-VI вв. до н. э. (форма внешних окончаний кольчатых удил, конструкция бляхи со свернувшимся хищником, плоские ремни уздечек, широкое применение подвесок из клыков кабана, дисковидные плоские пронизки с отверстиями по центру). Что же касается парадоксального присутствия «двоителей» и «налобных» блях, то это видимо, результат неверной интерпретации данных изделий. Фактически, из всего комплекса Аржана-1 к раннескифскому набору, широко распространённому на указанной территории, могут быть отнесены с определёнными оговорками лишь удила со стремечковидными окончаниями, включая экземпляр с дополнительным отверстием.

По мнению автора, специфика конского снаряжения из Аржана-1 обусловлена тремя взаимосвязанными факторами: более ранним временем кургана (предположительно в рамках VIII в. до н. э., скорее, его второй половины); местными особенностями самостоятельно сформировавшегося снаряжения; принадлежностью конского снаряжения из Аржана-1 не верховым, а упряжным лошадям. 1. Следует согласиться, что большое количество в Аржане-1 удил с кольчатыми внешними окончаниями, а также имеющих ранние аналогии на западе и в памятниках эпохи поздней бронзы в Сибири коленчатых псалиев, в значительной мере, обусловлено более ранней датой комплекса [Грязнов, 1980; Марсадилов, 1998; и др.].

Отсутствие у аржанских уздечек какой-либо бронзовой фурнитуры и малое количество функциональных деталей из рога (кости) также, видимо, указывает на близость традициям эпохи поздней бронзы и начала переходного времени. 2. Причиной нестандартности аржанского комплекса является и этнокультурная специфика самого памятника. Очевидно, в Аржане-1 мы фиксируем самостоятельно сложившееся в восточных областях (включая Минусинскую котловину) конское снаряжение, которое попало в курган ещё до распространения в VII в. до н. э. сбруи сако-майэмирского облика. Ярким примером наличия в Туве особых традиций является изображение уздечки неизвестной конструкции на роговом навершии из Аржана-1 [Грязнов, 1980, рис. 15]. 3. Специфичность конского снаряжения в Аржане-1 в значительной степени объясняется его вероятной принадлежностью не к верховым, а упряжным лошадям. Как уже отмечалась [Шульга, 2005], почти все лошади в Аржане-1 и Аржане-2 имели только уздечки, а сами уздечные наборы отличаются простотой и однообразием, как и в последующее время (Пазырык-5). Однотипность наборов упряжных лошадей отмечается в раннескифское время и на Северном Кавказе [Петренко, 2006, с. 68, 81]. Помимо уздечной фурнитуры, в конских погребениях Аржана-1 были найдены обычно применяемые на поясах застёжки с перехватом и трёхжелобчатые, которые, вероятно, также могут маркировать упряжь, как в Сентелеке [Шульга, Дёмин и др., 2003]. Особое место в аржанском снаряжении занимают бронзовые навершия из конского погребения в камере 26 [Грязнов, 1980, рис. 25]. По осторожному предположению Д.Г. Савинова они могли относиться к погребениям с колесницами [Савинов, 2002, с. 65]. Действительно, в снаряжении верховых лошадей такие изделия нигде не встречаются, но различного рода навершия известны в относимых к колесницам комплексах VII в. до н. э. на Северном Кавказе [Галанина, 1997, с. 162; Петренко, 2006, с. 68-82]. Оттуда же происходят и пряжки с выступающим в одной плоскости носиком [Петренко, 2006, с. 71].

Так или иначе, но устройство уздечек упряжных и верховых лошадей принципиальных отличий, как правило, не имело, что позволяет использовать материалы Аржана-1 для характеристики верховой сбруи начального этапа раннескифской культуры. Основу уздечки составляли трёхдырчатые псалии и бронзовые удила. Отверстия у бронзовых, роговых (костяных), деревянных и кожаных (?) псалиев располагались всегда в одной плоскости, продолжала сохраняться коленчатая форма и слабо выраженные грибовидные навершия (Аржан-1, Курту-2, Ак-Алаха-2, БЕ – 7,14). Наряду с появившимися бронзовыми удилами, очевидно, продолжали использовать и кожаные (Курту-2, БЕ-7,14). Достоверных данных о наличии других бронзовых деталей уздечки или седла верховой лошади пока нет. Фурнитура из рога (кости) и клыков кабана отсутствовала (Курту-2, БЕ – 7,14), или, по большей части, не имела функционального назначения (Аржан-1, Баданка-4).

Классическая верховая сбруя раннескифского времени, замечательно представленная в Казахстане, на Алтае и в Туве, появляется «внезапно» с детально разработанным стандартизированным набором бронзовой фурнитуры, насчитывавшем до ста и более деталей. По заключению Л.Т. Яблонского в Приаралье это происходит на рубеже VIII-VII вв. до н. э. [Яблонский, 2004]. Примерно тогда же, в начале VII в. до н. э. появляются раннескифские захоронения на Алтае, во многих из которых обнаружены сбруйные наборы сако-майэмирского облика. Наиболее интенсивно этот процесс шёл в сакском мире, но в каждой области складывался свой особый облик сбруи и звериного стиля.

Почти одновременно со сбруйной бронзовой фурнитурой появляется и во многом копирующая её поясная, образуя полный единый комплекс снаряжения воина-всадника и его лошади. Данные изменения в экипировке лошади, а затем и воина-всадника, очевидно, непосредственно связаны с военизацией общества кочевников и образованием крупных конных отрядов, принимавших участие в сражениях на отдалённых территориях вплоть до Китая и Передней Азии. Именно на войне особенно требуется принуждение лошади, что и послужило стимулом для повсеместной замены ремённых удилищ на более строгие бронзовые (Аржан-1). Наиболее значимые изменения в мире кочевников, очевидно, происходят в начале VII в. до н. э., когда они становятся участниками известных исторических событий в Передней Азии. В это время и складывается единый сложный набор сбруйной и поясной фурнитуры, являвшейся, прежде всего, престижным атрибутом воина-всадника. Начало этого «героического» периода и формирования раннескифской культуры, видимо, маркирует курган Аржан-1 [Грязнов, 1980, с. 51]. С этого времени, по мнению Д.Г. Савинова, начинается ценная реакция в подвигах кочевников на запад, из Центральной Азии в VIII в. до н. э. (Аржан-1), достигших Передней Азии и Юга Восточной Европы в начале VII в. до н. э. [Савинов, 2002, с. 76]. Данные по конскому снаряжению, в целом подтверждают такую направленность процессов, хотя в реальности прямого одностороннего движения очевидно, не было, а в VII в. до н. э., наоборот, достоверно фиксируются обратные волны распространения раннесакского населения.

Примечания

Галанина Л.К. Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи. М., б. и., 1997. 269 с., ил.

Грязнов М.П. Аржан: Царский курган раннескифского времени. Л.: Изд-во «Наука» Ленинградское отделение, 1980. 62 с.

Евразия в скифскую эпоху: радиоуглеродная и археологическая хронология. СПб: Изд-во «Теза», 2005. 290 с., 173 ил.

Марсодолов Л.С. Основные тенденции в изменении форм удилищ, псалиев и пряжек коня на Алтае в VIII - V веках до н.э. // Снаряжение верхового коня

на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 5-24.

Петренко В.Г. Краснознаменский могильник. Элитные курганы раннескифской эпохи на Северном Кавказе. *Corpus tumulorum scythicorum et sarmaticorum*, 1. Москва, Берлин, Бордо: Палеограф, 2006. 176 с., табл.

Савинов Д.Г. Ранние кочевники Верхнего Енисея (археологические культуры и культурогенез). СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2002. 204 с.

Шульга П.И. К вопросу об относительной хронологии кургана Аржан-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. Т. XI. Ч. 1. С. 493-497.

Шульга П.И., Дёмин М.А., Гельмель Ю.И., Ситников С.М., Шульга Н.Ф. Работы в долине реки Сентелек // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края Барнаул: Изд-во БГПУ, 2003. Выпуск XIII. С. 126-132.

Яблонский Л.Т. Хронология древнейших памятников раннего железного века Средней Азии и Казахстана (по материалам Приаралья) // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Краснодар, б. и., 2004. С. 45-68.

*М.И. Эпов., В.И. Молодин, К.Н. Каюров, М.А. Чемякина,
А.К. Маништейн, К.В. Сухорукова, Д.В. Напреев, А.А. Адайкин*

ГЕОФИЗИЧЕСКАЯ ДИАГНОСТИКА СТРУКТУРЫ «ЗАМЕРЗШИХ» КУРГАНОВ УКОКА, НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ*

Первые результаты по диагностике льда в погребальных камерах курганов пазырыкской культуры геофизическими методами были получены на плато Укок в 2003 г. [Эпов., Манштейн и др., 2003]. Дальнейший геофизический мониторинг происходил на северо-западе Монголии. Данные геофизического прогноза на наличие льда были подтверждены археологическими раскопками. [Эпов, Молодин и др., 2005; Эпов., Манштейн и др., 2006].

Геофизическим исследованиям в 2007 г. подверглись курганные могильники Бертек-1, 10; Верх-Кальджин II, 3; Кальджин-6 и открытый в 2007 г. курганный могильник Верх-Кальджин-13 (географические координаты 49°22.056 с.ш., 087°32.520' в.д.). Исследования проводились в двух направлениях. Во-первых, *совершенствовался метод электроразведки* (ВЭЗ, многоэлектродная аппаратура метода сопротивлений и аппаратурно-программный комплекс частотного электромагнитного зондирования ЭМС) [Эпов, Манштейн и др., 2003]. Аппаратура метода сопротивлений, в отличие от прошлых лет, имела повышенную автоматизацию работы. В комплекс методов дополнительно было включено георадиолокационное зондирование георадаром ГРОТ-12.

Предварительные результаты показали, что из всех исследованных курганов, наличие льда в погребальных камерах возможно в кургане №4 могильника Верх-Кальджин II, в западной части кургана №3 и в центральной части кургана №4 могильника Верх-Кальджин 3. Большой объем полученных в результате работ материалов требует глубоко анализа, который будет проведен в дальнейшем.

Верх-Кальджин-II, курган №4. Геоэлектрический разрез за пределами кургана по измерениям ВЭЗ представляет собой слой мощностью 1.2 м и УЭС 34.3 Ом·м, лежащий на полупространстве с сопротивлением около 5000 Ом·м. Результаты измерений многоэлектродной установки показали, что в средней части площади измерения (середина кургана) увеличивается сопротивление, которое может быть вызвано наличием льда или каменной кладкой. Подобное заключение было сделано и по измерени-

*Работа поддержана грантами: РФФИ № 06-06-80295а, РФФИ № 07-06-10037к; НШ № 6568.2006.6; «Интеграция» СО РАН № 109.

Рис. 1. Верх-Кальджин-II, курган 4. Схема профилей георадара: аномалии по профилям обозначены жирной линией.

ям в 2003 г. [Там же]. При сравнении характера радарограмм в пределах кургана и вне его большая ширина по времени колебаний вне кургана соответствует размытым границам в грунте. Под каменной кладкой колебания "сжимаются" по времени, что соответствует более четким границам раздела сред с разными УЭС и диэлектрической проницаемостью. В северо-западной части кургана на трассах по двум профилям выделяется серия четко выраженных продолжительных колебаний. Поскольку эта область слабо выделяется по электрическим измерениям, можно предположить, что здесь нет высококонтрастного по электропроводности объекта. Менее выражена аномалия такого же характера на юго-востоке кургана (рис. 1).

Верх-Кальджин-3, курганы № 3, 4. Геоэлектрический разрез по данным ВЭЗ за пределами курганов представлен верхним слоем мощностью 0.6 м и УЭС 56 Ом·м, средним слоем мощностью 2 м и УЭС 85 Ом·м и нижним полупространством с сопротивлением более 5000 Ом·м. На картах распределения относительной разности сигнала многоэлектродной установки над курганами 3 и 4 (рис. 2) наблюдаются области высоких значений, соответствующие повышенному сопротивлению. Результаты измерения ЭМС по профилю через центр кургана №3 также показывают область повышенного сопротивления (жирная линия на профиле).

На радарограммах за пределами курганов выделяются две отражающие границы, соответствующие данным ВЭЗ. Жирными отрезками на профи-

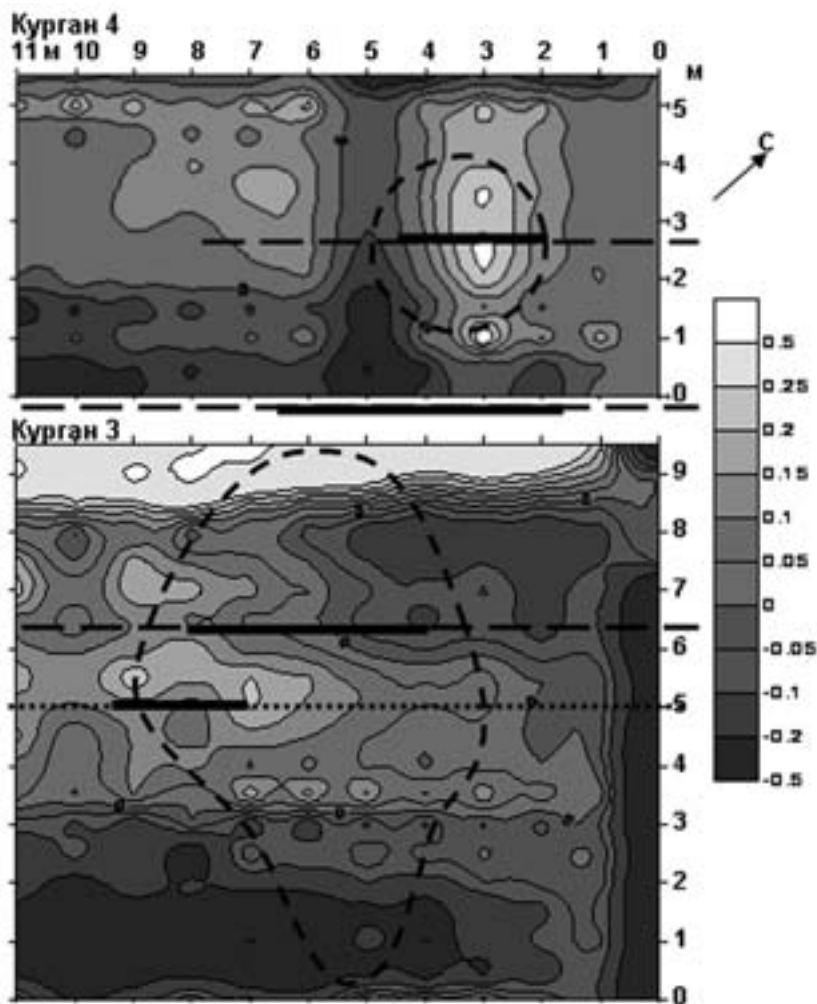

Рис. 2. Верх-Кальджин-3, курганы 3-4. Карты относительной разности сигнала многоэлектродной установки, профиль ЭМС – точечный пунктир; профили георадара - длинный пунктир; контур каменной кладки - короткий пунктир.

лях через курганы обозначены области продолжительных колебаний. На профиле между курганами выделена область нарушения границ (уменьшается время прихода и ширина колебаний радарограммы).

Во-вторых, впервые в мировой практике были произведены исследования, направленные на *создание методики поиска деревянных срубов под каменными насыпями курганов*.

В работе использовались газовый хроматограф ЭХО-ФИД, каппаметр КТ-6 и гаммаспектрометр МКС АТ-6101Д. Хроматограф детектирует углеводороды ароматического ряда, и обладает феноменальной чувствительностью более чем 10^{-12} г/см³. Модификация прибора уникальна. В качестве газа носителя хроматограф использует воздух. Гаммаспектрометром измерялись показания гамма фона, и проводились измерения спектра излучений по трём изотопам K^{40} , Ra^{226} и Th^{232}

Древесина лиственницы из погребенного сруба имеет свой аромат, который может быть зафиксирован на хроматограмме, при этом важно отметить, что на плато Укок деревья в естественном состоянии отсутствуют. Предварительно был проведен анализ запаха образцов дерева из пазырыкских курганов Укока. Были отобраны необработанные химическими реактивами образцы, упакованные в пластиковую пищевую пленку. После анализа спектра пищевой пленки было выяснено, что она инертна при 20°C, однако при нагреве на 15° начинает активно выделять углеводороды, особенно бензол и толуол. Таким образом, из всего богатого спектра надёжным маркером лиственничной древесины осталось только одно вещество – кумол, которое не содержалось в упаковке.

Наличие в одном месте большого скопления органического материала, приводит к образованию ореола рассеяния органического вещества, что вызывает изменение окислительно-восстановительной обстановки в окружающих грунтах. Это формирует определенного рода геохимический барьер для некоторых веществ, в том числе и радиоактивных изотопов. Соответственно, логично было предположить наличие аномалий над курганами, содержащими под насыпью большой объем органики. Таким образом, в методическую программу исследований наряду с хроматографией были включены измерения радиационного фона и магнитной восприимчивости.

Пробы грунта для анализа на хроматографе и каппаметре брались из под тонкого слоя дерна, либо крупного камня кладки, там, где дерн отсутствовал. Грунт помещался в специальный контейнер, измерялся каппаметром и выдерживался для установления парогазового равновесия. Воздух из этого контейнера затем анализировался на хроматографе. В местах проб проводились измерения общего гамма фона гамма-спектрометром, а затем осуществлялась съемка спектра по трём изотопам и, наконец, несколько десятков замеров гамма фона в различных точках по площади кургана.

Первые пробы с курганов № 3 и 4 могильника Бертек-10 брались по двум профилям с интервалом 2 м, начиная с 10 м от контура насыпи. В дальнейшем оказалось достаточным взятие проб в трёх точках: на расстоянии 10 метров, на границе насыпи и в центре кургана. Уже первые измерения дали интересный результат. Почва в центре курганов показывала практически вдвое меньшие значения магнитной восприимчивости. Значения же гамма фона в центре курганов (12,5 микрорентген/час) были

выше, чем за его границами (9-10 микрорентген/час). При этом содержания изотопов K^{40} и Th^{232} в среднем росло, а Ra^{226} убывало.

Хроматограммы проб на периферии практически не менялись по мере приближения к кургану. Лишь пробы на границе кургана и в центре обнаружили наличие нескольких новых веществ. По времени выхода два из них были проинтерпретированы как м-ксилол и кумол, которые ранее детектировались в качестве контрольных. Таким образом, появляется вероятность того, что в данных курганах присутствует древесина лиственницы.

Дальнейшие исследования подтвердили первоначальные наблюдения. Практически во всех измерениях, значения магнитной восприимчивости проб, отобранных в центральной части кургана, были ниже, нежели с периферии. Вероятным объяснением такой аномалии может служить наличие интенсивного вымывания тяжелых минералов железа в полости кургана. Радиоактивные показатели возрастали в обратной последовательности. Значения гамма фона в центре кургана (участки 2,5-3 м в диаметре) иногда более чем в два раза превосходили законтурные значения. Максимальные значения достигали 19 микрорентген/час (Верх-Кальджин-II, курган №4), при фоновых значениях в 7 – 9. Замеры радиоактивности всех типов камней, из которых сложены курганы, и коренных выходов различных пород не превышали 12 микрорентген/час. Выявленные радиационные аномалии над курганами могут быть связаны с заполнением погребений, либо, как и в случае с магнитной восприимчивостью, полости кургана могли служить фильтром, аккумулируя тяжелые радиоактивные минералы. Точно ответить на этот вопрос можно будет лишь при мониторинге в процессе раскопок.

Хроматограммы в центре кургана, как правило, фиксировали м-ксилол в очень небольших количествах вплоть до следов, а вот кумол присутствовал исключительно в виде следов или отсутствовал. Стоит отметить, что в измерениях проб, отобранных за контуром кургана, отсутствовали даже такие следы. Такие значения опорных для нас элементов можно объяснить, тем, что при наличии льда низкие температуры препятствуют формированию ореола рассеяния углеводов.

Примечания

Эпов М.И., Манштейн А.К., Манштейн Ю.А., Чемякина М.А., Балков Е.В., Молодин В.И., Слюсаренко И.Ю. Электроразведочное картирование «замерзших» пазырыкских курганов Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. XII, часть I. С. 510 – 515.

Эпов М.И., Манштейн А.К., Молодин В.И., Парцингер Г., Чемякина М.А., Манштейн Ю.А., Балков Е.В. В поисках мерзлоты (результаты геофизических исследований курганных могильников на плато Укок) // Проблемы археологии, эт-

нографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. - Т. IX. Ч. I. - С. 528-534.

Эпов М.И., Молодин В.И., Манштейн А.К., Манштейн Ю.А., Балков Е.В., Чемякина М.А., Шурина Э.П., Ковбасов К.В. Геофизические исследования археологических памятников в Северо-Западной Монголии в 2005 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. - Том XI., часть I. С. 503 – 506.

Эпов М.И., Молодин В.И., Чемякина М.А. Итоги и перспективы геофизических исследований археологических памятников Алтая и Западной Сибири // Современные проблемы археологии России: Сб. науч. тр. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. I. С. 76 – 91.

ЭТНОГРАФИЯ

УСТОЙЧИВОСТЬ ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ГОРОДСКОЙ МОЛОДЕЖИ (ПО ДАННЫМ АНКЕТИРОВАНИЯ В НОВОСИБИРСКЕ)

История формирования полиэтнического сообщества Новониколаевска - Новосибирска в XX в. отражает процесс освоения сибирского края за счет миграции населения из различных регионов России и Советского Союза. В XX в. в Сибири развернулись широкомасштабные процессы урбанизации и индустриализации. Они вызвали к жизни новые городские сообщества, имеющие сложную социокультурную структуру. Быстро развивающийся Новосибирск не стал исключением. Формирование его народонаселения сопровождалось сложными процессами: деэтнизация с одной стороны и актуализацией этничности с другой. Проблема устойчивости этнического самосознания определила содержание данной работы.

Исследование основывается на материалах анкетирования, проведенного в феврале-мае 2007 г. в учебных заведениях Центрального, Октябрьского и Ленинского районов г. Новосибирска*. Абсолютное большинство из 207 респондентов, ответы которых были обработаны, родились в 1980-1990-х гг. и представляют младшее из поколений горожан Новосибирска, история которого насчитывает 114 лет.

В сознании современной молодежи г. Новосибирска первоначальный исход предков, зафиксированный анкетами, в большинстве случаев относится к четвертому и третьему поколениям респондентов (табл. 1). Временной диапазон, в котором родилось четвертое поколение горожан, заполнивших вопросники по истории своей семьи, составляет 32 года, с 1888 по 1930 гг. Более половины предков этого поколения относятся к 1904-1918 годам рождения.

Наибольшее количество переселенцев из трех выделенных локализаций (циклов миграции) приходится именно на четвертое поколение. География областей (губерний) исхода разнообразна; она включает территории современной европейской России, а также Белоруссии и Украины.

В переводе на временной показатель речь идет об обширном отрезке с конца XIX в. до середины XX в. Межрегиональная (внутрироссийская) миграция здесь абсолютно преобладает. Миграции носят ярко выраженный

*Выражаем огромную благодарность Андрейченко О.Н., Семочкиной А.В., Новикову А.В., Поповой Н.Г., Чапайкиной О.В., проводившим анкетирование.

Таблица 1. Поколенная динамика миграций респондентов

География расселения/ Локализация	Евр. зарубежье	Украина	Белоруссия	Евр. Россия	Сибирь	НCO	г. Новосибирск	Д. Восток	Казахстан	Ср. Азия
1-я локализация										
Место исхода, % (402 упоминания)	3,4	8,9	3,5	29,1	20,2	20,2	10,4	0,1	2,7	1,5
Место оседания, % (246 упоминаний)	2,0	1,6	0,8	3,6	20,3	23,4	39,0	1,2	7,3	0,8
2-я локализация										
Место исхода, % (143 упоминания)	3,5	2,8	0,7	16,8	20,7	30,3	7,7	2,1	12,6	2,8
Место оседания, % (138 упоминаний)	1,4	0,7	-	4,3	11,6	21,7	55,8	1,4	2,2	0,7
3-я локализация										
Место исхода, % (30 упоминаний)	3,3	-	-	26,7	40,0	23,4	-	3,3	-	3,3
Место оседания, % (30 упоминаний)	-	-	-	-	-	16,7	83,3	-	-	-

односторонний характер и направляются на восток, с европейской части континента в Сибирь. Значительное количество перемещений приходится также на региональную (сибирскую) и внутриобластную миграции. В первом случае большинство переселенцев оседали в Новосибирской области, во втором – в г. Новосибирске. Возвратная миграция среди всех перемещений занимает 2,3 %, не играя существенной роли.

С другой стороны, данные первой локализации свидетельствуют о том, что 38,9 % представителей четвертого и третьего поколений были связаны уже с сибирским регионом и территорией нынешней Новосибирской области. Практически все эти семьи проживали в сельской местности; их пространственная мобильность была отчасти исчерпана более ранними миграциями (шестого или пятого поколения), о которых не было упомянуто в анкетах. Имеющиеся данные свидетельствуют, что оседание в г. Новосибирске малоподвижных семей происходило в течение одной локализации.

Наибольшее число перемещений в первой и второй локализациях определяются как переход из сельской местности в сельскую (по сумме всех локализаций такой переход занимает 18 %) и из сельской – в городскую среду (47,5 % всех перемещений). Значительная доля этих миграций связана, по упоминаниям респондентов, с последствиями столыпинской рефор-

мы. Отмеченные в данной позиции национальности – русские, украинцы и белорусы.

Наиболее типичный характер миграций в третьей локализации – из села в город и из города в город (последняя занимает 26 %). Наименьшую долю занимает переход из городской среды в сельскую (8,5 %). Комментарий респондентов о причинах этих переселений говорит об их вынужденном характере. Среди наиболее частых упоминаний причин такого перехода были раскулачивание, депортация и эвакуация, особенно заводская. Принудительный характер в родословных респондентов носила почти вся немецкая миграция. В упоминаниях относительно других национальностей статистически значимой специфики зафиксировано не было.

Между поколением, принявшим решение мигрировать за Урал, и рожденными в 1980-1990-х гг. прошло относительно мало времени. Тем не менее, судя по ответам респондентов, среди наследников довольно значительных этнических групп – украинцев, белорусов, немцев абсолютное большинство этнически не идентифицирует себя со своими предками (табл. 2).

Данные родословной позволяют определить резкое снижение количества этнических идентификаций при переходе от третьего ко второму поколению. Именно на этот временной отрезок (1980-1990-е гг.) семейной истории в большинстве случаев приходится последний цикл миграции предков (отцов и матерей), а также и рождение самих респондентов.

Передача этнической принадлежности молодому поколению происходила, с одной стороны, за счет продолжения идентификации родителей со своими предками. С другой стороны, за счет увеличения количества смешанных браков родителей повысилась вариативность принятия новой идентичности.

Если среди семей переселенцев четвертого и третьего поколений (национальная принадлежность которых была указана), зафиксированы (по убывающей) русско-украинские, русско-белорусские, русско-немецкие, украинско-белорусские, польско-украинские, немецко-белорусские, не-

Таблица № 2. Поколенная этническая принадлежность респондентов

Этническая принадлежность/ поколение	Русские	Украинцы	Белорусы	Татары	Немцы	Латыши	Уйгуры	Смешанные	Не указана
4-е поколение %	34,2	4,4	1,3	0,5	2,3	-	-	6,5	50,8
3-е поколение %	52,2	5,0	1,1	0,8	1,9	-	-	8,9	30,1
2-е поколение %	65,5	0,5	-	-	0,5	-	-	12,7	20,8
1-е поколение %	92,3	1,0	-	1,0	-	0,5	0,5	-	4,7

Таблица 3. Глубина исторической памяти респондентов

Характеристика памяти/поколение	Полные сведения	По этнической принадлежности	По другой принадлежности (геогр., ФИО, г.р.)	Отсутствуют сведения
4-е поколение, %	31,8	10,1	36,2	21,9
3-е поколение, %	47,8	14,3	32,7	5,2
2-е поколение, %	64,5	16,6	18,9	-

мецко-украинские и русско-польские браки, то во втором ситуация изменилась. Помимо уже названных, были созданы русско-татарские (3 упоминания), русско-азербайджанские (2 упоминания) и русско-узбекские (2 упоминания) браки. Кроме того, в родословных респондентов были отмечены татарско-башкирский, русско-еврейский, русско-карельский, русско-чувашский, русско-румынский, русско-китайский и украинско-цыганский браки.

Возрастание доли русских на протяжении жизни поколений в графе национальная принадлежность связано с востребованностью исторической памяти респондентов. Упоминание этнической принадлежности по отношению к предкам не является устойчивым признаком. (табл. 3). Наиболее отдаленные предки отмечены в родословных по фамилии, имени, и, реже, отчеству. С временной памятью (года жизни и даты перемещений) большинство респондентов испытывали трудности, предпочитая именную или географическую привязку.

Степень укорененности опрошенных определяется временем или количеством поколений, осевшим в г. Новосибирске. Согласно анкетам, 37,1 % представителей молодого поколения являются мигрантами; 20,4 % из них проживают в городе менее 10 лет и 16,7 % стали новосибирцами после рождения. Среди укорененных горожан четырехпоколенный стаж имеют только 7,4 %. Еще 9,9 % респондентов имеют предков в городе с третьего поколения, остальные – 45,6 % - являются горожанами во втором поколении.

Тем не менее, данные анкетирования говорят об обширных родственных связях в г. Новосибирске – 25,3 % респондентов имеют здесь родственников. На втором месте находятся зарубежные родственные связи – 23,6 % всех упомянутых. Среди них Германия (36 %), Украина (19,8 %), Казахстан (19,4 %), Белоруссия (10,1 %), страны Западной Европы и Северной Америки (по 5,4 %), Восточная Европа и Израиль (по 3,9 %), страны Средней Азии (3,1) и Молдова (2,3 %).

Интересно, что вместе с упоминанием родственных связей с Германией отмечаются обширные (статистически значимые по сравнению с остальными) региональные, российские и зарубежные связи. Германские родственные связи зачастую уходят в Казахстан. Российские родственники

занимают 22 % в системе связей, проживающие в Новосибирской области – 15,7 %, в Сибири – 13,4 %.

Таким образом, наряду с развитой сетью родственных связей, значительная часть которых представлена зарубежными странами, глубина семейной памяти респондентов, в том числе и об этнической идентификации, не позволяет говорить о строгой поколенной преемственности этнического самоопределения городской молодежи. Значительная часть определивших свою этническую принадлежность как русские, являются наследниками различных этнокультурных и языковых традиций, обусловленных динамикой миграционных перемещений населения России.

ПИЩА ИЗ РЫБЫ В СИСТЕМЕ ПИТАНИЯ БУРЯТ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В 1999, 2006 ГОДАХ)

В традиционной системе питания бурят, которые в XIX – начале XX вв. в большинстве своем были скотоводами, преобладали мясомолочные продукты, и значение другой пищи в целом было незначительным. В рамках настоящей статьи мы попытаемся на основе полевых материалов, собранных в Республике Бурятия, дать краткую характеристику бурятской пищи из рыбы.

В изучаемое время отношение к рыбе как продукту питания у разных групп бурят было различным. Хори-буряты, присаянские и селенгинские буряты рыбу называли не иначе как *уһанай хорхой* ‘водяной червь’, что достаточно определенно свидетельствует об отнесении ими рыбы к хтоническим существам, подвластным мифическому хозяину вод Лусад-хану. Естественно, эти представления отразились на их отношении к рыбе, которая, по их мнению, не представляла пищевой ценности и даже могла быть опасной для здоровья. Появление таких воззрений у этих бурят, по всей вероятности, не было связано с каким-то религиозным запретом (буддийским), как полагают некоторые исследователи [Буряты, 2004, С. 179], а объяснялось проявлением более ранних, добуддийских представлений. Такое же отношение к рыбе, что интересно, прослеживалось у хакасов, проживавших в степной зоне. В.Я. Бутанаев пишет, что хакасы-степняки рыбу не употребляли в пищу, и презрительно называли ее *суг хурты* ‘водяной червь’ [Бутанаев, 1993, С. 164]. Это уничижительное отношение, как указывает ученый, могло идти от глубины веков, по крайней мере, от древних кыргызов. Другая природа пищевого избегания рыбы была у представителей рода *хурхууд*, принадлежавшего к присаянским бурятам. Они считали своим прародителем налима и, поэтому не ловили, и не кушали эту рыбу.

Отсутствие традиции ловли и потребления рыбы проявилось и в ограниченности способов ее обработки. Пойманная рыба отваривалась в воде, пеклась на углях, или готовилась на рожне. Ловля ее не считалась занятием достойным мужчины, поэтому рыбалкой занимались подростки, или уж совсем обездоленные люди, не имевшие скота, и неприспособленные к охоте. Отсутствовали у этих бурят и способы обработки рыбы для длительного хранения. Однако действие этого пищевого избегания переставало действовать во времена массового падежа скота, когда вставал вопрос о физическом выживании людей.

В традиции предбайкальских бурят, в особенности ольхонских бурят, такого пищевого избегания рыбы не было. Хотя, как известно, ольхонские буряты относятся к эхиритам, которые, согласно их генеалогическим преданиям, вели свое происхождение от пестрого налима. Объяснение этого можно видеть в их исконном проживании у берегов озера Байкал и в бассейне р. Ангара, что способствовало превращению рыболовства в традиционное для ольхонских бурят занятие, которое с заимствованием у русских рыболовного инвентаря, некоторых приемов рыбалки и обработки рыбы, со временем лишь приобрело еще более устойчивый, промысловый характер.

Буряты употребляли в пищу в основном такие речные и озерные виды рыб как: таймень (*тула*), налим (*зутаар*), хариус (*хадаари*), ленок (*зэбэ*), щука (*сурхай*), сиг или омуль (*омоли*). В меньшей степени кушали соровую рыбу (окунь, сорогу), а также сазанов, карасей, язей и пескарей.

О заимствовании из русской кулинарии большинства бурятских рыбных блюд можно судить на примере современной кухни кабанских (в литературе известных как кударинских) бурят, являющихся выходцами с о. Ольхон. Как представляется, такие пищевые технологии как соление рыбы (омуля) в кедровых бочках, фаршировка рыбы (щуки), горячее и холодное копчение рыбы (омуля), квашение рыбы (омуль с душиком) были переняты ольхонскими бурятами от русских. К числу бурятских кушаний, имеющих русское происхождение, принадлежат, несомненно, уха, рыбный суп и котлеты из омуля.

Соленая рыба (даббалхан загана). Рыбины вычищались от внутренностей, для этого делали вдоль живота широкий разрез. Соление производилось в кедровых бочках, при этом крупную рыбу клали снизу, а мелкую – сверху. Соль закладывали с головы рыбы из расчета 1 столовая ложка на рыбу. Примерно через неделю рыба становилась соленой. Малосоленую рыбу можно было употреблять в пищу уже через 3 - 4 дня. Хранили бочки с рыбой при минусовой температуре, поместив в земляном погребе. Зимой рыбу, пойманную в результате подледного лова, засолив, также помещали в погреб в бочках, которые обкладывали кусками льда. Кабанские буряты так поступали в основном с омулем. Икра соровой рыбы обычно жарилась на масле или отваривалась прямо с пленкой, в которую она была обернута в утробе рыбы. В конце августа, когда с Селенги шел на нерест омуль, его ловили, и вынимали икру. В отличие от икры соровой рыбы омулевую икру, очистив от пленки, засаливали так же как и рыбу в бочках [ПМА - Сотнич О.И.].

Омуль с душиком (унэртэй омоли). Иногда соленый омуль специально доводился до появления у него специфического запаха, для этого нарушался температурный режим хранения. Такая рыба, тем не менее, считалась изысканным блюдом, причем не столько у кабанских бурят, сколько у русских, которые с удовольствием покупали ее на верхнеудинском рынке, куда ее привозили буряты. Данное пищевое пристрастие у русских, в особен-

ности у северно-русского населения, было отмечено Д.К. Зелениным. Он раскрывает секреты приготовления такой квашеной или *межонной* рыбы: рыба слегка засаливалась в бочках, потом квасилась в теплом месте или на солнце до появления сильного кислого запаха [Зеленин, 1991, С. 146]. По всей видимости, учтя вкусы русского переселенческого населения Западного Забайкалья, которое, в частности, сформировалось из выходцев с Русского Севера (поморцев), буряты занялись производством и продажей столь специфического продукта.

Уха. Рыбу тщательно промывали в холодной воде, чешую не снимали, а только убирали ее кишки. В зависимости от имеющейся в наличии рыбы делали обычную омулевую уху, или двойную, и даже тройную, используя кроме омуля окуней или иную рыбу. Особенно вкусной считалась уха, приготовленная на костре, как говорят “с дымком”. В такую уже сварившуюся уху обязательно наливали рюмку водки, придавая блюду дополнительную пикантность.

Рыбный суп. Аналогично ухе для рыбного супа чистилась рыба. В котел с холодной водой сначала насыпали соль, рис, затем по мере закипания нарезанную картошку, омуль, под конец добавляли мелко накрошенный дикий лук, чеснок, клали немного лаврового листа и молотый перец.

Жареная рыба (шарахан загана). Обыкновенно буряты жарили на масле (сегодня на растительном масле) разделанного и нарезанного на куски омуля или щуку.

Жареная налиμья печень (гутаарай шарахан эльгэн). У пойманного налима печень не выбрасывалась, так как она была достаточно большой. Нарезав и посолив, ее жарили на масле или пекли на углях. Жареная налиμья печень, по словам информаторов, отличалась особенно нежным вкусом.

Фаршированная щука. Для приготовления этого блюда снимали целиком кожу с щуки, оставшуюся мякоть без костей перемалывали, добавляли специи, отварной рис. Этим фаршем начиняли рыбину и клали выпекаться в жаровню.

Омуль на рожне. Предварительно заготавливали рожны из тальника, который, как известно, отличается своей гибкостью и достаточной прочностью. Отбирали только крупных и жирных омулей, которых потрошили, убирая внутренности, разрезали пополам, и насаживали на заостренные рожны: сначала хвостовую часть, затем головную. Куски омуля, когда насаживали на тальниковые прутья, специально расправляли, чтобы они хорошо пропекались, слегка посыпали их внутреннюю поверхность солью. Втыкали омуль на рожне вокруг костра по кругу тогда, когда костер переставал сильно дымить, и начинал гореть ровным огнем, выделяя сильный жар [ПМА - Албатаева Р.В.].

Копченый омуль. Рыбину вычищали от внутренностей, раздвигали края разреза на ее животе, ставя несколько распорок в виде гладко обструганных палочек. Подготовленную таким способом рыбу коптили на невысоком деревянном настиле, сделанном над тлеющим костром. В за-

висимости от длительности этой процедуры копчение было горячим или холодным.

Между тем у кабанских бурят обнаруживаются самобытные рецепты приготовления рыбных блюд, по нашему представлению, зародившиеся во второй половине XX в. К таким кулинарным изобретениям можно отнести рыбные колобки и позы. Рыбные колобки делали подобно мясным колобкам: мякоть омуля перемалывали, в этот фарш добавляли сырое яйцо, соль, перетертый картофель и натертый чеснок. Из получившегося фарша катали небольшие колобки, которые опускали в кастрюлю с кипящей подсоленной водой, и варили до готовности. Иногда на их основе делали суп. В пользу самобытности этого блюда свидетельствует то, что у ольхонских бурят, сородичей кабанских бурят, оно не известно. Рыбные позы целиком повторяют операции, которые выполняются при приготовлении мясных поз, т.е. они также варятся на пару, тесто для них делают пресное. Единственно, фарш делают из мякоти омуля, и время, отпускаемое на их варку, дается чуть меньше, чем на обычные позы.

Как видно из вышеизложенного, в XIX – начале XX в. рыба употреблялась в пищу всеми группами бурят, но значение ее в питании варьировало. Если для одних (ольхонских и кударинских бурят) она представляла важнейший пищевой продукт, то другие (большинство забайкальских, присаянских, часть предбайкальских бурят) потребляли рыбу эпизодически, нередко вынужденно в силу отсутствия мясомолочных продуктов. В течение рассматриваемого периода под влиянием русских становится более разнообразным состав пищи из рыбы у ольхонских и кударинских бурят. Позднее кударинские буряты расширяют ассортимент рыбных блюд, изобретая новые оригинальные кушанья.

Примечания

Буряты /Отв. ред. Л.Л. Абаева, Н.Л. Жуковская; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – М.: Наука, 2004.

Бутанаев В.Я. Традиционная пища хакасов // Из истории хозяйства и материальной культуры тюрко-монгольских народов. – Новосибирск: ВО “Наука”. Сибирская издательская фирма, 1993. – С. 150 – 170.

Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. - М.: Наука, 1991.

Список информаторов

Албатаева Розалия Васильевна – бурятка, род абзай, 1933 г.р., с. Ранжурово Кабанского района Республики Бурятия. Дата записи – 2006 г.

Сотнич Ольга Ильинична – бурятка, род шоно, 1957 г.р., с. Ранжурово Кабанского района Республики Бурятия. Дата записи – 1999 г.

**ОТНОШЕНИЕ ПРИНИМАЮЩЕГО НАСЕЛЕНИЯ
К МИГРАНТАМ И ИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
(ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ОПРОСОВ ВЦИОМ В 2006–2007 ГОДАХ
И ДАННЫМ АНКЕТИРОВАНИЯ В НОВОСИБИРСКЕ)**

Проблема взаимодействия принимающего населения и мигрантов в последнее десятилетие привлекала пристальное внимание административных структур и общественных сил в России в целом и в отдельных ее регионах. Принятый в апреле 2007 г. закон об ограничении работы иностранных торговцев на продовольственных и вещевых рынках, происходящие выступления группировок «фашистов» и «антифашистов» вновь и вновь фокусируют широкие слои населения на трудовой миграции и сфере межнациональных отношений.

Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в 2006 - 2007 гг. были проведены несколько исследований, касающихся запретов на труд (торговлю) для иностранцев и готовности к межнациональному взаимодействию. В том числе была затронута тема отношения российских граждан к различным странам Азиатского региона, в частности к Китаю.

Говоря (на основании опросов) об общем уровне толерантности россиян, надо отметить достаточно высокую их готовность к межнациональному взаимодействию. Так, например, оценивая суждения о характере межнациональных отношений в России, большинство респондентов (44%) согласились с суждением «Россия – общий дом многих народов, оказывающих друг на друга свое влияние. Все народы России должны обладать равными правами, и никто не должен иметь никаких преимуществ».

Меньшую поддержку (36%) получило утверждение «Россия – многонациональная страна, но русские, составляя большинство, должны иметь больше прав, ибо на них лежит основная ответственность за судьбу страны в целом». И менее всего сторонников (15%) выступили за утверждение «Россия должны быть государством русских людей» [ВЦИОМ пресс-выпуск №603].

Также показательно согласие большинства респондентов с предложенными фразами: «Русский народ в течение всей своей истории объединял разные народы, примирял их между собой, нес им высокую культуру и цивилизацию» - 81% русских респондентов, 82% другие национальности; «Политика власти всегда строилась с учетом равноправия различных народов нашей страны, была нацелена на укрепление межнационального мира и согласия» - 71% русские, 74% другие национальности; «Отноше-

ния между различными народами нашей страны всегда были терпимыми и толерантными, это отношения дружбы, диалога, сотрудничества» - 78% русских респондентов, 81% другие национальности.

Большинство опрошиваемых отметило, что они не сталкивались с дискриминацией по национальному признаку - 81-85%. Те же, кто сталкивался, отмечают, что подобное происходило в быту (в магазинах, в общественных учреждениях, общественном транспорте и т.д.) - 18% [ВЦИОМ пресс-выпуск №788].

Область рыночной торговли повсеместно в России в значительной степени ассоциируется с деятельностью иностранцев. Из всех опрошенных 59% считают, что приезжие других национальностей практически контролируют эту сферу. За ограничения торговли иностранцев высказались 74% опрошенных. Население демонстрирует предпочтение русским продавцам (56% из всех опрошенных). Однако необходимо отметить различия во мнении по федеральным округам. Для сравнения были взяты Дальневосточный Федеральный Округ (ДФО), Сибирский Федеральный округ (СФО) и Центральный Федеральный округ (ЦФО). Наибольшую толерантность демонстрирует ДФО, где видеть русского продавца за прилавком предпочитают 37% опрошенных, СФО – 49% и ЦФО – 66% опрошенных. Безразличны к этому вопросу в ДФО – 50%, СФО – 43%, ЦФО – 30%.

Одобрение большинством респондентов решения властей «полностью запретить иностранцам (всем, кто не является гражданами России) торговать в палатках и на рынках» имеет место; но приблизительно такое же число респондентов отметили, что ситуация в сфере торговли с вступлением в силу закона и уменьшением числа торговцев, не являющимися гражданами России, не изменилась. Остались на прежнем уровне качество обслуживания и количество торговых точек (66%), ассортимент и качество товаров (72%), цены на продукты (60%) и ситуация в межнациональных отношениях (58%). [ВЦИОМ пресс-выпуск № 672]

Отношение к мигрантам по-прежнему является противоречивым. С одной стороны распространено мнение, что мигранты нужны России для «восполнения дефицита трудовых ресурсов», и вместе с тем – их присутствие приводит к «увеличению безработицы среди местного населения». В оценке этой позиции также имеют место достаточно заметные различия в мнении по округам. Жители ДФО проявляют большую толерантность в отношении приезжих, демонстрируют относительно меньше опасений связанных с мигрантами и в меньшей степени связывают уровень криминальной обстановки с количеством мигрантов [ВЦИОМ пресс-выпуск №773].

Отношение к странам Азии также не является негативным; и сегодня можно говорить о стабилизации мнения относительно этих стран. У 56% населения эмоции, возникающие при слове «Азия» положительные, лишь у 24% - отрицательные. [ВЦИОМ пресс-выпуск № 652] Что же касается Китая, входящего в тройку наиболее часто называемых стран-пар-

тнеров России в азиатском регионе, то лишь у 7% опрошенных «Китай» ассоциируется с такими понятиями как «мигранты, дешевая рабочая сила» [ВЦИОМ пресс-выпуск №674]. В то же время жить в странах Азии выразило желание лишь незначительный процент опрошенных.

В Новосибирске было проведено текущее исследование мнения населения относительно уровня миграции из стран Азии, контроля над деятельностью мигрантов на территории России, их влияния на различные сферы жизни принимающего населения. Опрос проводился среди работающего населения в возрасте от 24 до 65 лет; определивших свою национальность как «русские».

В ходе опроса были получены следующие результаты: 100% опрошенных волнует проблема мигрантов, хотя, очевидно, в разной степени, и разных аспектах. В анкетах зафиксированы такие фразы как «их отсутствие (мигрантов) будет волновать еще больше». В то же время респондентами отмечается как положительное влияние мигрантов и их востребованность в ряде регионов, так и неудобства, связанные с их присутствием.

Исходя из представленной в прессе точке зрения, что мигранты могут негативно повлиять на жизнь коренного населения – его культуру и благополучие (на цены и рынок труда и тд.), в опрос был включен вопрос с предложением оценить уровень влияния мигрантов на эти области.

По результатам опроса 70% убеждены, что мигранты и их деятельность не влияют на культуру принимающего населения Новосибирска. Более 50% считают, что мигранты оказывают положительное влияние на рынок труда. И 60% считает, что присутствие мигрантов негативно сказывается на ценах на товары.

Таким образом, можно сделать вывод, что общий уровень толерантности в региональном сообществе, в том числе в Новосибирске достаточно высок. Имеет место некоторый «национализм» на бытовом уровне, связанный в основном с торговой деятельностью выходцев из других стран. Большинство граждан придерживаются точки зрения, провозглашающей Россию «домом всех народов, каждый из которых должен иметь равные права». При этом можно утверждать, что уровень радикализма не возрос за последние несколько лет. Концепция «Россия – для русских» поддерживается опрошенными в основном при условии, что «под русскими подразумеваются все граждане России».

Примечания

ВЦИОМ Пресс-выпуск №562 «В какой стране жить хорошо» 26.10.2006// <http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/3489.html>

ВЦИОМ Пресс-выпуск №603 «Россия для русских или для всех?» 21.12.2006 г. // <http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/3772.html>

ВЦИОМ Пресс-выпуск № 672 «Рынки без иностранцев» 12.04.2007// <http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/4376.html>

ВЦИОМ Пресс-выпуск №674 «Россияне хотят дружить с Китаем, но на расстоянии» 16.04.2007// <http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/4397.html>

ВЦИОМ Пресс-выпуск №773 «Китайские рабочие в России: демографическая угроза или экономический ресурс?» 20.09.2007// <http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/8844.html>

ВЦИОМ Пресс-выпуск №788 Межнациональный мир в России 10.10.2007// <http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/8946.html>

Гудков Л. Антисемитизм в постсоветской России // Нетерпимость в России: старые и новые фобии. М., 1999. С. 63

**КАВАЛЕРЫ И СУКНОДЕЛЫ МУХОРШИБИРСКОЙ
ВОЛОСТИ ЗАПАДНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ
(КОНЕЦ XVIII – НАЧАЛО XIX ВЕКА)**

В первое десятилетие XIX в. Франция, став империей, бросила вызов всем мировым державам. Она завоевала пол-Европы. В 1805 г. Россия вступила в союз с Англией и Австрией с целью противостоять планам Наполеона. В это время в ходе войны со Швецией к России отошла Финляндия. С 1806 по 1812 гг. Россия ведет войну с Турцией; выступает за независимость Сербии и признание Российского протектората над Грузией.

Подобная обстановка требовала мобилизации всех сил. Даже до российских восточных окраин поступают донесения с мест военных действий.

В Национальном архиве Республики Бурятия (НАРБ) хранится копия документа «Содержание последних донесений от Главнокомандующего Российской Армией против турок генерала от инфантерии князя Багратиона.» Из истории известно, что в 1809 г. Багратион, воюя против Турции, командует Молдавской армией. Он взял Браилов, Измаил и нанес поражение турецкому корпусу у Рассавета (04.09.1809г.). Об этой победе свидетельствует его донесение:

«Главнокомандующий Российской Армией, против турок действующею, Генерал-Князь Багратион доносит, что в след за покорением крепостей Тульчи, Исаки, Мачина и Гирсовы, Российские Войска открыв сильный корпус турецких войск, под предводительством Сераскира Гозрев Паши, при Разсавате собравшихся и составлявших до 20 000 человек, сделали с обычною им храбростию стремительное на них нападение и совершенно их разбили. ... В след за сею знаменитой победой взяты следующие укрепления: на правой стороне Дуная Кузгун и на берегах черного моря крепости Кистенджи и Мангалии.

Покорение их было предзнаменованием важнейшего воинского происшествия. В 14-й день Сентября главная и сильная крепость Измаил, коей овладение во все прежния с Портою Оттоманскою войны стоило весьма важной потери людей, ныне без пролития крови покорилась победоносному оружию ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА. Главнокомандующий представляя капитуляцию на здачу сей крепости, в 13 й день Сентября генерал-Лейтенантом Засом заключенную и состоящую в том, что Гарнизон и жители через пять дней, по занятии ея Российскими Войсками, должны ее оставить и имеют быть отправлены с конвоем за Дунай в места, под власть Российскую состоящие – подвергает вместе с тем к стопам ЕГО

ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА и ключ сей крепости» [НАРБ. Ф.44. Оп.1. Д.5. Л. 472].

Русские крестьяне Забайкалья, как и все население российского государства, были участниками важных исторических событий, происходящих в России в XVIII - начале XIX вв. Об этом свидетельствуют архивные документы, обнаруженные в НАРБ в 2006 г. в фонде Мухоршибирского волостного правления (1809 г.). Вероятно, назревающие события, заставили власти обратить внимание на участников покорения Крыма и других военных действий, получивших знаки отличия за ратные подвиги.

По запросу Верхнеудинского земского суда из Мухоршибирского волостного правления затребовал «Списки о жительствовавших поселянах Мухоршибирской волости об отставных нижних воинских чинах, имеющих знаки отличия военного ордена св. Анны и получающих пенсий». В них были указаны следующие имена:

1.Фельдфебель Иван Евстигнеевич сын Зуев награжден орденом св. Анны 807 апреля 12 дня за 25-летнюю службу, живет в Мухоршибирской волости.

2.Барабанщик Егор Иванов сын Панов, 70 лет.

3.Унтер-офицер Иван Иванов сын Зубакин [НАРБ, Ф. 44. Оп. 1. Д.5. Л. 563].

4.Фурьер (курьер) Прокопий Минаев сын Любенской, 66 лет. Был в разных походах... и до Крымской гран. 1770 г. в Крымской компании и под Перекопом, а оттоль до крепости Кинбургской и до Кидерменя 1771 г. При штурме и взятии Перекопской линии и города Кефы и Балаклавской пристани 1773-1774, в Кубанской степи г. Копыла и Заречну Кубань и за выслугные бессрочно 25 лет. Награжден орденом Св. Анны, знаком медали 1775 г. по заключению мира с Портой 10 июля 1774г. (известно, что в то время выдавали только медали, а орден был установлен только в 1807 г.) Жительствует в Харашибирской деревне [НАРБ, Ф.44. Оп. 1. Д.5. Л. 566-567].

Список увечных отставных нижних чинов.

5.Рядовой Иван Миронов сын Назаров, 80 лет, жительствоет Куналейской деревне.

6.Канонир Гаврила Лукьянов сын Лукьянов, 57 лет, жительствоет в Куйтунской деревне.

7.Рядовой Северьян Михайлов сын Михайлов, 83 лет. Жительствоет в Жиримской деревне. Знак отличия получил в г. Селенгинске в декабре 1797 г. от генерал-майора Николая Михайловича Фонбушина [ЛЛ. 567, 569].

8.Рядовой Гаврило Сергеев сын Кушнерев, 54 лет, жительствоет в Жиримской деревне. Семеновского полку.

9.Лейб-гвардии унтер-офицер Григорий Константинов сын Мякишев, 40 лет. Жительствоет в Старозаганской деревне.

10. Рядовой Лукьян Константинов сын Константинов, 99 лет, жительствоет в Малозаганском селении. Знаки отличия получил в г. Селенгинске 1766, 1778 от инспектора и кавалера Анбушина.

11.Конанир Данило Петров сын Сурвачев, 58 лет, жительствоует в Шаралдайской деревне.

12.Рядовой Михайло Ануфриев сын Индикин, 71 год, жительствоует в Шаралдайской деревне. Знак отличия получил в г. Селенгинске от инспектора и разных орденов кавалера Анбушина.

13.Бомбардир Лука Андреев сын Меринов, 54 лет, жительствоует в Хонхойской деревне.

14.Рядовой Федул Андреев сын Андреев, 70 лет, жительствоует Хонхойской деревне. Знак отличия получил в г. Селенгинске от инспектора и кавалера Анбушина [ЛЛ. 567, 568, 570].

15.Бомбардир Фадей Симухин, 55 лет, из Старого Загана, за выслуженные бессрочно 25 лет, знак отличия Св. Анны получил в 1802 г. в г. Иркутске от генерал-губернатора Бриля [Л.Л. 549, 571].

Таковы некоторые сведения о нижних чинах, получивших знаки отличия (медали и орден Св. Анны), и проживающих в 24 селениях обширной Мухоршибирской волости.

В документах за 1808-1809 гг. сообщается о развитии сукноделия в байкальских селениях, и это занятие всячески поощряется властями. Накануне Отечественной войны 1812 г. большое количество русских крестьянских семей занялось производством сукна не только для собственных нужд, но и для армии. Из документов удалось установить, что 31 октября 1809 г. от Верхнеудинского земского исправника Янкова Мухоршибирским волостным правлением был получен приказ. В нем говорится что: «в указе Иркутское губернское правительство от 15 сего октября за № 22652 прописывает предложения Г.Иркутского гражданского губернатора кавалера Николая Ивановича Трескина о строении рекрутской одежды из добротных сукон и поощрении промышленников к выделке оных в большом количестве». Министр внутренних дел обратился к начальнику губернии с просьбой, «дабы они приложили всевозможное старание, чтобы рекрутские вещи были впредь строены из материалов сколько можно лучших из сукон прочных, необходимо должно обратить внимание на промышленников и на тех крестьян, кои вырабатыванием обыкновенных крестьянских сукон занимаются во вверенной Вам губернии, их нужно поощрять, дабы они старались вырабатывать таковые сукна не только для собственного своего употребления, но имели бы то ввиду, что изделия сии нужны для обмундирования рекрут и, следовательно выделку их распространяли бы гораздо в большем количестве». Губернское правительство предписывает исправнику Янкову «внушить крестьянам о пользе распространения выделки сукон». [НАРБ, Ф. 44. Оп. 1. Д. 5. ЛЛ. 400-401Об].

Буквально через несколько дней в Мухоршибирское волостное правление поступает новый приказ Иркутского губернского правительства: «...волостным начальникам рекомендует, при разъездах их употреблять деятельнейшие личные старания в склонении поселян как занимающихся так и не занимающихся сукноделием к дальнейшему распространению оного, внушив

им собственные их от сего выгоды и то внимание, с каким правительство просит попечение их в распространения сего рукоделия... о тех поселянах кои отличаться в сем особенно представлять ко мне на донесение его превосходительству именные списки с означением количества выделяемого каждым из них сурова.» [НАРБ, Ф. 44. Оп. 1. Д. 5. Л. 418-418 Об].

Гражданский губернатор Н.И. Трескин хорошо знал трудолюбие забайкальских крестьян (семейских) и надежду снабжения армии добротным сукном возлагал на них. Исправнику были представлены списки крестьян Мухоршибирской волости на 12 листах; 21 ноября 1809 г. из Тарбагатайской слободы в Мухоршибирское волостное правление поступил рапорт сельского выборного Василия Баннова, в нем говорилось: «По силе приказа онаго правления о внушении и распространении выделки крестьянских сукон в лутчей доброты и не иначе бы делать как в берде 450 зубов. При собрании всего десятка о сем внушение было, а что же касается ныне выделяемого крестьянами сукно собственно про свою только надобность в берде 230 зубов, в ширину от 14 и до 10 вершков, кто ж оным занимается, о тех... представляю именной список» [НАРБ, Ф. 44. Оп. 1. Д. 5. Л. 420].

В Тарбагатайской слободе показано 35 человек мужского пола, в чьих семьях занимаются сукноделием. Их семьи берутся выделять от 15 до 50 аршин, а всего Тарбагатайские крестьяне обещают изготовить 742 аршина прочного сукна.

В Куналейской деревне выделять сукно для армии решили 36 хозяев. В год они могут изготовить 1205 аршин. Среди них три семьи Алексеевых: Марка, Левона и Егора, три семьи Болоневых: Архипа, Тита и Левона, 2 семьи Кущнеревых: Мирона и Сидора; 4 семьи Рыжаковых: Андрея, Акинфа, Лаврентия, Данилы, Бондаревых по две: Калины и Родивона, Якова и Родивона Сластиных [Там же, Л. 425-425 об].

Более всего выделяли сукно жители Десятниковской деревни. Отдельные семьи изготавливали от 40 до 100 аршин. Семьи Ивана Чистякова, Никиты Пискунова, Александра Васильева выделяли по 80 аршин сукна, а семьи Максима Матвеева, Перфила Степанова, Андрея Пыкина по 100 аршин [Там же, Л. 423 об.]. В Мухоршибирской слободе 19 хозяев могут в год изготовить 465 аршин [Там же, Л. 431]. В Харашибирской деревне 19 хозяев берутся выделывать 460 аршин сукна [Там же, Л. 432]; 24 крестьянина Хонхолойского селения имели возможность выделять сукна 580 аршин [Л. 433].

В списке Никольского селения 50 человек. Бердо в Никольском содержит 240 зубов, ширина сукна в 8 вершков. Крестьяне села могут изготовить в год 567 аршин в прочной доброты [Там же, Л. 434-434 об].

Таким образом, 206 крестьянских семей семи деревень, состоящих в основном из старообрядцев (семейских), могли изготовить 5108 аршин сукна для поставки его в армию. Представленные материалы свидетельствуют о том, что русские крестьяне Западного Забайкалья не находились в отрыве от тех исторических военных событий, которые происходили в Европейской части России, а часто являлись их непосредственными участниками.

СОЮЗ ВОИНСТВУЮЩИХ БЕЗБОЖНИКОВ В КАМПАНИЯХ ПО «РАСШАМАНИВАНИЮ» В ХАКАСИИ В 1920-х ГОДАХ

Союз воинствующих безбожников (СВБ) являлся массовой атеистической организацией, просуществовавшей в Советском Союзе с 1925 по 1947 гг. (до июня 1929 г. – Союз безбожников). Его возглавлял известный большевик Е.М. Ярославский. СВБ выпускал антирелигиозную литературу, инициировал работу по атеистической пропаганде, по созданию антирелигиозных выставок и музеев. Первичные ячейки СВБ создавались во всех учреждениях при поддержке партийных и комсомольских органов [Боже // <http://www.book-chel.ru>].

В Хакасии эта организация была основана в 1925 г. Она называлась «Обществом «Безбожник». Позднее была переименована в «Общество друзей газеты “Безбожник”» (ОДГБ). Хакасская ячейка ОДГБ подчинялась Енисейскому губернскому обществу, которое находилось в г. Красноярске. Об этой организации обнаруживаются следующие сведения: «С углублением революции с расшатыванием старой экономики начинает шататься и религия. В связи с этим антирелигиозная пропаганда начинает занимать все больше места в нашей агитпроп. работе, но в то же время она требует специальных знаний и навыков. XIII партсъезд по вопросу о методах антирелигиозной пропаганды сделал специальные указания. Для придания нашей антирелигиозной пропаганде единого метода, на основе резолюции XIII партсъезда в Центре и у нас в губернии организовано общество «Безбожник» по сути своей являющееся Обществом Друзей газеты «Безбожник». Эта организация в Красноярске окрепла настолько, что сможет постепенно расшириться в Губернское Общество. Препровождая при всем инструкцию и устав Общества Агитпроп. Губкома РКП(б) предлагает выделить для этой работы специального товарища, знакомого с антирелигиозной пропагандой, поручив ему организацию Общества при Укоме. Выделенному товарищу через Агитпроп. Укома связаться с Красноярским О-вом, направляя всю корреспонденцию в Агитпроп. Губкома» (ОДНИ ГАРХ, ф. 14, оп. 1, д. 37, л. 21).

Одной из главных задач Общества друзей газеты «Безбожник» (ОДГБ) в Хакасии являлось «искоренение» шаманизма, который, наряду с другими религиозными культами рассматривался одной из основных преград для строительства социализма. Партийные работники, описывая быт и верования хакасов в 1925 г., отмечали: «Хакасы в своем быту исполняют почти

первобытные обычаи. Таковые обычаи можно указать следующие: несмотря на то, что хакасы исповедуют православную христианскую веру (по этому поводу среди хакасов работали православные миссионеры), они также веруют в шаманизм. Среди хакасов имеются шаманы наподобие русских попов, которые помимо населения имеют общение со злыми и добрыми духами, а посему могут помочь человеку при болезнях или наоборот. Шаманы среди хакасов пользуются громадным авторитетом, благодаря чему последние за свои услуги выколачивают от населения ценности в виде продуктов и денег. За последнее время в некоторых об-вах развелось очень много шаманов, например, в Чиланском об-ве Таштыпского района имеется около 10 шаманов. Брак между супругами осуществляется посредством воровства мужчиной женщины, причем за невесту отец у жениха берет приданное – калым сколько вздумается. После смерти хакаса такового закапывают в землю и с ним закапывают его вещи. Тризну по умершему справляют всем селением или улусом тут же на кладбище, где главным образом фигурирует самогон» (ОДНИ ГАРХ, ф. 14, оп. 1, д. 27, л. 274).

Как видно из документа, шаманы воспринимались как равные по статусу с православным духовенством. Данное убеждение, по всей видимости, определялось степенью воздействия, которое оказывали в то время шаманы на хакасов. Таким способом актуализировалась угроза, которую они представляли для строительства советского общества. Шаманы, по мнению «безбожников», способствовали сохранению и культивированию архаичного уклада. Они, как и православные священнослужители, воспринимались в качестве непримиримых противников науки, светского образования и медицины. Были заинтересованы в сохранении безграмотности населения. Все эти реалии давали «воинствующим» атеистам стимул к борьбе с шаманами.

В партийных документах писалось: «Хакасы живут летом в юртах (помещение без окон, где укрываются от летней жары), зимой же в помещениях, наподобие русских изб. ... К медпомощи хакасы прибегают очень редко, а если и прибегают то только тогда, когда медицине уже невозможно бороться с болезнью ввиду ее запущенности. Смотри, что медицина в оказании помощи бессильна, у хакасов создается мнение, что медицина с шаманизмом бессильна, а посему и в большинстве обращаются к таковому, уплачивая то, что требуют шаманы. Хакаское население около 90 % безграмотно. В силу этого и отсталости, население обирается как шаманами, так и русскими попами, которые тоже пользуются авторитетом, каждый хакас последнее отдает попу, в нужных случаях – при исполнении религиозных обрядов лишь бы угодить попу. Кроме этого, население страдает от его простоты и доверчивости, например, спекулянт приезжая в районы, забирает скот, пушнину и т.д. ничего не платя за это, а спекулянт обыкновенно обещает уплачивать деньги после, т.е. после реализации взятого у хакаса, не давая по этому поводу никаких юридических обязательств, а хакасы верят на слова. Этим некоторые спекулянты пользуются, не платят

долго денег или совсем не платят. ... Хакасы в силу своей некультурности представляют собой безропотную темную массу, безразлично относящуюся ко всему и находящуюся под влиянием богачей, которые эксплуатируют, извлекая известную пользу. Лица зажиточные находят среди хакасов уважение, хакасы видят в них каких то необыкновенно могучих людей, обладающих сверхъестественной силой» (Там же).

Партийные структуры и ОДГБ борьбу с шаманизмом проводили в трех направлениях: запрет шаманской деятельности, лишение шаманов избирательных прав, привлечение их к судебной ответственности; борьба с неграмотностью и идейно-политическое воспитание; создание и развитие санитарного просвещения, сети медицинских учреждений, улучшение социально-бытовых условий населения [Бурнаков, 2006, с. 64-68]. Однако антишаманская, как и в целом, антирелигиозная кампания ОДГБ во второй половине 1920-х гг. не удовлетворяла всем требованиям партийного руководства. Во многом это было обусловлено отсутствием как квалифицированных кадров, компетентных в вопросах религии, так и неорганизованностью работы. Проведение антирелигиозной борьбы осуществлялось в «грубых» формах, нередко приводящих к противоположным результатам. В партийных директивах за 1928 г. отмечалось: «Наблюдаемое за последнее время усиление деятельности всевозможных религиозных организаций целиком связано с общим усилением активности буржуазных, кулацких, и м/буржуазных верхушечных слоев, стремящихся противопоставить свою идеологию неуклонно растущему в трудящихся массах влиянию Пролетарской идеологии. Такие факты в нашем округе, как выезд баптистских проповедников на станцию Абакан даже с музыкальными инструментами. Спровоцированное Таштыпское богоявление. Появление комсомолки станции Абакан с Евангелием и друг. – вполне подтверждает это. Необходимо решительное наступление на религию. Антирелигиозная пропаганда должна занять видное место в работе партии среди рабочих и крестьянства. Ни в коем случае нельзя пользоваться в борьбе с религией мерами механического воздействия или давления. Например: Административный метод, а также такой метод как, скандал в церкви, ряжение Попом и хождение по избам с пением безбожных песен и т.д. (наблюдавшееся в Таштыпе, Чебаках и Боградском районе), что не только способствует в борьбе с религией, но и наоборот, даже увеличивает и закрепляет религиозный фанатизм. Райком и ячейки должны обратить внимание на организацию и укрепление безбожной работы, усилив в ней общее партийное руководство и выделить на эту работу партийно-выдержанных товарищей» (ОДНИ ГАРХ, ф. 1, оп. 1, д. 266, л. 6).

Итак, координация деятельности ячеек ОДГБ на уровне районов была слабой и не отвечала всем требованиям партии. Это способствовало изменению организационного устройства ОДГБ. В целях создания более эффективной структуры атеистической организации и широкого вовлечения в нее «трудящихся масс» было решено в 1928 г. создать «Союз без-

божников». В «Указаниях» Хакасского окружного комитета за № 436, от 7.02.1928 г., говорилось: «Для более успешной и систематической антирелигиозной работы в настоящее время в нашем округе организуется Союз безбожников. При ячейках партии, комсомола создаются группы, которые и должны повести вербовку в Союз безбожников, разъясняя его значение. Союз безбожников должен стать массовой организацией трудящихся, порывающих всякую связь с религией всевозможных видах и формах; будь то шаманизм, православие, сектантство и т.д. Для обеспечения успешности в данной работе считать организационную работу для партийцев за партнагрузку, а занятия в кружках СБ, как партучебу. Добиться снабжения библиотек и изб-читален, а также красных уголков антирелигиозной литературой, особенно учебниками. Вся работа должна проводиться в плановом порядке, не допуская наскока и резкой кампанейщины» (Там же, л. 6-7). Однако изменение названия организации, по всей видимости, оказало незначительное влияние на формы и методы ее работы (Там же, л. 50).

Таким образом, создание «Общества воинствующих безбожников» явилось важнейшим средством борьбы советского руководства с инакомыслием и главным образом, с мировыми религиями и шаманизмом. Последний, по мнению партийных идеологов, способствовал архаизации культуры и быта хакасов и подлежал полному искоренению. В целом же, «безбожники» сыграли большую роль в утверждении в советском государстве новой атеистической идеологии.

Примечания

ОДНИ ГАРХ, ф. 14, оп. 1, д. 37.

Бурнаков В.А. О борьбе с хакасским шаманизмом в советское время // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2006 г.) - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. - Том XII. - Часть II. - С. 64 – 68.

**КЛАССИЧЕСКИЙ ЯПОНСКИЙ РОМАН «ГЭНДЗИ-
МОНОГАТАРИ» КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ИГРОВЫХ
ТРАДИЦИЙ ЯПОНИИ
(К ВОПРОСУ О ВЗАИМОВЛИЯНИИ ИГРОВОЙ КУЛЬТУРЫ
КИТАЯ И ЯПОНИИ)***

Роман «Гэндзи-моногатари», или «Повесть о принце Гэндзи», созданный на рубеже X-XI веков придворной дамой Мурасаки Сикибу, по праву принадлежит к числу выдающихся шедевров японской и мировой литературы. Являясь величайшим литературным памятником, на протяжении тысячелетия он служит также и ценным историко-художественным источником, и своеобразной энциклопедией по многим сторонам жизни и нравов японского общества эпохи Хэйан.

На протяжении своего тысячелетнего существования роман «Гэндзи-моногатари» служил и источником идей для разнообразных интеллектуальных развлечений аристократической элиты эпохи Хэйан и в дальнейшем представителей образованных сословий периодов Камакура, Муромати и Эдо.

Одна из традиционных японских игр эпохи Эдо (1603-1867 гг.), напрямую иллюстрирующая связь с прославленным романом, игра *то:сэнкё:*, что значит «метание веера», представляет собой развлечение, при котором играющие с расстояния 1-2 м бросают складной веер *ооги* в раскрытом положении – с тем, чтобы сбить со специальной подставки *утэна* (или изголовья *макура*) цель *тэки* (или бабочку *тё:*).

Появление этой игры традиционно связывают с легендой об отшельнике с горы Торакудзан по имени Кисэн, который как-то раз, в 1773 г., неожиданно пробудившись от дневного сна, увидел в своем изголовье бабочку с раскинутыми крыльями. Ради шутки он взял веер, находившийся рядом, и прицелился. Но едва он бросил его в бабочку, она взлетела и исчезла, а веер так и остался лежать в изголовье. Тогда он вместо бабочки завернул 12 монет с нанесенными письменами в бумагу и положил их в изголовье, а сам стал бросать веер в эту цель, постепенно все более совершенствуясь.

По этой легенде, это развлечение в скором времени распространилось по всей Японии. В него играли не только на всевозможных пирах, встречах и увеселениях образованных людей, – оно также пользовалось популярностью и среди простого народа: не редко его демонстрировали актеры на уличных представлениях. Тонкости мастерства игры *то:сэнкё:* передава-

*Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 06-06-80022а и гранта Рособразования РНП 2.2.1.1.2183.

лись не только опытным путем или изустно, но и посредством печатных изданий. Так, в конце XVIII в. в Японии было издано несколько трудов об этой игре, посвященных описанию различных способов бросания веера, особых приемов организации ритуала и методики подсчета очков.

Примечательно, что, как и многие другие явления культурно-исторического характера, истоки этой игры так же можно проследить в культуре Древнего Китая. Известно, что в Китае оно существовало еще с эпохи Чжоу (XII-III вв. до н.э.), являясь развлечением аристократии и людей высокого социального статуса [Энциклопедия игр, с.184]. В «Лицизи» («Книга ритуалов»), одном из основных произведений конфуцианского канона, есть упоминание об игре *тоуху* (яп. *то:ко*), что переводится как «метание в кувшин».

Согласно правилам, хозяин и гость во время пира поочередно метали стрелы в установленный на определенном расстоянии кувшин. Попавший большее число раз считался победителем; он наливал вино, которое должен был выпить побежденный. «По свидетельству «Сицзин цзацзи», в I в. до н.э. правила игры были усовершенствованы: если раньше важно было просто попасть в кувшин, то теперь ценилось умение так метнуть стрелу, чтобы она выпала из сосуда и снова оказалась в руках у игрока» [Крюков, Малявин, с.152-153]. Как указывают источники VI в., настоящим мастерам удавалось метать одну и ту же стрелу по 40 и более раз. Более того, некоторые мастера, усложнив правила, достигли особого умения метания стрел вслепую – в кувшин, находящийся за ширмой [Там же, с.153].

В Японию это развлечение проникло в VII в. в эпоху Нара, называясь тогда *цубоути* или *цубонагэ*, что означало именно «метание стрел в кувшин». В энциклопедии «Вамё:руйдзюсё:», написанной в 4-й год периода Сё:хэй (934 г.), есть следующая запись: «*тоуху* – это древний ритуал, в котором используются кувшин высотой 1 сяку (30,3 см) и 1 сун (3, 03 см) и стрелы, длина которых также составляет 1 сяку и 1 сун» [Энциклопедия игр, с.184].

Игра *тоуху* упоминается в знаменитых литературных произведениях эпохи Хэйан (794-1185 гг.), а именно в романе Мурасаки Сикибу «Повесть о принце Гэндзи» и эссе Сэй Сёнагон «Записки у изголовья». Позднее, в труде 1372 г. «Новая выборка развлечений», в главе «Развлечения аристократии под новый год» также была представлена подробным образом игра *тоуху*.

Нужно сказать, что это развлечение, заимствованное японцами из Китая и в дальнейшем развитое хэйанской аристократией, оставалось популярным и в средневековой Японии.

Так, один из основоположников классического жанра *хайку* Ёса Бусон (1716-83) посвятил трехстишие (5-7-5 слогов) этой игре. Как-то раз, любясь хризантемами в уединенном горном домике в гостях у почтенного старца, он сложил *хайку*:

<i>Идэ сараба</i>	Не сыграть ли нам
<i>Тоуко маирасэн</i>	в «метание в кувшин»?
<i>Кiku-но хана.</i>	Цветы хризантемы.

Свидетельством непреходящей ценности этой древней игры можно считать тот факт, что стрелы и кувшин, изготовленные в разное время в Китае и Японии, бережно хранятся в настоящее время в разных хранилищах Киото и Нара (<http://www.tosenkyo.net/rekishitoukou.htm>).

Надо заметить, в настоящее время это старинное китайское развлечение переживает в странах дальневосточного региона определенный период возрождения популярности. В разных городах Японии и Кореи при городских музеях устраиваются выставки, организуются клубы любителей старинных развлечений.

Что касается японцев, то они, заимствовав в древности идею этой игры, со временем не только сохранили нетронутым оригинальный вариант этой игры, но и разработали свой. Содержание этой игры существенно видоизменилось, соединившись с традиционной национальной эстетикой: в японском варианте игры вместо стрел и кувшина, имеющих в китайской культуре устойчивый эротический подтекст, неоднократно отраженный в классической художественной литературе, фигурируют веер, подставка и цель-бабочка.

Надо сказать, что основными центрами распространения этого развлечения долго оставались два города – Киото и Эдо (Токио), знаменитые своими достижениями в области традиционной духовной культуры. Поэтому, видимо, не случайно впоследствии с целью «облагородить» исключительно азартный характер этого развлечения была разработана целая система правил и предписаний, связанная с прославленными литературными произведениями – с «Повестью о принце Гэндзи» («Гэндзи-моногатари»), созданной на рубеже X–XI вв., и со стихотворной антологией XIII в. «Сто стихотворений ста поэтов» («Хякунин иссю»), составленной крупнейшим литератором Фудзивара-но Тэйка.

Учитывая особую знаковую роль романа «Гэндзи-моногатари» в японской культуре, следует прежде всего обратиться к анализу взаимосвязи игры именно с этим произведением. Каждая композиция, образованная упавшим веером и сбитой им с подставки целью-бабочкой, соотносится с названием одной из 54 глав романа. Более того, в зависимости от таких факторов, как сложность и редкость, эстетическая ценность той или иной комбинации, каждая композиция веера, цели-бабочки и самой подставки оценивается разным количеством баллов.

Для иллюстрации взаимосвязи комбинаций веера, цели-бабочки и подставки с литературным произведением обратимся к сопоставлению композиций с избранными главами романа Мурасаки Сикибу «Гэндзи-моногатари» и приведем несколько примеров*.

*Все названия глав даны в переводе Т. Л. Соколовой-Делюсиной, цитаты из романа приведены по изданию: Мурасаки Сикибу. Повесть о Гэндзи / Пер. с древнеяп. Т. Л. Соколовой-Делюсиной: В 2 т. – СПб.: Гиперион, 2001.

Глава 11 Ханатиру-сато «Сад, где опадают цветы» (1 очко)

Название этой главы романа одновременно является и обозначением ранга придворной фрейлины из задних покоев, и именем дамы *нёго* Рэй-кэйдэн, с которой встречается Гэндзи. Мурасаки Сикибу описывает ситуацию, когда Гэндзи, приметив *нёго*, тем не менее старается привлечь к себе внимание и остальных дам. Обратив внимание на *нёго*, он все же отмечает, что из этого круга не она «всех милее».

Имя этой самой обычной женщины (Ханатиру-сато), встреча с которой происходит у принца в летнюю пору, когда отцветают и осыпаются вишневые цветы [Боронина, 1986, с.201], подчеркивает и заурядность композиции, где веер, «бабочка» и подставка в беспорядке разбросаны по игровому полю – словно отцветшие и опавшие цветы и листья. Комбинация настолько проста и обычна, что кое-где правилами игры вообще не предусмотрено какое-либо начисление очков.

Глава 19 Усугумо «Тающее облако» (2 очка)

В игре *то:сэнкё*: в этом положении веер стоит и как бы опирается на подставку, а «бабочка» оказывается зажатой между веером и подставкой таким образом, что фактически видна только ее нижняя круглая часть. При этом «бабочка» символизирует круглую луну, а веер – облако, ее скрывающее. В этой литературной аллюзии присутствует намек на ситуацию из главы романа, когда госпожа Акаси, возлюбленная Гэндзи, вынуждена была расстаться со своей малолетней дочерью, отдав ее на воспитание во дворец, и довольствоваться редкими сведениями о ее жизни.

Итак, вышеприведенные примеры из текста романа «Гэндзи-моноготари» демонстрируют тесную связь всего повествования и его сюжетобразующих пружинок с образами, вызываемыми ассоциациями, возникающими при трактовке разнообразных композиций в игре «метание веера». Очевидно, что изощренный ум создателей этого интеллектуального развлечения был воспитан на традиционных и непреходящих духовных ценностях японской культуры, среди которых важнейшее место занимает такой признанный шедевр мировой литературы, как «Повесть о принце Гэндзи».

Т.о., роман «Гэндзи-моноготари» в истории культуры и в плане развития этнографического японоведения представляет собой большой интерес как источник интеллектуального соперничества японской элиты на протяжении многих веков и требует дальнейшего изучения.

Примечания

Боронина И.А. Классический японский роман (Мурасаки Сикибу. Гэндзи-моноготари). – М.: Наука, 1981. – 286 с.

Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Китайский этнос на пороге средних веков. – М.: Наука, 1979. – С. 73-76.

Энциклопедия игр (Асоби-но дайджитэн). <http://www.tosenkyo.net/rekishhi-roots.htm> / Под ред. Масуда Ясухиро. В 2-х т. – Токио, Токио-сёсэки, 1989 (на яп. яз.).

**ТРАДИЦИИ ТКАЧЕСТВА У КАЗАХОВ БУХТАРМЫ
(ВОСТОЧНО-КАЗАХСТАНСКАЯ ОБЛАСТЬ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН)**

Район Бухтармы современной Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан является зоной расселения казахов Среднего жуза. Их традиционная культура жизнеобеспечения, сформировавшаяся на основе технологий кочевого отгонного скотоводства, отвечала подвижному образу жизни и суровым условиям степной и горно-степной зоны долин Иртыша и Бухтармы. Особенностью этнокультурной истории этого региона являлись активные миграционные процессы и межэтнические контакты, которые в новое время все в большей и большей степени корректировались процессами государственного строительства и размежевания территорий крупнейших политических держав, контролировавших ситуацию в Центральной Азии.

Район Бухтармы, находившийся на рубежах Российской и Цинской империй, к концу XIX в. являлся своеобразной историко-этнографической провинцией, где соседствовало казахское и русское население (казахество, старообрядцы и русские крестьяне-переселенцы); пограничное положение по отношению к ним занимали алтайский (теленгитский), тувинский, монгольский и китайский этнические массивы. Продолжительные культурные контакты, наряду с родо-племенной спецификой и адаптационными признаками обусловили региональное своеобразие бытовых и ремесленных традиций казахов Бухтармы.

Среди технологий жизнеобеспечения скотоводов - кочевников этого региона заметное место занимали различные виды текстильного производства – вязание, изготовление плетеных циновок, производство стеганых и узорных (мозаичных) войлоков, ткачество. Эти домашние промыслы традиционно относились к сфере женского труда.

Изучение текстильного производства казахов Бухтармы летом 2007 г. позволяет утверждать, что оно сохранилось практически в первоизданном виде. Существование традиционной технологии вплоть до начала XXI в. – явление уникальное. Его можно объяснить: устойчивостью параметров жизнеобеспечения населения региона, ориентированного на отгонное скотоводство с преобладанием овцеводства и коневодства; принадлежностью традиционного текстиля к сфере ритуально акцентированного потребления; а также контактами казахов с культурой русского населения, тканые изделия которого стимулирова-

ли интерес к собственной этнической традиции, сделав ее востребованной и престижной.

Ткачество на горизонтальном станке *ормек* до сих пор бытует в селах долины Бухтармы. В недавнем прошлом оно было распространено по всему Казахстану. Такой станок был также известен в культурах многих народов Сибири и шире Центральной Азии [Попов, 1955]. Он имел различные типологические определения – примитивный горизонтальный станок с основоразделителем [Попов, 1955], узкоनावойный горизонтальный станок [Муканов, 1979] и т.д.

Приведенная терминология отражает наиболее значимые характеристики приспособления для получения тканого полотна. Станок отличался простой и мобильностью. Для его устройства использовались несложные приспособления: колья, которые вбивали в землю; тренога для крепления переносной ниченки; неширокая доска - основоразделитель и деревянная планка *калыш* (меч) для переключения зева и прибивания нитей. Примитивным, вслед за А.А.Поповым, это устройство можно считать по сравнению с горизонтальным станком с педалями, который имеет как минимум две ниченки.

Узкоनावойным *ормек* называют потому что количество растянутых нитей основы, а, следовательно, и ширина полотна, невелики и чаще всего не превышают 30 см.. Процесс ткачества начинается с установки кольев и натяжения нитей; этот цикл занимает около двух часов. Работа на уже растянутом станке отличается устойчивой последовательностью несложных операций. Вариации традиционной технологии определяют характер получаемой ткани – безузорное, полосатое или узорное полотно.

Традиционно казахи ткали: неширокие ленты для крепления войлочных покрытий юрты – *узік бау, туырлык бау, бас бау, орта бау, аяк бау*; полосы для крепления остова юрты – *баскур*; ковры – *алаша*. Большая часть ковров-алаша и баскуров была выполнена в технике безворсового ткачества.

По материалам исследований в Казахстане, ареал безворсового ковроделия охватывал юг (Кызыл-Ординская, Южно-Казахстанская, Западная часть Жамбыльской области), запад (Мангыстауская и Гурьевская области), Центральный и Северный Казахстан (Жезказганская, Тургайская, Кустанайская и Северо-Казахстанская области). На юге и западе этого ареала безворсовое ковроделие дополнялось ворсовым. *Кызыл баскуры* – безворсовые узорные полосы ткали по всему Казахстану; *ак баскуры* – полосы с ворсовыми узорами на паласной основе – только в бассейне Сырдарьи и в зоне Прикаспия. Ворсовое ткачество в казахской среде было, как полагают, связано с древними традициями ковроделия Средней Азии и Ближнего Востока, проникшими в среду ранних кочевников и получившими дальнейшее развитие в тюркском мире [Алимбай, Муканов, Аргынбаев, 1998. С.138-139].

Для казахов района Бухтармы было характерно только безворсовое ткачество. Здесь вплоть до сегодняшних дней сохраняется традиция изготовления *алаша* – простых и узорных ковров. Для простой (полосатой) *алаша* при установлении стана натягивают нити основы различных цветов по счету. Для получения узора при протягивании утка используется специальная палочка для выбора по счету нитей необходимого цвета. Узор, который возникает на тканых полосах, имеет геометрический характер. В различных сочетаниях варьируются полосы, пестрядь, простые и ступенчатые ромбы, ромбические розетки и роговидных меандры

Алаша – это домотканые паласы (около двух метров шириной), сшитые из поперечных полос, на которые разрезают полотно, полученное при заправке одного станка. Технология изготовления узорных безворсовых ковровых полос очень устойчива. Она имеет широкие этнографические аналогии. По материалам первой половины XX в. наличие горизонтальных станков, на которых изготавливали подобный текстиль, было установлено у многих народов Азии – западных бурятов, айнов (Попов, 1955, с. 126-132), алтайцев, шорцев, хантов; у народов Кавказа (Гогель, 1950; Ташлицкая, 1967) и Тибета.

В целом, традиционное ткачество казахов Бухтармы может быть описано следующими технологическими параметрами: изготовление текстильного полотна на простом горизонтальном станке с одной ниченкой; использование в качестве сырья шерсти овец; изготовление одинарных нитей Z-кручения, двойные нити имеют структуру ZWS; использование для основы двойных нитей ZWS-кручения, для утка – чаще одинарных нитей Z-кручения; текстильное полотно имеет небольшую ширину, большую плотность по основе и ребристую фактуру поверхности.

Следует отметить, что изготовление нитей левой крутки (справа налево или Z-кручения) – явление, известное для ряда евразийских, в том числе для сибирских, историко-культурных провинций с древности [Глушкова, 2002]. Можно предположить, что бытование подобных технологий в казахской культуре жизнеобеспечения имеет глубокие корни. Вероятно, оно связано с кругом кочевых культур Евразии. Археологические образцы ткачества из Тувы (Аржан I, ранний железный век) [Пламеневская, 1973], Западной Сибири (Сайгатинский могильник XIII – начала XIV вв. Сургутское Приобье) [Глушкова, 1994;2002; Сутула, 2005] и тд. дают основание для подобных гипотез.

Примечания

Алимбай Н., Муканов М., Аргынбаев Х. Традиционная культура жизнеобеспечения казахов. Очерки теории и истории. Алматы, 1998. - 236 с.

Глушкова Т.Н. Ткани Сайгатинского могильника // Сургут, Сибирь, Россия. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1994. - С. 49-53.

Глушкова Т.Н. Археологические ткани Западной Сибири. Сургут: СурГПИ, 2002. - 206 с.

Гогель Н.Ф. Ковры. М: Гос.изд-во архитектуры и градостроительства, 1950. - 17 с.

Муканов М.С. Ковровое производство и его орнамента // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. – Алма-Ата, 1959. – Т. 6.

Муканов М.С. Казахские домашние художественные ремесла. – Алма-Аты: Казахстан, 1979.

Пламеневская О.Л. Некоторые данные о тканях из кургана Аржан // УЗ Тув. ИЯЛИ. – Кызыл, 1973. – Вып.17. - С.199-206.

Попов А.А. Прядение и ткачество у народов Сибири в XIX и первой четверти XX столетия // Сборник МАЭ. – 1955. – Т.XVI. - С.41-146.

Сутула А.В. Археологический текстиль из памятников Сургутского Приобья (XIII – начало XIV вв.) // Источники по археологии Западной Сибири. – Сургут: Изд-во СурГПУ, 2005. - С.66-73.

Ташлицкая Э.Н. Дагестанские безворсовые ковры. Махачкала: Дагестанское книжное изд-во, 1967. - 34 с.

**ФОТОГРАФИЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ
ВОСТОЧНО-СЛАВЯНСКИХ И ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ
ПРИУРАЛЬЯ И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
(ПО ПОЛЕВЫМ МАТЕРИАЛАМ 2000-х ГОДОВ)**

Появление современных технологий влияет на развитие мифотворческих процессов. Расширяется поле сакрализованных предметов, в том числе связанных с представлениями о душе. К новационным объектам, в мифологическом мировосприятии наделяемым сакральным статусом, относится фотография. Она рассматривается как отражение человека и в ряде случаев, ассоциируется с душой-тенью.

Представления о наличии у человека нескольких душ характерны для финно-угорских народов. Ханты и манси верят, что мужчины имеют пять душ, а женщины – четыре. В целом, у финноязычных народов России распространены воззрения о том, что у каждого человека есть две души. Одна из них – душа-дыхание; с ее уходом наступает смерть. Вторая – душа-тень (в представлениях коми – *орт* или *урэс* – у коми-ижемцев). Нередко она представляется двойником человека (наряду с зооморфными или орнитоморфными воплощениями) и ее появление расценивается как знак скорой кончины.

Славянские мифологические воззрения о душе отражены в рассказах о «знаках смерти», связанных с потусторонними силами (аналогичные появлению *урэс* или *орт*). Об этом также может свидетельствовать неоднозначность представлений о месте пребывания души на «том свете». Согласно славянским архаичным верованиям, душа уходит в иной мир (при этом допускается возможность ее реинкарнации) и, в то же время, может находиться вблизи могилы, навещать родственников - с такими «встречами» связан комплекс поминальной обрядности.

В традиционных культурах широко распространены представления о «двойниках», включая символические изображения или фотографии. Считается, что воздействуя на такие изображения, можно навредить человеку путем: наслать порчу, сглазить, «вытянуть» жизненные силы и т.д.

Сам процесс фотографирования может восприниматься как тиражирование собственного образа. Оно нежелательно, потому что таким способом можно активизировать свою душу-тень, появление которой нередко трактуется как предзнаменование смерти и в среде финно-угорских, и в среде восточнославянских народов. «*Фотографироваться – грех, как будто так. Говорили, кто много фотографируется, тот долго не живет*» [ПМА: Новосибирская обл., Искитимский р-н, д. Китерня, 2000 – мордва]. «*Раньше*

*почему старики долго жили? А сейчас молодежь, совсем молодые, умирают. А это потому, что греха было меньше, не было телевизоров, фотографий, всякой техники. Телевизор – это икона дьявола, через него сатана души вытягивает. И через фотографии душа уходит. Все это завелось от лукавого» [ПМА: Омская обл., Калачинский р-н, д. Архангелкабелорусы, 2001 – белорусы]. *Фотографироваться грех, потому что гордыня это – на себя любоваться* [ПМА: Республика Коми, Прилузский р-н, с. Летка, 2006 - коми-зыряне].*

Негативное влияние связано с фотоснимками людей, которые умерли. Предполагается, что их фотографии несут опасность для живых, поскольку могут стать проводниками с «того света» для души-тени, особенно если она еще не нашла успокоения и блуждает по земле. *«Нельзя смотреть на фотографии умерших. Может тогда урэс показаться, и кого-нибудь на тот свет заберет»* [ПМА: Ямало-Ненецкий АО, пос. Овгорт, 2004 - коми-зыряне]. *«Орт везде может находиться. Он прячется, а может и показаться. Он, к примеру, в фотографии остаться может. Человек умер, а дух его еще на какое-то время остается с родственниками, рядом ходит, а его не видят. Только когда сам (орт – О.Г.) захочет показаться, только тогда увидеть можно»* [ПМА: Омская обл., Тарский р-н, с. Имшегал, 2005 - коми-зыряне]. *«На фотографию мертвого нельзя вечером смотреть или в лицо долго вглядываться. Может приблизиться (привидиться – О.Г.)* [ПМА: Омская обл., Нижнеомский р-н, д. Глухониколаевка, 2002 - украинцы].

Наиболее опасными считаются изображения умерших людей, которые при жизни слыли колдунами, ведьмами. Общераспространенными у славянских и финно-угорских народов являются представления о том, что такие люди после смерти могут стать еще более страшными (встающими из гроба «заложными покойниками», еретиками), обрести могущество нечистой силы. Соответственно, и изображение “чародея” на фотоснимке расценивается как его ипостась. *«Ведьме или колдуну даже на фотокарточке в глаза смотреть страшно. Неприятно как-то, как будто нечистую силу чувствуешь»* [ПМА: Кировская обл., Лузский р-н, с. Луза, 2003 - русские]. *«На фотокарточки умерших страшно глядеть, я боюсь. А если ведьмой была, так и после смерти на тот свет утянуть может. Через взгляд»* (ПМА: Новосибирская обл., Здвинский р-н, д. Михайловка, 2002 - украинцы). *«Старуха у нас раньше жила одна, ведьма лютая. Соседки моей мать. Когда умирала, долго не могла, пока матку в потолок не разобрали. Ей даже осиновый кол в могилу вбили, но родственники потом вытащили, скандал был. А от нее остались фотографии. Я-то своим не давала смотреть. А эта, дочь ее, выйдет на крылечко, вынесет карточки: смотрите, мол, мою маму. А люди потом чахнут, болеют, даже умирали, кто смотрел долго. Дочь-то у ней тоже ведьма, мать ей свою силу колдовскую передала. И портят теперь людей, вся семья у них проклятая. Та ведьма старая даже после смерти*

покою людям не дает» (ПМА: Новосибирская обл., Искитимский р-н, с. Нижний Коеп 1999 - русские).

В то же время, в деревенских домах практически на протяжении всего XX в. существовала традиция вывешивать фотографии родственников – живых и умерших. Нередко фотоснимки разных времен помещались в одну большую рамку, которая вывешивалась на самое заметное (почетное) место в доме, нередко в Красном углу. Иногда фотокарточки выставлялись поближе к иконам: снимки умерших – для памяти, живых – для защиты. Очевидно верили, что святые (отображенные на иконах), охраняя изображение человека, одновременно оказывают покровительство и ему самому. Фотографии умерших родственников, вероятно, могли расцениваться в качестве образов предков – семейных покровителей (на уровне архетипического мировосприятия).

Помимо того, что фотографирование у многих информантов ассоциируется с грехом, некоторые люди считают опасным оказаться на фотоснимке рядом с объектами, имеющими особый сакральный статус. К ним могут относиться иконы, потолочная матица, входная дверь, голбец, устье печи.

В Ижемском районе Республики Коми, находясь в гостях у зырянки почтенного возраста, автор предложила ей сфотографироваться. Обрадованная хозяйка дома переоделась в нарядный прабабушкин сарафан (сшитый еще в 1880-е гг.). Затем она задумалась, выбирая «правильное» место. Под божницей сниматься категорически отказалась, потому что: *«И так грех на душу беру, а тут еще батюшку Николу привлекать. Не отмолиться даже на том свете»*. Около печки, по ее словам, сниматься нельзя было, потому что если на снимке будет видно устье или голбец, фотография окажется опасной, так как из этих мест может выглянуть нечистая сила и навредить людям. Этим же, очевидно, объяснялся отказ от снимка на фоне входной двери (дверь, порог – граница своего и чужого пространства, маркеры невидимой опасности, исходящей извне). Оказавшись под потолочной балкой, бабушка совсем испугалась. Она объяснила, что это «святая перекладина», на которой весь дом держится. Все домашнее благополучие, вся защита от враждебных человеку нечистых сил сконцентрирована в этом объекте. Если его сфотографировать, благодать можно разрушиться и тогда дом будет открыт для вторжения *лешаков* и прочей *нежити*, которая боится проникать в жилое пространство, если там есть иконы, закрещены углы, а при строительстве дома были соблюдены все необходимые защитные магические приемы. Кроме этого, оказаться запечатленной под потолочной балкой хозяйка дома считала равнозначным проекции похорон: *«Под маткой нельзя. Это я как в гробу буду»*. Наконец, сфотографировавшись в нейтральном месте, бабушка встала на колени перед иконой и начала молиться, прося прощение за свой грех – за то, что поддавалась соблазну. После молитвы она вновь сделалась веселой и доброжелательной. Сообщила о том, что почти уверена, что Бог простит ей эту слабость, потому что большого греха на ней нет, и все сделали правильно –

«ничего лишнего ведь не захватили» (фотокамерой), а «Батюшка Никола, он ведь добрый бог, он сам мытарствовал и людей понимает. Я его попросила, чтобы заступился за меня перед Господом» [ПМА: Республика Коми, Ижемский р-н, с. Бакур, 2003 - коми-зыряне].

Неоднозначно расценивается фотографирование икон. С одной стороны, это может восприниматься как благое дело. *«Святым приятно будет. Так они меня одну хранят, а теперь еще и с вами будут. Это же хорошо, что люди про них узнают, может вы карточку еще кому покажете. Бог ведь нам один на всех дан, а образов у него много»* [ПМА: Омская обл., Калачинский р-н, д. Кибир-Спасск, 2001- украинцы]. *«Лучше я сяду под божницу. Потом смотреть буду, любоваться. Не на себя, так хоть на иконы. На божнице все красиво и боженька сверху осеняет ангельским крылом»* [ПМА: там же, 2001- коми-зыряне]. С другой стороны, считается недопустимым совмещать святыне образа и «грешное дело», равно как и тиражировать святыню посредством «бесовской техники». *«Фотокарточка – обман, все это от лукавого. Сами-то грешим, потом отмаливаемся. А икону (сфотографировать – О.Г.) никому не дам. Все равно, что отдать свиньям на поругание»* [ПМА: Омская обл., Оконешниковский р-н, с. Золотая Нива, 200 - коми-зыряне].

Таким образом, в отношении к фотографиям и процессу фотосъемки проявляются черты традиционного мировоззрения, связанные с представлениями о душе-двойнике человека. Если высказывания о фотоснимках у информантов коми напрямую связываются с *орт* или *урэс*, то у русских, украинцев и белорусов возможность негативного влияния соотносится с фотографиями умерших, особенно колдунов (наряду с вероятностью воздействия посредством приемов симпатической магии). Таким «опосредованным» образом, через современные объекты и связанные с ними мифосемантические кодировки, выявляются реликты восточнославянских представлений о существовании у человека души-двойника или души-тени, а также о ее свойствах, проявляющихся на расстоянии от самого человека, или после его смерти. В общераспространенных воззрениях современных жителей Приуралья и Западной Сибири изображение человека на фотографии наделяется теми же качествами, что и душа-тень.

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПРЕССА КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Конфессиональная пресса является важным инструментом трансляции идеологии духовных сообществ в секулярную среду. Ограниченный доступ в светские СМИ и зачастую необъективное освещение религиозных событий на страницах светских изданий заставил религиозные организации искать выход во внешний мир. Особенной активностью отличались протестантские организации.

В число верующих в протестантских церквях входят профессиональные журналисты, которые взяли на себя труд организации церковной прессы. С 2000-х гг. многие из них начинают активно формировать собственное информационное пространство через создание Интернет-сайтов и печатных изданий. Это делается с целью религиозной пропаганды и проведения миссионерских акций, решения внутренних потребностей общины и освещения внутрицерковной жизни. Роль региональных религиозных СМИ также важна для объединения поместных церквей, укрепления межцерковных связей и общения верующих.

Кемеровская область занимает одно из первых мест по количеству зарегистрированных религиозных организаций. Политика администрации области строится на толерантном отношении к различным вероисповеданиям и ориентируется на взаимодействие с ними в проведении социальной политики. В области, население которой составляет более 3 млн. человек, на 2006 г. в ведомственном реестре Главного управления Федеральной регистрационной службы значилось 286 организаций; для сравнения в Тюменской области с населением 3 млн. человек - 140 организаций, в Красноярском крае с населением 20 млн. человек - 239 организации.

Высокая концентрация религиозных объединений ставит вопрос об их влиянии на региональное сообщество, в том числе, посредством собственных печатных изданий. В 2007 г. в рамках общего исследования конфессиональных процессов в Кемеровской области была проанализирована конфессиональная и светская пресса на предмет присутствия статей по религиозной тематике. Под конфессиональной прессой в данной статье понимается пресса, выпускаемая религиозными организациями.

В спектре зарегистрированных религиозных объединений области явное численное преимущество сохраняется за РПЦ – 167 организаций (267

приходов по области), далее следуют ХВЕ (пятидесятники) – 37 организаций, евангельские христиане-баптисты –14, Свидетели Иеговы –14 и др.

В светской прессе религиозная тематика освещается крайне скудно. Такие газеты как «Губернские ведомости», «Комсомольская правда. Кемерово», «Честное слово», хотя и заявляют колонки по религиозной тематике, но статьи на эти темы практически не публикуют. Как и в других регионах Сибири, РПЦ имеет выходы в светские СМИ. Например, в областной массовой газете «Кузбасс» Кемеровская Епархия уже 10 лет выпускает вкладыш «Золотые Купола», издание выходит 20 тысячным тиражом. В издании можно прочитать исторические сюжеты, связанные с православием в Сибири, информацию о жизни приходов области, общецерковные новости, также публикуется православный календарь с разъяснениями.

В рамках внедрения инновационных методик работы с молодежью и развития скаутского православного молодежного движения РПЦ предпринята попытка издания молодежной православной газеты «Глагол.doc». Это издание отличается отсутствием догматических статей, либеральными взглядами на многие феномены современности и отвечает запросам молодежной аудитории. Кроме того, в области печатаются такие православные газеты как: «Воскресение: вестник храма Святых бессребренников и чудотворцев Космы и Дамиана» (пос. Верх-Чебула, издается с 2006 г., тираж - 300 экз.); ежемесячная газета прихода Церкви святых апостолов Петра и Павла «Духовные посевы» (г. Анжеро-Суженск, издается с 1988 г., тираж - 14.000 экз.); ежемесячная газета прихода Спасо-Преображенского собора «Православные вести» (издается с 1997 г., тираж - 1100 экз.).

Лагерь протестантских церквей области играет заметную роль в социальной и культурной жизни городов, однако не у всех церквей есть возможность издания собственной газеты. Так, из-за отсутствия финансирования прекратилось издание Церкви евангельских христиан-баптистов г. Кемерово «Рассвет над Томью». Церковь ХВЕ «Воскресение Христа» г. Прокопьевска с 2005 г. раз в два месяца издает газету «Воскресение Христа» тиражом 2000 экз.

Примером наиболее успешного проекта является газета Церкви «Живая вода» г. Новокузнецка «Голос пробуждения», издаваемая с 2000 г. тиражом 5.000 – 7.000 экз.; количество страниц в газете составляет от 4 до 12 в зависимости от номера.

Церковь христиан веры евангельской «Живая вода» является харизматической церковью пятидесятнического союза С. Ряховского и функционирует в Новокузнецке 15 лет под руководством пастора П. Мамонтова. Церковь имеет около тысячи прихожан, несколько построек и на данный момент производит строительство нового большого здания церкви. В числе ее последователей много молодежи; среди людей среднего и пожилого возраста численно преобладают женщины. Церковь занимает активную гражданскую позицию, ведет социальную деятельность; проповеди отличаются образностью, содержательностью и удовлетворяют духовным и интеллектуальным запросам прихожан.

Газета «Голос пробуждения» согласует свои материалы с общей политикой церкви и формулирует эту политику для аудитории. Кроме собственных материалов, газета перепечатывает статьи из других религиозных изданий («Дело Веры», «Вера и жизнь», «Екклесиаст», «Жизнь победителей»).

Красной нитью газетных репортажей протестантских изданий является защита и отстаивание прав человека и свободы вероисповедания. Примером являются статьи (2001-2002 г.) о судебном процессе со священниками РПЦ, которые публично в СМИ назвали «Живую Воду» деструктивной сектой, обвинив в «сектантском» наборе грехов. Статьи предлагают сравнительную оценку правового положения евангельских церквей в России и за рубежом, обличительно критикуют «провинциальную» политику местного чиновничества в отношении пятидесятников.

На страницах газеты не обойдена вниманием политика и тема политических выборов, освещаемая в рубрике «гражданский взгляд». Павел Мамонтов в опубликованной статье «Почему мы голосовали за «Яблоко»?» (январь 2000 г.) публично заявляет о поддержке на выборах политического движения «Яблоко», ссылаясь на то, что только «Яблоко» отстаивает общечеловеческие ценности, соответствующие принципам евангельского учения. В интервью с депутатом Верховной Рады Украины А. Турчиновым «Страна поднимется с колен, если станет на колени перед Богом», раскрываются тонкости взаимодействия большой политики и пятидесятников на Украине.

В газете публикуются статьи о межконфессиональном взаимодействии и об отношениях церкви с властью. В частности в статье «Городская администрация и христианские конфессии учатся разговаривать» (февраль 2003 г.) П. Мамонтов рассказывает о семинаре, посвященном взаимодействию на рынке реабилитационных услуг; при этом материал подается с позиций критики представителей РПЦ.

Во второй половине 2000-х гг. правовая проблематика постепенно сменяется статьями на экономические темы: появляется информация о бизнес-семинарах в церкви, озвучивается христианский взгляд на ведение бизнеса и конкретные руководства к действию, печатаются отрывки из христианских бестселлеров по предпринимательству – Майлса Монро, Рика Джойнера. Руководство церкви уделяет особое внимание социально-экономической активности прихожан; через уплату десятины это обеспечивает саму церковь необходимыми финансами для ведения реабилитационной, миссионерской и прочей деятельности.

Отдельно хочется отметить статьи, которые условно можно обозначить как «пророческие». Например, интервью с депутатом-пятидесятником В.П. Ковалевым из г. Прокопьевска пронизано пророческими суждениями о судьбе Кузбасса в целом и Прокопьевска в частности. По его мнению, самое сильное пробуждение в нашей стране начнется с данного региона, т.к. по своему положению Кемеровская область находится в центре России.

Статьи о пророчествах подчеркивают особую роль региона: *«земля притеснений – Сибирь, переживает могущественный марш полчищ народа Божьего... Ветер духа дует по России с севера на юг, с запада на восток. Некоторые в этом служении будут иностранцы, а некоторые будут из вашей земли. Но это все – Мои люди, часть Моего тела. Не будьте зависимы от каких-то частей света, потому что вы не служите Богу Америки, вы не служите богу Европы, вы служите Богу Вселенной»*. Пророчество произносится «от лица Господа»; и было передано миссионерами Э. Уилсоном и Ф. Каппучио из США, проводившими пророческий семинар в церкви «Живая вода». Пророческие статьи подчеркивают особое призвание региона в деле спасения мира, при этом этническая идентичность прихожан не актуализируется, а актуализируется именно региональная идентичность.

Газета также освещает и внутриобщинную жизнь, публикует рассказы о летних детских лагерях, о походах молодежных групп, о лидерах молодежного служения и реабилитационных программ и т.д. Большое внимание издание уделяет духовно-нравственному воспитанию.

Газета выполняет важную роль в отстаивании легитимности церкви в глазах самой общины и внешнего сообщества, формирует образ «сильного Евангельского движения» в России, странах СНГ и в мире, публикуя материалы о росте евангельских церквей. Важным моментом остается публикация интервью с политическими лидерами, известными людьми, принявшими евангельское учение, что в целом призвано усилить авторитет церкви, издающей газету. Издание повышает осведомленность прихожан в юридических вопросах, дает руководства к ведению бизнеса, внося свою лепту в формирование активной социально-экономической позиции прихожан. В тоже время, издание отличается и некоторой агрессивностью в своих ироничных статьях в отношении деятелей РПЦ.

В заключение, надо отметить, что сегодня в центральных конфессиональных изданиях наблюдается тенденция обращения не только к верующим, но и к атеистам. Можно предполагать, что с увеличением технических возможностей, внедрением новых технологий и притоком профессиональных журналистов с одной стороны, а также с сохраняющимся в обществе запросом на духовно-нравственное просвещение с другой стороны, региональная конфессиональная пресса будет искать выходы на более широкий круг читателей.

**РАССЕЛЕНИЕ И ЧИСЛЕННОСТЬ УКРАИНЦЕВ
НА ТЕРРИТОРИИ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ
(КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XXI ВЕКА)**

История освоения просторов Сибири украинцами насчитывает не одно столетие — они пришли сюда вместе с первыми русскими, осваивающими этот обширный регион. Основной поток украинских переселенцев в Азиатскую Россию пришелся на период конца XIX – первой трети XX в.

Общие вопросы формирования этнолокальных массивов украинцев в Западной Сибири были уже кратко рассмотрены автором в статье, посвященной украинскому населению Омской области [Коровушкин, 2006], в связи с чем в данной публикации эта тема в целом опускается.

Говоря же об украинском массиве, формировавшемся на территории современной нам Тюменской области, следует сказать следующее.

Несмотря на то, что материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. всех украинцев включали в общую категорию «русские», С.И. Бруком и В.М. Кабузаном была исчислена численность украинского населения Тобольской губернии – 37,8 тыс. чел. [Брук, Кабузан, 1981, с. 24].

В дальнейшем, при проведении Всесоюзной переписи населения 1926 г. украинцы учитывались уже не только по родному языку, но и по национальной принадлежности респондентов, что позволяет с большей достоверностью использовать эти источники.

К концу 1920-х гг. в Западной Сибири украинцы были расселены относительно крупными массивами на территории современных Омской и Новосибирской областей, а также Алтайского края. Территория же современной Тюменской области была населена ими относительно слабо. В ее границах относительно большой (10 374 чел.) массив украинцев зафиксирован в Ишимском округе Уральской области (рис. 1), при этом украинское население достаточно плотно населенного Тюменского округа было весьма невелико – 922 чел, в основном сельское (756 чел.) население. Численность украинцев в Тобольском округе, занимавшем громадную территорию, вплоть до побережья Ледовитого океана (ныне на ней располагаются два автономных округа – Ханты-Мансийский (ХМАО) и Ямало-Ненецкий (ЯНАО)), была совершенно ничтожной – 134 чел., 92 из которых проживали в сельской местности.

Данные всесоюзных переписей населения 1937 г. (объявлена недействительной) и 1939 г. дают лишь самые обобщенные (общерегиональные)

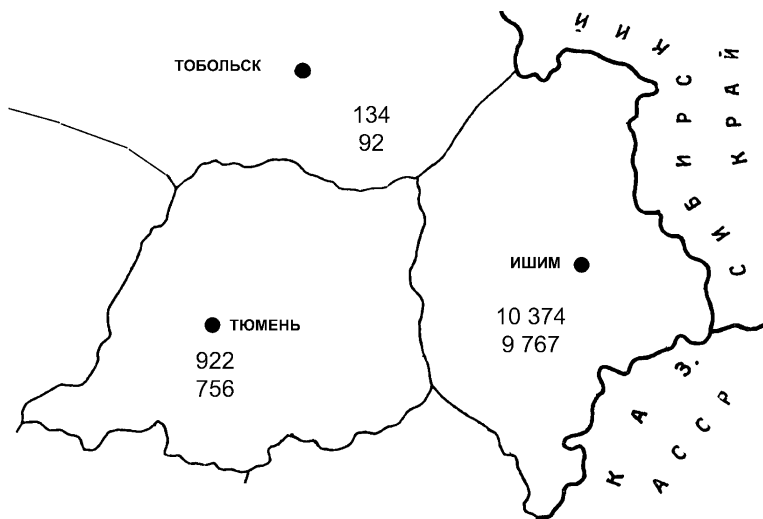

Рис. 1. Карта-схема численности украинцев в восточных округах Уральской области (все население / в т.ч. сельское) по итогам Всесоюзной переписи населения 1926 г.

итоги. При этом тот факт, что исследуемый нами регион был в этот период включен в состав колоссальной по размерам Омской области, не оставляет нам никакой возможности для исчисления численности украинского населения в нем.

Значительное влияние на изменение численности украинского населения в масштабах всей Западной Сибири оказала вторая мировая (Великая отечественная) война с масштабной эвакуацией с территории Украины промышленных предприятий, работников и членов их семей. Однако данные по масштабам переселений за этот период крайне противоречивы и фрагментарны, что выводит этот непростой вопрос за рамки данного исследования.

Для последующего периода – второй половины XX – начала XXI в. – данные переписей населения 1959, 1970, 1979, 1989, 2002 гг. позволили представить динамику численности украинцев по регионам проведения исследования в региональном и порайонном разрезах (табл. 1, 2) и провести картографирование расселения и численности (рис. 2). К сожалению, полученные автором данные не позволили составить картину порайонной численности украинцев в 1959 и 1970 гг. для южной части Тюменской области. Но, если взять за основу построений динамику численности украинцев в сельских районах Юга региона в 1979 – 2002 гг. (табл. 2), можно утверждать, что сельское украинское население в них в послевоенный период не претерпело сколько-нибудь значимых численных трансформаций.

Да и в городах (даже в Тюмени и Тобольске) этот процесс не имел особенных отличий, хотя численность украинцев в них в 1970-х гг. возросла (табл. 1).

Иная картина предстает при взгляде на динамику численности украинцев в районах сырьевого освоения Тюменского Севера. До начала 1970-х гг. – времени активного и масштабного нефтегазового «бума» – численность украинского населения в автономных округах Севера Тюменской области не выходила за рамки эволюционного развития. Но уже перепись 1979 г. фиксирует многократное увеличение их численности за счет трудовых мигрантов, оседающих во вновь создающихся населенных пунктах, в основном, городского типа (следует напомнить, что все переписи послевоенного времени учитывали *постоянное* население). Через десять лет (в 1989 г.) данные переписи показывают 15-ти – 28-ми кратное увеличение численности украинцев относительно 1970-го года (для ХМАО и ЯНАО, соответственно). Некоторое снижение общей их численности в этих округах к 2002 г. следует объяснять отнюдь не оттоком этнических украинцев с Тюменского Севера на Украину, а вполне объяснимой трансформацией этнического самосознания русскоговорящих украинцев-сибиряков. Эти процессы отчетливо прослеживаются в материалах переписей, фиксирующих этноязыковые показатели украинского населения Западной Сибири.

Подводя итоги этой краткой публикации, следует констатировать, что этнодемографическое развитие украинского этнического массива на территории Тюменской области Российской Федерации имеет выраженные, относительно такового на других территориях расселения в Западной

Таблица 1. Динамика численности украинцев в Тюменской области в 1959-2002 гг. Оба пола. Все население / в т.ч. сельское (чел.)

Регион	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.
Тюменская область	17 643 11 301	25 872 8 869	79 925 21 550	260 203 31 031	211 372 21 860
в т.ч.: ХМАО-Югра	4 363 3 401	9 986 3 198	45 484 7 872	148 317 9 230	123 238 8 809
ЯНАО	1 921 856	3 026 1 220	15 721 7 301	85 022 14 632	66 080 6 371
Юг	11 359 7 044	12 860 4 451	18 720 6 377	26 864 7 162	22 054 6 680

Примечание. Таблица составлена на основе данных, исчисленных по: [Итоги..., Ч. III, 2005; Итоги..., 1963; Национальный..., 1989; Национальный... РСФСР, 1990; Национальный... Тюм. обл., 1990; Национальный..., 1973; О некоторых..., 1971; Численность..., 1961].

Таблица 2. Численность украинцев в городах и сельских районах Тюменской области (южная часть) по данным всесоюзных переписей населения 1979, 1989 гг. и Всероссийской переписи населения 2002 г. (городское и сельское население)

Административные единицы	Численность (чел. обоего пола)		
	1979	1989	2002
<i>Города, горсоветы</i>			
Тюменский г/с	8 829	14 082	11 383
г. Тюмень	8 217	12 822	10 460
г. Ишим	692	852	652
Тобольский г/с	2 289	3 650	2 701
г. Ялуторовск	411	524	399
<i>Сельские районы</i>			
Абатский	175	226	174
Армизонский	154	157	94
Аромашевский	95	184	116
Бердюжский	120	184	119
Вагайский	185	205	165
Викуловский	110	127	123
Голышмановский	224	285	251
Заводоуковский	455	719	342
Исетский	225	312	572
Ишимский	236	415	404
Казанский	134	228	222
Нижнетавдинский	293	406	367
Омутинский	208	290	196
Сладковский	152	214	112
Сорокинский	187	158	110
Тобольский	512	424	283
Тюменский	1 267	1 535	1 515
Уватский	892	638	539
Упоровский	245	275	241
Юргинский	188	186	107
Ялуторовский	160	304	227
Ярковский	282	284	229

Примечание. Исчислено по: [Национальный..., 1989; Национальный..., 1990; Итоги..., ч. III, 2005].

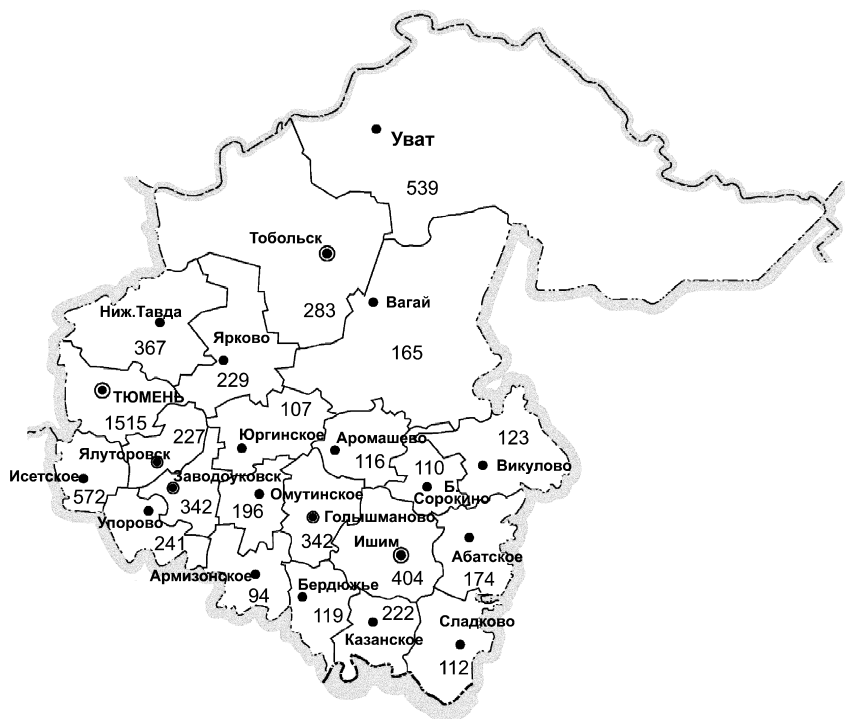

Рис. 2. Карта-схема численности украинцев в районах Тюменской области (южная часть) по итогам Всероссийской переписи населения 2002 г. (все население, оба пола)

Сибири, отличия, обусловленные особенностями исторического и социально-экономического развития данного региона.

Неопубликованные источники

Численность и размещение населения, половой и национальный состав, возрастная структура и уровень образования населения Тюменской области (по данным Всесоюзной переписи населения 1959 года). Тюмень, 1961. (Служебный экземпляр).

Опубликованные источники

Административно-территориальное деление Тюменской области (XVII-XX вв.) – Тюмень: ИПП «Тюмень», 2003.

Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. VI. Вятский район. Уральская область. Башкирская АССР. - М., 1928.

Итоги Всероссийской переписи населения – 2002: Стат. Сб. в 11-ти частях. Ч. I. Численность населения Тюменской области. – Тюмень, Тюменский областной комитет госстатистики, 2004.

Итоги Всероссийской переписи населения – 2002: Стат. сб. в XI-ти частях. Ч. III. Национальный состав населения в Тюменской области. Тюмень, Тюменский областной комитет госстатистики, 2005.

Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. – М.: Госстатиздат ЦСУ РСФСР, 1963.

Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. – М.: Статистика, 1973. – Т. IV.

Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. – М.: Статистика, 1989. – Т. IV.

Национальный состав населения (распределение населения отдельных национальностей по полу, возрасту, языку, состоянию в браке, уровню образования, общественным группам и источникам средств существования) / материалы Всесоюзной переписи населения 1979 года. Тюмень: Стат. управление Тюменской обл., 1989.

Национальный состав населения РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.) - М.: РИИЦ, 1990.

Национальный состав населения Тюменской области (итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года). Тюмень, 1990.

Национальный состав населения Тюменской области (по данным Всесоюзной переписи населения 1970 года). Тюмень, 1973.

Некоторые показатели, характеризующие национальный состав населения РСФСР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. - Т. I. Пол, возраст, брачное и семейное состояние отдельных национальностей– М., 1991.; - Т. II. Образовательный уровень, источники и средства существования, общественные группы, занятость. – М., 1992.

О некоторых показателях состава населения Тюменской области (по данным Всесоюзной переписи населения 1970 года). Тюмень, 1971.

Список литературы

Брук С.И., Кабузан В.М. Численность и расселение украинского этноса XVIII – начале XX в. // СЭ. – 1981. – № 5.

Коровушкин Д.Г. Расселение и численность украинцев на территории Омской области (конец XIX – начало XXI века) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2006 г.) - Новосибирск, Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. – Т. XII, часть II. - С. 105-111.

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ХРИСТИАНСКИХ И ЯЗЫЧЕСКИХ
ТРАДИЦИЙ В ПОЛИЭТНИЧНОМ СООБЩЕСТВЕ АЛТАЯ
В XIX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕДИЦИИ В ЧЕМАЛЬСКИЙ РАЙОН
РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ)**

С учреждением в 1828 г. Алтайской Духовной миссии Горный Алтай становится зоной тесных исторических контактов русской христианской и алтайской языческой культур. Официально признанная лучшей среди других миссий, действовавших в Российской империи в XIX - начале XX веков, Алтайская Духовная Миссия в наибольшей степени соответствовала идеалам православного миссионерства. Тем не менее, последствия и результаты ее деятельности оцениваются в литературе по-разному.

Одни авторы подчеркивают, что само существование центров православия - монашеских обителей, где можно было познакомиться не только с верой, но и с передовыми приемами земледелия, орудиями труда и проч., служило формой приобщения местного населения к духовным ценностям христианства и к достижениям цивилизации в целом [Овчинников, 2005]. Другие, расценивая миссионерство как «проверенный способ духовного закабаления местных жителей» при освоении новых территорий, приводят случаи «нетерпимости служителей православного культа по отношению к древней религии алтайцев» и отмечают их «нежелание пойти на малейший компромисс в вопросах веры» [Сагалаев, 1984].

Установлено, что более успешно деятельность миссионеров протекала в восточных районах Горного Алтая, где она поддерживалась родовой знатью, принявшей православие. Западный Алтай и в начале XX в. оставался по преимуществу языческим, и даже в тех районах, где по официальным данным преобладало крещеное население, принятие православия, как отмечают исследователи, было формальным.

Так, основанное в 1849 г. Чемальское отделение миссии по Бийскому округу к 1896 г. насчитывало 1247 крещеных алтайцев (в том числе, 123 оседлых и 1124 кочевых) и 1053 алтайцев-шаманистов. По этой причине, на одном и том же перевале нередко можно было видеть символы христианской веры и традиционные для Алтая формы почитания духов местности, когда «по одну сторону дороги был водружен крест, а напротив него на ветвях лиственницы развешались ленточки разноцветной бязи» [Там же].

Не удивительно, что общая картина христианского просвещения Алтая, которая рисуется в православной литературе XIX - начала XX вв., напоминает картину христианизации Сибири в целом, известную по описаниям из

ранных сибирских летописей. Противопоставление «Сибири языческой» и «Сибири христианской» достигалось в них, по наблюдениям специалистов, типичными антитезами с характерной древнерусской символикой («тьма, оледеневшая сердца» / «свет», «божественное семя» и т.п.). Ср.: *«Древле убо сия Сибирьская страна тмою безверия помрачашеся»*, теперь же - *«благоверием сияюще»*; тогда *«кумирослужения и бесования исполнена бе»*, «ныне же - чудесы божественными... и явления Божия матери содеяшася» [Ромодановская, 1968].

Точно так же, сама территория Алтая предстает в православной литературе указанного периода как сфера противостояния божественной «крестной силы» и местных шаманских духов. В книге известной православной писательницы А.И. Макаровой-Мирской (1872-1936 гг.) зафиксированы показательные с точки зрения соотношения «своего» и «чужого» в культуре рассказы о начальном этапе существования Чемальского стана Алтайской Духовной миссии - ср.: *«Трудно было жить... ох, как трудно! Да Господь помог. Зимой тяжело было воду доставать: обледенеют тропы скалистые, и Катунь промерзнет... Ужасно в бурю было... ночами темными»* [Макарова-Мирская, 2005].

Погруженное в холод и мрак пространство, окружавшее жилище первых миссионеров, выступает здесь как арена непримиримой борьбы между силами света и тьмы. По словам одной из служительниц миссии, домик миссионеров был местом, где постоянно что-то «чудилось»: *«Ночь, темно в лесу станет, особенно зимой... тишина... И вдруг тонкие дикие голоса начинают кричать за окном... А то начнут потолок раскрывать,... стучат, разговаривают, в окна стреляют... (Или) передразнивать станут... то из-за печи голос слышится, то откуда-то из-под пола»*.

Сами духи характеризуются в повествовании как некие «проклятые», «невидимые» существа или «страшные, уродливые тени», «усмирить» которые могут лишь атрибуты и символы христианского культа - «старинный медный крест», ладан, а также молитва и крестное знамение. Неопровержимым доказательством причастности духов к алтайскому языческому пантеону оказывается их способность к камланию - ср.: как-то в грозу *«у самого дома камлать принялись духи... Бубен грохочет... ровно в самые уши гудят! А кам кричит, зовет Тотоя-Паяну (владыку града, грома и дождя)»*. Более того, для придания окончательной убедительности в конце текста приводятся свидетельства людей, находивших в тех местах после бури различные атрибуты шаманского культа - ср.: *«дяденька мой... побрякушки от бубнов (там) видал»* [Там же].

Полевые материалы прошедшего экспедиционного сезона показывают, что современный этап взаимодействия христианских и языческих традиций в Чемальском районе Республики Алтай (в отличие от начального этапа) характеризуется, скорее, не противостоянием, а относительно мирным их сосуществованием. Главной православной святыней Чемала, опекаемой монахинями из расположенного поблизости скита, на сегодняшний

день остается ежедневно посещаемый толпами паломников и туристов остров Макария (он же остров Патмос) с восстановленным недавно храмом во имя апостола Иоанна Богослова и высеченным («явившимся») в скалах образом Богородицы с младенцем.

Один из универсальных способов сакрализации обживаемого пространства заключается, как известно, в соотношении реально существующих объектов природы с элементами библейского ландшафта или персонажами священной истории. На Валааме, к примеру, монастырские иноки создали свой Иерусалим с Гефсиманским садом, Кедром, Елеонской горой и Мертвым морем [VII Конгресс, 2007]. В Чемале - поднимающийся из воды скалистыми уступами остров (любимое место уединенных молитв первых миссионеров) получил свое второе название, Патмос, в честь греческого островка, на котором, по преданию, молился Иоанн Богослов.

Представления о святости, «намоленности» самого места подтверждаются бытующими в настоящее время рассказами о чудесах, последовавших вскоре за возрождением храма: *«обновилась икона Знамения Богородицы, икона Спасителя стала мироточить»* (ПИМА, 2007). Многочисленные случаи исцеления объясняются при этом *«очень высокими вибрациями»*, свойственными, как считается, любому святому месту. В связи с этим, следует отметить, что надделение сакральных объектов природы или предметов религиозного культа определенными научно-техническими характеристиками является отличительного чертой современного религиозного сознания в целом. Так, летом 2006 г. был записан рассказ одной из сестер Софийского собора в Киеве, по словам которой целительные свойства храмовых икон связаны с тем, что *«все они излучают высокочастотные энергетические вибрации»*. В то же время современная религиозность демонстрирует и обратные примеры, когда сакральные свойства и сверхъестественные качества приписываются разнообразным предметам бытовой техники.

Особый интерес вызывают записанные в ходе экспедиции предания о «явившейся» в скалах Божьей Матери, бытующие как среди русского, так и среди алтайского населения. Несмотря на явно выраженный рукотворный характер самого образа, некоторая часть местных жителей утверждает, что каменная фигура Богородицы была здесь всегда, а одна из монахинь - лишь немного «подправила» ей лицо. По другой версии, *«однажды монашки пошли счищать с камней мох и обнаружили там божественный лик»*. Согласно сведениям, полученным от информаторов-алтайцев, издавна в скалах можно было наблюдать не только антропоморфные, но и зооморфные рельефы - ср.: *«мама рассказывала, как они, детьми, каменные изображения рассматривали - животных, Богородицы»* (ПИМА, 2007).

«Божественные чудеса» и *«явления Божия матери содеяшася»*, как уже упоминалось, в традициях сибирского летописания служили признаками включенности новой территории в мир «истинной» христианской веры. Появившийся в Чемале при содействии Барнаульской епархии каменный

лик Богородицы с младенцем уже в силу своего доминирующего положения призван оберегать поселение, являясь при этом «знаком божественной силы», придающим окружающему пространству статус священного локуса. Вместе с тем, в данном случае не исключено и определенное влияние местной алтайской традиции почитания камней с зоо- и антропоморфными изображениями. Подтверждением тому служат собранные материалы о лике Сартакпая, «созданном самой природой» на месте слияния Чемала и Катунь, а также - о расположенном там же Заветном Камне с появляющимися весной «плачущими ликами». Отметим, что именно герой алтайского эпоса Сартакпай, согласно этиологическим мифам, участвовал в процессе культурного освоения ландшафта, строя каналы и дороги, давая имена рекам, горам, зверям и птицам [Мифы народов мира, 1997].

Полученные данные позволили уточнить прежние наблюдения о том, что наиболее популярными сакральными объектами природы среди сельского православного населения Сибири были и остаются водные источники. Выяснилось, что природные и этнокультурные особенности обследованного района (горный ландшафт и смешанный этнический состав населения) предопределяют преимущественное почитание горных природных объектов. В то же время, появление новых священных локусов, происходящее в наши дни при непосредственном участии Русской Православной Церкви, можно, по всей видимости, считать одним из признаков поиска новой региональной, ориентированной на конфессиональные ценности, идентичности.

Примечания

Макарова-Мирская А.И. Полтора месяца на Алтае. - Барнаул: Миссионерский отдел Барнаульско-Алтайской епархии, 2005. - 64 с. (1-е изд.: Харьков, 1915).

Мифы народов мира. - М., 1997. - Т.2. - С. 539-540.

Овчинников В.А. К вопросу о роли женских монастырей и общин в деятельности Алтайской духовной миссии во второй половине XIX - начале XX вв. // <http://e-lib.gasu.ru/konf/mak/arhiv/2005/03.doc>

Ромодановская Е.К. Сибирские повести об иконах (XVII - начало XVIII в.) // Освоение Сибири в эпоху феодализма. - Новосибирск, 1968. - Выпуск 3. - С.82-96.

Сагалаев А.М. Христианизация алтайцев в конце XIX - начале XX в. Методы и результаты // Этнография народов Сибири. - Новосибирск, 1984. - С.120-127.

VII Конгресс этнографов и антропологов России: доклады и выступления. - Саранск, 2007. - 339 с.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ ЖИТЕЛЕЙ СИБИРСКИХ ГОРОДОВ СТИХИЯМ ВОДЫ И ОГНЯ В XVII СТОЛЕТИИ

Огонь и вода, без которых невозможно развитие цивилизации на Земле, приносили и продолжают приносить многие беды человечеству. В ходе тысячелетий люди накопили огромный опыт борьбы со стихией. В далекие времена они противостояли природным катаклизмам, несмотря на отсутствие спецтехники, служб спасения и т.п.

Первопоселенцам Сибири часто приходилось бороться с наводнениями и пожарами. Скупые сведения об этом сохранились в отписках сибирской администрации. Енисейский воевода Ф. Полибин в 1649 г. писал о чрезвычайной ситуации в городе: «...мая в 13-й день... пришла тунгуская и испод Красного Яру енисейская и из иных из многих рек вешняя вода большая вода вдруг вскоре...» [Миллер, 2005 с.325]. Были затоплены острог и посад, церкви и колокольни, гостиный двор, зелейный и винный погреба, амбары с казенными хлебными запасами, а некоторые «избы и дворы на посаде совсем снесло». Горожане семьями спасались на крышах высоких изб «...з женами и детьми сидели поверх высоких хором, собираясь вместе, семей по 5 и по 6 и больше» [Там же]. Семьи в Енисейске были многолюдными, и крыши заполнялись до отказа.

Местный воевода был озабочен, прежде всего, сохранением запасов казенного погреба. Ф. Полибин организовал погрузку пороха, свинца и винных запасов в суда, находившиеся на реке. Он послал в лодках выборных целовальников к мужскому населению города с наказом: на любых плавсредствах собраться у съезжей избы. Собравшимся воевода велел подвести дощаники к «государевым хлебным житницам», перегрузить и быстро переправить сухой хлеб, «снимая сверху до моклой ржи», в кельи Спасского монастыря. Зерно, которое не успели спасти от воды, по указу пошло на изготовление солода. Казенные хлебные запасы, пригодные для пищи, воевода продавал населению по низкой цене [Прибыльные дела сибирских воевод., 2000, с.230].

За первым наводнением последовало второе, которое лишило население не только собранного хлеба, но и надежд на будущий урожай. Как только просохли поля и луга после первой волны наводнения, воевода Полибин организовал быстрый посев яровых культур, выделив из государственных запасов овес и ячмень взаймы «в кабалы с поруки» [Миллер, 2005. С.326]. Второе наводнение продолжалось дольше первого. Были затоплены все

поля и сенные покосы «корень ржаной и ярь выломило, песком и илом нанесло в пояс человека». Это была настоящая экологическая катастрофа для населения Енисейского уезда. Все рациональные меры борьбы с водой, предпринятые воеводой Полибиным, оказались под угрозой.

От наводнения 1649 г. пострадал и енисейский соляной промысел. Новому воеводе пришлось помимо борьбы с голодом заниматься и ликвидацией разорения соляных варниц, поскольку «от водяного потопа соль вареная и всякий соляной завод потонул, варницы снесло водою и соляной цырен изломало, и хлеб и амбары со всем скот всякой топило, и всякие хоромы разломало и снесло, и хлебный пашенный всякий завод без остатку потонул». В связи с постигшем бедствием организатор и владелец промыслов Алексей Тихонов просил о снижении ему уплаты налогов [Миллер, 2005. С.342].

Различные послабления и ссуды в связи со стихийным бедствием просили и получали крестьяне. В 1649 г. было выдано в качестве ссуды 98,5 четверти ржи и 88,75 четвертей овса [Копылов, 1965, с.71]. В докладе, представленном в Сибирский Приказ, томский воевода высоко оценивал действия Ф.Полибина: «...он же, Федор, в енисейское потопное время уберег государева всякого хлеба, ржи и овса, 14 952 чети без полуосьмины». Описанная выше ситуация форс-мажорных обстоятельств показывает, что при умелых и своевременных действиях местных властей урон от бедствий можно было свести к минимуму. Енисейскому воеводе удалось добиться консолидации всех слоев горожан в борьбе со стихией, что явилось главной причиной довольно быстрого восстановления уезда в прежнем его состоянии.

Весеннее половодье ежегодно приносило убытки жителям отдельных территорий Сибири. Чаще всего от большой воды страдали мельницы. В 1627 г. в уральском регионе «тагильскую и невьянскую и подгородную мельницу вешней поллой водою и льдом разломало, и пруды и слани вынесло..., кроме того там пострадали и амбары с мукой. [Прибыльные дела сибирских воевод, 2000, с.68]. Во избежании подобных явлений городские власти устраивали специальные укрепленные заплоты и тарасы, оберегавшие мельницы, которые, однако, не всегда удавалось спасти от непрошеной воды.

Сохранился документ 1630 г., в котором описано разрушительное весеннее половодье в Нарымском остроге. Источник сообщает: «...в мае пришла снеговая вода, и Нарымский острог весь потопило, и та де вода не слила, и пришла де земная вода и во многих местах острог и башни сломала и разнесла, и в остроге дворы потопило, и было воды в груди человеку...» Властями было принято решение о переносе Нарымского острога в более безопасное место. Для этого надлежало провести разведку местности и подготовить чертеж нового поселения и «все устроить «лутчи прежнего» и «острог поставить пространной». К строительству нового острога привлекались все слои местного населения, включая аборигенов, а также приезжих торговцев [Миллер.1941,с.370-371].

Огромную опасность для деревянной Руси таила стихия огня. В Сибири городские постройки на протяжении веков оставались деревянными. Причиной пожаров служили природный фактор (грозы) и человеческий (недосмотр). В летнюю пору администрация запрещала топить печи в избах, и вменяла пользоваться исключительно общественными банями. Однако принятые меры не всегда уберегали город от огня. В 1677 г. от очередного пожара выгорела значительная часть Тобольска. Не успел город отстроиться, как в августе 1680 г. от летней печки во дворе посадского человека занялся огонь, который спалил 500 жилых строений [Резун, Васильеский, 1989, с.252-253].

В июне 1621 г. случился катастрофический пожар в Пелыме: «А загорелось после обедни порание полдень, - докладывал пелымский воевода, - а затравилось в литовской слободе, у стрелецкой жены у Семейкиной ярославца, у Пелагейки во дворе» [Миллер, 1941, с.266]. Виновницу пожара допрашивали и выяснили, что огонь занялся от дымокура: «от оводу клала куреву дым во дворе». Воевода пишет, что «день был жаркой, и ветер тянул на город великий и обнял посад и город все вдруг» [Там же]. Пелым выгорел почти полностью. Сгорела церковь, казенные амбары, хлебные житницы, избы жителей, хозяйственные постройки и скот. В огне пропал весь оружейный запас. Огонь застал горожан врасплох: женщины и дети «на воду метались» кинувшись к реке.

В критической ситуации пелымская администрация обратилась за помощью к центральным властям и город в скором времени был восстановлен. Уже через год воевода Вельяминов докладывал в Москву, что на прежнем месте поставил новый острог, однако с необходимыми острожными башнями повременили, т.к. первым делом строили дворы горожанам, которые жители предпочли ставить на прежних местах. В восстановлении города приняли участие приезжие торговцы, которые из «вагульского леса» (к поставке леса были привлечены ясачные аборигены) соорудили башню и проезжие ворота. Усилиями торговых людей были воздвигнуты новый теплый храм на 2 престола, съезжая изба на подклете и необходимые казенные помещения. Воеводе удалось привлечь к строительству даже купцов, которые ехали мимо Пелыма: «...И те, государь, торговые люди храм, и съезжую избу, и казенную клеть и хлебной анбар зделали наготово» [Миллер, 1941, с.285]. Летом этого же 1622 г. тобольский воевода Годунов утвердил отсрочку восстановления острожных сооружений, считая главной задачей восстановление дворов горожан. Московские власти были обеспокоены пожароопасной обстановкой в Сибири. В царской грамоте осенью 1621 г., основываясь на описаниях архиепископа Киприана близ лежащих к Уралу сибирских территорий, вновь обращалось внимание на тесные, нередко крытые соломой дома. Отмечалась скученность строений, узкие улицы «сажени в полторы» и отсутствие городских площадей. В городах также не было «пожарных запасов», подразумевались, видимо, выработанные традицией меры борьбы с огнем,

в том числе паруса, багры и трубы. [История Сибири. Первоисточники. Вып. IV. 1994, с.179]

Очень опасны для деревянных городов были летние грозы. Так, в 1677 г. в Тобольске от удара молнии загорелась церковь. В огне погибли 105 дворов горожан, Гостиный двор и приказная палатка [Вилков, 1967, с.67-68 ; Резун, Васильевский, 1989, 252]. В сентябре 1703 г. в Енисейске в прасольном ряду в 7-ом часу ночи «учинился пожар», в результате которого полностью выгорел значимый сектор города. [ПСИ, 1882, с.239].

В летнюю ночь 1705 г. пожар в Тюмени уничтожил метрополичий двор, девичий монастырь, приходские церкви, проезжие башни, острог, торговые лавки, таможенную избу, кружечный двор, богадельню и 729 дворов горожан. [ПСИ, 1882. С.276-277]. Более трех тысяч горожан остались без крова (при средней численности двора в 5 человек). Жителям предстояли колоссальные усилия для возвращения привычного быта. Сибирские города быстро возрождались на прежних местах, причем, количество новых строений обычно превышало прежний объем, а организованное пространство города расширялось.

При ликвидации бедствий были задействованы все слои населения: служилое сословие, посадские, крестьяне, оброчные и гулящие люди. Ясачное население также загружалось определенными повинностями, например, заготовкой леса. Приехавшие из различных областей России купцы и их агенты, заинтересованные в возобновлении торговли, на время становились в один ряд с жителями пострадавших городов. В результате, вынужденного тесного общения носителей различных традиций, сибирское сообщество обогащалось новациями в бытовой и технологических сферах культуры. Стихийные бедствия, доставляющие непомерные трудности в жизнеобеспечении первопоселенцев, тем не менее консолидировали население, обеспечивая внутреннюю целостность, на время затушеванная социальные и этнокультурные противоречия.

Примечания

Вилков О.Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII в.- М.: Наука, 1967. – 322 с.

История Сибири. Первоисточники. Тобольский архиерейский дом в XVII веке. - Новосибирск, Сибирский хронограф, 1994. - Вып. IV. - 179 с.

Копылов А.Н. Русские на Енисее в XVII в.- Новосибирск, Изд. АН СССР СО, 1965.- 295 с.

Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л., 1941. - Т. II. - С.266, 285, 370-371.

Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 2005. – Т. III. - С. 326, 342.

Памятники сибирской истории. СПб., Тип. МВД, 1882. С. 276-277.

Резун Д.Я., Васильевский Р.С. Летопись сибирских городов. - Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1989. – 303 с.

МЕМУАРЫ ЯПОНСКИХ МОРЯКОВ О РУССКИХ В СИБИРИ. КОНЕЦ XVIII – НАЧАЛО XIX ВЕКА

«Свой - чужой» одна из основополагающих дихотомий этнической культуры. Восприятие элементов чуждой культуры сквозь призму устоявшихся стереотипов представителями какой-либо этнической группы может служить как показателем степени их толерантности и адаптивности, так и маркером комплиментарности культур. Изучение культуры какого-либо народа было бы неполным без учета мнения о ней представителей других народов. Вполне информативны для подобного рода исследований письменные свидетельства современников: мемуары, записки, путевые заметки, отчеты. К сожалению, в арсенале этнографов они играют мало заметную роль и слабо используются в качестве источников. В данной статье предпринята попытка отчасти восполнить имеющиеся пробелы и проанализировать мемуары японских мореплавателей, в которых описывается их встреча с русской культурой в Сибири в конце XVIII – начале XIX в.

В 1913 г. в журнале «Сибирский архив» Петром Чечиным был опубликован перевод отчетов японскому правительству моряков, волею случая оказавшихся в России. Это записки команд различных кораблей, выходивших в море в 1753, 1781, 1793, 1795 годах. Во всех случаях согласно записям в бортовых журналах буря относил судна к берегам России. Доподлинно не известны авторы отчетов, но П. Чечин предполагает, что составлялись они коллективно под руководством командиров кораблей. Как бы то ни было, из одного отчета следует, что в 1753 г. шестнадцать моряков под началом Такеучи Токубея были занесены штормом к берегам Камчатки. Они смогли добраться до Иркутска, и поскольку средств для возвращения у них не было, им пришлось остаться в Сибири до конца своей жизни. Отчеты 1781, 1793 гг. также сообщают, что бурное море забросило японцев в Сибирь. Кроме описаний встретившихся опасностей наиболее полно освещают жизнь русских в Сибири датированные 1812 годом мемуары четырех возвратившихся из России членов команды судна «Вакамия Мару», которым командовал капитан Цудою. Повествование в записях ведется от лица всех четверых. Восприятие японцами русской культуры в Сибири в этих мемуарах было выбрано предметом анализа в данной статье.

Как следует из текста, в 1795 г. моряки вышли из порта на родине в открытое море и были застигнуты штормом. После безуспешной борьбы с морской стихией, несколько человек команды, цеплявшихся за остатки

судна, прибило к берегу незнакомого острова, где жили, по словам авторов мемуаров, вполне добродушные туземцы со странной наружностью. Местные жители приютили японцев в своих землянках и делили с ними пищу. Первая встреча с русским произошла восемь дней спустя. Вот как описывают ее японцы: «...к нашему острову приехал на сделанной из кожи лодке какой-то странный человек с величественной наружностью. Его сопровождало около десяти туземцев, вооруженных топорами и ружьями» [Записки японцев..., с. 127]. Как выяснили потерпевшие, это был русский начальник здешнего района. Ему удалось достаточно быстро установить контакт с моряками, хотя он не владел японским, а они не говорили по-русски. «Русский начальник» постарался выяснить подробности происшедшего с японцами и незамедлительно снабдил их едой.

Далее авторы сообщили, что их отправили в порт Натка, где на берегу жили 40 туземцев и тот самый «русский начальник», имя которого осталось неизвестным. Ничто не ускользало от внимания авторов отчета, весьма обстоятельно они описали и взаимоотношения русских и местных жителей, и русские жилища, и пищу. Туземцы встретили русских враждебно, «градом копий осыпали русские суда». Особо отмечено, что русские, проживавшие на острове, учились у туземцев метать копья, но по замечанию авторов «не могут достигнуть того искусства, которое дается туземцам с рождения» [Там же, с. 129]. Избы русских были расположены на самом берегу моря и сделаны из бревен, прибитых морскими волнами, крыши покрыты травой, поверх которой положена глина. Основу питания составляли яйца морских птиц и рыба.

Дальнейшее повествование построено в форме «одиссеи». Описывается путешествие команды моряков по городам России, чтобы попасть в столицу – Санкт-Петербург, для получения разрешения на возвращение в Японию. Значительное место отведено рассказу о сибирских городах, что вполне объяснимо, поскольку маршрут японцев шел через них. С нескрываемым удивлением авторы пишут, что от Якутска до Охотска им попало всего три станции [Там же, с. 131], количество домов на которых было от 10 до 20. Якутск они называют большим областным городом, с двумя тысячами жителей. Почти все дома города были небольшими деревянными, стояло всего три храма и казенное учреждение из камня. Картина несколько меняется на пути из Якутска в Иркутск – станций было гораздо больше, количество домов на каждой также увеличилось – 50-100, причем почти на каждой станции были церкви [Там же].

Иркутск поразил моряков. Они называют его самым красивым и большим городом Сибири. О городских храмах сказано, что они великолепны. Отмечено и их число – 13 каменных церквей [Там же, с. 132]. В Иркутске японцы прожили около восьми лет и основательно его изучили. Они пишут, что город раскинулся на очень больших пространствах, в нем много красивых деревянных и каменных зданий. Моряки посчитали нужным сравнить улицы Иркутска с теми, что им были привычны: «...улицы... очень

широки и по ним в один ряд свободно могут проехать три телеги» [Там же]. Особо мореплаватели отметили свою неожиданную встречу со своим соотечественником Сенчо, ранее также потерпевшим кораблекрушение и приехавшим в Иркутск. Сенчо вначале смутился, был крайне обеспокоен, что его сограждане осудят его. Но увидев доброжелательность с их стороны, рассказал свою историю. Он крестился, взял имя Николая Хайтаровича Корочетено, женился на русской и обзавелся детьми. На жизнь стал зарабатывать службой у генерал-губернатора переводами и обучением русских чиновников японскому языку. Несмотря на то, что он одет был в русский костюм, по мнению японцев, «своим ростом и чертами лица он все же резко выделялся из русской среды» [Там же].

Подробнейшие описания города знакомят читателя с планировочной структурой и обликом города, а также с бытом и хозяйством горожан. Указываются товары, продаваемые на базаре, в том числе мясные продукты и рыба, сообщается об огородных культурах, выращиваемых горожанами, среди которых называются и посевы табака. Отмечается особое пристрастие иркутян к теплу в домах, для чего ставят несколько печей, что позволяет им находиться зимой в помещении «в одной рубашке» [Там же, с. 134]. Особое восхищение у японцев вызывали бани. Они делали сравнение русских бань с японскими, явно в пользу русских, подробно повествуя, как ими пользуются.

Находят они и сходство с японскими обычаями, например, в питании: «Русские едят так же, как и японцы, 3 раза в день» [Там же]. Пище посвящены одни из ярких страниц мемуаров. Подробнейшим образом описывают моряки излюбленные иркутянами продукты, среди которых перечисляются хлеб пшеничный и ржаной, «коровье мясо», молоко, капуста. Конечно же, японцы не могли не отметить, что русские мало едят риса, который является в Японии основной злаковой культурой, готовя из него только кашу на молоке для детей.

Пристрастие русских к коровьему молоку сравнивается с предпочтениями якутов, которые с большей охотой употребляют «лошадиное и оленьё молоко». Замечают они, что якуты умеют из молока делать напиток, «от которого легко можно опьянеть» [Там же, с. 135]. Кроме того, «русские мужчины очень любят пить спиртной напиток, приготовленный из пшеницы. Он очень крепок для нас, японцев, но русские могут выпить его очень много» - пишут авторы [Там же, с. 136].

Заметили моряки и то, что система питания русских в пост отличается от обычных дней ограничением в употреблении мясных продуктов, в пользу рыбных блюд, причем «рыбу варят и жарят вместе с маслом в муке» [Там же].

Немного замечаний касается зимней одежды русских: «...носят очень теплые шубы, сделанные большей частью из шкур диких животных и овец. Простые же бедные крестьяне носят шубы, сшитые из собачьих шкур» [Там же].

Несколько абзацев мемуаристы посвятили «туземцам», живущим «возле Иркутска», имея в виду бурят, про которых они пишут, что «...они жили здесь до покорения Сибири русскими» [Там же], далее давая краткое описание их внешности: «...глаза у них черные косые. Они все низкого роста и своей внешностью сильно отличаются от русских» [Там же]. Любопытно, что со своей внешностью авторы их не сравнивают, являясь как бы сторонними наблюдателями. Внимательные наблюдатели отметили также, что многие буряты хорошо знают русский язык и ходят в русской одежде, а их религия совершенно отличается от русской.

Заканчивая описание своей жизни в Иркутске, авторы замечают, что они так и не смогли привыкнуть к здешней обстановке, всем хотелось вернуться на родину: «несмотря на то, что русские нас хорошо кормили и одевали, но все же жизнь здесь совсем другая» [Там же, с. 136]. На прощанье Иркутский генерал-губернатор подарил им по суконному костюму и отправил в Санкт-Петербург через Томск, Пермь, Казань, Москву, в целом такая поездка заняла 50 дней [Там же]. Поскольку ехали круглосуточно и очень быстро, то Иркутск стал последним русским сибирским городом, о котором писали японские моряки. Все они получили разрешение для возвращения на родину, но из 13 японцев, выехавших из Иркутска, вернулись в Японию четверо, девятеро умерли, не перенеся невзгод трудного пути.

Таким образом, при первом знакомстве с русскими японским морякам многое казалось странным, а коренных обитателей прибрежных берегов России они считали дикими, однако они отмечают их доброжелательность и гостеприимство. Судя по тональности повествования, русские выступали для них представителями понятной им развитой культуры. Жизнь в Сибири японцы считали вполне приемлемой, в своих записках они не давали волю своим чувствам, а отмечали отдельные детали, привлекавшие их внимание. Благодаря авторам мемуаров, волей случая заброшенных в чужую для них страну, современные исследователи могут выделить описания нескольких значимых элементов этнической культуры русских в Сибири, а именно, понять особенности жилищ, пищи, одежды; а также определить некоторые отличия русской культуры от якутской, бурятской, японской; сделать вывод о неоднозначности взаимодействия этнических культур и взаимоотношениях их представителей; увидеть адаптационно-адаптивные возможности русской культуры, вовлекающей в сферу своего действия другие народы.

Примечания

Записки японцев о России конца XVIII – начала XIX века // Сибирский архив. 1913. №3. С. 123-144.

ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕМЕЙНОЙ ОБРЯДНОСТИ СОЛТОНСКИХ КУМАНДИНЦЕВ. 1920–1950-е ГОДЫ*

Первые десятилетия существования Советского Союза были наполнены преобразованиями, коснувшиеся всех сфер общественной жизни. XX в. в истории России стал временем масштабных потрясений (индустриализация, коллективизация, ВОВ и т.д.), роста мобильности населения, увеличения информационных потоков и т.д. В круговорот истории было вовлечено коренное население Сибири, в том числе и кумандинцы.

В основу данной публикации легли полевые материалы, полученные автором в ходе этнографической экспедиции в Солтонский район Алтайского края в июле 2007 г., а также анкеты сельскохозяйственной переписи 1917 г., находящиеся в Центре хранения архивного фонда Алтайского края. Полученные сведения позволяют проследить воздействие внешних факторов на семейную обрядность кумандинцев и ее трансформацию в 1920 – 1950 гг.

Сфера семейно-брачных отношений в рассматриваемый период испытывала существенное воздействие иноэтничной среды. Сельскохозяйственная перепись 1917 г. выявила совместное проживание во всех населенных пунктах современного Солтонского района пришлого и коренного населения. Между «русскими» (под ними подразумевались собственно русские, мордва и представители других этнических групп) и кумандинцами сложились дружественные отношения. Позитивные взаимоотношения основывались на единстве бытового и хозяйственного уклада.

Тем не менее, в условиях происходивших процессов аккультурации и ассимиляции у кумандинцев сформировалось отрицательное отношение к межэтническим бракам. По словам информаторов, смешанные браки в довоенное время были единичны и осуждались родителями и социумом. Ориентации на автономность в социальной сфере в определенной степени способствовали и создание в начале 1930-х гг. национальных колхозов в Солтонском районе («Нацмен» в с. Тосток, «Звезда Алтая» в с. Кичек и др.).

Небольшое расстояние между деревнями формировало круг общения молодежи в рамках школы, на совместных гуляниях по праздникам и на вечеринках. Часто посредниками в знакомстве молодых выступали родственники жениха, проживающие по соседству с девушкой на выданье.

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ 06-01-00323 а

В результате большинство браков заключалось между жителями соседних сел, реже односельчанами. Возраст вступления в брак молодых людей был различным, но в основном около 20 лет.

Великая Отечественная война внесла свои коррективы в брачное поведение населения, как русского, так и кумандинского. Значительная часть мужчин брачного возраста оказалась в трудовой или действующей армии. Отсутствие мужчин и тяжелые экономические условия привели к снижению уровня брачности населения, сопровождавшегося сдвигами в семейно-брачной сфере: распространением межэтнических браков и, как следствие, «отмиранием» обычаев избегания и экзогамии, нарушением принципа старшинства при вступлении в брак (у некоторых информаторов старшие сестры так и остались незамужними).

В то же самое время ускорился процесс нивелирования традиционной культуры. Обряд сватовства стал постепенно исчезать в силу взаимосвязанных причин: распространения браков убегом, обнищания населения и проживания девушек у родственников в результате смерти, или гибели на войне родителей. Одновременно по тем же причинам перестали выплачивать калым и приданое, хотя все (в основном личные вещи), что приносила девушка в новую семью продолжалось рассматриваться в качестве приданого.

На смену традиционному свадебному обряду пришли вечеринки. В некоторых случаях молодая девушка переходила в дом супруга без совершения каких-либо ритуалов. Часто причиной этого было сиротство. Исключительным событием, которое запомнилось одному из информаторов, стала свадьба в 1957 г. в д. Сарыково Красногорского района, проведенная в соответствии с традиционными нормами.

Соблюдение традиционных норм в свадебном обряде постепенно становилось исключением из общего правила. Обычно это было характерно для торжеств, когда молодожены были из полных семей, главам которых удалось вернуться с фронта и сохранить родственные связи взаимопомощи.

Свадьбу старались подгадать к осенне-зимнему сезону, когда снижалась занятость населения в колхозах. В период сельскохозяйственных работ обычно устраивали вечеринки или «однодневные» свадьбы.

На праздник съезжались родственники с обеих сторон, приходили соседи. Для невесты устанавливали шалаш, где ей незамужние родственницы заплетали две косы (после войны это обычно делали в углу комнаты за занавеской). Слева заплетала косу родственница невесты, справа – жениха. Приготовленную прическу обрызгивали водой. По окончании обряда девушку выводили, и начинался свадебный пир, для которого готовили традиционные свадебные блюда («*тутпаш*», конское мясо и т.д.). Если у брачующихся сторон имелись средства, то на второй день устраивали церемонию «мусор», ничем не отличавшийся от русского варианта, когда гости бросали на пол, в «мусор», деньги для молодых.

Изменения под влиянием внешних факторов в рассматриваемое время происходили и в родильной и погребально-поминальной обрядности.

Вовлечение большинства кумандинцев в 1930-х гг. в колхозы привело к увеличению занятости населения. В результате женщины во время сельскохозяйственных работ часто рожали в полях. В 1940 – 1950 гг. стали предоставляться декретные отпуска, а роды проходили в больнице.

Обращение при родах за помощью к врачам стало обычным явлением лишь в послевоенные годы, когда медицинские пункты появились во многих деревнях Солтонского района. Лишь небольшая часть кумандинок по-прежнему прибегала к помощи народных знахарок в силу удаленности больниц, или недоверия к медицинским работникам.

В случае если роды начинались дома, то кто-нибудь из родственников отправлялся за повивальной бабкой (неважно русская, или кумандинка). Каких-либо традиционных обрядов и обычаев уже не соблюдалось. После родов повитуха вела роженицу в баню, где правила ей живот. За помощь при родах повивальную бабку благодарили полотенцем или отрезком ткани. В тот же день роженица приступала к работе по хозяйству.

Через некоторое время собирались гости «на зубок». Приходили обычно с подарками для младенца. Среди приглашенных обязательно присутствовала и повитуха, с которой после родов завязывались добрососедские отношения. Бабушки погружали ребенка в воду и нарекали именем, выбранным его родителями сразу после родов. Традиционная антропонимия в 1930-е гг. была полностью вытеснена русской. При случае, оказавшись в Бийске, детей крестили в церкви.

Продолжали соблюдать только некоторые традиционные послеродильные обряды. Например, обряд первой стрижки волос, ногтей. Сохранялся запрет на изготовление колыбели, игрушек и одежды для будущего ребенка до родов. Значение многих запретов либо было не известно, либо трактовалось на современный манер. Например, в течение месяца новорожденного не показывали чужим людям, ребенка не подносили к зеркалу из-за боязни, что он долго не сможет говорить.

В послевоенное время многие послеродильные обряды исчезли или упростились. Так, перестали проводить обряд разрезания пупа. Ноги младенцу уже не спутывали, а только имитировали разрезание, щелкая ножницами в воздухе. Перестали быть обязательными поездки с младенцем на показ по родственникам, хотя его брали с собой при поездках в гости. В этом случае хозяева одаривали маленького гостя.

Погребально-поминальная обрядность оказалась наиболее устойчивой к влиянию внешних факторов. Сохранилась последовательность действий в отношении умершего человека: обмывание, приготовление одежды и гроба, ночное бдение у тела, прощание с покойником, похороны, поминальный обед, поминки (9 и 40 день, год). Иногда кумандинцы призывали шамана для очищения дома.

Продолжал бытовать обычай класть в гроб личные вещи покойного (трубку с кисетом и т.д.). Видимо, еще в XIX в. к традиционному составу погребального инвентаря добавился нательный крестик. Надмогильным

крестом погребение крещеного отличалось от других захоронений, на которых устанавливали столб. В селах, где коренное население было значительным, кладбище делилось на две половины: «русскую» и «татарскую» (кумандинскую). Родственников старались хоронить рядом.

В годы Великой отечественной войны произошло упрощение погребального обряда. К подготовке похорон стали привлекаться молодые люди 12 – 14 лет из-за отсутствия мужчин. Хоронили наспех и обычно на второй, а не на третий день после смерти. Гроб выносили в полдень, устанавливали на санях, и, привязав веревками, отправлялись на кладбище. В могилу, приготовленную заранее утром, опускали гроб на веревке. Затем каждый из присутствующих кидал по три раза землю. Иногда читали молитвы на кумандинском языке. У могилы раздавали сладости.

Значение большинства элементов погребального обряда современным кумандинцам неизвестно. Информаторы лишь констатируют соблюдение того или иного обычая. Например, никто не может объяснить запрет, уходя, оглядываться в сторону кладбища и т.д.

Появились и некоторые новые обычаи. Так, помимо традиционных поминок умерших, поминать их стали и в родительский день. Обязательным становится регистрация в государственных органах рождения, брака и смерти. Часто эти процедуры откладываются во времени. Нередко регистрация брака и рождения первенца (или усыновлением супругами ребенка) происходила одновременно, что совпадает с традиционными представлениями о переходном характере первого года совместной жизни.

К 1920 – 1950-м гг. этническая культура кумандинцев имела существенные отличия от традиционных устоев XIX в. Семейная обрядность аборигенов Солтонского района представляла собой синтез обрядов и обычаев разных этнических культур, соседствующих в регионе, при редукции традиционных элементов.

Мероприятия властей, направленные на создание унифицированной советской культуры, война и разруха, укрупнение совхозов и многое другое обусловило разрушение родовых, внутри- и межсемейных связей, а также прервало трансляцию опыта из поколения в поколение. В 1950-е гг. произошло вытеснение родного языка из сферы образования и даже из внутрисемейного общения. В результате большинство информаторов 1920 – 1930-х гг. рождения, видевшие традиционные обряды в молодые годы, утратили знание их смысла и символики.

**НЕМЦЫ СИБИРИ: ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ
И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ
В XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА**

По данным Комитета Государственной статистики в 2002 г. в России постоянно проживало 597,2 тыс. немцев, что составляло около 0,4% населения страны. При этом впервые численность «городских» значительно превысила численность «сельских» немцев и составила 339 тыс. человек против 258 тыс. на селе. Сибирь осталась самым «немецким» федеральным округом. Из общего немецкого населения России - 308,7 тыс., т.е. около 50%, проживало в Сибирском федеральном округе (1,5% населения округа)

Массовое переселение немцев в Сибирь началось в годы столыпинской аграрной реформы. Основным выталкивающим фактором было малоземелье, аграрная перенаселенность в местах выхода, сопровождавшаяся социальными конфликтами, часто принимавшими форму религиозных движений.

Немецкие села в Сибири основывались после предварительной разведки, с необходимым набором средств для начала эффективной хозяйственной деятельности. Уже к началу первой мировой войны в Сибири сложились агломерации сельских поселений, компактно заселенных поволжскими и украинскими немцами. Наибольшее количество немецких

**Таблица 1. Численность немцев по территориям
проживания в СФО, 2002 год (человек, %)**

Территории преимущественного проживания немцев	Всего, чел.	%	Городское Население		Сельское Население	
			Чел.	%	Чел.	%
СФО всего	308727	100	147370	47,7	161357	52,3
Алтайский край	79502	25,8	24242	30,5	55260	69,5
Красноярский край	36850	11,9	20483	55,5	16367	44,5
Кемеровская область	35965	11,6	28658	79,7	7307	20,3
Новосибирская область	47275	15,3	23493	49,7	23782	50,3
Омская область	76334	24,7	31689	41,5	44645	58,5

Источник: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 год. Национальный состав и владение языками. Гражданство. Том 4. М., 2005. С. 190, 612 – 716.

колоний было основано в 1906-1911 гг. на территории нынешних Омской области и Алтайского края. Наибольшее количество немцев СФО и до сих пор проживает в регионах с наличием старых колониистских территорий.

Первая мировая война, а затем революция и гражданская война не могли не сказаться на жизни немцев-сибиряков. Начиная с 1914 г. переселение немцев в Сибирь перестает носить добровольный характер. После принятия «ликвидационных законов» в Сибирь в 1915–1916 гг. «из прифронтовой полосы» были выселены волынские немцы. В дальнейшем действие этих законов было приостановлено, но многие переселенцы остались в Сибири из-за голода и разрухи на их родине и расселившись по уже существующим сибирско-немецким колониям. У волынских немцев, не смотря на конфликты со «старожилами», различия в диалектах, религиозных практиках и хозяйственном укладе, не было возможности обосноваться отдельными селами по причине слабой государственной поддержки и отсутствия помощи из разоренных мест выхода.

Согласно переписи населения 1920 г. немецкое население Сибири насчитывало 84141 человек, что составляло 0,8% всех жителей края. На динамику численности сибирских немцев в межвоенные годы оказала влияние коллективизация (и сопутствующая ей массовая ликвидация хозяйств), а также эмиграция части сибирских немцев и репрессии 1937-1938 гг.

В начале Великой Отечественной войны немцы европейской части СССР были насильственно переселены в Казахстан и восточные районы РСФСР. Автономная республика немцев Поволжья (АССР НП) прекратила свое существование 28 августа 1941 г.. За короткий срок более чем полумиллионное население АССР НП было размещено по сибирским и северо-казахстанским селам. Большая часть современных немцев-сибиряков – потомки депортированных немцев Поволжья.

С 1944 по 1956 г. советские немцы находились на спецучете органов НКВД/МВД; вплоть до начала 1970-х гг. не имели легальной возможности возвращения на прежнее место жительства. В 1942-1945 гг. мужчины, а затем и женщины трудоспособного возраста были мобилизованы в «трудармию». Современное распределение немецкого населения в СФО до сих пор отражает реалии размещения ссыльных и «трудмобилизованных» контингентов 1940-1950-х гг..

Сколько бы ни были трагичными потери немцев в результате смертности в трудармии и колхозах военных лет, эти потери всё же были значительно ниже потерь славянского населения Сибири в 1941-1945 гг.. Пик военных потерь пришелся на поколение первой половины 1920-х гг. рождения, в то время как у немецкого населения этот возрастной сегмент был наиболее сохранным. От условий трудармии пострадали люди более старших возрастов, от голода и болезней в ссылке гибли, прежде всего, старики и дети.

Современная демографическая ситуация отражает процесс нивелирования характеристик немецкого населения СФО относительно средних показателей по округу. По данным 2002 г. доля детей и подростков в общей численности

населения в СФО составляла 19,5%, а доля населения пенсионного возраста - 18,1%. У немецкого населения доля детей и подростков и доля населения пенсионного возраста СФО были равны, соответственно, 15,0 и 20,8%, Возрастные структуры немецкого населения РФ и СФО практически идентичны.

Тем не менее возрастную структуру немецкого населения (как РФ, так и СФО) можно считать менее прогрессивной по сравнению со структурой всего населения СФО прежде всего с точки зрения перспективы, т.к. в ней очень низка доля детей и подростков и высок удельный вес старших возрастных групп. Можно предположить, что в ближайшем будущем немецкое население будет иметь значительно более низкую долю трудоспособного населения и, соответственно, больший коэффициент демографической нагрузки. Отметим, что речь идет не только о процессах в среде немцев Сибири, но и о ликвидации демографических последствий второй мировой войны среди населения, не знавшего депортации.

Перемещение немецкого населения из села в город в Сибири было «отсроченным» (по причине неполной реабилитации) и менее массовым, т.к. уровень адаптации немцев в сибирском селе был достаточно высоким. В результате городское немецкое население в СФО формировалось двумя волнами: «трудармейцы» 1942-1956 гг. и получившие в городе образование потомки ссыльных сельских немцев.

На 2002 г. в городских поселениях СФО доля немцев возрастных групп моложе трудоспособного возраста была ниже, чем в среднем по округу и составляла 11,6%. Доля населения пенсионного возраста была также ниже (18,8%). В результате удельный вес трудоспособного населения был выше, чем в СФО в целом, - 69,6%. В сельской местности соотношение иное: более высокий удельный вес первой группы - 18 % и группы старше трудоспособного возраста - 22,5%, в результате более низкий процент населения трудоспособного возраста: 59,6 % (см. схему 1). И в селе, и в городе среди немецкого населения СФО доля детей и подростков ниже, чем среди всего населения округа. Демографические характеристики немцев СФО позволяют сделать предположение о завершившемся переходе «народа-колониста» к стандартам «городского немца».

Более благоприятна ситуация чем в целом по СФО была в Омской области и Алтайском крае, особенно на селе. Омская область имела более высокий удельный вес детей и подростков, чем население СФО в целом - более 20%, а в сельской местности более 24 % при более низком удельном весе старшей возрастной группы - 15 %. Средний возраст немецкого населения в Красноярском крае, Новосибирской и Кемеровской области превосходит по значению показатели по территориям, имеющим более прогрессивную половозрастную структуру.

Перспективы социализации молодых поколений немцев были связаны с перспективами этнокультурной адаптации. Своеобразие социальных процессов в немецкой среде XX в. определяло изменение этнокультурных и языковых ценностей. Исчезновение немецкого языка из сфер повседневного обще-

ния было обусловлено длительными и масштабными процессами в России. Даже сибирские села с высоким процентом немецкого населения, восстановившие в 1970-х гг. право частичного обучения на родном языке в средней школе, продолжали «русифицироваться». Этому способствовало отсутствие образовательной вертикали и информационной инфраструктуры на родном языке, а также доминирование русского языка во всех административно-хозяйственных сферах. Российские немцы, как и многие другие «нетитульные группы» неизбежно интегрировались в общероссийскую культуру.

В 1926 г. 94,9% немцев назвали немецкий язык своим родным. По данным переписи 1989 г., 48,7% немцев бывшего Союза считали своим родным немецкий язык, а 50,8% - русский. По данным 2002 г. русским языком владеют практически 100 % немецкого населения как РФ так и СФО, а родным языком - только треть российских немцев. Таким образом, немцы России становятся всё более русскоязычными.

Половина немцев СФО (50,2%) имеет профессиональное образование: от высшего до начального специального. Специалисты с законченным и неполным высшим образованием насчитывают среди немцев, проживающих в городской и сельской местности 10,6%, а среди сельского населения только - 5,3%, что существенно ниже средних показателей по округу.

Общеизвестно, что современный уровень образования российских немцев является результатом социокультурных процессов послевоенных десятилетий, когда группам поволжских немцев приходилось преодолевать негативизм, вызванный эксплуатацией пропагандистских клише Второй мировой войны. Эти обстоятельства во многом определили структуру занятости российских немцев. Удельный вес занятых преимущественно ручным трудом доходит у российских немцев до 75 %, что на 6-8 пунктов выше, чем в среднем по стране. На протяжении 1990-х гг. все эти характеристики игра роль выталкивающего фактора.

Неэффективная национальная политика по отношению к советским немцам привела к их массовой эмиграции из страны в конце 1980 – первой половине 1990-х гг. С 1991 по 2000 гг. страну покинуло более полутора миллионов немцев. Если в 1979 г. доля немецкого населения составила 0,78% населения РФ, то в 1989 – 0,57%, а в 1994 – 0,54%. Выезд немцев из России и Сибири в Германию был наиболее интенсивным в середине 1990-х гг. Факторы, обозначенные эмигрантами в качестве причины отъезда: «воссоединение с родственниками» - 63,9%, «обеспечение лучшего будущего для детей» - 62,9%, «надежда на улучшение материального положения» - 57,9%, «нестабильность в экономике и политике России» - 54,0%.

Как и все постсоветское общество в целом, российско-немецкая культура находилась в затяжном кризисе, «механическим» результатом которого и стала массовая эмиграция. Однако современность предоставляет новые возможности для существования российско-немецкой культуры – прежде всего за счет «интеллектуального реванша» в сфере массовых коммуникаций – в образовании, медиа-сфере, в искусстве.

ПРАЗДНИК ТУН ПАЙРАМ И СОВРЕМЕННЫЕ НАРОДНЫЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОМЫСЛЫ В РЕСПУБЛИКЕ ХАКАСИЯ*

В последнее десятилетие в атмосфере роста этнического самосознания в образовавшихся национальных автономиях Сибири была сделана ставка на возрождение элементов традиционной культуры. В сохранении культурного наследия хакасского народа важное место заняли новые ритуалы и праздники. Сегодня праздничные мероприятия выполняют особую миссию: с одной стороны, они должны отвечать идеалам «национального возрождения», с другой, способствовать толерантности во взаимодействии этносов.

Одним из праздников новой Хакасии является республиканский, имеющий статус государственного, праздник *Тун пайрам*. По форме - это реконструкции древних обрядов с использованием элементов традиционной праздничной культуры, которые имеют новое содержание.

Первый раз Тун Пайрам был проведен 1980 г. и был посвящен 50-летию Хакасской автономной области. Авторами сценария были ученые В.Я. Бутанаев и Ю.Н. Забелин [Тутатчикова А.С., 2005]. За время существования республики этот праздник претерпел изменения от архаизированной аутентичной модели начала 1990-х гг. до фольклорного фестиваля начала 2000-х гг.

В основе республиканского праздника *Тун пайрам* 1993 г. лежала идея поклонения Матери – Земле. В первоначальном варианте в ходе праздника разыгрывалось театрализованное жертвоприношение рода *харга* с участием шамана и героев – юношей с повязками *улдурба* на голове. В этом варианте праздника присутствовала тема первотворения, обновления, которая лежала в основе хакасского праздника «*тун*».

Особенностью современной праздничной культуры Хакасии стал авторский характер создания и проведения торжеств. Вторая редакция *Тун пайрама* разрабатывалась Л. А. Тиниковой, педагогом кафедры родного языка и литературы Хакасской национальной гимназии им. Н.Ф. Катанова и А. Чапрай - искусствоведам и драматургом.

На *Тун пайраме* в 1996 г. главным действующим лицом была *Кун Арыг* — персонаж хакасского эпоса, покровительница хакасского народа, тоскующая по родной земле. Лейтмотивом праздника являлась идея воз-

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ 06-01-00323 а

вращения *Кун Арыг*, много лет скитавшейся на чужбине, на хакасскую землю, куда вместе с ней возвращались радость, добро и мир. В данном контексте *Тун пайрам* — это, прежде всего, актуализация исторической памяти, возвращение утраченных традиций.

Но полный возврат к традиции оказался не возможен и не нужен, и дальнейшее развитие сценария *Тун пайрама* в конечном итоге привело к нивелировке его этнической специфики. Праздник *Тун пайрам* в 2001 г. имел республиканский статус и был представлен делегациями из различных районов Хакасии. Каждая группа готовила на Базинской поляне свою юрту, где демонстрировались достижения мастеров народного творчества. Праздник в этот раз открывала Хозяйка земли - царица Хакасии. На главной сцене развернулось театрализованное действие с ее участием. Она окропила все стороны света молоком, пожелала своему народу мира и счастья, и зажгла священный огонь *Тун пайрама*.

Затем прошел обряд почитания священной березы, которая находилась возле сцены и имела табличку с надписью «Пай Казын». На это дерево все присутствующие на церемонии высокие гости, в том числе глава Республики Хакасия А. Лебедь, повязали цветные ленточки — *чалама*. На этом официальная часть праздника окончилась, и началось народное гулянье.

Большой интерес вызвал конкурс хакасских красавиц. Для получения высокого титула, девушки должны были продемонстрировать знание хакасских традиций, фольклора, умение носить национальный костюм. Кроме самих участниц конкурса в нем были задействованы их мамы и бабушки. Так была актуализирована проблема межпоколенной трансляции традиций, т. е. реализовалось высшее предназначение праздника, которое он имел в традиционном обществе.

Стремление к сохранению и передаче обычаев старины сохраняется в хакасском обществе, но с каждым годом эта сфера традиционного в *Тун пайраме* сужается, уступая место фестивальным сценическим практикам. Так летом 2002 г. было принято решение перенести празднование *Тун пайрама* на 3 июля (День республики Хакасии), который был проведен в форме спартакиады. Этническая составляющая праздника была сведена к минимуму.

В 2007 г. празднование *Тун пайрама* совпало с проведением мероприятий, посвященных 300-летию добровольного вхождения Хакасии в состав Российского государства. На Сагайской поляне Аскизского района 1-2 июля состоялось театрализованное представление, спортивные соревнования.

Рядом с юрточным комплексом праздника расположился Город мастеров — ярмарка изделий художественных ремесел и декоративно-прикладного искусства. В ней приняли участие мастера и самодеятельные художники-прикладники из разных районов республики. За последние годы на празднике существенно расширился ассортимент изделий сувенирного назначения, тогда как раньше здесь были представлены хакасские традиционные художественные изделия — национальный костюм, вышивка, женс-

кое нагрудное украшение пого, национальные музыкальные инструменты. На сегодняшний день тематика многих декоративных работ определяется синтезом хакасских и русских традиций.

Деятельность по поддержке мастеров и проведению выставок декоративно-прикладного искусства в современной Хакасии сосредоточена в Центре Культуры и народного творчества им. С.П. Кадышева (г. Абакан). В преддверии праздничных мероприятий на базе Центра проходило несколько выставок. Например, Республиканский конкурс на лучшую сувенирную продукцию; а также, выставка декоративно-прикладного творчества учащихся детских художественных школ, домов творчества «Абакан - река дружбы 2007».

Особенное участие в восстановлении и трансляции художественных традиций в республике принимают профессионалы: преподаватели, студенты, члены Хакасского отделения Союза художников.

С января 2002 г. кафедра декоративно-прикладного искусства Института искусств ХГУ им. Н.Ф. Катанова работает над проблемой теоретического обоснования и разработки технологий проектирования и производства изделий декоративно-прикладного искусства с региональной тематикой сувенирного назначения. В результате исследовательской деятельности сотрудников кафедры при активном участии студентов восстановлены или разработаны технологии изготовления сувениров-оберегов, сувенирных этнографических кукол в национальных русских и хакасских костюмах; керамических изделий с изображением наскальных рисунков и орнаментов. Последними разработками сотрудников кафедры стали текстильные изделия с хакасскими и славянскими мотивами, выполненные в технике вышивки – нанчыхи, игольницы, рукавицы, сумочки-чехлы для сотовых телефонов, изделия в технике батик с изображением наскальных рисунков.

На время проведения *Тун пайрама* художественные изделия из выставочных залов и творческих лабораторий перекочевали на поляну. Это были: всевозможные коллажи из бисера с использованием традиционных образов – национального орнамента, изображений на каменных стенах; стенды, посвященные 300-летию вхождения Хакасии в Состав России; государственная символика – гербы Республики Хакасия и России, выполненные из соломки, вырезанные в дереве; панно из серии «История Хакасии» с изображением богатырей-героев народного фольклора; композиции из ткани и аппликации из серии «Моя семья».

На празднике любой мог выбрать по своему вкусу этнографическую куклу – в хакасском или русском национальном костюме. Эти сувенирные изделия представляют собой своеобразный, преломленный в сознании художника-мастера, путь освоения традиционного культурного пространства. Каждая кукла имеет свою историю: кукла-сваха, кукла-шаман и др. Одним из самых интересных и оригинальных изделия, представляющих синтез художественных традиций, является хакасская матрешка. Сохра-

няя традиционную для русской матрешки округлую форму, национальная матрешка с лицом хакасской девушки, или парня, одета в традиционный хакасский костюм и сопровождается бирочками с хакасскими поговорками и загадками.

Ассортимент амулетов и оберегов в Городе мастеров *Тун Пайрама* демонстрировал большую популярность магических и пантеистических представлений как творческое поле для мастеров. Сопутствующие изделиям аннотации поясняли обладателю оберега его предназначение.

Активное участие в оформлении символьного пространства праздничных мероприятий играл Творческий союз художников «Теплые краски». Сергей и Наталья Шведовы инициировали создание этого союза в декабре 2006 г. Декоративно-прикладные изделия «Теплых красок» - это, прежде всего, экспериментальные работы—стилизация «личин с Окуневской стелы: три глаза, ноздри, огромный рот, рога, длинные уши и всевозможные отростки; солярные знаки; бубны с изображением животных с Окуневской стелы».

Основная идея выставок «Теплых красок» – показать творчество современных художников и народных умельцев, черпающих свое вдохновение из истории, традиций, культуры и достояний хакасской земли; передать образ Хакасии - жемчужины Сибири – контрастной, солнечной, гостеприимной, щедрой. Помимо прочего целью союза является содействие развитию прикладного, изобразительного и визуального искусства как неотъемлемой части мировой культуры; содействие преодолению расовых, культурных, языковых классовых и иных барьеров, разделяющих единое человеческое общество.

Таким образом, центральной темой, отображенной в художественных изделиях, представленных на празднике *Тун пайрам* в 2007 г. являлась тема межэтнической толерантности и взаимопроникновения традиций. Ценностно-ориентированное народное искусство в своем духовно-эстетическом содержании играет общественную роль. Средства искусства в контексте символического пространства праздника становятся инструментом формирования и трансляции национальных смыслов.

Феномен государственного республиканского праздника *Тун пайрам* в Республике Хакасия отразил ситуацию, сложившуюся в Сибири в целом. С одной стороны, для республики характерно стремление создать национальную идеологию за счет возвращения к древности и историческим корням, продемонстрировать уникальный образ титульной этнической группы, с другой - сохранить этнокультурное многообразие данного региона.

Примечания

Тутатчикова А.С. Из истории возрождения хакасских праздников // «Чыл Пазы» - новый год в современной культуре хакасского народа. Материалы республиканской научно-практической конференции. - Абакан, 2005. - С. 45.

**ПРАЗДНОВАНИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ 300-ЛЕТИЮ
ДОБРОВОЛЬНОГО ВХОЖДЕНИЯ ХАКАСИИ В СОСТАВ
РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА.
СИМВОЛИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО СОВРЕМЕННОЙ
ПРАЗДНИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ***

В этнополитическом развитии Республики Хакасия в конце XX - начале XXI в. отчетливо обозначились два направления. С одной стороны, стало очевидным стремление республиканской элиты вписать свой регион в мировое сообщество; с другой – произошла актуализация этнического самосознания, культурного наследия и исторического прошлого хакасского и других тюркских народов. Эти процессы определили характер создания национальной идеологии, конструирования и мобилизации этничности. В создание образов новой идеологии включены национальные общественные организации, система образования, деятели науки, культуры и искусства. Одним из направлений символической деятельности творческих и научных кругов республики является праздничная культура.

Самым значимым событием в Республике Хакасия в последнее десятилетие явились праздничные мероприятия, посвященные 300-летию добровольного вхождения Хакасии в состав Российского государства. Программа празднования включала три больших блока. Первой частью были Дни исторического и культурного наследия Республики Хакасия, проводимые в конце июня – начале июля 2007 г.. Второй блок – Дни культуры Хакасии в Москве (сентябрь 2007 года). Третий – Дни тюркской письменности и культуры (сентябрь - октябрь 2007 года). В подготовке юбилейных торжеств участвовали государственные структуры республиканского и районного значения, учреждения образования и культуры, общественные организации, средства массовой информации.

Открылись празднования, посвященные 300-летию добровольного вхождения Хакасии в состав Российского государства выставкой «Тайны древней земли Хакасии», организованной Хакасским краеведческим музеем им. Л.Р. Кызласова. Камертном в ней звучала тема древней истории родной земли, обращение к археологическим реалиям Минусинской котловины. Объявление об открытии выставки было стилизовано под рунические письмена. Авторы экспозиции так композиционно представили археологические и этнографические экспонаты, чтобы у посетителей музея сложился целостный образ культуры коренного тюркоязычного населе-

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ 06-01-00323 а

ния региона от древнего прошлого к современности. Выставка предметов сопровождалась фотографиями, а также серией публицистических зарисовок, где в яркой и эмоциональной форме описывались основные вехи истории хакасов: афанасьевская эпоха, окуневская, андроновская и икарасукская эпоха, тагарская, таштыпская эпохи, современность. В рамках музейной экспозиции был сформирован образ народа с древним и героическим прошлым.

Наряду с выставкой в Республиканской Центре культуры им. С.П. Кадышева был организован конкурс на лучшую сувенирную продукцию по трем номинациям: сувениры с праздничной символикой, сувенирная продукция с государственной символикой Республики Хакасия, этно-сувениры.

Кульминацией праздничных событий стали Дни исторического и культурного наследия Республики Хакасия. Открывал их республиканский праздник Тун пайрам. Девизом торжественного мероприятия стала фраза «Сотвори совершенную душу». Программа праздничного действа, проводимого в Республике Хакасия с начала 1990-х гг., осталась неизменной. Тун пайрам 2007 г. включал в себя театрализованное представление «Легенда о посланнике неба Алтан Арчол», торжественное открытие праздника, концерт мастеров искусств, фестиваль национальной одежды народов Республики Хакасия, конкурс хакасской кухни, юрт, конкурс родов, фестиваль исполнителей хакаского традиционного музыкального фольклора, спортивные состязания по национальным видам спорта, выставку изделий народных мастеров и умельцев.

Театрализованное представление отсылало зрителей к мифическим временам первотворения, а главным героем постановки был богатырь с совершенной душой - Алтын Арчол, принесший на землю порядок и справедливость. Особое внимание организаторами праздника уделялось идее связи поколений. Старейшины родов хакаского народа активно участвовали в праздничных действиях. В ходе торжественного открытия они провели ритуал торжественного зажжения священного огня праздника.

На празднике были проведены конкурсы хакаских родов, призванный развивать приобщить молодежь к истории народа и традициям рода, пропагандировать родовое движение. Частью праздника стал конкурс «Родной язык и культура – духовное наследие народа». Он имел целью сохранение родного языка и межпоколенной передачи самобытной культуры народа в семье.

Участники конкурса соревновались по двум номинациям: знание родного (хакаского) языка и межпоколенная передача традиций. Они должны были проявить себя в чтении произведений устного народного творчества, в исполнении музыкальных произведений, в знании основ народной медицины и педагогики, истории хакаского народа и Хакасии, в умении показать элементы праздников «Тун Пайрам», «Чыл Пазы», в знании обрядов почитания духов земли, огня, неба. Лейтмотивом всех мероприятий явля-

лось обращение к истории предков, к самобытной культуре и традициям коренного тюркоязычного населения региона. Все конкурсы, проводимые на Тун пайраме, были направлены на сохранение и возрождение обычаев и традиций, на популяризацию и развитие традиционной материальной культуры хакасов.

В символическом оформлении праздника были использованы археологические образы: солярный знак (окуневская археологическая культура), руническая письменность, солярные личины (тазыминская археологическая культура), государственные символы Республики Хакасия, традиционный хакасский орнамент.

Следующим значимым событием в рамках празднования 300-летия добровольного вхождения Хакасии в состав Российского государства и Республиканской целевой программы «Сохранение и поддержка культуры и искусства Республики Хакасия» явился Первый Межрегиональный фестиваль «Полбек» («Медленный танец»). В фестивале приняли участие профессиональные фольклорные и танцевальные коллективы Тывы, Горного Алтая, Шории, Бурятии, Саха (Якутия), Башкортостана, Хакасии. Фестиваль был организован с целью сохранения фольклорных традиций и пропаганды богатого историко-этнографического пласта древней тюркской культуры.

В начале июля 2007 г. в Республике Хакасия отмечали праздник «Хакас Чирі». Он начался с богослужения в Спасо-Преображенском соборе г. Абакана. Возглавил литургию управляющий делами Московской Патриархии митрополит Калужский и Боровский Климент. Он же освятил икону, специально написанную и посвященную трехсотлетию добровольного присоединения Хакасии к Российскому государству.

На открытии праздника был зачитан адрес Святейшего Патриарха Алексия. В его послании отмечалась роль культурного наследия русского народа, давшего толчок всестороннему развитию региона. Духовным основанием союза русского и хакасского населения провозглашалось православие, «в рамках культурной традиции которого происходило приобщение народа этой древней земли к достижениям европейской цивилизации» [300-летие союза Хакасии и России].

За богослужением последовало театрализованное открытие праздника «Рождение Хакасии», главной темой которого являлась тема дружбы хакасского и русского народов, и карнавальное шествие «Путь длиною в триста лет». Во время карнавала на движущихся платформах районов республики разыгрывались театральные зарисовки на темы древней и современной истории региона: шаманские мистерии. Популярным образом карнавала стал образ царицы Хакасии, Солнечной царицы. Во многих инсталляциях были использованы элементы историко-культурного ландшафта Минусинской котловины – стелы, коновязи и тд.

В рамках празднования 300-летия добровольного вхождения Хакасии в состав Российского государства, Дней тюркской письменности и куль-

туры произошло открытие памятника известному ученому Н.Ф. Катанову. Как отмечалось на церемонии открытия, памятник является «данью уважения, памятью о великом земляке, народном герое, алып-богатыре от благодарных потомков» [ПМА, г. Абакан, 2007]. Присутствовавшие на церемонии официальные лица отметили огромный вклад знаменитого ученого в развитие отечественной тюркологии. Б.Я. Бедюров, общественный деятель Республики Алтай, официальный советник Правительства Республики Алтай поздравил хакасский народ, всех сибиряков с «возвращением» Н.Ф. Катанова на родную, любимую им землю, с возвращением его будущим поколениям, а также призвал народы Республики Хакасия к сотрудничеству в рамках Российского государства.

Празднование 300-летия добровольного вхождения Хакасии в состав Российского государства показали, что современная праздничная культура органично включается в символическое пространство региона. В ходе юбилейных торжеств была использована система этнических символов и образов, сформулированная в Республике Хакасия в 1990-е гг.: государственные символы, образ героя-богатыря, образ древнего прошлого, элементы традиционной культуры и культурно-исторического ландшафта. Праздник еще раз подтвердил, что в Республике Хакасия на рубеже XX-XXI вв. начала формироваться региональная идентичность, главной характеристикой которой, несмотря на некоторые противоречивые тенденции в этнополитическом развитии, является поликультурность и толерантность к культурным различиям.

Примечания

300-летие союза Хакасии и России // Церковный вестник. № 13-14. 2007. [Электронный ресурс]. Режим доступа. <http://www.tserkov.info/numbers/churchsociety/?ID=2231>, 23.08.2007/

ПАМЯТНИКИ РУССКИХ XVIII–XIX ВЕКОВ КАК ЭТНОАРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

В изучении проблем культуры и социума русского населения XVI–XIX вв. не обойтись без археологического материала. Исследования памятников русских в Прииртышье были начаты в 1996 г. с раскопок Бергамакского острога, и по 2005 г. проводились в северных районах Омской области – местах первоначального расселения русских [Татаурова, 2006].

Самым ранним из изученных комплексов является поселение и часть погребального комплекса деревни Ананьино, известной в письменных источниках уже в 1624 г. (раскопки автора 2005 г.). Базовым памятником, вторым по времени основания в 1648 г., стал комплекс (поселение и могильник) Изюк - I (раскопки 1999–2004 гг.).

Для получения цельной картины в развитии материальной культуры русских с XVI по конец XIX в., началось археологическое изучение южных сельских населенных пунктов, основание которых относится к XVIII–XIX в. В 2006 г. работы велись в селе Локти Нижнеомского района; в 2007 г. - на месте брошенной (в 1976 г.) деревни Розановка Горьковского района Омской области. Общая площадь разведочных изысканий 100 кв.м.

Село Локти, расположенное на обоих берегах р. Оми, по письменным источникам было основано в 1720 г.; к 1797 г. в нем насчитывалось сорок дворов общей численностью 285 жителей. До сих пор в селе сохранились такие фамилии как Глебовы, Кузнецовы, есть и Измайловы, потомки основателей деревни.

В 1825 г. через Локти был проложен Московско-Сибирский тракт. До начала XX в. в селе два раза в год собирались ярмарки (24–25 июня – Ивановская и 22–23 октября – Казанская). Предметами торговли были: мануфактура, бакалея, скобяные товары, деревянные изделия, шерсть, сало, кожи, масло и т.п. Привозили товары даже из Китая. Каждый понедельник проводился торжок. Ярмарки устраивали на площади на правом берегу р. Оми, где была церковь, построенная “тщанием прихожан” в 1865 (1853) г. Престольных праздников было два: во имя святого великомученика Дмитрия Солунского и в честь святого великомученика Праведного Симеона, Верхотурского чудотворца. Здание церкви и колокольня были деревянными на каменном фундаменте. В 1940-е гг. церковь сломали.

На рубеже XIX – XX вв., с постройкой Транссибирской магистрали, которая прошла в 17 верстах к югу от села, в Сибирь широким потоком

хлынули переселенцы из Центральных губерний – Нижегородской, Орловской. В 1913 г. в селе Локтинском было 590 душ мужского пола и 600 душ женского пола [ГАОО].

И на правом и на левом берегу в селе есть «старая часть». На левом берегу – это Локти I, на правом берегу, это поселение Локти III, в 2,5 км к югу села, в месте, называемом “Крестьянка”, где террасу правого берега Оми перерезает овраг, начинающийся в урочище “Абрамова падь”.

Этноархеологические исследования в селе Локти начались в 1960-х гг. А.Ф. Палашенков зафиксировал Локти I на левом берегу, как селище первых поселенцев [Палашенков, 1987]. На правом берегу находится поселение Локти III. Раскопки дали небольшие, но интересные коллекции: кроме фрагментов керамики и костей животных обнаружены глиняная игрушка-свистулька, кованые железные гвозди, ружейная пуля, рыболовный крючок, монета XVIII в.

Был заложен раскоп на месте церкви в центре села. В 1948 г. сруб здания церкви перевезли в райцентр под клуб. Кирпичи с фундамента постепенно разобрали сельчане; а на месте церковного кладбища разбили усадьбу. Находки на месте церкви – это около сотни кованых гвоздей, монета 1840 г., фрагменты тонких металлических пластин, стекла, брошь с перламутровой вставкой.

Полученный вещевой материал соответствует основным культурным параметрам русских памятников. Оригинальной и встреченной впервые является стеклянная пуговица, кроме нее найдены фрагменты кожаной обуви, железные ножи, гвозди. Керамический комплекс со всех раскопов не выходит за пределы типов русской посуды, характерной для всего периода проживания русских в Сибири, начиная с конца XVI в. Соотношение гончарной и лепной посуды такое – же, как и на более ранних памятниках – с преобладанием самодельной лепной.

В 2007 г. на месте бывшей деревни Розановка Горьковского района Омской области также были проведены археологические и этнографические работы по изучению культуры русского населения Прииртышья. Первоначально, в окрестных селах, куда расселили жителей Розановки, была собрана этнографическая информация о планировке деревенских улиц и усадеб.

Стало известно, что деревня была вытянута вдоль берега Иртыша с севера на юг, овраг разделял ее на две части - два «края». «Края» имели название: «змеевка» - южный край, где водились змеи и «шевеховка». Южный и северный края деревни тоже ограничены были оврагами, которые устьем выходили к Иртышу. По ним ходили за водой, на рыбалку. Информатор М.К. Костикова (1836 г.р.) нарисовала план «шевеховки» с указанием фамилий жителей. В домостроении использовали «топляк» – березу, и, редко, хвойный лес, который вылавливали из Иртыша. Строили «одностопные» избы и дома, из двух комнат (пятистенники).

Население Розановки занималось земледелием и животноводством. По словам информаторов: Лысовой М.И. 1929 г.р., Костиковой М.К., 1936 г.р.,

Зуевых А.Т., В.И., оба 1928 г.р., Леонгард (Соломатина) М.Н., 1928 г.р. Белякова В.С., 1936 г.р., из ремесел было развито: плотницкое, обувное, скорняжное, кожевенное. После революции было организовано два колхоза: «Путь Ленина» и «Путь к Сталинизму».

Археологические исследования были проведены в северной части деревни Розановка – «шевеховке». Разведочные раскопы (по 20 кв.м.) были заложены в северной и южной части «края». Северный раскоп дал 245 находок и керамический комплекс. Находки демонстрируют как традиционную культуру, характерную для более ранних памятников (лепная керамика, кожаные чирки, кованые шпильки и гвозди), так и нововведения XX в. – фаянс, резиновую обувь, детали сельхозмашин. Южный раскоп менее насыщен – 41 находка.

В ходе работ были сделаны планы и описания двух кладбищ, ныне не действующих в деревнях Розановка и Ливенка в Горьковском районе. В целом, полученный материал, характеризующий материальную и духовную культуру русских Прииртышья XVIII-XIX вв., позволяет проследить сохранение традиций и появление новых черт. Этнографические исследования дополняют этот материал, а в некоторых случаях выступают как самостоятельный источник.

Примечания

Палашенков А.Ф. Материалы к археологической карте Омской области // Источники по истории Западной Сибири. – Омск: Изд-во ОмГУ, 1987. – С. 117-118.

Татаурова Л.В. 10 лет о культуре русских по данным археологии // Вестник Омского университета. – 2006. - № 4(42). – С. 5-12.

ЭТНОГРАФО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС «АЙТКУЛОВО» В СРЕДНЕМ ПРИИРТЫШЬЕ

Этнографо-археологическое изучение тарских татар основано на анализе материалов, собранных в их современных деревнях, и данных археологических памятников, оставленных их предками. В течение последних десятилетий омские этнографы (С.Н. Корусенко, М.А. Корусенко, А.Г. Селезнев, М.А. Тихомирова) провели работы в 30 населенных пунктах татар (юртах), расположенным по берегам рек Иртыша, Тары, Оши, Уя в Большереченском, Знаменском, Колосовском, Муромцевском, Седельниковском, Тарском районах Омской области.

Изучены оставленные предками современных татар археологические объекты по р. Таре: в устье р. Нижняя Тунуска (С.Ф. Татауров), близ д. Черталы (Б.В. Мельников), в устье р. Бергамак (В.В. Михалев, С.Ф. Татауров, С.С. Тихонов, К.Н. Тихомиров), у д. Окунево (В.И. Матюшенко), у д. Чеплярово (М.А. Корусенко) в Муромцевском и Большереченском районах Омской области. Их около полутора десятков. Предварительные исследования были проведены на Иртыше выше устья р. Тара (С.С. Тихонов, С.Ф. Татауров, В.А. Ерохин, В.В. Михалев). В последние годы начаты работы в Тарском районе у деревень Междуречье, Крапивка, Усть-Тара (А.В. Матвеев) и в Знаменском - у деревень Таборы, Новоягодное, Айлинка (К.Н. Тихомиров).

Проводимые работы позволяют решать многие проблемы, в том числе и методологического характера. Речь идет о выделении эталонных памятников и о построении этнографо-археологических комплексов (ЭАК), к числу которых может быть отнесен комплекс Бергамак. Напомним, что процедуру построения этнографо-археологического комплекса, связанную с изучением базового памятника предлагали В.В. Дрягин, Б.В. Мельников, В.В. Яшин в 1988 и 1989 гг. Сильными сторонами этого подхода являются: наличие хорошо исследованного комплекса и малая статистическая погрешность; возможность получить взаимодополняющие друг друга материалы.

Наличие комплекса XX в. Юрт-Бергамак, XIX в. – Старые Юрты, XVII-XVIII вв. Бергамак II, Бергамак III, Бергамак IX, Бергамак XI, Бергамак XX и других позволяет построить ЭАК глубиной несколько столетий.

Возможен и другой подход – изучение возможно большего числа этнографо-археологических комплексов аялыньских татар и их дальнейшая

корреляция. Здесь сильными сторонами будут: работа с большим количеством изученных памятников; охват значительной территории и выявление специфики этнографо-археологического комплекса каждого населенного пункта. Эффективным представляется совмещение двух этих подходов.

В 2004 г. начато изучение еще одного этнографо-археологического комплекса – брошенной деревни Айткулово. Эта деревня располагалась на первой надпойменной террасе правого берега р. Иртыш в Тарском районе Омской области в 10 км севернее устья р. Тара (правый приток Иртыша). Деревня существовала с конца XVII в., поскольку отмечена на картах С.У. Ремезова [Матвеев А.В., Яворская Л.Я. 2003; Ремезов С.У. 1882] и в «Дозорной книге Тарского уезда» [Корусенко С.Н. 2006. С. 103-107]. Упомянул эту деревню и академик Г.Ф. Миллер, путешествовавший по Прииртышью в 1734 г. [Миллер Г.Ф. 1996. С. 92].

Деревня Айткулово перестала существовать весной 2004 г. после пожара. Ее жители переехали в соседние деревни Междуречье, Заливино, Фрунзе. Деревня не возродилась. В последние годы в ней проживало 8-10 семей, состоящих по большей части из пенсионеров. В деревне сохранились несколько домов. Хорошо различимы улицы и переулки. В 2004 г. был снят глазомерный план деревни. Находок на территории деревни в почве не найдено. То же самое прослежено в бывшей деревне Юрт-Бергам на р. Тара (Муромцевский район Омской области), и местах расположения юрт XVIII в. (Отрау, Булунбай, Кулдук), близ р. Кундук и урочища Темерьяк (Большереченский район Омской области).

Сохранилось кладбище деревни Айткулово. Четко читаются могильные ямы с надмогильными сооружениями (кыртма) или без них. Недалеко от деревни находится могильник на берегу оз. Кривое. В 2004 г. обнаружено 6 курганов, по внешнему виду напоминающих средневековые насыпи.

Известно, что в 1860 гг. тарским купцом Малаховым были раскопаны курганы у д. Айткулово. Место хранения материала и расположения курганов неизвестно.

В комплекс «Айткулово» может быть включено Мурлинское городище. Его раскапывал В.И. Матющенко в 1962 и 1983 гг. Фактически, это комплекс, состоящий из Мурлинского городища I на мысу, образованном речкой Мурлинка и ручьем Безымянный при впадении в Иртыш и Мурлинского II городища на правом берегу Мурлинки. На этом городище имеются средневековые курганы, три из которых раскопаны В.И. Матющенко. Селище Мурлинка III находится на левом берегу р. Мурлинка. В комплексе с этими объектами следует рассматривать Мурлинский клад; он найден на речке Мурлинка колхозником Башировым в конце 1930 гг.

Между устьем р. Черной, впадающей в оз. Кривое и д. Атачка И.Г. Глушков, В.И. Матющенко и И.Е. Скандаков нашли и описали археологические памятники, находящиеся на первой надпойменной террасе р. Иртыш. Возможно, они имеют отношение к описываемому этнографо-археологическому комплексу, поскольку в «Дозорной книге...» указано, что земли татар

из Айткулово находились в вершине речки Уразай (ныне Уразайка), примерно там, где сейчас находятся д. Атачка, Бешметовка и Уразай.

Интересны картографические материалы (карты С.У. Ремезова, карты начала XX в., карты 1950-1980 гг. и съемки 2006 г.) позволяющие проводить исследования с элементами ландшафтной археологии и реконструировать расположение и динамику использования сельхозугодий близ деревни.

Любопытно рассмотреть и систему дорог. На листах «Хорографической книги...» обозначен участок дороги от Усть-Тары на Киргап через среднее течение ручья Кильчей на Айткулово и в обход озер Бурень и Кривое на д. Неупокоево и далее на Екатериновку и г. Тару. Эта дорога сохранилась и идет по краю первой надпойменной террасы. Она пройдена в 2004 и 2006 гг.. Сейчас эту дорогу почти не используют, предпочитая ездить по пойме Иртыша. Возможно, перенос дорог на низкие участки был связан с понижением уровня вод Иртыша и его мелких притоков в XIX-XX вв., по сравнению с XVII-XVIII вв. Напомним, что русские деревни в пойме Иртыша (Шуево и Евгашино) в XVIII в. были перенесены на более высокие места. Дальнейшее изучение комплекса Айткулово позволит составить исчерпывающую картину освоения региона татарским этносом.

Примечания

Корусенко С.Н. Этносоциальная история и межэтнические связи тюркского населения Тарского Прииртышья в XVIII-XX веках. - Омск, 2006. - 218 с.

Матвеев А.В., Яворская Л.Я. Территория современной Омской области на листах «Хорографической чертежной книги Сибири» С.У. Ремезова 1697-1711 гг. // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. - Омск, 2003. - №10. - С. 147-162.

Миллер Г.Ф. Описание городов, крепостей, острогов, слобод, сел, деревень, островов, рек, речек, озер и других достопримечательностей на реке Иртыш и возле него вверх от города Тобольска // Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. / История Сибири. - Первоисточники. - Новосибирск, 1996. - Вып. VI. - С. 75-99.

Ремезов С.У. Чертежная книга Сибири. СПб. 1882.

**ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ
В ДНЕВНИКАХ И ЗАМЕТКАХ БЕЛОРУССКОГО
ПЕРЕСЕЛЕНЦА В.В. ЩАСТНОГО***

В последние годы в этнографии, наряду с уверенностью в том, что возможности полевых исследований многогранны и практически неисчерпаемы, все более широко начинают использоваться письменные, в том числе мемуарные источники. В этой связи встает проблема корректного применения специфически этнографических методов для анализа «неспецифических» для этнографии материалов [Фурсова, 2001, с. 95]. Информация о белорусах в сибирских архивах – достаточно редкое явление, несмотря на осязаемый белорусский культурный и духовный потенциал среди массы сибирского крестьянства как всех этапах освоения региона.

В государственном архиве Тюменской области (ГАТюО) хранятся дневники и многочисленные записи краеведа В.В. Щастного – белоруса по происхождению. Его фонд (13 единиц) состоит из двух частей: первой, в которой записаны детские воспоминания и впечатления, и второй, где изложены текущие события жизни в Тюмени. Архив включает также рукописи, которые автор готовил для издания в местных газетах «Тюменская правда», «Гудок», «Трудовой набат» и пр. в 1920-е гг.

Автору присущ хороший литературный язык, он многие годы работал, по его определению, «рабоче-крестьянским корреспондентом», печатая свои репортажи под псевдонимом Зрячек. Щастный В.В. оказался скорым на перо писателем, о чем свидетельствует количество заметок в местной газете «Трудовой набат»: в 1923 г. их было помещено 264, а к 1 января 1925 г. общее число увеличилось до 504. Многие записи и дневники В.В. Щастного можно рассматривать как личные свидетельства, которые он отобрал для архива и на свое усмотрение оставил в качестве исторических и этнографических материалов для потомков. Интересен дневник автора, который позволяет посмотреть глазами современника на перемену этнической территории, а вместе с ней природного, культурного и языкового контекста. Смена традиционной культурной атмосферы не была столь ощутима для мигранта 1918 г., потому что переезд совпал с повсеместной кампанией «раскрестьянивания», насильственного атеизма, усилившейся «советской унификации» массовой культуры.

*Работа поддержана грантом РГНФ № 07-04-90404а.

Во всех анкетах и в своем личном деле В.В. Щастный указывал национальность «белорус». Он родился в 1894 г. в Белоруссии, в д. Гиньки Норицкой волости Виленского уезда и губернии. *«Отец мой Щастный Василий Фомич первое время занимался хлебопашеством и частично столярным ремеслом. Как самоучка, с 1904 г. работал на Бологое Седлецкой железной дороги, участок Полоце-Молодечно в службе пути, а затем в 1920 г. в Тюмени дорожным мастером службы пути. После увольнения с железной дороги по болезни во второй половине 1920 г. он работал инструктором столярного ремесла в школе водников. Умер в 1938 г.»* [ГОТюО. Ф. 2140, о. 4, № 1, лл. 1 – 11].

С 1902 г. в восьми лет от роду, В.В. Щастный начал учиться в сельской школе. По воспоминаниям его можно составить представление об атмосфере дореволюционной деревенской школы в Белоруссии, где на стенах были развешаны копии картин, отражающих события российской истории, например: «Ледовое побоище», «Александр в Орде», «Убиение царевича Дмитрия» и пр. Автору бросилась в глаза смена содержания картин школьной галереи; после революции 1917 г. появились: портрет В.И. Ленина, картины «Первая листовка» и «Расстрел рабочих царскими войсками 9 января 1905 г.», портреты К.А. Тимирязева, И.В. Мичурина и т.д.

В 1912 г. Щастный окончил двухклассное училище Министерства народного просвещения и начал работать ремонтным рабочим службы пути, а затем табельщиком-счетоводом у дорожного мастера станции Зябки Риго-Орловской железной дороги. В его личном деле сохранилось письмо-разрешение отца Василия Фомича Щастного: *«Удостоверение. Я нижеподписавшийся сим удостоверяю, что предъявитель сего есть мой сын крестьянин Виленской губернии Виленского уезда Норецкой волости деревни Гиньки Владимир Щастный мною добровольно отпущен в имение Городно Лидского уезда в Городненскую школу скотоводства и молочного хозяйства сроком на 2 года и еще 6 месяцев практики 16 декабря 1914 года. Родитель артельный староста Василий Щастный (подпись)»* [ГОТюО. Ф. 2140, о. 4, № 1, л. 64].

Когда летом 1914 г. началась Империалистическая война, В.В. Щастный был призван на фронт, но уже в 1915 г. уволен с военной службы ввиду болезни. К этому времени его мать эвакуировалась с фронтовой полосы в г. Тюмень, а отец остался на своем месте работы на станции Зябки, где и находился до занятия ее поляками. После 1916 г. В.В. Щастный приехал к родителям и работал снова на железной дороге на станциях Тюмень и Тура. Особо он подчеркивал в своей биографии тот факт, что в декабре 1919 г. он вступил в ряды РКП(б) [ГОТюО. Ф. 2140, о. 4, № 2, л. 60 об.].

В сибирский период своей жизни молодой человек начал писать репортажи о текущих событиях российской глубинки, отражая борьбу новой идеологии с традиционными жизненными установками, основанными на православии. В репортаже 1920-х гг. под названием «Кусочек нового быта» отражен порыв атеистической молодежи, с энтузиазмом отвергавшей свои

христианские имена: «В 8 ч. вечера в присутствии комсомольцев д. Мыс (...) представителей от шефа детдома окружкома РКСМ и детей от других домов, торжественное заседание объявляется открытым. Т. Фадеев делает открытый доклад о значении старых поповско-религиозных имен и новых революционных. Далее зачитывается список товарищей, пожелавших окончательно порвать с церковью. Дружными аплодисментами приветствуют оглашенных в списках товарищей и дают поручения заведомом и секретарю ячейки РКСМ ходатайствовать перед отделом ЗАГС о перемене их имен... После торжественного заседания ставится пьеса «Борьба за красный стяг», концерт, весь вечер проводится торжественно и оживленно» [ГОТюО. Ф. 2140, о. 4, № 2, л. 78 об.].

Продолжение этой темы можно проследить по другим репортажам В.В. Щастного, например, «Красные октябрины». «Занятия заканчиваются. Сотрудники Окрисполкома и Окрмилиции собираются в большом зале для участия в торжественном заседании – октябринах. Уборщица при Окрисполкоме т. Концеровна назвала своего новорожденного сына Владиленом и с этого же дня решила окончательно порвать с церковно-религиозным дурманом. Тов. Кирвис сделал доклад о значении церковных обрядов, каковые уже уходят в вечность и скоро останутся в области предания, как отжившие свой век» [ГОТюО. Ф. 2140, о. 4, № 2, л. 79].

«Далее выступил с приветствием т. Астахов от Окрмилиции и т. Синельников от месткома, которые отметили в своих приветствиях разумное решение т. Концеровой: переход к новому быту, бросив все старое, ветхое и никому из сознательных людей не нужное религиозное отношение. Местком и административный отдел Окрмилиции преподнесли новорожденному подарок и дали обещание оказывать всестороннюю помощь матери в воспитании сын» [ГОТюО. Ф. 2140, о. 4, № 2, л. 79 об.].

Тема борьбы с «религиозным дурманом» прослеживается и в записях дневника этого периода, где В.В. Щастный, видимо, осуждал свою мать за сочувствие церковникам и попам. В 1930 г. записано: «А вот в Москве как устроили антирелигиозный диспут с участием советских ученых, то оказалось, что рядовой священник довел дело до того, что коммунисты совсем запарились. Это по душе матери» [ГОТюО. Ф. 2140, о. 4, № 8, л. 71].

В 1925 г. работая рабкором – репортером в газете «Трудовой набат» В.В. Щастный вел рубрику «Наши ответы и советы читателям газеты», в которой его ответы отражали широкий кругозор ведущего, умение доступно объяснить ситуацию. Любопытен, например, ответ читателю Шубину о смене народных праздников, отражающий неустойчивый период их формирования: «Церковные праздники крещение, благовещение и другие заменены следующими революционными праздниками: 2 мая – день труда; 5 июля – день освобождения Урала от Колчака; 8 ноября – второй день Октябрьской революции (постановление Окрисполкома № 46 от 2/IX, № 79 от 7/IV – 1925 г.)» [ГОТюО. Ф. 2140, о. 4, № 2, л. 82].

Складывается впечатление о присущей «рабоче-крестьянскому» корреспонденту честности, даже излишней бескомпромиссности. *«Мне никогда не забыть одной моей беседы с группой старичков-крестьян из Исетской волости. Эти старички рассказали мне о своей беде и несчастье в том, что они, бедняки, обложены продналогом как кулаки, а кулаки их деревни обложены как бедняки. Об этом я написал заметку в газету «Трудовой набат». Прошло некоторое время, и я в городе встретился со знакомыми старичками. Они были очень довольны. По газетной заметке было произведено переобложение и кулаки получили по заслугам»* [ГОТюО. Ф. 2140, о. 4, № 2, л. 88 об.].

Как отмечал не раз в своих записях автор, подобные критические заметки о недостатках в работе предприятий, которые следовало устранить, не всегда нравились хозяйственникам. По этой причине, но под другим предлогом – под видом сокращения штатов В.В. Щастный был уволен с работы. Впоследствии ретивому корреспонденту пришлось много раз менять места работы из-за своего ершистого и прямого характера, работать по заданию губкома РКПб и в отделе национальных меньшинств (1920 г.), и в отделе статистики Тюменского Рупвода (1921 г.), и финагентом (1923 г.) и т.д.

Таким образом, «документы личного происхождения» В.В. Щастного освещают важный хронологический срез переломного момента борьбы с традиционными ценностями старой России, самое начало формирования бюрократического аппарата новой власти в Сибири. Из мемуарных текстов, дневниковых записей и профессиональных репортажей вырисовывается образ белоруса-партийца, участвовавшего в культурном строительстве нового общества, отвергавшего какие бы то ни было традиции предыдущих поколений. Рабоче-крестьянский корреспондент трудился на тюменской земле также самоотверженно, как если бы это происходило на его исторической родине. Именно переселенцы, не обжившиеся и не устроившиеся на новом месте, становились опорой для распространения пролетарской идеи социальной справедливости. Ее искренний приверженец В. Щастный впоследствии сам жестоко пострадал.

Примечания

Документы личного происхождения Щастного Владимира Васильевича, рабоче-крестьянского корреспондента. ГОТюО. Ф. 2140, о.4.

Фурсова Е.Ф. История жизни духовного наставника Р.И. Опарина в рукописном собрании моленной старообрядцев-поморцев // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 2001. – М.: Наука, 2002. – С. 90 – 118.

ОДЕЖДА УЙМОНСКИХ СТАРООБРЯДЦЕВ: ТЕХНОЛОГИЯ И МИРОВОЗЗРЕНИЕ

В настоящей работе предпринята попытка изучить представления, связанные с поперечными швами в контексте имеющегося материала по одежде уймонских старообрядцев. В соответствии с темой, мы рассматриваем только нательную одежду. О существовании запрета поперечных швов (выполненных по утку, расположенных поперек тела человека) в некоторых видах традиционной, особенно погребальной, одежды русских упоминалось в работах ряда исследователей [Маслова, 1984, с. 86; Фурсова, 1997, с. 36, 122]. При этом особенности и причины, такого отношения к горизонтальным швам специально не изучались. Вместе с тем, внимание к такому аспекту одежды, как швы, может расширить представления об знаково-символических функциях вещей.

Отметим, что для данного исследования имеют большое значение детальное изучение покроя и технологии пошива одежды, также непосредственного наблюдения разных аспектов ее бытования в старообрядческой среде.

Специфическое отношение к поперечным швам характерно не только для вещей традиционного покроя, но и для современной одежды различного назначения. Изучаемые представления относятся и к мужскому, и к женскому костюму, но в последнем они выражены в большей степени. Избегание горизонтальных швов характерно при крое мужских и женских рубаш, сарафанов и платьев. Их запрет отчетливо выражен в погребальном комплексе.

Сакральное значение цельного полотна отчетливо выражено в саване. В уймонских селах его изготавливают из перегнутого по долевого нити полотна, сверху скруглено срезается уголок. Продольные срезы соединяют швом «через край», нижние поперечные концы ткани не сшиваются. Особенно значимо для верующих свивание савана погребальными пеленами. Пелена подкладывается на уровне плеч, затем перекрещивается с чтением молитвы на груди, животе и коленях. Заметим, что способ погребального пеленания аналогичен традиционному пеленанию младенцев, в котором дополнительно охранялись от нечистой силы те же части тела.

По нашим наблюдениям, в представлениях уймонцев о посмертном существовании, которые, в частности, базируются на сновидениях (видят покойного или разговаривают с ним, при этом он может передвигаться), саван на покойном отсутствует. Вероятно, этот элемент погребального кос-

тюма предназначен для перехода из одного мира в другой. Покрою савана соответствует смысловое значение терминов, применяющихся для туникообразных погребальных рубаш - это в чистом виде цельная, пропускная, сквозная одежда [Соснина, Шангина, 1998, с. 257]. В этих характеристиках отражена направленность действия – пропускать, проходить. Образно представляется, что одежда «пропускается» через тело от шеи до щиколоток, или же пропускает тело.

Стремление обойтись без поперечных швов наиболее отчетливо проявляется в покрое традиционных рубаш. Вплоть до настоящего времени можно наблюдать у старообрядцев туникообразную одежду в качестве повседневной и, особенно, моленной. На большом количестве экземпляров рубаш различного назначения, изготовленных в течение XX в. можно установить, что чаще в их крое присутствуют плечевые складки, а не плечевые швы. Плечевые складки с одной стороны, являются данью изменившимся эстетическим требованиям к одежде, с другой – являются очевидным доказательством представлений о нежелательности нарушения цельности полотна по утку. Примечательно, что используемые реже поликовые рубаш также не имеют поперечного шва непосредственно на линии плеч, в этом смысле они близки туникообразным. Соединение поликов со станом выполняется более тщательно, становясь деталью отделки, а на теле такие швы располагаются не поперек, а наклонно.

Туникообразные (за исключением погребальных) и поликовые рубаш уймонских старообрядцев составные. При этом поперечный шов соединения стана и рукавов вплоть до настоящего времени выполняется традиционным образом: края изделий обрабатываются по отдельности машинным швом и соединяются вручную через край. Этот поперечный шов скрыт сарафаном и находится на груди, на талии или ниже.

Полностью соблюдается цельность полотна в мужских и женских погребальных рубашах, которые называют «простыми», «пропускными». На это обратила внимание Е. Ф. Фурсова; она отмечала, что «на смерть» всегда шили «пропускное», не делали горизонтальных швов, что не раз подчеркивали информаторы [Фурсова, 1997, с. 122].

При анализе изменений в женской старообрядческой одежде в течение последних десятилетий выявляется нежелательное отношение к шву по линии талии и тщательность в выполнении горизонтальных швов на груди и подоле. Они выполнялись по традиционной технологии и имели особое значение. Долго продолжал бытовать способ обработки подола сарафана подбойкой с изнаночной стороны тканью контрастного цвета.

Нагрудную часть сарафана обрабатывали узкой полоской ткани, часто контрастного цвета, одновременно закрепляя подкладку. По количеству и глубине складок на груди судили не только о состоятельности и мастерстве, но также о половозрастной группе.

Нагрудной части в мужской одежде также придавался особый смысл. Отделка ворота, горловины предохраняла от сглаза и болезней, «чтобы

сердце не болело». С целью охраны здоровья сердца объясняли застегивание косоворотки на левую сторону, ворот которой *«сердце прикрывал»*.

Наряду с традиционным сарафаном на лямках, уймонками используются сарафаны на кокетке и одежда современного покроя. Покупные вещи, тем не менее, соответствуют старообрядческим представлениям о подобающем внешнем виде и покрое. Наиболее строго старообрядцы относятся к обрядовой (погребальной и моленной) одежде, менее строго – к повседневной.

Отказываясь от сарафана на лямках в повседневности, уймонские кержачки часто отдают предпочтение домашней одежде скромного, простого покроя, больше всего любят неотрезные по талии платья или сарафаны. В качестве моленных используют сарафан на лямках или на кокетке; категорически запрещается приходить «в собор» в юбке. При этом допускается неотрезное по талии платье, рукав которого не должен застегиваться на пуговицы или быть украшен ими. Для всей этой одежды характерен общий скромный вид и соответствующая длина рукава и подола.

Такая особенность кроя, как цельность одежды на линии талии, строго соблюдается старообрядцами. Традиционный женский костюм в области талии подчеркивает пояс, который наделен в старообрядческой культуре ритуальным значением. Его символика также связана с темой «цельности». Как отмечает П. Е. Бардина, пояс символизировал такие человеческие качества, как целостность, порядочность, внутреннюю собранность [Бардина, 1995, с. 209].

В восточнославянских обычаях и обрядах, особенно свадебных, пояс часто использовался как знак объединения [Маслова, 1984, с. 46]. Опоясывание имело значение не только как образование окружности, но и как выражение соединения (связывание двух концов пояса). Бытование пояса у старообрядцев сопряжено с представлением о цельности одежды. На наш взгляд, в костюме эти особенности имеют единое символическое прочтение. Запрет на нарушение цельности ткани «по утку» сочетается с дополнительным усилением костюма - опоясыванием «по утку».

Можно предположить, что запреты на подрезы по талии, также как и значение пояса, имеют свои истоки в древних представлениях о соответствующем участке человеческого тела. Представления о полярной, небесной и земной, символика в верхней (головной убор, грудь) и нижней (подол) сферах древнерусского костюма выявил Б. А. Рыбаков. Он же отметил, исходя из символики орнамента и украшений, насыщенность костюма символикой микрокосма и макрокосма, при выражении их единства или аналогичности [Рыбаков, 1988, с.519 – 521, 563].

В современном бытовании традиционной одежды уймонских старообрядцев отражено практически забытое подразделение человеческого тела на зоны (области) с границами, проходящими в горизонтальном направлении. Наиболее наглядно это проявляется в пеленании младенцев и покойников поверх цельного полотнища (соответственно пеленка, саван).

Особенно подчеркиваются в одежде области плеч, груди, живота, колен. Посредством покроя обрядовой одежды происходило символическое объединение различных аспектов человека в единое целое.

Пояс подчеркивал пограничную область между верхней и нижней частью тела и костюма, которые воспринимались как целостность. Представления о нежелательности нарушения ткани в горизонтальном направлении выражалось в сохранении традиционных цельных форм одежды и большей тщательности соединения полотна по утку. Поперечные швы, как правило, выполнялись в комплексе с отделкой, которой придавалось апотропейное значение, тогда как по долевой и по косой детали одежды соединялись простым швом, часто без обработки срезов.

Наши результаты согласуются с предположениями П. Е. Бардиной о том, что имеющие особенное ритуальное значение элементы костюма (она выделяет пояс, женский головной убор и глухой ворот рубах), прикрывают жизненно важные части тела [Бардина, 1995, с. 208]. Посредством, как отдельных элементов старообрядческого костюма, так и всего комплекса одежды, символически выражалась идея неразрывности внутреннего мира и внешнего облика человека, а также необходимости его постоянной магической защиты и укрепления.

По нашим материалам, символическое значение одежды связано с восприятием таких явлений, как тело и душа. Через цепь семантических аналогий тело – одежда - душа могут выражаться глубинные представления о взаимосвязи овеществленной, духовной и физиологической организации человека.

Примечания

Бардина П.Е. Быт русских сибиряков Томского края. – Томск, 1995. - 224 с.

Маслова Г.С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах. – М., 1994. – 216 с.

Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. – М., 1988. – 784 с.

Соснина Н., Шангина И. Русский традиционный костюм. – СПб, 1998. – 400 с.

Фурсова Е.Ф. Традиционная одежда русских крестьян старожиллов Верхнего Приобья. – Новосибирск, 1997. – 152 с.

**ВОПРОСЫ МЕТОДИКИ
И ОРГАНИЗАЦИИ ИССЛЕДОВАНИЙ**

*А.А. Василевский, В.А. Грищенко, П.В. Кашицын,
В.Д. Федорчук*

**ОХРАННЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
В НЕФТЕГАЗОВЫХ ПРОЕКТАХ НА САХАЛИНЕ
В 1996–2007 ГОДАХ**

С 1996 года Сахалинский государственный университет осуществляет охранные археологические исследования в нефтегазовых проектах на Сахалине. С 1996 г. – в проекте Сахалин–2, с 1999 г в проекте Сахалин–1. В 1996–1997 гг. разрабатывались отдельные разделы ТЭО, шло изучение площадки завода сжиженного природного газа (СПГ). В 1998 г лаборатория организовала и провела изыскания на трассах и площадках, а в 1999–2002 гг – в местах изменения проекта «Сахалин– 1 – 2». В 2003 г начинается этап охранных раскопок в проекте «Сахалин–1». Усилиями археологов и СЭИК разработан уникальный для РФ документ – «План действий в отношении объектов культурного наследия», и изданы сопутствующие пособия – справочники для персонала проекта на русском и английском языках [Охрана и оценка..., 2004]. В 2004 г. университет, выиграв тендер, становится генеральным подрядчиком по культурному наследию в проекте «Сахалин–2». Одновременно продолжают исследования в зоне строительства береговых нефтегазовых комплексов у залива Чайво в проекте «Сахалин–1». За десять лет в зоне прямого и косвенного влияния обоих проектов открыто и в той или иной степени изучено более двухсот пятидесяти объектов культурного наследия (ОКН). В разряд охраняемых ОКН попали палеолитические стоянки, поселения эпохи неолита, раннего железа и средневековья в прибрежных, предгорных и горных районах острова, а также захоронения, военные лагеря, места боев, фортификационные сооружения, мемориалы первой русско–японской и Второй мировой войны.

Предпочтение отдается неразрушающим способам сохранения изучаемых объектов. Применяются частичные изменения проектов размещения площадных и протяженных объектов, перетрассировки, локальные обходы, горизонтально направленное бурение для прокладки трубопроводов и линий связи ниже культурных слоев. В РФ мало известен метод перекрытия ОКН многослойными подушками из геотекстиля, георешеток, металлических конструкций, грунта и снега для временного проезда техники над памятниками. Щадящие методы защиты ОКН позволяют принципиально сократить расходы времени и средств Заказчика, сохранить большинство ОКН и минимизировать общий уровень антропогенного воздействия на среду.

Один из ключевых вопросов – координация взаимодействия археологов, территориальных органов власти, управленцев и производителей

в рамках процедур прохождения информации и принятия и исполнения решений. Деятельность осложняется двуязычием, масштабом, а также многоуровневой структурой проектов. Так, в проекте «Сахалин–2» строится огромный завод СПГ, десятки городков и технологических сооружений, более 800 км трубопроводов и оптико–волоконной связи в три нитки, подъездные дороги, временные и постоянные технологические площадки и сооружения. Проект разбит на четыре уровня: заказчик–подрядчик–субподрядчик – соподрядчик, и шесть потоков, на каждом действует несколько колонн. В таких условиях особое значение имеет постоянная связь и все виды дисциплины. Действия археологов регламентируются документами и инструкциями проекта. Законодательной базой охранной деятельности являются соответствующие акты РФ. Работы, выполняемые лабораторией осуществляются на основе необходимых лицензий СахГУ, Института археологии и этнографии СО РАН и персональных Открытых листов, ежегодно выдаваемых ИА РАН. Финансирование проекта «Сахалин–2» ведется за счет заемных средств. Поэтому в нем осуществляется операционная политика Всемирного Банка, основанная на принципах Хартии по охране и использованию археологического наследия, разработанной Международным комитетом по использованию археологического наследия в 1990 г.

В связи с преобладанием в Сахалинской области археологии нефтегазовых проектов меняется и характер труда археологов. Виды научной и научно–прикладной деятельности коллектива лаборатории описываются ниже. Это:

1) учебная деятельность в рамках академических курсов и практик в СахГУ;

2) фундаментальные исследования в международных проектах вместе с российскими научными учреждениями и вузами Японии;

3) археологические разведки в районах отвода земельных участков под проектирование и строительство различных объектов;

4) разработка мероприятий по защите объектов археологии на предпроектной, проектной и стадии строительства;

5) спасательные раскопки до начала, а также в ходе и после окончания этапа строительства;

6) круглогодичный мониторинг проектов в зоне охраны памятников с применением средств ГИС;

7) выполнение программы действий по уменьшению воздействия на известные и вновь открываемые памятники в ходе строительных работ (быстрая оценка объекта, отбор образцов, непрерывные спасательные раскопки разрушенного участка ОКН в строительной паузе, обозначение на местности охранных зон столбовым ограждением с информационными табличками, противоэрозийные мероприятия на обнажениях культурного слоя и т.д.);

8) обработка, изучение, хранение артефактов и образцов и формирование единой базы данных;

9) обучение персонала компаний правилам мониторинга и основам законодательства РФ об охране культурного наследия.

Ограниченное число памятников, расположенных на трассах и площадках проектов изучаются методом раскопок широкой площадью. В каждом отдельном случае это крайняя мера, которая обоснована исключительно невозможностью их сохранения в условиях строительства по техническим причинам. Еще одна особенность – заказчик, как правило, считает неоправданными раскопки за пределами зоны земельного отвода, ограничивая их исключительно полосой освоения. В 2003–2007 гг лабораторией и ее соподрядчиками (начальники отрядов авторы статьи, а также В.А. Дерюгин, В.О.Шубин, О.А.Шубина) проведены раскопки многослойных поселений Кашкалебагш–2 (1308 кв.м.), Чайво–1–Нгаян (1160 кв.м.), Чайво–6 и Джимдан–5 (1300 кв.м.), Пугачево–1 (до 300 кв.м.), Набиль–2 (250 кв.м.), Ясное 8 (841 кв.м.), Славная 4–5 (1050) и Лебединый –1 (1200 кв.м.) В 2002 – 2004 гг. объединенная экспедиция НИИ КПН, ИАРАН и ИИАЭ ДВО РАН (С.В.Гусев, Н.А.Клюев) в рамках проекта «Сахалин–1» обследовала полосу отвода трубопровода Чайво – Де-Кастри и провела охранные раскопки пяти жилищ (2024 кв.м.) на поселении Хунмакта (проект Сахалин–1) [Гусев и др., 2004]. В итоге в 2003– 2007 гг., в рамках нефтегазовых проектов раскопками вскрыто до 10 тысяч кв.м. культурного слоя и изучено 32 крупных сооружения (30 жилищ, одна курганный насыпь, один культовый центр) в составе десяти поселений эпохи неолита, раннего железа и средневековья. Имеет значение изучение методом подъемных сборов серии стоянок–мастерских и охотничьих лагерей эпохи палеолита на Среднем и неолита, палеометалла и средневековья на Северном Сахалине. Кроме того, вне зоны сахалинских проектов параллельно исследуются многослойное поселение и городище Седых–1 (2000, 2006 гг.), Крильонское городище (2000 – 2004 гг.),), пещеры с мамонтовой фауной на горах Орел и Вайда, многослойная стоянка эпохи нижнего палеолита Сенная– 1 (1998–2000 гг.). Получено до девяноста дат, выполненных радиоуглеродным и оптико–люминесцентным методом. В том числе, это четыре датировки культурного слоя стоянки Сенная 1: 154.000 ± 15.000 , 167.000 ± 19.000 ; 175.000 ± 28.000 и 197.000 ± 32.000 лет, которые удревняются согласно, сверху вниз [Vasilevski et al., 2002]. Эти данные закрепляют полученную иными методами информацию о среднеплейстоценовом возрасте вмещающих отложений на памятнике. Принципиальное значение имеет дата, полученная по погребенной почве на Седыхинском городище – СОАН–6642 – 870 ± 45 лет. Она относит памятник к переломному времени Цзинь – Дунь Ся – Юань в рамках второй половины XII и XIII вв. Изученные памятники археологии хорошо иллюстрируют этапы до– и прото-исторического развития региона, в т.ч., описанные ниже.

1. Эпоха нижнего палеолита (230–140 тыс.лет) – стоянка Сенная–1.
2. Эпоха позднего палеолита (30–13 тыс.лет) и переходный период (13–9 тыс.лет) – стоянки Огоньки–5, Олимпия–5, Читинка, Восьи 1–6.
3. Эпоха неолита и переходный период от камня к металлу– 9 – 2,5 тыс. лет. Стоянки Пугачево–1, Долинск–5, нижние слои поселений Чайво–6,

Кашкалебагш–2, Джимдан–5, Набиль–2, Славная–1,2,4, Даги–6, Венское–4, Хунмакта.

4. Эпоха палеометалла и средневековья –2,5– 0,3 тыс.л.н.– верхние слои поселений Кашкалебагш–2, Чайво–1 и 6, Джимдан–5, Хунмакта, Крильонское городище, Седых–1.

Международные проекты связывают лабораторию уже пятнадцать лет с университетами Хоккайдо, Саппоро, Цукуба, Тохоку, Токио и др. В результате осуществления проектов «Метаморфозы охотской культуры» (1998–2002) и “ABC” (2001–2007), при участии на определенных этапах акад. РАН А.П.Деревянко, д.и.н. С.П.Нестерова и к.и.н. А.Л. Ивлиева, археологи России и Японии вплотную подошли к формированию близких позиций по средневековой проблематике. Одним из наиболее важных итогов исследований является открытие в стратифицированных условиях средневековой станковой керамики континентального происхождения на крайнем юге Сахалина, классификация средневековых городищ Сахалина. Эти наблюдения позволяют вводить территорию Сахалина в круг средневековой истории Восточно–Азиатских государств и успешно сопоставлять археологические и письменные источники, приближаясь к познанию исторических процессов в регионе.

Принципиальное увеличение объемов исследований и расширение их географии на Сахалине привели к накоплению в последние годы принципиально нового археологического материала. Это повлекло за собой появление новых представлений о первоначальном заселении региона, произошли значительные изменения и в интерпретации ряда ранее известных археологических культур эпохи неолита, раннего железа и средневековья. Возникла почва для широкого научного сотрудничества, что обусловлено ростом интереса к региону со стороны коллег и научных учреждений страны и мира. Особое значение для лаборатории имеет возобновившееся в 2000 г и получившее новое содержание в 2005–2007 гг сотрудничество в рамках структуры ИАЭТ СОРАН, позволяющее развиваться в русле общих тенденций современной науки.

Примечания

1. **Охрана** и оценка археологических объектов. Пособие для персонала проекта Сахалин–2 /Василевский А.А., Снеткамп П., Гриценко В.А., Кашицын П.В. – Южно–Сахалинск: Изд–во СахГУ, 2004. – 24 с.

2. **Гусев С.В., Никитин Ю.Е., Ключев Н.А., Загоруйко А.В., Казанцев Р.С., Рукавишников Д.В., Барышев И.Б., Мольтс Н.В.** Археологические исследования Берингийской экспедиции на Северном Сахалине в 2002 – 2004 гг.// <http://projects.heritage-institute.ru/archeol/sahalin.htm>

3. **Vasilevski Alexander, Nagatomo Tsuneto, Mikishin Yriy, Shitaoka Yoshihiro** To the problem of the Lower and Middle Palaeolithic in Sakhalin (stratigraphy, industry, chronology) // Materials of the XVII th Congress of the Indo–Pacific Prehistory Association.–09–15.09.2002 –Academia Sinica Taipei, Taiwan, R.O.C. – 2002.–P.295.

*А.Ю. Майничева, А.А. Бадмаев, В.А. Бурнаков,
В.П. Мыльников, С.П. Нестеров*

**НАУЧНО-РЕСТАВРАЦИОННЫЕ РАБОТЫ
В ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНОМ МУЗЕЕ
ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ ИАЭТ СО РАН***

В настоящее время научно-реставрационные работы в Историко-архитектурном музее под открытым небом (ИАМ) ИАЭТ СО РАН ведутся в двух направлениях: сохранение имеющихся экспонатов и дальнейшее развитие экспозиции музея.

Реставрационные работы.

Биоащита археологических экспонатов. На территории ИАМ сосредоточено несколько десятков каменных изваяний и артефактов различных исторических эпох: от древнекаменного века до позднего средневековья. Это - гигантский нуклеус (ядрище) из палеолитической стоянки Улалинка вблизи г. Горно-Алтайска республики Горный Алтай; каменные глыбы с рисунками эпохи неолита из пос. Сикачи-Алян на Нижнем Амуре; изваяния и плиты с рисунками эпохи бронзы из Южной Сибири; оленные камни плиты с рисунками людей и животных раннего железного века; комплекс стел (вертикально стоящих каменных плит) погребения эпохи бронзы из памятника Семисард на Алтае; скульптурные изображения древнетюркских воинов; база каменной колонны X-XII вв. н. э. из долины р. Тунгуски (приток Амура) около г. Хабаровска; базальтовая ступа для обработки зерна того же времени; камень с буддийской надписью на тибетском и старомонгольском языках XVI-XVII вв.; изваяние буддийского божества воды Лубан Жалбо Бурхан XVIII-XIX вв. из Забайкалья.

Все каменные артефакты были установлены в 1989-1990 гг. на обширной территории от въездных ворот до обрыва к р. Зырянка. За прошедшие годы многие камни, особенно мелкие, погрузились в землю, заросли травой и покрылись плотными разноцветными корками грибковых и лишайниковых образований. Многие изображения на изваяниях и плитах и их отдельные детали скрылись под слоями органических наростов, которые портят не только поверхность каменных основ, но и их структуру, заполняя трещины и щели и размножаясь в них.

Для спасения уникального культурного наследия прошлого сотрудниками сектора музейных технологий и реставрации ИАЭТ СО РАН были предприняты неотложные первоочередные меры по восстановлению пер-

*Работы проводились при поддержке РГНФ 07-01-18087е и Научной школы № НШ-6568.2006.6.

воначального облика экспонатов каменной галереи по апробированной в реставрационной практике методике [Актуальные проблемы фондовой работы музеев, 1978; Никитин, Мельникова, 2002]. Были проделаны следующие охранно-реставрационные мероприятия: оценка состояния каждого экспоната; определение видов грибковых наростов и отбор проб для лабораторных анализов; заказ и изготовление специальных растворов для обработки грибков-лишайников с целью их уничтожения; составление растворов для консервирующей пропитки поверхностей каменных изваяний, препятствующих образованию грибковых наростов и действия влаги. Важным мероприятием в этом направлении было изготовление бетонных постаментов, изолирующих каждое изваяние от воздействия травяного покрова и тем самым в значительной степени уменьшающим риск повторного заражения каменных поверхностей грибковыми наростами. Были проведены следующие технологические операции по сухой обработке поверхностей каменных артефактов и изваяний, наложение водяных компрессов и последующая очистка каменных поверхностей щетками с естественной щетиной и деревянными лопатками разбухшей и отмякшей консистенции мхов-лишайников, смывание их водой, естественная сушка поверхностей каменных изваяний, пропитка высушенных изваяний биозащитными и гидрофобными растворами серии «Оберег» от нежелательного действия органики и влаги, обеспечивающими сохранность поверхностей каменных артефактов в течение 10-15 лет. Обработано 22 каменных изваяния.

Огнебиозащита Спасской церкви из Зашиверска и башен Казымского острога. Наряду с оригинальными бревнами Спасской церкви из Зашиверска и башен Казымского острога, сохранившимися со времени их первоначальной постройки, для целей реконструкции в срубы были введены части новых бревен – «протезы». Для галереи также была использована новая древесина. За прошедшие со времени их сооружения двадцать лет они подверглись поражению биоразрушителями – жуками-точильщиками и плесневыми грибами, а также они представляют определенную пожарную угрозу. Кроме того, вставки в сруб церкви и галерея разрушают цветовое единство здания, резко контрастируя с основным срубом.

Поскольку оригинальные бревна были полностью обработаны после разборки зданий фенолфенолятами по рекомендованной в тот период методике, их сохранность и устойчивость к огнебиоугрозе превышают эти же показатели новых конструкций. Для обеспечения сохранности новых конструкций церкви был выработан комплекс мероприятий, включающий механическую очистку, обработку составами по огнебиозащите древесины серии «Оберег», которые гарантировали сохранность деревянных конструкций в течение 10-15 лет. В настоящее время все новые конструктивные детали церкви и башен обработаны без нарушения их цветовой характеристики.

Работы по развитию экспозиции музея. В целях подготовки программы по развитию музея были выполнены работы для воссоздания ранне-средневековых жилищ населения Дальнего Востока, а также жилищно-

хозяйственных комплексов аборигенного населения Сибири: разработан эскизный проект жилища средневекового населения Приамурья, а также осуществлен сбор материалов для размещения на территории музея жилищ и хозяйственных построек бурят и хакасов.

Материалы для эскизного проекта реконструкции жилища сезонной промысловой стоянки средневекового населения Приамурья. В западной части Приамурья начало эпохи средневековья связано с михайловской археологической культурой (III–X вв.), носителями которой были монголоязычные бэй шивэй. Хорошая сохранность найденных археологами деталей сгоревших жилищ [Деревянко, 1975; Древности Буреи, 2000; Дьякова, Глинский, 1983, с. 134–140] позволила восстановить их конструкцию и внешний вид. На начальном этапе возведения жилища отрывался котлован подквадратных очертаний. Затем в котловане сооружалась квадратная в плане рама-основа из бревен (со сторонами 3 – 6 м), которая устанавливалась на опорных столбах. Все бурейские жилища были каркасные, с рамой-основой и четырьмя стропилами, которые упирались нижними концами в углы рамы, а верхние соединялись в пучок. Готовое жилище представляло собой конструкцию пирамидальной формы. Общей деталью интерьера был очаг прямоугольной в плане формы, оконтуренный по периметру плашками. В этнографическое время сходный с описанным принцип строительства получил воплощение в каркасных шалашах нанайцев и в полуподземных жилищах нивхов [Историко-этнографический атлас..., 1961, с. 136, 145].

Материалы для экспозиции традиционного жилища аборигенов Сибири (хакасов и бурят).

Хакасское жилище. Хакасам были известны переносные решетчатые и непереносные со столбами юрты (*иб*), конической и усеченной пирамидообразной формы жилища, четырехстенные и многоугольные бревенчатые срубы, землянки и избушки, пятистенные и крестовые дома [Патачаков, 1982, с. 5]. Одним из архаичных типов жилищ являлся *алачых иб* – конический шалаш, имеющий сходство с чумом и широко распространенный среди народов Сибири [Попов, 1961, с. 140–144; Вайнштейн, 1961, с. 85–90; Тощакова, 1978, с. 81–84]. Зимние жилища хакасов – *соол иб* – представляли собой землянки или небольшие однокамерные избушки. В XIX в. произошел переход хакасов с полукочевого образа жизни на оседлый. Переносная юрта постепенно исчезла из народного быта. Вместо нее получила широкое распространение более прочная и устойчивая стационарная деревянная юрта. С конца XIX в. основным типом зимнего жилища у хакасов становятся срубные дома – однокамерная изба с земляным или деревянным полом, а также многокамерные дома, пятистенные или крестовые.

Бурятское жилище. Новые материалы, характеризующие жилища бурят, были найдены в Национальном архиве Республики Бурятия, где изучались дела фондов «Верхоленская степная дума» и «Селенгинская степная дума» [НАРБ, Ф. 2, 4. Оп. 1]. К концу века количество деревянных юрт уже существенно превосходило число имеющихся войлочных юрт. Основным

типом жилищ на них были однокамерные избы «зимовье», правда, с конца XIX в. состоятельная прослойка бурят начала застраиваться высокими просторными 1-2-камерными домами с несколькими большими окнами, имеющими декоративно оформленные наличники и ставни, высокое крыльцо.

Летник состоял из нескольких деревянных или войлочных юрт. 4-стенные бревенчатые юрты имели сруб из 10-12 венцов, небольшие оконные проемы, обращенные на юг, двускатные крыши, с входом, над которым возвышался козырек из выпусков верхних бревен. Крыша обычно покрывалась дранкой.

Итак, сезон строительно-реставрационных работ 2007 г. в ИАМ под открытым небом был завершен выполнением научно обоснованного комплекса неотложных работ по огнебиозащите памятников археологии и архитектуры, что позволяет говорить об обеспечении их сохранности на следующее десятилетие. Выполненные полевые исследования создали информативную базу для развития экспозиции и разработки новой концепции ИАМ.

Примечания

Актуальные проблемы фондовой работы музеев. – М.: Министерство культуры РСФСР, 1978. – Вып. II. – 203 с.

Вайнштейн С.И. Тувинцы-тоджинцы: (Историко-этнографические очерки). М., 1961. – 164 с.

Деревянко Е.И. Мохэские памятники на Среднем Амуре. - Новосибирск: Наука, 1975. - 250 с.

Древности Бурен / С.П. Нестеров, А.В. Гребенщиков, С.В. Алкин, Д.П. Болотин, П.В. Волков, Н.А. Кононенко, Я.В. Кузьмин, Л.Н. Мыльникова, А.В. Табаров, А.В. Чернюк; отв. ред. Е.И. Деревянко. - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. - 352 с.

Дьякова О.В., Глинский С.В. Поселение на Гладковском Бугре в верхнем течении реки Зея // Материалы по древней и средневековой археологии юга Дальнего Востока СССР и смежных территорий. - Владивосток, 1983. - С. 134-140.

Историко-этнографический атлас Сибири. - М., Л.: Изд-во АН СССР, 1961. - 498 с.

Никитин М.К., Мельникова Е.Н. Химия в реставрации. Справочное издание. – СПб.: Центр ТЕХИНФОРМ, 2002. – 304 с.

Патачаков К.М. Очерки материальной культуры хакасов. – Абакан: Хак. отд-е Красн. кн. изд-ва, 1982. – 88 с.

Попов А.А. Жилище // Историко-этнографический атлас Сибири. М.-Л., 1961. С. 140-144.

Тошакова Е.М. Традиционные черты народной культуры алтайцев (XIX – начало XX вв.). Новосибирск, 1978. - 234 с.

Список сокращений

ИАМ ИАЭТ СО РАН – Историко-архитектурный музей под открытым небом Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук.
НАРБ – Национальный архив Республики Бурятия.

ПОНЯТИЕ «АДАПТАЦИЯ» В НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Расширение содержания понятий, выработанных первоначально в относительно узкой области знания, – одна из специфических особенностей теоретического синтеза, формулирующего общенаучные идеи. Несмотря на то, что наука пользуется естественным языком, она не может только на его основе описывать и изучать свои объекты. Понятия обиходного языка нечетки и многозначны, их точный смысл чаще всего обнаруживается лишь в контексте языкового общения, контролируемого повседневным опытом. В научном же исследовании необходимым условием описания изучаемых явлений служит специализированный язык, в котором четко зафиксированы понятия и определения [Степин, Горохов, Розов, 1996]. Правило «введения термина» требует, чтобы определение основных терминов давалось независимо от знания или незнания их смысла и значения реципиентом [Петров, Захаров, 1999, с. 10]. При этом необходимым условием является явно вербальное определение основных терминов [Там же, с. 11].

Новая информация, знание рождаются при взаимодействии как минимум двух других информационных потоков, например междисциплинарном диалоге [Буданов, 1996]. Термин «междисциплинарность» употребляется не только для обозначения простого заимствования методов других дисциплин, но и в интеграции на уровне конструирования междисциплинарных объектов.

Понятие «адаптация» - междисциплинарное, появившееся в биологии с последующей экстраполяцией на многие сферы. В современной литературе все определения понятия адаптации отталкиваются от результатов исследования фактов жизнедеятельности организмов, т.е. не выходят за рамки конкретных наук, как правило, биологии.

Новый энциклопедический словарь дает следующие определения. Адаптация – (от ср.-век лат. *adaptatio* – приспособление), в биологии – совокупность морфофизиологических, поведенческих, популяционных и др. особенностей биологического вида, обеспечивающая возможность специфического образа жизни особей в определенных условиях внешней среды. Адаптацией называется и сам процесс выработки приспособлений. В физиологии и медицине обозначает также процесс привыкания [НЭС, 2002, с. 17].

Адаптация социальная, процесс взаимодействия личности или социальной группы с социальной средой; включает усвоение норм и ценностей

среды в процессе *социализации*, а также изменение, преобразование среды в соответствии с новыми условиями и целями деятельности. [Там же].

В философском словаре под адаптацией (от лат. *adapto*) понимается процесс приспособления системы к условиям внешней и внутренней среды. Адаптацией иногда называют и результат такого процесса – наличие у системы приспособленности к некоторому фактору среды. После возникновения учения Дарвина стало возможным истолкование адаптации как выживания наиболее приспособленных особей в ходе борьбы за существование и естественного отбора. С появлением кибернетики, в которой в качестве механизма адаптации рассматривается отрицательная обратная связь, обеспечивающая целесообразное реагирование сложной иерархической самоуправляющейся системы на изменяющиеся условия среды, понятие «адаптация», помимо биологии, стало применяться также и при изучении социальных и технических систем. Однако применительно к человеческому обществу это понятие имеет ограниченные возможности, т.к. оно отражает главным образом реактивное поведение, связанное с приспособлением к окружающей среде [Философский словарь, 2001, с. 13, 14].

В целом, адаптация рассматривается и *как процесс* (приспособление организма к новой среде; обозначение отношения равновесия - относительной гармонии, которое устанавливается между организмом и средой), и *как результат* (следствие приспособительного процесса; цель, к которой стремится организм – телеологичность адаптации) [Философские проблемы..., 1975, с. 40]. Понятие адаптации в широком смысле основывается на историческом (эволюционном) принципе, учитывающем сам генезис явления адаптации, в узком – отражает онтогенетический (индивидуальный) аспект. В зависимости от контекста иногда пользуются заменяющими словами: «приспособление», «уравновешивание», «акклиматизация» и т.д. То или иное употребление понятия «адаптация» отражает специфику изучаемых сторон взаимодействия организмов с окружающей средой.

Приспособление. Приспособленность – статистическая сторона адаптации-огенеза как в филогенетическом, так и в онтогенетическом аспектах. Приспособляемость – применяется для обозначения способности организма выживать в изменяющихся условиях среды [Там же, с. 43]. По мнению Н.П. Наумова, к факторам среды относится «все, что действует на организм, независимо от характера влияния. Среди них в свою очередь необходимо выделить определяющие возможность и успешность развития, роста, выживания и размножения; их обычно называют условиями существования (условиями жизни)» [цит. по: Философские проблемы..., 1975, с. 37]. Именно к этим «факторам среды (условиям жизни)» вырабатываются адаптации. По мнению Г.И. Царегородцева, адаптация не обязательно связана с необычайными условиями жизнедеятельности. Понятие приспособления обязательно включает в себя обычную функцию в условиях, типичных для данного вида [Там же].

Акклиматизацией нередко называют способность организма адаптироваться. В биологии и медицине под термином «адаптация» описывается

восстановление функций организма. В этих случаях специальные формы приспособления не идентичны общему представлению об адаптации [Философские проблемы..., 1975, с. 36].

Если в естественно-научных дисциплинах предпринимается попытка подойти к теории адаптации с философских позиций [см. Философские проблемы теории адаптации, 1975], то в гуманитарных дисциплинах теоретических работ по адаптации чрезвычайно мало. К примеру, можно назвать работы Ю.И. Ефимова [1980; 1981]. В центре внимания автора этих работ находится процесс формирования общественно-трудового типа взаимодействия с природой, проходящий поэтапно: на первом – это предсоциальная «орудийная» адаптация; на втором – первично-человеческая трудовая адаптация; на третьем этапе человеческая трудовая деятельность [Ефимов, 1981, с. 156–160]. К сожалению, Ю.И. Ефимов некритически подходит к некоторым ключевым терминам. Остается только догадываться, что понимается под «адаптивным приспособлением к среде» [Ефимов, 1981, с. 156].

В конечном итоге приходится констатировать, что до настоящего времени нет работ, в которых рассматривается вопрос об общих принципах адаптивных интерпретаций. По мнению С.В. Мейена «Выход из этого тупика, по-видимому, возможен только в направлении разработки теоретико-познавательных (гносеологических) оснований теории адаптации. ... Сегодняшние теоретико-познавательные предпосылки для серьезного ответа на этот вопрос явно недостаточны. Огромный фактический материал ... требует разработки адекватного методологического инструментария.» [1984].

Примечания

Буданов В.Г. Синергетические механизмы роста научного знания и культура // Гносеологические и логико-методологические проблемы. – М. / Ин-т философии РАН, 1996. – С. 191–198. (Философия науки; Вып. 2).

Ефремов Ю.И. Природное и общественное в человеческой предистории // Человек и природа. – М.: Наука, 1980. – С. 16–27.

Ефремов Ю.И. Философские проблемы теории антропосоциогенеза. – Л.: Наука, 1981. – 193 с.

Мейен С.В. Принципы исторических реконструкций в биологии // Системность и эволюция. – М.: Наука, 1984. – С. 7–32.

Новый энциклопедический словарь. – М.: Большая Рос. энцикл.; Рипол Классик, 2002. – 1456 с.

Петров Ю.А., Захаров А.А. Практическая методология. – М.: Диалог-МГУ, 1996. – 107 с.

Степин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А. Философия науки и техники. – М.: Гардарики, 1996. – 400 с.

Философские проблемы теории адаптации / под ред Г.И. Царегородцева. – М.: Мысль, 1975. – 278 с.

Философский словарь /под ред. И.Т. Фролова. – 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Республика, 2001. – 719 с.

Список сокращений

НЭС – Новый энциклопедический словарь.

ИТОГИ ПЕРВОГО ЭТАПА РАЗРАБОТКИ ОН-ЛАЙНОВОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО СТАТИСТИЧЕСКОГО ПАКЕТА*

За более чем десятилетнюю историю в секторе археологической теории и информатики ИАЭт СО РАН было разработано несколько оригинальных методов анализа данных, учитывающих специфические особенности археологической информации. Применение этих методов отражено в многочисленных статьях и монографиях, написанных сотрудниками сектора. К сожалению, программные реализации этих методов сделаны в разные годы и представляют собой разношерстный “зоопарк”.

В последнее время появилась мысль объединить все разрозненные программные разработки в едином пакете и сделать их доступным более широкому кругу пользователей. Наиболее адекватным решением этой задачи, на наш взгляд, является создание Web-сайта, включающего подсистемы ввода/хранения данных, методов анализа данных и представления результатов.

Первый год работы потребовал значительных затрат на выявлении аналогов предполагаемой разработки. Выяснилось, что Международный рынок насчитывает более 1000 пакетов, решающих задачи статистического анализа данных в среде операционных систем Windows, DOS, OS/2. и все они являются локальными приложениями, к которым нет доступа из сети Интернет. Кроме того, статистические программы относятся к наукоемкому программному обеспечению, цена которых часто недоступна индивидуальному пользователю. Притом, все пакеты требуют наличие профессиональных навыков и высокой квалификации, широкого первоначального статистического образования, доступной литературы и консультационных служб. У большинства из них отсутствует подробная и доступная для начинающих документация на русском языке.

Поэтому на начальном этапе были сформулированы основные принципы построения нашей системы и вытекающие из них требования к пакету.

Одним из главных результатов реализации первого этапа проекта –разработка интерфейса пользователя и администратора системы, встроенных в пакет. Разработка содержит следующие разделы:

Главная страница – описание Пакета и его сравнение с аналогами;

*Работа выполнена по Междисциплинарной программе СО РАН 4.5.2.

Анализ данных – раздел, в котором пользователь может проанализировать свои данные. В настоящее время для пользователей доступны следующие процедуры:

а) ввод информации для ее последующего статистического анализа. Корректно вводимые данные должны соответствовать следующей структуре и формату представления:

- собственно данные, подлежащие процедурам анализа в формате таблиц MS Excel;
- формат (описание всех переменных с указанием типов);
- метки (расшифровка меток, используемых в данных).

Пример организации данных можно посмотреть в разделе **Пример данных**.

а) анализ связей. В пакете реализованы три метода анализа (дисперсионный, корреляционный и **ХИ-квадрат**). Целью анализа связей является обнаружение взаимосвязей зависимостей между признаками. В статистике имеется множество критериев для проверки связей в данных. Но все они построены по одному принципу: в каждом критерии формулируется нулевая гипотеза, которая утверждает, что исследуемые признаки являются независимыми случайными величинами, связь между которыми если и проявляется, то исключительно в силу случайного совпадения.

В процедурах анализа связей проверка любого критерия начинается с вычисления своей статистики – величины, характеризующей степень отклонения от независимости. Поскольку археологические признаки могут быть измерены в любой из трёх шкал (номинальной, порядковой и количественной), то для каждого сочетания шкал надо применять свои критерии. Например, если обе переменные измерены в шкале наименований, то можно применять критерий **ХИ-квадрат**, если одна из них – номинальная, а другая – количественная, то можно пользоваться дисперсионным анализом, а если обе количественные, то подойдёт корреляция по Пирсона.

б) анализ структуры. В пакете в настоящее время реализованы два метода анализа структуры (метод *k-средних* и агломеративный метод иерархической классификации).

в) способ вывода результатов анализа. Существует два варианта отображения результатов: HTML-таблица и трёхмерная VRML-диаграмма. Для отображения VRML-диаграмм необходимо, чтобы на машине пользователя был установлен VRML-клиент (Cortona VRML). Ссылка для загрузки данного плагина приведена на странице анализа данных.

Для полноценного пользования пакетом требуется регистрация пользователя. Алгоритм последующего поведения пользователя выглядит так.

После ввода данных пользователь выбирает метод, с помощью которого будет производиться анализ данных. При этом обязательное указание количества кластеров требует только метод *k-средних*. Для остальных методов это необязательно. Кроме того, пользователь выбирает один из

двух способов вывода результатов анализа: HTML-таблица или трёхмерная VRML-диаграмма.

Пункт меню *Сделать эти данные рабочими* позволяет активизировать информацию пользователя, размещенную на странице сайта в таблице данных (поля *Данные*, *Описание*, *Метки*). Эти данные будут занесены в системный буфер. При последующих обращениях в раздел *Анализ данных* повторно вводить эти же самые данные не требуется. Активация пункта меню *Сделать эти данные рабочими* может потребоваться, например, в тех случаях, если пользователь хочет проанализировать одни и те же данные на разных методах или с различным способом вывода результатов.

Время анализа зависит от объёма данных и от выбранного метода, но обычно не превышает 3-5 секунд.

На странице сайта *Общедоступные данные* (переход осуществляется нажатием соответствующей ссылки в главном меню) представлены данные и результаты анализа, которые пользователи посчитали интересными и (или) полезными для других пользователей системы. Данные добавляются только после проверки администратором на корректность.

Для зарегистрированных пользователей имеется доступ к процедуре *Архив* для хранения и обновления файлов с данными, когда-либо анализировавшимися пользователем. Для удобства поиска нужных архивных данных их названия состоят из двух частей: собственно название, под которым пользователь анализировал эти данные, и дата анализа. При нажатии на соответствующее название данные будут представлены в полноразмерном виде вместе с результатами анализа. Чтобы войти в собственный архив нужно ввести логин (имя, под которым Вы зарегистрировались) и пароль (выбранный при регистрации) и нажать кнопку *Войти*. Если логин и пароль правильные, то происходит автоматическое перемещение на главную страницу личного архива. В противном случае система выдаст сообщение о неправильности логина или пароля и предложит повторно ввести логин и пароль.

При нажатии на кнопку , выбранные данные удалятся из архива.

Кнопка позволяет отправить администратору запрос на добавление выбранных данных и результатов в раздел общедоступных. После одобрения администратором, эти данные попадут в раздел общедоступных данных.

Дополнительно к описанным разделам в пакете имеются следующие:

Пример данных – содержит примеры данных, которые можно просмотреть в полноразмерном виде и скачать на свой компьютер.

Информация о методах – содержит информацию о методах, с помощью которых можно проанализировать данные.

Отзывы и предложения – раздел, в котором пользователи могут оставлять сообщения. Ссылка на страницу отправки сообщений находится в правом нижнем углу каждой страницы приложения. Ссылка представлена в виде картинки - . Здесь в поле *ФИО* вводится фамилия,

имя и отчество отправителя письма. В поле *Имя пользователя* вводится имя, под которым пользователь, отправляющий письмо, зарегистрирован в системе. В поле *Ваш e-mail* вводится обратный адрес электронной почты отправителя. В поле *Текст письма* вводится собственно текст сообщения электронной почты. Для отправки письма нужно нажать кнопку *Отправить*.

Помощь – интерактивное руководство пользователя системы.

Точки роста программы.

В дальнейшем в пакет будут встроены методы факторного анализа, дискриминантного анализа, многомерного шкалирования, а также новые методы кластерного анализа. Для расширения возможностей статистического пакета предполагается использовать также отдельные модули пакета PSPP, аналогичного по функциональности SPSS, но распространяемого бесплатно по соглашению “Open source”, которое предусматривает возможность использовать и модифицировать исходный код программы для включения в некоммерческие программные продукты. Кроме того, будут расширены виды представления результатов анализа, а именно: пошаговое исполнение как в HTML-варианте, VRML-диаграмме, а также дополнением представления данных методами картографии.

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ КАМЕННОГО ВЕКА ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ

<i>Агаджанян А.К.</i> ПОЗВОНОЧНЫЕ ПОЗДНЕГО ПЛЕЙСТОЦЕНА ИЗ ПЕЩЕРЫ СУРКА В ДОЛИНЕ АНУЯ (ГОРНЫЙ АЛТАЙ)	4
<i>Акимова Е.В., Стасюк И.В.</i> ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ ПАЛЕОЛИТА ДЕРБИНСКОГО ЗАЛИВА В 1998–2007 ГОДАХ	8
<i>Акимова Е.В., Стасюк И.В., Кукса Е.Н.</i> РАБОТЫ ДЕРБИНСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОТРЯДА	12
<i>Бобров В.В., Марочкин А.Г., Герман П.В., Соколов П.Г., Фрибус А.В.</i> ИССЛЕДОВАНИЯ НА ПОСЕЛЕНИИ АВТОДРОМ-2 В ЦЕНТРАЛЬНОЙ БАРАБЕ	17
<i>Васильев С.К., Мартынович Н.В.</i> ПАЛЕОТЕРИОЛОГИЧЕСКИЕ СБОРЫ В ТАРАДАНОВО В 2007 ГОДУ И НОВЫЕ НАХОДКИ ОСТАТКОВ ЗОРГЕЛИИ SOERGELIA SP.	23
<i>Васильев С.К., Орлова Л.А., Кузьмин Я.В.</i> МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ ФАУНЫ КРУПНЫХ МЛЕКОПИТАЮЩИХ САРТАНСКОГО ВРЕМЕНИ НА РЕКЕ ОРДА (ОРДЫНСКИЙ РАЙОН НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ)	29
<i>Волков П.В.</i> СПЕЦИФИКА ИЗНОСА КАМЕННОГО ИНСТРУМЕНТАРИЯ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ СЛОЕВ ПЕЩЕРЫ КАМИННАЯ	33
<i>Волков П.В., Нестеров С.П.</i> НОВЫЕ ДАННЫЕ О ПАЛЕОХОЗЯЙСТВЕ ОБИТАТЕЛЕЙ ПОСЕЛЕНИЯ ГРОМАТУХА	37
<i>Гладышев С.А., Коломиец В.Л., Лбова Л.В., Рыбин Е.П., Эрдэнэ-Очир Н.</i> ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МНОГОСЛОЙНЫХ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ В БАСЕЙНЕ РЕКИ ИХ-ТУЛБЭРИЙН-ГОЛ (МОНГОЛИЯ)	43
<i>Гладышев С.А., Лбова Л.В., Рыбин Е.П., Эрдэнэ-Очир Н.</i> РАЗВЕДОЧНЫЕ РАБОТЫ В БАСЕЙНЕ РЕКИ ХАНУЙ-ГОЛ (МОНГОЛИЯ, БУЛГАНСКИЙ АЙМАК)	49
<i>Деревянко А.П., Аношкин А.А., Славинский В.С., Борисов М.А.</i> НОВЫЕ ДАННЫЕ О РАННЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОМ КОМПЛЕКСЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ РУБАС-1 (ПО МАТЕРИАЛАМ РАБОТ В 2007 ГОДУ)	54

<i>Деревянко А.П., Аноikin А.А., Славинский В.С., Борисов М.А.</i>	АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ СРЕДНЕГО – ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА СТОЯНКИ РУБАС-1 (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ РАСКОПОК В 2007 ГОДУ)	60
<i>Деревянко А.П., Аноikin А.А., Славинский В.С., Борисов М.А.</i>	НОВЫЕ ДАННЫЕ О ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСАХ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ РУБАС-1 (ПО МАТЕРИАЛАМ РАЗВЕДОЧНЫХ ШУРФОВ)	66
<i>Деревянко А.П., Аноikin А.А., Славинский В.С., Борисов М.А., Кулик Н.А.</i>	ТИНИТ-1 – НОВАЯ МНОГОСЛОЙНАЯ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА В ДОЛИНЕ РЕКИ РУБАС	72
<i>Деревянко А.П., Зенин В.Н., Лецинский С.В., Кулик Н.А., Зенин И.В.</i>	ИССЛЕДОВАНИЯ РАННЕГО ПАЛЕОЛИТА В ЮЖНОМ ДАГЕСТАНЕ	78
<i>Деревянко А.П., Колобова К.А., Исламов У.И., Фляс Д., Павленок К.К.</i>	НОВЫЙ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК В ДОЛИНЕ РЕКИ АХАНГАРОН (УЗБЕКИСТАН)	80
<i>Деревянко А.П., Колобова К.А., Фляс Д., Исламов У.И., Ков Н., Коуп Д., Звинц Н., Павленок К.К., Мамиров Т.Б., Крахмаль К.А., Мухтаров Г.А.</i>	ВОЗОБНОВЛЕНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТ НА МНОГОСЛОЙНОЙ СТОЯНКЕ КУЛЬБУЛАК	83
<i>Деревянко А.П., Цэвэндорж Д., Гладышев С.А., Коломиец В.Л., Лбова Л.В., Рыбин Е.П., Цэрэндагва Я., Эрдэнэ-Очир Н.</i>	ГЕОМОРФОЛОГИЧЕСКИЕ И СТРАТИГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПАДИ САЛХИТ (МОНГОЛИЯ)	89
<i>Деревянко А.П., Шуньков М.В., Ульянов В.А.</i>	ИССЛЕДОВАНИЕ ВЕРХНЕЙ ТОЛЩИ НИЖНЕПЛЕЙСТОЦЕНОВЫХ ОТЛОЖЕНИЙ СТОЯНКИ КАРАМА	94
<i>Зенин А.Н., Сердюк Н.В.</i>	ФАУНА МЕЛКИХ МЛЕКОПИТАЮЩИХ ИЗ ВЕРХНЕЙ ПАЧКИ ОТЛОЖЕНИЙ В ПЕЩЕРЕ СТРАШНАЯ	100
<i>Зенин А.Н., Ульянов В.А.</i>	СТРАТИГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПЕЩЕРЕ СТРАШНАЯ	105
<i>Козай С.А., Липнина Е.А., Медведев Г.И., Новосельцева В.М., Ощепкова Е.Б., Хензыхенова Ф.И., Клементьев А.М.</i>	ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ ГЕРАСИМОВА I: НОВАЯ ЖИЗНЬ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОГО ПУНКТА I	110
<i>Крутых Е.Б., Батаршев С.В., Дорофеева Н.А., Малков С.С., Морева О.Л., Попов А.Н.</i>	АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ПАМЯТНИКЕ ГВОЗДЕВО-4 В ЮЖНОМ ПРИМОРЬЕ	114

Ларичев В.Е. ДРЕВНЕКАМЕННЫЙ ВЕК СЕВЕРНОЙ АЗИИ: ЗАПАДНО- СИБИРСКОЕ ВРЕМЯ	120
Маркин С.В. АЛТАЙ В ПЕРИОД ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЙ СТАДИИ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА	126
Медведев В.Е. О ХРОНОЛОГИИ МАЛЫШЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ: НОВЫЕ РАДИОУГЛЕРОДНЫЕ ДАТЫ ДЛЯ ПОСЕЛЕНИЯ ГАСЯ	130
Новиков А.Г., Горюнова О.И., Долганов В.А., Батракова Н.А. НОВЫЕ НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ ПРИОЛЬХОНЬЯ (ОЗЕРО БАЙКАЛ)	136
Оводов Н.Д., Васильев С.К., Мартынович Н.В., Гуляев А.А. ФАУНА ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ ЛИСТВЕНКА НА СРЕДНЕМ ЕНИСЕЕ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ)	141
Попов А.Н., Табарев А.В., Учияма Ю. НЕОМАР – НОВЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПРОЕКТ ПО АРХЕОЛОГИИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА	146
Постнов А.В., Зольников И.Д., Гуськов С.А., Челваков Л.М. К ВОПРОСУ О СТРАТИГРАФИЧЕСКОМ ПОЛОЖЕНИИ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ВДОЛЬ ЧУЙСКОГО ТРАКТА В ДОЛИНАХ ЧУИ И КАТУНИ	149
Чикишева Т.А., Васильев С.К., Орлова Л.А. ЗУБ ЧЕЛОВЕКА ИЗ ПЕЩЕРЫ ЛОГОВО ГИЕНЫ (ЗАПАДНЫЙ АЛТАЙ)	156
Шуников М.В., Агаджанян А.К. К ОЦЕНКЕ МИКРОКЛИМАТА ДЕНИСОВОЙ ПЕЩЕРЫ	162

АРХЕОЛОГИЯ ЭПОХИ ПАЛЕОМЕТАЛЛА И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Алкин С.В., Нестеренко В.В., Васильев С.Г., Колосов В.К. ИССЛЕДОВАНИЯ НА ГОРОДИЩЕ УСТЬ-ЧЁРНАЯ В СРЕТЕНСКОМ РАЙОНЕ ЧИТИНСКОЙ ОБЛАСТИ	168
Бобров В.В., Васютин А.С. НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ КЕРАМИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ КОНЦА I – НАЧАЛА II ТЫС. Н.Э. НА ВЕРХНЕЙ ОБИ	173
Бобров В.В., Герман П.В. ПОГРЕБЕНИЕ СЕЙМИНСКО-ТУРБИНСКОГО ВРЕМЕНИ В АЧИНСКО-МАРИИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ	178
Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. ИЗДЕЛИЯ ШОРСКИХ ОРУЖЕЙНИКОВ В АРСЕНАЛЕ РУССКИХ СЛУЖИЛЫХ ВОИНОВ В ЮЖНОЙ СИБИРИ	184
Бородовский А.П., Бородовская Е.Л. ОБСЛЕДОВАНИЕ ПРИБРЕЖНЫХ ТЕРРИТОРИЙ ОЗЕРА МАНЖЕРОК	188

Варенов А.В., Митько А.О., Митько О.А. СЯНЬБИЙСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ С ПОЯСНЫМИ УКРАШЕНИЯМИ ИЗ РАЙОНА ЯНЬЧИ БЛИЗ ГОРОДА ЭРЭН-ХОТО	193
Васильев С.К., Деревянко Е.И., Алкин С.В. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ ФАУНИСТИЧЕСКИХ ОСТАТКОВ ИЗ ТРОИЦКОГО МОГИЛЬНИКА В АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ	199
Бердникова Н.Е., Воробьева Г.И. НОВЫЙ ЭТАП ИССЛЕДОВАНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ ИРКУТСКОГО ОСТРОГА	202
Волков Д.П., Кудрич О.С., Савченко Т.П. МИХАЙЛОВСКИЕ ГОРОДИЩА НА РЕКЕ ГОРБЫЛЬ В АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ	207
Горюнова О.И., Новиков А.Г., Воробьева Г.А., Вебер А.В., Лозей Р.Дж., Номоконова Т.Ю., Орлова Л.А. ПРОДОЛЖЕНИЕ РАБОТ РОССИЙСКО-КАНАДСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В БУХТЕ САГАН-ЗАБА НА БАЙКАЛЕ	212
Гришин А.Е. НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОГРЕБАЛЬНОЙ ПРАКТИКИ АНДРОНОИДНОГО НАСЕЛЕНИЯ БАРАБЫ (МОГИЛЬНИК ТАРТАС-1, ГРУППА Б)	216
Деревянко А.П., Ким Бонгон, Алкин С.В., Нестеров С.П., Субботина А.Л., Хон Хёну, Ю Ынрик СОВМЕСТНЫЕ РОССИЙСКО-КОРЕЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТРОИЦКОГО МОГИЛЬНИКА В АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ В 2007 ГОДУ	222
Деревянко А.П., Шуньков М.В., Цыбанков А.А., Ульянов В.А. ИЗУЧЕНИЕ ГОЛОЦЕНОВЫХ СЛОЕВ В ВОСТОЧНОЙ ГАЛЕРЕЕ ДЕНИСОВОЙ ПЕЩЕРЫ	228
Дядьков И.Г., Полосьмак Н.В., Адайкин А.А., Богданов Е.С. ГЕОФИЗИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КУРГАНА ХУННУ МОГИЛЬНИКА НОИН-УЛА (СЕВЕРНАЯ МОНГОЛИЯ)	234
Заика А.Л., Краснолуцкий С.А., Дроздов Н.И., Березовский А.П. О СЕВЕРНОЙ ГРАНИЦЕ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОКУНЕВСКИХ ИЗВЯЯНИЙ	240
Зубова А.В. НЕКОТОРЫЕ ПАЛЕОПАТОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ЭПОХ РАЗВИТОЙ И ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ	244
Казанский А.Ю., Безрукова Е.В., Кривоногов С.К., Молодин В.И., Матасова Г.Г., Чемякина М.А., Абзаева А.А., Летунова П.П., Кулагина Н.В. РЕКОНСТРУКЦИЯ СРЕДЫ ОБИТАНИЯ ДРЕВНЕГО ЧЕЛОВЕКА ДЛЯ КОМПЛЕКСА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ У ОЗЕРА БОЛЬШАЯ ЛОЖКА	249
Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Орлова Л.А., Папин Д.В. ХРОНОЛОГИЯ БРОНЗОВОГО ВЕКА НА АЛТАЕ (ПРОБЛЕМЫ РАДИОУГЛЕРОДНОГО ДАТИРОВАНИЯ)	255

Киришин Ю.Ф., Иванов Г.Е., Шагин А.Б., Папин Д.В., Федорук А.С., Раиткин С.С., Тырышкина Ю.Ю.	
НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ С ПОСЕЛЕНИЯ КАЛИНОВКА II В КУЛУНДИНСКОЙ СТЕПИ	260
Киришин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С.	
ИССЛЕДОВАНИЯ ПОСЕЛЕНИЯ ЖАРКОВО III В ЦЕНТРАЛЬНОЙ КУЛУНДЕ	264
Киришин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С., Шагин А.Б., Дядьков П.Г., Чемякина М.А., Позднякова О.А.	
КОМПЛЕКСНЫЕ АРХЕОЛОГО-ГЕОФИЗИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МОГИЛЬНИКА РУБЛЕВО VIII	268
Киришин Ю.Ф., Семибратов В.П., Матренин С.С., Грушин С.П., Киришин К.Ю., Шмидт А.В.	
ИССЛЕДОВАНИЯ ПОГРЕБАЛЬНЫХ И ПОМИНАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ В ЗОНЕ СТРОИТЕЛЬСТВА АЛТАЙСКОЙ ГЭС В 2007 ГОДУ	273
Комиссаров С.А.	
К ЭТНОГЕНЕЗУ МОНГОРОВ (ТУ)	278
Кубарев В.Д.	
КАЛБАК-ТАШ II: ПАМЯТНИК НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА АЛТАЯ	282
Кубарев В.Д., Со Гилсу, Кубарев Г.В.	
ЗАВЕРШЕНИЕ РАБОТ НА ПЕТРОГЛИФАХ ХАР-ЯМАТЫН-ГОЛ (МОНГОЛЬСКИЙ АЛТАЙ)	288
Кубарев Г.В.	
ТЕЛЕНГИТСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ ЮЖНОГО АЛТАЯ	293
Кубарев Г.В., Со Гилсу, Кубарев В.Д., Цэвэндорж Д., Лхундэв Г., Баярхуу Н., Ким Хый Чхан, Кан Сом, Чжон Вон Чхоль	
ИССЛЕДОВАНИЕ ДРЕВНЕТЮРКСКИХ ПАМЯТНИКОВ В ДОЛИНЕ РЕКИ ХАР-ЯМАТЫН-ГОЛ (МОНГОЛЬСКИЙ АЛТАЙ)	298
Кулик Н.А., Мыльникова Л.Н., Нохрина Т.И.	
ИСТОЧНИКИ СЫРЬЯ ДЛЯ КАМЕННОЙ ИНДУСТРИИ ПАМЯТНИКА ЛИНЕВО-1	304
Лабеецкий В.П.	
ИЗДЕЛИЯ ИЗ ГРИФЕЛЬНЫХ КОСТЕЙ КРУПНЫХ ЖИВОТНЫХ НА ПАМЯТНИКАХ ЧИЧА-1, ОМЬ-1 И ЛИНЕВО-1	309
Ларичев В.Е., Паршиков С.А.	
ПРОТОХРАМ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И УСТРОЕНИЯ ВСЕЛЕННОЙ: «ЗОНА ЖИЗНИ» И БОЖЕСТВА ЗУРВАНО-ЗОРОАСТРИЙСКОЙ ТЕОГОНИИ И МИФОЛОГИИ В НАСКАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ СЕВЕРНОЙ ХАКАСИИ	313
Молодин В.И.	
СТАВРОГРАФИЯ В СИБИРИ	319
Молодин В.И., Кобелева Л.С.	
КЕРАМИКА САРГАТСКОГО ОБЛИКА ГОРОДИЩА ПЕРЕХОДНОГО ОТ БРОНЗЫ К ЖЕЛЕЗУ ВРЕМЕНИ ЧИЧА-1	325

Молодин В.И., Парцингер Г., Гришин А.Е., Новикова О.И., Соловьёв А.И., Гаркуша Ю.Н., Марченко Ж.В., Пиецонка Х., Казакова Е.А.	
РЕЗУЛЬТАТЫ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПАМЯТНИКА ТАРТАС-1 В 2007 ГОДУ	329
Молодин В.И., Соловьёва Е.А., Соловьёв А.И.	
КОЛЛЕКЦИЯ ДОГУ УНИВЕРСИТЕТА ТОХОКУ (РЕСПУБЛИКА КОРЕЯ)	334
Молодин В.И., Чемякина М.А., Позднякова О.А.	
АРХЕОЛОГО-ГЕОФИЗИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКА ПРЕОБРАЖЕНКА-6 В БАРАБИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ	339
Мыльникова Л.Н., Кобелева Л.С., Дураков И.А., Мжельская Т.В., Савин А.Н., Сяткин В.П.	
ИССЛЕДОВАНИЯ КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА ЗАРЕЧНОЕ-1 В 2007 ГОДУ	345
Мыльников В.П., Молодин В.И., Парцингер Г., Цэвэндорж Д., Слюсаренко И.Ю., Гаркуша Ю.Н.	
НОВОЕ О КОНСТРУКЦИЯХ ПОГРЕБАЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ ИЗ ДЕРЕВА У НОСИТЕЛЕЙ ПАЗЫРЫКСКОЙ КУЛЬТУРЫ В МОНГОЛЬСКОМ АЛТАЕ	349
Новикова О.И.	
К ПРОБЛЕМЕ ВЫЯВЛЕНИЯ РИТУАЛЬНЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ НА ПОСЕЛЕНИЯХ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГОРОДИЩА ЧИЧА-1)	355
Розовской Е.О., Новосельцева В.М., Кустов М.С., Швецов Д.Л.	
МНОГОСЛОЙНОЕ ПОСЕЛЕНИЕ АДОРМА В СЕВЕРНОМ ПРИАНГАРЬЕ (КРАТКИЙ ОБЗОР РЕЗУЛЬТАТОВ РАБОТ В 2006 ГОДУ)	359
Ситников С.М., Васильев С.К., Кирюшин К.Ю.	
АНАЛИЗ ФАУНИСТИЧЕСКИХ ОСТАТКОВ С ПОСЕЛЕНИЯ НОВОИЛЬИНКА III	363
Собольникова Т.Н.	
РЕКОНСТРУКЦИЯ ПРОЦЕССОВ ОРНАМЕНТАЦИИ ПОСУДЫ НА ПОСЕЛЕНИИ НИЖНЯЯ ТУНУСКА I	367
Соловьёв А.И.	
К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ ТИПОЛОГО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИКАХ ЗАЩИТНОГО ВООРУЖЕНИЯ ЭПОХИ РАЗВИТОЙ БРОНЗЫ	371
Сотникова С.В.	
КРЕМИРОВАННЫЕ ОСТАНКИ В АНДРОНОВСКОМ (ФЕДОРОВСКОМ) ПОГРЕБАЛЬНОМ РИТУАЛЕ	374
Табарев А.В., Бородовский А.П.	
ЗАЩИТНЫЙ ДОСПЕХ ИЗ ОРГАНИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ У АБОРИГЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОЙ АЗИИ И СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ	378
Тишкин А.А.	
ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ В ЗАПАДНОЙ МОНГОЛИИ И НА АЛТАЕ	382

Худяков Ю.С.	
РАСКОПКИ МОГИЛЬНИКА УЛУГ-ЧОЛТУХ В 2007 ГОДУ	388
Чемакина М.А., Дядьков П.Г., Маништейн А.К., Позднякова О.А.	
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ГЕОФИЗИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА БУГРЫ	392
Черемисин Д.В.	
ИССЛЕДОВАНИЕ ПЕТРОГЛИФОВ ЮГО-ВОСТОЧНОГО АЛТАЯ В 2007 ГОДУ	398
Шульга П.И.	
ОБ ОСНОВНЫХ ЭТАПАХ ЭВОЛЮЦИИ КОНСКОГО СНАРЯЖЕНИЯ НА САЯНО-АЛТАЕ В РАННЕСКИФСКОЕ ВРЕМЯ	403
Эпов М.И., Молодин В.И., Каюров К.Н., Чемякина М.А., Маништейн А.К., Сухорукова К.В., Напреев Д.В., Адайкин А.А.	
ГЕОФИЗИЧЕСКАЯ ДИАГНОСТИКА СТРУКТУРЫ «ЗАМЕРЗШИХ» КУРГАНОВ УКОКА, НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ	407

ЭТНОГРАФИЯ

Антропов Е.В.	
УСТОЙЧИВОСТЬ ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ГОРОДСКОЙ МОЛОДЕЖИ (ПО ДАННЫМ АНКЕТИРОВАНИЯ В НОВОСИБИРСКЕ)	414
Бадмаев А.А.	
ПИЩА ИЗ РЫБЫ В СИСТЕМЕ ПИТАНИЯ БУРЯТ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В 1999, 2006 ГОДАХ)	419
Базлова М.В.	
ОТНОШЕНИЕ ПРИНИМАЮЩЕГО НАСЕЛЕНИЯ К МИГРАНТАМ И ИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ОПРОСОВ ВЦИОМ В 2006–2007 ГОДАХ И ДАННЫМ АНКЕТИРОВАНИЯ В НОВОСИБИРСКЕ)	423
Болонев Ф.Ф.	
КАВАЛЕРЫ И СУКНОДЕЛЫ МУХОРШИБИРСКОЙ ВОЛОСТИ ЗАПАДНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ (КОНЕЦ XVIII – НАЧАЛО XIX ВЕКА)	427
Бурнаков В.А.	
СОЮЗ ВОИНСТВУЮЩИХ БЕЗБОЖНИКОВ В КАМПАНИЯХ ПО «РАСПАМАНИВАНИЮ» В ХАКАСИИ В 1920-Х ГОДАХ	431
Войтишек Е.Э.	
КЛАССИЧЕСКИЙ ЯПОНСКИЙ РОМАН «ГЭНДЗИ- МОНОГАТАРИ» КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ИГРОВЫХ ТРАДИЦИЙ ЯПОНИИ (К ВОПРОСУ О ВЗАИМОВЛИЯНИИ ИГРОВОЙ КУЛЬТУРЫ КИТАЯ И ЯПОНИИ)	435
Глушкова Т.Н., Октябрьская И.В.	
ТРАДИЦИИ ТКАЧЕСТВА У КАЗАХОВ БУХТАРМЫ (ВОСТОЧНО-КАЗАХСТАНСКАЯ ОБЛАСТЬ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН)	439

Голубкова О.В.	
ФОТОГРАФИЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ВОСТОЧНО-СЛАВЯНСКИХ И ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ ПРИУРАЛЬЯ И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (ПО ПОЛЕВЫМ МАТЕРИАЛАМ 2000-х ГОДОВ)	443
Ковальчук Ю.С.	
КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПРЕССА КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ	447
Коровушкин Д.Г.	
РАССЕЛЕНИЕ И ЧИСЛЕННОСТЬ УКРАИНЦЕВ НА ТЕРРИТОРИИ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XXI ВЕКА)	451
Любимова Г.В.	
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ХРИСТИАНСКИХ И ЯЗЫЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ В ПОЛИЭТНИЧНОМ СООБЩЕСТВЕ АЛТАЯ В XIX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕДИЦИИ В ЧЕМАЛЬСКИЙ РАЙОН РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ)	457
Люцидарская А.А.	
ПРОТИВОСТОЯНИЕ ЖИТЕЛЕЙ СИБИРСКИХ ГОРОДОВ СТИХИЯМ ВОДЫ И ОГНЯ В XVII СТОЛЕТИИ	461
Майничева А.Ю.	
МЕМУАРЫ ЯПОНСКИХ МОРЯКОВ О РУССКИХ В СИБИРИ. КОНЕЦ XVIII – НАЧАЛО XIX ВЕКА	465
Николаев В.В.	
ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕМЕЙНОЙ ОБРЯДНОСТИ СОЛТОНСКИХ КУМАНДИНЦЕВ. 1920–1950-е ГОДЫ	469
Охотников А.Ю., Смирнова Н.Е.	
НЕМЦЫ СИБИРИ: ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА	473
Павлова Е.Ю., Келина И.С.	
ПРАЗДНИК ТУН ПАЙРАМ И СОВРЕМЕННЫЕ НАРОДНЫЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОМЫСЛЫ В РЕСПУБЛИКЕ ХАКАСИЯ	477
Самушкина Е.В.	
ПРАЗДНОВАНИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ 300-ЛЕТИЮ ДОБРОВОЛЬНОГО ВХОЖДЕНИЯ ХАКАСИИ В СОСТАВ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА. СИМВОЛИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО СОВРЕМЕННОЙ ПРАЗДНИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ	481
Татаурова Л.В.	
ПАМЯТНИКИ РУССКИХ XVIII–XIX ВЕКОВ КАК ЭТНОАРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК	485
Тихонов С.С.	
ЭТНОГРАФО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС «АЙТКУЛОВО» В СРЕДНЕМ ПРИИРТЫШЬЕ	488
Фурсова Е.Ф.	
ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ В ДНЕВНИКАХ И ЗАМЕТКАХ БЕЛОРУССКОГО ПЕРЕСЕЛЕНЦА В.В. ЩАСТНОГО	491
Шитова Н.И.	
ОДЕЖДА УЙМОНСКИХ СТАРООБРЯДЦЕВ: ТЕХНОЛОГИЯ И МИРОВОЗЗРЕНИЕ	495

ВОПРОСЫ МЕТОДИКИ И ОРГАНИЗАЦИИ ИССЛЕДОВАНИЙ

<i>Василевский А.А., Грищенко В.А., Кашицын П.В., Федорчук В.Д.</i> ОХРАННЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В НЕФТЕГАЗОВЫХ ПРОЕКТАХ НА САХАЛИНЕ В 1996–2007 ГОДАХ	500
<i>Майничева А.Ю., Бадмаев А.А., Буриakov В.А., Мыльников В.П., Нестеров С.П.</i> НАУЧНО-РЕСТАВРАЦИОННЫЕ РАБОТЫ В ИСТОРИКО- АРХИТЕКТУРНОМ МУЗЕЕ ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ ИАЭТ СО РАН	504
<i>Нохрина Т.И.</i> ПОНЯТИЕ «АДАПТАЦИЯ» В НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ	508
<i>Холошикин Ю.П., Воронин В.Т., Костин В.С.</i> ИТОГИ ПЕРВОГО ЭТАПА РАЗРАБОТКИ ОН-ЛАЙНОВОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО СТАТИСТИЧЕСКОГО ПАКЕТА	511

Научное издание

**ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ,
ЭТНОГРАФИИ, АНТРОПОЛОГИИ СИБИРИ
И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ**

ТОМ XIII

Материалы Годовой сессии
Института археологии и этнографии СО РАН 2007 года

Технический редактор *И.П. Гемуева*
Дизайнер обложки *А.А. Фурсенко*

Подписано к печати 00.00.2007 г. Бумага офсетная. Формат 60×90/16
Усл. печ. л. 32,7. Уч.-изд. л. 33. Тираж 300 экз. Заказ № 153.
Цена договорная.

Издательство Института археологии и этнографии СО РАН
Лицензия ИД № 04785 от 18.05.2001 г.
630090, Новосибирск, пр-т Академика Лаврентьева, 17.